ISSN 1999-2629

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

POLITICAL LINGUISTICS

1(39)'2012

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(39)’2012

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2012

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктоф философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед.наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПОЛЯКОВА

П50 **Политическая лингвистика** / Гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2012. Вып. 1(39). – 268 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим Министерство образования и науки РФ за материальную поддержку проекта в рамках госзадания № 6.2985.2011 — «Политическая метафорология».

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 1 (39)
Подписано в печать 15.03.2012. Формат 60x84/8.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. – 31,0. Тираж 500 экз. Заказ 3829.
Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2012
© Политическая лингвистика, 2012

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

1(39)'2012

Editor-in-Chief
Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:
Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board
Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)
John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)
Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 10

ДИСКУССИИ

Дементьев В. В.
Саратов, Россия
Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвонарциссизме» 11

Скребцова Т. Г.
Санкт-Петербург, Россия
Еще раз об истории американской когнитивной лингвистики 17

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Васильев А. Д.
Красноярск, Россия
Игры в слова: современные *национальные* загадки 19

Плотникова Г.Н., Доценко Е.Г.
Екатеринбург, Россия
Теория и практика сопоставительной политической метафорологии 36

Карасик В. И.
Волгоград, Россия
Лингвосемиотическое моделирование ценностей 43

Руженцева Н. Б.
Екатеринбург, Россия
Адаптационная стратегия и фактор адресата в газетно-журнальном и политическом дискурсах: заголовочный комплекс и основной текст 51

Седых А. П.
Белгород, Россия
Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В. В. Путина и А. Меркель) 57

Сипко Й.
Прешов, Словакия
Фрагменты языковой картины *брежневского* периода в Словакии 68

Шустрова Е. В.
Екатеринбург, Россия
Карикатурные образы Барака Обамы 74

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Атрошенко О. В.
Екатеринбург, Россия
Русская народная хрононимия в советском и постсоветском идеологическом пространстве 84

Баранова А. А.
Екатеринбург, Россия
Политические субъекты в программах радиостанций «Эхо Москвы» и «Радио России» 92

Кудрявцев А. Г.
Челябинск, Россия
Толерантность в языковой картине мира. Этнокультурная специфика и политические факторы, влияющие на концепт «толерантность» в национальном сознании 99

Руженцева Н. Б.
Екатеринбург, Россия
Култышева И. В.
Нижний Тагил, Россия
Коммуникативная стратегия перепрограммирования в GR-текстах 104

Лаппо М. А.
Новосибирск, Россия
Официальный vs неофициальный дискурс: две стратегии национальной самоидентификации 109

Мардиева Л. А.
Казань, Россия
В поисках комического: стилистическая трансформация вербально-визуальных образов плаката в структуре газетных текстов 114

Мартьянов В. С.
Екатеринбург, Россия
Дискурс цитирования в риторике российских элит 120

Михайлова Т. В.
Михайлов А. В.
Красноярск, Россия
Вера и правда в текстах Ивана Пересветова как часть политической терминологии Московского царства, или Чему турецкий султан может научить русского царя 127

Мурай Е. В.
Москва, Россия
Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом и автобиографическом дискурсах 132

Наумов К. Д.
Саратов, Россия
Функционирование идиом на базе славянских языческих представлений в русском политическом дискурсе 136

Нахимова Е. А.
Екатеринбург, Россия
Историческая динамика прецедентных онимов: окказионализмы, неологизмы, архаизмы и историзмы 144

Нехорошева А. М.
Тамбов, Россия
Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель 147

Плотникова А. В.
Пятигорск, Россия
Обращение к национальному менталитету и национальной системе ценностей как средство речевого интеллектуального и эмоционального воздействия на общественное сознание в инаугурационных речах президентов США 151

Шабанова Т. А.
Екатеринбург, Россия
Образ американской женщины глазами феминисток США 158

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Алексеева М. Л.
Екатеринбург, Россия
Переводческие пояснения во времени и культуре 162

Буряковская В. А.
Волгоград, Россия
Глянцевый журнал как феномен массовой культуры: речевое и прагматическое представление 169

Воркачев С. Г.
Краснодар, Россия
Инициатива и послушание: к аксиологической вариативности лингвоконцепта 173

Демидова К.И.
Екатеринбург, Россия
Словарь лексики говоров Среднего Урала как лингвокультурологический источник 181

Доценко Е.Г.
Екатеринбург, Россия
Интерпретируя С. Беккета: проблемы перевода классики «абсурда» 185

Кукса И. Ю.
Калининград, Россия
Синтаксические экспликаторы авторской модальности в газетном тексте (на материале «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостей» XVIII в.) 190

Кусова М. Л.
Екатеринбург, Россия
«Умный — дурак»: специфика репрезентации интеллекта в пространстве русского языка 195

Ловцова О. В.
Екатеринбург, Россия
Социофренический дискурс в романе Е. Клюева «Андерманир штук» 200

Пестова Н. В.
Екатеринбург, Россия
Спецификация концепта «blau» в русских поэтических переводах ... 204

Сидорова О. Г.
Екатеринбург, Россия
Феномен транскультурации в современной литературе США ... 209

Степаненко О. А.
Курган, Россия
Концепт «свой — чужой» в языковой биографии немецкого этноса ... 215

Тихомирова А. В.
Екатеринбург, Россия
Новая жизнь старого символа: *лапоть* в культурно-языковом пространстве современной России ... 222

Хренова А. В.
Новокузнецк, Россия
Исторические особенности развития концепта *President* в американской концептуальной системе ... 229

Шутёмова Н. В.
Пермь, Россия
Типологическая доминанта текста в переводе стихотворения М. Ю. Лермонтова «Предсказание» ... 235

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Зубакина Т. Н.
Екатеринбург, Россия
Метафора как категория мысли и языка ... 241

Носек И.
Пер. с англ. Т. Н. Зубакиной
Использование метафор Уинстоном Черчиллем ... 243

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Дзюба Е. В.,
Плотникова Г.Н.
Екатеринбург, Россия
Лингвокультурные особенности президентского дискурса ... 249

Иванова С. В.
Уфа, Россия
Реальный мир виртуальной политической рекламы ... 252

Каргаполова И. А.
Санкт-Петербург, Россия
Нормы в научной коммуникации ... 258

Пирогов Н. А.
Бабенко Л.Г.
Екатеринбург, Россия
Перспективные направления лингвистики: Диссертационные советы Екатеринбурга в 2011 году ... 260

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» ... 266

CONTENTS

EDITORIAL 10

DISCUSSIONS

Dementiev V. V.
Saratov, Russia
On the evaluation and absolutization in linguistic research works: to the discussion of A. D. Shmelev with A. V. Pavlova and M. V. Bezrodny of «lingonarcissism» 11

Skrebtsova T. G.
St. Petersburg, Russia
On the history of American cognitive linguistics again 17

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Vasiliev A. D.
Krasnoyarsk, Russia
Word game: contemporary *national* riddles 19

Plotnikova G. N., Dotsenko E. G.
Ekaterinburg, Russia
Theory and practice of comparative political metaphorology 36

Karasik V. I.
Volgograd, Russia
Linguosemiotic modelling of values 43

Ruzhentseva N. B.
Ekaterinburg, Russia
Propaganda strategy and addressee factor in newspaper and magazine political discourse: title complex and the text 51

Sedykh A. P.
Belgorod, Russia
Ideological elements in phraseology of political leader (on the basis of discourses of V. V. Putin and A. Merkel) 57

Sipko J.
Prešov, Slovakia
Parts of language picture on *Brezhnev* period in Slovakia 68

Shustrova E. V.
Ekaterinburg, Russia
How Barack Obama looks like in American caricature 74

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Atroshenko O. V.
Ekaterinburg, Russia
Russian national chrononyms in the Soviet and Postsoviet ideological space 84

Baranova A. A.
Ekaterinburg, Russia
Political subjects in radio programs of «Ekho Moskvy» and «Radio Rossiyi» 92

Kudryavtsev A. G.
Chelyabinsk, Russia
Tolerance in linguistic worldview. Ethnocultural specificity and political factors affecting the concept of tolerance in national worldview 99

Ruzhentseva N. B.
Ekaterinburg, Russia
Kultysheva I. V.
Nizhny Tagil, Russia
Communicative strategy of reprogramming in GR-texts 104

Lappo M. A.
Novosibirsk, Russia
Official vs unofficial discourse: two strategies of national self-identification 109

Mardieva L. A.
Kazan, Russia
The stylistic transformation of visual and verbal images of a poster in the structure of newspaper texts ... 114

Martyanov V. S.
Ekaterinburg, Russia
Rhetoric of Russian elites: the citing discourse ... 120

Mikhaylova T. V., Mikhaylov A. V.
Krasnoyarsk, Russia
The "Faith" and "The Truth" in the texts by Ivan Peresvetov as a part of the political terminology of the Kingdom of Moscow, or What the Turkish Sultan can teach the Tsar of Moscow ... 127

Muray E. V.
Moscow, Russia
Frame "Politician" in the English-language biographical and autobiographical discourses ... 132

Naumov K. D.
Saratov, Russia
Idioms functioning on basis of the Slavonic pagan conceptions whithin Russian political discourse ... 136

Nakhimova E. A.
Ekaterinburg, Russia
Historical dynamics of precedent names: occasionalisms, neologisms, archaisms, historisms ... 144

Nekhorosheva A. M.
Tambov, Russia
Communicative self-representation peculiarities of the German political leader Angela Merkel ... 147

Plotnikova A. V.
Pyatigorsk, Russia
Appeal to national mentality and national system of values as a means of speech, intellectual and emotional influence on the public cosciousness in inauguration speeches of the US presidents ... 151

Shabanova T. A.
Ekaterinburg, Russia
Image of a woman as viewed by the US feminists ... 158

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Alekseyeva M. L.
Ekaterinburg, Russia
Diachronic study of translator's explanations ... 162

Buryakovskaya V. A.
Volgograd, Russia
Glossy magazine as a phenomenon of mass culture: speech and pragmatic conception ... 169

Vorkachev S. G.
Krasnodar, Russia
Initiative and obedience: to axiological variability of concept in language ... 173

Demidova K. I.
Ekaterinburg, Russia
«Dictionary of dialectal words of the Middle Urals» as a lingoculturological sourse ... 181

Dotsenko E. G.
Ekaterinburg, Russia
Interpreting Samuel Beckett: Russian absurdist translations and performances ... 185

Kuksa I. Yu.
Kaliningrad, Russia
Syntactic explicators of the author's modality in the newspaper text (based on "Sankt-Peterburgskije Vedomosti (The Saint-Petersburg Bulletins)" and "Moskovskije Vedomosti (The Moscow Bulletins)" of the XVIII century) ... 190

Kusova M. L.
Ekaterinburg, Russia
"Smart — Fool": the specifics of the representation of intelligence in the space of the Russian language ... 195

Lovtsova O. V.
Ekaterinburg, Russia
Sociophrenic discourse in the novel by E. Kliuev «Andermanir Shtuk» ... 200

Pestova N. V.
Ekaterinburg, Russia — Specification of the concept «Blue» in Russian poetry translations 204

Sidorova O. G.
Ekaterinburg, Russia — Phenomen of transcultural tendency in contemporary literature in the USA 209

Stepanenko O. A.
Kurgan, Russia — Concept «Friend-Foe» in language biography of the German nation 215

Tikhomirova A. V.
Ekaterinburg, Russia — New life of an old symbol: “Lapot’” (“Bast shoe”) in the the cultural-linguistic space of modern Russia 222

Khrenova A. V.
Novokuznetsk, Russia — Historical peculiarities of development of the concept *President* in the American conceptual system 229

Shutemova N. V.
Perm, Russia — Typological dominant of the poem «A foreboding» by M. Lermontov in translation 235

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Zubakina T. N.
Ekaterinburg, Russia — Metaphor as a category of thought and language 241

Nosek J.
Transl. by T. N. Zubakina — Winston Churchill’s use of metaphors 243

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Dziuba E. V., Plotnikova G. N.
Ekaterinburg, Russia — Lingo-cultural peculiarities of president’s discourse 249

Ivanova S. V.
Ufa, Russia — Real world of virtual political advertising 252

Kargapolova I. A.
St. Petersburg, Russia — Norms in scientific communication 258

Pirogov N. A., Babenko L. G.
Ekaterinburg, Russia — Topical problems of linguistics: Dissertation Councils of Ekaterinburg in 2011 year 260

Manuscripts requirements 266

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет очередной номер журнала «Политическая лингвистика».

Как и прежде, мы стремимся к узкой специализации с ориентацией на максимально широкий круг читателей. Наши авторы представляют различные научные школы и направления в России и в других странах.

Номер открывается статьей В. В. Дементьева, который продолжает дискуссию о лингвонарциссизме, начатую М. В. Безродным, А. В. Павловой и А. Д. Шмелевым.

Раздел «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике. Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои материалы доктора наук, профессора Л. Г. Бабенко (Екатеринбург, Россия), А. Д. Васильев (Красноярск, Россия), С. Г. Воркачев (Краснодар, Россия), В. В. Дементьев (Саратов, Россия), К. И. Демидова (Екатеринбург, Россия), Е. Г. Доценко (Екатеринбург, Россия), С. В. Иванова (Уфа, Россия), В. И. Карасик (Волгоград, Россия), И. А. Каргаполова (Санкт-Петербург, Россия), М. Л. Кусова (Екатеринбург, Россия), Н. В. Пестова (Екатеринбург, Россия), Г. Н. Плотникова (Екатеринбург, Россия), Н. Б Руженцева (Екатеринбург, Россия), А. П. Седых (Белгород, Россия), Й. Сипко (Прешов, Словакия), О. Г. Сидорова (Екатеринбург, Россия), Е. В. Шустрова (Екатеринбург, Россия).

Раздел «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

В разделе «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык статьи, написанные много десятилетий назад, но сохраняющие свою значимость для теории и истории науки.

Особую благодарность выражаем авторам раздела «Рецензии. Хроника».

Основные принципы нашего журнала таковы.

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за подбор и точность цитат, за возможные опечатки или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Мы не располагаем средствами для оплаты труда профессиональных переводчиков. Вполне возможно, что переводчики-волонтеры не всегда блестяще справляются со своей работой, но мы надеемся, что публикуемые переводы дают достаточно точное представление о содержании оригинальных текстов.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета journals.uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки на пересылку этого и предшествующих выпусков в печатном варианте.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

С уважением
и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов,

д-р филол. наук, доцент Эдуард Владимирович Будаев,

канд. филол. наук, доцент Мария Борисовна Ворошилова,

канд. филол. наук Даниил Олегович Морозов.

ДИСКУССИИ

УДК 811.161.1’27
ББК Ш141.2-7 *ГСНТИ 16.01.11* *Код ВАК 10.02.19*

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

ОБ ОЦЕНОЧНОСТИ И АБСОЛЮТИЗАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвонарциссизме»

Аннотация. *Статья продолжает дискуссию о «лингвонарциссизме» российских лингвистических исследований, начатую в прошлом номере нашего журнала статьями А. В. Павловой и М. В. Безродного и А. Д. Шмелева. Автор выступает против абсолютизации отдельных свойств языка и научных проблем в различных направлениях языкознания.*

Ключевые слова: *абсолютизация; криптолингвистика; тип языковой личности; концепт; хомскианство; универсальный семантический метаязык; Новомосковская школа изучения концептов.*

Сведения об авторе: *Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.*

Место работы: Саратовский государственный университет.

Контактная информация: *410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.*

e-mail: dementevvv@yandex.ru.

V. V. Dementiev
Saratov, Russia

ON THE EVALUATION AND ABSOLUTIZATION IN LINGUISTIC RESEARCH WORKS: to the discussion of A. D. Shmelev with A. V. Pavlova and M. V. Bezrodny of «lingonarcissism»

Abstract. *The article continues the discussion of «lingonarcissism» in Russian linguistic research works started in the previous issue of the magazine in the articles by A. V. Pavlova, M. V. Bezrodny and A. D. Shmelev. The author is against absolutization of certain language qualities and scientific problems in different spheres of linguistics.*

Key words*: absolutization; cryptolinguistics; type of language personality; concept; Chomskianstvo; universal semantic meta-language; New Moscow school of concept study.*

About the author: *Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.*

Place of employment: Saratov State University.

Вопрос, вынесенный в название статьи А. Д. Шмелева «Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением „лингвонарциссизма“?» [Шмелев 2011], меня поначалу удивил. Авторы статьи «Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма» [Павлова, Безродный 2011], против положений которой направлен полемический пафос статьи А. Д. Шмелева, вовсе не утверждали, что л ю б о е научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма», — а только выполненное в рамках популярного в настоящее время к у л ь т у р о л о г и ч е с к о г о направления: с привлечением широкого культурного контекста, с использованием понятия «национального характера».

Наверное, сегодня нет необходимости доказывать общую правомерность и научную ценность именно такого культурологического изучения русского языка и речи, то, насколько активно и во многом успешно развивается данное направление в России, где уже сформировался целый ряд научных центров (кроме Москвы — Волгоград, Воронеж, Иркутск, Екатеринбург, Кемерово, Саратов и др.), защищены, без преувеличения, сотни кандидатских и докторских диссертаций по данной проблематике.

В то же время, как довольно часто бывает в случае особенно активного развития какого-либо научного направления, в некоторых исследованиях и предлагаемых моделях размываются границы рассматриваемых явлений. В современной культурологической лингвистике объединяются (а во многих весьма почтенных работах и цитируются в «чисто научных» контекстах, в теоретических разделах, т. е. с целью раскрыть важнейшие теоретические положения данной концепции) и *философские* Фрейд и Юнг, и *эстетские* Ницше и Борхес, и *приземленный* Карнеги, и *игривый* Берн, а также многочисленные мемуарные, биографические, путевые заметки, дневники, хроники, принадлежащие перу наивных практиков (например, билингвов, эмигрантов и т. д.) и практиков-профессионалов (например, психологов, проводящих тренинги) и, разумеется, писателей и публицистов. В этом отношении многие работы, публикуемые в современных изданиях в разделах «лингвистика», и даже диссертации, защищаемые по лингвистическим специальностям, иногда мало отличаются от очерченного круга *малопочтенных* и *несерьезных* (с их же точки зрения) изданий — разве что разительно меньшим числом читателей...

В таких лингвистических, и особенно окололингвистических исследованиях действительно иногда встречается то, что с некоторой натяжкой может быть названо *лингвонарциссизмом*.

В. Н. Базылев [Базылев 2009] говорит даже о появлении в этом ряду целого направления — «*криптолингвистики*», основными целями которой провозглашаются повышение интереса к родному, русскому языку, повышение его роли, влияния и оценки в мире, наконец,

© Дементьев В. В., 2012

заявление «об истинной функции и миссии России» [Там же]. В этом отношении весьма красноречивы цитаты, приводимые В. Н. Базылевым: *Можно предположить, что геоситуация на этой планете устроена таким образом, что именно эта часть суши с живущим на ней народом является источником всего и координатором всего* <...> *Русские заботятся о человечестве как мать заботится о своем дитя. Таких подвигов не совершал ни один народ* <...> *Россия была и остается центром мира. Отсюда вышло человечество* <...> *Она остается хозяйкой мира* <...> *Россия делает все, чтобы не допустить невозможности недостижения человечеством некой высшей цели, о которой мы пока еще не знаем* [Драгункин 2005: 36]; *В рамках рассматриваемой темы следует подчеркнуть значение определений „священный язык“, „священная книга“ или „священное писание“. Жрецы и посвященные знали всегда, что язык по своей сущности является не только средством межчеловеческого общения, но и средством общения человека с Космосом (Всевышним, Богом, системой Высшего Разума и его Иерархией). Священным языком мог быть только внутриприродный язык с внутриприродной смысловой матрицей. Этому языку должен соответствовать „святой алфавит-письмо“, полученный путем „божественного откровения“, то есть из Единого резонансного информационно-энергетического поля экстрасенсорным или пондемоторным путем через пророков, жрецов, экстрасенсов, контактеров.* <...> *Именно таким всегда являлся алфавит и язык, который в настоящее время называется русским. Священные алфавиты и языки, в частности такие, как: язык Моисея (исторического предводителя доветхозаветных иудеев), санскрит, греческий, латинский, имели основу русского алфавита и языка.* <...> *Данная работа представляет доказательства, что современный русский алфавит из 33-х букв и язык является тем самым святым алфавитом и языком, который может помочь человечеству продолжить свою эволюцию во Вселенной (если у человечества реально появится такое желание)* [Плешанов 2002: 13—16]. Данное направление становится особенно популярным в последние годы, хотя В. Н. Базылев пытается доказать его достаточно давние истоки (так, по его мнению, типичным криптолингвистом был Н. Я. Марр).

Думается, однако, что в таких случаях следует говорить все же не столько о лингвонарциссизме, сколько об общей о ц е н о ч н о с т и , каковая оценочность в лингвистических и — шире — научных исследованиях уже принесла немало бед.

Так, в начале XX в. широко обсуждалась пагубная роль оценочности в лингвистической типологии — а еще раньше это привело к беспрецендентному з а п р е т и т е л ь н о м у решению Французской академии о прекращении приема к рассмотрению работ по стадиальной типологии как типологии с неизбежностью оценочной [Алпатов 2001: 92]. Вот что писал по этому поводу Э. Сепир: *Один прославленный американский специалист по вопросам культуры и языка во всеуслышание изрек, что, по его мнению, как бы ни уважать говорящих на агглютинативных языках, все же для „флективной“ женщины преступно выйти замуж за „агглютинативного“ мужчину. Как будто ставились на карту колоссальные духовные ценности! Поборники „флективных“ языков привыкли гордиться даже иррациональностями латинского и греческого языков, за исключением случаев, когда им оказывается угодным превозносить глубоко „логический“ характер этих языков. Между тем трезвая логика турецкого или китайского языка оставляет их равнодушными. К великолепным иррациональностям и формальным сложностям многих „диких“ языков у них сердце не лежит. Сентименталисты — народ трудный!* [Сепир 1993: 119].

В этом отношении — по своей отрицательной роли в науке — ничем принципиально не отличаются от лингвонарциссизма как будто бы противоположные, но в такой же степени оценочные концепции, положения, высказывания, принадлежащие многим известным лингвистам (особенно в их популяризаторской деятельности).

Так, В. И. Жельвис в своей брошюре «Эти странные русские» (широко известная во всем мире серия «Внимание: иностранцы») описывает *русский национальный характер*, чередуя весьма тонкие наблюдения над культурой и языком с занимательным пересказом довольно тривиальных стереотипов: *Русские **любят** собираться в толпу.* <…> *не верьте русскому, когда он жалуется на переполненные автобусы: ему **нравится** эта полуразрушенная конструкция* <…> *Русские **предпочитают** соблюдать правила дисциплинированности, сдержанности, скромности, не желая выделяться на общем фоне* (выделено мною. — *В. Д.*). Как и следовало ожидать, рассуждения такого рода приводят В. И. Жельвиса к политическим (иногда весьма радикальным) оценкам государственного строя, социально-экономических формаций и т. д.: *Русским коммунистическим вождям было не так трудно заставить крестьян объединиться в колхозы, как коммунистам Восточной Германии, Польши или Румынии* [Жельвис 2002].

Такой оценочный подход, как правило, являющийся следствием популяризации и стереотипизации, иногда характерен и для работ по теоретическим проблемам общения: см. выделенные нами характеристики в описании И. А. Стерниным и М. А. Стерниной [Стернин, Стернина 2001] *американского коммуникативного поведения* в сравнении с русским: *Американцы обычно **честны** сами и предполагают честность тех, кто имеет с ними дело, с кем они сталкиваются, взаимодействуют. Привыкшие к честности американцы исключи-*

*тельно **доверчивы**, их легко обмануть, **особенно русским**. <…> Американское общение более деловито, прагматично, американцы **более правдивы** в сообщаемой собеседнику информации. <…> Русские **склонны к скромности** при самопрезентации, **не склонны хвалиться** своими успехами; американцы предпочитают агрессивную самопрезентацию. <…> Коммуникативное поведение носителей российской коммуникативной культуры можно охарактеризовать как более эмоциональное и **менее толерантное** по сравнению с американским*.

В этом контексте можно упомянуть также выделяемые И. А. Стерниным в русском коммуникативном поведении «коммуникативный пессимизм» и «этикетное бездействие»: оба термина имеют яркую, образную внутреннюю форму, хорошо запоминаются и имеют весьма высокий индекс цитирования в работах коллег-коммуникативистов, хотя обнаруживают несомненную тенденцию к оценочной стереотипизации. (Нашу критику данных терминов см.: [Дементьев 2010].)

Подобную «западно-критическую» точку зрения на русские культурные и коммуникативные приоритеты высказывает и лингвист-публицист Е. В. Клюев [Клюев2009], утверждающий, что поддерживаемый традиционной русской культурой *разговор по душам* противоречит неким «передовым» жизненным ориентирам (видимо, присущим людям «деловым», «прагматичным», «индивидуалистичным», ориентированным на западные ценности):

Жутковатое действо под названием „разговор по душам“. Спросите в такой момент собеседников: вы о чем сейчас? В ответ на вас посмотрят как на полного идиота: кому же, дескать, непонятно, что мы ни о чем сейчас! Идет разговор по душам, а у разговора по душам нет никакого „о чем“, нет контуров, нет начала и нет конца. В него погружаются, как в небытие: это только кажется, что собеседники еще живы, а на самом деле их больше нет. Они в полной прострации — и если сейчас внезапно закричать, сердце их разорвется от неожиданности.

Это русский транс, форма своего рода коллективной (даже если коллектив состоит всего лишь из двух человек) медитации — полное растворение в самодостаточной вербальности, когда великий и могучий несет нас по волнам своей свободной стихии. Если при таком русско-русском разговоре присутствует иностранец, для которого русский язык не родной, но — пусть даже и блистательно — выученный, у несчастного этого гостя начинает кружиться голова. И кружащейся своей головой он как-то вдруг понимает, что не знает он языка, что до настоящего знания ему дальше, чем до родины, и что никогда, никогда, никогда не удастся ему освоить ничего, кроме „Мы не рабы, рабы не мы“…

Речевые стратегии собеседников в таком случае могут быть описаны известным только и исключительно русскому человеку выражением — выражением, о которое сломались все иностранные языки мира: „Пойди туда, незнамо куда, и принеси то, незнамо что“. Кто из нас не помнит этой с детства любимой сказочки — с заданием, от которого у любого нерусского мороз бы по коже пошел! А у русского — ни малейшего мороза: задание как задание, чего особенного-то? Щас пойдем и принесем! И нечего раньше времени (тоже сугубо русское выражение: раньше какого времени — неважно!) огород городить. Ну и что же? Идут незнамо куда и приносят незнамо что: прямо как заказывали. Заказчики и те довольными остаются: никаких проблем.

А уж разговор-то незнамо какой незнамо о чем вести — самое привычное для нас дело. Это зарубежных наших партнеров от таких разговоров трясти начинает, нам же — хоть бы что. Для нас даже особое наслаждение, если беседа к тому же пришла, с чего началась, — вот уж отрада русскому сердцу, никаких обязательств! И не надо, вот только не надо нас к ответственности призывать: душа — штука непредсказуемая: сейчас „лежит“, через час — „не лежит“… имейте, стало быть, уважение. И что, что договаривались? Ну, договаривались. Договаривались, да получается, не договорились. Для чего же нам иначе в языке глаголы несовершенного и совершенного вида — вечный камень преткновения иностранцев — нужны? И хоть вы тут лоб расшибите, а ни в жизнь вам не понять, почему ответ „я читал этот контракт“ отнюдь не предполагает, что контракт „прочитан“. Читал, да не прочитал…

К сожалению, это касается не только популяризаторских или практико-рекомендательных (как пособие И. А. и М. А. Стерниных) работ. Крайняя о ц е н о ч н о с т ь — пусть не в столь утрированной форме, но по содержанию такая же — философских, эстетических, публицистических, антропологических и антропоцентрических положений общего характера, встречающихся и/или цитируемых в современных лингвокультурологических работах (начиная от возвышающих некритичных утверждений об «исключительности», «богоизбранности» и заканчивая унижающими, такими как «врожденное рабство» и «стихийная склонность к пьянству, воровству и погромам»), иногда просто поражает. Нечего и говорить, что все это в корне противоречит самому духу научного подхода.

В то же время вряд ли будет правильно определить роль оценочности в лингвистике как однозначно отрицательную.

Оценочность — распространенное явление во многих лингвистических моделях, например, при ранжировании и типологизации речевого материала в лингвоперсонологии [Нерознак 1996]. Так, «вертикальная модель» при изуче-

нии языковой личности предполагает не «простую фиксацию», а определение уровня культуры, владения языком/речью (объем языковой и коммуникативно-речевой компетенции), а также нравственного развития той или иной языковой личности. Это в большей степени аксиологическая/оценочная, стадиальная или онтологическая классификация, в которой за выделением разных типов языковых личностей стоит идея «роста», совершенствования; ср. такие типы, как элитарная ~ среднелитературная языковая личность; кооперативная ~ конфликтная; эгоцентрик ~ конформист ~ актуализатор; наконец, типы, выделяемые на основе склонности данной языковой личности к креативности/кооперации/инициативности. Здесь оценочность видна уже в названиях типов личностей.

В этом отношении показательна история терминов в широко известной классификации типов речевых культур В. Е. Гольдина и О. Б. Сиротининой. Напомним, первоначально исследователями выделялись пять типов: элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный и народно-диалекный [Гольдин, Сиротинина 1993]. Впоследствии, по причине оценочности слова *элитарный*, эта терминосистема была заменена на новую: полнофункциональный, неполнофункциональный, среденелитературный и обиходный типы как «естественно сформировавшиеся» и литературно-жаргонизирующий как искусственно созданный журналистами [Сиротинина 2003]. По нашему мнению, введение в классификацию литературно-жаргонизирующего типа полезно, поскольку отражает некоторые новые тенденции в речевой практике, однако в целом новая терминосистема является гораздо менее удачной: во-первых, термином *неполнофункциональная* следовало бы обозначать все типы, кроме элитарного, т. е. единственного полнофункционального, во-вторых, термин с «*не-*» *(неполнофункциональный)* вряд ли может обозначать более высокий уровень культуры, чем термин со «*средне-*» *(среднелитературный)* (так, противоестественно звучит формулировка в докторской диссертации Т. А. Милёхиной: «Уверенно констатируется ***не***полнофункциональный тип речевой культуры у Ф., который вырос в семье вузовских преподавателей» [Милёхина 2006: 333] — как похвала типу заведомо ущербному!). В-третьих, оценочность (оценочность слова *элитарный*) — вполне естественное явление в классификации вертикального типа.

В некоторых случаях оценочность, присущая той или иной модели, выступает как вполне объективный критерий, например, при определении уровня овладения иностранным языком взрослыми билингвами [Седов 2004] и родным языком — ребенком-монолингвом [Цейтлин 2009].

Таким образом, вертикальная модель в целом представляется и полезной, и естественной для задач речевого портретирования, хотя, конечно, характеристики такого рода следует давать очень осторожно.

Вообще говоря, отрицательная роль «лингвонарциссизма», по нашему мнению, определяется не столько оценочностью как таковой, сколько тем, что это — абсолютизация такой оценочности; абсолютизация же, применительно к языку или речи, какого-то одного свойства — неизбежно в ущерб другим свойствам — представляется нам гораздо более опасным явлением.

Многие случаи абсолютизации в разные периоды истории языкознания уже получили и широкое обсуждение, и заслуженную оценку, а в последующие периоды потребовалось много усилий для преодоления данных неверных и вредных установок: достаточно вспомнить абсолютизацию языковых структур в структурализме, как и абсолютизацию истории языков и языкового родства в предшествующий сравнительно-исторический период, вплоть до трагикомической истории со словом «рука», от которого, по мнению академика Марра, произошли «все вообще остальные слова» (включая, как известно, слово «жопа» [Жизнь языка 2001: 494]).

Именно от абсолютизации в современном культурологическом изучении русского языка на примере А. Вежбицкой и Новомосковской школы изучения концептов предостерегают А. В. Павлова и М. В. Безродный, имея в виду прежде всего абсолютизацию неогумбольдтианских идей.

Я, впрочем, не уверен, что в названных направлениях действительно имеет место абсолютизация неогумбольдтианства, и склонен согласиться с А. Д. Шмелевым в том, что «ярлык *„неогумбольдтианцы“* слишком расплывчат» [Шмелев 2011: 21]. Зато по своему опыту знаю, что в современной западной (прежде всего американской) лингвистике очень явной является абсолютизация хомскианства. Немного раньше мировая лингвистика страдала от абсолютизации универсалистских идей: *Подобные „мифологические“ универсалии выдвигались на разных этапах эволюции языкознания; они могут быть отмечены и в настоящее время (сюда относятся, например: утверждение о том, что грамматический строй или элементы грамматики не могут заимствоваться из другого языка; представление об определенной связи генеалогической и традиционной морфологической классификации языков; утверждение о том, что необходимым условием для усвоения чужеродного звука в заимствованных словах является наличие „пустой клетки“ в системе заимствующего языка; упрощенное представление о единстве глоттогонического процесса)* [Успенский 1970: 5]. В итоге абсолютизация универсализма в сочетании с абсолютизацией хомскианства привели к англоцентризму, который, по справедливому замечанию А. Вежбицкой, во многом до сих пор присущ современной запад-

ной лингвистике (так высоко оцениваемой А. В. Павловой и М. В. Безродным): *Этноцентризм, в особенности англоцентризм, всё так же свирепствует в прагматике* <...> *Конечно, нет ничего плохого в том, чтобы искать универсальные черты в человеческом коммуникативном поведении, но такое исследование не может быть успешным, если осуществляется в культурном вакууме. Англоязычные правила повседневного общения не должны абсолютизироваться как „человеческие и рациональные“, и все ссылки на „людей“ (типа „люди обычно осуществляют такие и такие инференции“), основанные на коммуникативных нормах, преобладающих в преимущественно англоязычных социумах, должны быть скорректированы посредством отсылок к социально, географически и исторически определенным „говорящим на английском языке“* [Вежбицкая 2007: 132].

Что касается школы А. Вежбицкой, ей, на мой взгляд, действительно присуща абсолютизация идей универсального семантического метаязыка. Не умаляя достижений А. Вежбицкой и ее последователей, описавших множество языковых, речевых, коммуникативных и культурных явлений в нескольких десятках языков в оригинальной («самопонятной» и, в идеале, преодолевающей этноцентризм) терминологии семантических примитивов, отмечу, что требования, с одной стороны, самопонятности и минимальности семантических примитивов, а с другой — требование универсальности в известной степени противоречат друг другу. При определении места того или иного явления в языке не может быть существенным, представлено ли данное явление за пределами данного языка и какое место занимает там, т. е. его универсальность или неуниверсальность. Преимущества описаний, осуществленных на метаязыке семантических примитивов, можно уподобить преимуществам литературы, которая была бы написана при помощи алфавита, состоящего только из самых простых в мире букв, при этом простота написания автоматически приравнивалась бы к распространенности. Вряд ли можно считать дополнительным достоинством данного метода и то, что осуществленные таким способом описания будут-де понятны всему человечеству, любому наивному носителю любого языка, «любому папуасу». Увы, нелингвисты не читают работ Вежбицкой; для многих же лингвистов далеко не очевидно, почему определения лингвистических явлений через посредство примитивов «лучше», чем традиционные лингвистические, филологические определения. Попробуйте-ка перевести на примитивы «Войну и мир», или объяснить специфику английской фонетики (например, межзубных согласных) неангличанам, или объяснить таким образом «любому папуасу», чем отличается вкус кари от вкуса чили!

Не избежала абсолютизации и Новомосковская школа изучения концептов, к которой принадлежит А. Д. Шмелев. Имею в виду прежде всего пространственное измерение практически всех ключевых (с точки зрения представителей данной школы) свойств русской концептосферы, представлений и идей, таких, как *душа*, *правда*, *дружба*, *отношения*, *гостеприимство*, *справедливость*, *милосердие,* а также концептуальных оппозиций типа *правда ~ истина*, *воля ~ свобода*, *простор ~ пространство*, *справедливость ~ законность*, *удаль ~ мужество*, *радость ~ удовольствие*, *жалость ~ сочувствие*. Все эти понятия сами по себе так сложны, многомерны и многообразны, что была бы ошибочной любая попытка привести их к одному знаменателю, в том числе к одному пространственному измерению: «Концепт „воли“ хорошо согласуется с пространственной (бытийной) ориентацией русского языка, а также с понятием стихии и стихийных действий. *Простор — воля — стихия* образуют единый комплекс» [Арутюнова 1999: 813]; «По сравнению с *волей свобода* в собственном смысле слова оказывается чем-то ограниченным, она не может быть в той же степени желанна для „русской души“, сформировавшейся под влиянием широких пространств» [Шмелев 2002: 73]. Дело доходит до выявления клаустрофобии в качестве черты русского национального характера! [Там же: 78].

Трудно согласиться и с гедонистическим объяснением значений ключевых слов русской культуры, тоже в конечном счете выводимым из чисто пространственных идей («*Простор* — это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда *есть разгуляться где на воле*» [Там же: 75]; обращается внимание на «различие между *пространством* как само собою разумеющейся системой координат и *простором* как источником радости» [Там же]). Думается, потребительски-гедонистическое отношение противоречит очень важной для этих слов нравственной оценке. Счастье, радость, восторг, восхищение (в том числе восхищение широкими *просторами)* действительно присутствуют в их семантике, но эти состояния *души* могут быть настоящими только в результате правильного нравственного выбора, когда к ним приходят ценой *жизни по правде,* соответствующей изначальному высокому, праведному, а вовсе не потребительскому предназначению человека (такова, по крайней мере, семантика этих слов). Не отрицая важности «пространственного» содержательного компонента для целого ряда безэквивалентных лексем русского языка *(даль, ширь, раздолье, приволье),* я считаю, что для понимания такого, например, русского концепта, как *гулять на воле,* конечно, важна идея отсутствия пространственных ограничений, но гораздо важнее идея внутренней свободы, *воли*, отсутствия пси-

хологического подчинения ограничениям, накладываемым не столько физически малым, тесным пространством, сколько социальным институтом, имеющим власть.

Именно абсолютизация, по моему убеждению, наносит сокрушительный удар по самой сути научного подхода, превращая «всё остальное» в слабо внутренне дифференцированный континуум; соответственно страдает теория, методика, терминология. Ср. следующие принадлежащие перу представителей Новомосковской школы формулировки в разделе о том, что, по всей видимости, могло бы быть определено как русские коммуникативные ценности: *Один из **ключевых сквозных мотивов** русской языковой картины мира — это внимание к нюансам человеческих отношений. <...> В основе слова родной **лежит совершенно особая идея**: я к тебе так отношусь, как будто ты мой кровный родственник. <...> Итак, для русской культуры родственные отношения **обладают** не только **огромной ценностью**, но и чрезвычайной эмоциональной насыщенностью. <...> Попрек **несет на себе печать** близких, часто семейных отношений, причем попрекаемый обычно уже и так находится в униженном или зависимом положении, попреки делаются как бы „сверху вниз“. Идея недопустимости попреков чрезвычайно органично вписывается в **закрепленную в русском языке систему этических представлений**. <...> Можно сказать, что **рисуемая русским языком картина** вполне аналогична евангельской идее, что, когда человек делает добро, его левая рука не должна знать, что делает правая…* и т. д. Как видим, для обозначения по сути *русских коммуникативных ценностей* [ср.: Ларина 2009: 57—90] исследователи используют целый набор (было бы преувеличением назвать его «системой») слабо внутренне дифференцированных номинаций. По-видимому, метаязык описания, используемый Анной А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелевым, и не претендует на звание строгой терминосистемы — по крайней мере, такое впечатление складывается из приведенных цитат, произвольно взятых из их большой коллективной статьи «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2002] и одноименной коллективной монографии [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], представляющей собой в основном перепечатку статей этих авторов, написанных с 1994 по 2003 г.

Конечно, здесь перечислены далеко не все аспекты проблемы оценочности, абсолютизации и «лингвонарциссизма» как явлений и тенденций, иногда присущих современной науке о языке, в том числе русском. Тенденции эти, при всех их различиях, имплицируют некую неявную, но ощутимую опасность. Ее, конечно, не следует преувеличивать, закрывая глаза на все хорошее, все ценное, что сделано в рамках того или иного подхода (например, лингвокультурологического), но и недооценивать тоже не стоит. Таким образом, необходимо четко представлять себе природу, место и роль в лингвистических исследованиях данных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В. М. История лингвистических учений. — М. : Языки славянской культуры, 2001.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М. : Языки славянской культуры, 1999.

Базылев В. Н. Политика и лингвистика: «великий и могучий…» // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29).

Вежбицкая А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. — Саратов, 2007. Вып. 5 : Жанр и культура.

Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. — Саратов : Изд-во СГУ, 1993. Вып. 25.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. — М. : Знак, 2010.

Драгункин А., Образцов А. В начале было слово. Русское. — СПб. : Андра, 2005.

Жельвис В. И. Эти странные русские. — М. : Эгмонт Россия Лтд, 2002. (Сер. : Внимание: иностранцы!)

Жизнь языка : сб. ст. к 80-летию Михаила Викторовича Панова. — М. : Языки славянской культуры, 2001.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М. : Языки славянской культуры, 2005.

Клюев Е. В. Русскость русских // Дружба народов. 2009. № 2.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М. : Языки славянских культур, 2009.

Милёхина Т. А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур) : дис. … д-ра филол. наук. — Саратов, 2006.

Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. — М. : Изд-во МГЛУ, 1996. Вып. № 426 : Язык. Поэтика. Перевод.

Павлова А. В., Безродный М. В. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38).

Плешанов А. Д. Русский алфавит — код общения человека с космосом. — М. : Новый центр, 2002.

Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. — М. : Лабиринт, 2004.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М. : Прогресс, 1993.

Сиротинина О. Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь. — М. : Флинта : Наука, 2003.

Стернин И. А., Стернина М. А. [ред.]. Американское коммуникативное поведение. — Воронеж, 2001.

Успенский Б. А. Проблема универсалий в языкознании // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1970. Вып. 5 : Языковые универсалии.

Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. — М. : Наука, 2009.

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. — М. : Языки славянской культуры, 2002.

Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38).

УДК 811.111.1'27
ББК Ш143.21-7 *ГСНТИ 16.01.13* *Код ВАК 10.02.19*

Т. Г. Скребцова
Санкт-Петербург, Россия

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. *Статья является откликом на рецензию на курс лекций Т. Г. Скребцовой «Конгитивная лингвистика», написанную А. П. Чудиновым и опубликованную в прошлом номере нашего журнала. Автор аргументированно отвечает на все замечания рецензента, касающиеся, в частности, «преувеличения» роли американской когнитивной лингвистики.*

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика; концептуальная метафора; бихевиоризм; генеративная теория; теория концептуальной метафоры; теория концептуальной интеграции.*

Сведения об авторе: *Татьяна Георгиевна Скребцова, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания.*

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: *199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11, каб. 184.*
e-mail: genling.spb@gmail.com.

T. G. Skrebtsova
St. Petersburg, Russia

ON THE HISTORY OF AMERICAN COGNITIVE LINGUISTICS AGAIN

Abstract. *This article is the answer to the review of the lecture course by T.G. Skrebtsova «Cognitive Linguistics». The review was written by A.P. Chudinov and published in the previous issue of this magazine. The authorof the course gives arguments while answering all the questions of the reviewer, regarding «overestimation» of the role of American cognitive linguistics.*

Key words: *cognitive linguistics; conceptual metaphor; behaviorism; generative theory; theory of conceptual metaphor; theory of conceptual integration.*

About the author: *Tatiana Georgievna Skrebtsova, Candidate of Philology, Assistainr Professor of the Chair of General Linguistics.*

Place of employment: St. Petersburg State University.

Статья А. П. Чудинова «Две когнитивных лингвистики» представляет собой рецензию на мою книгу «Когнитивная лингвистика: курс лекций» (СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011). Поскольку А. П. Чудинов является признанным специалистом в данной области, его отзыв имеет для меня существенное значение. Профессор Чудинов взял на себя труд подробно изучить книгу, и рецензия получилась развернутой, содержательной, хорошо продуманной и взвешенной. Для меня она важна как сама по себе, так и в качестве индикатора того, как моя книга будет восприниматься отечественными лингвистами. Именно поэтому считаю нужным ответить на выдвинутые замечания.

1. А. П. Чудинов обращает внимание на то, что в книге излагаются преимущественно американские теории когнитивной лингвистики и игнорируется вклад ученых из других регионов (прежде всего Европы) в ее развитие. Это действительно так, и объясняется данное положение вещей тем, что когнитивная лингвистика как научное направление зародилась в США и самые известные ее достижения связаны с именами американских ученых. На это я неоднократно указывала на страницах своей книги. Разумеется, в наши дни когнитивная лингвистика географически вышла за пределы США и содержательно расширилась. Было бы весьма интересно проследить ее развитие и подробно рассмотреть современное состояние в разных странах, но это была бы уже другая книга (и, скорее всего, не одна). Любой курс лекций вынужден ограничиваться наиболее заметными именами и теориями, уже ставшими «классикой» соответствующей области знания. Отсюда отмеченный рецензентом «перекос» в сторону американской когнитивной лингвистики.

2. В ответ на замечание о том, что у теории концептуальной метафоры были предшественники и когнитивные исследования метафоры начались раньше, чем вышла в свет знаменита книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона, должна заметить, что я отдаю себе в этом отчет, свидетельством чему служит сноска 1 на с. 34. Безусловно, профессору Чудинову как специалисту в области метафорологии известно о «долакоффском» этапе гораздо больше, и в своих публикациях он (в соавторстве с Э. В. Будаевым) сообщает читателям много интересного об истории когнитивных подходов к пониманию метафоры. В то же время несомненная заслуга Дж. Лакоффа и М. Джонсона заключается в том, что они смогли развить отдельные наблюдения и догадки о метафоричности мышления в целостную теорию. Другое дело, что эта теория, благодаря грамотному продвижению, приобрела широчайшую известность и вытеснила другие, менее заметные, но ценные достижения. В сложившейся ситуации остается радоваться, что у отечественного читателя есть книги А. П. Чудинова и Э. В. Будаева, восполняющие дефицит соответствующей информации.

3. Вопрос о том, кого из ученых следует причислять к когнитивной лингвистике, а кого — нет, конечно, весьма неоднозначен. А. П. Чудинов прав, когда отмечает сомнительность критериев и невозможность категорического ответа, но само название книги предполагает размышление на эту тему. Собственно говоря, рецензент упоминает все те различные подходы, которые я рассматриваю на страницах своей

© Скребцова Т. Г., 2012

книги. Вероятно, в самом деле, «полевой», или (в другой традиции) «прототипический» подход является наиболее разумным, так как он позволяет не очерчивать четкую границу, а рассуждать в терминах центральных и периферийных членов данного класса. На страницах своей книги я также высказалась в пользу такой точки зрения.

4. Основываясь на вышеупомянутом прототипическом подходе к членству в категории когнитивных лингвистов, я выделяю четыре фигуры, которые, как мне кажется, представляют своеобразное «ядро» данной категории, а именно Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Ж. Фоконье и Л. Талми. Профессор Чудинов ставит под сомнение обоснованность моего выбора: «Хотелось бы понять, почему в лидирующую группу входит именно четыре специалиста, а не пять или восемь? Подобное ранжирование ученых всегда вызывает некоторые опасения: не оказались ли „в примечаниях“ когнитологи, достойные иной оценки» [Чудинов 2011: 299]. С точки зрения «объективизма» (против которого, кстати, направлен дежурный пафос Дж. Лакоффа и других когнитивистов) должна признать справедливость упреков. Остается только вооружиться альтернативным лозунгом «субъективизма», активно продвигаемым сторонниками когнитивной лингвистики, и просто заявить, что это мой выбор. Другой автор, возможно, выберет другие персоналии, которых будет пять или восемь.

5. Отмечая близость двух из рассмотренных в книге теорий, а именно теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, профессор Чудинов недоумевает, почему их содержание излагается в разных главах. В качестве объяснения сошлюсь на общую структуру книги, в которой «изложение строится в большей степени по авторам, чем по темам» [Скребцова 2011: 25]. Такое решение мотивировано известными трудностями, с которыми сталкивается любой, кто пытается проводить параллели между различными когнитивными теориями, каждая из которых базируется на особых понятиях, оперирует специальными, нередко только ей присущими терминами, исследует свой предмет. Сказанное в полной мере справедливо и в отношении данных двух концепций. В то же время в книге есть раздел, посвященный сравнению их возможностей применительно к анализу метафорических выражений [Скребцова 2011: 189—190].

6. Анализ фундаментальных принципов когнитивной лингвистики и рассмотрение конкретных концепций в моей книге осуществляются путем сравнения с генеративной теорией. Так всегда строят свое изложение сами когнитивисты, озабоченные демонстрацией преимуществ своих подходов по сравнению с теми, что уже давно известны и широко применяются на практике, ведь мейнстрим американской лингвистики во второй половине XX в. (как теоретической, так и прикладной) — это, конечно, генеративизм. Поэтому, как я указываю во введении, когнитивисты всегда полемизируют по принципу «от противного», и этим «противным» (прошу прощения за каламбур!) для них является генеративная теория. Профессор Чудинов указывает, что для российских студентов, возможно, более полезным было бы сопоставление когнитивной лингвистики с отечественными теориями. Я согласна, что такое сопоставление важно, тем более что параллели имеют место. В некоторых местах книги я на них указываю, но этого, безусловно, недостаточно. С другой стороны, подобное сравнение, очевидно, требует отдельного исследования и книги под другим заголовком.

Что же касается замечания рецензента о том, что бихевиоризм и генеративизм мало известны нашей научной молодежи [Чудинов 2011: 299—300], позволю себе не согласиться с данным обобщением. В Санкт-Петербургском государственном университете уже не один год читаются курсы генеративной грамматики, и для этого, в частности, приглашаются зарубежные специалисты.

В заключение хочется выразить огромную признательность Анатолию Прокопьевичу Чудинову за многолетнюю поддержку, заинтересованное отношение к моим исследованиям, тщательную и внимательную работу по рецензированию монографии, важные и интересные наблюдения. Взгляд со стороны всегда полезен, тем более когда он принадлежит человеку компетентному и неравнодушному. Многие замечания профессора Чудинова представляют собой по сути не критические ремарки, упреки или пожелания, а готовые предложения для дальнейшей работы. Зарубежная когнитивная лингвистика недостаточно хорошо известна в нашей стране и представляет широкое поле для различных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Чудинов А. П. Две когнитивных лингвистики // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 296—299.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика : курс лекций. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81.161.11'27
ББК Ш141.2-7 *ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47* *Код ВАК 10.02.01*

А. Д. Васильев
Красноярск, Россия

ИГРЫ В СЛОВА: СОВРЕМЕННЫЕ *НАЦИОНАЛЬНЫЕ* ЗАГАДКИ

Аннотация. *Описываются и анализируются прагматика и семантика употребления слов* ***нация, национальность, национальный*** *в современном российском публичном дискурсе.*

Ключевые слова: *нация; национальный; национальность; прагматика; семантика; публичный дискурс.*

Сведения об авторе: *Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания.*

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

Контактная информация: *660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.*
e-mail: vasileva@kspu.ru.

A. D. Vasiliev
Krasnoyarsk, Russia

WORD GAME: CONTEMPORARY *NATIONAL* RIDDLES

Abstract. *Pragmatics and semantics of the usage of such words as* ***nation, nationality, national*** *in contemporary Russian public discourse are analyzed and described.*

Key words: *nation; nationality; national; pragmatics; semantics; public discourse.l*

About the author: *Vasiliev Aleksander Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics.*

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev.

Среди слов, используемых для манипуляций общественным сознанием, особое место принадлежит лексемам иноязычного происхождения. Если исходить из их градации по степени освоенности, то, конечно, наибольшего эффекта при проведении вербально-манипулятивных операций добиваются с применением самых «свежих» слов. Впрочем, и уже, казалось бы, привычные, давно вошедшие в речевой оборот носителей русского языка лексические заимствования либо слова с чужеязычными корнями также могут быть весьма действенными орудиями трансформаций сознания общества.

Замечено, что в числе прочих теоретических проблем, возникающих при восприятии и истолковании заимствованных в русский язык слов, на первый план выдвигается проблема лексикологическая: «В русском языке уже имеются слова того же или близкого значения, даже заимствованные, но уже раньше... Многие заимствования в русском языке получают совершенно новое значение, поскольку в том значении, которое у них было в языке-источнике, уже используются собственные, русские слова... На почве несовпадения значений произошло много неприятных событий. Так, *приватизация* 'присвоение (для себя)' от латинского privatio 'лишение, отнятие' было неверно понято большинством населения, что задним умом и было воспринято в обозначении *прихватизация*. Такая же ловушка случилась и при толковании терминов *суверенитет, демократия, секвестр, конституция* и др., что тоже лежит на совести идеологов» [Колесов 2004: 200—201]. Впрочем, кроме степени совестливости идеологов, есть и собственно лингвистические причины предпочтения заимствований в некоторых ситуациях.

Во многом это объясняется отсутствием у заимствованных корневых элементов так называемой внутренней формы. А. А. Потебня дал ей такое определение: «*Внутренняя форма* слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль... Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Это очевидно во всех словах позднейшего образования с ясно определенным этимологическим значением (*бык* — ревущий, *волк* — режущий, *медведь* — едящий мед, *пчела* — жужжащая и проч.)... Внутренняя форма кроме фактического единства образа дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть *представление*» [Потебня 1976: 115, 146—147].

В координатах современной лингвистики внутреннюю форму слова определяют как семантическую и структурную соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; это «признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова. Внутренняя форма слова мотивирует звуковой облик слова, указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков» [ЛЭС 1990: 85].

Конечно, слова иноязычного происхождения давно и традиционно оцениваются как благодатный материал для игры (обычно основанной на их ложной этимологии — вненаучной интерпретации внутренней формы) в литературно-художественных произведениях. Кроме хрестоматийно известных примеров из «Левши» Н. С. Лескова, назовем еще некоторые. Так, в репликах свахи Красавиной из пьесы А. Н. Ос-

© Васильев А. Д., 2012

тровского контаминированы *мораль* и *марать*: «... Какая мне радость, что всякое дело [сватовство] всё врозь да врозь. ... Всему нашему званию мараль» — «Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая мараль пойдет» [Островский 1972, 1: 295, 315]. На ложной этимологии слова *мотивировать* (от *мат* — 'нецензурная брань') строится подобная игра в речи старого капельдинера, персонажа М. М. Зощенко: «...Кириллыч наш как рявкнет, как рявкнет, собачий хвост... В одну минуту доказал, что он за какой бас. Ну, только за минуту гордости потерпел — очень его матевировали и после службы поперли» [Зощенко 1986, 1: 149] (сам писатель заявлял: «Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица» [Зощенко 1986, 1: 539]). Ср. наблюдения Я. К. Грота над мещанской речью: «Полуграмотный класс любит без ... надобности щеголять» (Грот Я. К. Филологические разыскания. СПб., 1873. — цит. по: [Земская 1957: 21]).

Несколько более изощренной игра с заимствованными словами (точнее, здесь присутствуют и варваризмы) оказывается в устах другого литературного персонажа — Николая I — при посещении им таможни: «Экспедицьон офицель» [expedition officielle (франц.) — официальная посылка; экспедиция — отделение почтамта], — сказал таможенный тихо. Ящики с такой надписью отправлялись на министерства, посольства и вскрытию не подлежали. Он [царь] посмотрел поверх должностных лиц, бесстрастно. «Expedition — это вы, — сказал он, — officielle — это я. Вскрыть» [Тынянов 1973: 476].

Иногда совершенно нежелательная и непредусмотренная игра слов возникает вследствие низкокачественного перевода иноязычного текста, ср. чрезвычайно распространенное в книгах и фильмах авантюрно-детективного жанра «офицер полиции» (хотя *officer* или *police officer* в подобных случаях на языке оригинала означает лишь 'полицейский', т. е. относится к зарубежному коллеге того, кого в России именовали либо «рядовым милиции», либо попросту «милиционером», ныне же сделали обладателем высокого звания *полицейский).*

Сегодня среди штампов, играющих заметную роль в процессе мифологизации окружающей действительности, к числу самых активных принадлежат следующие: *ситуация под контролем*; *взять (брать) ситуацию под (чей-л) контроль*; *контролировать ситуацию*; *выйти из-под контроля* и под.

Если в русском языке издавна привычными для его носителей являются существительное *контроль* (заимствованное, вероятно, из французского) со значением 'проверка, наблюдение с целью проверки' и производный от него глагол *контролировать* — 'подвергать контролю, проверять', то в английском языке *control* прежде всего 'управление, руководство'; 'власть' и под. По-видимому, в последние годы многие примеры употребления сочетаний *контролировать ситуацию*, *взять ситуацию под контроль* и т. п. являются неполными (частичными) кальками английских выражений вроде *to take control of the situation*, подразумевающих именно власть над происходящим, способность полностью и безраздельно управлять событиями, направляя их по своему усмотрению (типичные случаи такого использования: *Снегопад **вышел из-под контроля.** В Красноярске снег идет уже неделю. Завалены улицы...* [Новости // ТВК. 28.11.2009]; *Овны... **„Всё под контролем“** — вот ваш девиз!* [Гороскоп // РТР. 10.11.2009]).

Одной из причин внутренней противоречивости, смысловой невнятицы, бессодержательности сегодняшних высказываний, включающих сочетания *контролировать ситуацию*, *взять ситуацию под контроль*, *ситуация под контролем* и подобные, очевидно, является неразличение давнего и хорошо освоенного заимствования, с одной стороны, и современной неполной кальки — с другой. Такие устойчивые сочетания можно рассматривать и как один из многих штампов, вошедших в активное употребление не в последнюю очередь под влиянием синхронных переводов с английского. При использовании подобных выражений говорящий пытается имитировать слышанные им иноязычные («цивилизованные») образцы, вряд ли заботясь о смысловой точности высказывания, которое оказывается поэтому семантически неполноценным и коммуникативно малопригодным (подробнее см.: [Васильев 2003: 135—146]).

Примеры, демонстрирующие смысловую неадекватность (преднамеренную или нет — уже другой вопрос) употребления выражений вроде *контролировать ситуацию, контроль ситуации, взять ситуацию под контроль* и т. п., иллюстрируют еще один интересный лексикологический феномен, а именно приобретение давно заимствованным словом новой семантики под влиянием родственного языку-первоисточнику языка, позиции которого в современном мире стали доминирующими и который оказывает наиболее заметное влияние на русский (прежде всего на его лексику и характер ее употребления). То, что в результате подобных дискурсивных упражнений аудитория становится дезориентированной относительно интенции высказывания (кто-то то ли отстраненно наблюдает за ходом событий, то ли полновластно управляет их развитием), в конечном счете теперь уже можно не считать принципиально важным: штамп успел прочно закрепиться, и не только в российском публичном официозе. Сегодня мы встречаемся с гораздо более опасными (без преувеличения!) изощренными двусмысленностями манипулятивного свойства, также основанными на подмене базовой семантики давнего лексического заимство-

вания подновленной — с помощью выдвижения одного из его периферийных и прежде редко использовавшихся значений на первый план. В таких случаях очевидно целенаправленно используются слова, одновременно и общеупотребительные, и — в другой своей ипостаси — являющиеся элементами сразу нескольких терминосистем.

Неоднократно отмечалось, что степень научной разработанности терминов ряда наук далека от совершенства. Конечно, терминосистемы используются именно соответствующими специалистами, однако во всеобщем коммуникативном обороте находятся многие элементы терминосистем, принадлежащие одновременно нескольким научным дисциплинам. Подобные лексемы и устойчивые словосочетания зачастую становятся знакомыми широкой аудитории в основном через так называемые средства массовой информации. С одной стороны, таким образом СМИ выполняют просветительскую функцию, с другой, — исполняя волю своих хозяев, как обычно, манипулируют общественным и индивидуальным сознанием. Чаще всего это происходит за счет внедрения слов и словесных микроблоков, лишенных пропагандистами сколько-нибудь определенного значения (например, *перестройка, программа российских реформ, новое мышление*, *общечеловеческие ценности, правовое государство* и т. п.): иногда используется исконно русская лексика, иногда — заимствования, а также кальки и полукальки. Во многих случаях они употребляются не только без учета их истинной семантики и устоявшейся прагматики, но откровенно вопреки им, что объясняется задаваемыми идеолого-пропагандистскими установками. Так, например, в определенный период российские СМИ «Гайдара и его политическое окружение стали называть „неоконсерваторами“ — по аналогии с американскими президентами Р. Рейганом, Дж. Бушем и британским премьер-министром М. Тэтчер... Такое терминологическое калькирование западных социально-политических идеологем применительно к российской действительности явилось, мягко говоря, очень некорректным, поскольку речь шла о принципиально разных социальных мирах» [Шестаков 2005: 21]. С сугубо лингвистических позиций подобные феномены можно, конечно, рассматривать как частные факты интернационализации словарного состава языка, т. е. — в плане содержания — как примеры процесса выравнивания семантических структур лексем в контактирующих языках, превращения в понятийном плане лексических единиц из национальных в интернациональные [Дубичинский 1995: 6]. Однако следует учитывать, что такое нивелирование (особенно — применительно к социально-политической, экономической, юридической и некоторым другим терминосистемам) имеет весьма прозрачно выраженный характер: оно нацелено на трансформацию картины мира в массовом сознании носителей языка-реципиента, направленную на восприятие реалий в аспектах, которые угодны заказчикам «идеологической музыки».

Одной из ключевых манипулятивных новаций в дискурсе российских СМИ последних лет стала активная неупорядоченность (по всей вероятности, инспирированная и управляемая) употребления слов *нация, национальный* и этимологически и морфологически родственных им. Несомненная эффективность этой серии вербально-манипулятивных операций во многом предрешается издавна нестрогой очерченностью семантики ряда лексем с заимствованным корнем в русском языке. При этом специалистами не раз предпринимались (и предпринимаются по сию пору) попытки заключить названные термины в жесткие рамки дефиниций. Эти попытки имеют давнюю историю. Так, «…тема национального самосознания и национальной проблематики в целом были одним из главных для философов „первой волны“ российской эмиграции. При этом принципиально важным моментом для них был пересмотр одного из понятий, играющих сейчас в науке и в жизни исключительную по своему значению роль. Это — понятие нации» [Базылев 2005: 6].

Важность точного дефинирования в данном случае подчеркивается тем, что обозначаемые терминами *нация, национальный, национальность* сущности и свойства являются разновидностями воплощений такого универсального понятия, как «граница», и многих связанных с ним феноменов. Ср.: «Сущность противопоставления — это именно сама линия и то, что к ней примыкает с одной стороны... Не в том дело, что у такого-то народа есть такой-то устойчивый признак культуры, а у соседнего или соседних его нет или он в чем-то видоизменен. Нет, именно само это отличие и составляет факт культуры... Глубочайшей сущностью этнических (будь то этнопсихических, этнокультурных или этнолингвистических) противопоставлений является сама граница» [Поршнев 1973: 8, 12]. — «Граница может отделять живых от мертвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер» [Лотман 1996: 175].

Представляется целесообразным предварительно рассмотреть слова интересующей нас группы в диахроническом аспекте.

В качестве древнейшего первоисточника существительного *нация* называют латинский язык, в котором «natio — ‘происхождение, род’ > ‘племя’, ‘народность’, ‘класс’, ‘сословие’, ‘каста’, ‘порода’ [корень тот же, что в nascor (<gnascor) … naturs sum, nasci — рождаться, происходить]» [Черных 1993, I: 562] (ср.: natio — 1) ‘рождение, происхождение, род’; 2) ‘племя, народность, народ или нация’; 3) ‘класс, сословие, каста, разряд, слой’; 4) ‘порода’; 5) ‘сорт’; 6) ‘языческие племена’ [Дворецкий 1976: 662]).

Слова этого корня начинают осваиваться русским языком в Петровскую эпоху [История лексики 1981: 66]. Еще в «Книге систиме» Дм. Кантемира (1722 г.), текст которой насыщен заимствованиями, снабженными на полях глоссами, поясняется значение слова *нация* — ‘род’ [Веселитский 1972: 18], но уже в «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» *нація* — ‘народ руский, немецкий, польский и прочая’ [Лекс. в. н. 375, н. XVIII в. — КДРС]. Эта лексема употребляется с первой половины XVIII в. в текстах широкого функционально-стилевого диапазона, от официально-деловых до литературно-художественных: *Португалія не въ состояніи была и есть и будетъ впредь, чтобы войну иметь противъ Франціи того для, что* ***нація*** *ихъ вся несклонна къ войне и … склоннее къ французамъ, нежели къ другимъ* [А. К. V. Мем. 1711: 6]. *...Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна!.. Бьетъ челомъ шведской* ***націи*** *Петръ Брунатій...* [Мат. ист. АН, I: 240. 1727 г.]. *Ежели ваше благородіе далѣе во ономъ поступать изволите, то какъ здешней* ***націи,*** *такъ и иностраннымъ людемъ пріятнее будетъ* [Мат. ист. АН, I: 370. 1728 г.]. *Въ прежнюю перепись изъ церковниковъ Польской* ***націи*** *и изъ другихъ тому подобныхъ по желаніямъ ихъ, … приписаны къ купецкимъ людемъ...* [Гр. указ. О крест. 1746 г., 119]. *...Увидевши она [принцесса] его [Аридеса] движение и признавая за иностранного человека, … приказала спросить: какой онъ* ***націи****...* [Невидима. 236. 1789 г.] и др. [КДРС].

По-видимому, в это же время возникло в русском языке существительное *национальность*; его относят к незначительному числу новообразований на *-ость* [История лексики 1981: 165-166]; ср.: «...франц. nationalité передавалось как *национальность* еще писателями XVIII в.» [Сорокин 1965: 57].

Однако применительно к указанному периоду отмечают и некоторые семантические явления, сопутствовавшие освоению слов с корнем *нац-*, не являвшимися насущно необходимыми для русского лексикона, в котором издревле укрепились обозначение *народ* и многие его производные. Благоприятной сферой бытования иноязычной по происхождению лексики (наряду с исконной) оказываются развивающиеся научные и другие терминосистемы: «Активизация слов в сфере отвлеченной лексики сопровождается их терминологизацией, в этих случаях также наблюдается вариантность и углубляющаяся дифференциация наименований. Данные явления охватывают разные и весьма широкие слои лексики. Эти слова социального и общественно-политического содержания: *народ, народный (общенародный, всенародный), народность; национальный, национальность*» [Веселитский 1972: 272].

Русская лексикография первой половины XIX в. не фиксирует сколько-нибудь заметных различий в значениях названных слов, обычно используя одни из них для синонимического толкования других, ср.: «*нація* — ‘народ, племя, язык’. См. сіи слова» [САР$_2$, III 1814: 1257]; «*нація* — ‘народ, племя, язык’» [Сл. Соколова 1834: 1606]; «*национальный* — ‘народный’» [Сл. 1847] и т. п.

В то же время на употреблении указанных слов сказываются процессы, начавшиеся почти столетием ранее: «Заимствованные слова выражали еще такие оттенки понятия, что смысловое наполнение их и соответствующих им русских синонимов оказывалось всё же различным... Заимствованные слова, „удерживаясь вместе с оригинальными, — писал Белинский, — заключают некоторый оттенок в выражении при одинаковом значении, как слова: *народность и национальность“*» [Сорокин 1965: 57]. Ср. также ряд примеров [БКСО], в которых семантика слова *национальность* во многом определяется его конкретным контекстуальным окружением: ***Национальность*** *делает поэта и великим и ничтожным* (Белинск. Соч. VII, 169); *Вопрос о* ***национальности*** *в наше время так сильно поднят,.. узел этого вопроса в польском освобождении...* (Огарев. Избр. I, 539); *Разумеется, что, при такой обстановке, я был отчаянный патриот и собирался в полк; но исключительное чувство* ***национальности*** *никогда до добра не доводит* (Герцен. Былое и думы. Т. I. С. 17); *Есть ли какое-нибудь совокупное действие, которое не нашло бы себе оправдания в государственном единстве, в* ***национальности*** (Л. Толстой. Война и мир. Эпилог. ч. II, гл. VII); *У китайцев нет* ***национальности****, патриотизма и религии* (Гончаров. Фрегат «Паллада». т. II, гл. 6); *Черта* ***национальности*** *не только заметна сама по себе, но примешивается ко всем другим характеристическим чертам человека и сообщает каждой из них свой особенный оттенок* (Ушинский. О наружности в общественном воспитании, 62).

Интересно, что представители некоторых социально-политических течений вкладывали в семантику использовавшихся ими терминов свои, авторские созначения, что вызывало и критические замечания: *Славянофилы нашли точку опоры в* ***национальности,*** *или, как они любили неправильно выражаться, в* ***народности*** (Михайловский. Письма о правде и неправде. III (IV, 439)) [БКСО]. Такая характерная семантизация, видимо, дала возможность сделать вывод о том, что «славянофилы употребляли слова *народ, народный* в смысле „нация“, „национальный“ [Дудзинская 1983: 37]. Впрочем, сходное мнение высказывает современный политолог: «...из всего контекста творчества славянофилов следует, что речь надо вести не о „социально-классовом“ понимании ими термина *народность* (в смысле „любви к простому народу“), а о соответствии славянофильского термина *народность* современному термину *национализм* (не путать с шовинизмом, ксенофобией)» [Шестаков 2005: 41].

В советской лексикографии сложилась определенная традиция толкования многозначных слов с интересующим нас корнем: на протяжении десятилетий компоненты их семантической структуры передаются по существу в одной и той же иерархической последовательности, без радикальных различий в дефинициях.

Так, в качестве первого (то есть главного, основного) значения лексемы *нация* выступает следующее: ‘исторически сложившаяся часть человечества, объединенная устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры’ [СУ, II: 461]. Как показывает одна из цитат, иллюстрирующих данное значение, оно представляет собой слегка видоизмененное определение описываемого понятия, предложенное И. В. Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.) и с небольшими изменениями повторенное им в статье «Национальный вопрос и ленинизм» (1929 г., опубликована в 1949 г.) [Душенко 2006: 442]. Ср.: «*Нация* — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [СУ, II: 462]. Собственно, здесь учтены все ключевые категориальные признаки понятия, к тому же они логично ранжированы. Вероятно, это определение следует считать вполне объективным; по крайней мере, оно присутствует и в ряде позднейших академических толковых словарей русского языка, пусть и с незначительными вариациями: «*Нация* — 1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, характеризуемая общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада (проявляющегося в общности культуры)» [БАС$_1$ 1958, 7: 646]; «*Нация* — 1. Исторически складывающаяся на основе капиталистического или социалистического способов производства устойчивая общность людей, связанная с общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры и форм быта» [МАС$_2$ 1982, II: 414] (возможно, в последнем толковании отразилась необходимость упомянуть о нациях, ставших таковыми лишь с победой социалистического строя; введение же в привычную формулировку существительного *людей* («общность людей») вряд ли было столь же обязательным). Вот еще дефиниция: «*Нация* — 1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика» [ТСОШ: 398]. Здесь с давно известным («сталинским») определением различия тоже несущественны и состоят главным образом в синонимических заменах некоторых слов (хотя, пожалуй, примечательно присутствие термина «литературный»; согласно этому же словарю, *литературный язык* — «обработанная форма общенародного языка, обладающая письменно закрепленными нормами» [ТСОШ: 328], поэтому далеко не все владеющие общим для какой-либо территории национальным языком — общим для нее языком одной из наций, объединенных проживанием на данной территории, — могут с полным правом считать себя частью такой нации).

На второе место отечественные лексикографы разных исторических периодов (причем в некоторых случаях — с ограничительными пометами) выносят слово *нация* в ином значении — ‘государство’: «*Нация* — ... 2. п е р е н. государство (полит., дипл.). „Лига наций“. „Представитель дружественной нации“ [СУ, II: 462]; «*Нация* — ... 2. Государство» [БАС$_1$ 1958, 7: 646]; «*Нация*... 2. Государство, страна. „Представитель дружественной нации“. „Организация Объединенных Наций“ [МАС $_2$ 1982, II: 414]; «*Нация* ... 2. В некоторых сочетаниях: страна, государство». „Организация Объединенных Наций“ [ТСОШ : 398].

Вполне закономерно, что расположение частей словарных статей, посвященных производному от *нация* прилагательному *национальный,* в цитированных лексикографических изданиях во многом подобно иерархии значений производящего слова. Однако семантика деривата отнесена уже не ко второй, а к третьей по рангу позиции, что объясняется, вероятно, соответствующей степенью социальной востребованности каждого из значений.

Ср.: «*Национальный* — 1. П р и л. к *нация*. „Национальное единство“. „Мы уничтожили национальный гнет, мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие“. Стлн. 2. Свойственный данной нации, выражающий ее характер. „Н. костюм“. „Н. дух“. ... 3. Государственный, принадлежащий данной стране. „Н. флаг“. „Н. гимн“. „Национальное имущество“. // Распространяющийся на государство в целом; в общегосударственном масштабе. „Национальная федерация профессиональных союзов во Франции“. „Н. рекорд“. 4. П р и л., по значению связанное с общественно-политической жизнью наций и их взаимоотношениями. „Национальное движение“. „Национальная политика“ ... 5. Принадлежащий к национальному меньшинству (н о в.). „Местное национальное население“. „Национальные районы“. *Национальное меньшинство* или *нацменьшинство* (п о л и т.) — национальность, представляющая по численности меньшинство в сравнении с основной массой населения в государстве» [СУ, II : 461].

Приведем еще дефиниции: «*Национальный* — 1. Относящийся к нации, народности, связанный с их общественно-политической жизнью, интересами. 2. Свойственный данной нации, народности, выражающий ее характер, особенности. 3. Государственный, принадлежащий данной стране. „Национальный флаг“. „Национальный гимн“. 4. Относящийся к отдельной (малочисленной) народности» [БАС$_1$ 1958, 7:

645]; «*Национальный* — 1. Относящийся к нации (в 1 знач.), национальности (в 1 знач.). „Национальный вопрос“. „Национальные особенности“. „Национальное движение“... 2. Выражающий характерные особенности какой-л. нации, национальности, свойственные какой-л. нации, национальности. „Национальная культура“ ... 3. Относящийся к отдельной, малочисленной национальности. „Национальный район“ [$МАС_2$ 1982, II: 413—414]. Иногда (очевидно, в связи с установкой на ограниченность объема словарной статьи) толкование этого прилагательного не приводится; ср. «*Национальный*. „Национальные интересы“. „Национальное равноправие“ [ТСОШ: 398] (возможно, в подобных случаях семантизация всё же была бы целесообразной).

Круг сочетаемости прилагательного *национальный* почти в каждом из его значений, представленных в [$МАС_2$], очерчен в соответствующем словаре: «*Национальный* — 1. Такой, который относится к общественно-политической жизни нации, связан с ее интересами: *политика, вопрос, движение, интересы, права, равноправие, привилегии, гнет, единство, целостность, обособленность, противоречия, самоопределение, самосознание*... 2. Такой, который принадлежит данной нации; выражающий характерные особенности какой-л. нации, свойственный ей: *культура, искусство, литература, театр, музыка, танец, дух, обычай, традиция, характер, особенность, самобытность, одежда, костюм, головной убор, украшения*... 3. Государственный: *гимн, флаг, суверенитет, доход, имущество, федерация чего-л. (бокса, легкой атлетики...), рынок, рекорд, музей, парк*...» [Сл. сочетаемости 1983: 309] (правда, здесь не приводится значение самого слова *нация* — в словнике данного издания оно отсутствует, — что несколько снижает информативность цитируемой статьи).

Интересно, что и в некоторых современных толковых словарях при указании активизации использования прилагательного *национальный* в значении ‘относящийся к нации; связанный с отношениями между нациями’ [ТССРЯ 2001: 499] не приводится значение производящего слова. Поэтому, хотя часть иллюстративного материала данной статьи явно относится к привычной семантике лексем *нация* и *национальный („Там“ [в Узбекистане] они ощущают свое единство, соборность. И чем острее конфликты с местным населением* [но ведь русские, проживавшие в Узбекистане, тоже были частью «местного населения»? — А. В.], *тем ярче проявляется* ***национальное*** *самосознание русских* и др.), пример устойчивого словосочетания *национальное примирение*, толкуемого как ‘достижение, установление мира между нациями внутри государства’, очевидно, не соответствует такой дефиниции: *Выбор даты [перезахоронения останков императора] должен символизировать* ***национальное*** *примирение, необходимое России после 1917 года [СС, 30. 09. 94 — 06. 10. 94]* [ТССРЯ 2001: 499—500], — ведь и Октябрьская революция, и Гражданская война, насколько известно, в основном были конфликтами не межэтническими, а социальными.

Вероятно, заметную роль в недостаточно четком разграничении значений прилагательного *национальный* (определяемом иногда почти исключительно контекстом высказывания) сыграло и полисемичное существительное *национальность*. Это также можно наблюдать в ряде лексикографических изданий, фиксирующих в качестве первого (основного) значения совершенно аналогичное первому значению существительного *нация*. Например: «*Национальность* — 1. То же, что *нация*. „...Только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства“. Стлн. „Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей“. Конституция СССР. „В Советском Союзе все национальности равноправны“. „Пропаганда среди национальностей“. 2. Принадлежность к какой-л. нации. „По национальности русский“. „Установить н.“. 3. То же, что *народность* в 2 и 3 знач. „Н. искусства“ <ср.: *народность* — ... 2. Совокупность национальных черт, свойственных какому-л. народу. „Отстаивать свою н.“. 3. Степень соответствия кого-чего-н. с характерными свойствами народа. „Н. поэзии Пушкина“. — СУ, II: 414>. 4. Национальная обособленность, исключительность. „Отстаивать свою н.“. ... [СУ, II: 461] (заметим попутно, что, несмотря на идентичность речений-иллюстраций к знач. 2 лексемы *народность* и к знач. 4 *национальность*, коннотации толкуемых слов представлены как прямо противоположные: у первого из них оценочность мелиоративная, у второго — пейоративная).

Со временем в словарях у существительного *национальность* меняются и иерархия, и некоторые формулировки значений, и само их количество. Ср.: «*Национальность* — 1. То же, что нация, народность. 2. Принадлежность к какой-л. нации, народности. „Русский по национальности“. „Установить национальность“. 3. Национальная самобытность» [$БАС_1$ 1958, 7: 644]; «*Национальность* — 1. Принадлежность к какой-либо нации, народности. „Люди разных национальностей“. „Русский по национальности“. 2. То же, что *нация* (в 1 знач.) [$МАС_2$ 1982, II : 389]; (здесь *народность* в 1 знач. — «исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации» [$МАС_2$ 1982, II : 413]).

О характере использования прилагательного *национальный* в текстах официальных документов (в том числе законодательных актов) следует сказать особо. Приведем только некоторые примеры; как и ряд других, демонстрируемые явления рудиментарно сохраняют специфические черты употребления лексики об-

щественно-политической сферы недавнего прошлого. Справедливо было замечено, что «в советскую эпоху... в таких словосочетаниях, как „национальная школа“, „национальные языки“, „национальная литература“, определение „*национальный*“ имело значение „нерусский“» — ср. там же: «...„современный латышский рассказ“— но не „современный русский рассказ“» [Гербик 1997: 29 и далее]. Подобную квалификацию следует считать не самой полезной и плодотворной частью советского наследия (ср.: «Неловко вспоминать, как я предлагал Саше Вампилову для более быстрого прохождения „Утиной охоты“ провести ее по разряду „пьес национальных авторов“. Он немедленно отказался и, наверное, был уязвлен. Он считал себя русским писателем, был кровно связан с русской литературой, и любая снисходительность [т. е. преимущества, которыми обладали в СССР для карьерного роста и обретения высокого социального статуса представители иных национальностей, в том числе в области художественного творчества. — А. В.] ему была не нужна» [Ефремов 1982: 623]).

Эти любопытные терминологические традиции весьма устойчивы и до сих пор, например в лингвистике. Ср.: «русские **и** *национальные* деятели», «*национальные* **и** русские школы», «*национально* ориентированная (явно имеется в виду „не русская“ — А. В.) интеллигенция», по-иному, видимо, названная как «*национальная* интеллигенция» [Алпатов 2003: 22—24]. Известно, что «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61] и что «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992: 43]. «Поневоле», таким образом, складывается впечатление, что русские — **не** *национальные* («безнациональные») и *русский* — всего лишь синоним (эвфемизм? псевдоэвфемизм?) к слову *безнациональный*.

То же самое наблюдаем в текстах документов, официально регламентирующих российскую языковую политику. Например, в первой федеральной целевой программе «Русский язык» на 1996—1997 гг.: *...стратегия сохранения и упрочения сбалансированного **национально**-русского и русско-**национального** двуязычия* (эта же формулировка присутствует и в федеральной целевой программе «Русский язык» на 2002—2005 гг.). Одним из впечатляющих образчиков российского официозного новояза можно считать следующий пассаж из той же программы на 1996—1997 гг.: «Распространение русского языка в мире отвечает *национальным* **и** государственным интересам Российской Федерации». Загадочность тезиса определяется прежде всего тем, что даже искушенный читатель подобных многозначительных документов вряд ли сможет уяснить, какой именно смысл вкладывают составители-языкотворцы в прилагательное *национальный*. Если обновленно-глобалистский (этатический), то уже совсем непонятно разграничение *национального* — и *государственного*.

Занятно, между прочим, что в федеральной целевой программе «Русский язык (2006—2010)» среди прочих негативных явлений упоминается «ослабление *национальной* самоидентификации россиян». Хотя, согласно действующей конституции, каждый вправе указывать свою национальность (ч. 1 ст. 26), из паспортов граждан РФ соответствующая графа удалена. При этом, как известно, *россияне* — вовсе не нация (то есть не народ, не этнос), *россияне* — ‘жители, уроженцы России; граждане России’ [ТССРЯ 2001: 680]; из приведенной дефиниции следует, что это представители самых разных национальностей, и никакой «национальной самоидентификации», общей для них всех в этом статусе, быть попросту не может (подробнее см.: [Васильев 2008: 150]).

В документе «Концепция очередного этапа реформирования системы образования» (М., 1997), содержащем примерно в равных пропорциях благоглупости и подлинно зловредные предложения (большая часть этого реформаторского, а точнее деструктивного вздора уже в том или ином виде реализована), прилагательное *национальный* употреблено неоднократно — и каждый раз в «обновленном» значении. Здесь фигурируют и «*национальная* система контроля качества образования» (с. 17), и «программа приоритетной поддержки ведущих вузов России, составляющих ее *национальное* достояние» (с. 25), и «формирование *национальной* образовательной политики» (с. 31). Особенный интерес, конечно, вызвало «*национальное* тестирование» (с. 6, 16) — в то время эта замечательная формулировка породила предположения даже о проверке на расовую (этническую, национальную) принадлежность учащихся.

Следует сказать также, что и бывшее ранее первым и основным значение прилагательного *национальный* недавно довольно интересным образом обыгрывалось в соответствии с целями некоторых региональных политиков с получением некоей семантической контаминации.

Замечено, что «понятие полной независимости государства от других государств подменяется понятием *национального суверенитета*, т. е. представлением об особых правах титульной нации» [Колесов 2004: 202]. Совершенно естественно (но, конечно, вовсе не с точки зрения сохранения государственно-территориальной целостности России) введение формулировки *суверенные республики в составе Российской Федерации*, примененной и в наименовании, и в тексте Федеративного договора от 31. 03. 1992 г.: «Поскольку в точном терминологическом смысле *суверенитет* предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, постольку и эта формула поддержала декларации республик об их абсолютной внешней самостоятельности. Между тем все они находятся в

составе Российской Федерации, соучаствуют в решении федеральных проблем и самостоятельны только в своих внутренних делах, т. е. в том, что отнесено к их ведению» [Губаева 2004: 56]. И «несмотря на то, что Конституционный Суд РФ признал положения о суверенитете республик в составе Российской Федерации неконституционными и не подлежащими применению, пока еще нельзя утверждать, что „эксперименты“ региональных законодателей с термином *суверенитет* завершились» [Губаева 2004: 58 и далее].

Неоднократно отмечалось, что для представителей некоторых научных дисциплин, традиционно именуемых «общественными», смешение значений слова *нация* уже стало почти привычным и само собой разумеющимся: «Зачастую, особенно политологи и культурологи, пренебрегают различиями, которые установились между значениями слова *нация*, не разводят, как говорят логики, понятия, обозначаемые одним словом, совмещая в нем два смысла — *нация* как этнокультурная общность и как государственно-гражданская общность» [Сидельников 2001: 190] (см. также: [Фролов 2005а: 485]). Добавим, что то же самое относится и к использованию многочисленными гуманитариями прилагательного *национальный*.

Подобную чуть ли не нарочитую путаницу (лишь единожды прореженную и разбавленную пояснением) находим в весьма характерной публикации такого рода: *Опасность [для развития социальной системы] возникает тогда, когда некая частичная [партийная] идеология объявляется* ***национальной*** *(государственной) ... Обеспечить доступ каждого к опыту нации и человечества... Обеспечить доступ к* ***национальной*** *культуре каждому индивиду с минимальными затратами времени и средств. Требовалось найти форму, которая может быть для этого предъявлена каждому в качестве пропуска в* ***национальную*** *культуру ... Хранилищем национального сознания и* ***национальной*** *культуры вполне справедливо считался [?!] язык ... Язык демонстрирует не только неисчерпаемое богатство* ***национальной*** *культуры ... Блестящий пример конструктивного взаимодействия государства и* ***национальной*** *интеллигенции... Участие государства в формировании* ***национальной*** *идеологии* и т. п.; в довершение ко всей невнятице цитируемая статья называется «*Национальная* идеология и язык» [Мирский 1999: 105—107]. Однако возможно и то, что эта *национальная* головоломка играет роль некоего отвлекающего маневра, скрывая главную задачу статьи: в связи с принятием закона о свободе совести, «где были провозглашены четыре государственные конфессии в нашей стране», автор «хотел бы обратить внимание, что ... у трех из четырех — иудаизма, ислама, буддизма, — отсутствуют канонические тексты на любом языке Российской Федерации» [Мирский 1999: 108]. Действительно, вот уж досадное упущение для Российской Федерации как светского государства, в котором «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [Конституция РФ, ст. 14]. Кстати, и в федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (№ 125 ФЗ от 25.09.1997), на который ссылается цитируемый автор, сказано буквально следующее: *...уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России...*, — но, конечно же, вовсе не говорится о «провозглашении четырех государственных конфессий». Вероятно, и эта манипуляция не случайна.

Странное (вроде бы) непонимание семантических различий между русским *национальный* и английским *national* обнаруживается, например, в следующем пассаже: «Экспертами ЮНЕСКО в 1953 году было рекомендовано разграничить понятия „национальный язык“ (national language) и „официальный язык“ (official language)» [Бердашкевич 2000: 28]. В то же время предпринимаются активные попытки акцентировать и сделать приоритетным именно последнее значение, исходя из ориентации на идеальные с чьей-то точки зрения образцы. Таковы, например, лингвистические суждения политолога, как будто стремящегося к установлению истины, т. е. — в данном случае — выступающего за введение адекватности «отечественных версий [терминов] исходным [иноязычным]», поскольку семантические их (отечественных) наполнения чрезвычайно различны: *Так,* ***нация*** *и* ***национальность*** *упрямо [1] связываются в отечественном политическом дискурсе с кровно-родственным происхождением, тогда как исходная [непонятно, какая именно. — А. В.] версия концептуализирует „порождение“ как связь с территорией [?!]. Поэтому [!] одним из важнейших критериев принадлежности к* ***нации*** *является место рождения. Всякому родившемуся на территории США гарантируется предоставление американского гражданства. Соответственно, понятие* ***национальности*** *в англосаксонской культуре объединяет более конкретные* ***гражданство*** *и* ***подданство****. А термин* ***национал (national)*** *служит для обозначения не этнического меньшинства, а одновременно граждан и подданных. Вместо того, чтобы говорить „граждане США и британские подданные“, можно просто [!] сказать — „американские и британские* ***националы“*** [Ильин 1994: 131].

Любопытны по крайней мере некоторые умозаключения и предложения цитируемого автора. Несомненно, что «смысловая „целина“ заимствуемого слова [точнее, непроницаемость его внутренней формы для носителя языка-реципиента. — А. В.] создает предпосылки для его дерационализации, мифологизации» [Ильин

1994: 131] (хотя то же происходило и происходит с исконными словами — *перестройка, общечеловеческие ценности, правовое государство, гражданское общество* и т. п., — также служившими и служащими мифологизации, и политолог здесь по сути лишь предлагает новые мифогены). Однако чересчур смелой и вряд ли продуктивной следует считать попытку «вычленения *национальных* вариантов политических понятий, получивших международное хождение», что «потребует самостоятельного и очень скрупулезного анализа ... понятий, выражаемых созвучным вербальным знаком, восходящим к греческому первоисточнику»; для этого «нужен самостоятельный компаративный анализ национальных политических феноменов», а это, в свою очередь, «по силам только большому международному коллективу» [Ильин 1994: 132] (недифференцированность значений слова *национальный* — удачный фон и предлог для передачи вопросов собственной терминологии, как и российской экономики, в ведение очередных зарубежных консультантов).

Следовало бы также напомнить, что попытки ввести в широкий коммуникативный оборот существительное *националл* (ж. *националка)* уже имели место, но советской нормативной лексикографией оно к употреблению не рекомендовалось (по-видимому, как унизительное и даже оскорбительное по отношению к именуемым так людям). Ср.: «*националл* (простореч.). Употр. неправ. для названия лиц коренного населения национальных республик и областей» [СУ, II: 460]; «*националл* — разг. Неправильное название лиц коренного населения национальных республик и областей» [БАС$_1$ 7, 1958: 642]. Впрочем, кажется, так и осталось неизвестным, многие ли сограждане с восторгом приняли бы перспективу именоваться, например, *россиянскими националами* — наподобие жителей «цивилизованных» США и Британии.

Вполне объяснимо, что и лингвисты не раз обращались к вариантам семантизации слов интересующего нас корня и к толкованиям обозначаемых ими понятий. Иногда это делается в целях дополнительного пропагандистского обеспечения популяризируемых идеологических установок. Например, автор учебного пособия для будущих российских филологов, историков, культурологов, философов, теологов, социальных психологов заявляет: «В последующие [после «первобытно-общинной поры»] эпохи этничность (национальность) становится социокультурным измерением человека или группы людей, причем, согласно современному пониманию прав человека, национальное самоопределение индивида является его личным делом» [Мечковская 1998: 8]. Конечно, понятно стремление следовать моде (а, по точному суждению О. Н. Трубачёва, «моды в науке ах как сильны, и устоять против них бывает трудно и зрелым мужам науки, о женах я уж не говорю» [Трубачёв 2004: 162]), но по крайней мере для студентов-гуманитариев надо было бы четко объяснить, что такое «современное понимание прав человека», а также кем именно оно инициировано и распространяется. Далее обращаются к авторитетам: «Замечательный языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ, демократ и защитник прав национальных меньшинств, еще в 1913 г. писал, что „вопрос о национальной принадлежности решается ... каждым сознательным человеком в отдельности“; „в области национальности без субъективного сознательного самоопределения каждого лица в отдельности никто не имеет права причислять его туда или сюда“; „вполне возможна сознательная... принадлежность к двум и более национальностям или же полная безнациональность, точнее, вненациональность, наподобие безвероисповедности или вневероисповедности“» [Там же]. Понятно, что оценка лингвиста как «демократа и защитника прав национальных меньшинств» в чьих-то глазах является решающей и в высшей степени мелиоративной, чуть ли не дифирамбической, хотя названные качества, скорее всего, следствие некоторых лично-биографических обстоятельств цитируемого языковеда. Содержащийся же в этих трудах вариант решения национального вопроса сегодня несомненно симпатичен тем, кому близки идеи глобализации и у кого, как правило, есть про запас так называемая историческая родина, так что им временная безнациональность (вненациональность) более чем кстати, как и «принадлежность к двум и более национальностям». Понятно и то, кем поощряются подобные подходы: рукопись данного учебного пособия участвовала (несомненно, успешно) «в Открытом конкурсе учебных книг, проведенном Программой Белорусского фонда Сороса „Обновление гуманитарного образования“» [Мечковская 1998: 6].

Академик О. Н. Трубачёв, как известно, хорошо разбиравшийся не только в сфере своих профессиональных интересов, последовательно и оправданно понимал и применял термин *нация* прежде всего именно как обозначение этнокультурной общности. Анализ некоторых политтехнологических плетений словес позволил выдающемуся специалисту по этногенезу славян обоснованно утверждать, что «под прицел критики взята идея *национального* государства как якобы себя изжившая, муссируется государство *наднациональное* — очередной миф, пусть и обращенный якобы в будущее. В действительной, невыдуманной истории мы всегда имеем дело с *национальным* государствообразованием ... Предположить, что наше русскоязычное общество до такой степени утратит свою русскость, что доверит бразды правления какому-то *наднациональному, транснациональному* корпоративному руководству, можно, думаю, только в дурном сне» [Трубачёв 2004: 184—185]. Заметим, увы, что и дурные сны могут сбываться... Ведь ответ на вопрос «Кто будут эти „варяги“ — мировая финансовая оли-

гархия или „малый народ“, по терминологии Шафаревича? Или — два в одном?» [Трубачёв 2004: 185] уже был дан самым недвусмысленным образом, когда правление Ельцина стало, по сути, царствованием «семибанкирщины» (впрочем, это только самое откровенное, наиболее известное российскому обществу проявление подлинной роли «новых кочевников»; после «дела Ходорковского» их операции не получают широкой огласки, которой наверняка не хотят очень многие и по веским причинам: недаром же Б. Обама в июле 2009 г. заявил, что якобы не столь важно, кто именно виноват в так называемом мировом финансовом кризисе).

Однако и сегодня лингвисты не оставляют попыток разобраться в сложной категории этничности и связанных с нею понятий. Так, И. А. Шастина, справедливо считая раскрытие сущности феноменов «этнос», «этничность», «этническая идентичность» классической терминологической проблемой этнонауки [Шастина 2009: 4], видит главную трудность исследования этнонимов в размытости границ феномена *этничности*, а также в неопределенности сущности, дифференциальных признаков и функций таких феноменов, как *этнос, нация* [Шастина 2009: 10]; автор доказывает, что «основная функция этничности сводится к ориентированию человека в социокультурной „системе координат“ благодаря свойству пластичности — способности подвергаться временным и ситуативным трансформациям; этноцентризм представляет собой форму естественной реакции человека на неизвестное и есть проявление инстинкта самосохранения на уровне вида» [Шастина 2009: 13—14]. Кстати, небезынтересно также, что, при всеобъемлющем давлении политкорректности на ее исторической родине, «в сообществах иммигрантов [США] наблюдается стремление к сохранению этнической самобытности; этничность является важной эгоцентрической категорией для американцев любого возраста и этнической принадлежности» [Шастина 2009: 15].

Верность этих данных подтверждается многими свидетельствами. Например, ученый-гуманитарий, доцент МГУ О. Зацепина, последние шесть лет живущая в Нью-Йорке, сообщает: «Теорию плавильного котла [2] запустили в 30-е годы [в США], но если она сработала, то не совсем так, как предполагали ее создатели. Американцы стали терпимее к другим культурам, это правда. Но одновременно больше ценят собственную идентичность. В Америке никто не представляется как американец, там говорят: „Я — пуэрториканец, немец, ирландец, еврей, русский и пр.“. Люди осознали, что если человека что-то и выделяет, то в первую очередь культурная идентичность. Гордость своими национальными, этническими корнями очень характерна для современных американцев» [Лунина 2009: 91]. Отграничение по национальному признаку «чужих», вместе с тем оказывающееся и основой объединения «своих», представлено следующим образом в романе американского писателя: *„Нет, — печально возразил старик, — рыба с Мертвого моря для них недостаточно мертвая... Такая еда годится только для несчастных христиан“. Это упоминание об иноплеменниках, в котором сквозила пренебрежительная усмешка, как-то по-особенному соединило всех троих, и внезапно они предстали в новом свете. На губах старика играла чуть заметная умная и холодная улыбка, а женщины веселились безмерно, и все они отлично понимали друг друга. И теперь видно было, что они по-настоящему заодно — дети древнего, одаренного, всезнающего племени, — и со стороны, отчужденно, с насмешливым презрением глядят на темных и невежественных людей иной, низшей породы, не причастных к их познаниям, не отмеченных той же печатью* [Вулф 1982: 233].

Именно трудноразличимость (к тому же еще и стимулируемая) семантических границ между разными значениями терминов *нация, национальность, национальный* позволяет политтехнологам, пропагандистам и попросту платным либо бесплатным распространителям их установок (нельзя, впрочем, исключать и наличие трансляторов, искренне уверенных в истинности внушенного им, — в юридической терминологии подобные лица обозначаются как «добросовестные приобретатели») использовать смысловую диффузность таким образом, чтобы аудитория оказалась окончательно дезориентированной в отношении категории этничности, в том числе своей собственной.

Иногда слово *нация* используется в привычном значении, хотя денотаты в таких случаях оказываются довольно интересными: *Президент Леннарт Мери отличился неустанной борьбой за свободу своей **нации.** ... Французский журнал назвал его „Европейцем года“ — это звание присваивается за поддержку европейской самобытности* [комментарий к информации о возможном закрытии русских школ в Эстонии из-за отсутствия их госбюджетного финансирования. — М. Кривцова // Доброе утро. ОРТ. 28.12.1998]. По-видимому, здесь речь идет об эстонцах как нации; ср.: «*эстонцы* (самоназв. — ээстласед), нация, осн. нас. Эст. ССР (948 т. ч.)...» [СЭС 1983: 1553], попытки же обретения ею государственности начались лишь после октября 1917 г. [Там же] и увенчались окончательным успехом вследствие активных усилий, в том числе тех же эстонцев, по развалу Советского Союза.

Можно предполагать, что этнический компонент является ведущим и в названии некоего очага культуры *(Евгений Миронов — художественный руководитель „Театра **наций**“* [Лучшие из лучших // RenTV. 03.02.2007]), и в запоздало прозорливом высказывании *(...Как будто кто-то сознательно или бессознательно пытается привить нам комплекс **нации** неудач-*

ников [А. Пиманов // Человек и закон. ОРТ. 03.02.2005]). В других же случаях понятийное наполнение слова *нация* оказывается весьма расплывчатым: *И среди евреев есть антисемиты... Писатель Эдуард Тополь в 1998 году призвал олигархов не позорить* ***нацию*** [Неделя // RenTV. 30.01.2005]. *Международный [это понятно. — А. В.] день цыган... Восемнадцатимиллионная цыганская* ***нация*** *[последнее словосочетание употреблено здесь трижды. — А. В.] ... Нет памятника цыганам — жертвам холокоста* [24 // RenTV. 09.04.2006]. Последнее слово в этой цитате — активно популяризируемое заимствование *холокост* (англ. *holocaust* — 1) ‘целиком сжигаемая жертва, всесожжение’; 2) перен. ‘уничтожение, гибель’). Хотя изредка и вскользь пока еще всё-таки упоминают, что в результате гитлеровской оккупации и геноцида «погибли не только евреи — десятки и сотни тысяч другой национальности» [А. Гербер, президент научно-просветительского центра «Холокост» // РТР. 04.05.1997], но показательно следующее заявление: «Всё более привычным становится слово *холокост*, а ведь славян было уничтожено почти в пять раз больше — 27 миллионов... Специального термина, обозначающего уничтожение славянских народов, пока не придумано» [Катастрофы недели // ТВ-6. 08.05.2000] («евреи — *нация*, которая нескромна по отношению к своим страданиям» [Есин 2002: 252]; по поводу последней этнической категоризации см., впрочем, ранее принятое: «*евреи* — общее этническое название *народностей,* исторически восходящих к древним евреям» [СЭС 1983: 422], т. е. они не квалифицируются как собственно *нация*).

По всей вероятности, замысел применить к значительной части бывшего *советского народа* именование *нация* (к тому же лишенное какой бы то ни было подлинно национальной — этнической — ориентации), замысел, который начали реализовать еще в правление Ельцина (видимо, по рекомендациям его безнациональных советников), — это одна из многих попыток наложить на внутрироссийскую ситуацию чужементальный иноземный трафарет в глобалистском духе. В неменьшей степени это и желание уподобиться Старшему Брату, и уведомление *(мессидж)* об этом для него же (дескать, у нас тоже всё, как у больших!). Ср.: *Президент Буш обратился к* ***нации****... — Для Бориса Николаевича роль лидера* ***нации*** *была смыслом жизни* [Новости // ОРТ. 14.03.2002]; также: *Как [нововведенный] День* ***народного*** *единства стал днем единства* ***нации...*** *Через какое-то время он станет* ***общенародным*** *праздником* [Край // Енисей-регион. 05.11.2007]; *Центр здоровья* ***нации*** [Территория здоровья // Афонтово. 15.09.2008]; *Знала ли новейшая российская история пример такого единения* ***нации?*** [после спортивных побед РФ в 2008 г. — Вести недели // РТР. 28.12.2008] и т. п.

Одновременно активно насаждается прилагательное *национальный* с обновленной семантикой, причем зачастую и в упоминаниях о событиях советской эпохи: *Модернизация системы* ***национальной*** *безопасности* [Вести // РТР. 29.10.2002]; *В СССР путч [в Чили] и убийство президента Альенде были восприняты как* ***национальная*** *трагедия* [Новости // ОРТ. 11.09. 2003]; ***Национальная*** *спортивная премия „Слава“* [Утренний разговор // РТР. 04.05.2003]; *Ежегодная* ***национальная*** *музыкальная премия* [Прима ТВ // 30.08.2003]; ***Национальная*** *театральная премия „Золотая маска“* [РТР // 06.04.2005]; *Российские дипломаты, прорывавшиеся в Ираке под выстрелами американских войск, были встречены в Москве как* ***национальные*** *герои* [И. Прокопенко. Военная тайна // Ren-TV. 21.09.2003]; *После битвы за Москву Жуков стал* ***национальным*** *героем России* [понятно, что имеется в виду, конечно, не Россия, но СССР; очевидно, метонимия здесь объясняется не только иноязычным и чужекультурным влиянием, но и табуизацией именования прежнего государства в российском теледискурсе. — Великий полководец Г. К. Жуков // ОРТ. 23.02.2005]; ***Национальный*** *договор о приватизации* [Времена // ОРТ. 19.06. 2005]; *Через два года в Мытищинском районе будет воздвигнуто* ***национальное*** *мемориальное кладбище...* [по-видимому, как своеобразный реформаторский вариант советских почетных захоронений у Кремлевской стены] *Потребуется три миллиарда рублей* [24 // RenTV. 23.04. 2008]; *Этот центр [в Кабардино-Балкарии] стал первой* ***национальной*** *площадкой [в России], где установлена система грозорегистрации* [Вести // РТР. 03.06.2009]. ***Национальный*** *перевозчик [«Аэрофлот»] увеличивает частоту рейсов* [Новости // 7к. 29.08.2008]; *„Аэрофлот“ — главный* ***национальный*** *перевозчик России* [Новости // Звезда. 15.03.2010]; *Подготовлен проект* ***национальной*** *стратегии противодействия коррупции* [Сегодня // НТВ. 07.04.2010] [3]. *„Газпром“ —* ***национальное*** *достояние* [этот слоган на российских телеэкранах — примерно с лета 2010 г.; красноярская «бизнес-элита» предложила нечто созвучное и, кажется, более корректное: «Ванкорнефть» — н а ш е достояние»] и т. п.

С началом осуществления так называемых *национальных* проектов такое использование прилагательного *национальный* естественным образом активизировалось: *Здоровье — это* ***национальное*** *достояние* [П. Пимашков]. *Неудовлетворительное выполнение [****национального*** *проекта «Жилье»] становится* ***национальным*** *позорищем* [вице-премьер РФ Д. Медведев. Реальная политика // НТВ. 04.03. 2006]. Как и во многих случаях, продемонстрировали свою компетентность журналисты: *В России сейчас внедряется программа* ***национального*** *здоровья* [Е. Цесарская. Полседьмого // Афонтово. 29.02.2007] и др.

Стало употребительным и прилагательное *общенациональный*: *Новая мегакомпания „Российские железные дороги“ станет **общенациональной** корпорацией* [Новости. Афонтово. 11.02.03]; *Освоение целины — крупнейший **общенациональный** проект [в СССР!]. ... Был такой **общегосударственный** подъем* [Встреча В. Путина с первоцелинниками. Вести // РТР. 11.03.2004]; ***Общенациональный** прогул в первую декаду января* [имеются в виду так называемые Рождественские каникулы. — Г. Онищенко, гл. санитарный врач РФ // Вести. РТР. 03.02.2005] и др.

Употребление определения *национальный* в значении, ранее столь привычном, встречается относительно редко: *Фестиваль **национальной** культуры в Санкт-Петербурге... Вернуть интерес к **национальному** творчеству* [Новости // ОРТ. 07.09.2003]. Гораздо более распространены такие случаи использования, в которых довольно явны контаминации структурно-семантических элементов: *Решение о сдаче крови **национальные** лидеры [т. е. предводители так называемых **национальных** общин Красноярского края. — А. В.] приняли накануне* [Новости // Прима ТВ. 09.09.2004]; *Любой бунт, тем более бунт **национальный** [т. е. определенной этнической группы. — А. В.], — конечно, угроза нашей стране* [А. Клешко // ТВК. 24.10.2006]; *...Около ста нападений на **национальной** почве* [Неделя // Ren-TV. 29.04.2006]; ***Общенациональное** [!] шествие по проспекту Мира [в г. Красноярске]... Представители **национальных** общин...* [Новости // Прима ТВ. 20.10.2006] и т. п. Близок к приведенным следующий контекст: *Сохранение **национальной** и культурной идентичности* [В. Путин. Прямая линия // ОРТ. 18.12.2003].

Такие смысловые контаминации уже сами по себе являются примерами политизированных игр в слова, ср.: *Этот день [похорон погибших при пожаре] в Республике Тыва объявлен днем **национального** траура* [Вести // РТР. 08.04.2003]; ***Национальная** вещательная компания „Саха“ [в Якутии]* [Вести // РТР. 14.03. 2003]; *В Израиле утверждено правительство **национального** единства* [Новости // ОРТ. 11. 01.2005]; *Марк Бернес ... был действительно **национальным** героем России, но не всем это нравилось* [Е. Евтушенко // РТР. 25.01.2007]; *Почему студенческие драки [в России] стали **национальной** проблемой?* [сюжет о межэтнических конфликтах в российских вузах. — Неделя // Ren TV. 06.12.08] и т. п.

Путаница, вносимая в сознание телеаудитории, усугубляется время от времени и подчеркнутым разграничением между *национальным* и *государственным*, ср.: *Владимир Зорин — министр Российской Федерации по реализации государственной **национальной** политики* [Время. ОРТ. 11.11.03] (именно тот персонаж, который, будучи председателем комитета по делам ***национальностей*** Госдумы, весьма активно призывал «избавиться от этого кошмара, который мы иногда сами на себя напускаем [при указании ***национальности*** гражданина в его документах; этого права формально не отнимает и ныне действующая конституция. — А. В.]); *...Пора [!] всем [!] становиться **россиянами*** [Мы // ОРТ. 07.12.1998]) — и: *...Чтоб иностранка [польская актриса Б. Брыльска, выдвинутая на соискание Государственной премии СССР за роль в х/ф «Ирония судьбы»] получила **национальную** государственную премию СССР — это было невозможно* [Э. Рязанов. Ирония судьбы Барбары Брыльской // 1 к. 08.01.2007].

Использование сделанного «модным» слова *национальный* таким образом доходит до своего логического завершения, т. е. до полного абсурда: *Копка картофеля для красноярцев — своеобразный **национальный** обычай... Этот **национальный** обычай... На рынках цены на **национальный** продукт [т. е. картофель] пока кусаются* [Новости // ТВК. 03.09.2006]. И, наконец, апофеоз: *Теперь „сибиряк“ гордо воспринимается как **национальность!*** [дама — член Общественной палаты. Новости // 7 канал. 21.11.2007]. Естественным продолжением таких непомерно смелых деклараций становится оформленное в стиле современного российского постновояза новейшее этнографическое открытие, которое сделал заместитель главы города Красноярска: *Создав в родном городе межнациональное креативное пространство, на основе согласия и толерантности, выиграем все мы — люди одной **национальности** — красноярцы* [т. е. жители г. Красноярска]; кстати, и газетный материал, где опубликована эта замечательная информация, озаглавлен не менее впечатляюще: «Сибирская ***диаспора***» [Ковальская А. Сибирская диаспора. ***Национальность*** — красноярцы // ГН. № 128. 28.08.2009. С. 7]. Видимо, не за горами уже и объявление особой *национальностью* совокупности жителей одного села или обитателей одного микрорайона, квартала и т. д…

Весьма симптоматично, что и собственно национальная принадлежность теперь определяется часто самым произвольным образом. Как справедливо замечено, «непонятно, почему Магомет Толбоев называет осетина Калоева [в полном соответствии с ключевым концептом закона гор — кровной местью — убившего диспетчера швейцарской авиакомпании, из-за ошибки которого в 2002 г. пассажирский самолет «Башкирских авиалиний» столкнулся с грузовым «Боингом»; в числе погибших была семья Калоева] *настоящим мужиком с русским характером*. … Наше время — это время смешения не только оценочных, но и национальных парадигм» [Гусар 2008: 35].

О целеустремленности этого смешения свидетельствует, в частности, заголовок репортажа в правительственной «Российской газе-

те»: «Кино без *национальности*. В Венеции всех [!] взбудоражило то, что в российском фильме [«Бумажный солдат» А. Германа-младшего] главную роль сыграл грузинский актер» [Кичин 2008: 27].

По мнению Ю. С. Сорокина, вектор семантической эволюции существительного *национальность* был аналогичен тому, по которому совершалось развитие семантики существительного *народность*: в 20-30-е гг. XIX в. «сложилось общее отвлеченное значение слова *народность*. С одной стороны, в абсолютивном употреблении оно обозначало совокупность характерных свойств народа, с другой, в зависимом употреблении, — отражение этих характерных свойств в чем- или ком-либо... Но к середине века наметилось также и другое значение, не отмечаемое, впрочем, словарями XIX в., — значение собирательное, характеризующее исторически сложившуюся общность людей» [Сорокин 1965: 207]. Понятно, что сегодня «теоретическая разработка вопросов, связанных с проблемой национальной идентификации как фрагмента общественно-политического дискурса нынешнего тысячелетия, относится к комплексу задач по созданию научного инструментария исследований национальных отношений, которые являются сложнейшей сферой общественной жизни» [Базылев 2005:11].

Между прочим, богатую пищу для размышлений об этом предоставили данные, касающиеся некоторых базовых установок переписи населения РФ 2010 г., а именно — перечни национальностей и языков «уважаемых россиян» (см.: http:www.perepis-2010.ru/documents/acts/nationalnosti.doc; http:www.perepis-2010.ru/documents/acts/yazyki.doc). В первом из них перечислены, например, «затундренные крестьяне», «удмурты слободские», «крещеные» (а также «крещены» и «крещенцы»), «староверы», «мамоны», «фараоны», «папуасы» (и «папуасы хули»), «русские немцы», «ведороссы» (а еще «ведо-россы», «ведруссы», «кацапы» — а еще и «великороссы»; наряду с «украинцами» — и «хохлы»). Предусмотрено также наличие российских граждан и таких национальностей, как «афроамериканец», «афророссиянин», «гражданин мира», «житель Вселенной», «землянин», «иностранец», «советский», «интернационалист», «космополит» и т. п. Не менее интересно и приложение № 2, в котором, кроме языков «таджикского», «таджико-еврейского» и «таджикско-еврейского», фигурируют также «язык жестов», «язык пальцевый глухих», «язык пальцевый глухонемых», «язык русский глухих», «язык российский жестов» и т. п. Конечно же, упомянут здесь и фантастический «российский язык»…

Автор цитируемой статьи обоснованно полагает, что такое искусственное дробление вызвано во многом не устроившими кого-то результатами переписи 2002 г.: судя по ним, численность государствообразующей нации — русских — составляет 80 %. А «согласно международной практике моноэтническим (национальным) государством считается государство, $^{2}/_{3}$ или более населения которого принадлежит одному этносу. О чем, кстати, в своих выступлениях говорил президент неправительственной организации „Дом свободы“ (основана в 1941 году) со штаб-квартирой в Вашингтоне Эдриан Каратницки. Т. е. Россия — моноэтническое государство. Это надо твердо усвоить» [Антонов 2006: 2].

Возможно, что квалификация сегодняшней РФ как «многонационального государства» является еще и некоей инерцией представлений, бытовавших в советскую эпоху — и, по всей вероятности, соответствовавших тогдашней реальности. Согласно переписи населения СССР 1982 г., численность населения страны составляла 268,8 миллиона человек, принадлежавших к более 100 нациям и народностям, из которых (по переписи 1979 г.) к русским относились 137 397 тыс. человек [СЭС 1983: 1246], т. е. приблизительно около половины жителей страны. Поэтому формулировка, открывавшая ст. 70 советской конституции: «Союз Советских Социалистических Республик — единое союзное многонациональное государство…», — была вполне правомерной.

Несомненно, динамика слова *национальность* взаимосвязана с динамикой однокоренных единиц *нация* и *национальный*. Конечно, их вряд ли можно отнести к числу так называемых «самых многозначных» в русском языке: таковыми считают «слова, имеющие в [МАС] не меньше семи номерных значений. Это „священное число“ семь было выбрано в соответствии с известными представлениями о емкости оперативной (быстродействующей, симультанной) памяти человека, равной 7+/–2» [Денисов 1984: 150]. С учетом анализа исторических судеб этих слов и характера их современного употребления можно предположить, что они не столько многозначны, как принято считать в соответствии с традиционно-лингвистическими установками, сколько синкретичны: каждое из них способно одновременно служить обозначением как минимум двух понятий, тесно связанных, но все-таки разных. Однако в сегодняшнем российском публичном дискурсе (по-видимому, под воздействием английских лексем *a nation* и *national*) укрепляется тенденция недифференцированного контекстуально использования существительного *нация* и прилагательного *национальный*. Нарастает семантическая диффузность, причем заметно, что не бывшие ранее главными и основными для русского языка значения этих слов (соответственно «государство» и «государственный») довольно уверенно выдвигаются в качестве доминирующих, и настолько, что в относительно недалеком будущем это вполне может послужить основанием для перераспределения в лексикографии пози-

ций компонентов иерархической структуры рассматриваемых слов.

Разумеется, в такой семантической эволюции нет ничего необычного для постоянно меняющегося живого языка — ведь «в самом языке как обособленной системе всегда заложены разные потенции, которые могут реализовываться одновременно и вступать в противоречие друг с другом» [Филин 1980: 9]. Кроме того, можно квалифицировать рус. *нация*/англ. *a nation* и рус. *национальный*/англ. *national* как «лексические параллели», т. е. «совпадающие в плане выражения и сходные/несходные в плане содержания лексемы двух и более синхронически сравниваемых или контактирующих языков» [Дубичинский 1995: 4]. Но в данном случае небезынтересно и весьма симптоматично, что во многих речекоммуникативных ситуациях осмысление (конечно, когда оно действительно имеется) говорящими и пишущими значений слов *нация* и *национальный* либо малорезультативно, либо свидетельствует об углубляющемся забвении их принадлежности к кругу собственно этнических понятий и укрепляющемся восприятии именованиями понятий сугубо этатических, слабо ассоциируемых с категориями этничности, а следовательно, и определенной ментальности. Казалось бы, и это далеко не ново с учетом всё усиливающейся экспансии английского языка в его американском варианте: «При интенсификации языковых контактов ... устанавливается семантическое равновесие систем контактирующих языков, формируется выравнивание понятийных планов слов» [Дубичинский 1995: 13].

Однако рассмотренный пример обращает на себя внимание и потому, что «выравнивание» происходит в направлении если пока еще и не совершенного отказа от национальности (этнической принадлежности) как таковой, то, по крайней мере, резкого снижения ее традиционной и всегда актуальной для любого народа значимости. И это вполне объяснимо: «В результате глобального роста международных межправительственных организаций возникает феномен глобальной бюрократии, которая становится реальным проводником наднациональности» [Иванец, Червонюк 2003: 90]. Именно для глобальной бюрократии и тех, чьи интересы она представляет, защищает и навязывает поголовно («глобально») всем — под флагом, например, «общечеловеческих ценностей» — необходима и минимализация роли отдельного государства, прежде всего в вопросах экономической деятельности (транснациональным корпорациям нужен практически бесконтрольный доступ к эксплуатации чужеземных природных богатств и людских ресурсов). Достижение этой цели может быть затруднено естественным несогласием многих представителей государствообразующего народа (в России им является русский народ). Потому логично нивелировать его сначала до состояния некоей (на словах гомогенной — вроде фантомного «российского народа») массы *населения*, а затем и перевести в статус «общечеловеков». Искоренение чувства национальной идентичности, в отличие от насаждения приснопамятного «пролетарского интернационализма», производится теперь пропагандой гораздо интенсивнее и чревато куда более серьезными последствиями.

Для обозначения лексико-фразеологических единиц, связанных с процессом глобализации, некоторые исследователи вводят термин «глобализм» [Денисова 2004]; в таких терминологических координатах итог игры со значениями слов *нация*, *национальный* можно определить как семантический глобализм. Характер их сегодняшнего употребления иллюстрирует известное положение: «Тенденция к умственному потребительству составляет опасную сторону культуры, односторонне ориентированной на получение информации извне» [Лотман 1996: 45].

Время от времени в реформируемой России, ныне — демократическом правовом государстве, где «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (см. преамбулу и ч. 2 ст. 13 [Конституция РФ]), предпринимаются попытки совершенно искусственного, спекулятивного (прежде всего в научно-гуманитарном смысле этого слова) создания некоей «*национальной* идеи». Известны различные варианты воплощения этого грандиозного замысла; изобретались они, по-видимому, то ли с опорой на пословицу «И волки сыты, и овцы целы» (последние — вряд ли все, — конечно, в зависимости от насыщения первых), то ли на формулу «Отныне и навеки — мир, порядок и благолепие. Рабочие — к станкам, землеробы — к плугу! Чур, чур! — сгинь, красное наваждение!» [Толстой 1982, 1: 358].

Ср. ироническое осмысление современных модификаций подобных затей в устах персонажа писателя: *„Короче, я тебе сейчас ситуацию просто объясню, на пальцах, — сказал Вовчик Малой — („непонятно было, отчего его называли ... малым, — он был мужчиной крупных размеров и изрядного возраста. Его лицо было типичной бандитской пельменины невнятных очертаний, не вызывавшей, впрочем, особого отвращения“). — Наш **национальный** бизнес выходит на международную арену. А там крутятся всякие бабки — чеченские, американские, колумбийские... И если на них смотреть просто как на бабки, то они все одинаковые. Но за каждыми бабками на самом деле стоит какая-то **национальная** идея. У нас раньше было православие, самодержавие и народность. Потом был этот коммунизм. А теперь, когда он кончился, никакой такой идеи нет вообще, кроме бабок. Но ведь не могут за бабками стоять просто бабки, верно? ... Нам не хватает **национальной** и-ден-тич-*

ности...“ Последнее слово Вовчик выговорил по складам. „Задача простая, — сказал Вовчик. — Напиши мне русскую идею размером примерно страниц на пять. И короткую версию на страницу. Чтоб чисто реально было изложено, без зауми“ [Пелевин 1999: 175—176]. (Ср.: *Сводить всё к* ***национальной*** *идее „Новой России“ — это предосудительный анекдот, как будто новые русские вообще способны на какую-то* ***национальную*** *идею* [Трубачёв 2004: 188]). Следует также вспомнить о недавней кампании по созданию так называемых «*национальных* университетов» (затем, впрочем, переименованных почти столь же занятно — в «федеральные»; ср.: «*федеральный* — 1. Относящийся к федерации; общегосударственный. 2. Прил. к федерация» [ТССРЯ 2001: 810]; в соответствии с обыденной логикой, вуз с таким названием должен быть только один; однако затем всё же возникли и загадочные «*национальные* исследовательские институты») и об очень интересных с разных точек зрения «*национальных* проектах» («Здоровье», «Образование», «Жилье»).

Кстати, последние, как и их региональные аналоги, обычно (до возникновения так называемого мирового финансового кризиса в 2008 г.) российскими политиками и рептильно-лояльными СМИ именовались «амбициозными», что, по-видимому, выражало наивысшую положительную оценку этих затей, финансируемых из госбюджета.

Напомним, однако: «*амбиция* — обостренное самолюбие, самомнение, спесь» [СИС 1979: 31]; «*амбиция* — обостренное самолюбие, чрезмерно преувеличенное чувство собственного достоинства» [МАС$_2$, I: 34]; «*амбиция* — чрезмерное самомнение, самолюбие, необоснованные претензии на что-л.» [ТССРЯ 2001: 18]; «*амбициозный* — чрезмерно, обостренно самолюбивый» [МАС$_2$, I: 34]; «*амбициозность* — чрезмерное проявление чувства собственного достоинства, обостренное самолюбие; необоснованные претензии на что-либо» [ТССРЯ 2001: 18]. В свете этих дефиниций якобы несомненная мелиоративность прилагательного *амбициозный* совершенно необъяснима и заставляет усомниться в надлежащем профессионализме не только тружеников СМИ (в общем-то их уровень речевой культуры давно известен аудитории), но и референтов, спичрайтеров (т. е. речеписцев) и прочего обслуживающего персонала российских руководящих деятелей, готовящего тексты их публичных выступлений.

Невольно вспоминаются советские прототипы сегодняшних «проектов» (программа строительства коммунизма, продовольственная программа, «Каждой советской семье — квартиру к 2000 году!» и т. п.), заведомо обреченные на тот же успех и так и оставшиеся «проектами» в исконном смысле этого слова (т. е. замыслами), исторически почти моментально и прочно забытыми. Кажется, уже с избранием очередного президента РФ в 2008 г. и о «*национальных* проектах» как будто не очень стараются вспоминать: прокукарекал, а там хоть не рассветай; эта пословица — довольно точная семантизация псевдокрасивого слова *амбициозность*.

Одна из причин (может быть, и не столь значимая, как причины организационного и финансового характера) малой успешности национальноидейных замыслов лежит в самой их номинации. Чуть ли не любой из вариантов вышеупомянутой идеи их изобретатели и разносчики именуют *российским*, возможно, имея в виду некий ореол державности, который должен освящать самый «проект». Ср. мнение заслуженного актера-демократа: *А. Н. Яковлев в книге „Сумерки“ сформулировал русскую, российскую* ***национальную*** *идею...: свобода, достаток, законность* [О. Басилашвили. Тем временем // Культура. 09.02.2004]. Не говоря уже о том, что доверять ренегатам, по меньшей мере, небезопасно (все равно что поставить экс-генерала КГБ О. Н. Калугина во главе того ведомства, в котором он служил официально), надо учесть, что «*российская* идея» (да еще и *национальная*!), равно как и упоминаемые всё чаще и настойчивее «*российский* национальный менталитет», «*российский* народ», даже «*российский* язык», как бы ни ласкали чей-то слух, — это совершенно не соотносимые с объективной реальностью пропагандистские фантомы-мифогены. Есть здесь определенная политтехнологическая преемственность. Было ведь, например, всячески популяризуемым терминологизированное устойчивое словосочетание *советский народ*, и «это искусственное межнациональное понятие ушло вместе с обанкротившейся идеологией. В настоящее время его пытаются видоизменить в понятие *„российский народ“,* которого в природе не существует» [Фролов 2005б: 505—506].

При этом, если исходить из «архаичного» теперь значения слова *нация* (‘народ, этнос’), то возникает некий парадокс: «Термин „*национальная* идеология“ с логической строгостью требует определения субъекта, создателя этой системы ценностей в лице, соответственно, *нации*. Является ли сложившимся социальным субъектом *нация* „россияне“, или она пока еще также идеологически конструируема, но объективно утопична (в смысле *у* — нет, *топия* — места), как в свое время „советский народ“?» [Арапова 2007: 9]. Понятно, что это риторический вопрос: ведь *россияне* — гомункулы, существа из области ненаучной фантастики, или «фэнтези», — в общем, персонажи политической мифологии, и реальны лишь в текстах, как марсиане в романе Уэллса или в голливудских страшилках. В то же время политтехнологическое трюкачество позволяет интерпретировать семантику прилагательного *национальная* в духе новейшего употребления, и тогда оказы-

вается, что *национальная идеология* — это по сути *государственная идеология,* т. е. та, которой в Российской Федерации не может быть в соответствии с ее конституцией. Однако поскольку буквально говорится о *национальной идеологии,* то никакого конституционного запрета на ее существование в России нет. Таким образом, и конституция не нарушена, и доминирующая идеология наличествует... «На свете вообще много чего не полагается, но что допускается» [Гашек 1956: 603].

Ранее о подобных лингвополитических фокусах-манипуляциях уже говорил В. В. Колесов, четко дифференцируя противопоставленные (по существу даже с точки зрения обыденного языкового сознания) понятия, тем не менее кем-то охотно смешиваемые: «Московский мэр Лужков (1988) говорит о „*российской национальной идее*“, что сразу же свидетельствует об эклектизме всех его суждений, связанных с темой. Идеи могут быть „*русскими*“ (о *русской идее* говорил уже Достоевский), но не существует „*российской* идеи“, как нет и „*российской* нации“ или „*российского* языка“, поскольку понятие „нации“ и „языка“ включает этнический признак также» [Колесов 1999: 82].

Однако упорство политтехнологов поистине несгибаемо: «Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную *российскую нацию* при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну» (из выступления Д. Медведева в феврале 2011 г. на заседании президиума Госсовета, посвященного укреплению межнационального согласия в России [Memoid.ru]).

Кстати, очередным зримым подтверждением современных тенденций политтехнологической вербальной магии в России обещает стать законодательная новация, в соответствии с которой слово *национальный* будет применяться лишь в отношении к государству, а конфликты, называвшиеся ранее *межнациональными,* теперь станут именовать *межэтническими* [Новости // ПримаТВ. 23.08.2011, бегущая строка — со ссылкой на НГ] (ср.: «В недрах кабинета министров РФ разрабатывается законопроект, предполагающий использование слова *национальный* только в масштабах всего Российского государства. В отношении народов, проживающих в Российской Федерации, планируется ввести термин *этнический*. Таким образом, в России скоро не станет межнациональных конфликтов, так как они все перейдут в разряд межэтнических» [http://mariuver.wordpress.ru 27.08.11]).

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В. М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 20—26.

Арапова М. А. Мигранты и идеологическое пространство российского общества // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. — Екатеринбург, 2007.

Базылев В. Н. Национальная идентичность: фрагмент русской общественно-политической мысли // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып. 16. — Екатеринбург, 2005. С. 5—12.

Бердашкевич А. Русский язык как объект правоотношений // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 28—29.

Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире. — М., 2003.

Васильев А. Д. Российская языковая политика 1991—2005 гг. — Красноярск, 2008.

Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. — М., 1972.

Гербик Л. Ф. Распределение сфер употребления «русский» и «российский» в современных СМИ // Разноуровневые характеристики лексических единиц.— Смоленск. 1997. Ч. 2. С. 29—34.

Губаева Т. В. Язык и право. — М., 2004.

Гусар Е. Г. Смена или смешение парадигм? К вопросу о современной системе ценностей // Человек — коммуникация — текст. — Барнаул, 2008. Вып. 8. С. 31—38.

Денисов П. Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и словаре. — М., 1984. С. 142—158.

Денисова С. П. Глобализмы в языке массовой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность. — М., 2004.

Дубчинский В. В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Краснодар, 1995.

Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. — М., 1983.

Душенко К. В. Словарь современных цитат. 4-е изд. — М., 2006.

Земская Е. А. Из истории русской литературной лексики (К изучению научного наследия Я. К. Грота) // Материалы и исследования по истории литературного языка. — М., 1957. Т. 4.

Иванец Г. И., Червонюк В. И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 8. С. 87—94.

Ильин М. В. Политический дискурс: слова и смыслы // ПОЛИС. 1994. № 1. С. 127—140.

Конституция Российской Федерации : принята 25 дек. 1993 г. : с поправками от 30 дек. 2008 г. // Российская газета. 2009. № 4831. 21 янв.

Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова…» — СПб., 1999.

Колесов В. В. Язык и ментальность. — СПб., 2004.

Конституция Российской Федерации. — Новосибирск, 2006.

Котелова Н. З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 48—63.

Лингвистический энциклопедический словарь = ЛЭС. — М., 1990.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — М., 1996.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. — М., 1998.

Мирский Э. М. Национальная идеология и язык // Высшее образование в России. 1999. № 3. С. 105—108.

Поршнев Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. — М., 1973.

Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М., 1976. С. 35—220.

Сидельников В. П. Языковой статус и национально-языковая политика // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. — Луганск ; Цюрих ; Женева, 2001. Вып. 2. Ч. 2. С. 185—191.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30-90-е годы XIX века). — М. ; Л., 1965.

Трубачев О. Н. О состоянии русского языка // Русская речь. 1992. № 5. С. 43—44.

Трубачев О. Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового союза славян. — М., 2004.

Фролов Н. К. Взаимосвязи этнических культур в зеркале социо- и этнолингвистики // Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. — Тюмень, 2005а. Т. 1. С. 485—490.

Фролов Н. К. Феномен русскости и истоки русофобии // Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. — Тюмень, 2005б. Т. 1. С. 504—509.

Шастина И. А. Языковая категоризация этнической принадлежности (когнитивно-аксиологический аспект) : автореф. дис. ... канд.филол. наук. — Иркутск, 2009.

Шестаков С. А. Российский консерватизм: история и современность. — Тюмень, 2005.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

АРС = Англо-русский словарь // сост. В. К. Мюллер. — М., 1956.

БАРС = Большой англо-русский словарь // под общ. рук. И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой. Изд. 4-е, испр., с доп. : в 2 т. — М., 1987.

БКСО = Большая картотека Словарного отдела / Ин-т лингвистических исследований РАН.

КДРС = Карточка Словаря русского языка XI—XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. — М. : Русский язык, 1976.

$МАС_2$ = Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1981—1984.

$САР_2$ = Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 ч. — СПб., 1806—1822.

СИС = Словарь иностранных слов. — М., 1979.

Сл. Даля = Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М., 1955.

Сл. Соколова = Общий церковно-славяно-российский словарь, или собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и российском наречии употребляемых…, составленное П. С[околовым] : в 2 ч. — Спб., 1834.

Сл. сочет. = Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. Изд. 2-е, испр. — М., 1983.

СУ = Толковый словарь русского языка : в 4т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940.

ТСОШ = Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 3-е. — М., 1996.

ТССРЯ = Толковый словарь современного русского языка / под ред. Г. Н. Скляревской, 2001.

Фасмер = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4т. — М., 1964—1973.

Черных = Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. — М., 1993.

Hornby = Hornby A. S. Oxford's Student's Dictionary of Current English. Special Ed. for the USSR. — M. ; Oxford, 1983.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

Антонов А. Вы, случаем, не «фараон»? // Советская Россия. 2010. 29 июня. С. 2.

Вулф Т. Домой возврата нет. — М., 1982.

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. — М., 1956.

Есин С. Н. На рубеже веков. Дневник ректора. — М., 2002.

Ефремов О. О Вампилове. Воспоминания и размышления // Вампилов А. В. Дом окнами в поле. — Иркутск, 1982.

Зощенко М. Мемуары старого капельдинера // Зощенко М. Собр. соч. : в 3 т. — Л., 1986. Т. 1. С. 148—150.

Зощенко М. Письма к писателю // Зощенко М. Собр. соч. : в 3 т. — Л., 1986. Т. 1. С. 539.

Кичин В. Кино без национальности // Российская газета-неделя. 2008. № 187. 4 сент. С. 27.

Ковальская А. Сибирская диаспора. Национальность — красноярцы // Городские новости. № 128. 2009. 28 авг. С. 7.

Лунина Л. Чтобы стать патриотом, иногда полезно пожить за границей // Русский мир.ru. 2009. Февр.

Островский А. Н. За чем пойдешь, то и найдешь // Островский А. Н. Избр. пьесы : в 2 т. — М., 1972. Т. 1. С. 290—332.

Пелевин В. Generation П. — М., 1999.

Толстой А. Н. Хождение по мукам. — Челябинск, 1982. Т. 1.

Тынянов Ю. Н. Малолетний Витушишников // Тынянов Ю. Н. Кюхля. Рассказы. — Л., 1973. С. 465—514.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср. довольно характерный для определенных российских слоев диалог между юристами М. Барщевским и В. Платоновым: «А ты не считаешь, что понятие *национальности* в России — это несколько п р и д у м а н н а я в е щ ь?» — «Я даже знаю кем. Б о л ь ш е в и к а м и » (Закон не местного значения // РГ-неделя. № 39. 25.02.2010. С. 8). Кстати, далее В. Платонов (председатель Московской городской думы) заявляет: «Для себя я ставлю задачу сделать, как в США», — по крайней мере, применительно к деятельности Ассоциации юристов России.

[2] Распространение устойчивого словосочетания *плавильный котел*, обозначающего стирание национальных различий между разноплеменными иммигрантами в США, связывают с комедией английского писателя, деятеля сионистского движения И. Зангвилла "The Melting Pot" (англ. «Плавильный котел») 1908 г., в тексте которой дана дешифровка названия: *Америка... это огромный плавильный котел, в котором переплавляются и преобразуются все европейские национальности;* выражение это, по-видимому, встречалось и ранее. В 1976 г. президент США Джимми Картер заявил: «Мы уже не плавильный котел, а прекрасная мозаика» [Душенко 2006: 175].

[3] Отметим несомненный прогресс по сравнению даже с началом реформ: на заседании сессии Верховного Совета Российской Федерации 16 апреля 1993 г. Генеральный прокурор В. Степанков говорил о «разветвленной системе коррупции и злоупотреблений в органах власти… В России вся правоохранительная система не в состоянии вести борьбу с коррупцией и преступностью в высших эшелонах власти… Всевозможные реорганизации и частое дублирование западных моделей, которые привносятся в правоохранительную систему, приносят ей только больший вред» [Эхо Ельцингейта // Правда. № 75. 20.04.1993. С. 2].

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 811.161.1:81’27

ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*

Г. Н. Плотникова, Е. Г. Доценко
Екатеринбург, Россия

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ

Аннотация. *Рассмотрение Уральской школы политической метафорологии в контексте развития мировой и отечественной когнитивистики: ведущие специалисты, направления исследования, публикации, диссертации, методики и принципы анализа.*

Ключевые слова: *политическая метафорология; научная школа; когнитивная лингвистика; политический дискурс; сопоставительная лингвистика.*

Сведения об авторе: *Доценко Елена Георгиевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 277.*
e-mail: dotsenko@mail.ur.ru.

Сведения об авторе: *Плотникова Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся.*

Место работы: Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Контактная информация: *620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 309.*
e-mail: Rki-urgu@e1.ru.

G. N. Plotnikova, E. G. Dotsenko
Ekaterinburg, Russia

THEORY AND PRACTICE OF COMPARATIVE POLITICAL METAPHOROLOGY

Abstract. *Discussion of the Urals School of Political Metaphorology in the context of development of international and Russian cognitive linguistics: leading experts, trends of research; publications; theses; methods and principles of analysis.*

Key words: *political metaphorology; scientific school; cognitive linguistics; political discourse; comparative linguistics.*

About the author: *Dotsenko Elena Georgievna, Doctor of Philology, Assistant Professor, Professor of the Chair of Russian and Foreign Literature.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

About the author: *Plotnikova Galina Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language for Foreign Students.*

Place of employment: Federal University named after B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

В последние десятилетия стремительно растет количество публикаций, посвященных политической метафоре, которая еще недавно воспринималась как одно из многих средств «украшения» ораторской речи, а сейчас рассматривается как ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом. Исследование метафорического арсенала позволяет выявить подсознательные установки и стремления политического лидера, особенности национального самосознания и уровня политического развития общества. Показательно, что учение о метафоре в последние десятилетия оказалось в центре интересов таких различных наук, как психология, философия, логика, теория коммуникации, культурология, когнитивистика и этнология.

Политическая метафорология как теория и практика исследования метафор в политической коммуникации возникла в процессе взаимодействия двух ведущих направлений современного языкознания — метафорологии и политической лингвистики. Сближение этих направлений обусловлено как бурным развитием изучения политической коммуникации, так и переосмыслением самого понятия метафоры, новым пониманием ее роли в организации ментальных процессов и языковой картины социальных отношений. В современной науке формируется представление о политической метафоре как об инструменте осознания, моделирования и оценки политических процессов, как средстве воздействия на социальное сознание.

© Плотникова Г. Н., Доценко Е. Г., 2012

Метафоры, используемые при обсуждении политической жизни общества, все чаще привлекают внимание специалистов, которые стремятся выяснить, как и почему рождаются эти метафоры, в какой мере они отражают социальную психологию, политические процессы и личностные качества их участников. Использование метафор нередко оказывается для политического лидера удачным способом «выразить многое, сказав немногое», тонко влиять на настроения в обществе, представлять обществу новые идеи и одновременно вызывать интерес к своим выражениям. Изучение метафорического репертуара того или иного политика помогает лучше понять подсознательные механизмы его деятельности и подлинное отношение к той или иной проблеме. Активизация метафор в социальной коммуникации может служить признаком приближающихся общественных потрясений и одновременно свидетельствовать о направлениях движения политического сознания.

Появление все новых и новых модификаций теории метафоры применительно к изучению политического дискурса, обращение исследователей ко все новым и новым дискурсивным источникам метафор, активизация использования метафор в политической коммуникации — все это требует всестороннего осмысления истории и современного состояния названного научного направления, закономерностей эволюции и взаимодействия с другими научными школами, а также перспектив исследования политической метафоры.

Обращение к истории науки позволяет обнаружить два основных направления в изучении теории политической метафоры — когнитивное и риторическое (лексико-стилистическое).

Риторическое направление в американской политической лингвистике получило широкое признание в середине прошлого века. Основные идеи, методы и эвристики данного направления проанализированы в специальном обзоре «Риторическое направление в изучении американской политической метафоры» [Будаев, Чудинов 2006б].

Становление когнитивного подхода к политической метафорологии связано с разработкой Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980]. Согласно этой теории, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов — сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур — «схем образов». Метафорическая проекция связывает не только отдельные элементы двух структур знаний, но и целые структуры концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название гипотезы инвариантности [Lakoff 1990; Turner 1990]. Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия, которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия.

Важным этапом в истории когнитивной политической метафорологии стало появление знаменитой интернет-публикации Дж Лакоффа «Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf» [Lakoff 1991], в которой автор не только с необычной для филолога страстностью разоблачал способы метафорического оправдания готовящейся войны Соединенных Штатов и их союзников против Ирака, но и в полной мере продемонстрировал свою методологию изучения концептуальной политической метафоры, одним из этапов которой является сопоставление метафорического представления одного и того же феномена в политических дискурсах разных народов. Думается, именно эта публикация стала тем рубежом, с которого начинается современный этап в изучении политической метафорики.

В конце прошлого столетия рассматриваемая теория и соответствующая ей практика исследования концептуальных политических метафор получает широкое признание. В самых разных странах мира появились тысячи публикаций, авторы которых обосновывали свой подход ссылками на теорию Дж. Лакоффа. Когнитивная парадигма заняла доминирующие позиции в современной зарубежной политической метафорологии, что проявляется не только в преобладании когнитивных исследований. Во многих современных публикациях, относящихся к традиционному, риторическому направлению, исследователи не используют терминологию когнитивной науки, но, разрабатывая прагматические аспекты политической метафорики, рассматривают метафору и как значимый инструмент речевого воздействия, и как феномен, отражающий важные характеристики общественного сознания. Иначе говоря, в последние годы исследователи политической метафоры, не декларирующие свои симпатии к когнитивизму, все чаще обращаются к анализу метафоры как когнитивного феномена, используют методику и эвристики когнитивной теории метафоры. Детальное описание ведущих направлений зарубежной политической метафорологии представлено в монографии «Зарубежная политическая метафорология» [Будаев, Чудинов 2008а].

Основные этапы и направления становления и развития российской политической лингвистики в целом и политической метафорологии как ее важного раздела были выделены нами в учебнике «Политическая лингвистика» [Чудинов 2006]. В Советском Союзе метафора и другие образные средства рассматривались преимущественно в рамках публикаций по теории и практике ораторского искусства, при освещении деятельности средств массовой информации, в исследованиях по вопросам агитации и пропаганды. Особое внимание в этих публикациях уделялось характеристике коммуникативного мастерства коммунистических лидеров.

Когнитивное исследование российских политических метафор начато А. Н. Барановым и Ю. Н. Карауловым при создании словарей русских политических метафор [Баранов, Караулов 1991, 1994]. В основе этих словарей лежит дескрипторная теория метафоры, созданная А. Н. Барановым и Ю. Н. Карауловым на материале исследования политического дискурса перестройки [Баранов 2003, 2004]. В рамках дескрипторной теории процесс метафоризации описывается как функция отображения элементов области-источника в элементах области цели.

К настоящему времени политическая метафорология активно изучается и представителями других отечественных научных школ, среди которых выделяются Волгоградская, Петербургская, Сибирская, Воронежская. Для каждой из них характерны свои особенности. Так, исследования волгоградских ученых (Е. И. Шейгал, Г. Г. Слышкин и др.) обычно связаны с лингвокультурологическим направлением в лингвистике, для ученых из Санкт-Петербурга (Т. Г. Скребцова и др.) характерно стремление точно следовать установкам классической американской политической лингвистики. Оригинальная теория метафоры развивается в Воронеже, Томске, Кемерово и Иркутске.

Уральская школа политической метафорологии основана на теории метафорического моделирования, которая детально охарактеризована в монографии «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000)» [Чудинов 2001]. В соответствии с этой теорией метафорическая модель понимается как существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X — это Y». Например: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — это ВОЙНА; ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ — это ПУТЕШЕСТВИЕ; ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ — это ДЕНЬГИ. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: **«**X подобен Y», ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ подобна ВОЙНЕ. В соответствии с названной формулой система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита). При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

Детальный анализ различных аспектов метафорического моделирования современной российской действительности представлен в диссертациях «Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе» [Вершинина 2002], «Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе „Российские федеральные выборы (1999—2000 гг.)“» [Ряпосова 2001], «Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи» [Сурина 2007], «Концептуальная область „Неживая природа“ как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000—2004 гг.)**»** [Чудакова 2005], «Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века» [Феденева 1998], «Прецедентные феномены со сферой-источником „Литература“ в современных СМИ» [Боярских 2008], «Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента)» [Веснина 2011].

В монографии «Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации» [Чудинов 2003] представлены основные положения сопоставительной политической метафорологии как перспективного направления научных исследований. В рамках указанной монографии были выделены следующие методики сопоставительного описания метафорической картины мира.

1. Методика сопоставления оригинальных метафор и их переводов, при использовании которой сопоставляются метафоры оригинального текста и его перевода на другой язык. Такое сопоставление позволяет выявить факты параллелизма метафорических образов и вместе с тем показать, что некоторые метафоры не могут быть переведены на другой язык буквально, что свидетельствует о различиях между существующими в данных языках метафорическими моделями (преимущественно они касаются отдельных фреймов, слотов и концептов). Например, зооморфные образы характерны для самых различных языков, но конкретные метафоры, соответствующие этой модели, совпадают далеко не всегда. Рассмотрение при переводе конкретных соответствий часто позволяет лучше осознать компонент, послуживший основой для метафоризации (иначе говоря, сему, объединяющую первичное и вторичное значения). В других случаях используются однотипные модели, но при этом метафорически употребляются слова с близкой, но не одинаковой семантикой.

2. Методика параллельного сопоставления метафор, объединяемых сферой-магнитом метафорического притяжения. При использовании этой методики лингвист выделяет ту или иную ситуацию (или понятийную сферу-мишень) и определяет, какие метафорические модели регулярно берутся для ее обозначения. Например, как показал Дж. Лакофф [Lakoff 1991], политические лидеры США использовали при характеристике войны между Ираком и Кувейтом метафорические образы разбойника и невинной жертвы, а в иракской прессе этот конфликт метафорически представлялся как внутрисемейное выяснение отношений между старшим братом (Ираком) и младшим братом (Кувейтом). Очевидными являются и системы развертывания моделей: необходимость помощи жертве кровожадного преступника и нежелательность вмешательства во внутрисемейные отношения. В исследовании Е. В. Колотниной [Колотнина 2002] доказано, что при характеристике однотипных экономических ситуаций русские

и англичане отдают предпочтение различным моделям. Например, при обозначении серьезных недостатков в экономической деятельности англичане особенно часто используют образы, связанные с пьянством и похмельем (*drunk markets* ‘пьяные рынки’, *drunk indexes* ‘пьяные индексы’, *stock markets have a hangover* ‘фондовые рынки страдают от похмелья’). Соответственно русские тексты богаты метафорами, связанными с болезнями (компании страдают от физических и душевных недугов, требуют реанимации, оздоровляются на основе шоковой терапии или хирургического вмешательства) и наркотической зависимостью (российские субъекты экономической деятельности нередко «сидят на игле», страдают от «ломки», пребывают «в наркотическом угаре»).

3. Методика параллельного сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии. Применяя третью методику исследования метафорических моделей, авторы выделяют общую для двух языков модель и детально ее описывают, используя для иллюстрации материал каждого из рассматриваемых языков. Так, Т. В. Шмелева [Шмелева 2001] при характеристике метафор, связанных со сферой медицины, болезней и их лечения (морбиальных метафор), описывает каждый фрейм, приводя по два-три примера на польском и русском языках; в результате оказывается, что метафорические системы рассматриваемых языков удивительно близки. Подобное сопоставление показывает, что в самых различных странах политические организации, подобно живым людям, метафорически рождаются, живут, болеют и умирают, они могут даже заключать метафорические браки, от которых рождаются дети. Политические организации, вне зависимости от национальной принадлежности, постоянно метафорически воюют между собой, используя самое разнообразное оружие; в этих боях под руководством опытных генералов участвуют воины самых различных специальностей; после окончания войны начинается дележ трофеев и награждение отличившихся. Рассматриваемый подход позволяет наиболее полно выделить то общее, что наблюдается в сопоставляемых языках, и на основе этих общих свойств зафиксировать возможные различия.

4. Методика последовательного сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии. Этот вариант сопоставительного исследования использован в монографии Е. И. Шейгал [Шейгал 2000], в которой сначала представлено описание метафорической модели в русском языке, затем дано описание аналогичной модели в английском языке, а на заключительном этапе сопоставления делаются выводы об их общих и особенных признаках. Такой подход позволяет полнее охарактеризовать специфику той или иной модели в каждом языке и обычно используется при достаточно серьезных расхождениях между языками или при необходимости максимально детально описать специфику каждой метафорической модели в рассматриваемых языках.

5. Методика контрастивного описания отечественной метафорической модели и ее эквивалентов в другой культуре. Этот вариант сопоставительного анализа оказался оптимальным при описании феодальной (по сфере-источнику) метафоры в современном российском и американском политическом дискурсе. Поскольку указанная модель очень характерна для русской политической речи и крайне редко встречается в американских политических текстах, то авторы сначала предлагают детальное описание соответствующих метафор в русских политических текстах, а затем демонстрируют, что в Америке для обозначения аналогичных ситуаций используются совсем иные метафоры, связанные с миром животных.

Классификация методик когнитивного исследования политической метафоры, выстроенная по иным основаниям, предложена в монографии Э. В. Будаева [Будаев 2011].

Каждый из названных подходов имеет право на существование, все они позволяют получать интересные и (что очень важно) дополняющие друг друга результаты. При выборе методики сопоставительного описания моделей многое зависит от цели и специфики материала, избранного автором для анализа.

Детальное сопоставительное описание метафорических моделей в политических дискурсах различных государств представлено в диссертациях «Метафоры внешнеполитического дискурса России и США» [Белов 2010], «Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.)» [Каслова 2003], «Метафорическая репрезентация атомной энергетики в политическом дискурсе России, Франции и Германии» [Никифорова 2010], «Образ Германии в российской и американской медиа-картинах мира: стереотипы и метафоры» [Коптякова 2009], «Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ — ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии» [Красильникова 2005], «Метафоры со сферой-источником „Неживая природа“ в политическом дискурсе США и ФРГ» [Ольховикова 2009], «Сопоставительное исследование ценностей и антиценностей в российском и американском политическом дискурсе» [Светоносова 2006], «Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 года) и Великобритании (2001 год)» [Солопова 2006], «Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампаний по выборам президента в США и России» [Стрельников 2005], «Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании» [Телешева 2006], «Сопоставительное исследование театральной и спортивной

метафоры в российском и американском политическом дискурсе» [Шехтман 2006], «Манипулятивный потенциал метафор периода войны в Ираке (на материале российской и американской прессы)» [Сорокина 2007].

Проблемы политической метафоры в той или иной степени затрагивались также в посвященных проблемам прецедентности диссертациях «Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года» [Ворожцова 2007], «Прецедентные феномены, восходящие к французской культуре, в современных российских и американских СМИ» [Елисеева 2009], «Прецедентные феномены со сферой-источником „Кино“ в политической коммуникации Германии и США» [Косарев 2008], «Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации» [Нахимова 2011].

Смежные проблемы метафорологии исследовались в докторской диссертации «Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в афроамериканской художественной картине мира» [Шустрова 2008] и в кандидатских исследованиях «Метафорическое моделирование дихотомии „СВОЕ — ЧУЖОЕ“ в контркультурной рок-лирике США и СССР» [Григорьева 2009], «Метафора в российском педагогическом дискурсе» [Кабаченко 2007], «Метафорическое моделирование образа шоубизнеса в российском и американском массмедийном дискурсе» [Колтышева 2009], «Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ» [Моисеева 2007], «Сопоставительное исследование метафорических моделей в русскоязычных и англоязычных романах В. В. Набокова» [Прокопьева 2007], «Когнитивное исследование зрительной метафоры во французском и русском языках» [Филатова 2009], «Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет)» [Шаова 2005], «Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии» [Шинкаренкова 2005], «Идеологемы „порядок / беспорядок“ — „order/disorder“ в политическом дискурсе России и США» [Вдовиченко 2011].

История и теория сопоставительной метафорологии представлена в докторской диссертации «Сопоставительная политическая метафорология» [Будаев 2011], в монографиях Э. В. Будаева «Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы» [Будаев 2007], «Метафорический образ России в современном мире» [Будаев 2009] и в совместных монографиях Э. В. Будаева и А. П. Чудинова «Зарубежная политическая метафорология» [Будаев, Чудинов 2008а], «Метафора в политической коммуникации» [Будаев, Чудинов 2008в].

Общие проблемы политической лингвистики рассмотрены в учебниках «Политическая лингвистика» [Чудинов 2006, 2011], «Зарубежная политическая лингвистика» [Будаев, Чудинов 2007], «Лингвистическая советология» [Будаев, Чудинов 2009].

Уральская школа сопоставительной политической метафорологии продолжает развиваться, и можно надеяться на появление новых исследований, новых идей, новых методов и приемов изучения политического дискурса, важное место в котором занимает политическая метафора.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М. : Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М. : Помовский и партнеры, 1994.

Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2004.

Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2.

Белов Е. С. Метафоры внешнеполитического дискурса России и США : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2010.

Боярских О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в современных СМИ : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2008.

Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. — Нижний Тагил, 2007.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология. — Екатеринбург, 2008а.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2008б.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М. : Флинта : Наука, 2008в.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология. — Екатеринбург, 2009.

Будаев, Э. В., Чудинов А. П. Когнитивные и риторические истоки «Метафор, которыми мы живем» // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2006а. № 6. Лингвистика. Вып. 3.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Риторическое направление в изучении американской политической метафоры // Вестн. Урал. гос. тех. ун-та — Урал. политех. ин-та. Филология. 2006б. № 3 (74).

Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире.— Екатеринбург, 2009.

Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. … д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2011.

Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе : автореф. дис… канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002.

Вдовиченко Л. В. Идеологемы «порядок/беспорядок» — «order/disorder» в политическом дискурсе России и США : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2011.

Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.

Ворожцова О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года : дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

Григорьева О. В. Метафорическое моделирование дихотомии «СВОЕ — ЧУЖОЕ» в контркультурной рок-лирике США и СССР : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.

Елисеева С. В. Прецедентные феномены, восходящие к французской культуре, в современных российских и американских СМИ : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.

Зырянова И. П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.

Илюшкина М. Ю. Прецедентные феномены в российской и британской рекламе услуг для туристов : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2008.

Кабаченко Е. Г. Метафора в российском педагогическом дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.

Колотнина Е. В. Метафорическое использование лексики понятийной сферы «Больной — здоровый» // Лингвистика : бюл. Урал. лингв. о-ва. — Екатеринбург, 2000. Т. 5.

Колтышева С. Я. Метафорическое моделирование образа шоу-бизнеса в российском и американском массмедийном дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.

Коптякова Е. Е. Образ Германии в российской и американской медиа-картинах мира: стереотипы и метафоры : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.

Косарев М. И. Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» в политической коммуникации Германии и США : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2008.

Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ — ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Кропотухина П. В. Фитоморфная метафора в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2011.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996.

Кубрякова Е. С. Композиционная семантика: цели и задачи // Композиционная семантика : материалы 3 Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. — Тамбов, 2002. Ч. 1.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004.

Моисеева Т. В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

Мохова Е. К. Метафорическая репрезентация категории «Свои — Чужие» в президентском дискурсе Барака Обамы, Николя Саркози и Уго Чавеса : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2011.

Назин А. С. Сопоставительное исследование метафор в романе Дж. Р. Р. Толкиена «Хоббит, или Туда и обратно» и его переводах на русский язык : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

Нахимова Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации : автореф. дис. … д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2011.

Никифорова Л. К. Метафорическая репрезентация атомной энергетики в политическом дискурсе России, Франции и Германии : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2010.

Ольховикова Ю. А. Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом дискурсе США и ФРГ : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.

Плаксина Е. Б. Метафорические заголовки во французской и российской прессе : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

Перескокова А. Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских СМИ: рефлексивный аспект : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.

Прокопьева А. А. Сопоставительное исследование метафорических моделей в русскоязычных и англоязычных романах В. В. Набокова : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3.

Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы» (1999—2000 гг.) : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2001.

Светоносова Т. А. Сопоставительное исследование ценностей и антиценностей в российском и американском политическом дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика : курс лекций. — СПб., 2011.

Солопова О. А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 года) и Великобритании (2001 год) : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.

Сорокина М. В. Манипулятивный потенциал метафор периода войны в Ираке (на материале российской и американской прессы) : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампаний по выборам президента в США и России : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Сурина А. В. Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

Телешева И. В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.

Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1998.

Филатова К. Л. Когнитивное исследование зрительной метафоры во французском и русском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.

Чернякова М. В. Реализация манипулятивного потенциала метафоры в российском и американском дискурсе войны в Ираке : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

Чистова С. С. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе транспортных средств и бытовой техники : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.

Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000—2004 гг.) : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Изд. 3-е. М. : Флинта : Наука, 2011.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург, 2001.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург, 2003.

Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет) : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. ; Волгоград, 2000.

Шехтман Н. Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.

Шинкаренкова М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Шмелева Т. В. Морбиальная оптика // Лингвистика: Бюл. Урал. лингв. о-ва. — Екатеринбург, 2001. Т. 7.

Шустрова Е. В. Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в афроамериканской художественной картине мира : автореф. дис. … д-ра филол. наук. — Воронеж, 2008.

Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1. № 1.

Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. ULR: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm (1991).

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.

Turner M. Aspects of the Invariance Hypothesis // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1. № 2.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Э.В.Будаев

УДК 81'37
ББК Ш100.1 *ГСНТИ 16.21.51* *Код ВАК 10.02.19*

В. И. Карасик
Волгоград, Россия

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. *Рассматриваются базовые понятия семиотики, показана специфика символа как важнейшего способа обозначения и характеристики ценностей, выделены модусы семиотической репрезентации: прямой, эмблематический, аллегорический, символический и их разновидности.*

Ключевые слова: *семиотика; знак; ценности; эмблема; аллегория; символ.*

Сведения об авторе: *Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.*

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Контактная информация: *400131,г. Волгоград, пр. Ленина, д. 27, к. 4-33.*
e-mail: vkarasik@yandex.ru.

V. I. Karasik
Volgograd, Russia

LINGUOSEMIOTIC MODELLING OF VALUES

Abstract. *The article deals with basic notions of Semiotics, with the emphasis on symbols treated as the most important ways of denotation and characterization of values. Modes of semiotic representation are introduced in the scheme comprising direct, emblematic, allegoric and symbolic signs and their respective subtypes.*

Key words: *semiotics; sign; values; emblem; allegory; symbol.*

About the author: *Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, English Philology Department, Professor and Chair.*

Place of employment: Volgograd State Social Pedagogical University.

Модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка и рядоположенными феноменами. Лингвистическое моделирование схематически сводится к постановке вопросов «Что это?», «Какие разновидности этого явления существуют?» и «Какими языковыми способами это явление выражается?». В последнем случае имеются в виду как собственно языковые, так и коммуникативные способы выражения того или иного феномена. Моделирование ценностей — высших ориентиров поведения — нацелено на объяснение мотивации этих ценностей (почему тот или иной тип поведения является приоритетным в данной культуре), на освещение специфической комбинаторики ценностей (именно их комбинаторика в значительной мере объясняет особенности мировосприятия, свойственного определенному индивиду или определенной группе; случаи полного отсутствия той или иной ценности сравнительно редки), на выявление динамики таких ориентиров поведения (эта динамика обусловлена социально-историческими факторами), на определение способов их выражения (существуют определенные семиотические механизмы кодирования и декодирования ценностей).

Литература, посвященная знакам, безбрежна. Это объясняется тем, что знаки изучаются в разных областях знания — в лингвистике, философии, психологии, логике, культурологи и собственно семиотике. Представители разных наук трактуют понятие «знак» по-разному и используют разные термины для обозначения типов знаков.

Систематизируем основные понятия семиотики. Прежде всего, выделяется процесс (семиозис), в котором нечто функционирует как знак. В этом процессе есть четыре компонента: 1) знаковое средство (знаконоситель, или тело знака), 2) то, на что указывает знак (десигнат), 3) воздействие, в силу которого объект воспринимается как знак (интерпретанта), 4) тот, кто интерпретирует (интерпретатор). Знак как способ передачи информации имеет содержание и форму. Его содержание направлено на обозначение внезнаковой реальности (семантический аспект), при этом использование знака передает информацию не только об объекте, но и об участниках общения (прагматический аспект), и истолкование знака предполагает знание его соотношения с другими знаками в знаковой системе (синтактический аспект) [Моррис 1983: 39, 42]. Ч. Моррис верно отмечает, что эта схема является в большей степени объяснительной и не подразумевает признание того, что у знака есть форма и содержание. В научной литературе предлагается также выделять отношение знака к его форме — сигматику знака [Зегет 1985: 25]. Продуктивное противопоставление формальной и содержательной сторон знака может быть уточнено с разных позиций.

Дистинкция между интерпретантой и интерпретатором в рамках базовой схемы семиозиса не является релевантной, поэтому перед нами — семиотический треугольник (по Аристотелю: предмет, звук, душевное состояние), каждый из углов которого может быть далее уточнен и развернут в более сложное образование. Например, может быть развернуто референтное направление в понимании знака, т. е. соотношение между вещью и десигнатом — в кантианском противопоставлении «вещи в себе» и «вещи для нас», «явления» и «факта», объекта реальности (в бесконечном множестве его характеристик) и выделяемой стороны этого объекта (получающей наименование по тому при-

© Карасик В. И., 2012

знаку, который оказался актуальным для участников общения). В классической схеме семиотического треугольника даны ответы на следующие вопросы: «Что сообщается?» (семантика, предметная сторона), «Как оформлено сообщение?» (синтактика, выбор знаков), «Почему выбрано именно это средство для передачи сообщения?» (прагматика, учет фактора адресата, ситуации, норм культуры). Аксиологический подход к семиозису выдвигает на первый план его прагматическое содержание. В триаде «человек — реальность — орудие» ключевым моментом для семиотики является орудие, т. е. нечто, используемое с определенной целью для преобразования реальности. Однако осмысление появления чего-либо в качестве орудия и дальнейшая спецификация этого орудия переносят наше внимание на субъекта.

Форма знака принципиально отличается от обозначаемого объекта, но может либо отражать некоторые его признаки, либо быть конвенциональной. Ч. Пирс выделяет три типа знаков: иконы, которые характеризуются похожестью на объекты, индексы, которые таким сходством не обладают и связывают знак и объект только ситуативно, и символы, которые представляют собой правила, определяющие интерпретацию объектов [Пирс 2000: 218]. В дальнейшем система правил интерпретации знаков получила у многих исследователей наименование «код», хотя есть и иное, техническое понимание кода как последовательности знаков. Особенно важным в системе семиотических понятий является символ — «закономерная упорядоченность вещи, данная в виде общего принципа смыслового конструирования, в виде порождающей ее модели» [Лосев 1995: 65]. Подчеркнем важное свойство знака, о котором пишет Е. А. Елина: можно в каждом знаке отыскать все три составляющих (по Ч. Пирсу — иконическую, индексальную и символическую), но в реальном знаке один из признаков всегда доминирует [Елина 2012: 13].

Комментируя размышления Климента Александрийского о египетской иероглифике, Ц. Тодоров [Тодоров 1998: 26] подчеркивает важность противопоставления типов обозначения — (кириологического) прямого, тропологического (переносного) и аллегорического (в виде загадок). Знаки могут классифицироваться, как показано Блаженным Августином, с различных позиций: по способу чувственного восприятия, по происхождению и употреблению (знаки естественные и условные — дым как знак огня и как знак приближения неприятеля), по готовности адресата к их восприятию (не требующие обучения и требующие обучения), по природе связи между означающим и означаемым (знаки собственные и переносные) [Там же: 36—43]. Для теологов особенно значимым оказывается переход от переносного знака к духовному, от тропологического толкования к анагогическому: различаются буквальное, или историческое толкование Св. Писания (что произошло) и три вида духовного знания: тропологическое (моральное — как следует поступать), аллегорическое (во что следует веровать) и анагогическое (к чему следует стремиться). Есть и иное истолкование этих способов познания: ощущение (буквальный смысл), мышление (аллегорический смысл), чувство (моральный смысл), интуиция (анагогический, или мистический смысл) [Арапов 2007: 77]. Отметим, что в стилистике термины «троп» и «аллегория» трактуются иначе [см. Москвин 2007].

В работах разных исследователей термины меняются, но, как отмечает Л. Ф. Чертов [Чертов 1993: 58], под различными именами противопоставляются естественные и искусственные знаки (с одной стороны, — индексы, указатели, сигналы, с другой — символы, характеристики и симптомы). В работах многих ученых знак рассматривается как родовой термин по отношению к другим терминам семиотики, и эта позиция представляется вполне обоснованной. Но существует и иное понимание знака: в таком случае знаком считается только искусственное семиотическое образование, а естественное образование трактуется как признак. С позиций В. В. Бибихина [Бибихин 2002: 188], символическая связь не является знаковой, поскольку «в самих вещах мира заложены неявные созвучия». Этот подход к знаку вытекает из античного реализма, из признания первичности идеи по отношению к явлению.

В лингвистическом плане весьма значима идея иерархичности знаков: простейшими являются дейктические знаки (указатели), более сложный характер носят идентифицирующие знаки (имена собственные), наиболее информативны характеризующие знаки (предикаты, носители рематической информации) [Арутюнова 1999: 4]. Такая иерархия знаковых систем соответствует стадиям психического развития ребенка (указания, наименования, развернутые обозначения) и стадиям становления культуры (эмблема, аллегория, символ). Но важно подчеркнуть, что в культуре, как и в индивидуальной психике, элементы знаковых систем не отрицают друг друга, а находятся в динамическом равновесии: в нашем индивидуальном и коллективном опыте соседствуют и уживаются простые и сложные способы осмысления и освоения мира.

Заслуживает внимания функциональная модель знаков, предложенная А. Б. Соломоником [Соломоник 2009: 130—133]: естественные знаки нужны для ориентировки в обыденной жизни, образные знаки — для характеристики изображаемого, языковые знаки — для «объяснения всего и вся». Исследователь моделирует систему знаков в виде пирамиды — от естественных знаков к объяснительным, при этом противопоставляет языковые знаки первого и второго порядков абстракции, т. е. обычные языковые

знаки и научные формулы. С помощью такой схемы моделируются и человеческие типы — практики, художники, посредники и ученые. Интересен тезис о том, что «у человека в большинстве случаев создается ощутимая тяга к той или иной семиотической среде» [Там же: 138]. Признавая правомерность такого подхода к знаковой реальности, я бы подчеркнул полифункциональную ценность знака: с позиций познания предложенная иерархия верна, с позиций самораскрытия личности или эффективности действия иерархия знаков как инструментов освоения мира выстроится иначе.

Вернемся к определению символа. К. А. Свасьян [Свасьян 2010: 159] обсуждает его различные ипостаси и формулирует очень емкую дефиницию: «символ мы можем назвать идеей, зримой в факте». Такова когнитивная, и следовательно, гносеологическая сущность символа. Заслуживает осмысления и другой тезис цитируемого автора: «Символ никогда не сводится к своей форме. Он сквозь нее просвечивает глубинами смысла» [Там же: 221]. Речь идет о неисчерпаемости символа. Разумеется, символическое истолкование реальности — это один из типов ее истолкования, в других случаях уместна аллегория, в третьих — эмблема, а кроме того, достаточно часто в повседневной семиотической практике мы пользуемся прямым обозначением. Неприятности, как известно, начинаются тогда, когда происходит путаница, и мы пытаемся буквально истолковать символ либо тщетно ищем глубинные смыслы там, где их нет, когда мы неправильно идентифицируем эмблемы или приводим неуместные аллегории.

Г. С. Кнабе [Кнабе 2005: 37—42] вносит важные уточнения в характеристики знака: знак возникает в рамках ограниченной группы, привязан к определенной исторической эпохе, подвержен изменению и сочетает в себе объективную и субъективную информацию. Существенной характеристикой культуры является наличие эволюционных семиотических рядов (замещение одного предмета другим и перенос на второй формы и облика первого), синхронных семиотических рядов (парадигмы и стили), корреляций по масштабу и престижу [Степанов 1997: 26—38]. Осмысление семиозиса необходимо предполагает выделение семиотически значимых характеристик в поведении участников знакового процесса — отправителя, получателя, случайного свидетеля и перехватчика. Обратим внимание на значимость семиотического анализа политического дискурса [Чудинов 2003; Будаев, Чудинов 2008; Шейгал 2004].

Существенной характеристикой современного знакового пространства оказывается противопоставление знаков и псевдознаков (симулякров). Симулякр, по Ж. Бодрийяру, — это знак, оторванный от денотата, существующий в специфическом пространстве псевдосемиозиса, осмысливаемом как гиперреальность. Эти знаки (копии копий) стирают границу между реальностью и нереальностью и уничтожают координаты бытия. Ж. Бодрийяр [Бодрийяр] противопоставляет репрезентацию и симуляцию как два семиотических процесса: «Репрезентация исходит из принципа эквивалентности знака и реального (даже если эта эквивалентность утопическая, она является фундаментальной аксиомой). Симуляция, наоборот, исходит из утопичности принципа эквивалентности, из радикальной негации знака как ценности, из знака как реверсии и умерщвления всякой референции». Отрицание знака как ценности — один из признаков тотального отрицания ценностей, свойственного постмодернистскому мировосприятию. Поскольку ценности являются концентрированным выражением культуры, наличие симулякров свидетельствует об устранении культуры из человеческого бытия, а следовательно, об аннигиляции человека как homo sapiens. Появление и умножение симулякров — тревожное свидетельство кризиса, угрожающего современной цивилизации. Но современная цивилизация, как и любая самоорганизующаяся система, вырабатывает механизмы самосохранения, в том числе и в семиотическом пространстве. Одним из способов противодействия симулякрам является диагностика и интерпретация небытия в культуре [Саенко 2010]. Выявление и системное описание таких способов — задача гуманитарного знания.

Знак может быть противопоставлен маркированному отсутствию знака, парадоксальному звучанию тишины или пробелу там, где ожидается знак. Здесь мы сталкиваемся с границами дискурсивно обозначаемого мира (финальный тезис «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»). Знак пробела, как показывает М. Н. Эпштейн, является выходом за пределы языка. Этот знак — « » — вызывает семиотический шок у читателя, побуждает нас к «интенциональному чтению», направленному на осмысление значимых текстуальных пустот и зияний [Эпштейн 2004: 200, 205], и напоминает нам старинное изречение: «Слова не падают в пустоту».

Динамика знака определена С. И. Карцевским как асимметрический дуализм: означающее в знаке стремится к новым означаемым (смысловая вариативность), означаемое — к новым означающим: «...знак … одновременно принадлежит к ряду переносных, транспонированных значимостей одного и того же знака и к ряду сходных значимостей, выраженных разными знаками» [Карцевский 1965: 87]. Помимо этого, знаку свойственно «выветривание»: например, первоначально получить титул рыцаря можно было только в бою, затем бой сменился имитацией вооруженного противоборства, и наконец — символическим ритуалом, в ходе которого посвящающий ударял коленопреклоненного посвящаемого по плечу плашмя лезвием меча и произносил определенную сакраль-

ную формулу. А. А. Потебня [Потебня 1976: 517] отмечал, что фольклорные тексты подвержены сжатию. Прецедентный текст сокращается в памяти многих носителей культуры до нескольких ярких фрагментов, затем — до цитат, и далее — до названия. Это касается любой информации. Но наряду с растворением знака в семиотическом пространстве культуры выработался механизм его сохранения: при каждом новом повторении знак становится все более устойчивым. Эта характеристика знака обусловлена противопоставлением информации и фасцинации текста.

Информативное восприятие текста представляет собой рациональное определение его тематики, основной идеи, новых фактов и соотнесение полученных знаний с индивидуальным тезаурусом — совокупной системой знаний личности. Фасцинативное (fascinatio — очарование) восприятие текста проявляется как его эмоциональное переживание, эмпатическое слияние с текстом, ощущение его значимости для личности. Информативное восприятие знаков по своей природе дискурсивно: содержание сообщения в малой мере зависит от формы, текст легко аннотируется, превращается в дайджест, переводится на другой язык без смысловых потерь и при каждом последующем предъявлении становится менее значимым для его получателя. Фасцинативное восприятие сообщения интуитивно и целостно, форма текста очень значима, при переводе текст становится другим, аннотированию практически не поддается, и при каждом последующем предъявлении его ценность для личности возрастает. Примером информативного текста является подборка газетных новостей, примером фасцинативного текста — поэзия. Фасцинация как характеристика текста привлекала к себе внимание исследователей [Кнорозов 1973; Саленко 1978; Мусхелишвили, Шрейдер 1997а, 1997б], но ее роль в лингвистике и культурологии освещена еще недостаточно. Ю. В. Кнорозов обосновал биологическую сущность фасцинации как ритмического повторения, которое затормаживает анализаторы и приводит адресата в состояние шарма.

В ином ключе суть фасцинации определяет Ю. М. Лотман, который противопоставляет две модели общения: собственно коммуникацию и автокоммуникацию. Коммуникация носит логический характер, автокоммуникация по своей природе мифологична. Логическое сообщение развернуто и дескриптивно, мифологическое — свернуто, при этом понимание мифологии равносильно припоминанию. В первой модели (я — он) адресант заменяется адресатом, а код и сообщение остаются постоянными, во второй модели (я — я) носитель информации остается тем же, но «сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый смысл. Это происходит в результате того, что вводится добавочный — второй — код и исходное сообщение перекодируется в единицах его структуры, получая черты нового сообщения» [Лотман 1973: 229]. Этот второй код строится на основе ритмических рядов, у которых вначале нет своего содержания, но которые могут обрастать ассоциациями: «Высокоорганизованные асемантические тексты имеют тенденциию становиться организаторами наших ассоциаций. … Текст в канале „я — я“ перестраивает ту личность, которая включена в процесс автокоммуникации» [Там же: 236]. Есть типы текстов, сориентированных на сообщение, и типы текстов, сориентированных на код. Очень интересен тезис о том, что «реальные культуры, как и художественные тексты, строятся по принципу маятникообразного качания между этими системами. Однако ориентация того или иного типа культуры на автокоммуникацию или на получение истины извне в виде сообщений проявляется как господствующая тенденция» [Там же: 243]. Отсюда вытекает вывод о том, что тип культуры обусловлен доминирующим типом коммуникации и соответственно доминирующим типом личности. Ю. М. Лотман приходит к очень глубокому заключению о необходимой взаимодополнительности этих типов коммуникации в культурном пространстве: «Тенденция к умственному потребительству составляет опасную сторону культуры, односторонне ориентированной на получение информации извне. Культуры, ориентированные на автокоммуникацию, способны развивать большую духовную активность, однако, часто оказываются значительно менее динамичными, чем этого требуют нужды человеческого общества» [Там же: 243]. Это семиотическое противопоставление культур в целом можно свести к антитезе деятеля и созерцателя: активность деятеля направлена вовне, на завоевание, освоение и переустройство мира, активность созерцателя — внутрь, на постижение собственного Я и осмысленное переживание гармонии с миром.

Н. Л. Мусхелишвили и Ю. А. Шрейдер [Мусхелишвили, Шрейдер 1997а] развивают идеи Ю. М. Лотмана и Ю. В. Кнорозова с учетом специфики внутренней речи и доказывают, что информация в тексте вообще может восприниматься, только если адресат в этом тексте находит для себя фасцинацию, при этом возникает новый тип фасцинации: к аттрактивности исходного текста добавляется индуцированная фасцинация, возникающая в сознании адресата. Иначе говоря, при определенном уровне эрудиции и заинтересованности в восприятии сообщения у получателя информации возникает отклик в виде развития содержания этого сообщения. Речь идет о творческом участии адресата в осмыслении информации. Заслуживает внимания тезис цитируемых авторов о том, что в непрямой коммуникации фасцинация сообщения становится более значимой; это прослеживается, в частности, в майевтических диалогах Сократа, в ходе которых адресат из

ученика превращается в сотворца [Мусхелишвили, Шрейдер 1997б]. В монографии В. В. Дементьева [Дементьев 2006] креативный потенциал непрямой коммуникации раскрывается с разных позиций.

Г. Г. Хазагеров [Хазагеров 2006] в новом ключе раскрывает прагматическую сторону знака в модели, центральными компонентами которой являются два измерения общения: ось интенции и ось конвенции. Первое измерение учитывает отношения между участниками общения (я — ты), это традиционное понимание прагматики знака. Основу общения составляет интенция говорящего оказать воздействие на адресата, передать некоторое сообщение или выразить свои переживания. Второе измерение характеризует отношение говорящего к среде общения, к выбору тех или иных средств и способов коммуникации, и тем самым — к самоидентификации (я — мы). В лингвистике многие разделяют тезис о том, что языковая система определяет возможности коммуникативной практики участников общения (в формальном плане это необходимость иметь определенную языковую компетенцию для осуществления общения, в содержательном плане — признание того факта, что специфическая этнокультурная картина мира, зафиксированная в семантике языковых единиц, определяет мировидение носителей культуры, т. е. имеет место избирательное мировосприятие, обоснованное в гипотезе Э. Сепира и Б. Уорфа о языковой относительности). Вместе с тем участники общения не являются автоматами, использующими только заданный код, они постоянно вносят помимовольные и намеренные изменения в этот код, что и объясняет динамику языка. Идеологическое давление со стороны власти на участников общения, как справедливо отмечает Г. Г. Хазагеров, выражается в жесткой фиксации и ритуализации конвенциональных формул коммуникации. Участники общения естественно вырабатывают систему способов сопротивления ритуалу, например высмеивая его.

Заслуживает внимания лингвофилософская модель состояния человеческого духа, которую предлагает В. И. Тюпа [Тюпа 2010] в виде четырех модальностей самоидентификации субъекта: 1) роевой Мы-менталитет, субъект как представитель общности; 2) ролевой Он-менталитет, субъект как исполнитель социального регламента, 3) дивергентный Я-менталитет, субъект как суверенный носитель свободного сознания; 4) конвергентный Ты-менталитет, субъект как участник диалога, осознающий свою ответственность за других [Тюпа 2010: 22—26]. В этом осмыслении прагматической стороны знака представлена программа изучения разных типов ментальности, проявляющихся в личности и культуре. Носитель роевого сознания видит в другом прежде всего своего либо чужого, представитель нормативного сознания относится к другому как к исполнителю предписаний, человек с эгоцентрическим типом сознания воспринимает другого в качестве объекта воздействия или сверхсубъекта угнетения, личность диалогизированного сознания обращается к другому как к адресату и одновременно адресанту собственной субъективности.

Эта модель характеризуется четкой иерархической структурой и конкретизируется в разных типах, или стадиях, дискурсных формаций. Роевое сознание выражается в саморастворении личности (значимо замечание О. Розенштока-Хюсси: «Мы не в состоянии все время быть личностями»), в значимости лишь повторяемых элементов действительности, неизменности транслируемой информации, поддержании покоя как сверхценности этого типа бытия. Нормативное сознание сориентировано на дискурс власти, между участниками общения устанавливаются статусно-иерархические отношения, всякое индивидуально-субъективное оценочное суждение оценивается по его соответствию авторитарной истине, ценностная картина мира носит черно-белый характер, общение осуществляется посредством эмблем, наивысшей ценностью считается выполнение долга. Эгоцентричное сознание исходит из презумпции всеобщего равенства, мнение каждого имеет право на существование, высшей ценностью бытия признается самоактуализация личности и вытекающая отсюда креативность в общении. Эгоцентричная коммуникативная практика в значительной мере является игровой. Диалогизированное сознание сориентировано на понимание, на взаимодополнительность смыслов и взгляд на себя со стороны, приоритетной ценностью такого осмысления бытия признается ответственность. На мой взгляд, это одна из самых интересных лингвофилософских концепций.

Модель В. И. Тюпы соотносится с известной моделью О. Розенштока-Хюсси [Розеншток-Хюсси 1994], но существенно отличается от нее. В основу концепции О. Розенштока положена метафора грамматики, базирующейся на «кресте реальности» с направлениями «назад», «вперед», «внутрь» и «вовне». Эти направления иллюстрируют темпоральные типы освоения реальности через прошедшее и настоящее время, повелительное и сослагательное наклонения. Названным типам реальности соответствуют жанры речи и типовые носители этих жанров: прошедшее как история и юриспруденция, настоящее как наука, сослагательное наклонение как искусство, повелительное наклонение как политика [Розеншток-Хюсси 1994: 197—199]. Действительно, язык представляет собой детально разработанную матрицу формирования установок, которые определяют наше отношение к миру, и в этом плане грамматическая метафора вполне имеет право на существование. Верно и то, что в разных типах деятельности можно установить приоритетную направленность на прошлое, настоящее и будущее, на действительное либо возможное. Подчеркну,

что каждая из предложенных моделей предполагает взаимодополнительность выделенных компонентов. Научное освоение мира нацелено на объяснение его фактов, наблюдаемых здесь и сейчас, но оно учитывает опыт предшественников (прошедшее) и обладает прогностическим потенциалом (будущее). Художественное произведение — это не только сообщение о внутреннем мире автора, но и использование внешней реальности как средства изображения.

Семиотической по своей сути является формула социального статуса человека, в которой выделяются три компонента: статусный индекс (ролевые признаки человека), статусный вектор (указание на неравенство либо равенство участников общения), статусная репрезентация (выражение уважительного отношения к адресату путем его возвышения либо самопринижения говорящего) [Карасик 2002]. Статусный индекс по-разному определяет поведение людей в различных лингвокультурах: в восточных культурах считается нормой оказывать знаки уважения по отношению к лицам преклонного возраста, старики имеют право критически оценивать молодежь, даже если они не знакомы с молодыми людьми, возраст не принято маскировать, в то время как представители западной культуры исходят из принципиального равенства всех взрослых людей, критика в адрес незнакомого молодого человека недопустима, возраст маскируется. Специфически выражаются векторные признаки статусного неравенства: в одних культурах право задавать вопросы принадлежит только вышестоящим, в других это коммуникативное действие не ассоциируется со статусным неравенством, статусно маркированной часто является коммуникативная инициатива, статусный вектор определяет разные формы обращения к адресату. Статусная репрезентация может быть простой, как на Западе, когда говорящий подчеркивает высокое положение адресата, либо осложненной, как на Востоке, когда имеет место ритуальное самопринижение говорящего. Выражение социального статуса всегда эмблематично, отношение к нормам поведения старших и младших часто обозначается аллегорически, социальная пирамида в определенных типах общения осмысливается как символ, определяющий принадлежность участников общения к единому коллективу.

С позиций интерпретативной лингвокультурологии может быть предложена следующая семиотическая схема содержания дискурса. По признаку прямого/непрямого выражения информации все тексты в единстве со своими контекстами могут быть разбиты на два соответствующих смысловых класса. Прямое выражение информации распадается на ряд разновидностей, среди которых можно выделить симпрактическое сообщение (*По пути домой купи хлеб),* эмотивное высказывание *(Вот это да!),* комментарий *(Я сразу не ответил на звонок — батарейка села).* Подчеркну: возможны ситуации, в которых эти высказывания будут восприняты как пароль или как-то иначе, но достаточно часто подобные фразы воспринимаются в их буквальном смысле, не требующем поиска скрытого содержания. Непрямое выражение информации, в свою очередь, представлено тремя типами смыслов: эмблематическим, аллегорическим и символическим [Карасик 2010].

Эмблематическое восприятие сообщения — это идентификация отправителя речи или коммуникативной ситуации. Можно установить следующие разновидности эмблематического смысла: фоновый (оценка ситуации по ее соответствию ожидаемому положению дел — *Пожалуйста, предъявите билет),* статусный (определение соотношения участников общения по их социальному статусу — *Разрешите обратиться),* парольный (переключение в режим общения с новым, недоступным для посторонних означиванием коммуникативной ситуации — *Над всей Испанией безоблачное небо).* Эмблематический смысл воспринимается как непроизвольно, так и осознанно и является важным компонентом фатического общения.

Аллегорический смысл представляет собой рационально выводимое содержание сообщения и по своим основным функциям проявляется в следующих разновидностях: дидактической *(Скрипучая дверь долго висит),* эвфемистической *(Его сегодня с нами нет),* орнаментальной *(Что ж бунтуете, молодой человек? Перед вами же — стена! — Стена, да гнилая. Ткни — и развалится).* Специфика аллегорического смысла состоит в единственно возможной интерпретации исходного высказывания, поэтому он часто актуализируется в педагогическом, религиозном или политическом дискурсе.

Символический смысл отличается своей принципиальной неисчерпаемостью, символическое высказывание допускает множество толкований, причем каждый участник общения открывает новые глубины в символическом тексте при каждом обращении к нему. Можно выделить три типа символических смыслов: эмпатический (эмпатия — гр. «вчувствование»), моментально соединяющий картины миров участников общения благодаря мощной фасцинации текста *(М. Ю. Лермонтов: «Выхожу один я на дорогу…»),* эйдетический (эйдос — гр. «образ»), захватывающий яркостью и значимостью используемых образов (*А. П. Цветков: «тому кто лишь в воздухе дрожь или соль в золе / неважно уже как живут на его земле / ни снежное над головой шевеленье пихт / ни белое по голубому ристанье яхт»)*, энигматический (энигма — гр. «загадка»), очаровывающий парадоксальной многозначностью *(А. А. Тарковский: «Я по каменной книге учу вневреме́нный язык. / Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти, / И уже я по горло в двухмерную плоскость проник, / Мне хребет размололо на мельнице жизни и смерти»).* Приведен-

ные термины в сходном значении используются в психологии.

Эти знаковые модусы восприятия текстов могут пересекаться, один и тот же текст может быть воспринят и как прямое сообщение, и как эмблематический указатель, и как аллегорическое поучение в определенной ситуации, и как многомерный символ. Вместе с тем потребности коммуникативной практики приводят к тому, что в определенных типизируемых ситуациях возникают ожидаемые типы дискурса.

Резюмируем.

Лингвосемиотические модели представляют собой объяснительные схемы соотношения языкового знака с внезнаковой реальностью и человеком как интерпретатором этой реальности. Можно выделить микросемиотические и макросемиотические модели. Первые характеризуют базовые отношения в семиотическом треугольнике (семантика, прагматика и синтактика знака), вторые раскрывают связи знака с культурой (мотивация), человеком (актуализация, или осмысление), миром (референция).

С позиций аксиологической лингвистики на первый план выдвигаются прагматические характеристики знака, его многообразные отношения с интерпретатором. Важнейшей из этих характеристик является вложенная в знак программа его интерпретации, культурно-смысловой ген передаваемой переживаемой информации. Осмысливаемые таким образом знаки — символы — выступают в качестве носителей аккумулированного коллективного опыта. Символическое прочтение знака представляет собой высшую ступень семиотического освоения реальности и системно дополнено другими модусами семиозиса — прямым, эмблематическим и аллегорическим осмыслением информации.

В соответствии с ситуациями общения выработаны способы растворения и закрепления определенных типов сообщений в коммуникативном пространстве: к первым относятся приемы актуализации информации, ко вторым — приемы фасцинативного воздействия на адресата.

Существуют знаки, фиксирующие осмысливаемую реальность, и знаки с нулевым содержанием; первые упорядочивают концентрированный опыт социума, вторые вносят в него энтропию, проявляясь как экзистенциальный либо познавательный абсурд.

Конвенциональные признаки семиозиса определяют коммуникативное поведение участников общения и вместе с тем модифицируются и трансформируются под влиянием осуществляемых намеренно и ненамеренно изменений в нормах общения, в результате чего меняется ценностная картина мира соответствующего сообщества.

Позиции участников коммуникативной ситуации могут быть осмыслены как семиотически релевантные ориентиры типов культуры. В качестве таких ориентиров в исследовательских конструктах могут использоваться и другие признаки, переосмысление которых дает возможность установить приоритеты того или иного лингвокультурного сообщества, в частности знаковые модусы осмысления текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Арапов А. В. Библейская герменевтика от Патристики до Просвещения // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 75—91.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1999.

Бибихин В. В. Язык философии. — М. : Языки славянской культуры, 2002.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. URL: http://exsistencia.livejournal.com. (Оригинал: Baudrillar J. Simulacres et simulations. — P. : Galilee, 1981).

Будаев А. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М. : Флинта : Наука, 2008.

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. — М. : Гнозис, 2006.

Елина Е. А. Изобразительное искусство в интерпретациях: лингво-семиотический взгляд : моногр. — Саратов : Наука, 2012.

Зегет В. Элементарная логика / пер. с нем. И. М. Морозовой. — М. : Высш. шк., 1985.

Карасик В. И. Язык социального статуса. — М. : Гнозис, 2002.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. — М. : Гнозис, 2010.

Карцевский С. И. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. — М. : Просвещение, 1965. Ч. 2. С. 85—90.

Кнабе Г. С. Семиотика культуры : конспект учеб. курса. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005.

Кнорозов Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. — М. : Наука, 1973. С. 324—334.

Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. — М. : Искусство, 1995.

Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. — Тарту, 1973. Вып. 6. С. 227—243.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. — М. : Радуга, 1983. С. 37—89.

Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры : терминол. слов. Изд. 3-е, испр. и доп. — Ростов н/Д : Феникс, 2007.

Мусхелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Автокоммуникация как необходимый компонент коммуникации // Науч.-техн. информация. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1997а. № 5. С. 1—10.

Мусхелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Информация и фасцинация в прямой и непрямой коммуникации // Науч.-техн. информация. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1997б. № 8. С.1—7.

Пирс Ч. С. Избр. филос. произведения : [пер. с англ.]. — М. : Логос, 2000.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М. : Искусство, 1976.

Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. — М. : Лабиринт, 1994.

Саенко Н. Р. Нигитология культуры (опыт построения) : моногр. — Волгоград : Перемена, 2010.

Саленко И. И. Языковая фасцинация // Общение: теорет. и прагматические проблемы. — М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1978. С.117—124.

Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). 2-е изд. — М. : Академ. проект : Альма Матер, 2010.

Соломоник А. Б. Очерк общей семиотики. — Минск : МЕТ, 2009.

Тодоров Ц. Теории символа / пер. с фр. Б. Нарумова. — М. : Дом интеллектуальной книги : Рус. феноменол. о-во, 1998.

Тюпа В. И. Дискурсные формации : очерки по компаративной риторике. — М. : Языки славянской культуры, 2010.

Хазагеров Г. Г. Ось интенции и ось конвенции: к поискам новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. 2006. № 1/2. С. 40—62.

Чертов Л. Ф. Знаковость: опыт теорет. синтеза идей о знаковом способе информац. связи. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Эпштейн М. Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. — М. : Нов. лит. обозрение, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 81'27
ББК Ш100.7 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.01*

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

АДАПТАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ И ФАКТОР АДРЕСАТА В ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ: ЗАГОЛОВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС И ОСНОВНОЙ ТЕКСТ

Аннотация. *Сопоставляются приемы и методы реализации адаптационной стратегии в газетно-журнальном и политическом дискурсах. Выделены и охарактери-зованы две ее разновидности: популяризаторская адаптация как средство облегчения понимания сообщения и адаптация лингвосоциокультурная, направленная и на облегчение понимания текста, и на трансляцию авторской точки зрения.*

Ключевые слова: *адаптация; адаптационная стратегия; газетно-журнальный дискурс; фактор адресата; массовый адресат; дифференцированный адресат; заголовочный комплекс; лингвосоциокультурная адаптация; популяризация; предвыборный дискурс.*

Сведения об авторе: *Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.*
e-mail: verbalis@mail.ru.

N.B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

PROPAGANDA STRATEGY AND ADDRESSEE FACTOR IN NEWSPAPER AND MAGAZINE POLITICAL DISCOURSE: TITLE COMPLEX AND THE TEXT

Abstract. *Ways and methods of realization of propaganda strategy in newspaper and magazine political discourse are compared. Two types of propaganda are singled out and characterized: popularization adaptation as a means of simplifying the report and lingosociocoltural adaptation aimed at simplifying understanding of the text and articulation of the author's view.*

Key words: *adaptation; adaptation strategy; newspaper and magazine discourse; addressee factor; mass addressee; differentiated addressee; title complex; lingosociocoltural adaptation; popularization; election discourse.*

About the author*: Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Термин «адаптация» в традиционном смысле трактуется следующим образом: «1) приспособление строения и функций организма к условиям существования; 2) совокупность реакций, обеспечивающих приспособление организма или его органа к изменению окружающих условий; 3) сокращение и упрощение текста, чаще всего иноязычного, для изучения языка или малоподготовленных читателей» («Словарь иностранных слов»). Однако в условиях современного мультикультурного пространства термин «адаптация» употребляется в гораздо более широком смысле, превышающем совокупность указанных выше значений. Семантическое наполнение данного термина также различно, хотя его категориальная сема — «приспособление» — идентична для речевых реализаций в различных видах дискурса. Так, в дискурсе преподавания РКИ (русского языка как иностранного) термин «адаптация» репрезентирует приспособление дидактического материала и образовательного процесса в целом к комплексу коммуникативных, культурологических, ментальных, собственно образовательных и иных задач. В научном дискурсе термин «адаптация» тесно связан со стилистическими особенностями текста. Не случайно выделяется такой подстиль научной речи, как научно-популярный: тексты, написанные в рамках этого подстиля, — это именно адаптированные произведения речи, приспособленные к более легкому восприятию детьми или неспециалистами.

В разных видах дискурса необходимость в адаптационных приемах различна. Очень велика она в педагогическом дискурсе (весь дидактический материал — это по сути научные тексты, в той или иной мере подвергшиеся адаптации с учетом возраста обучаемых, фона их знаний, лексико-грамматического тезауруса и т. д.). В крайне незначительной степени адаптационные приемы используются в юридическом дискурсе («темный и непонятный юридический язык»). Однако в дискурсах, связанных со сферами массовой коммуникации и массовой информации, адаптационная стратегия реализуется в полной мере, а соответствующий ей набор коммуникативных тактик и речевых приемов все расширяется. Это дискурс СМИ (газетно-журнальный и радиотелевизионный), интернет-дискурс, политический, в том числе предвыборный, дискурс, а также рекламный дискурс. Необходимость адаптации в текстах, относящихся к указанным выше дискурсам, определяется прежде всего особенностями аудитории. Аудиторию газетно-журнального дискурса принято называть массовой. Г. Блюмер, американский социолог, еще в 1946 г. дал дос-

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)
© Руженцева Н. Б., 2012

таточно структурированное определение массовой аудитории: «это совокупность людей, 1) разных социальных профессий, положений и культурного уровня, 2) представленных анонимными индивидуумами; 3) слабо взаимодействующих между собой; 4) весьма неопределенно организованных» [цит. по: Борев, Коваленко 1986].

Попытаемся охарактеризовать приемы адаптации газетно-журнального текста к уровню восприятия массовой аудитории на примере публикации газеты «Труд» (19.01.2012 г.) «Сел, подумал — и решил» (автор — Валерий Чуманов; газета «Труд» является массовым изданием с достаточно широкой, слабо дифференцированной аудиторией, поэтому авторы публикаций стараются сделать тексты доступными для восприятия и понимания самыми разными слоями населения). Адаптация начинается уже на уровне заголовочного комплекса, который в плане содержания раскрывает интересную многим тему («За что математикам дают сегодня миллион долларов?»), в плане выражения достаточно хорошо структурирован и удачно, на наш взгляд, оформлен графически, а в коммуникативно-прагматическом плане реализует побудительную интенцию, мотивом которой является стремление к знаниям. Заголовочный комплекс публикации даже при беглом просмотре воспринимается как единый мини-текст, выводящий публикацию во внешний мир:

ТЕМАТИЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ ПОЛОСЫ: *Наука* (рубрика *Премии).*

СОБСТВЕННО ЗАГОЛОВОК: *Сел, подумал — и решил.*

ПОДЗАГОЛОВОК: *За что математикам дают сегодня миллион долларов.*

ЛИД (проблемный характер, легкая ироническая тональность): *Ученому заработать миллион — раз плюнуть. Для этого надо всего ничего: сесть, подумать и решить одну из математических „проблем тысячелетия“. Кстати, с прошлого столетия количество таких проблем увеличилось примерно в четыре раза, осталось их совсем немного, так что нужно спешить.*

ВНУТРЕННИЕ ЗАГОЛОВКИ (главки, четко структурирующие текст): *Гипотеза Берча и Свиннертон-Дайера; Гипотеза Ходжа; Уравнения Навье-Стокса; Проблема решения проверки (теорема Кука-Левина); Гипотеза Римана; Уравнения Янга-Миллса.*

ВСТАВКИ (графически выделенные врезки в текст):

Проблем было выбрано именно семь — по числу выделенных на их решение миллионов.

ВКЛАД ГАМИЛЬТОНА в решение задачи ничуть не меньше, считает Перельман.

Таким образом, на уровне заголовочного комплекса автор приспосабливает массовую недифференцированную аудиторию к пониманию главной мысли данной публикации: существует семь глобальных математических проблем, и за решение каждой из них ученого ждет миллион долларов.

Охарактеризуем другие (внутритекстовые) пути реализации адаптационной стратегии с опорой на три критерия понимания сообщения, выделенные Т. М. Дридзе: «...знание слов и выражений, употребленных в сообщении; понимание текста сообщения в целом; умение определить главную мысль сообщения» [цит. по: Стернин 1996]. Первые четыре (из семи) группы людей, различающихся по умению понимать смысл сообщения, которое им предъявлено, в классификации Т. М. Дридзе характеризуются следующим образом:

«Первая группа: люди хорошо знают слова сообщения, хорошо поняли текст и хорошо выделили главную мысль. Это значит, что они хорошо поняли сообщение. Такие люди в среднестатистической аудитории составляют 12 %.

Вторая группа: люди удовлетворительно знают слова сообщения, удовлетворительно поняли текст и удовлетворительно выделили главную мысль. Сообщение они поняли удовлетворительно. Таких 17 %.

Третья группа: все показатели на низком уровне, сообщение понято плохо. Таких 19 %.

Четвертая группа: люди хорошо знают слова, хорошо поняли текст, но плохо поняли главную мысль. Таких 32 %» [цит. по: Стернин 1996].

Сказанное выше определило наше понимание текстовой адаптационной стратегии применительно к массовой недифференцированной аудитории СМИ как ***комплекса содержательно-формальных действий, направленных на организацию текста таким образом, чтобы вторая, третья и четвертая группа читателей приблизились к пониманию текста, присущему первой группе.*** Можно дать и другое определение текстовой адаптационной стратегии, направленной на массового адресата: ***стратегия популяризаторского типа, приспособление сообщения к текстовой компетенции массового реципиента, в том числе к его лексико-грамматическому тезаурусу, фонду знаний, способности извлекать смысл из произнесенного или написанного высказывания.***

Обратимся к тексту указанной публикации, который последовательно приспосабливается автором к уровню понимания массовой аудитории.

Понимание слов и выражений обеспечивается:

– переводом*: Millenium Prize Problems ‘Призовые проблемы тысячелетия’;*

– пояснительными конструкциями: *…за решение каждой из них Математическим институтом Клэя (Кембридж, Массачусетс, США) была назначена премия в 1 млн. долларов; …ему за решение одной из „призовых проблем“, а именно проблемы Пуанкаре, была присуждена главная математическая премия — медаль Филдса (денежный эквива-*

лент — 15 тысяч канадских долларов); Проверить, является ли число простым или нет, можно только попробовав разделить его на все меньшие числа (самое большое из известных на сегодняшний день простых чисел было найдено в 2008 году и состоит из 12978189 цифр).

Понимание текста сообщения в целом, в свою очередь, обеспечивается:

– авторским уточняющим комментарием: *Сплошь и рядом Григория Яковлевича величают Гришей, а его отцом называют великого популяризатора науки Якова Перельмана, притом что Яков Исидорович умер от голода в блокадном Ленинграде в 1942 году. А Григорий Яковлевич родился только в 1966; Вернее сказать, проблем было выбрано именно семь — по числу выделенных на их решение миллионов*;

– аналогиями, в упрощенной форме вводящими в суть проблемы: *Если перед человеком ставят задачу найти в лесу закопанный там в прошлом веке клад, он может потратить на поиски всю жизнь. Все происходит гораздо быстрее, когда ему говорят: „Клад закопан под единственной в лесу осиной. Пойди и проверь!“ Примерно то же происходит при решении любой задачи; Проще говоря, исследуя просто кирпичи, мы не можем себе представить составленный их них дом*;

– упрощенным и даже огрубленным объяснением проблемы: *Когда вы плывете по озеру на лодке, от нее разбегаются волны. Вслед за летящим самолетом или мчащимся автобусом возникают турбулентные потоки — воздушные завихрения. Все эти явления описываются созданными еще в 1822 уравнениями Навье-Стокса. А как их решать, до сих пор никто не знает; Философским камнем математики можно назвать уравнения вида xn+yn+zn+ ….. = tn . Самое простое (например, 32+42 =52) полностью исследовал еще за 300 лет до рождества Христова Эвклид. А одно из самых больших решений (в докомпьютерную эпоху) предложил в 1769 году Эйлер… Универсального метода вычислений для подобных уравнений не существует; Среди всей массы чисел особое место занимают числа, которые невозможно разделить на что-то более мелкое, чем они сами: 1,2, 3, 4, 5, 7, 11 и т. д. Такие числа называются простыми, и они для математиков крайне важны. Как они распределяются по числовому ряду, пока неизвестно; Решение сформулированной в 1971 году теоремы Кука, по словам ученых, приведет к настоящей революции в области криптографии и к появлению систем шифрования, которые просто невозможно будет взломать. Если грубо — появятся шифры, проверка правильности которых будет происходить бесконечно долго.*

Кроме того, облегчение понимания текста обеспечивается введением в текст элементов разговорной речи, часто с легкой иронической окраской: *Ученому заработать миллион — раз плюнуть. Для этого надо всего ничего: сесть, подумать и решить одну из математических „проблем тысячелетия“*; *Как бы там ни было, 1 млн. долларов продолжает ждать Перельмана*. Иронический эффект заложен уже в самом заголовке: *Сел, подумал — и решил*, — который в сочетании с внутренними заголовками терминологического характера (наименования математических проблем, о которых массовый адресат едва ли даже слышал) вызывает иронические ассоциации.

Таким образом, адаптационная стратегия в текстах СМИ, ориентированных на массового адресата, обеспечивается сочетанием научно-популяризаторских приемов (упрощение, т. е. редукция текста, объяснения, аналогии и др.) с возможностями заголовочного комплекса в единстве его вербальной и невербальной составляющих. В скобках заметим, что сказанное не относится к дифференцированным относительно фактора адресата массовым изданиям, например мужским и женским журналам и т. п., в которых реализуются специфические способы адаптации текста к «своему» читателю.

В политическом, и в частности предвыборном дискурсе, текстовая адаптационная стратегия реализуется несколько иначе. Еще несколько лет назад тексты предвыборных материалов были в большинстве ориентированы на массового нехарактеризованного читателя, так называемый электорат. Тексты старались приблизить к уровню понимания любого читателя, независимо от уровня его коммуникативной компетенции. О необходимости ориентации на массового адресата писали многие ученые-лингвисты, делая акцент на таких качествах речи, как ясность и понятность: «Сущность закона коммуникативной простоты в следующем: чем проще твои мысли и слова, тем лучше тебя понимают и тем больше верят. Простота содержания и формы общения — залог коммуникативного успеха. Говорите просто, давайте простые советы — и люди пойдут за вами» [Стернин 1997].

В речеведении бытуют такие понятия, как «редукционизм», «стратегия редукционизма», которые часто связываются с политическим дискурсом: «Под редукционизмом понимается установка политика на упрощение проблемной ситуации с целью манипулирования электоратом. Стратегия редукционизма определяет набор наиболее продуктивных в сфере политического общения речевых тактик и коммуникативных ходов» [Миронова 2003]. В свою очередь, сами политики часто сводили адаптационную стратегию к простой редукции текста, ср. мнение по этому поводу одного из кандидатов на пост мэра Екатеринбурга Олега Гусева (2003 г.): *Мои избиратели — те, кто живет со мной в одном городе, с кем я хожу по одним и тем же улицам. Читая эту программу, вы не увидите в*

ней сложных графиков и цифр, запутанных предложений и логических построений. Я не хочу и не буду писать наукообразную программу, наполненную иностранными, малопонятными читателю словами и сложными терминами. Я уверен, что политики вставляют их в свои программы для того, чтобы запутать читателя, чтобы сбить его с толку, не дать разобраться... Я же полагаюсь на логику здравого смысла, понятную всем людям. И то, что я пишу, адресовано всем читателям, всем горожанам, а не узкой группе малозначительных специалистов. Со специалистами мы отдельно поговорим в отдельных кабинетах их специальным научным языком. А с теми, кто не относится к этой группе, то есть со всеми вами, я буду говорить просто, понятно и честно. Еще Эйнштейн в свое время говорил, что ученый, который не может объяснить ребенку теорию относительности в десяти словах, является жуликом. И я уверен, что эти же слова я могу сказать и про программу города. Ее-то тем более можно и нужно объяснить простыми словами.

Однако в настоящее время в политическом, и прежде всего в предвыборном дискурсе, имеет место иная тенденция прагматической организации текста, связанная с дифференциацией массового адресата, которого политики больше не могут по объективным причинам воспринимать как весьма неопределенный электорат. Отсюда вытекает необходимость не только простой редукции текста, но и его адаптации в соответствии с дифференциацией адресата. Следствием вышесказанного является широкое распространение полиадресатных предвыборных изданий, включающих обращения к разным социальным группам населения. В этих изданиях учитывание фактора дифференцированного адресата диктует разнообразие форм текстовой адаптации, а установка на моноадресованность сменяется установкой на полиадресованность. В качестве примера обратимся к материалам предвыборной газеты партии «Справедливая Россия» — «СР/Справедливая Россия» (от 2 и 8 ноября 2011 г.).

Издания носят явно выраженный относительно политического конкурента (партии «Единая Россия») оппозиционный характер, а адаптация публикаций к разным социальным группам читателей происходит прежде всего на содержательно-тематическом уровне. В газетах есть публикации, затрагивающие интересы пенсионеров, автолюбителей, родителей, имеющих детей школьного возраста, инвалидов и т. д. Тексты публикаций адаптированы к интересам разных групп читателей и на уровне заголовочных комплексов. Приведем примеры заголовочных комплексов с дифференцированной адресацией.

1. Текст, адресованный родителям, имеющим детей школьного возраста.

ЗАГОЛОВОК: *Платные уроки в школах с 2012 года.*

ПОДЗАГОЛОВОК: *Закон о реформе бюджетных учреждений грозит страшными последствиями.*

ВНУТРЕННИЕ ЗАГОЛОВКИ: *Все будет платное; Торговый центр вместо школы; За бесплатное образование и медицину.*

ЛИД (фрагмент): *Принятый Единой Россией скандальный законопроект о коммерциализации бюджетной сферы и росте платных услуг, на мой взгляд, может превратиться в „ползучую“ приватизацию бюджетных учреждений, уверена депутат Госдумы фракции „Справедливая Россия“ Елена Драпеко.*

2. Текст, адресованный автолюбителям.

ЗАГОЛОВОК: *Вместе отменим транспортный налог!*

ПОДЗАГОЛОВКИ: *Транспортный грабеж; 44,5 тысячи рублей за три года переплатит каждый автомобилист.*

ВНУТРЕННИЕ ЗАГОЛОВКИ: *Помощь пенсионерам; Справедливый закон; Сколько содрали; Чем мы хуже чеченцев?*

ВСТАВКА (врезка в текст в виде таблицы): *Как платят транспортный налог в России.*

ЛИД: *Во дают! Вместо транспортного налога хотели ввести акцизы на топливо. Акцизы появились, и теперь они растут с каждым днем. Но транспортный налог так и не отменили!*

ВАРИАНТ ЭХО-ФРАЗЫ, ДОПОЛНЕНИЕ К СКАЗАННОМУ: *Справедливая цена на бензин = 12 рублей за литр!*

Приведенные выше заголовочные комплексы явно свидетельствуют об адаптации текста к восприятию и интересам читателя путем а) учета прагматических интересов той или иной группы читателей; б) актуализации модально-оценочных значений, репрезентированных экспрессивной лексикой («содрали», «грабеж», «страшные последствия») и экспрессивным синтаксисом, в том числе вопросительными и сопоставительными конструкциями («Чем мы хуже чеченцев?»; «Транспортный налог в Свердловской области составляет 3668,5 рублей, а в Чеченской республике — 575 рублей»). Адаптация текста производится также путем расширения структуры заголовочного комплекса, включающего более трех элементов. В таких случаях собственно текст публикации иногда становится ненужным: основная информация усваивается за минимальное время, и читатель может не прикладывать усилий для восприятия деталей. Это в известной степени сближает тексты предвыборного пиара с желтой прессой: «…По пути расширения структуры ЗК очень часто идут так называемый желтые издания, основная задача которых — развлечь публику, обратить на себя внимание, преподнести „жареный факт“. В этом случае качество речевого материала зачастую оказывается за скобками, а собственно газетный текст заменяется заголовочным — ярким, иногда шокирующим» [Прохорова 2005: 17].

Адаптация текста в предвыборных публикациях идет и с учетом внутренней дифференциации одной и той же социальной группы, например пенсионеров. Приведем заголовочные комплексы текстов, расположенных на одной и той же газетной полосе. Один из них затрагивает проблемы военных пенсионеров, а другой рассказывает об идее жизнеустройства всех российских пенсионеров.

1. Текст, адресованный военным пенсионерам.

ЗАГОЛОВОК: *Забытые батальоны.*

ПОДЗАГОЛОВОК: *Почему пенсия Российского офицера в 80 раз меньше, чем у его американского коллеги?*

ВНУТРЕННИЕ ЗАГОЛОВКИ: *Закон уменьшает пенсию; Какие зарплаты у военных США; Какие пенсии у военных в США; Какие пенсии у военных в России.*

ВСТАВКИ (графически выделенные таблицы): *Денежное довольствие военнослужащих в США (в рублях по текущему курсу); Пенсии военнослужащих США (в рублях по курсу, минимум и максимум в зависимости от срока службы).*

ЛИД: *Армия учит терпеть многое — боль, лишения, трудности, потери. Еще она учит жертвовать собой — ради блага других. Мы не говорим сейчас о тех вещах, в которых принято упрекать нынешнюю армию. Речь о том, что государство обязано дать людям, которые связали свою жизнь с защитой Родины. Но наши военные пенсионеры поставлены в тяжелейшее унизительное положение.*

2. Текст, адресованный пенсионерам как единой социальной группе.

ЗАГОЛОВОК: *Пенсионеров — вон из России.*

ПОДЗАГОЛОВОК: *Скандальная инициатива сторонников партии власти стала достоянием общественности.*

ВНУТРЕННИЕ ЗАГОЛОВКИ: *Старикам здесь не место; Вас ждут индийские ночлежки*.

ВСТАВКА (выделенная графически): *С пенсией в 6000 рублей можно неплохо жить в Узбекистане.*

ЛИД: *Выселять из России пенсионеров — с таким предложением на заседании дискуссионного клуба „Улей“ при Центральном совете сторонников партии „Единая Россия“ выступил основатель мегаимперии „Русское лото“ Элмурод Расулмухамедов. Отправлять стариков доживать свой век в развивающиеся страны — ни больше, ни меньше.*

Оценочный модус первого заголовочного комплекса реализуется посредством аллюзийного характера заголовка («Забытые батальоны»), подчеркнутой логичности текста и двух рядов прозрачных сопоставлений: российская армия и армия США; тяготы военной службы и — как итог — лишения, которые приходится терпеть военным пенсионерам.

Оценочный модус второго заголовочного комплекса реализуется посредством экспрессивного характера заголовка («Пенсионеров — вон из России»), центральной оппозиции текста (люди пенсионного возраста — люди, которых предполагается лишить Родины: «Старикам здесь не место»), оценочной лексики («скандальная инициатива сторонников партии власти»), экспрессивного синтаксиса («Отправлять стариков доживать свой век в развивающиеся страны — ни больше, ни меньше»).

Тексты указанных публикаций приспосабливаются не только для легкого восприятия и понимания, но и для трансляции негативной авторской точки зрения на политического оппонента — партию «Единая Россия». К основным приемам трансляции негативного мнения относятся: восходящая и нисходящая аргументация; соблюдение «закона края» — наиболее воздействующие (побуждающие к действиям) положения расположены в начале и конце текстов; диалогизация монолога, создающая эффект обсуждения проблемы; ссылки на имена, цифры и факты, создающие эффект объективизации высказывания; оценочная лексика и фразеология. Однако, несмотря на многие общие черты организации текстовой ткани двух обращений, адресная дифференциация и адресная адаптация каждого из текстов очевидны. В качестве примера приведем последние разделы данных публикаций. Общее между концовками текстов в том, что они реализуют закон края — содержат достаточно сильные аргументы. Различие же концовок в том, что в первом случае (текст для военных пенсионеров) в паре «эмоция — логика» доминирует логика на базе фактов, а во втором случае (текст для всех пенсионеров) в этой паре доминирует эмоция на базе категорий вероятности и перспективы.

1. Текст для военных пенсионеров.

А что же получают наши военные пенсионеры? Перед вами несколько примеров, взятых с армейского форума пенсионеров. Вот что они пишут:

На пенсию уходит подполковник, по должности — заместитель командира полка. Прошедший Афганистан, Чечню. С учетом всех выплат такой пенсионер получит… 11 704 рубля!

Еще пример. На этот раз пенсионер — майор, старший помощник начальника штаба полка. Имея смешанный стаж более 25 лет и одного ребенка-иждивенца, этот пенсионер получит 6704 рубля!

И последний пример. Тот же майор, старший помощник начальника штаба полка, но имеющий смешанный стаж 24, 5 года… не имеет права на военную пенсию вообще!

2. Текст для всех пенсионеров.

Что в действительности может стоять за инициативой создания гетто для российских стариков за пределами Родины — остается только гадать. Хорошо, если это просто узколобость и неспособность олигархов увидеть реальную жизнь простых людей: ведь

отправить пожилых родителей на виллу на Лазурном берегу или выселить в индийские ночлежки — это, как говорится, „две большие разницы“. Но возможен и другой поворот: с уровня дискуссионного клуба стартовала обкатка перспективного бизнес-проекта, который сулит организаторам и кураторам несметные, а главное — бюджетные барыши.

Таким образом, текстовая адаптация в политическом (предвыборном) дискурсе осуществляется не только за счет приведения сообщения в соответствие с уровнем подготовленности массового реципиента, в основе чего лежат типовые приемы популяризации. Адаптационная стратегия в предвыборном дискурсе реализуется также за счет:

– дифференциации массового адресата на частные социальные группы;

– тематической и идейной дифференциации текстов, апелляции последних к интересам и потребностям той или иной группы;

– текстовой репрезентации оценочного модуса в заголовочных комплексах и в самой текстовой ткани;

– учета психологических особенностей восприятия сообщения.

Сказанное, как нам кажется, свидетельствует, что под адаптационной стратегией в современном политическом дискурсе нужно понимать план действий, направленных на приспособление текста а) к уровню его понимания дифференцированным адресатом; б) для принятия этим адресатом авторской точки зрения; в) для побуждения адресата к определенным, в том числе экстралингвистическим действиям. В целом же совокупность форм и методов текстовой адаптации в политическом дискурсе можно, на наш взгляд, считать реализацией адаптационной стратегии ***лингвосоциокультурного типа*** — приспособлением текста к изменяющимся политическим условиям, к фактору дифференцированного адресата и к выполнению им определенной социальной роли в общественно-политической сфере общения.

ЛИТЕРАТУРА

Бореев В. Ю., Коваленко А. В. Культура и массовая коммуникация. М.,1986.

Миронова П. О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект. Екатеринбург : АКД, 2003.

Прохорова К. В. Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности. СПб., 2005.

Стернин И. А. Практическая риторика. Воронеж, 1996.

Стернин И. А. Законы общения. Воронеж,1997.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 81'42
ББК Ш100.7 *ГСНТИ 16.21.27; 16.21.49* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.20*

А. П. Седых
Белгород

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФРАЗЕОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДИТЕЛЯ
(на материале дискурса В. В. Путина и А. Меркель)

Аннотация. *Изучается языковая личность политика на материале речевых манифестаций В. В. Путина и А. Меркель. Дискурс политика исследуется на основе интерпретационного анализа фразеологии. Языковые данные вербализуют идеологическую составляющую стратегий и тактик речевого воздействия рассматриваемых политиков.*

Ключевые слова: *языковая личность; институциональный дискурс; фразеология; стратегия и тактика речевого воздействия; коммуникативное поведение.*

Сведения об авторе: *Седых Аркадий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, доцент, факультет романо-германской филологии.*

Место работы: Белгородский государственный университет (БелГУ).

Контактная информация: *308015, г.Белгород, ул.Победы, 85, к. 5-13.*
e-mail: sedykh@bsu.edu.ru.

A. P. Sedykh
Belgorod, Russia

IDEOLOGICAL ELEMENTS IN PHRASEOLOGY OF POLITICAL LEADER
(on the basis of discourses of V. V. Putin and A. Merkel)

Abstract. *The paper deals with linguistic identity of politician on the materials of statements of Vladimir Putin and Angela Merkel. Political discourse is studied through interpretive analysis of phraseology. Linguistic information verbalizes ideological components of strategies and tactics of the speech impact of these personalities.*

Key words: *linguistic identity; institutional discourse; phraseology; strategy and tactics of speech influence; communicative behavior.*

About the author: *Sedykh Arkadiy Petrovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the French Language, Assistant Professor, Faculty of Romance and Germanic Philology.*

Place of employment: Belgorod State University (BSU).

Одной из центральных функций политической коммуникации является использование языка как средства воздействия на потенциального избирателя, манипулирования его сознанием и дальнейшими действиями, подталкивания к принятию определенной точки зрения. Любой политический деятель несколько ограничен в выборе языковых средств, служащих для словесного выражения своих взглядов. Идеологические рамки, диктуемые принадлежностью к какому-либо политическому течению, партии, накладывают отпечаток на построение речи, оказывают определенное влияние на выбор языковых средств и их употребление в публичных выступлениях.

Для выявления типологических репрезентантов фразеологической вербализации признаков языковых личностей В. В. Путина и А. Меркель используется схема анализа, основанная на семно-коннотативную манифестацию фразеологических единиц. Данный подход отражает следующие этапы их интерпретации:

1. Ядерная (интегральная) сема. Ядерная сема — центральный, семантически неразложимый и неустранимый компонент смысла, выявляемый в семантической структуре фразеологизма (высказывания). Набор ядерных сем блока высказываний формирует смысловую гомогенность дискурса в плане актуализации интегральной семы, компоненты которой обнаруживаются в каждом высказывании.

2. Коннотационный фон. Под коннотационным фоном фразеологической единицы понимаются идеологические, эмоционально-экспрессивные и тематические макрокомпоненты, которые соотносятся со стереотипными представлениями носителей национального языка, актуализируются при предъявлении данного фразеологизма и во многом определяют его национально-культурную специфику. Речь идет о семантике, выходящей за пределы лексикографических дефиниций фразеологизмов.

3. Идентификационная проекция. На данном этапе осуществляется соотнесение данных, полученных на предыдущих стадиях, с персонологическими признаками рассматриваемого политического деятеля. Общность прагматических целей, реализуемых идеологической, эмоционально-экспрессивной, тематической семантикой, позволяет использовать в качестве основания для их объединения функционально-прагматический принцип, который является базовым для выявления черт языковых личностей политиков посредством фразеологической номинации.

По нашему мнению, степень личностных характеристик, отражающихся в речи политического лидера, тем выше, чем слабее связь с идеологической составляющей его выступлений. Поскольку политики, как и все публичные люди, всегда находятся в жестких рамках своего статуса, они не могут, как говорит сам В. В. Путин, «сказать прямо» то, что им хотелось бы, а должны выбирать оптимальные языковые средства для реализации прагматической функции своей речи.

Важной составляющей построения политического дискурса является связь с аудиторией,

© Седых А. П., 2012

умелое использование таких форм выражения мысли и соответствующих речевых структур, чтобы «быть ближе к народу». В этом случае политики прибегают к ярким и метким выражениям, коими и являются фразеологизмы. В данном случае частота использования языковых единиц косвенно-производной номинации характеризует политика как человека, владеющего лингвистическим чутьем, способного завоевать авторитет среди слушателей.

Коммуникация в политической среде направлена на то, чтобы поддерживать стабильность в обществе, а также выступать в качестве средства социальной адаптации к признанным нормам политической системы.

Система взглядов в области политики, выбранный политический курс оказывают существенное влияние на коммуникацию в данной сфере деятельности. Выбранный политический курс определяет условия среды, в которой генерируются институты коммуникации. Также происходит регулирование и контроль процессов коммуникации в обществе в целом.

Языковое поведение крупных политиков пропитано идеологией, выбор языковых и речевых средств подчиняется основным программным направлениям партии, системе ее принципов, лежащих в основе знаний и ценностных ориентиров, политических стратегий. Справедливо мнение Е. И. Шейгал: «Обусловленные идеологией ментальные схемы субъектов политического общения определяют их вербальное поведение, в частности, стратегии и риторические приемы, импликации и пресуппозиции, речевые ходы и тематическую структуру дискурса» [Шейгал 2000: 18].

Так, В. В. Путин — лидер партии «Единая Россия», которая в данное время занимает главенствующие позиции в политической жизни России, и идеологическая составляющая его мировоззрения, отражаемая в специфике фразеологии, связана с основными позициями партии.

После хаоса 90-х гг. XX в. В. В. Путин выступил в роли лидера, в котором нуждалась страна, поскольку всем надоели безвольные руководители, не имеющие собственного мнения, безликие и неинтересные, читающие свои речи «по бумажкам», не способные вселить уверенность и надежду. Возможно, такие образы «сильных мира сего» и обусловливали ранее слабую гражданскую позицию у большинства граждан. В. В. Путин предложил российскому обществу основные параметры общенациональной идеологии, базирующиеся на патриотизме, в основе которых лежали понятия государственности, державности, свободы и справедливости.

Россия на протяжении всего своего существования была идеологизированной страной. В далеком прошлом это — страна православия, истинной веры, отсюда определение «святая Русь»; следующий период истории ознаменован существованием передовой «социалистическая» сверхдержавы; в начале 90-х гг. прошлого века наша страна совершила, как принято говорить, прорыв в демократию, попытавшись создать открытое общество с рядом свобод.

Политическую философию Путина можно определить как либеральный консерватизм, который постулирует не противопоставление таких противоположностей, как порядок и свобода, традиция и новаторство, иерархия и равенство, солидарность и индивидуализм, государство и личность, право нации и права человека, а их взаимодополнение, взаимообусловленность.

Центризм и **консерватизм** (социальный консерватизм) — официальная идеологическая платформа партии «Единая Россия» (ЕР), которая предполагает «государственническую» позицию, прагматизм, противопоставление себя более радикальным движениям. Позднее официальной идеологией «ЕР» был объявлен **«российский консерватизм»**, суть которого руководители партии, одним из которых является В. В. Путин, раскрыли так: «...идеология стабильности и развития, постоянного творческого обновления общества без застоев и революций» [URL: http://old.er.ru/].

Язык политики — это многомерное образование, совокупность знаковых структур политического пространства: вербальных (характерные выражения, термины, клишированные фразы), невербальных (символика — белый медведь с трехцветным флагом на эмблеме партии «Единая Россия», жесты — поднятие согнутой в локте руки с зажатыми в кулак пальцами как символ единства и др.), а также неспецифических знаков, прочно вошедших в политическую коммуникацию (местоимение «мы»). Все эти составляющие политического дискурса влияют непосредственно на характер восприятия аудиторией речи политика.

СМИ охарактеризовали программу ЕР как «сборник благих намерений», в котором отсутствуют конкретные способы реализации поставленной цели — формы правления, нравственности в управлении, замыслов жизнеустройства и др. Соответственно сделать нашу страну сильной, могучей, процветающей, счастливой, самодостаточной вряд ли удастся.

«Русский консерватизм», по мнению российского премьер-министра, предполагает переменное развитие, поскольку классическое понимание термина «консерватизм» никакого отношения к модернизации и развитию не имеет.

В манифесте партии «Единая Россия» «Путь национального успеха» от 23.04.2003 главной целью провозглашается обеспечение процветания нашей страны и достойной жизни ее граждан. Представители партии выражают намерение стать партией национального успеха России, способной решать задачи, достойные этой цели, отвечать на вызовы современной жизни и бросить вызов «недругам Отечест-

ва» и тем, кто не верит в достойное будущее нашей страны. Партия вселяет надежду на новый общенациональный подъем, сохранив память о способности России преодолевать любые потрясения, вновь и вновь занимать достойное место в мире.

Рассмотрим корпус фразеологических единиц, используемых в политическом дискурсе премьер-министра В. В. Путина, в русле вербализации идеологии соответствующего политического течения.

В выступлениях перед делегатами съездов партии «Единая Россия» В. В. Путин традиционно подтверждает упомянутую идеологическую позицию: *„Единая Россия“ стала той силой, которая создала в Государственной Думе* ***мощный блок центристских фракций***; *У нас еще очень много стереотипов,* ***рудиментов старого*** *в сознании*; ***не юлить перед обстоятельствами***; *„Единая Россия“ становится действительно инструментом* ***объединения общества***; *Политические партии должны* ***идти на несколько шагов вперед***; *И отстаивать те решения, которые* ***отвечают надеждам и чаяниям людей***; *Знаю, что до сих пор идут дискуссии о том, к кому все-таки „Единая Россия“ ближе из классических европейских партий — к социал-демократам или к консерваторам. Конечно, идеологическая основа должна быть. Что касается того, к кому* ***быть ближе, — будьте ближе к гражданам России*** [URL: www.edinros39.ru].

Вышеприведенные тексты содержат ряд устойчивых словосочетаний *(мощный блок, не юлить перед обстоятельствами, идти на несколько шагов вперед),* которые объединены ключевой семой «уверенность». Уверенность отражает идеологическую позицию, состоящую в укреплении государственности, стремлении прямо и настойчиво двигаться к поставленным целям. Коннотационный фон формирует понятийное поле «сильная позиция партии», которая уверена в собственных силах и ориентирована на прагматическую цель — завоевать одобрение избирателей.

Интегративным элементом для речевых построений *отвечать надеждам и чаяниям людей*, *быть ближе к гражданам* выступает сема «единение нации». Коннотативный потенциал фразеологических единиц характеризуется идеологией так называемых «слуг народа», декларирующей единство целей государства и гражданина. Катализаторами коннотативного фона выступают лексемы «надежда», «люди», «граждане», «быть ближе», которые на основе семантического ядра «человечность» формируют дополнительные позитивные ассоциации у реципиента сообщения.

В послании В. В. Путина Федеральному собранию 2004 г. следующим образом сформулированы основные стратегические цели:

1) обеспечить высокий уровень жизни в стране, жизни безопасной, свободной и комфортной;

2) стремиться к зрелой демократии и развитому гражданскому обществу;

3) способствовать укреплению позиций России в мире.

Данные идеологические установки вербализуются устойчивыми словесными комплексами в политическом дискурсе премьер-министра: *Партии должны повышать уровень политической культуры, осваивать навыки межпартийного диалога и коалиционных действий, должны учиться* ***приходить к власти*** (3) *и расставаться с ней* ***по воле народа*** (2) [URL: http://archive.kremlin.ru/]; *Мы довольно часто произносим эти слова, однако глубинный смысл ценностей свободы и демократии, справедливости и законности — в их* ***практическом преломлении в нашей жизни*** (2) *— раскрываем достаточно редко* [Там же]; *Сама партия должна* ***твердо встать на ноги*** (1), *четко определить свои приоритеты, не бояться говорить об этом народу и обществу, если они претендуют на то, чтобы быть правоцентристами* [Там же].

Как видим, устойчивые сочетания политического дискурса *прийти/приходить к власти, расставаться с властью, по воле народа, практическое преломление в жизни*, *твердо встать на ноги* отражают демократические ценности общества, основывающиеся на ключевой семе «сила». Коннотационная составляющая приведенных высказываний обогащается благодаря контексту и понятийному полю, связанному с интегративной идеей «единства нации». Прагматический компонент приведенных высказываний базируется на двух органически взаимосвязанных категориях: «российская нация» — «национальный лидер», — которые являются не только исторически вожделенными для российского коллективного сознания понятиями, но и важнейшими идейно-политическими смыслами в новейшей истории России.

Как лидер партии «Единая Россия», В. В. Путин видит свою миссию в органичном соединении всего лучшего, определяя идеологию гражданской консолидации и солидарности: *Наша цель — сделать его сбалансированным и многополярным, сделать мир таким, чтобы все участники мирового общения участвовали в нем* ***на равных*** *и чувствовали бы себя в этом мире в безопасности* [URL: http://premier.gov.ru/]; *Это вы все-таки поработайте с региональным руководством, потому что школа должна быть не просто хорошей, потому что она здесь всегда была, а школа должна быть качественной. Она должна давать вашим детям шанс получить хорошее образование и хорошую* ***путевку в жизнь*** [URL: http://www.putin.ru]; *Мы должны стремиться к тому, чтобы такие долгосрочные контракты* ***играли ведущую роль*** *на рынке* [URL: http://vz.ru/]; *И у них, что называется,* ***все карты на руках*** *— они могут работать, бу-*

дут продолжать работать и, надеюсь, будут делать это эффективно [URL: http://www.advis.ru/]; *В марте на аналогичном совещании в Санкт-Петербурге мы говорили и о перспективах создания новых, построенных* ***по последнему слову техники****, верфей* [URL: http://www.advis.ru/]; *Насколько мне известно, акции „Метрогруп“ в последние дни резко* ***пошли в гору*** [URL: http://premier.gov.ru/]; *Такие же позитивные процессы* ***набирают,*** *как мы знаем,* ***силу*** *и в Федеративной Республике Германия, и в других европейских странах* [Там же].

В вышеприведенных высказываниях премьер-министра с помощью устойчивых сочетаний слов *на равных*, *путевка в жизнь*, *играть ведущую роль*, *все карты на руках*, *по последнему слову техники*, *пойти в гору*, *набирать силу* ярко актуализованы семы «равные возможности», «карьерный рост». Вследствие указанных семантических составляющих в словосочетаниях проявляется идеологическая направленность вывести Россию в лидеры на мировой арене как важнейшую и влиятельнейшую часть современного мира соразмерно возможностям, социально-экономическому и интеллектуальному потенциалу страны.

Коннотационный макрокомпонент актуализируется в контексте апелляций к сплочению, сохранению духа нации, новому качеству жизни и безопасности, объединению для коллективного прорыва, сопоставимого с прорывом в космос.

Понятийное поле «успешность» вербализуется в политике партии, которая связывает историческую потребность в идеологии общенационального успеха с инициативой и энергией россиян. При этом семиотический потенциал концепта «успех» может и должен быть реализован вкупе с успешностью национального лидера. Данная семантика органично отражает идеологические установки партии единороссов.

Рассмотрим блок следующих примеров.

Мы все должны на своем месте, ***как святой Франциск, ежедневно мотыжить участок,*** *который нам Господом отведен, тогда мы добьемся успехов, а величие или невеличие — это потом* [URL: http://www.gazeta.spb.ru/]; *Конечно, работа большая, но* ***Господь вознаграждает упорных.*** *Так когда-то сказал Боливар, именно так мы и намерены действовать* [URL: http:// premier.gov.ru/]; *Не тогда ли Гитлер уже окончательно решил, что „всё дозволено“. Что Франция и Англия* ***„палец о палец“ не ударят,*** *чтобы защитить своих союзников* [URL: http://premier.gov.ru/]; *Конечно, я не* ***отдавал себе отчета*** *в глубине трагизма, который происходил в эти годы с городом, с его жителями, с моими близкими* [URL: http://premier.gov.ru/]; *Это не* ***пустые разговоры,*** *это не декларации — то, что я сейчас говорю* [URL: http://www.ria.ru/].

Исследуемый материал демонстрирует наличие в семантике словосочетаний ключевых сем «трудолюбие», «ответственность», что отражает идеологическую направленность политики В. В. Путина, выраженную в стремлении поддерживать готовность к активным действиям, уверенность в собственных силах, необходимые для формирования будущего страны без социальных потрясений. Неприязнь к пустым обещаниям единороссы декларируют следующим образом в своем манифесте: «Мы делаем то, что обещаем, и обещаем только то, что действительно сделаем» [URL: http://www.edinros39.ru/].

Коннотативные макрокомпоненты приведенных фразеологических словосочетаний базируются на прагматике ответственности партии за судьбу страны. Позиция В. В. Путина «лицом к народу» подкрепляется регулярным прямым диалогом с людьми, посещением предприятий, больниц, учебных заведений, организацией телемостов, пресс-конференций, переговоров.

Следующий корпус высказываний отличается специфическим фразеонабором, актуализирующим соответствующие ключевые семы, и характеризуется определенным коннотативным форматом: *Зачем нам нужны какие-то крушения, опять новые катаклизмы? Всё должно* ***идти своим чередом*** [URL: http://premier.gov.ru/]; *Думаю, было бы логичным сказать несколько слов о том периоде времени, о тех проблемах, с которыми мы сталкиваемся, о глобальном кризисе, о тех* ***уроках,*** *которые необходимо* ***извлечь*** *из драматических событий, переживаемых нами за последние два года* [Там же]; *Мы должны* ***учиться на*** *этих* ***ошибках*** *и не допускать их* [URL: http://stats-sekretar.ru/]; *Сегодня мы будем* ***отдавать дань*** *уважения погибшим, вспоминать о них, будем говорить слова благодарности ветеранам* [URL: http://www.premier.gov.ru/]; *Вопрос в том, что мы* ***в свое время*** *построили газовую трубопроводную систему через территорию Польши* [URL: http://www.premier.gov.ru/]; *Обращаю ваше внимание, что после подписания этого договора в конце сентября,* ***если мне не изменяет память,*** *через день тогдашнее польское правительство предъявило ультиматум Чехословакии и ввело свои войска, в один день вместе с вермахтом, на территорию страны, оккупировав две области Чехословакии* [URL: http://www.premier.gov.ru/]; *Это же родное было всё — всё то, что наживали десятилетиями, а некоторые даже* ***из поколения в поколение*** [URL: http://www.premier.gov.ru/]; *Уверен, что и российско-польские отношения* ***рано или поздно*** *достигнут такого высокого, по-настоящему партнерского уровня* [URL: http://www.premier.gov.ru/]; *И, наконец, еще одна большая и больная тема.* ***Из года в год*** *нам приходится „в пожарном порядке“ ликвидировать последствия паводков. Восстанавливать жилые дома, другие объекты* [URL: http://www.advis.ru/]; *Так,*

из общего объема пострадавших от засухи площадей оказалось застраховано лишь 8 %, и мы вынуждены вновь прибегать к прямым бюджетным вливаниями для помощи сельхозпредприятиям, подменяя этим нормальные рыночные механизмы, что негативно сказывается на деловом имидже отрасли, заставляет нас ***действовать „по старинке“*** [URL: http://www.advis.ru/].

В данных контекстах фразеологические единицы реализуют ключевую сему «связь времен» и коннотативный потенциал исторических судеб России. Употребление подобных оборотов в политическом дискурсе В. В. Путина имеет своей целью довести до слушателя необходимость искать слагаемые будущего успеха России в ее успешном прошлом, обеспечивать связь с историей, преемственность опыта для поступательного, бесконфликтного движения вперед.

Катализаторами идеологического фона высказываний выступают фразеологические комплексы *отдавать дань уважения*, *учиться на ошибках*, *из поколения в поколение*. Активное функционирование приведенных языковых единиц в составе основного фонда русского языка повышает ассоциативный заряд соответствующих высказываний политического руководителя. Использование подобных речений закономерно прежде всего в качестве средств передачи идеологических взглядов лидера, так как их семантика вписывается в комплекс общеполитических ориентиров партии «Единая Россия».

Нижеприведенные высказывания с фразеологизмами вербализуют идею «крепкого лидера»: *Государство всегда имеет* ***право первой руки,*** *то есть если собственник перепродает землю, государство имеет право выкупить в первоочередном порядке* [URL: http://www.ortrtr.ru/]; *У нас было много сложностей, много проблем и потерь, но, в то же время, Россия зарекомендовала себя как страна,* ***твердо стоящая на ногах*** *и интенсивно развивающаяся* [URL: http://premier.gov.ru/]; *Но, во-первых, я хочу сказать, что эти качества у наших молодых людей есть, а во-вторых, в обычной жизни нам нужно стремиться к чему — к тому, чтобы мы* ***были,*** *скажу прямо,* ***на голову выше*** *наших конкурентов, чтобы мы были конкурентоспособными во всех сферах экономики, общественной жизни, в политическом устройстве* [URL: http://premier.gov.ru/].

Семантика фразеологизмов *право первой руки*, *твердо стоять на ногах*, *быть на голову выше кого-либо* сконцентрирована вокруг базовой семы «твердая рука». Коннотативный формат данной группы устойчивых сочетаний связан с понятийным полем «сильное государство», деятельность которого должна быть направлена на обеспечение внутренней солидарности, единства, поддержание связи властных структур и общественных организаций, формирование способности правительства решать реальные проблемы. Данные коннотации обусловлены ожиданиями части граждан, мечтающих о хотя бы частичном возврате к недавнему прошлому страны, отмеченному жесткостью политического курса и редкой сменяемостью руководителей.

Следующие примеры тесно связаны с нравственными ценностными установками: *Повторяю: нам бы очень хотелось, чтобы* ***правда*** *была всеобъемлющей, а не* ***однобокой*** [URL: http://premier.gov.ru/]; *У меня нет права, законного основания как-то решить эту проблему немедленно. Но я уверен, что* ***мир не без добрых людей,*** *у нас много благотворительных организаций, фондов. У меня есть основания полагать, Ваня, что тебе и твоей семье помогут* [URL: http://www.ortrtr.ru/]; *Ясно, что за счет собственных доходов в должном виде город содержать трудно. Я бы здесь считал несправедливым* ***всех „собак“ вешать на*** *губернатора* [URL: http://www.ortrtr.ru/]; *Первое, по поводу ситуации в Чечне и возможных переговорах.* ***Худой мир — всегда лучше, чем хорошая война*** [URL: www.president-line.ru]; *Там, где государство может и должно помочь, оно, конечно, будет* ***подставлять плечо,*** *но прежде всего это зависит от прямых руководителей предприятия, где Вы работаете* [URL: http://premier.gov.ru/]; *Но мы прекрасно* ***отдаем себе отчет*** *в том, что эти вопросы являются весьма важными для, не побоюсь этого слова, судьбы белорусской экономики, да и очень чувствительными для Казахстана, несмотря на то, что Казахстан является нефте- и газодобывающей страной* [URL: http://premier.gov.ru/]; *Но я бы не стал* ***бросать камни в огород*** *тех, кто тогда критиковал Правительство за то, что оно, образно говоря, скупердяйничает, откладывая всё на черный день* [URL: http://premier.gov.ru/]; *Я всё время слышу один и тот же тезис о необходимости обеспечить независимость от поставок российского газа. У меня всегда возникает встречный вопрос: „А зачем?“ У нас есть хорошая пословица:* ***от добра добра не ищут*** [URL: http://premier.gov.ru/]; *Значит лесопереработка. Гнать „кругляк“ за границу —* ***ума много не нужно,*** *это правда* [URL: http://stats-sekretar.ru/]; *Первый момент и первый сигнал заключается в том, что государство не* ***оставляет*** *в беде,* ***один на один с бедой*** *тех, кто с ней столкнулся <…> Потому что это лишний раз подчеркнуло, что внутри нашего народа, в душе нашего народа живет солидарность, солидарность и готовность* ***прийти на помощь и подставить плечо*** *в нужный момент. Это очень важно, на мой взгляд* [URL: http://premier.gov.ru/].

Как видим, семантика фразеологизмов определяет культурно-нравственные ориентиры, заявленные в идеологических ценностных установках программы партии. Центральная сема «честный руководитель» актуализируется на

денотативном уровне и манифестирует стремление к формированию нравственных ценностей, поднятию общей культуры населения, обеспечению физического и духовного здоровья нации, утверждению межнационального и межконфессионального согласия в стране.

Реализуются следующие коннотативные компоненты: взаимовыручка, отзывчивость, честность, общие интересы, братство, терпимость, понимание, открытость, готовность пренебречь личными амбициями ради общего блага, ответственность за свои поступки, трезвость мыслей и поступков, способность прогнозировать свои действия, доброта. Семантика нравственности в российском социуме имеет специфические параметры функционирования.

В языковом сознании русских играют большую роль такие качества, как нравственная чистота, безупречность, доброта, отзывчивость, честность и трудолюбие. Исследователи отмечают также, что большую часть группы фразеологических единиц нравственной характеристики человека составляют наименования качеств народно-практической морали. В русской фразеологической картине мира широко представлены также и качества духовной морали (она эксплицируется в основном на уровне словесных комплексов — прототипов многих фразеологических единиц группы: *ангел во плоти, кроткая душа, несет свой крест, святая душа, чистое сердце* и др.). При этом фразеологические средства не номинируют качества профессиональной морали и очень ограниченно участвуют в характеристике человека [Николюкина 2007]. Подобная избирательность нравственной аксиологии требует постоянного обращения к исторически сложившимся этическим ценностям нации, что и демонстрируют речевые манифестации языковой личности В .В. Путина.

Институциональный формат политического дискурса формирует идеологическую наполняемость речи политиков на всех уровнях языковых манифестаций. Фразеология Ангелы Меркель, так же как и фразеология любого политического руководителя, пропитана идеологией партии, доктрину которой проводит в жизнь немецкий лидер.

Ангела Доротея Меркель (Angela Dorothea Merkel), урожденная Каснер (Kasner), родилась 17 июля 1954 г. в городе Гамбурге. С 22 сентября 2005 г. занимает пост федерального канцлера Германии, была переизбрана на второй срок в этой должности в 2009 г. Госпожа Меркель является восьмым канцлером Германии и первой женщиной в политической истории ФРГ, занимающей столь высокий пост; в возрасте 51 г. она стала самым молодым канцлером в истории Германии. К тому же А. Меркель — первый канцлер Германии, являющийся представителем «новых земель» (бывшей ГДР). В политических кругах ее называют немецкой «железной леди» благодаря личным качествам, проявляющимся при исполнении должностных обязанностей. Основная профессия — физик, защитила диссертацию на тему ускорения частиц простых углеводородов.

А. Меркель — лидер партии «Христианско-Демократический союз (ХДС) Германии», до объединения Германии проживала на территории ГДР. Будучи протеже Г. Коля, Ангела Меркель быстро поднялась по карьерной лестнице в политике. Незаурядные внешние данные сочетаются с неутомимой работоспособностью, амбициями, деловыми качествами, целеустремленностью. А. Меркель владеет русским и английским языками. Благодаря деловому подходу к решению проблем, ее считают на протяжении нескольких лет самой влиятельной женщиной мира (по данным журналов «Форбс» и «Тайм»).

Партия ХДС отличается консервативными взглядами. В начале своего пребывания в должности федерального канцлера А. Меркель не предпринимала решительные действия, но во второй половине срока она выдвинула программу, состоящую из восьми пунктов, в которой намечались приоритетные сферы деятельности. Основное внимание было уделено реформе федеральной системы, проблемам энергетики, бюджетной и финансовой политике, борьбе с застаревшими формами бюрократизма, социальным реформам в сферах здравоохранения, науки, трудоустройства, семьи.

Определенный вклад в развитие Европейского союза (ЕС) А. Меркель внесла в период исполнения обязанностей председателя этой организации. Ее основными достижениями на этом поприще являются договор о конституции Европы, экологические мероприятия по защите климата, энергетическая политика, укрепление отношений с государствами Атлантики, Черноморского региона и Центральной Азии. Одни из ключевых в ее политическом курсе — проблемы глобализации.

Рассмотрим фразеологическую составляющую дискурса федерального канцлера Германии с точки зрения отражения идеологических позиций политической партии, представителем которой данный политик является. Все примеры политического дискурса А. Меркель взяты с официального сайта канцлера (URL: http://www.bundeskanzlerin.de). В условиях политической борьбы А. Меркель, как и любой политический деятель такого уровня, стремится привлечь симпатии немцев на сторону своей партии, представляет деятельность партии с положительной стороны, чему служат напоминания о политике Гельмута Коля — наставника А. Меркель. Многие фразеологизмы, используемые канцлером, являются эффективным средством осуществления идеологии власти: *Die Bundesregierung handelt, um die bestehenden Probleme* ***in den Griff zu bekommen*** *(Федеральное правительство принимает меры, чтобы справиться с существующими проблемами); In Ba-*

den-Württemberg z. B. wurden vor Jahren die Republikaner kurzzeitig stark, weil die CDU damals ihre Idee der Verschärfung des Asylrechts zwar laut verkündete, aber nicht ***in Taten umsetzte*** *(В Баден-Вюртемберге, например, несколько лет назад некоторое время были сильны республиканцы, так как ХДС тогда провозглашал идею ужесточения прав убежища (для мигрантов), но не осуществил ее); Das müssen wir verhindern und das Problem der Überschuldung durch glaubwürdige Konsolidierung* ***bei der Wurzel packen*** *(Мы должны это предотвратить и пресечь в корне проблему, связанную с крупными долгами, путем заслуживающей доверия консолидации).*

Рассмотрим каждое из устойчивых сочетаний слов.

In den Griff bekommen [*kriegen* разг.]. Ядерным элементом содержания выступает сема «навык». В узуальном употреблении данное устойчивое сочетание означает ‘овладеть чем-либо; приобрести навык (сноровку), набить руку в чем-либо, наловчиться что-либо делать’. В контексте политического дискурса А. Меркель, рассказывающей о заслугах правительства Германии, выражение приобретает коннотативные смыслы ‘быть в курсе дел; учитывать все «за» и «против» для более организованного и успешного разрешения возникающих проблем’. Употребление подобной фразеологической единицы характеризует личность госпожи Меркель, а также подчеркивает ее работоспособность и умение владеть ситуацией.

(Etw.) in die Tat umsetzen (претворить в жизнь, осуществить, реализовать). В приведенном выражении актуализируется сема «осуществление». В данном случае фразеологизм употреблен с отрицанием, что создает коннотативный фон «сожаления» по поводу задуманных, но не воплощенных в жизнь решений. По словам историографа канцлера Герда Ланггута, А. Меркель очень долго и тщательно обдумывает любой шаг, но если уж что-то решила, то никогда не отступает, пока не добьется своей цели, в правильности которой она глубоко убеждена. Госпожа А. Меркель считается целеустремленным и основательным политиком, готовым идти до конца в отстаивании своих решений и проведении их в жизнь [URL: http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/09/20/191433-nezheleznyiy-angel.html].

Устойчивое словосочетание *bei der Wurzel packen* (пресечь в корне) актуализирует ядерную сему «предотвращение». Высказывание обозначает устранение проблемы на ранней стадии, на этапе возникновения, а также пресечение любой возможности для ее развития. Принципы «четкости» и «предусмотрительности» являются, как известно, ключевыми категориями не только для идеологии ХДС, но и для немецкой (исторически тевтонской) общенациональной философии повседневного существования.

По некоторым вопросам внешней политики А. Меркель меняет свои взгляды. Так, до выборов 2005 г. она поддерживала стремление Турции стать членом ЕС, а затем проявила несогласие, указывая, что в данной стране существуют проблемы по вопросам соблюдения прав человека. В свое время А. Меркель отрицательно относилась к укреплению отношений Германии при Г. Шрёдере с Россией, обещая занять противоположную позицию по данному вопросу после своего избрания. На самом деле никаких серьезных изменений в российско-германских отношениях после 2005 г. не произошло, как и предполагали сотрудники Института стратегических оценок и анализа [URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Меркель,_Ангела].

Долгое время в Западной Германии проводилась работа по искоренению нацистских идей, избавлению от расовых и националистических предрассудков. Считается, что для немецкого менталитета представителей старшего поколения характерна подсознательная вина за преступления своей страны против других народов. Поэтому большинство немцев считает необходимым терпимость и принятие культурных традиций других наций. Хотя за Ангелой Меркель закрепилась репутация толерантного политика, поддерживающего мультикультурализм, выступая 16 октября 2010 г. на конференции христианско-демократической молодежи, она заявила, что теория создания мультикультурного сообщества на территории Германии потерпела поражение. В качестве довода федеральный канцлер сообщила, что мигранты не изъявляют желания интегрироваться в немецкое культурное общество, открыто протестуя и не принимая ценностей принявшей их страны, не говоря уже о готовности к изучению немецкого языка. В данном вопросе А. Меркель испытывает на себе давление со стороны представителей ХДС, желающих, чтобы она в более жесткой форме сформулировала позицию относительно мигрантов, не желающих интегрироваться в немецкое общество. В следующем высказывании отражаются характерные для А. Меркель идеологические установки: Wir verstehen darunter keine erzwungene Assimilation oder ***das Leugnen der eigenen Wurzeln*** *(Мы понимаем под этим не вынужденную ассимиляцию или отречение от собственных корней).*

В данном высказывании с помощью устойчивого словесного комплекса актуализируется сема «традиция». Коннотативный фон устойчивого словесного комплекса отражает идеологию партии ХДС, состоящую в уважительном отношении к представителям различных наций. В рамках проводимой в последнее время в Германии программы по интеграции мигрантов в общественную, культурную жизнь страны немцы встретились с проблемами, связанными не столько с неспособностью, а скорее с явным протестом, нежеланием интеграции со стороны

переселенцев мусульманского вероисповедания. Противостояние вызвало появление ряда сторонников и недоброжелателей среди коренных жителей, что отражено в нашумевшей книге Т. Сарацина «Deutschland schafft sich ab» (русск. «Германия самоликвидируется») [URL: http://rutracker.org/] и в работах К. Вестергарда, изобразившего на карикатуре Мухаммеда в тюрбане в виде бомбы [URL: http://svpressa.ru/].

Лексема «Wurzel» (корень) нередко встречается в политическом дискурсе А. Меркель: *Konservativ heißt also nicht, dass alles so bleibt, wie es ist, sondern dass man mit Bedacht verändert. Das Konservative ist* ***eine feste Wurzel*** *der Christlich Demokratischen Union, neben der christlich-sozialen und der liberalen* ***Wurzel****. Diese* ***Wurzeln*** *und unser christliches Menschenbild — daraus ergeben sich die Konstanten unseres Handelns, manche sagen der „Markenkern“ (Консервативный не означает, что всё остается таким же, как есть, а предполагает обдуманные изменения. Консерватизм — прочная основа Христианского Демократического Союза, наряду с платформами Христианско-Социального союза и Свободной либерально-демократической партии. Эти платформы и образ христианина являются источниками наших действий, как говорят некоторые, „фирменным знаком“).*

В немецком языке есть фразеологическая единица *Wurzeln schlagen (fassen)*, означающая *пускать корни*; перен. *укореняться.* Окказиональная модификация данной фразеологической единицы в политическом дискурсе госпожи Меркель не препятствует пониманию его содержания, добавляет к основному значению дополнительные смысловые оттенки. Так, лексема *fest* (*прочно*) усиливает эффект незыблемости, неизменности. Тройное употребление лексемы *Wurzel* в одном дискурсном пространстве подтверждает идеологию консерватизма в политическом кредо федерального канцлера.

А. Меркель часто встречается с представителями общественности, каждую неделю с 2006 г. выступает в видеоблоге. Госпожа А. Меркель поддерживает открытый стиль общения, ориентированный на продуктивный диалог, хотя не забывает и о холодном расчете. В нижеследующих высказываниях манифестируются характерные для канцлера идеологические установки.

Wir müssen den Tatsachen ***ins Auge sehen*** *(Мы должны смотреть фактам в лицо).* Фразеологическая единица *einer Gefahr ins Auge sehen* (смотреть в лицо опасности) в трансформированной форме имеет ядерную сему «смелость», актуализация которой подчеркивает готовность А. Меркель учитывать даже неприятные факты, действуя при этом в соответствии с намеченным курсом. Коннотации фразеологизма в немецком лингвокультурном сообществе связаны с идеологией «намеченных действий», декларируемой канцлером.

Ich habe mein ganzes Leben lang noch nie ***einen Hehl daraus gemacht****, dass ich für eine längere Laufzeit von Kernkraftwerken bin (Я на протяжении всей своей жизни ни разу не делала тайны из того, что выступаю за более продолжительный срок эксплуатации атомных электростанций).* В данном высказывании А. Меркель употребляет фразеологическую единицу *kein Hehl aus etw. machen* (не скрывать, не утаивать что-л., не делать тайны из чего-л.). Реализуемая сема «открытость» подчеркивает откровенность и прямоту лидера федерального правительства. Коннотативной характеристикой выступает демократический принцип доступности информации для каждого члена общества. Контексная близость лексем *nie (никогда)* и *mein ganzes Leben lang (на протяжении всей своей жизни)* манифестирует, что данный принцип является устоявшимся элементом политической позиции адресанта.

В дискурсе А. Меркель часто встречается устойчивое словосочетание *zu etw. Stellung nehmen* (занять определенную позицию в каком-либо вопросе; высказать свое мнение (свою точку зрения) по какому-либо вопросу). Например: Ich habe ***dazu*** auch ***Stellung genommen*** *(По этому вопросу я тоже высказала свое мнение).* В семантическом плане устойчивое сочетание слов содержит сему «мнение/позиция» и имплицирует сему «независимость». Последняя в сочетании с семантическим признаком «мнение» манифестирует стремление отстаивать собственную позицию, нерушимость взглядов, консервативные тенденции в ведении дел, нежелание поддаваться влиянию, что отражает консервативную концепцию власти ХДС.

За время пребывания на посту федерального канцлера А. Меркель показала себя как последовательный политик. Характерные для нее качества — работоспособность, педантичность, старательность, прилежность, обстоятельность, готовность к взаимоприемлемым решениям. Особенно заметна ее роль в вопросах преодоления мирового экономического кризиса и на поприще внешней политики.

А. Меркель — символическая фигура в германской политике. Достаточно привести некоторые факты. Госпожа Меркель пришла в политику в период объединения Германии с Востока. Умело маневрируя между правящими партиями, создавая коалиционные объединения, А. Меркель смело модернизирует свою партию в соответствии с потребностями нового времени, определяет новые перспективы и возможности. Однако канцлер должен быть выше партийной идеологии: «Кабинет госпожи Меркель состоит в основном из прагматиков, которые при решении главных проблем страны не ставят во главу угла партийную идеологию» [URL: http://www.ideologiya.ru/]. Первостепенную важность в решениях и действиях канцлера ФРГ занимают общегерманские интересы. По пово-

ду России А. Меркель, в отличие от своих предшественников, заявила, что дружба с Россией пока невозможна, а приемлемо лишь стратегическое партнерство. Партнерские отношения с РФ необходимы Германии для осуществления внешней политики, но ракурс данной связи сменился с личной дружбы на партнерские стратегии, что в условиях современных реалий более продуктивно.

Госпожа федеральный канцлер возглавляет консервативно-либеральное правительство, «черно-желтую коалицию» из консерваторов и либералов. А. Меркель не избегает трудностей, выдвигая принцип: чтобы решить проблему, нужно признать ее существование. Прагматичность федерального канцлера общеизвестна: А. Меркель оставила фамилию мужа от первого брака, так как та созвучна немецкому слову *merklich* ‘заметный’. Фамилия второго мужа — Зауер, по-немецки *sauer* — ‘кислый’. Такая фамилия снизила бы шансы на успешную карьеру для нынешнего канцлера Германии.

Западные журналы называют А. Меркель «серой жемчужиной» [URL: http://www.lady.ru/], но завоевать рейтинг самой влиятельной женщины мира ей удалось тем, что женщина выделялась на бесконечном «мужском» фоне в политике.

А. Меркель любит провозглашать себя как «дитя германского единства», напоминая о том, что ее политическая карьера началась в период воссоединения Германии. Госпожа Меркель не вызывала подозрений партийных лидеров в финансовых махинациях, оказалась в нужное время в нужном месте.

Одной из важнейших для действующего канцлера является идея единства Германии. Ни в политическом, ни в экономическом плане для А. Меркель не существует разделения Германии на зоны. Для выхода из экономического кризиса еврозоны предлагалось ввести для северной части Германии твердую денежную единицу в противовес более мягкой для южной части ФРГ. Эту идею канцлер Германии решительно отвергла. Ангела Меркель поддержала предложение Франции по установлению единого экономического правительства еврозоны. По поводу этого проекта прежние политические лидеры Германии высказывались весьма сдержанно, опасаясь, что Франция попытается таким образом навязать Европе модель активной государственной промышленной политики. А. Меркель имеет свои воззрения на этот счет, говоря, что стремится не к уравниловке, а к координации, сглаживанию различий в системах налоговой службы, в социальной политике, в системе здравоохранения и вопросах охраны труда. Рассмотрим с учетом этого следующий блок примеров.

Man muss als Kanzler mit seiner Partei ***Hand in Hand gehen****, auch wenn das zuweilen schwierig ist (Будучи канцлером, следует идти рука об руку со своей партией, даже если иногда это тяжело).* Используя фразеологизм *Hand in Hand* (рука об руку), имеющий ядерную сему «единение», госпожа Меркель подчеркивает таким образом идею единства Германии, ярко и символично выражая один из идеологических принципов партии и свое личное стремление к общим правам и обязанностям для всех граждан своей страны. Коннотационный макрокомпонент актуализируется в контексте призыва к сплочению нации.

Ich habe von Beginn an deutlich gemacht, dass unser Handeln zwingend ***im Einklang mit*** *europäischem und auch dem jeweiligen nationalen Recht* ***stehen*** *muss (С самого начала я разъяснила, что наши действия необходимо обязательно согласовывать с нормами европейского и соответствующего национального права).* Ядерная сема фраеологизма *im Einklang stehen (mit)* (находиться в соответствии, согласовываться с чем-либо; быть созвучным чему-либо) — «гармония» — характеризует в политическом контексте взаимное сотрудничество на базе выполнения взаимодополняющих функций, основывающихся на взаимовыгодных интересах. Коннотативный фон высказывания отражает внешнеполитическую концепцию, согласно которой отвергается идея нейтралитета Германии, пропагандируется стремление к закреплению позиций в мировом масштабе. Иными словами, благодаря интенсивному диалогу между Востоком и Западом и активной помощи странам третьего мира может быть достигнуто стабильное сотрудничество на планете.

Deshalb ist es wichtig, ***seine Fühler weit und breit auszustrecken****. Netzgestützte, interaktive und individuell abrufbare Kommunikationsangebote finden besonders junge Nutzer zunehmend attraktiver (Поэтому важно везде и всюду зондировать почву. Внедренные в сеть интерактивные и индивидуально вызываемые режимы коммуникации всё больше привлекают пользователей, особенно молодых).* В приведенном высказывании наблюдается слияние двух устойчивых словосочетаний: *weit und breit* ‘1) везде и всюду, 2) куда ни глянь, повсюду’ и *seine Fühler ausstrecken* ‘1) выпускать щупальца; 2) *разг.* осторожно разузнавать, прощупывать [зондировать] почву’. Ядерной семой первого фразеологизма выступает «глобальность», вторая фразеологическая единица имеет в данной контекстной реализации значение «предусмотрительность». Рассматриваемые словесные комплексы, употребленные в общей дискурсной реальности, дополняют друг друга, представляя идеологическую составляющую основного правила А. Меркель, которым она руководствуется на политической арене: выдержка всегда полезна. Глобальность политических взглядов А. Меркель подтверждается ее лидерством в «большой коалиции» (ХДС, ХСС и СДПГ). Идеи интеграции в политическом и экономическом плане на фоне мировой глобализации проблем занимают главные позиции в программе партии.

Духовную сущность своего правления А. Меркель видит в просветительских идеях, в свободе, толерантности, и непременно в ответственности. Как и любой политик, канцлер использует языковые средства с позитивной семантикой, что дает надежду и веру в успех и удачное решение дел. Это отражается в следующем примере: *Ich glaube, dass wir **auf einem guten Weg sind**, einen vernünftigen Haushaltsvorschlag zu machen (Я полагаю, что мы на верном пути к тому, чтобы внести разумное предложение относительно бюджета).* Фразеологическая единица *auf gutem Wege sein (etw. zu tun)* как вариант фразеологизма *auf dem besten Wege sein* (быть на пути к достижению чего-либо; неуклонно приближаться к чему-либо) актуализирует сему «уверенность в успехе». За счет контекста коннотативный формат устойчивого сочетания связан с понятийным полем «рациональное финансирование». Такое финансирование должно быть направлено на обеспечение государства соответствующими бюджетными ресурсами.

Германия — стареющая нация. Госпожа Меркель выступает за единые возрастные рамки для установления пенсионного возраста, что, вероятно, связано со средней продолжительностью жизни в еврозоне: иначе все средства будут уходить на выплату пенсий и ничего не останется для инвестиций в развитие страны в будущем. Следующий пример тесно связан с демографическими установками партии: *Im Gesundheitssystem bedeutet dies, dass wir angesichts einer steigenden Lebenserwartung und einer höheren Zahl älterer Menschen sowie eines wachsenden medizinisch-technischen Fortschritts **die Weichen** für eine zukunftsfähige Gesundheitsversorgung jetzt **stellen müssen** (В системе здравоохранения это означает, что мы в условиях растущих показателей продолжительности жизни и увеличивающегося числа стареющих людей, а также развивающегося технического прогресса в медицине должны сейчас наметить пути для здоровьесбережения в будущем).* Фразеологическая единица *die Weichen stellen* (букв. ‘ставить стрелки’) имеет значение «наметить пути/курс (развития), определить направление (развития чего-либо)». Основным содержанием данного высказывания выступает «здоровье нации». Катализаторами идеологического фона высказывания служат соответствующие фразеологические единицы. Активное функционирование приведенных фразеологизмов в составе основного фонда немецкого языка повышает ассоциативный заряд соответствующих высказываний политического руководителя. В контексте политического дискурса А. Меркель, которая известна своей последовательностью и основательностью в принятии решений, подобное выражение является типичным, особенно при разговоре о таких важных составляющих политического курса, как здравоохранение.

Следующие высказывания манифестируют ключевые концепции партии ХДС в области социальной рыночной экономики.

*Du bist **ein Brückenbauer** — jetzt nicht mehr zwischen Ost- und Westdeutschland, sondern zwischen Deutschland und Russland (Ты — строитель мостов — сейчас не между Восточной и Западной Германией, а между Германией и Россией).* В данном контексте употреблена лексема *ein Brückenbauer* — производное от фразеологизма *j-m eine Brücke bauen* (строить мост для кого-либо). Данное сочетание благодаря метафорическому переосмыслению получает значение *помочь кому-либо выбраться из беды, из затруднительного положения.* Окказиональное употребление дефразеологизированного деривата в политическом дискурсе А. Меркель актуализирует ядерную сему «помощь», что отражает идеи социальной рыночной экономики, поддерживаемые данным политическим деятелем, основной принцип которой заключается в помощи нуждающимся, не способным на должном уровне обеспечивать собственными силами свое существование в развитом обществе. Коннотационный макрокомпонент актуализируется в контексте апелляций к оказанию помощи политическим союзникам.

*So kann nur jemand sprechen, der überzeugt ist von der Sozialen Marktwirtschaft und der **in langen Linien denkt** (Так может говорить лишь тот, кто убежден в социальной рыночной экономике и смотрит далеко вперед).* С помощью устойчивого сочетания слов актуализируется сема «дальновидность». Коннотационная составляющая обогащается благодаря контексту и понятийному полю, связанному с интегративной идеей «предусмотрительная политика».

*Wir **haben** ein vitales **Interesse** an einem starken Euro, weil eine stabile Währung für das Vertrauen der Menschen in die Soziale Marktwirtschaft unverzichtbar ist und die Kaufkraft der Bürger stärkt (Мы весьма заинтересованы в сильном евро, поскольку стабильная валюта безотказно действует на доверие людей к социальной рыночной экономике и укрепляет покупательскую способность граждан).*

Вышеприведенные высказывания содержат устойчивые словосочетания, которые объединены ключевой семой «прагматичность». Прагматичность отражает идеологическую позицию, состоящую в укреплении позиций социальной рыночной экономики. Коннотационный фон формирует понятийное поле «дальновидность», манифестирующее идеологию укрепления и повышения благосостояния немцев.

Партия ХДС представляет собой надконфессиональное объединение, изначально основанное на общехристианских ценностях. Рассмотрим блок следующих примеров, наполненных соответствующей семантикой: *Das Zusammenleben ist ein **Geben und Nehmen** (Совместная жизнь означает брать и отдавать); Sie*

unterstützen nicht nur Bürgerstiftungen ***mit Rat und Tat****, wie auch der Förderpreis zeigt, sondern Sie unterstützen alle, die den richtigen Einstieg zum eigenen Mitwirken in Bürgerstiftungen suchen (Вы всячески поддерживаете словом и делом не только общественные фонды, как показывает спонсорство, но и всех тех, кто ищет правильный путь к собственному участию в работе общественных фондов); Wenn wir einmal fragen, was auch geholfen hat, Menschen* ***Mut zu machen****, was auch geholfen hat, der Freiheit* ***zum Durchbruch zu verhelfen****, dann waren es natürlich die Medien, dann waren es die Informationen, die plötzlich nicht mehr aufzuhalten waren (Если мы спросим, что помогло подбодрить людей, что помогло проложить путь свободе, то это были, конечно же, средства, это была информация, которую было невозможно больше скрывать).* Семантика этих высказываний с фразеологизмами определяет культурно-нравственные ориентиры, заявленные в идеологических ценностных установках программы партии. Центральная сема «мораль» актуализируется во фразеологизмах на денотативном уровне и манифестирует стремление к закреплению христианских ценностей, утверждению межнационального и межконфессионального согласия в стране. Реализуются следующие коннотативные компоненты: *честность, общие интересы, братство, терпимость.*

Таким образом, рассмотренные речевые манифестации В. В. Путина и А. Меркель демонстрируют, что устойчивые словесные комплексы могут выступать в качестве репрезентантов идеологических установок в политическом дискурсе представителя власти. Как опытный руководитель, В. В. Путин понимает, что большая часть народных масс не горит желанием вникать в суть проблем, всем хочется надеяться на лучшее, иметь перед собой хотя бы малоопределенные перспективы. Немецкоязычный материал демонстрирует фразеологическую составляющую идеологических концепций партии ХДС в политическом дискурсе А. Меркель. Исторически немцы всегда враждебно относились к политике, поэтому политическому лидеру Германии приходится использовать весь арсенал языковых средств, чтобы убедить своих сограждан принимать активное участие в политической жизни страны. Поэтому мнение о политическом режиме у отдельного члена общества часто складывается на основе вербальных образов, создаваемых политиками, и их личностных характеристик, представленных широкому обозрению с высоких трибун при участии профессиональных имиджмейкеров.

Итак, идеологические элементы фразеологии являются неотъемлемым компонентом манифестации языковой личности политического руководителя. Каждый фразеологизм в институциональном дискурсе реализует набор коннотативных сем. Выбор фразеологизма и коннотативные семы зависят от типа личности политического лидера. С учетом позиций схемы, приведенной в начале статьи, можно выделить ключевые элементы идеологической составляющей фразеологии рассматриваемых лидеров.

Мы считаем, что интенсивность идеологической наполненности фразеологии тем выше, чем ярче индивидуальные характеристики лидера. Фразеологическая единица в политическом дискурсе способна принимать идеологические коннотации, так как ее семантика в рамках контекста шире номинативного содержания знака. В дискурсном пространстве В. В. Путина фразеологическое наименование, частично теряя объектную референцию, служит важным фактором создания идеологического образа «российского консерватизма».

Идеологическая составляющая фразеологических единиц в политическом дискурсе Ангелы Меркель отражает характерологические признаки языковой личности канцлера. Рассматриваемый дискурс манифестирует ряд принципов консерватизма Христианского демократического союза Германии, прагматической концепции управления страной, вожделенного единства немецкой государственности, построения основ социальной рыночной экономики, осуществления надконфессиональной политики с приоритетом общехристианских ценностей. Объединяющим элементом языковых личностей В. В. Путина и А. Меркель выступает тот факт, что в дискурсе двух лидеров одну из центральных ролей выполняют фразеологические комплексы, при помощи которых в сознании потенциального избирателя осуществляется образная фиксация партийной идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

Николюкина Т. М. Русские фразеологические средства нравственной характеристики человека : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2007.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е.И. Шейгал ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 811/162/4-115
ББК Ш147 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.03*

Й. Сипко
Прешов, Словакия

ФРАГМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ *БРЕЖНЕВСКОГО* ПЕРИОДА В СЛОВАКИИ

Аннотация. *Анализируется лингвокультурное представление Брежневского периода советской истории в Словакии на материале словацких СМИ и фольклора (песен, стихов, анекдотов).*

Ключевые слова: *антропоним; советизм; идеологема; ассоциация; языковая картина; Бархатная революция.*

Сведения об авторе: *Сипко Йозеф, профессор, директор Института русистики и славянских языков.*
Место работы: Прешовский университет.
Контактная информация: *Ul. 17. novembra 15, 080 01 Prešov, Slovakia.*
e-mail: sipko_j0@unipo.sk.

J. Sipko
Prešov, Slovakia

PARTS OF LANGUAGE PICTURE ON *BREZHNEV* PERIOD IN SLOVAKIA

Abstract. *Lingo-cultural representation of Brezhnev period of the Soviet history of Slovakia is analyzed on the basis of Slovak Mass Media and folklore (songs, poems, anecdotes).*

Key words: *anthroponym; Sovietism; ideologem; association; language picture; Velvet Revolution.*

About the author: *Sipko Josef, Professor, Director of the Institute of the Russian and Slavic Languages.*
Place of employment: University of Presov in Presov.

Брежневский период советской истории (1964—1982) ассоциируется в первую очередь с оккупацией Чехословакии войсками стран Варшавского договора 21 августа 1968 г. Понятно, что эти ассоциации в преобладающем большинстве случаев отрицательны. 30-летие оккупации Чехословакии было отмечено появлением многих статей, документальных передач, воспоминаний. Автор этих строчек живо помнит события *Пражской весны, дубчековские реформы* под всеобщим названием *социализма с человеческим лицом* и трагическую дату — *21-е августа 1968 года.* Выдающуюся роль в те августовские дни сыграли чехословацкие СМИ — телевидение, радио, газеты. В *среду 21 августа 1968 г.* с самого утра велась практически прямая трансляция драматических событий в Праге, где в районе *Виноградов* находилось здание Чехословацкого радио. Редакторы до последних минут рассказывали о драматических событиях, в эфире слышалась стрельба из автоматического оружия, а перед зданием стояли тысячи жителей столицы и советские солдаты с танками и бронетранспортерами. Й. Динсбир, в 1968 г. коммунист, сотрудник Чехословацкого радио в Праге, в годы *нормализации* диссидент, а после *Нежной революции 1989 г.* — министр иностранных дел Чехословакии, в одном теледокументе приводил иллюстрации из тогдашних СМИ и лозунги, которые можно было видеть по всей стране. Как и Динсбир, я помню четверостишие, написанное на типично чешский лад, напечатанное в тогдашнем печатном органе Коммунистической партии Чехословакии «Руде право»:

1. *Na obranu státní banky,*
   Neni třeba ruské tanky.
   Dyť to hovno co tam máme,
   Sami si ho uhlídáme.

Для охраны наших банков
Не надо российских танков.
То г...., что там имеем,
Сами охранить умеем.

В то время почти каждый взрослый человек страны умел на определенном уровне общаться по-русски. По поводу 30-летия оккупации чешские и словацкие СМИ вспомнили некоторые лозунги, которые и в наше время дополняют языковую картину России в Словакии. Лозунги в первую очередь относятся к тогдашнему Генеральному секретарю ЦК КПСС *Л. И. Брежневу*. На поездах, отправляющихся из Праги в другие регионы страны, были такие сопоставления: *Брежнев = Гитлер.* Своеобразным свидетельством той эпохи является книга воспоминаний командующего советскими войсками, изданная под названием *Вторжение* [Майоров 1998]. Генерал армии Майоров в новой обстановке оккупацию Чехословакии не называет уже *интернациональной помощью...*

С особым огорчением восприняли оккупацию страны жители северных регионов Чехии, люди, которые помнили период 1939—1945 гг. Они пережили годы гитлеровской оккупации, а в 1968 г. этот регион заняли войска ГДР в форме, очень напоминавшей форму гитлеровских солдат. Сегодня с особым интересом воспринимается анекдот-призыв, который выражал почти безграничную веру в *Ленина,* а тем самым и в социализм:

2. *Lenin zobuď sa! Brežnev sa zbláznil! — Ленин, проснись! Брежнев сошел с ума!*

Народное творчество 1968 г., резко осудившее оккупацию, вспоминается при каждой годовщине трагедии. Люди сочиняли частушки на известные мелодии, афоризмы, сатирические призывы, в которых осуждалась официальная политика, воплощенная в идеологемах

This contribution is the result of the project implementation: *Establishing a Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting* supported by the Reserarch and Development Operational Programme funded by the ERDF.

© Сипко Й., 2012

интернационализма, братской помощи, нормализации:

3. *Dubčekovi slivovicu, Brežnevovi šibenicu. — Для Дубчека сливовица, для Брежнева виселица; Zakiaľ sú tu Rusi, život sa nám hnusí. — Пока русские тут, наши люди отвратительно живут; Na to málo, čo tu máme, aj sami si pozor dáme. — То что есть у нас, защитим мы и без вас; Dvadsať rokov nás normalizovali, a predsa sme zostali normálni. — Двадцать лет нас нормализировали, и все-таки мы остались нормальными.*

Один из чехословацких коммунистов-реформаторов, выпускник МГУ (кстати, однокурсник М. С. Горбачева) З. Млинарж после 1968 г. написал книгу под названием *«**Мороз** приходит из Кремля».* Нас заинтересовало слово *мороз,* которое в политическом контексте концептуализируется, участвует в создании метафорической картины современной российской политики:

4. *My vieme, že z Ruska prichádza **mráz.** — Мы знаем, что из России приходит **мороз*** [Sme. 2009. 9.2].

Брежневский период приводит на ум воспоминания и о других событиях, так или иначе связанных с тогдашним политическим строем. Это относится в том числе к бывшему чемпиону мира по шахматам, *брежневскому комсомольцу А. Карпову:*

5. *V tom čase začala stúpať hviezda mladého **komsomolca, Brežnevovho obľúbenca, Anatolija Karpova.** — В то время стала восходить звезда молодого **комсомольца, любимца Брежнева Анатолия Карпова*** [Т. 2008.4]. В процитированной статье употребляется и русская форма его сокращенного имени, *Толя.*

В наше время появилось четкое осознание того, что в конце 1970-х гг. начался распад социалистической системы. Символом этого, наряду с прочими фактами, стало избрание поляка *Кароля Войтылы Папой Римским.* До сих пор не прояснены некоторые драматические обстоятельства его судьбы. В первую очередь это касается покушения на Иоанна Павла II 13 мая 1980 г., в результате которого Папа Римский был тяжело ранен. Стали распространяться слухи о причастности к этому покушению КГБ. В начале 3 тысячелетия о *руке Москвы* в этом темном деле печатаются статьи:

6. *Atentát na pápeža si **objednala Moskva.** Sovietska nomenklatúra s objednávkou vraždy pápeža sa obrátila na vojenskú tajnú službu **GRU.** — Покушение на папу **заказала Москва.** Советская номенклатура с этим заказом обратилась в военную разведку **ГРУ*** [Sme. 2006.3.3].

Рисуется и сатирическая языковая картина при обсуждении официальной версии покушения и ее «истинности». В юмористичком журнале «Коцурково» (2009.6) встречаются соответствующие анекдотические преувеличения:

7. *Po atentáte na pápeža západ začal obviňovať ZSSR. Preto Sovieti poslali do Ríma svojich expertov, aby našli pravého vinníka. Komisia sa zoznámila s materiálmi, vypočula svedkov a došla k záveru: **„Pápež vystrelil prvý“! —** После покушения на папу римского запад стал обвинять СССР. Поэтому советские власти послали в Рим своих экспертов, чтобы найти настоящего виновника. Комиссия ознакомилась с материалами дела, допросила свидетелей и сделала заключение: **„Папа выстрелил первым“!***

Советские органы госбезопасности ассоциируются и с современными громкими «делами». В Словакии в СМИ открыто начали обсуждать «дело» верховного представителя католической иерархии архиепископа Яна Сокола. Были обнародованы документы, в которых он значится как агент коммунистической госбезопасности. Естественно, Ян Сокол это отрицает, как и все другие лица в аналогичном положении. Но словацкая общественность это воспринимает по-своему:

8. *— Kto je vlastne ten arcibiskup Sokol?*

*— Agent **sovietskej KGB**. Vlastným menom **Vladimír Vissarionovič Sokolov.***

— Кто это на самом деле — архиепископ Ян Сокол?

*— Агент советского **КГБ.** Его настоящее имя — **Владимир Виссарионович Соколов.***

Фамилии советских вождей *(Брежнев, Косыгин* и другие) вызывают ассоциации со многими сторонами нашего общего социалистического прошлого. Часто обсуждалась проблема эмиграции *евреев* из СССР. Вспоминаются непреодолимые препятствия при поездках на Запад. Сотни тысяч людей все-таки эмигрировали, другим это не удалось.

9. *— Koľko máme **Židov? — pýta sa Brežnev Kosygina.***

*— Takých **4-5 miliónov**.*

— A keby sme im dovolili vycestovať, koľkí by odišli?

*— Takých **15-20 miliónov!***

*— Сколько у нас **евреев? — спрашивает Брежнев Косыгина.***

*— Приблизительно **4-5 миллионов.***

— А если мы им разрешим уехать, сколько из них уедет?

*— Приблизительно **15-20 миллионов.***

Для нашего общего социалистического прошлого была характерна низкая эффективность и производительность труда на предприятиях. Простые люди замечали разницу в качестве «социалистических» и «капиталистических» изделий:

10. *Stretne sa **japonský** a **ruský** robotník. **Japonský** hovorí:*

— Denne robím tri hodiny na seba, tri na kapitalistu a tri pre Japonsko.

***Ruský** robotník:*

— Ja tiež tri hodiny robím na seba, kapitalistov u nás nemáme a na Japonsko sa ja môžem vykašľať.

*Встречаются **японский** и **русский** рабочий. **Японец** говорит:*

— Ежедневно три часа работаю на себя, три часа на капиталиста и три часа на Японию.

***Русский** рабочий:*

— Я тоже три часа работаю на себя, капиталистов у нас нет, а на Японию мне наплевать!

Интересно, что этот анекдот был напечатан в журнале «Коцурково» (2009. 1), когда капиталисты в России тоже существовали.

В целях идеологического воздействия вспоминается особый вид *социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма.* Лозунги с данными советизмами служат средством критической оценки современных политических деятелей левого направления. Известно, что премьер Словакии Р. Фицо (2006—2010) несколько раз откровенно выразил свои политические приоритеты, упомянув о социальной защите и патриотизме, за что его иногда в правых кругах называют *большевиком.* В одной из подобных статей политика *левых* связывается с СССР, который символизируется первой строчкой советского гимна:

11. *Heslá pod plášťom **„Sojuza nerušimovo“. —** Лозунги под прикрытием „**Союза нерушимого“*** [T. 2009. 7].

Для словацкого языка советской эпохи были характерны заимствованные советизмы из разных областей жизни. Поскольку основа политической системы в наших странах была почти одинакова, то в наших языках употреблялись и соответствующие политические понятия. Некоторые привычки бывшего президента России Б. Ельцина названы *обкомовскими,* что связано с его постом первого секретяря обкома партии в Свердловске, ныне Екатеринбурге, который он занимал в советский период:

12. *Starý **obkomovský** zvyk. — Старая **обкомовская** привычка* [P. 1997. 23.9].

Газеты правой ориентации, в том числе регулярно анализируемая нами газета «Сме», критиковали правительство Р. Фица за заимствования из лексикона социалистического прошлого. План этого правительства ввести в Словакии евро в 2009 г. и связанный с этим ряд мероприятий известный журналист П. Шуц (P. Schutz) сопоставляет с планами социалистического прошлого:

13. *Premiér verí, že ak si **strana a vláda** niečo zaumienia, napríklad prijatie eura (dávnejšie napr. **zvýšenie dojivosti o 130 percent),** tak ľud je povinný tento cieľ podporovať. **Strana a vláda** vedia, čo je dobré pre národ, kto sa protiví, pôjde do väzenia. Také je to jednoduché, ako **kulaci za Gottwalda. —** Премьер верит, если **партия и правительство** что-то планируют, например принятие евро (раньше, например, **повышение надоя на 130 процентов),** то народ должен поддержать эту цель. **Партия и правительство** знают, что хорошо для народа, кто сопротивляется, того посадят. Это так просто, как **кулаки в эпоху Готтвальда*** [Sme. 2008. 2.1].

В первые годы социализма в нашей стране наблюдался определенный подъем, была и программа строительства коммунизма, согласно которой мы должны были *догнать и перегнать Америку.* Однако общественность постепенно все больше осознавала официальную ложь: по многим показателям социалистические страны неуклонно отставали от развитых стран Запада. При этом существовала разница в жизненном уровне между отдельными социалистическими странами. Считалось, что в Чехословакии люди живут лучше, чем в СССР. Официально до самого прекращения существования социализма в конце 1980-х гг. не допускалось, что социализм может проигрывать Западу. Эту великую ложь помнят люди и 20 лет спустя после *Бархатной революции:*

14. *Štátnici východného bloku si dali poradu cez vianočné sviatky. Je prestávka na obed. Slovák vytiahne suchý chlieb s cibuľou a pokojne sa pustí do jedla. Ruský kolega pokyvuje hlavou:*

— Da, da, vy ste boli vždy aspoň rok pred nami.

Государственные деятели восточного блока собрались на совещании в Рождественские праздники. Перерыв на обед. Словак берет хлеб с луком и ест. Российский коллега говорит:

— Да, да, вы всегда были на один год впереди нас.

Поводом для воспоминаний о советском социалистическом прошлом в Словакии бывают годовщины известных событий советской эпохи. В Чехословакии 25 февраля 1948 г. пришли к власти коммунисты во главе с К. Готтвальдом. Тот день запечатлен в нашей стране в идеологеме *Víťazný Február — Победоносный Февраль,* созданной по аналогии со знаменитой русской единицей *Veľký Október — Великий Октябрь.*

Советские реминисценции воспринимаются в наших странах протиречиво. В Праге находится Музей коммунизма, в наших странах (например, на Красной площади, на Арбате и т. д.) продаются сувениры, которые напоминают о советском прошлом. Многие молодые люди их покупают, носят майки, головные уборы, значки, части военной формы и т. п. атрибуты советской эпохи, на которых встречаются портреты *Ленина, Сталина, Брежнева, Готтвальда, Че Гевары, Фиделя Кастро, Мао* и других видных деятелей коммунистического движения. Обширную аналитическую статью, посвященную этому феномену, напечатала словацкая газета «Сме» [2009. 28.2] под названием *Fashion po sociaslisticky — Мода по-социалистически.* В статье выражается удивление этому модному стилю, автор связывает его популярность с недостаточным знанием молодыми людьми коммунистического прошлого. Многозачимым является и тот факт, что молодые люди носят коммунистические символы, которые производятся уже в наше время. Приведем несколько единиц из указанной статьи:

15. *Výrobky inšpirované symbolmi komunizmu — изделия, которые вдохновляются символами коммунизма, sovietsky štýl — советский стиль, Che Guevara a KGB — Че Гевара и КГБ, biznis pod červenou hviezdou — бизнес под знаменем Красной звезды, slepé kopírovanie — слепое подражание.*

22 года спустя после *Нежной революции* жители Словакии более трезво оценивают современную политическую обстановку. Раньше важным для общества фактором была *советская оккупация,* Америка среди широких слоев населения идеализировалсь. В наше время многие не видят принципиальной разницы между политикой Америки и России:

16. *Slovák, Američan a Rus idú po púšti a zbadajú ťavu. Američan vyskočí na jeden hrb, Rus na druhý. Slovák sa len smutne spýta:*

— A ja kam?

Rus nadvihne ťave chvost a hovorí:

*— **Choď do kajuty.***

Словак, американец и русский идут по пустыне и замечают верблюда. Американец садится на первый горб, русский на второй. Словак грустно спрашивает:

— А мне куда?

Русский поднимает верблюжий хвост и говорит:

*— **Иди в каюту.***

Америку 22 года спустя после *Бархатной революции* многие словаки воспринимают так же отрицательно, как раньше — СССР:

17. *Včera nám vládli **Rusi,***
*Dnes nám vládnu **Amici.***
Včera sme si boli rovní,
Dnes sú ľuďmi zbohatlíci.
*Вчера нами командовали **русские**,*
*Сегодня приказы издают **американцы**.*
Вчера мы все были равны,
Сегодня людьми только богаты.

Идеализировавшаяся Америка предстает в другом свете. Все больше общественность узнает о войнах, которые после Второй мировой войны вели США под лозунгами «свободы», «демократии» и «гуманизма». Только во Вьетнаме в результате военных действий погибло, по некоторым данным, от 3 до 5 миллионов жителей:

18. *— Čo musí neustále doplňovať **humanitárna misia USA?***

*— **Muníciu**.*

*— Что должна все время пополнять **гуманитарная миссия США?***

— Амуницию.

22 года спустя после *Бархатной революции* все чаще встречаются и трезвые оценки советского прошлого. В связи с часто обсуждаемой темой *холокоста* один читатель пишет:

19. *Aké tabu by vyplávalo na verejnosť, keby sa v demokratickom štáte otvorene hovorilo o **holokauste**? Vari preto sa nespomínajú ani státisíce **umučených ruských vojnových zajatcov?** — Какое табу всплыло бы на поверхность, если бы в демократическом государстве открыто говорили о **холокосте?** Разве потому не говорят про сотни тысяч **замученных российских военнопленных?***

Молодое поколение 20 лет спустя после распада социализма многие реалии предыдущей эпохи уже не понимает. Их приходится разъяснять родителям. Это касается многих противоречий социализма, в том числе историко-географических реалий:

20. *Pýta sa malý syn otca:*

*— Ocko, čo bol ten **komunizmus?***

*— No, to v Rusku v **Leningrade,** vlastne bol to **Petrohrad,** bojovali v **októbri,** vlastne bol to **november,** mužici, ktorých viedol nejaký **Lenin,** vlastne sa volal **Ulianov...***

*— To je teda pekný **chaos**, — preruší chlapec otca.*

*— No a presne to je ten **komunizmus! —** zvolá otec.*

Спрашивает маленький сын отца:

*— Папа, что такое **коммунизм?***

*— Ну, это было в России, в **Ленинграде,** на самом деле это был **Петроград,** восстали в **октябре,** на самом деле это был **ноябрь,** мужики, которых вел некий **Ленин,** на самом деле его фамилия была **Ульянов...***

*— Но это ведь настоящий **хаос,** — перебивает мальчик отца.*

*— Это есть и настоящий **коммунизм,** — восклицает отец* [Ž. 2009. 46].

По случаю 20-летия *Бархатной революции* и падения Берлинской стены по телевидению, по радио и в прессе приводилось много историко-документальных материалов о насилии и репрессиях в эпоху социализма. Символом такого положения дел были органы госбезопасности — *КГБ, Штази, ШТБ, Секуритате и др.* Социализм ассоциируется, как правило, именно с их деятельностью:

21. *V totalitnom Československu vykopú vedci dve kostry a domnievajú sa, že sú to Cyril a Metod. Ale nevedia, ktorý je ktorý. Pošlú obe kostry do **Sojuzu k špecialistom.** O mesiac prídu vzorky naspäť v dvoch malých štatuliach, obe kostry sú úplne rozbité. V jednej škatuli je malá ceduľka: **To je Cyril, priznal sa. —** В тоталитарной Чехословакии ученые нашли два скелета и предполагают, что это Кирилл и Мефодий. Но не могут определить, кто есть кто. Посылают оба скелета в **Союз специалистам.** Через месяц оба скелета вернули в двух малых коробках, но оба скелета были раздроблены. В одной коробке была записка: **Это Кирилл, он признался*** [Ž. 2009. 46].

Официальные заявления, по сути дела лживые, люди воспринимали по-своему. От их имени в анекдотах многие официальные «истины» социализма комментировало *радио Еревана.* Оно известно и в наши дни, поскольку с концом советской эпохи не исчезла ложь. Как правило, в начале подобных анекдотов задается *вопрос радио Еревана.* Ответы демонстри-

руют этнокультурный потенциал языка к полисемии. Советские времена запомнились как эпоха дефицита большинства товаров, в особенности автомобилей:

22. — *Môže si priemerný sovietsky občan kúpiť* ***Volgu?***

— *Môže, ale načo by mu bolo také obrovské množstvo* ***vody?!***

— *Может ли простой советский гражданин купить* ***Волгу?***

— *Может, но зачем ему такое огромное количество* ***воды?!***

В брежневскую эпоху советские люди все яснее осознавали, что их жизнь по сравнению с другими странами Европы характеризуется низкими стандартами. Символом этого были, кроме всего прочего, жилые объекты — *коммуналки, хрущевки... Радио Еревана* находит выход, как желаемое выдать за реальное:

23. — *Američania sa vystatujú svojou bytovou kultúrou. Existuje aj u nás* ***byt 3+2?***

— *Samozrejme,* ***zeml'anka tri metre od cesty, dva metre pod zemou.***

— *Американцы хвастаются своей жилищной культурой. Имеются ли и у нас* ***квартиры 3+2?***

— *Естественно:* ***землянка три метра от дороги, два метра под землей*** [Ž. 2009. № 46].

В Советском Союзе популярной была тема космоса и космонавтики. *Радио Еревана* обращается и к ней, предлагая решать жилищные и вообще бытовые проблемы:

24. — *Je možný život na Mesiaci?*

— *Domievame sa, že za priaznivej konštelácie hviezd* ***by sa dalo žiť aj v Sovietskom zväze.***

— *Возможна ли жизнь на Луне?*

— *Мы верим, что при благоприятном расположении звезд* ***жизнь возможна и в СССР*** [Ž. 2009.46].

Социальные мотивы часто звучали в народном анекдоте советской эпохи. Анекдоты фиксировали противоречие между официальной пропагандой и реальным положением дел:

25. *V Rusku sa pýta zahraničný novinár jednoduchého starčeka:*

— *Dedo, čo budete robiť,* ***keď v Rusku nastane blahobyt?***

— Prežili sme vojnu, prežili sme biedu, prežijeme aj blahobyt.

В России спрашивает зарубежный журналист простого старика:

— *Дед, что будете делать,* ***когда в России наступит благополучие?***

— Пережили мы войну, пережили нищету, переживем и благополучие.

Представитель своеобразного народа, *чукча* тоже широко известен и популярен в анекдотах. Хотя он многие вещи не понимает, его реплики, ответы и комментарии отражают истинную картину действительности:

26. *Pri brehu Čukotky sa vynorí americká ponorka. Kapitán sa pýta na brehu sediaceho* ***Čukču:***

— *Do you speak english?*

— *Yes II do... — odvrkne Čukča a dodá: —* ***len na čo mi to je v tejto krajine...***

У берегов Чукотки выплывает американская подводная лодка. Капитан спрашивает сидящего на берегу ***чукчу:***

— *Do jou speak english?*

— *Yes, II do, — бормочет чукча и добавляет: —* ***Только к чему все это в такой стране...***

Чукча очутился во всех возможных ситуациях, побывал даже на Афганской войне, и везде он проявил себя простодушным мужичком:

27. *Osemdesiate roky. Afganistan.* ***Čukča*** *bojuje v radoch sovietskej armády proti mudžahedínom, ktorí ho zajali a začali vypočúvať.*

— Koľko vojakov je vo vašej posádke?! Za každého vojaka dostaneš fľašu vodky! — sľubuje mu vypočúvajúci.

— Vari ma máte za ***hlupáka? —*** *hnevá sa Čukča, — Myslíte si, že za 125 fľašiek vodky prezradím vojenské tajomstvo?*

Восьмидесятые годы. Афганистан. ***Чукча*** *воюет в рядах советской армии против моджахедов, которые его взяли в плен и стали допрашивать.*

— Сколько солдат в вашем гарнизоне?! За каждого солдата получишь бутылку водки! — обещает допрашивающий.

— Что, вы меня считаете ***дураком? —*** *сердито отвечает чукча. — Вы думаете, что за 125 бутылок водки я выдам военную тайну?*

Из приведенных иллюстраций очевидно, что при оценке конкретного исторического периода он в значительной степени отождествляется с главными политическими представителями страны. В отношении *Л. И. Брежнева* в словацком языке сохранились конкретные лингвокультуремы [Воробьев 1997], которые кодируют известные события в языковом сознании жителей Словакии. Таким образом, в языковой картине мира указанной эпохи [Колшанский 2006] доминируют единицы с явными **антропоцентрическими** ассоциациями. Это позволяет говорить даже о языковой личности [Караулов 1987], в нашем случае это относится к *Брежневу* в Словакии. Использованный метод филологических исследований [Вежбицкая 2001; Гачев 1995; Маслова 2004; Хроленко 2005; Сипко, 2008] позволяет расширить представления о когнитивном потенциале языка. В первую очередь указанные лингвокогнитивные возможности наблюдаем в исследовании истории России, в том числе за ее пределами [Guzi 2009].

ЛИТЕРАТУРА

Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. — М. : Изд-во РУДН, 1997.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М. : Языки славянской культуры, 2001.

Гачев Г. Национальные образы мира. Космо. Психо. Логос. — М. : Прогресс : Культура, 1995.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира и познание в языке. — М. : КомКнига, 2006.

Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия, 1968. Свидетельство командарма. — М. : Права человека, 1998.

Маслова В. А. Лингвокультурология. — М. : Academia, 2004.

Сипко Й. В поисках истинного смысла. — Пряшов : ФФ ПУ, 2008.

Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2005.

Guzi Ľ. Formovanie Ruska *(Rossii)* ako mnohonárodnostného štátu — jeho zahraničná politika, zabezpečenie štátnej bezpečnosti, spoločnosť *(Východiská pre historicko-kulturologickú analýzu v ruskom jazyku).* — Prešov : FF PU, 2009.

ИСТОЧНИКИ

K = Kocúrkovo
T = Týždeň = Неделя
Ž = Život = Жизнь

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 81'27:811.111
ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.20*

Е. В. Шустрова
Екатеринбург, Россия

КАРИКАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ БАРАКА ОБАМЫ

Аннотация. *Описаны основные метафорические модели, которые присущи дискурсу публичных обращений Б. Обамы при позиционировании личности президента. Эти модели сопоставлены с образами президента США в современной американской карикатуре.*

Ключевые слова: *политический дискурс; политическая карикатура; метафора; образ.*

Сведения об авторе: *Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 459.*

e-mail: shustovaev@mail.ru.

E. V. Shustrova
Ekaterinburg, Russia

HOW BARACK OBAMA LOOKS LIKE IN AMERICAN CARICATURE

Abstract. *The paper investigates basic cognitive and metaphoric models that are found in Barack Obama's public speeches discourse when he introduces his own presidential image. These models are compared with graphic metaphors found in modern American caricature of Barack Obama.*

Key words: *political discourse; political caricature; metaphor; image.*

About the author: *Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В данной статье сопоставляются метафорические модели, характерные для дискурса публичных обращений Б. Обамы, с метафорическими моделями в американской карикатуре на действующего президента США. Подобный методологический ход обоснован хорошо известными работами Дж. Лакоффа, М. Джонсона, М. Тернера [Lakoff 1987; Lakoff, Johnson 1980; Lakoff, Turner 1989]. Эта схема легко накладывается и на языковой, и на графический материал.

Основу материала исследования составили публичные обращения Барака Обамы [www.obamaspeech.com; www.americanrhetoric.com] и порядка 800 карикатур, из которых было отобрано 150 наиболее удачных. Сейчас карикатуру может создать любой человек: на американских сайтах с помощью специальных программ предлагается создать свою собственную карикатуру, в том числе на Б. Обаму. Это создает предпосылки для большей объективности анализа когнитивных моделей, присущих членам того или иного социума. Поскольку профессиональный художник-карикатурист нередко отражает интересы определенного издания, когда любой желающий может сделать рисунок, материал с точки зрения науки более репрезентативен. Конечно, нужно обращать внимание на сам сайт и, по возможности, на авторство. Однако на названные американские сайты заходят в первую очередь граждане США.

Дискурс Б. Обамы демонстрирует следующее. На первое место выходит образ путника, в качестве которого выступают США как государство, каждый отдельный гражданин и сам президент.

I know ***it's been a hard road we've traveled*** *this year to rescue the economy, but the economy is growing again. The job losses have finally slowed, and around the country, there's signs that businesses and families are beginning to rebound. We are making progress. … I know* ***it's been a hard road that we've traveled*** *to reach this point on health reform. I promise you I know. / Я знаю, чтобы спасти нашу экономику,* ***мы шли в этом году трудным путем****, но у нас снова наблюдается экономический рост. Безработица, наконец, пошла на спад, и по всей стране есть признаки того, что бизнес и семьи постепенно восстанавливают финансовые потери. … Я знаю,* ***мы шли трудным путем****, чтобы получить то, что мы имеем сегодня в области реформы здравоохранения. Я клянусь вам, я знаю.*

Now, here's the message I want you to take away. I want to make this absolutely clear. I did not run for President to turn away from these challenges. ***I did'nt run to kick these challenges down the road.*** *I ran for President to confront them — once and for all. / Знаете, я хочу, чтобы вы не сомневались в одном. Я хочу, чтобы это было совершенно понятно. Я участвовал в выборах на пост президента не для того, чтобы отвернуться от этих вызовов* [экономического спада]. ***Я участвовал в выборах не для того, чтобы пнуть эти вызовы — пусть себе катятся по дороге.*** *Я участвовал в выборах для того, чтобы устранить эти вызовы — раз и навсегда.*

Второе место занимает модель ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО СЕМЬЯНИН, ЧЛЕН ОБЩИНЫ, ЧЛЕН (БОЛЬШОЙ) СЕМЬИ. Эта образная линия — метафора семьи — проявляется благодаря постоянным обращениям Б. Обамы к своему семейному опыту, к опыту афроамерикан-

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»).

© Шустрова Е. В., 2012

ской диаспоры и прихожан того прихода, который постоянно посещает президент, к письмам простых американцев, которые он получает, и т. д. Одним из ключевых становится образ «семейного бюджета», сопровождаемый упоминаниями о необходимости экономить на государственном уровне так, как это делают в большинстве семей.

At this point, we know that the budget surpluses of the '90s occurred in part because of the pay-as-you-go law, which said that, well, ***you should pay as you go and live within our means, just like families do every day. /*** *Сейчас мы знаем, что профицит бюджета в 90-е появился, в частности, благодаря закону „плати по счетам в срок“, который гласит, ну,* ***мы должны сразу оплачивать наши текущие расходы и жить по средствам, т. е. так, как изо дня в день складывается жизнь семьи****.*

Эти две образные линии — путника и семьянина — в дискурсе публичных обращений Б. Обамы сливаются с образом помощника. Следующая частотная модель — ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО БОРЕЦ С ВНУТРЕННИМИ ПРОБЛЕМАМИ. В данном случае наблюдается очень большое расхождение с риторикой Дж. Буша-мл. В исследовании Ф. Феррари последовательно показано, что в основу дискурса Дж. Буша ложится фрейм конфликта. Для того чтобы выстроить этот фрейм, Дж. Буш вводит ряд оппозиций, которые действуют на подсознательном уровне. Эти оппозиции сводятся к следующим: Добро — Зло, линия страха — линия веры, внешнее пространство как территория Зла и страха — внутреннее пространство как территория Добра и веры, позиция героя — позиция злодея, позиция героя — позиция жертвы, мужчина — женщина [см. подр.: Феррари 2010]. Другая опорная точка выступлений Дж. Буша — это введение нарративных структур, напоминающих вестерн, где также необходимо присутствие уже указанных оппозиций: «С довольно большой долей вероятности можно предположить, что нарративная структура, пронизывающая весь дискурс Дж. Буша, в значительной степени обусловлена господством мужского англо-саксонского образа, что так присуще жанру вестерна. Вместе с тем, возникает и женский образ, призванный занять позицию жертвы и должное место в оппозиции мужскому образу» [Феррари 2010: 45]. Ф. Феррари совершенно справедливо говорит о том, что в образе героя часто выступает сам президент. «Позиция, занимаемая американским президентом во время его выступлений, характеризуется двойственностью или амбивалентностью, согласно чему американский президент предстает и как типичный американский гражданин, и как человек иного сорта. Данное обстоятельство отражает двойственность позиции героя, которую могут занять и американские граждане, и президент как спаситель своей страны. Подобная амбивалентность поистине ставит президента в позицию героя — того, от которого зависит спасение ‘(райского) сада’ — страны, но чье пребывание на этой территории носит временный, ограниченный характер: этот самый герой однажды уйдет и, в конце концов, исчезнет. Именно такая парадоксальная амбивалентность, существование между внутренней и внешней позициями, соотносит такого героя со Спасителем. Подобное представление в некотором роде имеет отношение к Манихейскому учению, в котором Мани выступает как ‘ипостась’ священной воли» [Там же: 52].

В отличие от Дж. Буша-мл. героическая линия проявляется у Б. Обамы в образе борца с внутренними бедами, но она вторична и часто напоминает спортивную метафорическую модель [см. подр.: Шустрова 2010: 52]. При этом сам президент, несмотря на огромную волю к победе, реалистично оценивает свои шансы и не пытается представить себя как традиционного успешного героя. Как говорит он сам, *Now, these are some of the fights we've already had, and I can promise you there will be more fights ahead. I'm not going to win every round. / Ну, эти битвы уже позади, и все, что я могу пообещать, — это только новые битвы. И я не смогу побеждать в каждом раунде.*

Одновременно с отказом от линии конфликта с внешним врагом происходит отказ и от оппозиции, столь характерной для дискурса Дж. Буша: «МЫ как внутреннее пространство ДОБРА, к которому должны примкнуть все остальные страны — ОНИ как внешнее пространство ЗЛА, отсутствия демократии, от которого нужно отойти и с которым нужно бороться». Б. Обама видит США как пространство, готовое открыть свои границы, слиться с остальным миром (конечно, не в плане реальных территориальных границ, а в плане понимания друг друга, идеологических границ). Для Б. Обамы позиция «к нам должны примкнуть» заменяется на позицию «мы должны примкнуть», «мы — часть планеты Земля». И это вводит модель ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО ЧЕЛОВЕК, ОТКРЫТЫЙ МИРУ.

Следующая модель, присутствующая в речах Б. Обамы, — ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО СТРОИТЕЛЬ. В качестве здания и его частей выступают США и части государственной системы, а также успешное будущее страны. Сам образ строителя не развернут. Он подается через метафоры строительства и модель ГОСУДАРСТВО — ЭТО ЗДАНИЕ, которая может считаться вполне традиционной в рамках политического дискурса.

What we're called to do, then, is rebuild America from its foundation on up. *To reinvest in the essentials that we've neglected for too long — like health care, like education, like a better energy policy, like basic infrastructure, like scientific research. Our generation is called to buckle down and get back to basics. /* ***Мы призваны, чтобы перестроить Америку с самого ее основания.*** *Чтобы вложиться в основные*

ценности, которыми мы так долго пренебрегали, а именно в здравоохранение, образование, энергетику, развитие инфраструктуры, науку. Наше поколение призвано для того, чтобы серьезно взяться за работу и обратить внимание на главное.

Small business, infrastructure, clean energy — these are areas in which we can put Americans to work while ***putting our nation on a sturdier economic footing. That foundation for sustained economic growth*** *— that must be our continuing focus and our ultimate goal. / Малый бизнес, инфраструктура, экологически безопасная энергетика — вот те области, куда мы должны привлечь рабочую силу США, одновременно* ***возводя более прочный национальный экономический фундамент. Именно он обеспечит устойчивый экономический рост****, и именно это должно быть постоянным объектом нашего внимания и нашей конечной целью.*

And that's why, even as we strive to meet the crisis of the moment, ***we have insisted on laying a new foundation for the future.*** */ Именно поэтому, даже когда мы ожесточенно боремся с проблемами сегодняшнего дня,* ***мы настояли на том, чтобы заложить новый фундамент будущего****.*

Не развернута и другая метафорическая модель: ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО ВРАЧ. Она тоже опирается на типичную модель ГОСУДАРСТВО — ЭТО ОРГАНИЗМ и развивается на ее основе. Образ врача появляется у Б. Обамы реже, чем образ строителя. И все же образ врача сопровождается бóльшим количеством деталей. Так, появляются более конкретные образы эпидемиолога и хирурга.

As I said a couple of weeks ago, dropping out is quitting on yourself, it's quitting on your country, and it's not an option — not anymore. Not when our high school dropout rate has tripled in the past 30 years. Not when high school dropouts earn about half as much as college graduates. Not when Latino students are dropping out faster than just about anyone else. It's time for all of us, no matter what our backgrounds, to come together and ***solve this epidemic****. / Как я уже сказал пару недель назад, бросить учебу — это поставить крест на самом себе, это равноценно государственной измене и это не выход — больше нет. Только не в то время, когда потери контингента учащихся в наших университетах увеличились втрое за последние 30 лет. Только не в то время, когда те, кто ушел из вузов, не окончив курс, зарабатывают вдвое меньше тех, кто закончил свое университетское образование. Только не в то время, когда отсев студентов-латиноамериканцев превышает уровень отчислений любых других студентов. Пришло время всем нам вне зависимости от нашего происхождения собраться вместе и* ***покончить с этой эпидемией.***

I want ***to take a scalpel to the budget*** *and go through it line by line. —* ***Я хочу взять скальпель*** *и применить его к нашему бюджету, строчка за строчкой.*

В качестве метафорических недугов США чаще всего выступают слабость экономической системы и большой отсев учащихся из-за невозможности продолжать учебу по финансовым причинам. *Now, I think it's very important to understand: We won't be able to bring down this deficit overnight, given that* ***the recovery is still taking hold*** *and families across the country still need help. / Думаю, главное, что нам следует понять — мы не сможем снизить дефицит бюджета за короткий период, особенно учитывая, что* ***процесс выздоровления только начался*** *и по всей стране семьи все еще нуждаются в помощи.*

Метафорой «раковой опухоли» Б. Обама осуждает ситуацию в Афганистане и Пакистане, объясняя этим необходимость присутствия американских войск. Тем не менее повторим, что обращение к агрессивной внешней политике и вооруженным действиям вторично для Б. Обамы: у него слишком много внутренних проблем, и именно на них он и делает основной упор.

We're in Afghanistan ***to prevent a cancer from*** *once again* ***spreading*** *through that country. But this same* ***cancer has also taken root*** *in the border region of Pakistan. And that's why we need a strategy that works on both sides of the border. / Мы находимся в Афганистане,* ***чтобы предотвратить разрастание раковой опухоли по всей этой стране. Но этой же самой болезнью поражены приграничные районы Пакистана.*** *Поэтому нам нужна такая стратегия, которая возымеет действие по обе стороны границы.*

Еще одна фрагментарная модель — ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО ПРОДАВЕЦ (МЕНЕДЖЕР). В данном случае интерес представляет то, что модель подчеркивает честность президента, его подконтрольность, желание отчитаться.

So there's got to be some test of realism in any of these proposals, mine included. ***I've got to hold myself accountable****, and guaranteed the American people will hold themselves —* ***will hold me accountable if what I'm selling doesn't actually deliver****. / Все предложения, включая мои собственные, должны проходить определенную проверку на предмет реалистичности. Я должен быть подотчетен, а также уверен, что подотчетны и граждане США.* ***Кроме того, граждане США должны иметь право просить меня отчитаться, если то, что я продаю, не оправдывает их ожидания****.*

Выше мы упоминали, что для дискурса Дж. Буша-мл. была характерна модель ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО СУПЕРМЕН. У Б. Обамы ее нет вообще, зато есть шутливые обыгрывания образа супермена. В частности, в одной из речей в октябре 2008 г. сенатор Обама заметил: *I was not born in a manger. I was actually born on Krypton and sent here by my father, Jor-el, to save the Planet*

Earth. / Я не был рожден в яслях. Вообще-то я родился на Криптоне и был послан сюда моим отцом Джор-елем, чтобы спасти планету Земля. Здесь присутствуют очень прозрачные отсылки и к образу Христа, и к образу Супермена, рожденного на планете Криптон, но это только шутка. Не надо воспринимать все изречения Б. Обамы всерьез: у него отличное чувство юмора.

Таким образом, в речах Б. Обамы выделяются следующие ключевые модели: ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО ПУТНИК, СЕМЬЯНИН, ПОМОЩНИК, БОРЕЦ С ВНУТРЕННИМИ ПРОБЛЕМАМИ, ЧЕЛОВЕК, ОТКРЫТЫЙ МИРУ, СТРОИТЕЛЬ, ВРАЧ. Кроме того, фрагментарно присутствуют модели ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО ПРОДАВЕЦ и СУПЕРМЕН (только в качестве шутки).

Теперь обратимся к графическому материалу. Анализируя его, мы условно выделили следующие метафорические области: Бог (1), человек (2), природа (живая и неживая) (3), артефакты (4). Итак, Б. Обама в графике, с точки зрения американцев, выступает в следующих образах:

(1) Мессия, Пророк Мухаммед;

(2) спортсмен, игрок (в азартные игры), в том числе неудачливый, неудачник (алкоголик, калека, дурак, обманутый, бедняк), циркач, вампир, супермен, путник (в том числе скалолаз), врач, странный муж, плохой солдат, боец, мечтатель, обманщик, самоубийца, ребенок, высокомерный тип, чернорабочий, мот, продавец (в том числе аукционист), повар, цензор, музыкант;

(3) животное (обезьяна, конь, мышь), растение, птица (утка, голубь), пресмыкающееся (змея), солнце;

(4) кукла (марионетка, робот, статуя).

В каждой из групп названия графических метафор расположены по частотности. Теперь сопоставим данные текстового и графического материалов (см. табл.). В колонке «Дискурс Барака Обамы» подчеркнуты метафоры, которые не нашли отражения в графике. Образ супермена мы исключили из таблицы в силу вышеупомянутых причин. В колонке «Графика» курсивом выделены самые частотные образы, жирным шрифтом — образы, совпадающие по названию с образами президентского дискурса. Во второй строке в группе «человек» мы немного изменили порядок следования материала и первыми расположили образы, перекликающиеся с образами Б. Обамы, поэтому принцип частотности был немного нарушен.

Таблица

Сравнительная частотность метафор в дискурсе Б. Обамы и карикатурах

Метафорическая область	Дискурс Барака Обамы	Графика
Бог		*Мессия* Пророк Мухаммед
Человек	путник семьянин помощник борец с внутренними проблемами человек, открытый миру строитель врач продавец	***путник*** **странный муж** **боец, борец с проблемами** **человек, открытый миру** **врач** **продавец** (+**аукционист)** *спортсмен* *игрок* (в азартные игры) в том числе и неудачливый *неудачник* (алкоголик, калека, дурак, обманутый, бедняк) *обманщик* *циркач* мечтатель ребенок **супермен** вампир плохой солдат самоубийца высокомерный тип чернорабочий мот повар цензор музыкант
Природа		*животное* (обезьяна, конь, мышь) растение птица (утка, голубь) пресмыкающееся (змея) солнце
Артефакты		*кукла* (марионетка, робот, статуя)

Прежде всего, рассмотрим метафорические модели из графики, пересекающиеся с моделями самого Б. Обамы.

Президент — это путник. Если в речах Б. Обамы предполагается пеший путь, то в карикатуре это преимущественно передвижение на транспорте. Вид транспорта передает дополнительные метафорические смыслы. Так, как движение, путь изображена предвыборная гонка. На одной из карикатур (рис. 1) повозка Б. Обамы снабжена реактивным двигателем, в качестве которого выступает «импульс, толчок, движущая сила (момента) — игра слов», а повозка Хиллари Клинтон запряжена волом по кличке «Высокомерие». Шансы в такой гонке, конечно, не равны.

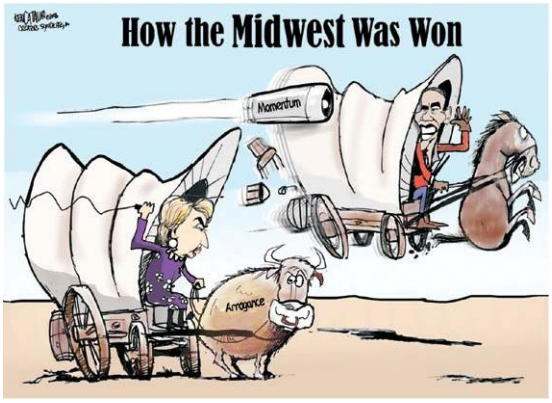

Рис. 1

Предвыборная гонка — это и движение скоростного поезда, и поездка на американских горках (рис. 2). Во втором случае наблюдается ряд отличий от карикатуры с Хиллари Клинтон. Несмотря на то что сам Б. Обама светится радостью победы, у его поезда довольно загнанный вид, а рядом с лозунгом Б. Обамы «Yes, we can!» («Да, мы можем!») расположен риторический вопрос «300 coasters in 32 days?» — «300 американских горок за 32 дня?», ставящий под сомнение успехи Б. Обамы.

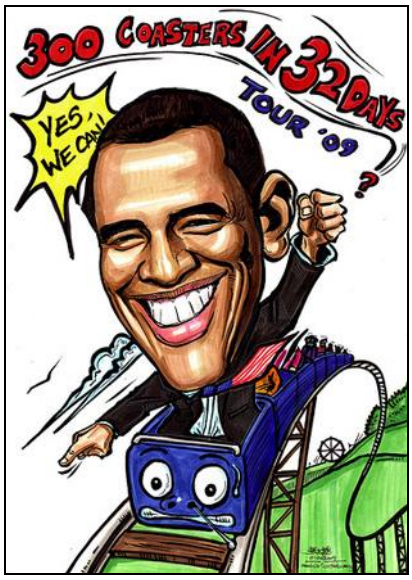

Рис. 2

Была найдена только одна карикатура, изображающая пешего Б. Обаму (рис. 3). На ней он само высокомерие. Вдобавок карикатура носит подчеркнуто расистский характер. Б. Обама извещает, что прежде всего должен исчезнуть указатель «Белый дом». Стоит обратить внимание и на жест прихорашивающегося мужчины (особенно перед дамами).

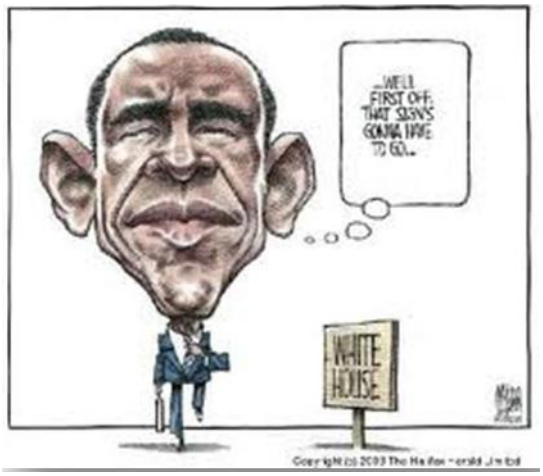

Рис. 3

Еще одна карикатура представляет модификацию модели пути (рис. 4). Она более других соответствует метафорам, встречающимся у самого Б. Обамы. Это рисунок со скалолазом, передающий опасности, поджидающие путника, тяжесть и радость преодоления трудностей. Кроме того, автор апеллирует к пространственной модели «Верх — это Добро, успех, достижение». В то же время этот карикатурный образ не оставляет Б. Обаме никакого шанса, поскольку, взобравшись на небольшую горку «президентство», он видит, как прямо перед ним извергается мощный вулкан под названием «Ожидания» — на вершине, которую он шел покорять.

Рис. 4

Семейная модель трансформируется в карикатуре следующим образом: Б. Обама только муж, а не член большой семьи, причем муж, невнимательный к своей супруге.

Президент — это борец с проблемами. В отличие от прототипа, карикатурного Б. Обаму мало волнуют внутренние проблемы страны. Он пытается спасти капитал, вывозя его за рубеж. Его корабль перегружен и обречен (рис. 6).

В качестве бойца Б. Обама выступает в паре с Хиллари Клинтон (рис. 7). И борется он не за благополучие своей страны, а за место на политическом ринге. Это не благородная схватка (как у самого Б. Обамы), а бой без правил, обычная потасовка, которую не в силах остановиться даже Папа Римский.

Рис. 5

Рис. 6

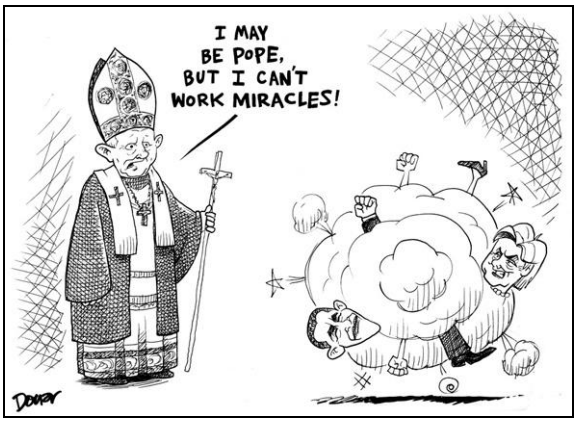

Рис. 7

Президент — это человек, открытый миру. В отличие от дискурса Б. Обамы, в котором эта модель несет положительные смыслы, передает необходимость взаимного доверия, в графике модель трансформируется в уничижительную. Б. Обама изображен как дикарь-африканец, безосновательно претендующий на достижения американской культуры (рис. 8). Его лозунг «Peace is all we need» — «Мир — вот все, что нам нужно», с одной стороны, в контексте этой карикатуры напоминает о движении хиппи и песне «Битлз», а с другой — плохо согласуется с тенью боевого слона на заднем плане и колчаном со стрелами. Основные негативные смыслы передаются надписью на переднем плане «Obama the Humble African». По-русски это может звучать так: «Обама простой (скромный, Ваш покорный) африканец». Этот образ пересекается с образами ребенка и мечтателя, с которыми мы встретимся позже.

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Президент — это врач. Интересно, что модель не очень развернута и в речах самого Б. Обамы, и в графике. Скорее, это просто символ. В отличие от дискурса Б. Обамы, в карикатуре присутствует образ ветеринара (рис. 10). Он связан с выбором так называемого *a «first» puppy,* т. е. кабинета и премьера. В данном случае Б. Обама выбирает из целого сборища дворняжек (mutt — ‘дворняжка’, перен. ‘идиот, придурок’). Образ опирается на устойчивый перенос глагола *to vet* — полит. ‘испытывать, оценивать, проверять’ (кандидата на должность и т. п.) и на прямое значение ‘делать/проводить ветеринарный осмотр’. Еще один уничижитель-

ный образ — это лекарь из африканского племени либо колдун-афроамериканец, практикующий магию Вуду или Худу. Можно только догадываться о печальных последствиях его врачевания.

Президент — это продавец (торговец, торгаш). Если в своих речах Б. Обама, прибегая к этому образу, демонстрирует свою честность в делах, то в карикатуре с образом торговца всегда связан обман. Показано либо «пропихивание» американских ценностей на Ближнем Востоке — рис. 11 (лексема kosher, пришедшая в американский английский из идиша со значением «настоящий, подлинный», недвусмысленно указывает на связь между американскими инициативами и влиянием еврейской диаспоры в США), либо попытки продать сомнительное зелье (т. е. политические инициативы США) ведущим европейским политикам (Н. Саркоззи, А. Меркель, С. Берлускони) — рис. 12. Последние единодушно отказываются. Таким образом, в графике президент США — это продавец не на внутреннем, а на внешнем рынке, причем бесчестный.

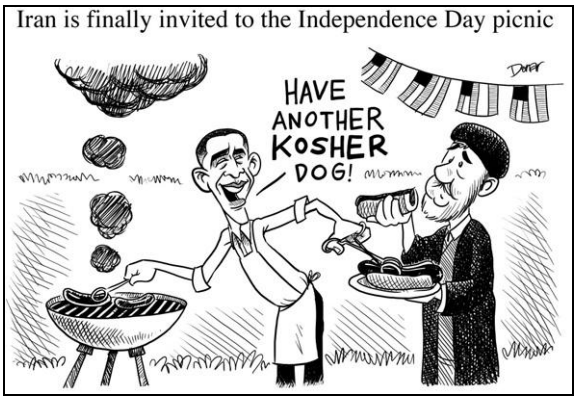

Рис. 11

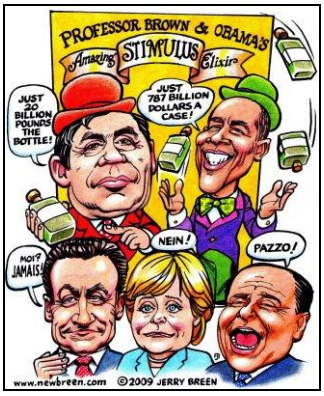

Рис. 12

Остановимся на некоторых других графических метафорах, не присутствующих в дискурсе самого Б. Обамы.

Игрок (в азартные игры), в том числе неудачливый, ребенок, мечтатель. Это модели, реализующие так называемую метафору преуменьшения [см. подр.: Edwards 1995]. Во всех подобных случаях Б. Обама предстает либо в искаженном, либо в уменьшенном виде. Он плохо соображает и неспособен отвечать за свои поступки. Выиграет он или нет — это очень большой вопрос.

Рис. 13

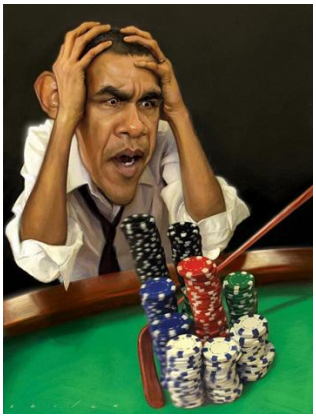

Рис. 14

Его лозунг также искажен до полной противоположности настоящему девизу Б. Обамы (рис. 15). На втором плане одной из карикатур можно легко разобрать слово *mad* — ‘сумасшедший, полоумный’. На другой карикатуре Б. Обама пускает вплавь бумажные кораблики (рис. 16). Все было бы совсем не так уж плохо, пусть себе помечтает. Беда в том, что сложены эти маленькие судна из долларов США и реют на них флаги Ирана и Китая. Эта карикатура возвращает нас к модели ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО БОРЕЦ С ПРОБЛЕМАМИ, только борется он с ними весьма оригинальным способом.

Рис. 15

Рис. 16

Циркач. Обобщенный образ циркача сводится в карикатуре к двум артистическим специализациям: фокусника и дрессировщика. Везде подчеркивается лживость президента, но вот его способность извлечь политические дивиденды из своего прошлого оценивается поразному. Первая карикатура, где Б. Обама занимается заклинание змеи-демократа, намекает на мусульманское прошлое президента (рис. 17). Во время избирательной кампании это часто ставилось ему в вину и приводило к попыткам связать политическую карьеру Б. Обамы с деятельностью радикальных исламистов. Фраза «Я знал, что он как-нибудь да выкрутится с этой фотографией в тюрбане» дает понять, насколько лжив и изворотлив президент-отступник. Вторая карикатура (рис. 18) отсылает уже к дням принятия Б. Обамой христианства и его постоянным упоминаниям о своем долге христианина и «брата» (т. е. члена афроамериканской диаспоры). На рисунке изображен Джеремия Райт — афроамериканский проповедник, крестный отец Б. Обамы, в последнее время известный своими агрессивными высказываниями в адрес белого населения США. Он уже не раз компрометировал Б. Обаму. На карикатуре изображен один из тех моментов, когда президента застали врасплох выкрики его собственного пастора. На третьей карикатуре Б. Обама достает из цилиндра с государственной символикой двух белых кроликов по кличке Надежда и Изменения (рис. 19). Это снова два ключевых слова риторики Б. Обамы, но, в отличие от президентского дискурса, в контексте карикатуры им уготована другая роль. Будучи наложены на образ белого кролика, они наводят на мысль по крайней мере о двух зооморфных персонажах англоязычной литературы, которые оставили ощутимый след в виде переносных значений слов. Первый персонаж придуман Л. Кэрроллом. Его знаменитый Белый Кролик стал олицетворением слабости, робости, суетливости [ABBYY Lingvo] и принес с собой значение «паниковать, суетиться без толку, вносить панику, сумятицу». Второй кролик — это уже персонаж афроамериканского фольклора, хорошо известный по «Сказкам дядюшки Римуса». В сказках он исполняет роль трикстера, обманщика и нарушителя всех возможных запретов. Таким образом, Надежда и Изменения превращаются на подсознательном уровне в Неразбериху и Обман.

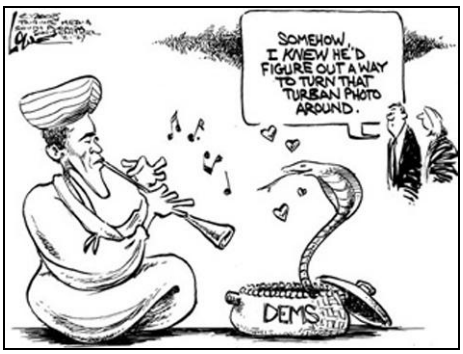

Рис. 17

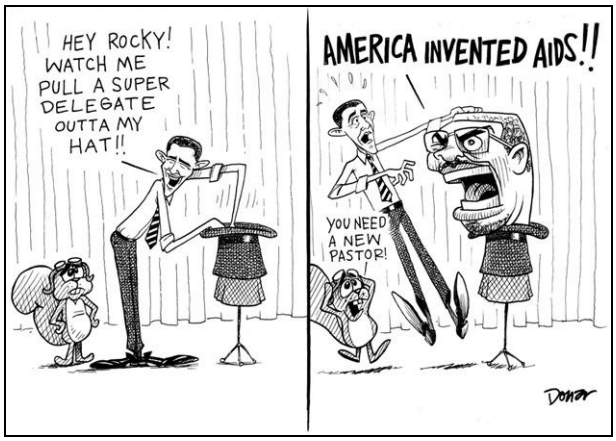

Рис. 18

Рис. 19

Вампир. Здесь вступает в силу модель персонификации «Государство — это индивид». В нашем случае жертвой становится статуя Свободы (рис. 20), т. е. прецедентный женский образ. Тем самым вводится оппозицию «мужчина — женщина», которая была размыта у самого Б. Обамы, и создается дегуманизирующий образ «чужого», врага [см. подр.: Вайс 2008].

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

САМОУБИЙЦА — это политик, который пренебрегает сложившейся ситуацией и мнением электората. Именно это, по мнению карикатуриста, и делает Б. Обама (рис. 22).

ПЛОХОЙ СОЛДАТ. В этом случае упор делается либо на неадекватность применяемых мер, либо на откровенную трусость Б. Обамы, как, например, на карикатуре про посещение Флинта — города на юго-востоке штата Мичиган (рис. 23). Этот город традиционно входит в пятерку самых криминогенных зон США. Согласно карикатуре, Б. Обама настолько боится происходящего в своей собственной стране, что с радостью готов отправиться в Ирак.

ЦЕНЗОР. В случае с этим образом интересны два момента. Во-первых, Б. Обама вновь изображен в деформированном виде, что вводит графическую метафору преуменьшения (рис. 24). Во-вторых, это отражает риторический прием, который действительно присутствует у Б. Обамы — так называемый *signifyin'*. В афроамериканской литературной традиции и искусстве проповеди прием *signifyin'* часто связан с умением вплетать в свою речь намеки (если пользоваться традиционным термином, аллюзии), напоминающие о творчестве других афроамериканцев или своем собственном. Так возникает единство дискурса. Это напоминает то, что принято описывать как интертекстуальность, но с рядом этнических особенностей. У Б. Обамы указанный прием принимает форму ссылок и намеков, с одной стороны, на дискурс других американских президентов, на их опыт и устремления, с другой — на свои собственные более ранние обращения. В то же время Б. Обама выступает в роли истолкователя воли других президентов США. В результате возникает эффект полной преемственности и оправданности действий сегодняшнего президента с учетом уже пройденного пути с точки зрения логики и эффект единого речевого пространства с точки зрения риторики. Именно это умение президента отображено на карикатуре: маленький Б. Обама усердно трудится ножницами, пытаясь то ли откорректировать документы, то ли извлечь мудрые мысли прошлого, чтобы впихнуть вырванные «с кровью» цитаты в свое собственное выступление.

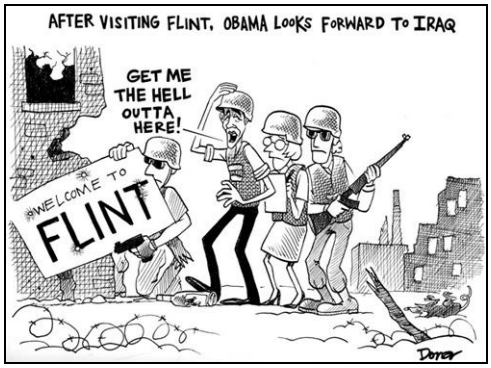

Рис. 23

Рис. 24

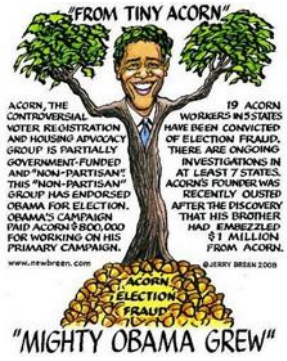

Рис. 25

РАСТЕНИЕ. Б. Обама предстает в образе дуба или хрупкого цветка. В первом случае подчеркивается продажность Б. Обамы, его «подпитка» сомнительными фондами (рис. 25). Величественный дуб Б. Обама вырастает из крохотного мошеннического фонда под названием «Желудь». Второй образ — это жалкий полевой цветок, с трудом пробившийся сквозь асфальт и ожидающий своей неминуемой гибели, потому что он вырос там, где не имел никакого права это делать.

ПРЕСМЫКАЮЩЕЕСЯ. Демократ Обама изображен в качестве лживой змеи, прибегающей к республиканским ценностям (рис. 26). Делается намек на поистине уникальную способность Б. Обамы уметь достигать компромисса и с республиканцами, и с демократами. Во многом благодаря этому умению Б. Обама и стал президентом. На рисунке это весьма ценное качество представлено в ложном свете: Б. Обама снова обманщик и искуситель.

СОЛНЦЕ. Ряд карикатур позволяет заключить, что образ солнца в связи с Б. Обамой никогда не несет положительной прагматической семантики. Например, Б. Обама изображается как неуверенное, огорченное светило, на которое набежала туча-Клинтон (рис. 27).

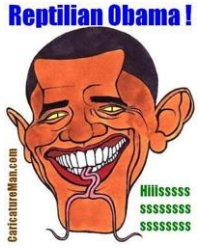

Рис. 26

Рис. 27

СТАТУЯ (КАМЕННЫЙ ИСТУКАН). Образ статуи в карикатурах на Б. Обаму не редкость. Часто маленький, скрюченный, черный Б. Обама предстает в приниженном виде по сравнению с огромной *белой* мраморной статуей, например А. Линкольна. Есть изображения и самого Б. Обамы в виде статуи, но они тоже вызывают отрицательные ассоциации. Например, Б. Обама выступает в образе чилийского каменного истукана моаи. Как известно, «моаи — каменные статуи на побережье острова Пасхи (местное название острова — Рапа-Нуи) в виде человеческой головы высотой до двадцати метров. Они сделаны из спрессованного вулканического пепла, и в них, по поверьям местных жителей, заключена сверхъестественная сила предков первого короля острова Пасхи — Хоту-Мату'а» [ВикипедиЯ: http://ru.wikipedia.org/wiki]. На истукана-Обаму взирают два американских туриста (рис. 28). Один из них говорит: «Я без понятия, что это, но я чувствую к нему странное притяжение». Можно обозначить следующие трактовки этой карикатуры. Б. Обама пришел в большую американскую политику достаточно неожиданно. Многие избиратели были плохо знакомы с его прошлым (которое в карикатурах часто подается как нечто варварское, дикое), но быстро поверили в этого кандидата. Для карикатур несущественно, чтобы Б. Обама относился к африканской культуре, ее может заменить любая варварская, с точки зрения среднего американца, культура или строй, не связанный с Европой. Другая трактовка связана со значительным запустением, бедной флорой, суровыми каменистыми склонами острова Пасхи, на которых возвышаются моаи. Вероятно, под управлением Б. Обамы такое же будущее ждет и США. Еще один поворот продиктован внешней политикой США.

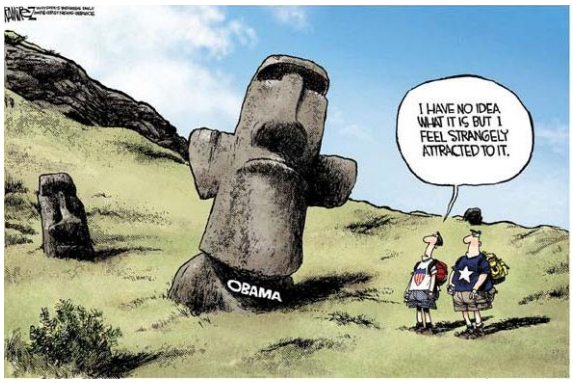

Рис. 28

Остальные образы, мы охарактеризуем в нашем следующем обзоре. Отметим только, что они крайне редко передают положительное прагматическое значение. В целом графический код и риторика Б. Обамы апеллируют к противоположным, контрастным сторонам одного и того же образа. Это вполне объяснимо, если принять во внимание, какие разные пропагандистские цели преследуют сам президент и карикатуристы.

ЛИТЕРАТУРА

Вайс Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25). С. 19—35.

Википедия : свободная энцикл. : [сайт]. 2011. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki.

Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: кинотекст // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 106—110

Феррари Ф. Гендер и отождествление в политическом дискурсе: американская женщина как категория анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1(31). С. 39—54.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005.

Чудинов А. П. Методика сопоставительного исследования метафорических моделей // Лингвистика : бюл. Урал. лингв. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. Т. 9. С. 47—57.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

Шустрова Е. В. Дискурс Барака Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика. 2010. № 2(32). С. 77—91.

ABBYY Lingvo [Электрон. ресурс]. Электрон. прикл. программа и дан.

Edwards J. L. Wee George and the seven dwarfs: Caricature and metaphor in campaign '88 cartoons // INKS. Cartoon and Comic Arts Studies. 1995. Vol. 2. № 2.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr. ; L., 1980.

Lakoff G., Turner M. More Than Cool Reason : A field guide to poetic metaphor — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1989.

Lakoff G. Women, fire and dangerous things: what categories reveal about mind. — Chicago, 1987.

ИСТОЧНИКИ

Complete Text Transcripts of Over 100 Barack Obama Speeches : [сайт]. 2011. URL: http://www.obamaspeech.com.

http://www.allfunnycaricatur.blogspot.com
http://www.badcartoonist.worldpress.com
http://www.blackmissouri.com
http://www.caricatureman.typepad.com
http://www.courtjones.com
http://www.flickr.com.erudite
http://www.kaltoons.com
http://www.newbreen.com
http://www.politicalgraffiti.worldpress.com
http://www.shutterstock.com

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'37 + 81:39 + 316.75
ББК Ш141.2-7 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.01*

О. В. Атрошенко
Екатеринбург, Россия

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ХРОНОНИМИЯ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *Характеризуются изменения в системе русских традиционных календарных наименований в советский и постсоветский периоды. Особое внимание уделяется лексикографическому описанию русских народных хрононимов, взаимодействию религиозного и идеологического компонентов в языковой и контекстуальной хрононимической семантике.*

Ключевые слова: *лексикография; лексикология; семантика; этнолингвистика; политическая лингвистика; хрононимы.*

Сведения об авторе: *Атрошенко Ольга Валерьевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.*

Место работы: Уральский федеральный университет (бывш. Уральский государственный университет им. А. М. Горького), Екатеринбург.

Контактная информация: *620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 308.*
e-mail: atrosh@pm.convex.ru.

O. V. Atroshenko
Ekaterinburg, Russia

RUSSIAN NATIONAL CHRONONYMS IN THE SOVIET AND POSTSOVIET IDEOLOGICAL SPACE

Abstract. *The article views changes in Russian traditional calendar names system during the Soviet and Postsoviet periods. Special attention is devoted to lexicographical description of Russian national chrononyms, religious and ideological components interaction in linguistic and contextual chrononyms semantics.*

Key words: *lexicography; lexicology; semantics; ethnolinguistics; political linguistics; chrononyms.*

About the author: *Atroshenko Olga Valeryevna, Postgraduate Student of the Chair of the Russian Language and General Linguistics.*

Place of employment: Ural Federal University (ex-Ural State University), Ekaterinburg.

Русский народный календарь формировался на основе церковных (православных) и земледельческих традиций. Соответственно русские хрононимы призваны обозначать отрезки годового времени, связанные, с одной стороны, с библейскими событиями, «именинами» святых, с другой — с крестьянским укладом жизни. В народную хрононимическую систему вошли формально упрощенные наименования важнейших церковных праздников *(Успение* или *Успение Богородицы* вместо *Успение пресвятой владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии)* [1]. Следует сказать, что русские общенародные *(Пасха)* и диалектные (севернорус. *Николай-Кочанник* '27 июля/9 августа') хрононимы до конца XX — начала XXI в. изучались преимущественно этнографами. Слабая лингвистическая, в частности лексикографическая, освещенность календарных наименований обусловливалась, во-первых, их ономастической спецификой (имена собственные непоследовательно включаются в литературные и диалектные толковые словари), во-вторых, общественно-политическими факторами. Так, в советский период хрононимия, относящаяся к сфере религиозного, «объявляется» лингвокультурным рудиментом. В данной статье рассматривается влияние идеологии на русскую народную хрононимию в советский и постсоветский периоды.

Влияние идеологии на лексикографическое описание русской народной хрононимии. Лексикографическое описание является необходимым этапом познания природы языкового знака и выявляет его системные связи. Однако часто словарь отражает не живую (сиюминутную), а «проверенную временем» систему, в том числе пропущенную через идеологическое «сито». Обратимся к толковым словарям русского языка, изданным в советский и постсоветский периоды, реконструирующие две различные системы хрононимов.

Исчезновение из советских словарей концептосферы «Календарное время. Праздники» не осталось бы незамеченным носителями русского языка. Чтобы избежать лакуны, составители словарей идут тремя путями: 1) выбирают идеологически нейтральные хрононимы (с ярко выраженным народнокультурным компонентом и ослабленными религиозными смыслами); 2) приводя названия важнейших церковных праздников, без которых немыслима русская культура, идеологизируют словарную статью при помощи помет и особых оценочных или модальных сем в толковании; 3) вводят названия праздников, маркирующих советскую эпоху.

В хрононимический словник советского периода вошли лишь единичные общенародные календарные наименования. К примеру, в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова отсутствуют такие наименования двунадесятых праздников, как *Рождество Богородицы*, *Воздвижение*, в «Словаре современного русского литературного языка» — *Рождество Богородицы*, *Введение*, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова — *Воздвижение*, *Введение*. Кроме того, за пределами этих словарей

© Атрошенко О. В., 2012

остаются некоторые общенародные хрононимы, обозначающие дни памяти святых: в словаре Д. Н. Ушакова и ССРЛЯ нет наименований *Иванов день*, *Никола Зимний* (6/19 декабря) и *Никола Летний* (9/22 мая); словарь С. И. Ожегова, помимо вышеназванных, не включает *Ильин день*, *Петров день*. Возможно, такая выборка обусловлена, во-первых, ассоциацией хрононимов с именами российских царей и императоров, во-вторых, стремлением «погасить» в словнике словаря религиозный компонент. Включая в словари наименования *Ильин день*, *Иван Купала* / *Иван Купало*, *Петров день*, авторы «разбавляют» религиозные смыслы народнокультурными: 1) во внутренней форме хрононима: *Купала*, *Иван Купала* [ССРЛЯ 5: 1841]; 2) в дефиниции: *Ильин день* ‘у православных — праздник пророка Илии (20 июля ст. стиля), управляющего, по мифологическим представлениям, громами’ [ТСРЯ 1: 1190—1191]; 3) в контексте: *«Петров день*. До Петрова вспахать, до Ильина заборонить. Пословица. Далеко кулику до Петрова дня. Пословица (много еще недостает кому-н.)» [ТСРЯ 3: 245]. В толковые словари советского периода включаются и наименования дней/периодов, связанных с народными забавами и обычаями, а также с поминовением умерших: *Радоница*/*Радуница* [ТСРЯ 3: 1111], *Семик* [ТСРЯ 4: 142], *Родительская суббота* [ТСРЯ 3: 1370], *Масленица*, *Святки*, *Русалии* [ТСРЯ 2: 152; 4: 109; 3: 1406; Ожегов 2004: 332, 694, 677]. Возможно, данные хрононимы имеют, по мысли составителей, не церковно-христианские, а скорее языческие ассоциации.

В тех случаях, когда народная хрононимия попадает в словари, их авторы при помощи помет ограничивают сферу (церк., книжн., этнолог., этногр.) и время функционирования хрононимов (истор., устар.): *Петров день* (церк.) [ТСРЯ 3: 245], *Купала* (этногр.) [ТСРЯ 1: 1549], *масленица* (устар.) [ТСРЯ 2: 152], *Радоница* (этнолог.) [ТСРЯ 3: 1111], *Русалии* (истор.) [ТСРЯ 3: 1406], *сочельник* (устар.) [ТСРЯ 4: 417], *Крещение* (церк.) [ТСРЯ 1: 1513], *Благовещение* (церк.) [ССРЛЯ 1: 473], *Вознесение* (книжн., церк.) [ТСРЯ 1: 343], *Сретение* (устар., церк.) [ТСРЯ 4: 466—467]. Некоторые хрононимы и их производные оказываются стилистически маркированными: *Троица* (разг., церк.) [ТСРЯ 4: 805], *масленица* ‘о привольной, сытой жизни’ (разг., фам.) [ТСРЯ 2: 152].

В толковании хрононимов могут присутствовать следующие идеологические добавки:

1) сема вымышленного, признак нереального, «якобы существующего»: *Крещение* ‘религиозный праздник 6 (19)-го января в память ***евангельской легенды*** о крещении Иисуса’ [ССРЛЯ 5: 1644], *Рождество* ‘христианский зимний праздник, посвященный рождению ***мифического*** основателя христианства Христа’ [СРЯ 3: 726], *Пятидесятница* ‘один из ***т. наз.*** двунадесятых праздников у христиан’ [ТСРЯ 3: 1091], *Купала*, *Иван Купала* ‘у православных — праздник 24 июня ст. стиля, посвященный ***т. наз.*** Иоанну Крестителю’ [ССРЛЯ 5: 1841; ТСРЯ 1: 1549, 1126], *Сретение* ‘один из ***т. наз.*** двунадесятых праздников у христиан (2 февраля по ст. ст.; церк.)’ [ТСРЯ 4: 466—467], *Пасха* ‘христианский праздник, посвященный ***так называемому*** воскресению Христа’ [ТСРЯ 3: 64];

2) идея устаревшего: *семик* ‘***пережиток*** древней религии анимизма — народный праздник поклонения душам умерших, справляющийся в четверг на седьмой неделе после Пасхи…’ [ТСРЯ 4: 142], *Радуница* ‘религиозный обычай поминания умерших на могилах на послепасхальной неделе, сохранявшийся у православных как ***пережиток*** древнего культа мертвых’ [СРЯ 3: 582];

3) признак узкой и «чуждой» зоны функционирования: *святки* ‘в ***церковном быту*** — праздничное время от дня рождества до крещенья’ [ТСРЯ 4: 109], *святки* ***‘в дореволюционном быту*** праздничное время от рождества до крещения’ [СРЯ 4: 59].

Идеологизированными можно считать и заведомо «неопределенные» толкования, в которых отсутствует указание на библейское событие и дату: *Введение* (церк.) ‘один из христианских праздников’ [ТСРЯ 1: 230], *Благовещение* (церк.) ‘один из весенних христианских праздников, связанный с евангельским рассказом об извещении матери Христа о предстоящем его рождении’ [ССРЛЯ 1: 473], *Крещение* ‘один из церковных праздников’ [СРЯ 2: 128]. Не приводя дифференциальных сем в толковании хрононимов, составители словарей исключают церковные праздники из советского календаря.

Исчезновение некоторых общенародных календарных наименований из словарей или их семантическое упрощение компенсируется появлением советских хрононимов: *Первое мая* (*Первый май* неправ.) ‘праздник международной солидарности пролетариата, установленный в 1889 г. конгрессом 2-го Интернационала’ [ТСРЯ 2: 118], *Великая Октябрьская социалистическая революция* (в статье на *Октябрьский)* [ТСРЯ 2: 798], *Октябрь* (нов., торж.) ‘Великая Октябрьская Социалистическая революция 1917 года’ [ТСРЯ 2: 798], *Новый год* [2] ‘первый день года’ [ТСРЯ 2: 588].

Не затронула советская идеология русские диалектные словари (СРНГ, ССГ, СРГСУ, СРСГСО и др.), в которые включались и территориально ограниченные (зап.-сибир. *Авдокеи* ‘1/14 марта’, арх. *Василий-Солноворот* ‘1/14 января’), и общенародные хрононимы *(Никола* ‘9/22 мая и 6/19 декабря’, *Троица*, *Пасха).* Однако данные лексикографические источники не предназначались для широкого круга читателей, большинство советских граждан должно было воспринимать народные праздники как пережиток прошлого. Параллельно формировался новый календарь, состоящий из памятных дат советской истории и профессиональных праздников *(День учителя*, *День геолога*,

День пограничника), названия которых обычно не закреплялись в толковых словарях.

Постсоветская лексикография уделяет народной хрононимии пристальное внимание. Так, в словник толковых словарей русского языка вошли почти все наименования двунадесятых праздников *(Воздвижение*, *Рождество Богородицы / Рождество Пресвятой Богородицы, Введение Богородицы во храм / Введение, Благовещение* и др. [Кузнецов 2000: 142, 1126, 113, 81; Ефремова 2006, 1: 317; 3: 142; 1: 246; 1: 176]). Помимо этого, отражены общенародные хрононимы, хотя и непоследовательно: так, упоминается *Иван* ‘народное название праздника первого покоса, сбора целебных трав, приметный день у землепашцев; День Ивана Купалы’ [Ефремова 2006, 1: 822], но нет *Иванова дня* [Ефремова 2006; Кузнецов 2000]. В словаре Т. Ф. Ефремовой есть *Ильин день, Купала, Никола зимний* (6/19 декабря) и *Никола летний* (9/22 мая), *Петров день* [Ефремова 2006, 1: 854; 1: 1088; 2: 337; 2: 712], но эти хрононимы отсутствуют у С. А. Кузнецова [Кузнецов 2000]. Следует отметить, что в толковых словарях постсоветского периода сохраняются наименования советских праздников, например: *Октябрь*, *праздник Октября* [Кузнецов 2000: 711; Ефремова 2006, 2: 452].

В постсоветских толковых словарях при подаче хрононимов исчезают стилистические пометы и семантические компоненты идеологического характера; ср.: *Благовещение* ‘один из двунадесятых церковных праздников у православных христиан, отмечаемый 7 апреля по новому стилю или 25 марта — по старому в память о „благой вести“, принесенной — согласно евангельским представлениям — архангелом Гавриилом Деве Марии о предстоящем рождении у нее Спасителя мира — Иисуса Христа’ [Ефремова 2006, 1: 176]; *Никола зимний* ‘праздник в честь одного из самых почитаемых святых на Руси — св. Николая (отмечаемый 19 декабря по н. ст. или 6 декабря по ст. ст.)’ [Ефремова 2006, 2: 337]. При формулировании хрононимических дефиниций может наблюдаться неразличение описываемого праздника и праздничного обычая, что говорит о малой изученности хрононимов в советское время: *Радуница* ‘религиозный обычай поминания умерших на могилах на послепасхальной неделе, сохранившийся у православных как *пережиток* древнего культа мертвых’ [Кузнецов 2000: 1058].

Если в советский период сфера религиозного (вместе с ассоциирующимися с ней календарными датами) вытеснялась из действительности, то в постсоветский стала активно внедряться в народное сознание. Идеологема коллективистских трудовых будней сменилась на «идеологему» уникальности любого дня, дня-праздника для каждого (в СМИ, особенно в сфере рекламы). Так, расширился календарный спектр: появилось множество профессиональных праздников, дней в честь различных организаций, были заимствованы некоторые западные праздники *(День матери*, *День всех влюбленных*, *Хеллоуин* и т. д.). Некоторые из наименований последних закрепляются в толковых словарях русского языка: *Хэллоуин* ‘популярный ежегодный праздник в англоговорящих странах кануна Дня всех святых (31 октября), символом которого является ведьма на метле и выдолбленная тыква с зажженной свечой внутри’ [Ефремова 2006, 3: 786]; ср. также *валентайн, валентинка* (разг.) ‘любовное или шуточное послание на иллюстрированной открытке, которыми обмениваются возлюбленные и добрые знакомые в День св. Валентина в странах Западной Европы и США’ [Ефремова 2006, 1: 238]. При этом название официально утвержденного в России праздника — *Дня матери* (Указ Президента России от 30 января 1998 г. № 120) — не фиксируется современными толковыми словарями, что свидетельствует о незавершенности процесса формирования новой хрононимической системы.

Снятие «запрета» на религиозную сферу в конце XX в. в какой-то степени обусловило изучение русской народной хрононимии как ономастического класса и появление специализированных хрононимических словарей.

Традиционное и советское в номинативной календарной системе русской деревни. В диалектной системе советского периода параллельно существовали наименования как церковно-земледельческих, так и советских праздников, поскольку те и другие вписывались в колхозный быт, ориентировали в цикле сельскохозяйственных работ: *Егорьев день*, *Егорей Скотской* ‘23 апреля/6 мая’: *Егорей Скотской весной живет, скота выгоняшь* (Коми-Пермяц.) [СРГКПО: 93]; *Петров день*, *Петров Репный* ‘30 июня/12 июля’: *Пётр Репной также происходит от сроков посадки репы* (Прикам.) [Черных 2006: 178]; *Овод до Петрова дня, а муха до глухой осени* (Вологод.) [КСГРС]; *Ильин день* ‘20 июля/2 августа’: *Ильин день — это в августе праздник, когда часто дожди и гроза сильная бывает. Чтобы задобрить Илью, крестьяне праздник устраивали* (Москов.) [КЛАРНГ]; *Фролов день*, *Фроловки-Белоголовки* ‘18/31 августа’: *Фроловки-Белоголовки — урожай надо собирать, а то белоголовки вырастут* (Костром.) [ЛКТЭ]. Часто обрядовая символика праздников адаптировалась к советской действительности: *Иванов день* ‘24 июня/7 июля’: *В Иванов день в **колхозе** покос начинали, в Петров день свои гувенники косят* (Вологод.) [КСГРС]; *Преображенье* ‘Второй Спас, 6/19 августа’: *Детей в Преображенье в горох возили раньше в **колхозе**-то* (Костром.) [ЛКТЭ]; *Сретенье* ‘2/15 февраля’: *Стретенье в **„Большевике“*** (колхоз) *праздновали* (Костром.) [ЛКТЭ]; *Ильин день*: *В Ильин день не работают, даже из **колхоза** отпускали* (Костром.) [ЛКТЭ]; *Вшивая неделя* ‘неделя после Троицы’: *Капусту шестого-седьмого июня садили в*

колхозах, *пока мошки нет. Позже начнешь на неделю — Вшивая неделя* (Прикам.) [Черных 2009: 138]; *Радованица* ‘суббота на второй неделе после Пасхи, поминальный день’: *В Радованичу дак всех* ***бригадиров*** *пьяными напоили* (Вологод.) [СВГ 9: 4].

Семантика некоторых временных отрезков актуализировалась в определенные исторические моменты, что также способствовало сохранению «земледельческих» хрононимов в номинативной календарной системе советского периода. Так, день св. Евдокии (1/14 марта) считается началом весны, а значит, связан с исчезновением зимних съестных запасов: *Март месяц был, как раз на Авдокию-Весновку было. Подфартило <…> А то бы так и пухли с голоду, умирали же которы* (в сорок втором) (Читин.) [СГБС 1: 149].

В крестьянской среде народные праздники могли заменяться советскими, но их ритуальное наполнение нередко оставалось традиционным. При этом «советские» и «народные» хрононимы становятся параллельными наименованиями как бы одного временного отрезка: *Берёзки день* ‘Троица’: *День Берёзки праздновали. Украшали машины березками* (Кострм.) [ЛКТЭ]; ***Раньше*** *был* ***колхозной праздник*** *Березка, день Березки. На лугах гуляли* (Коми-Пермяц.) [СРГКПО: 48]; *Октябрьские* и *Скорбящая Божья Матерь* ‘6 ноября’: *Октябрьские — **это** Скорбящая Божья Матерь — шестого ноября. Тогда уж гуляли, варили пиво сообща, котлами* (Кострм.) [ЛКТЭ]; *Временная* ‘день великомученицы Параскевы Пятницы, 28 октября/10 ноября’: ***Сейчас*** *Октябрьская осенью, а у нас была Временна, как хлеб уберут* (Среднеурал.) [Востриков 2000, 1: 90—91]; *Митров день* ‘день св. Димитрия Солунского, 26 октября/8 ноября’: *Октябрьская седьмого ноября, а следующий Митров день, они* ***как один праздник*** (Вологод.) [КСГРС]. Известно, что рождественский цикл был заменен советским Новым годом (1 января по н. ст.). Замены подобного рода нередко отмечались народным сознанием: *Васильев вечер, Новый-то год, 13 января живет, а* ***советский*** *Новый год вперед живет* (Перм.) [Прокошева 2002: 46—47]; *Митревска была осенью, когда был* ***советской*** *праздник Октябрьска-то, на другой день Октябской — Митриев день* (Прикам.) [Черных 2009: 130]; *Мы к имя издим на Покров, а оне к нам на* ***Советской*** *праздник* (Октябрьскую) *бывают* (Прикам.) [Черных 2009: 179]; *В 57-ом году праздники-то наши запретили. А как без них? Вот мы* ***вместо*** *Иоанна-Богослова образование колхоза и отмечали* (Архангел.) [ЭМТЭ]; *Вот Октябрьску, Май — вот это у нас уже праздники были,* ***сейчас*** *уже стали праздновать* (Прикам.) [Черных 2009: 118].

Традиционные праздники могли осмысляться как «прежние»: *С Пасхи и до Земли-Именинницы — это* ***ранешние****-то праздники, игровые праздники, каждое воскресенье гуляли. В Земле-именинницу также выходные давали* (Кострм.) [ЛКТЭ]; *С постной молитвой поп ездит, на дому служит, в Велико говеньё, когда Масленка пройдёт. В Велико-то говеньё грех был молосно-то ись, а* ***нонче уж ничё не разбирают*** (Перм.) [Прокошева 2002: 81]. Возможно подчеркивание их церковного происхождения: *Стретенье — **церковный** праздник — проводы зимы* (Алтай.) [СРГА 4: 129]; *Аксинья-Полухлебница — **церковный** праздник в середине зимы* (Москов.) [Иванова 1969: 13].

Советские праздники, в свою очередь, встраивались в традиционный календарь. В народном сознании стирались границы между привычным (своим) и новым (чужим). Показателем этого является функционирование «советских» и «народных» хрононимов в одном ряду: *День прибывает под Рождество на полчаса, на Новый год* (1 января по н. ст.) *— на один час, под Крещенье — на полтора часа, на Афанасьев день — на два часа* (Прикам.) [Черных 2008: 11]; *К Октябрьским раньше варили, вот летние праздники — Вознесеньев день, Троица была, к Первому мая варили* (Кострм.) [ЛКТЭ]; *Митров день живет, Митривски субботы в ноябре, у Октябрьских праздников* (Прикам.) [Черных 2009: 130]; *Потом после Пасхи Мароносецкие Родители, Троицкие и последние Осенние, под Октябрьской и всё* (Тамбов.) [Махрачева]; *Да всякие праздники: Ильин день, Хролов день, День Победы, Май, ещё какие-то… Пасха, Троица* (Прикам.) [Черных 2009: 118]; *Большие праздники: Майская* (1 Мая), *День Победы, Троица, Октябрьская* (Кострм.) [ЛКТЭ]; *К Октябрьской пива варили, к Сергию* (5/18 июля), *Егорию* (23 апреля/6 мая и 26 ноября/9 декабря) (Вологод.) [КСГРС].

Взаимодействие советского и традиционного календарей нашло отражение в языке. Названия советских праздников *(Первое мая, Октябрьская)* могли модифицироваться по распространенным народным хрононимическим моделям:

1) словообразовательно: ср. кострм. *Алексеевская (< Алексеев день)* ‘17/30 марта’, тамбов. *Благовещенная (< Благовещенье)* и кострм. *Майская (< Первое мая)* [ЛКТЭ];

2) структурно (обычно в сторону упрощения): кострм. *Октябрьская (< день Великой Октябрьской социалистической революции)* [ЛКТЭ];

3) грамматически: москов. *Аксиньи-Полухлебницы (< Аксинья-Полухлебница)* ‘24 января/6 февраля’ и кострм., прикам. *Октябрьские/Октябрьские праздники (< Октябрьская/Октябрьский праздник)* ‘7 ноября’: *Митривски субботы в ноябре, у Октябрьских праздников* [Черных 2009: 130]; *Октябрьские отмечали седьмого ноября. Это установилась советская власть — наварят пива и дуют, пьют* [ЛКТЭ]; *Седьмые (< Седьмое ноября): В Седьмые делали, в колхозе варили пива и вина брали* (Кострм.) [ЛКТЭ].

Функционирование хрононима *Октябрьская* в форме множ. ч. обусловлено не только влиянием народной хрононимической модели, но и хронологической смежностью с поминальной субботой (суббота перед днем св. Дмитрия (26 октября/ 8 ноября)) и Дмитриевым днем. Так «советская» и «церковно-народные» даты начали восприниматься как единый праздник. Хрононим *Седьмые* поддерживается «числовыми» названиями престольных праздников [3] в форме множ. ч., ср. среднеурал. *Девятые* ‘девятая пятница после Пасхи’ [Вострикова 2000, 1: 134].

Современная народная хрононимическая система включает как традиционные («земледельческие») хрононимы, так «советские» и «постсоветские». Хрононимические наборы в сознании сельских жителей различаются в зависимости от возраста. Пожилые, как правило, помнят названия важнейших «божественных» праздников *(Пасха, Троица, Благовещение)* и «функциональных», значимых с хозяйственной точки зрения, напр.: *Василии-Капильники* ‘28 февраля/13 марта’, *Евдокия-Плющиха* ‘1/14 марта’, *Ильин день*: *Когда гроза в этот день, говорят „Илья на коляске едет“* (Костром.) [ЛКТЭ]. При этом нередко происходит полная или частичная утрата связи хрононима с определенной датой (хрононим соотносится лишь с сезоном, на который приходится именуемая дата). На сохранность в народной памяти наименований «функциональных» праздников указывает следующий контекст: *В календаре есть эти Спасы. 19 августа Яблочный Спас. Потом Медовый Спас, а ещё один — **не помню какой*** (Костром.) [ЛКТЭ]. В данном случае хрононимы с «актуальным» событием во внутренней форме (*Яблочный Спас* ‘6/19 августа’ — время уборки яблок, *Медовый Спас* ‘1/14 августа’ — время сбора меда) закреплены в сознании за определенными датами, а наименование Третьего Спаса не является «говорящим» (*Ореховый Спас* ‘16/29 августа’ — время сбора орехов, что неактуально для Костромской области). Следует заметить, что некоторые хрононимы сохранились благодаря приметам и запретам, связанным с обозначаемой датой: *После Троицы был праздник Земля-Именинница. Стар и млад выходили, гуляли, плясали. Землю трогать нельзя*; *В Землю-Именинницу одна баба работала, дак со стога упала, шею свернула* (Костром.) [ЛКТЭ].

Ритуальное наполнение народных праздников в советско-постсоветский период может утрачиваться либо осознаваться как утраченное: *В Велико-то говеньё **грех был** молосно-то ись, а **нонче** уж **ничё не разбирают*** (Перм.) [Прокошева 2002: 81]. В постсоветское время обычаи, связанные как с традиционными, так и с советскими праздниками, уходят в прошлое: *К Октябрьским **раньше** варили, вот летние праздники — Вознесеньев день, Троица была, к Первому мая варили* (Костром.) [ЛКТЭ]. При этом «церковно-народные» и «советские» хрононимы мыслятся как представители одной системы.

Помимо вышеназванного, в так называемую «деревенскую» хрононимию проникают названия новых местных *(День Нептуна, День села, Праздник самовара)* и некоторых западных праздников (к примеру, День св. Валентина ‘14 февраля’).

Влияние идеологии на русскую номинативную календарную систему в публицистике и фольклоре. Идеологизация советского календаря проявилась в публицистических текстах, которые пропагандировали уничтожение «старого мира» ради нового. Религиозные праздники стали символом уходящей эпохи, эпохи «рабов и господ». Новое время началось с Октябрьской революции, соответственно праздник *Октябрьская* по значимости должен был вытеснить народно-церковные, «царские» праздники; ср. представление времени в агитационной поэзии Маяковского: «Октябрь подавляет все другие (ранее равноправные) отрезки. Это время для простого народа, уничтожающее тех, кто ранее господствовал» [Купина 1995: 80]. «Конкурирующим» праздником было Рождество, которое открывало календарный год. Оно-то и стало «героем» публицистического обличения, чаще всего в заголовках статей и стихотворениях — наиболее заметных зонах газетного пространства. Так, негативная оценка Рождества могла передаваться при помощи экспрессивных атрибутивных сочетаний, ср. заголовок из «Комсомольской правды» конца 1920-х гг.: «В поход на религию и *пьяный, обжорный праздник»* [Иванов]. Появляется оппозиция «поповское, буржуазное Рождество — комсомольское Рождество»: «Провести ***комсомольское рождество*** *разумно*, *не в пьянке и обжорстве,* а *на гуляньях, вечерах* и *на спорте*» (заголовок из «Комсомольской правды» конца 1920-х гг.) [Иванов]; «Только тот, кто *друг **попов, ёлку*** праздновать готов» (А. Введенский // Чиж. 1931. № 12) [Иванов]. Для обозначения 7-го января, кроме хрононима *Рождество,* использовались лексемы, называющие атрибут рождественского праздника *(ёлка)*. При этом контекстное окружение расставляет идеологические акценты следующим образом:

1) присутствует стремление «перекроить» праздник на свой лад, сделать его «комсомольским», т. е. лишенным «буржуазных» излишеств (см. выше: *разумно*, *не в пьянке* и *обжорстве);*

2) формируется призыв к полному неприятию Рождества (с помощью оценочных лексем, выступающих маркерами праздника: *рабство, розга, несуразная, нескладная, издевательство* — см. ниже) и его изгнанию из-за «классовых» смыслов и «мифологических» истоков (словосочетания с идеей насильственного устранения *по шапке, по зубам,* слова *невежество, сказка* с контекстной семантикой религиозного заблуждения — см. ниже): *Праздновать*

рождество — значит праздновать ***рабство с невежеством!..*** *Елки сухая* ***розга*** *маячит в глазища нам,* ***по шапке*** *деда Мороза, ангела —* ***по зубам!*** (Семен Кирсанов. Рождество // Комсомольская правда. 1928. 25 дек.) [Иванов]; *1930 лет гуляет по белу свету* ***несуразная, нескладная*** *рождественская* ***сказка,*** *состряпанная в угоду* ***паразитам услужливыми лапами мракобесов*** *на горе, на* ***унижение угнетенных и обездоленных тружеников,*** *на* ***злое издевательство*** *и* ***надругательство*** *над ними <…> Надеть* ***ярмо*** *рабочему* ***на шею, ударить*** *революцию крестом по голове — вот* ***подлый классовый*** *смысл рождественской* ***легенды*** (Известия // 1930. 6 янв.) [Иванов].

Идеологические мотивы проникали в фольклорные тексты, чаще всего в песни. Песня как жанр «стала явлением массовой культуры, орудием, с помощью которого в сознание людей внедрялись идеологические догмы, источником идеологически выверенных прецедентных текстов» [Купина 1999: 88]. Фольклорная песня, в свою очередь, явилась идеальной формой пропаганды, связующим звеном между старым и новым миром. Подмена традиционных ценностей советскими в фольклорной песне ощущалась мало, так как сохранялся привычный мотив, ритм и пафос. Такой идеологический «маневр» позволял народу считать фольклорную песню «своей» и не отторгать ее как нечто навязываемое сверху.

Обратимся к народной песне о главных церковных праздниках, написанной, как нам кажется, на мотив солдатской строевой XIX в. «Солдатушки, бравы ребятушки». В тексте наблюдается типичное для такого рода произведений лексическое варьирование: 1) *— Пионеры, богу маловеры, / Где же ваше моленье? / — Наше* ***моленье — Ленина ученье****, / Вот где наше моленье. / — Пионеры, богу маловеры, / Где ваша Пасха? / — Наша* ***Пасха*** *— выдумана* ***сказка****, / Вот где наша Пасха. / — Пионеры, богу маловеры, / Где же ваше Рождество? / — Наше* ***Рождество*** *снегом* ***занесло****, / Вот где наше Рождество* (п. Балезино, Балезинский р-н, Удмуртия, 1983 г.) [ФФ ГГПИ]; 2) *— Пионеры-богомаловеры, / Где же ваши боги? / — Наши* ***боги ускакали*** *по дороге. / — Пионеры-богомаловеры, / Где же ваше рождество? / — Наше* ***рождество*** *снегом* ***унесло****. / — Пионеры-богомаловеры, / Где же ваша Пасха? /— Наша* ***Пасха*** *— выдумана* ***сказка****. / — Пионеры-богомаловеры, / Где же ваша Троица? / — Наша* ***Троица*** *— / **Пятилетка-стройка**, / Вот где наша Троица* [ПСВ]; 3) *— Пионеры, в Бога вы неверы, / Где же ваше Рождество? / — Наше Рождество снегом занесло, / Вот где наше Рождество! / — Пионеры, в Бога вы неверы, / Где же ваша Пасха? / — Наша Пасха — выдумка и сказка, / Вот где наша Пасха! / — Пионеры, в Бога вы неверы, / Где же ваша Троица? / — Наша Троица в пятилетках строится, / Вот где наша Троица!* (с. Варна, Варненский р-н, Челябинская обл.) [ФВШ]; 4) *Наше* ***Рожесво*** *снегом* ***занесло****. / Вот где наше Рожесво. / Наша* ***Троица в три шеренги строится****. / Наша* ***Паска — комсомольская властка*** (Костром.) [ЛКТЭ].

Интересны слова информантки (86-летней жительницы костромской деревни), предшествующие четвертому варианту песни: *Мы-то в молодости* ***знали праздника старые.*** *Про них песню сочинили <…>* [ЛКТЭ]. Из них следует, что новый, идеологический смысл песни не осознается народом, соответственно отсутствует и негативное отношение к церковным праздникам (выражение *знали праздника старые* может означать, что их не только помнили, но и почитали). При этом хранителем «праздничной» культурной семантики выступают хрононимы, которые в песне подменяются «советскими» словосочетаниями-идеологемами.

Почти во всех вариантах сохраняется диалоговая форма исходной песни «Солдатушки, бравы ребятушки». Такая ролевая подача и общий для двух песен патриотический, «коллективистский» пафос позволяют заменить одни понятия на другие. Если в «солдатском» тексте семейные ценности (лексические маркеры *деды*, *сестры)* вытесняются воинскими *(победы, штыки),* то в «праздничной» песне религиозные идеи *(боги, Рождество, Пасха, Троица) —* коммунистическими *(Ленина ученье, сказка, пятилетка-стройка, комсомольская властка).*

В постсоветский период так называемая идеологема празднования каждого дня проявляется в календарной «всеядности». Так, в современных газетных текстах встречаются как русские традиционные хрононимы, так и западные: *В народе Никола зимний — один из самых* ***любимых*** *праздников* (Итоговый выпуск (вечерний) — 19.12.05, 20:10 — Челябинск // Новый регион 2. 2005.12.20) [НКРЯ]; *Здесь в рамках* ***ежегодных*** *декабрьских* ***торжеств*** *(Никола зимний) на одной из центральных площадей состоится открытие бронзового памятника святителю работы известного российского скульптора Григория Потоцкого* (Неверов Александр. Надежда всех христиан // Труд-7. 2000.12.06) [НКРЯ]; *Медовый спас* ***открывает череду православных праздников****: 19 августа — Преображение Господне и яблочный спас, 28 августа — Успение Пресвятой богородицы, 29 августа — ореховый или хлебный спас* (Итоговый выпуск вечерний — 13.08.04 // Новый регион 2. 2004.08.14) [НКРЯ]; *Он снят в стилистике „****русского*** *Хэллоуина", стилизованной „ночи перед Рождеством"* (Алена Удовенко. «Рок-н-ролл в большом городе»: давайте немного похулиганим // Комсомольская правда. 2007.12.30) [НКРЯ]; *В пакетах были прибамбасы и приколы для* ***общенародного*** *празднования хэллоуина, который (если кто не знает) приходится на 31 октября* (Александр Архангельский. Хэллуйбины // Известия. 2007.12.24)

[НКРЯ]; *Россия отметила День матери. С 1998 года этот праздник стал официальным, общегосударственным* (Андрей Осипов. Профессия — мать // Известия. 2007.11.27) [НКРЯ]; <…> *Самый* ***нежный*** *и самый* ***трогательный*** *из всех праздников — День матери, который будет отмечаться 25 ноября* (Театральная афиша 22—28 ноября // Комсомольская правда. 2007.11.22) [НКРЯ]. Забытые в советское время традиционные праздники характеризуются как привычные, всем известные (ср. словосочетания, сопровождающие хрононимы: *любимый праздник*, *ежегодное торжество*, *череда православных праздников*).

То же самое наблюдается в отношении новых праздников, пришедших с Запада (таково словосочетание *русский Хэллоуин*, указывающее на восприятие праздника как своего, *общенародное празднование*; наименования с положительной оценкой: *нежный*, *трогательный праздник).* Об усвоении современным городским культурным сознанием Хеллоуина свидетельствует употребление его названия в переносном смысле («безумный» праздник, связанный с нечистой силой, без привязки к календарной дате): *Тур в Бельгию был красив и безумен,* ***как Хэллоуин*** *в Рождественскую ночь* (Владимир Ворсобин. Масоны зовут Россию в Евросоюз // Комсомольская правда. 2007.09.27) [НКРЯ]. Этап адаптации этот праздник прошел практически за три года, ср. более ранние контексты, датируемые 2004—2005 гг.: *Тут и понимаешь смысл пословицы „Свято место пусто не бывает“: коль не принято у нас весело и шумно почитать своих святых, будем* ***радоваться жизни на католических*** *— день святого Валентина и в Хэллоуин* (Сергей Черных. Даешь отечественных Патриков и Валентинов! // Комсомольская правда. 2005.03.21) [НКРЯ]; *Вместо этого студенты, которые приехали навестить родителей, устроили* ***заморский праздник*** *Хэллоуин* (Александрова Светлана. Хэллоуин в холуях // Труд-7. 2004. 11.30) [НКРЯ]. Как видно из контекстов, еще в 2004—2005 гг. Хеллоуин оценивался как культурно и территориально чужой праздник (ср. выражения *радоваться жизни на католических святых, заморский праздник).*

Признаком вхождения в узус хрононимов, обозначающих вышеназванные праздники, является их функционирование в современных шуточных стихах и поздравлениях: *Как* ***раньше было принято****, / Сейчас мы* ***чтим традиции*** */ И Праздник Спаса прогудит / До самой до столицы* [ПП]; *Масленица к нам идет, / И мешок блинов несет. / Я тебя с ней поздравляю, / Не объесться пожелаю <…> / Праздник* ***чудно*** *пусть пройдет / И* ***запомнится*** *на год* [ПП]; *Поздравить с праздником хочу! / Открыт сезон на речке! / О Дне Купалы прокричу, /* ***Жаль,*** *только он* ***не вечен*** [ПП].

Положительное отношение к праздникам передается контекстуальными партнерами хрононимов — выражениями с идеей следования традиции *(раньше было принято, чтим традиции),* лексемами с позитивной контекстуальной оценкой *(чудно; запомнится; жаль, что не вечен).* В стихотворениях подобного рода также функционируют названия новых праздников — официальных *(День России)* и западных *(Хеллоуин, День св. Валентина).*

Идеологизация и деидеологизация сферы религиозного повлияла на орфографическую подачу хрононимов. Так, в газетах, художественной литературе (как русской, так и переводной) и в некоторых толковых словарях, изданных в советское время, даже названия двунадесятых праздников могли писаться со строчной буквы, ср.: *В первый день* ***р****ождества они будут доставлены обратно в лучшем виде* <…> (О'Генри. Елка с сюрпризом) [О'Генри 1981: 115]; <…> *Из всех праздников* ***п****асха имеет в нашем сознании наиболее расплывчатые и зыбкие очертания* (О'Генри. День воскресения) [Там же: 324]; *Если* ***р****ождество приходится на воскресенье, — считаю, что меня просто ограбили* (Всеволод Кукушкин. Пять минут одиночества // Юность. 1976) [НКРЯ]. В постсоветский период хрононимы как имена собственные все чаще стали подаваться с прописной буквы, причем как «церковные», так и «народные», ср. написание хрононима ***М****асленая неделя* в романе Дж. Харриса «Шоколад» [Харрис 2011: 7].

Несмотря на то что хрононимическая система в разных идеологических пространствах модифицируется с точки зрения состава, культурной семантики, словарной интерпретации, текстового окружения, «церковно-народный» хрононимический фонд сохраняется (основные «традиционные» хрононимы, системные связи, мотивационные и словообразовательные хрононимические модели). При этом наиболее разительным оказывается не хронологическое, а официальное/неофициальное различие хрононимических систем. Так, в каждый из рассмотренных нами исторических периодов существует две системы хрононимов. Первая формируется под влиянием политики и внедряется в сознание людей (через публицистику и толковые словари в советское время, через СМИ — в постсоветское), вторая во многом свободна от официальных влияний и «творит» себя сама (бытует в духовной культуре, преимущественно сельской).

ЛИТЕРАТУРА

Будур Н. Православный словарь. URL: http://www.klex.ru/6y6.

Востриков О. В. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области : в 4 вып. — Екатеринбург : Свердловский областной Дом фольклора, 2000.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. — М. : Астрель, 2006.

Иванов Е. История праздников Нового года и Рождества. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_ Buks/History/Article/_IvNovGod.php.

Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. — М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1969.

КЛАРНГ = картотека Лексического атласа русских народных говоров /

Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.

КСГРС = картотека Словаря говоров Русского Севера / каф. рус. яз. и общ. языкознания Урал. гос. ун-та. Екатеринбург.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. — СПб. : Норинт, 2000.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Пермь : ЗУУНЦ, 1995.

Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999.

ЛКТЭ = лексическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ / каф. рус. яз. и общ. языкознания Урал. гос. ун-та. Екатеринбург.

Махрачева Т. В. Личный архив Т. В. Махрачевой: полевые материалы Тамбовской и Орловской областей.

НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/.

О'Генри. Рассказы. — Свердловск: Средне-Урал. книжное изд-во, 1981.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 24-е изд., испр. — М. : Оникс 21 век, 2004.

ПП = Праздники и поздравления. URL: http://www.prazdniki-pozdravleniya.ru/content/view/ 216/84/.

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. — Пермь : ПГПУ, 2002.

ПСВ = Песни сталинских времен. URL: http://avtobiblio.com/nizovye-zhanry/pesni-stalinskikh-vremen.

СГБС = Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. — СПб. : Наука, 2007— . Т. 1— .

СВГ = Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. — Вологда : Изд-во ВГПУ, 1983— . Вып. 1— .

СРГА = Словарь русских говоров Алтая : в 4т. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993—1998.

СРГКПО = Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. — Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

СРГСУ = Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. — Свердловск : Средне-Урал. книжное изд-во, 1964—1987.

СРНГ = Словарь русских народных говоров. — М. ; Л., 1965— . Т. 1— .

СРСГСО = Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби : в 3 т. / под ред. В. В. Палагиной. — Томск : Изд-во Краснояр. пед. ин-та, 1964—1967.

СРЯ = Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Русс. яз., 1985—1988.

ССГ = Словарь смоленских говоров : в 11 т. — Смоленск : СГПИ (СГПУ), 1974—2005.

ССРЛЯ = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М. ; Л., 1948—1965.

ТСРЯ = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Сов. энцикл. ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940.

Троицкий Т. Село Липицы и его окрестности Тульской губернии Коширского уезда // Этнографическое обозрение. 1854. Вып. 11. С. 81—97.

ФВШ = Форум Варненской школы № 1 имени Героя Советского Союза Русанова М. Г. URL: http://v-school.2x2forum.ru/t5-topic.

ФФ ГГПИ = Фольклорный фонд ГГПИ. URL: http://istphil.udmedu.ru/arch/russian/districts/bal/pesni.htm.

Харрис Дж. Шоколад. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. — Пермь : Пушка, 2006. Ч. 1 : Весна, лето, осень.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. — Пермь : Пушка, 2008. Ч. 2 : Зима.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. — Пермь : Пушка, 2009. Ч. 3 : Словарь хрононимов.

ЭМТЭ = картотека фольклорных и этнографических материалов ТЭ УрГУ / каф. рус. яз. и общ. языкознания Урал. гос. ун-та. Екатеринбург.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Многие «церковные» хрононимы получили народное переосмысление. Так, в кузбас. хронониме *Авдокея-Капельница* (1/14 марта), помимо памяти о св. Евдокии, отражен признак начала весенней капели. У хрононима *Троицын день* «народный» компонент не выражен во внутренней форме, но появляется в контекстах: *На Троицын день вешают качели* (Тул.) [Троицкий 1854: 94].

[2]. С 1919 г. Новый год в СССР отмечался в соответствии с григорианским календарем, 1 января по новому стилю.

[3]. Престольный праздник — праздник храма, праздник в честь святого или события, именем которого назван храм или его предел [Будур].

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. Э. Рут

УДК 811.161.1'27
ББК Ш141.2-7 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.01*

А. А. Баранова
Екатеринбург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ В ПРОГРАММАХ РАДИОСТАНЦИЙ «ЭХО МОСКВЫ» И «РАДИО РОССИИ»

Аннотация. *Статья посвящена исследованию наборов политических субъектов, представленных в эфире радиостанций «Эхо Москвы» и «Радио России», выявлению различий в наборе, а также выделению лидирующих политических субъектов. Установлено несоответствие этого набора существующей классификации политических субъектов.*

Ключевые слова: *журналистский дискурс; текст; политический субъект; радиопрограмма; журналистика; политика.*

Сведения об авторе: *Баранова Анна Александровна, ассистент кафедры русского языка и стилистики, факультет журналистики.*

Место работы: Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина.

Контактная информация: *620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.*
e-mail: Annie.urgu@mail.ru.

A. A. Baranova
Ekaterinburg, Russia

POLITICAL SUBJECTS IN RADIO PROGRAMS OF «EKHO MOSKVY» AND «RADIO ROSSIYI»

Abstract. *The article is devoted to the study of political subjects put on the air by such radio stations as «Ekho Moskvy» and «Radio Rossiyi». Differences in the choice and ways of singling out leading political subjects are analyzed. Disparity of this choice and the existing classification of political subjects is found.*

Key words: *journalist discourse; text; political subject; radio program; journalism; politics.*

About the author: *Baranova Anna Aleksandrovna, Assistant Lecturer of the Chair of the Russian Language and Stylistics, Faculty of Journalism.*

Place of employment: Ural Federal University n.a. the First President of Russia B.N. Yeltsin

Одна из базовых функций журналистики — информирование общества о событиях в различных сферах действительности, в том числе в политической. Однако политическая сфера многопланова, включает множество субъектов, которых журналистика по определению (хотя бы в силу ограниченности объема программ и материалов) не может отобразить в полной мере. Происходит отбор политических субъектов, которые присутствуют или упоминаются в журналистском дискурсе. Критерии отбора могут быть самыми разными: зависеть от формата СМИ, его политической позиции и множества других факторов. В результате фрагменты политической сферы, отраженные в разных СМИ, — набор политических субъектов, количество их упоминаний, информация об этих субъектах, — могут существенно различаться. В данной статье мы проанализируем набор политических субъектов, представленный в программах на политические темы, вышедших в эфир двух общественно-политических радиостанций — «Эхо Москвы» и «Радио России».

Сама природа журналистской профессии предполагает некоторую степень трансформации сведений с целью достижения определенного эффекта: это диктуется моделью коммуникации. Вспомним, например, модель, предложенную американским политологом и социологом Г. Лассуэллом: «кто сообщает, что, по какому каналу, кому, с каким эффектом» [цит. по: Свитич 2003: 39]. Модель процесса массовой коммуникации можно изобразить таким образом: «социальная действительность — коммуникатор — редакция — текст — аудитория — преображенная действительность» [Виноградова 2000: 28]. В рамках данной модели журналист как коммуникатор может оказать большое влияние на ход коммуникации: «Именно автор является ключевой фигурой журналистской деятельности на всех ее этапах, включая выбор темы, поиск и сбор фактического материала, его осмысление и истолкование для аудитории, включая, между прочим, и целенаправленный выбор формы произведения» [Корконосенко 2000: 4].

Во многих исследованиях подчеркивается, что журналист не просто ретранслятор информации, он не ограничивается функцией посредника, медиатора. Журналист влияет на содержание коммуникации. Анализируя специфику политической коммуникации, Е. И. Шейгал отмечает: «Процесс ретрансляции у медиатора, как правило, сопровождается его собственным вкладом в коммуникацию, и, таким образом, он выступает в роли соавтора политика» [Шейгал 2004: 59]. Вклад журналиста в содержание коммуникации прослеживается уже на этапе отбора информации, в том числе информации о политических субъектах. При этом степень влияния на ход коммуникации может быть различной. Высокая степень влияния дает ряд положительных эффектов: позволяет решать задачи, поставленные каким-либо социальным институтом [Прохоров 2000], формировать массовое сознание [Лазутина 2001: 29—34]. В то же время такая степень влияния приводит к манипулированию, мифологизации [Ворошилов 2000].

Как отмечают Л. М. Майданова и С. И. Соломатов, «СМИ выделяют и представляют аудитории набор фигур, vip-персон, олицетворяющих для адресата социальные процессы, порой дающих им свои имена» [Майданова, Соломатов 2004: 409]. При этом СМИ реализу-

© Баранова А. А., 2012

ют одну из своих специфических функций, которая в зарубежной литературе получила название «присвоение статуса»: «Средства массовой информации укрепляют и узаконивают статус людей, к которым они проявляют внимание» [Katz, Dayan 1986: 135]. Конечно, СМИ присваивают определенный статус и политикам: «Журналисты рассказывают в своих репортажах о действиях и высказываниях тех, кто представляет нацию или общество, таким образом постоянно напоминая всем о реальности и власти этих людей» [Gans 1992: 94].

Теперь обратимся к набору политических субъектов, информацию о которых отображают СМИ. Сразу подчеркнем, что набор реально существующих политических субъектов и набор политических субъектов, представленных в СМИ, — разные вещи. В данном исследовании мы постарались установить, в чем состоит это различие.

Политологи выделяют довольно большое количество субъектов политики. Субъекты политики — «социальные и национальные общности, организации, учреждения, способные участвовать в политической жизни, принимать политические решения и добиваться их реализации, изменять общественные отношения в соответствии со своими интересами и целями. Субъект политики — носитель активного, целенаправленно и обоснованного действия» [Политология 2001: 51]. К субъектам политики относятся субъекты власти — «носители власти, активная действующая величина в системе власти» [Халипов 2005: 657]. К этой группе субъектов можно отнести политиков, политические партии и организации, государство. Наряду с ними, активные действия могут совершать не только носители власти, но и представители различных социальных слоев — субъекты социальной политики: «граждане, социальные группы, социальные общности» [Прозоров 2005: 366]. К этой группе можно отнести совокупность граждан (народ), различные слои (например, элита как «понятие, отражающее роль господствующего класса» [Даниленко 2000: 657]). Субъекты также подразделяются на типы:

1. Социально-национальные: социальные и национальные общности, классы, слои, элиты, индивиды.
2. Институциональные: государство, партии, общественно-политические организации и движения.
3. Функциональные: оппозиция, лобби, средства массовой информации [Политология 2001: 51].

Теперь выясним, какие из названных субъектов наиболее полно отражены в журналистском дискурсе. В качестве материала для анализа в данном исследовании выбраны тексты программ, выходивших на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Радио России». Хотя аудитория и позиции этих радиостанций различны, их объединяет общественно-политическая направленность большинства программ, вследствие чего данные радиостанции представляют интерес для нашей работы.

В ходе исследования было проанализировано 100 радиопрограмм общим объемом звучания около 57 часов (28 часов в эфире радиостанции «Эхо Москвы» и 29 часов в эфире радиостанции «Радио России»; всего около 1500 страниц текста), а именно: «Разворот», «В круге света», «Особое мнение», «Реплика Ореха, «Реплика Бунтмана» на радиостанции «Эхо Москвы» и «Персона грата», «От первого лица», «Особое мнение» (название данной программы совпадает с названием программы на радиостанции «Эхо Москвы»), «Национальная безопасность» на радиостанции «Радио России». Расшифровки взяты с официальных сайтов упомянутых радиостанций и проверены на идентичность с выпусками, звучавшими в эфире.

Политические позиции радиостанций «Эхо Москвы» и «Радио России» во многом противоположны. Как отмечает А. Шариков в книге «Политическое радио и общество», исследования передач 14 крупных радиостанций в Москве показали, что «Эхо Москвы» в большей степени выражает частные интересы и поддерживает оппозицию, а «Радио России» в большей степени выражает общественные интересы и поддерживает власть [Шариков 2007: 49—51]. Конечно, существуют разные оценки упомянутых радиостанций, но результаты социологического опроса отражают сложившееся в обществе представление. Именно противоположность позиций анализируемых радиостанций позволяет говорить о многогранном отражении политической жизни.

Радиостанция «Эхо Москвы» имеет репутацию независимого и качественного СМИ: «Именно возможность услышать в эфире „Эха Москвы“ сразу несколько точек зрения на проблему, высказать свое мнение и даже вступить в полемику с политиками, экономистами и другими гостями студии — создает стабильный рейтинг этой радиостанции» [Максимова]. Лозунг радиостанции — «Свободное радио для свободных людей» [Официальный сайт «Эхо Москвы»]. Как заявил в интервью для журнала «Итоги» главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» А.Венедиктов, «создана и сохраняется очень прочная репутация „Эха“ как места, где вам дадут сказать то, что вы имеете сказать» [Пархоменко]. Эту мысль подтверждает М. Ганапольский, один из журналистов радиостанции: «Мы нужны власти как витрина свободы слова…» [Никифорова 2006: 29]. Тем самым «Эхо Москвы» выполняет функцию «налаживания диалога власти и различных слоев населения» [Афонина 2002: 111]. Конечно, независимость СМИ, как справедливо отмечает Б. Н. Лозовский, «наиболее дискуссионный термин в теории и практике СМИ» [Лозовский 2007:152]. Однако, с одной стороны, наличие большого

количества критических высказываний в адрес властей в эфире «Эха Москвы» позволяет говорить об определенной степени независимости. С другой стороны, негативная оценка властей — отнюдь не единственный и недостаточный показатель независимости. Как отмечает Л. М. Майданова, ругать власти у нас принято, причем давно, власть всегда считалась коррумпированной и изображалась конструкциями с общим смыслом «должна, хотела, сделала, но…» [Майданова 2006: 148—151]. Как бы то ни было, политическая проблематика является важной составляющей радиостанции «Эхо Москвы».

Радиостанция «Радио России», в отличие от «Эха Москвы», является государственной радиовещательной компанией [Официальный сайт «Радио России»]. Соответственно эта радиостанция не имеет репутации независимого СМИ, и можно предполагать наличие у нее прогосударственной позиции и несколько иного набора политических субъектов.

Отметим, что политические субъекты появлялись даже в тех программах, которые изначально не посвящены политике (например, «В круге света» от 23 декабря 2009 г. о 10 судебных делах или «Особое мнение» на «Радио России» от 17 марта 2009 г. об уголовной ответственности медицинских работников). Политиков не могут не упоминать даже люди, не имеющие отношения к политике (примером являются высказывания писателя А. Проханова в программе «Особое мнение» на «Эхе Москвы» от 7 октября 2009 г.), поэтому в целом количество представленных политических субъектах в анализируемых программах довольно велико. Это вполне закономерно, поскольку политические события, как и их участники, часто имеют большую социальную значимость.

В ходе исследования мы проводили сравнительный анализ наборов политических субъектов в программах двух радиостанций, и по разным основаниям разбили их на несколько групп: 1) политические субъекты — лица (представленные в эфире лично или только упомянутые); 2) собирательные политические субъекты; 3) субъекты прошлого. В конце исследования мы сравнили набор субъектов, отраженных в эфире, с набором субъектов, выделенных политологами.

Остановимся подробнее на каждом из этих этапов.

А. Политические субъекты — лица в радиопрограммах. Мы выделили две группы субъектов: субъекты-лица (политические деятели различных уровней) и собирательные субъекты (политические и общественные организации, государство и власть в целом, различные группы участников политического процесса). Некоторые субъекты являлись непосредственными участниками общения (политики — гости программ), некоторые были представлены с помощью цитирования, пересказа их речи, описания действий, авторских характеристик, многие субъекты просто упоминались.

Политические субъекты — лица — конкретные политические деятели настоящего или прошлого — так или иначе присутствуют в подавляющем большинстве программ. Даже если в программе нет гостя-политика и не представлены речь или действия политика, все равно упоминается какое-либо политическое лицо. Ни одна из проанализированных программ не обошлась без упоминания политиков (см. табл. 1). На наш взгляд, это связано со спецификой журналистского дискурса, в котором большую роль играет восприятие аудитории, поэтому информация, связанная с именем конкретного лица, вызывает больше доверия.

Таблица 1.

Политические субъекты — лица, участвовавшие или упомянутые в программах радиостанций «Радио России» и «Эхо Москвы»

Субъекты-лица	Количество программ с участием и/или упоминанием субъектов					
	«Эхо Москвы»		«Радио России»		Всего участий	Всего упоминаний
	Участие	Упомин.	Участние	Упомин.		
Федеральная власть:	14 (14%)	45 (45%)	25 (25%)	55 (55%)	39 (39%)	100 (100%)
в т. ч. Д. Медведев	0	29 (29%)	0	18 (18%)	0	47 (47%)
в т. ч. В. Путин	0	28 (28%)	0	6 (6%)	0	34 (34%)
Региональная власть	0	2 (2%)	1 (1%)	0	1 (1%)	2 (2%)
Итого:	14 (14%)	45 (45%)	26 (26%)	55 (55%)	40 (40%)	100 (100%)

На основе анализа данных таблицы 1 можно сделать вывод о том, что типы политических субъектов — лиц несколько различаются в программах названных радиостанций. На «Радио России» сами политики чаще становятся гостями программ: они появились в эфире 26 % ана-

лизируемых программ. На «Эхе Москвы» чаще гостями программ на политические темы являются независимые обозреватели, эксперты, журналисты других СМИ; политики стали гостями только в 14 % случаев. Скорее всего, такое различие связано с тем, что «Радио России» является государственной радиостанцией, и у этого СМИ больше возможностей сотрудничать с российскими политиками. В свою очередь, «Эхо Москвы», поддерживая репутацию независимого СМИ, стремится представить взгляд на политические события извне, т. е. с точки зрения людей, не занимающихся политикой, хотя и знакомящих аудиторию с информацией из первых уст.

Важно отметить, что в большинстве случаев гостями программ становятся представители федеральной власти (депутаты Госдумы, лидеры партий). Представители местной власти в эфире — редкое исключение (например, им стал губернатор Томской области В. М. Кресс). Это, видимо, обусловлено спецификой самих радиостанций: обе они являются общероссийскими, поэтому региональные политики не только редкие гости в эфире, но и редко упоминаемые персоны. Чаще всего имя регионального политика упоминается только в связи с какими-либо нашумевшими событиями в его регионе (например, пожар в одном из клубов Перми «принес» в эфир упоминания о пермских политиках, а шумное снятие с должности мэра Москвы Ю. Лужкова на несколько дней сделало его одним из лидеров по упоминаниям в эфире).

Среди упоминаемых политиков можно выделить явных лидеров — это президент Д. Медведев и премьер-министр В. Путин. Лично эти политические субъекты не представлены в программах, зато многократно цитируются и пересказываются их слова, описываются действия. В разных вариациях Медведев был упомянут в 47 % анализируемых программ, а Путин — в 34 %, причем часто эти лидеры упоминаются в паре (22 %). После них с большим отрывом по частоте упоминания идут только Обама и Кудрин (по 10 %), остальные политики упоминаются еще реже. Такое внимание журналистов к первым лицам страны вполне понятно, ведь оба человека занимают высшие должности. Симптоматично при этом, что в поле пристального внимания журналистского дискурса попал не один человек, а два. Тем самым журналистский дискурс отражает сложившийся в стране «дуумвират».

Отметим, что оба политика упоминаются в значительно большей степени на «Эхе Москвы» (Путин в 29 % программ, Медведев — в 28 %). На «Радио России» президент Д. Медведев был упомянут в 18 % анализируемых программ, а премьер-министр — только в 6 %. Конечно, «Эхо Москвы», в отличие от «Радио России», является сугубо общественно-политической радиостанцией, однако в эфире «Радио России» мы выбрали также в основном общественно-политические программы, поэтому разница в количестве упоминаний является неожиданным результатом нашего исследования. Это говорит о том, что «Эхо Москвы» значительно более политизировано, чем «Радио России». Отметим также, что на «Радио России» упоминания президента все-таки преобладают, а премьер по количеству упоминаний серьезно «отстает», что также является весьма примечательно.

Б. Собирательные политические субъекты в радиопрограммах. Неличные политические субъекты также были широко представлены в анализируемых радиопрограммах, однако их состав неоднороден, поэтому мы разделили их на группы: политические партии и организации, в том числе оппозиционные, обобщенный политический субъект «власть», государства, органы управления государствами, а также население, в том числе различные социальные слои (см. табл. 2).

Таблица 2.

Собирательные субъекты в программах радиостанций «Радио России» и «Эхо Москвы»

Группы субъектов	Количество программ с упоминанием субъектов		
	«Эхо Москвы»	«Радио России»	Всего
Политические партии и организации	20 (20 %)	17 (17 %)	37 (37 %)
в т. ч. «Единая Россия»	9 (9 %)	10 (10 %)	19 (17 %)
Власть	18 (18 %)	18 (18 %)	36 (36 %)
Государство	45 (45 %)	55 (55 %)	100 (100 %)
в т.ч. Россия	45 (45 %)	55 (55%)	100 (100 %)
Органы управления государством	26 (26 %)	37 (37 %)	63 (63 %)
в т. ч. Госдума	10 (10 %)	17 (17 %)	27 (27 %)
Население	30 (30 %)	17 (17 %)	47 (47 %)
Всего	45 (45 %)	55 (55 %)	100 (100 %)

Отметим, что в каждой анализируемой программе было представлено несколько субъектов из различных групп, т. е. в колонках таблиц здесь и далее представлены пересекающиеся множества, поэтому итоговый показатель в последней строке определяется не суммировани-

ем всех цифр столбца, а подсчетом общего количество программ, в которых встретился хотя бы один представитель из всех анализируемых групп.

Партии и политические организации упоминаются довольно часто — они были представлены в 37 % анализируемых программ. Однако в эфире обеих радиостанций есть явный перекос в сторону действующей партии власти: упоминания «Единой России» составляют 19 % (из 37 %), т. е. более половины случаев упоминания партий. Об остальных партиях говорили значительно реже, причем чаще всего — сами их представители в эфире (Г. Зюганов рассказывал о действиях КПРФ, В. Жириновский характеризовал ЛДПР). Такое различие отражает явное преобладание партии власти в политической жизни страны.

Власть как обобщенный политический субъект представлена в 36 % анализируемых программ. На наш взгляд, это довольно много, особенно если учесть обобщенность понятия и стремление журналистского дискурса к конкретике. При этом во многих случаях власть не просто упоминается — ей приписываются различные действия. В ряде программ намечается разделение власти на федеральную и региональную.

Среди стран и государств вполне предсказуемо лидером является Россия («наша страна», «Российская Федерация», «наше государство»), поскольку журналисты стремятся даже международные события связать с отечественной действительностью (100 % анализируемых программ). Россия часто подается в сравнении с другими государствами. Наиболее частотными являются сравнения с США и европейскими странами. Наряду с отдельными иностранными государствами упоминаются такие обобщенные наименования, как «Европа», «Запад», «Азия». Тем самым Россия вписывается в политическую картину мира, в журналистском дискурсе устанавливаются ее связи с другими странами.

Органы управления государством представлены в анализируемых программах довольно широко и составляют 63 % из 100 %. Однако чаще всего журналисты ограничиваются только упоминанием этих органов без каких-либо характеристик. Например, Госдума оказалась лидером по числу упоминаний в анализируемых программах (27 % из 63 %), но, как правило, только в связи с принятием какого-нибудь закона или в случае, если участник программы являлся депутатом Госдумы. Других характеристик этой организации во многих программах не было. Поэтому органы управления государством «на слуху», но представлены в журналистском дискурсе достаточно неопределенными субъектами, структура и деятельность, свойства которых малопонятны.

Население как политический субъект тоже довольно специфично представлено в анализируемых программах. О народе, избирателях, гражданах, обществе, различных социальных слоях говорили почти в половине анализируемых программ — в 47 % из 100 %. Однако чаще всего это были либо общие размышления о народе, либо упоминания отдельных слоев. При этом во всех программах мы нашли только единичные упоминания групп: «пенсионеры», «молодежь», «элита», некоторые национальные группы, «бюджетники», «женщины», «мирное население», «ветераны», «безработные», «дети», «врачи».

В плане представления народа как политического субъекта сильно выиграла радиостанция «Эхо Москвы» за счет возможности интерактивного общения с аудиторией в программах «Разворот» и «В круге света». Если бы не цитируемые сообщения и звонки аудитории в программах на политические темы, население оказалось бы слабо представлено в программах этой радиостанции. Интерактивные включения позволяют отдельным представителям аудитории высказывать свои политические соображения, т. е. проявлять себя в качестве политических субъектов.

В. Политические субъекты прошлого в радиопрограммах. Неожиданно для нас группа политических субъектов прошлого оказалась достаточно широко представлена в анализируемых программах, поэтому она заслуживает отдельного разговора.

Хотя журналистика стремится отражать наиболее важные события современности, очень сложно забыть и о событиях прошлого. Многие современные политические субъекты подаются в сравнении с политическими субъектами прошлого — от Ивана Грозного и Древней Руси до Сталина и СССР. Мы разделили всех российских политических субъектов прошлого на три группы согласно периодам истории России: субъекты дореволюционной России, субъекты советского периода, субъекты недавнего прошлого (см. табл. 3).

В целом различные исторические субъекты были упомянуты в 28 % анализируемых программ. Часто упоминаются политические субъекты — персоны прошлого (И. Сталин, В. Ленин, Б. Ельцин, М. Горбачев, Петр I и др.), среди собирательных субъектов встретились КПСС, Советский Союз, советская власть, политбюро, парткомы и др. Причем преобладает сравнение с реалиями советской эпохи (28%). Реалии других эпох упоминаются единично, причем чаще всего политические субъекты других эпох упоминаются в программах в одном ряду с советскими субъектами. Если говорить о соотношении личных и собирательных политических субъектов прошлого, то преобладают личности, фигурирует много имен различных политических лидеров. При этом отметить, что упоминания большинства из них единичны. Среди личных политических субъектов первую позицию по упоминаниям занимает И. Сталин (8 %). На втором месте оказался Б. Н. Ельцин

(5 %), а остальные политические деятели прошлого упоминались не более двух раз. Что касается собирательных политических субъектов, то здесь явный лидер — СССР (19 %). Помимо СССР, были упомянуты партком, советская власть, комсомол, КПСС и КГБ (1-2 %).

Таблица 3.

Политические субъекты прошлого, представленные в программах «Эхо Москвы» и «Радио России»

Группа политических субъектов прошлого	Количество упоминаний в программах		
	«Эхо Москвы»	«Радио России»	Всего
Субъекты дореволюционной России	3 (3 %)	1 (1 %)	4 (4 %)
Советские субъекты:	18 (18 %)	10 (10 %)	28 (28 %)
в т. ч. И. В.Сталин	7 (7 %)	1 (1 %)	8 (8 %)
в т. ч. СССР	11 (11 %)	8 (8 %)	19 (19 %)
Субъекты недавнего прошлого (1990-е—2000-е гг.):	6 (6 %)	1 (1 %)	7 (7 %)
в т. ч. Б. Н. Ельцин	4 (4 %)	1 (1 %)	5 (5 %)
Всего	18 (18 %)	10 (10 %)	28 (28 %)

Как видим, по всем позициям лидируют политические субъекты советского прошлого. Судя по всему, советский период воспринимается как достаточно близкий и во многом схожий с современным, поэтому удобнее проводить параллели именно с субъектами этого периода.

Важно также обратить внимание, что на «Эхе Москвы» ссылки на советские политические субъекты (и вообще на политических субъектов прошлого) более частотны (18 % против 10 % на «Радио России»). С одной стороны, большое количество параллелей с историческим прошлым говорит о довольно глубоком аналитизме программ «Эха Москвы», с другой — частые упоминания советских политических субъектов свидетельствуют о некоторой ностальгии по советскому прошлому и являются способом характеристики существующих политических субъектов.

Г. Соотношение набора политических субъектов, выделяемых политологами, и набора субъектов, представленных в журналистских программах. Теперь попробуем соотнести набор политических субъектов, представленный в анализируемых радиопрограммах, и тот набор политических субъектов, который, по мнению политологов, существует в любом государстве. Как показано в табл. 4, не все группы политических субъектов в равной степени отражаются в журналистских программах.

Таблица 4.

Представленность политических субъектов в журналистских программах радиостанций «Эхо Москвы» и «Радио России»

Основные типы политических субъектов, выделенные в политологии		Количество программ с упоминанием или участием политических субъектов		
		«Эхо Москвы»	«Радио России»	Всего
Социально-национальные	социальные и национальные общности, слои	17 (17 %)	15 (15 %)	32 (32 %)
	элиты	5 (5 %)	1 (1 %)	6 (6 %)
	индивиды	21 (21 %)	0	21 (21 %)
Институциональные	государство	45 (45 %)	55 (55 %)	100 (100 %)
	партии, политические организации	20 (20 %)	17 (17 %)	37 (37 %)
	политические деятели	45 (45 %)	55 (55 %)	100 (100 %)
Функциональные	оппозиция	4 (4 %)	0	4 (4 %)
	лобби	0	0	0
Итого		45 (45 %)	55 (55 %)	100 (100 %)

Из трех выделяемых в политологии групп политических субъектов (социально-национальные, институциональные, функциональные) в анализируемых программах обеих радиостанций в наибольшей степени представлены институциональные субъекты (государство, партии, общественные организации). Судя по всему, это обусловлено властными полномочиями и высоким статусом субъектов этой группы. Отметим также, что в журналистских программах эта группа дополняется многочисленными личными политическими субъектами (принадлежащими к органам государственной власти, партиям и политическим организациям), характеристики которых отчасти переносятся и на представляемые ими организации.

На втором месте по числу упоминаний оказались социально-национальные субъекты (слои, элиты, индивиды). Для СМИ они являются не только политическими субъектами, но и аудиторией. Поскольку программы делаются для аудитории, журналисты не могут обойти вниманием интересы слушателей, в том числе политические. В данном пункте между программами двух радиостанций наблюдается различие: индивиды благодаря интерактивным возможностям представлены только в программах «Эха Москвы». В свое время это обусловливалось техническими причинами: на «Эхе Москвы» раньше появились возможности позвонить в студию или написать сообщение. Сейчас на «Радио России» тоже стали использовать такие каналы связи с аудиторией, однако в целом аудитория все-таки значительно меньше представлена в программах этой радиостанции, что, на наш взгляд, связано с официальным статусом радиостанции.

Третья группа политических субъектов — функциональные (оппозиция, лобби) — почти не представлена ни в программах «Радио России», ни в программах «Эха Москвы». Оговоримся, что к этой группе мы не относили такие партии, как КПРФ, ЛДПР, которые включили в группу институциональных субъектов. К высказываниям о субъектах третьей группы отнесены упоминания оппозиции в целом, внесистемной оппозиции, лобби. Такие упоминания встретились только в программах «Эха Москвы», да и то в небольшом количестве (всего в четырех случаях). Возможно, это демонстрирует, что институт оппозиции, лоббирования не развит. Однако от «Эха Москвы», позиционирующего себя как независимое СМИ, можно было ожидать более полного отражения этой группы политических субъектов.

Таким образом, в анализируемых журналистских программах наибольшее значение придается двум группам политических субъектов. Соответственно только субъекты этих групп получают различные характеристики (далеко не всегда положительные). В этих группах тоже выделяются лидирующие субъекты, которые привлекают к себе максимум внимания, так что представление об остальных субъектах остается расплывчатым. В итоге политическая структура в журналистских программах существенно трансформируется.

В заключение отметим, что программы общественно-политических радиостанций «Эхо Москвы» и «Радио России» идеально подходят для исследования отражения политического дискурса и политической сферы в журналистском дискурсе. Наборы политических субъектов в анализируемых программах двух радиостанций существенно различаются. На «Эхе Москвы» чаще упоминаются личные политические субъекты, в большей степени представлены советские политические субъекты; на «Радио России» политические субъекты — лица чаще присутствуют в эфире. В целом различие в наборе политических субъектов на даных радиостанциях свидетельствует об отражении двух различных традиций в развитии СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

Афонина А. В. Диалог на телевидении: открытый финал // XXI век начинается: актуальные вопросы журналистики. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 111.

Виноградова С. М. Слагаемые журналистской профессии // Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко.— СПб. : Знание, 2000. С.7—79.

Ворошилов В. В. Журналистика. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2000.

Глухова А. В. Речь как политическое действие: функциональный аспект // Эссе о социальной власти языка. — Воронеж, 2001.

Даниленко В. И. Современный политологический словарь. — М., 2000.

Корконосенко С. Г. Введение. // Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. — СПб. : Знание, 2000. С. 3—6.

Лазутина Г. В. Основы творческой деятельности журналиста : учеб. для вузов. — М. : Аспект Пресс, 2001.

Лозовский Б. Н. Журналистика и средства массовой информации : краткий слов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2007.

Майданова Л. М. Образ власти в современных медиатекстах // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 40. С. 148—151.

Майданова Л. М., Соломатов С. И. Практика присвоения статуса: Анатолий Чубайс в зеркале газетных текстов // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. — Екатеринбург, 2004.

Максимова Н. М. Специфика аналитических программ радиостанции «Эхо Москвы». URL: http://www.mediascope.ru.

Никифорова А. Совершеннолетие в эфире. Матвей Ганапольский о новом и старом на «Эхе Москвы»// Совершенно секретно. 2006. № 11. С. 29.

Официальный сайт радиостанции «Радио России». URL: www.radiorus.ru.

Официальный сайт радиостанции «Эхо Москвы». URL: www.echo.msk.ru.

Пархоменко С. Повелитель Эха: учитель истории Алексей Венедиктов вот уже десять лет сам делает историю // Итоги. 2000. Авг.

Политология / отв. ред. В. Д. Перевалов. — М. : Норма, 2001.

Прозоров В. В. Власть и свобода журналистики. — М., 2005.

Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики : учеб. пособие. — М. : Изд. РИП-холдинг, 2000.

Свитич Л. Г. Профессия: журналист : учеб. пособие. — М. : Аспект Пресс, 2003.

Халипов В. Ф. Энциклопедия власти. — М., 2005.

Шариков А. Политическое радио и общество // Ключи к эфиру : в 2 кн. Кн.1. : Радиожурналист и политика / под ред. Г. А. Шевелева. — М. : Аспект Пресс, 2007. С. 30—61.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Gans H. J. Some of functions journalists // State of the Art. — N. Y.,1992.

Katz E., Dayan D. Contests, conquests, coronations: On media events and their heroes // Changing conceptions of leadership. — N. Y,1986.

Статью рекомендует к печати д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 811.161.1:39
ББК Ш141.2-7 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19; 19.00.02*

А. Г. Кудрявцев
Челябинск, Россия

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КОНЦЕПТ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. *Изучаются концепты «толерантность» и «терпимость» в русской языковой картине мира и концепты «tolerans», «hoşgörü» и «müsamaha» в турецкой языковой картине мира, производится сравнительный анализ когнитивных признаков, входящих в структуру концептов «толерантность», «tolerans» и «hoşgörü». Кроме того, рассматриваются некоторые политические и другие факторы, влияющие на формирование и развитие вышеупомянутых концептов в языковых картинах мира анализируемых национальных культур.*

Ключевые слова: *толерантность; концепт; языковая картина мира; этноспецифичный концепт; политический дискурс.*

Сведения об авторе: *Кудрявцев Алексей Геннадьевич, аспирант, кафедра французского языка и межкультурной коммуникации.*

Место работы: Челябинский государственный университет.

Контактная информация: *454000, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, к. 339.*
e-mail: lieroitrans@gmail.com.

A. G. Kudryavtsev
Chelyabinsk, Russia

TOLERANCE IN LINGUISTIC WORLDVIEW. ETHNOCULTURAL SPECIFICITY AND POLITICAL FACTORS AFFECTING THE CONCEPT OF TOLERANCE IN NATIONAL WORLDVIEW

Abstract. *The article studies the concepts of "толерантность" and "терпимость" in Russian linguistic worldview and the concepts of "tolerans", "hoşgörü" and "müsamaha" in Turkish linguistic worldview. It includes comparative analysis of the cognitive features comprising the structure of the concepts of "толерантность", "tolerans" and "hoşgörü". Besides, the article mentions some of the political and other factors affecting the formation and development of the abovementioned concepts in the analyzed national cultures.*

Key words: *tolerance; concept; linguistic worldview; ethnospecific concept; political discourse.*

About the author: *Kudryavtsev Alexey Gennadievich, Post-graduate Student, Chair of the French Language and InterculturalCcommunication.*

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Толерантность, утвердившаяся в XX в. как один из столпов успешного взаимодействия между представителями различных культур, привлекает внимание многих исследователей, являющихся специалистами в разных сферах науки. Столь широкий интерес к толерантности как объекту исследований может быть объяснен тем, что ее существенная роль прослеживается на всех уровнях межкультурных отношений — от политического до бытового межличностного.

Очевидно, что прогресс от неприятия элементов другой культуры к толерантности наиболее заметен на личностном уровне, ведь каждый человек в процессе развития проходит различные его ступени — от оппозиции «свой = хороший — чужой = плохой», наиболее характерной для детей и подростков, до терпимого отношения к отличиям между представителями разных культурных и этнических общностей. Следует отметить, что подобный прогресс на протяжении гораздо более существенных временных периодов характерен и для культур в целом. При изучении лингвоспецифичных аспектов языковой концептуализации мира в той или иной культуре можно отметить многочисленные примеры динамичного развития от этноцентризма к толерантности. Концепты, прежде отсутствовавшие в языковой картине мира определенного народа, проникают в нее в процессе взаимодействия с другими культурами и часто успешно приживаются.

Само понятие «толерантность» является ярким примером указанного процесса. В трудах А. Ю. Соловьева, О. А. Михайловой, И. В. Понкина и др. отмечаются различия между понятиями «толерантность», «терпимость», «ненасилие» и т. д. Первое из них, самое новое, появилось в русской языковой картине мира ввиду неспособности других лексических единиц в полной мере передать его значение. Отметим, что слово «толерантность» стало сравнительно широко использоваться в русском языке в смысле, привычном нам, весьма недавно — лишь в конце XX в. Однако О. А. Михайлова в одной из своих работ отмечает, что «речевые материалы также свидетельствуют о достаточно активном употреблении этого слова писателями XIX века и о его практическом отсутствии в первой половине XX века» [Михайлова 2005: 101]. Такое резкое понижение частотности употребления лексемы было обусловлено сменой национальной идеологии и политического режима: в Советском Союзе толерантность стала считаться отрицательным качеством человека и культуры. Это в некотором роде парадоксально, ведь политика интернационализма являлась одной из немаловажных составляющих социализма, а это делало советскую власть в известном смысле толерантной. К примеру, З. В. Брандт рассматривает «признание различий и многообразия этнических образований» [Брандт 2002], подразумевав-

© Кудрявцев А. Г., 2012

шееся политикой интернационализма, как естественный элемент толерантности. Так или иначе, лексема «толерантность» и связанное с ней концептуальное поле практически вышли из русской языковой картины мира почти на целый век, вернувшись в нее лишь с падением коммунистического режима и последовавшей переориентацией общества на общемировые социально-культурные ценности.

Тот факт, что понятие «толерантность» определяется через лексему «терпимость», свидетельствует об их принадлежности к одному лексико-семантическому полю. В «Большом энциклопедическом словаре», например, толерантность определяется как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [БЭС 1997: 1209]. Данное определение демонстрирует, что понятие «терпимость» является категориальным для термина «толерантность». В русском языке первое из этих двух понятий, очевидно, наделяется более широким смыслом: В. И. Даль в своем словаре, к примеру, определяет «терпимость» как «способность что-либо терпеть только по милосердию или снисхождению» [Даль 1998].

Похожая ситуация в данный момент наблюдается в турецком языке: заимствованная лексема *tolerans* употребляется наряду с гораздо более старыми *hoşgörü* и *müsamaha.* Наиболее древней из них является лексема *hoşgörü,* пришедшая в турецкий из персидского; сочетание корней «hoş» и «gör» (глагол *görmek*) в дословном переводе означает «видеть приятное». Отметим, однако, что все три понятия, реализуемые в языке посредством этих лексем, гораздо ближе к русскому слову *толерантность*. Русскоязычное понятие *терпимость* скорее можно отождествить с турецким *sabır*. В данной работе мы сосредоточимся на первых трех из вышеупомянутых лексем, так как именно посредством них в турецком языке реализуется интересующий нас концепт.

Для определения сходств и различий в значении анализируемых слов сравним их определения, предлагаемые словарями:

1) Hoşgörü — *«kendi düşünce ve inançlarına karşıt düşünce ve inançları olabildiği kadar hoş görme durumudur»* («умение человека с терпением относиться к мнениям и убеждениям, противоположным его собственным») [Meydan Larousse... 1990: 28].

2) Müsamaha. Османско-турецкий энциклопедический словарь Ферита Девеллиоглу [Devellioğlu 1993: 738] отождествляет это понятие с такими, как *hoşgörü, tolerans*, толкуя слово *müsamaha* через них. Носители языка отмечают, что в настоящее время данная лексема употребляется все реже и, скорее всего, относится к пласту устаревшей лексики.

3) Tolerans. Показательно, что в качестве дефиниции лексемы *tolerans* все проанализированные нами словари тоже приводили отдельно взятые лексемы *hoşgörü, müsamaha*. Данную точку зрения не разделяют многие турецкие лингвисты (Мехмет Айдын, Омер Аслан, Хюсейин Батухан), отмечающие существенную разницу между значениями слов *hoşgörü* и *tolerans*. Еще в 50-х гг. XX в. Батухан указывал, что концепты, реализующиеся через эти лексические единицы, не эквивалентны друг другу: *Toplumumuz, farkına varmadan hoşgörü ve tolerans kavramlarını birbirinin yerinde kullanmaktadır. Halbuki bunlar birbirinin aynı değillerdir. Bu yönüyledir ki, Türk dilinde tam karşılığının olmadığı belirtilen tolerans kelimesinin şimdilik aynen kullanılması gerektiği vurgulanmaktadır* [Batuhan 1957: 25] («В нашем обществе концепты *hoşgörü* и *tolerans* могут являться взаимозаменяемыми, так как разница между ними людьми не замечается. Однако они не эквивалентны. Учитывая это, отметим, что на сегодняшний день в турецком языке нет абсолютного эквивалента лексемы *tolerans,* полностью определявшего бы ее значение и, следовательно, использование ее необходимо»).

При объяснении появление лексемы *tolerans*, на наш взгляд, следует исходить из историко-культурной специфики турецкой языковой картины мира. Являясь по сути чуждой турецкому языку, данная единица вошла в его состав и получила в нем достаточно широкое распространение в начале XX в., в период реформации страны и культуры под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка. Мы можем предположить, что более старые лексемы *hoşgörü* и *müsamaha* не смогли в полной мере реализовать концепт *толерантность* в турецком языке, вследствие чего появилась необходимость в усвоении заимствования. Отметим, однако, что сам Мустафа Кемаль, неоднократно в своих выступлениях задевавший тему толерантности, новую лексему в речи не использовал — в проанализированных нами цитатах встречается слово *hoşgörü* либо сходное по значению *taassupsuzluk* («отсутствие фанатизма»):

Uygarlık demek, bağışlama ve ***hoşgörü*** *demektir. İlkel toplumlardır ki kan davası güderler. Bağışlamaya, hoşgörüye dayanmayan uygarlık, zorbalığa dayanan uygarlıktır ki, çöker... O, uygarlık değildir* [Hoşgörü 2009] / *Когда мы говорим о цивилизации, мы говорим об умении прощать и толерантности. Общества, практикующие законы кровной мести, примитивны. Цивилизации, отрицающие умение прощать и толерантность, не противостоящие тирании, быстро разваливаются… Их и цивилизациями нельзя назвать*.

Muhtelif inançlı kimseler, birbirlerine, kin nefret besliyorsa, birbirlerini hor görüyorlarsa ve hatta sadece birbirlerine acıyorlarsa, bu gibi kimselerde ***taassupsuzluk*** *yoktur, bunlar mutaassıptırlar* [Atatürk Hoşgörü Söyleri 2010] / *У разнообразных верующих, взращивающих друг к другу ненависть, презирающих друг друга, даже нападающих друг на друга, нет чувства толерантности. Они — просто фанатики.*

Таким образом, наибольший интерес для исследования в данный момент представляют лексемы *hoşgörü* и *tolerans*, равно как и реализующиеся посредством них концепты. Лексему *müsamaha* в нижеследующей части исследования мы рассматривать не будем ввиду низкой частотности ее употребления в современном языке. Далее мы проанализируем различия между концептами *hoşgörü* и *tolerans* и попытаемся выяснить, какой из них ближе к лингвокультурологическому концепту *толерантность* в русском языке. Сразу оговоримся, что полный эквивалент в данном случае найти вряд ли удастся, так как, на наш взгляд, любой концепт в том или ином языке обладает специфичными культурными и историческими коннотациями.

Указывая на разницу между концептами *hoşgörü* и *tolerans*, некоторые авторы приводят в качестве доказательства аналогичную русскую пару «толерантность — терпение»: *Toleransın sabır anlamına geldiğinin ve dolayısıyla, hoşgörüden farklı olduğunun ifade edildiği bir diğer görüşe göre ise, hoşgörüyle tolerans aynı şeyler olmayıp, toleransın içinde zaten hoş kelimesinin geçmesinin çok abes olduğu ve dolayısıyla toleransta hiç bir şekilde hoşluğun söz konusu olamayacağı belirtilmektedir* [Ortayli 2000: 20] / *Если, с другой точки зрения, лексема „tolerans“ принимает значение „терпение“, реализуя, таким образом, концепт, отличный от концепта „hoşgörü“, абсурдно было бы предполагать наличие элемента „hoş“ («приятный») в структуре концепта „tolerans“, и, следовательно, можно с уверенностью говорить о том, что в структуре концепта „tolerans“ отсутствует какой-либо оттенок „приятности“*.

Омер Аслан, в свою очередь, анализирует структуры концептов *hoşgörü* и *tolerans*, чтобы указать на различия между ними. По версии этого исследователя, в структуру концепта *hoşgörü* входят следующие когнитивные признаки:

1) важность, значимость (ситуации, в которой субъект реализует терпимость как свое личное качество);
2) гармония и согласие;
3) мир и благополучие;
4) неотрицание инакомыслия;
5) разнообразие;
6) низкая степень терпимости к отклонениям;
7) способность с терпением выносить агрессию третьих лиц.

На наш взгляд, особый интерес представляет такой элемент концепта *hoşgörü,* как низкая степень терпимости к отклонениям. Несмотря на то что наличие этого компонента, на первый взгляд, достаточно спорно, автор успешно доказывает свою точку зрения, ссылаясь на то, что критерии допустимости/недопустимости того или иного отклонения от правила являются субъективными для каждого человека: «Человек, обладающий качеством *„hoşgörü“,* никогда не примет отклонения, находящиеся вне его естества» [Aslan]. На наш взгляд, данный элемент рассматриваемого концепта можно отнести к этноспецифичным, так как, к примеру, в русской языковой картине мира он вряд ли будет присутствовать в аналогичных концептах.

Структура концепта *tolerans*, по мнению исследователя, представляет собой сочетание следующих когнитивных признаков:

1) высокая степень терпимости к отклонениям;
2) важность, значимость (ситуации, в которой субъект реализует толерантность как свое личное качество);
3) возможность порицания объекта толерантности;
4) сила (разумное применение силовых методов решения ситуации);
5) неотрицание инакомыслия;
6) благополучие (как объективная цель толерантности);
7) способность с терпением выносить агрессию.

Отмечая разницу в степени терпимости к отклонениям, автор, очевидно, указывает на то, что *hoşgörü* является личностным качеством, в то время как *tolerans* присущи общесоциальные признаки. В первом случае критерии допустимости/недопустимости отклонения, как мы уже говорили, определяются индивидом, в то время как во втором их обозначает общество.

Еще одна особенность приведенной структуры концепта *tolerans* — то, что субъект толерантности всегда превосходит ее объект по «силе» (имеется в виду психологическое либо физическое/материальное превосходство). Из этого следует вывод, что толерантность в турецкой языковой картине мира — это «удел сильных».

Для сравнения приведем анализ структуры русского концепта *«толерантность»,* предложенный в работе Н. А. Неровной. В общей сложности исследователь выделил 78 когнитивных признаков вышеупомянутого концепта в русском языке. Ниже приведены лишь некоторые из них, обладающие наивысшим индексом яркости и составляющие ядро, ближнюю периферию и часть дальней периферии концепта. Итак, основными элементами концепта *толерантность* в русской языковой картине мира являются следующие:

1) снисходительность, мягкость по отношению к другому;
2) готовность мирно сосуществовать с другим;
3) способствует преодолению конфликтов;
4) почтительное отношение;
5) заключается в непроявлении эмоций;
6) проявляется по отношению к другому;
7) невраждебность;
8) признание многообразия форм самовыражения;
9) проявляется по отношению к личности;
10) дипломатичность;
11) дружелюбное отношение;

12) понимание многообразия форм самовыражения;
13) соблюдение политических прав человека;
14) человеколюбие;
15) проявление культуры;
16) проявляется по отношению к чужому;
17) проявление вежливости;
18) признание значимости человеческой личности [Неровная 2009].

Сравнивая структуру концептов *tolerans* в турецком и *толерантность* в русском языках, можно отметить несколько существенных различий, которые маркируют национальную специфику каждого из них. В первую очередь отметим, что в русском языке концепт *толерантность* может рассматриваться как свойство взаимодействия между индивидами (проявляется по отношению к личности, признание значимости человеческой личности), что противоречит отмеченной нами ранее общесоциальной специфике концепта *tolerans*. Во-вторых, обратим внимание на тот факт, что в турецкой языковой картине мира толерантность оставляет за субъектом право на порицание объекта и даже применение силовых мер в ситуациях, требующих этого, в то время как в русской языковой картине мира данные когнитивные признаки концепта «толерантность» имеют очень низкий индекс яркости. В то же время в турецкой языковой картине мира способность с терпением выносить агрессию выступает одним из категориальных признаков толерантности, а в русской языковой картине мира данный признак отсутствует. Нельзя, однако, оставить незамеченными и определенные точки соприкосновения между структурами данных концептов в русской и турецкой языковых картинах мира, как то:

1) неотрицание инакомыслия/признание многообразия форм самовыражения;
2) благополучие (как объективная цель толерантности)/готовность мирно сосуществовать с другим, способствует преодолению конфликтов.

Таким образом, концепт «толерантность» является этноспецифичным для русской и турецкой языковых картин мира, несмотря на общие предпосылки его появления в рассматриваемых культурах, а также общую область заимствования. При анализе данного концепта в разных языковых картинах мира необходимо следовать принципу кросскультурности, которая, по мнению Л. А. Нефедовой, «способствует более точному пониманию проблемы культурной идентичности определенного человеческого сообщества…, возможного вследствие динамики связей в многонациональном социуме» [Нефедова 2009: 20]. Этническая специфика рассматриваемых концептов обусловливается рядом факторов, среди которых можно выделить социокультурные (разные схемы развития общества и соответственно языковых картин мира), исторические (лексема *tolerans* вместе с реализуемым ей концептом вошла в широкое употребление в турецком языке на несколько десятков лет раньше, чем лексема и концепт *толерантность* в русском языке) и др. Особо следует отметить ряд политических факторов, которые, несомненно, повлияли на вхождение концепта «толерантность» и особенности его развития в русской и турецкой языковых картинах мира. К данному типу факторов в истории России, а также в современном российском обществе можно отнести следующие:

1) смена власти и национальной идеологии в начале XX в. и мощное влияние новой идеологии на все аспекты жизни общества, включая лингвокультурный;
2) эскалация межнациональной розни на базе локальных дипломатических и вооруженных конфликтов на Северном Кавказе в конце XX в.;
3) отказ ратифицировать 12-й протокол Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в 2000 г., обязывающий государство гарантировать любые права без какой-либо дискриминации и предусматривающий механизм наказания в случае невыполнения обязательств;
4) разработка федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе».

В истории и современной жизни Турции к причинам данного типа можно отнести следующие:

1) относительная автономность религиозных общин в Османской империи, которым было разрешено использовать свои религиозные нормы при решении внутренних вопросов. Ответственность за поведение каждой общины перед правителем империи, султаном, нес ее духовный лидер — Главный Раввин (Хахам-Баши), Патриарх Ассирийской церкви и т. д.;
2) политика «светскости» (секуляризм) Мустафы Кемаля Ататюрка;
3) отсутствие полноценного легального статуса у религиозных организаций в Турции на сегодняшний день;
4) эскалация межнациональной розни между турецким и курдским населением и активизация противостояния на уровне политических партий — поляризация политической сцены в связи с растущей популярностью партии Националистического движения (поддерживается турецкими националистами) и партии Демократического общества (поддерживается курдским меньшинством).

В вышеприведенных списках указаны как причины, стимулирующие развитие норм толерантности во всех аспектах жизни общества, так и причины, сдерживающие это развитие.

ЛИТЕРАТУРА

Большой энциклопедический словарь = БЭС. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Большая Рос. энцикл, 1997.

Брандт З. В. Толерантность и интолерантность: два полюса одной культуры // Ломоносовские чте-

ния — 2002 : сб. ст. молодых ученых. Т. 1. URL: http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0lomon--00-0-0-0prompt-10---4------0-1l--1-ru-50---20-help---00031-001-1-0windowsZz-1251-10&a=d&c=lomon&cl=CL1&d=HASH01c3a249426dbcdd9dee23a3.5 (дата обращения: 24.08.2011).

Даль В. И. Толковый словарь русского языка. 1998. URL: http://slovari.yandex.ru/терпимость%20словарь%20даля/Толковый%20словарь%20Даля/ТЕРПЕТЬ (дата обращения: 24.08.2011).

Михайлова О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 99—111.

Неровная Н.А. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов *толерантность, терпимость* в русском и английском языковом сознании) : дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2009. URL: http://www.aspirant.vsu.ru/ref.php?cand=1430 (дата обращения: 24.08.2011).

Нефедова Л. А. Кросскультурные особенности языковой личности / Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Кросскультурное и полиязычное образование в современном мире». — Костанай, 2009. С. 14—20.

Aslan Ö. Hoşgörü ve tolerans kavramlarına etimolojik açıdan. Analitik bir yaklaşım. URL: eskidergi.cumhuriyet.edu.tr/makale/325.pdf (дата обращения: 24.08.2011).

Atatürk Hoşgörü Söyleri. 2010. URL: http://www.odevindiryap.com/ataturk/ataturk-hosgoru-sozleri/ (дата обращения: 24.08.2011).

Batuhan H. Batıda Tolerans Fikrinin Gelişimi. — İstanbul : Zengin Kitabevi, 1957.

Devellioğlu F. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat. — Ankara : Aydın Kitabevi, 1993.

Hoşgörü (Özlü Söyler). 2009. URL: http://www.izafet.com/sanat-ve-edebiyat/452814-hosgoru-ozlu-sozler.html (дата обращения: 24.08.2011).

Meydan Larousse Büyük Lügat ve Ansiklopedi. — İstanbul : Meydan Gazetecilik ve Neşriyat Limited Şirketi, 1990. T. 6.

Ortaylı I. «Tolerans ve Tesâmuh», Osmanlı'da Hoşgörü. — İstanbul : Yağmur Yayınları, 2000.

ИСТОЧНИКИ

Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 дек. 2010 г. // URL: http://президент.рф/выступления/9913.

Стенограмма встречи В. В. Путина с представителями конфессий и национально-культурных и общественных организаций. 20 июля 2011 г. // URL: http://premier.gov.ru/events/news/15972.

Холмогорова Егор. Мы — русские, не «россияне» // Русский обозреватель. URL: http://www.rus-obr.ru/day-comment/9539.

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru.

Хоккеист Алексей Ковалев: «Я россиянин и люблю свою страну» // Вече Твери : обл. ежед. газ. URL: http://www.veche.tver.ru/index.shtml?news=3370.

Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина создателям документального фильма «Урок истории». 9.05.2010. URL: http://premier.gov.ru/events/news/10522.

Заседание по вопросу подготовки к празднованию 1150-летия зарождения российской государственности (заключительное слово). 22 июля 2011 г. URL: http://www.news.kremlin.ru/video/898.

Пресс-конференция Президента России. 18 мая 2011 г. URL: http://президент.рф/выступления/1159.

Итоги года с Президентом России. 24 дек. 2009 г. URL: http://президент.рф/новости/6450.

Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение. 16.12.2010. URL: http://www.moskva-putinu.ru.

Стенограмма интервью Владимира Путина украинским телеканалам. 27 окт. 2004 г. URL: http://www.ukraine.ru/stories/01/11/26/2091/230908.html.

О необходимости русского национализма // Русский рубеж сибирских казаков. № 1 от 25.10.2006.

Букварь русского человека // Родная Сибирь : газ. 2006.

Интервью Владимира Квачкова «Эху Москвы». 15 июня 2008 г. URL: http://www.zavolu.info/1603.html#comments.

Медведев В. С., Хомяков В. Е. Идея будущего, или Как вернуть Россию на Национальный путь. — М. : Современные тетради, 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 81'27
ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия
И. В. Култышева
Нижний Тагил, Россия

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПЕРЕПРОГРАММИРОВАНИЯ В GR-ТЕКСТАХ

Аннотация. *С позиций жанроведения и лингвопрагматики рассматривается организация таких GR-текстов, задачей которых является поддержание отношений с властью в некоммерческой сфере. Дается понятие о коммуникативной стратегии перепрограммирования и способах ее реализации в канонической жанровой форме мемо-рандума и свободной публицистической форме — письме-обращении к президенту РФ.*

Ключевые слова: *GR-текст; политическая коммуникация; власть; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; коммуникативный ход; жанр; меморандум; открытое письмо.*

Сведения об авторе: *Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.*
e-mail: verbalis@mail.ru.

Сведения об авторе: *Култышева Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламы.*

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Контактная информация: *622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.*
e-mail: chur-irina@yandex.ru.

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia
I. V. Kultysheva
Nizhny Tagil, Russia

COMMUNICATIVE STRATEGY OF REPROGRAMMING IN GR-TEXTS

Abstract. *Building and structure of GR-texts are discussed from the point of view of genre study and lingopragmatics. The aim of GR-texts is to keep in touch with the authority in non-commercial sphere. The notion of communicative strategy of reprogramming is given, ways of ist realization in canonical genre form of memo and free publicistic form including address to the president of the Russian Federation, are described.*

Key words: *GR-text; political communication; authority; communicative strategies; communicative tactics; communicative move; genre; memo; open letter.*

About the author*: Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

About the author: *Kultysheva Irina Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of PR and Advertising.*

Place of employment:Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

Понятие GR *(от «government relations» — отношения между правительством и бизнесом (прим. ред.))* прилагается прежде всего к сфере бизнеса: «GR — это деятельность специально уполномоченных сотрудников крупных коммерческих структур по сопровождению деятельности компании в политической среде» [GR-технологии на службе в IT-компании]. В связи с этим П. А. Толстых, руководитель центра по изучению проблем бизнеса и власти (Lobbyng.ru), говорит следующее: «Когда у тебя маленькая компания, ГР вроде и не нужен. Но когда ты достигаешь оборота порядка 50 млн. долларов, ты начинаешь задумываться о том, что экономические рычаги роста уже исчерпаны и пора бы подключить ресурсы политические. Например, влезть в гостендеры, стать крупным подрядчиком. И ты понимаешь, что нужно „тусоваться“ с органами госвласти, быть в мейнстриме обсуждения каких-то проблем и т. д. В этом случае акционеры задумываются о GR» [Цит по: Гуров 2011]. Выделяются следующие направления GR-деятельности: «Во-первых, это оказание влияния на решения властей (внесение изменений в законодательство, получение тех или иных преференций, налоговых льгот и т. д.). Во-вторых, получение паблисити за счет контактов с органами власти… Наконец, это получение госзаказов, сопровождение участия компании в тендерах, проводимых органами власти. Отдельно можно упомянуть борьбу с конкурентами, широко распространенным примером является обращение в Федеральную антимонопольную службу» [GR-технологии на службе IT-компании].

Однако GR имеет отношение не только к сфере бизнеса, но и к сфере деятельности политических партий, профсоюзов, неправительственных общественных организаций. Основной интенцией GR-текстов в некоммерческой области является поддержание отношений с властью с целью разъяснения точки зрения,

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»).

© Руженцева Н. Б., Култышева И. В., 2012

мнения организации по тому или иному вопросу и побуждения власти принять данную точку зрения, изменив в результате существующее положение вещей. Жанровый корпус GR-текстов такого рода включает в себя письма и иные виды обращений, адресованных власти, доклады и меморандумы. Разные формы GR-обращений используются и в рамках кампаний, проводимых в СМИ. Однако обратная связь, если судить по количеству ответов на такого рода обращения, представлена в печатных и электронных СМИ в значительно меньшей степени.

Некоммерческие GR-тексты генетически восходят к жанру обращения и объединены не только формально-содержательными, но и лингвопрагматическими характеристиками. К ведущей лингвопрагматической черте GR-текстов относится реализация в последних коммуникативной стратегии перепрограммирования. Приведем основные значения слова «программа»: 1. «план деятельности, работ и т. п.»; «изложение содержания и цели деятельности политической партии, организации или отдельного деятеля» [Ожегов, Шведова 1997]. Следовательно, под стратегией перепрограммирования в области GR следует понимать общую направленность GR-сообщений на изменение (коррекцию) деятельности политической партии, организации, отдельного деятеля или государственной власти в целом.

К GR-текстам, наиболее последовательно и лингвистически строго реализующим коммуникативную стратегию перепрограммирования, относятся меморандумы. В традиционном значении меморандум — это «дипломатический документ с изложением взгляда правительства на какой-нибудь вопрос» [Ожегов, Шведова 1997]. Однако в настоящее время меморандум перестал быть прерогативой дипломатической сферы — меморандумы составляют и иные организации, в том числе общественные. С точки зрения жанровой организации текста стратегическая интенция перепрограммирования — убедить/побудить власть скорректировать сложившееся в обществе положение вещей — реализуется в меморандуме на уровне каждого жанрового компонента (тематической организации, структуры и стиля текста). А с точки зрения лингвопрагматики реализацию стратегии перепрограммирования можно представить в виде системы коммуникативных тактик убеждающего типа и соответствующих им коммуникативных ходов [Иссерс 1999].

В качестве примера минимального жанрового анализа (тематическое содержание, структура, стиль) приведем анализ фрагментов меморандума организации Amnesty International от 28 мая 2008 г., адресованного Президенту Российской Федерации. Общая тематика меморандума — факты нарушения прав человека и организаций в Российской Федерации. Меморандум состоит из введения, в котором, кроме репрезентации темы, представлена апелляция к новому президенту РФ, и ряда частей, содержание каждой из которых касается той или иной проблемы из области общественного и личного права (свободы выражения мнения, свободы объединении, свободы собраний, положения на Северном Кавказе и др.).

Стратегия перепрограммирования реализуется прежде всего на уровне двух основных (обязательных) текстовых компонентов меморандума: констатации положения вещей, которое, по мнению авторов меморандума, требует коррекции, и предложений/призывов организации по изменению положения вещей, ср.:

Насилие над женщинами в семье

(КОНСТАТАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ВЕЩЕЙ): Насилие над женщинами в семье является широко распространенным явлением на фоне отсутствия исчерпывающей статистики по проблеме, что отражает недостаточное внимание государства. Государственная поддержка кризисных центров и горячих линий совершенно не отвечает масштабам явления. Так, в Москве — городе с девятимиллионным населением — нет ни единого убежища для женщин, бегущих от домашнего насилия. Убежища в других регионах закрыты для женщин, у которых нет регистрации по месту жительства в этом регионе. Российское законодательство не предусматривает мер, направленных на решение именно проблемы домашнего насилия над женщинами Amnesty опубликовала доклад по данной проблеме, содержащий конкретные рекомендации российским властям: „Российская федерация: некуда бежать. Домашнее насилие над женщинами“ (AL: EUR 46/008/2008 от 26 февраля 2008).

ПРИЗЫВ: Amnesty International призывает Вас обязать правительство страны:

** принять и обеспечить использование законов, квалифицирующих домашнее насилие над женщинами как отдельное тяжелое преступление;*

** способствовать сотрудничеству правительственных органов и НПО в деле разработки эффективных и надежных механизмов защиты женщин от насилия в семье;*

** защитить женщин, пострадавших от насилия в семье, путем предоставления убежищ, а также защитить свидетелей и других лиц, которые могут подвергнуться запугиванию и преследованию во время следствия и суда;*

** устранить все бюрократические препоны и дискриминацию женщин, стремящихся воспользоваться убежищем, по признаку отсутствия регистрации в том или ином населенном пункте;*

** привлечь внимание общественности к проблеме насилия над женщинами в Российской Федерации и конструктивным мерам, которые власти планируют принять для борьбы с этим явлением.*

Факультативные компоненты меморандума могут быть разнообразными, однако все они способствуют реализации стратегии перепрограммирования, убеждению органов власти, и в том числе президента РФ, изменить или скорректировать положение вещей в той или иной области общественной жизни. Наиболее распространенным факультативным компонентом текста меморандума является иллюстрация, пример нарушения прав человека или общественной группы: *В последнее время тревогу организации вызывает сокращение возможностей для выражения несогласия, а также ограничения, налагаемые на действия независимых СМИ и неправительственных организаций (НПО) на территории Российской Федерации. Приняты законы, отрицательно сказавшиеся на свободе действий гражданского общества, такие, как закон о деятельности НПО и закон о противодействии экстремизму.* Кроме иллюстративного фона, к факультативным компонентам текста меморандума можно отнести:

– выражение согласия/несогласия с действиями законодательной или исполнительной власти, одобрение или неодобрение их деятельности: *Amnesty приветствует решение Верховного Суда Российской Федерации, поддержавшего 4 марта 2008 года решение, ранее принятое Самарским областным судом, не закрывать региональное отделение организации „Голос“*;

– выражение обеспокоенности (озабоченности) положением дел: *Amnesty обеспокоена тем, что организация могла стать мишенью подобных действий только за то, что, воспользовавшись своим правом на свободу слова, опубликовала материалы, которые были восприняты как критические по отношению к власти*;

– выражение сомнения в возможности изменить положение дел: *Мы отмечаем создание в 2007 году новой структуры — Следственного комитета при Генеральной прокуратуре, которому переданы полномочия по расследованию уголовных дел. Amnesty остается неясным, повлияет ли данное изменение на эффективность расследования сообщений о применении пыток*;

– напоминание о ранее сделанных обращениях к власти: *Вместе с тем Amnesty, которая, наряду с другими российскими и международными НПО неоднократно обращалась к Вашему предшественнику по поводу негативных последствий закона о деятельности НПО для гражданского общества, по-прежнему обеспокоена как самим законом, так и его подзаконными актами*;

– напоминание о прежних действиях или заявлениях власти: *Предыдущий Президент Владимир Путин указывал на необходимость борьбы с экстремизмом и высказывался в поддержку многонациональной России. Подобные высказывания важны, однако необходимо идти дальше*;

– напоминание о нарушениях обязательств власти: *На Северном Кавказе Россия нарушает свои обязательства в рамках международного права в области прав человека уважать и защищать право на жизнь, свободу от пыток и иных форм жестокого обращения, личную свободу и неприкосновенность, а также право на справедливое судебное разбирательство и право на жилище;*

– ссылки на источники, дополнительные сведения: *Более подробный анализ масштаба проблемы и неспособности прекратить указанные серьезные нарушения прав человека содержатся в докладе: „Российская Федерация: где правосудие по отношению к ‘исчезнувшим’ в Чечне?“*;

– исторические справки: *Российская Федерация сыграла решающую роль в принятии в 1998 году Римского статута Международного уголовного суда*.

Как видно из приведенных выше фрагментов, стиль меморандума в целом соответствует общей стилистике деловых документов с присущей им логичностью, точностью и информативностью речи. Стратегия перепрограммирования, т. е. желательной коррекции поведения власти, реализуется и на уровне структуры меморандума (преимущественно в части, содержащей предложения/призывы), и на уровне языковых средств. К ним относим слова и выражения со значением изменения *(изменить ЧТО?, принять меры ДЛЯ ЧЕГО?, распорядиться О ЧЕМ?, устранить недостатки, привлечь общественные организации ДЛЯ ЧЕГО? и др.);* глаголы со значением исполнения, обеспечения, помощи и защиты *(исполнить, создать, подписать, ратифицировать, обеспечить, гарантировать, защитить, способствовать);* выражения со значением осуждения *(осудить расизм и ксенофобию);* запретительные выражения *(не допускать произвольного применения),* глагольные выражения со значением разрешения *(санкционировать);* выражения, связанные со сферой юрисдикции *(расследовать, привлечь к ответственности, соблюдать право на…);* глаголы и глагольные выражения со значением долженствования *(обязать соответствующие органы);* глаголы со значением убеждения *(убедить парламент РФ);* выражения со значением требования *(открыто потребовать).*

Таким образом, ни один из структурных компонентов жанровой модели меморандума не является «пустым»: все они вносят вклад в реализацию стратегии перепрограммирования, изменения точки зрения адресата в желательном для адресанта направлении.

Попытаемся кратко охарактеризовать GR-текст с точки зрения лингвопрагматики. В качестве примера еще одной жанровой формы мы выбрали открытое письмо, адресованное

В. В. Путину президиумом Объединенной Российской партии «Русь» «Разговор с президентом о национальной идее» (АиФ. 2003. № 46).

Одной из наиболее распространенных моделей лингвопрагматического анализа текста является схема, методологически опирающаяся на работы О. С. Иссерс: общая коммуникативная стратегия — реализующие ее частные стратегии — речевые (коммуникативные) тактики — коммуникативные ходы. В области политического пиара ведущими являются три коммуникативные текстообразующие стратегии: стратегия презентации, стратегия самопрезентации и стратегия дискредитации политических оппонентов. В GR-текстах одной из ведущих является стратегия перепрограммирования. Последняя, понимаемая как общий план действий по коррекции точки зрения адресата, может быть представлена на материале открытого письма В. В. Путину в виде набора реализованных в тексте тактик, выделяемых на интенциональном основании и являющихся частью целостного комплекса операций над моделью мира реципиента, а именно:

– тактика констатации существующего положения вещей (ЧТО именно нужно изменить);

– тактика отрицания существующего положения вещей (ПОЧЕМУ нужны изменения и КАКИЕ это изменения?);

– тактика предложения выхода из существующего положения (КАК осуществить изменения?);

– собственно апеллятивная тактика (ПОБУЖДЕНИЕ адресата к изменению положения вещей).

Указанные речевые тактики реализуются в тексте открытого письма посредством ряда наиболее распространенных коммуникативных ходов, часто в рамках вопросно-ответных конструкций. Далеко не полный перечень таких ходов даже на материале одного текста включает следующие:

а) так называемое «чучело оппонента», восходящее к риторической фигуре сермоцинацио, призванной помочь адресату вместе с адресантом представить себе то, что могло бы быть сказано в той или иной ситуации:

– Возвращаясь к существующим сегодня мыслям о будущем, мы видим, что почти все они обращены на Запад. МОЛ, надо оттуда взять готовые шаблоны и рецепты. Надо ли доказывать, что Россия — не Запад, не Европа и не Америка и что все попытки вогнать русских в западные мерки неизменно кончались страшными катастрофами и большой кровью?;

– Мы не верим в СКАЗКИ, что развитый мир живет без цели, что это, МОЛ, только русские гордыня и заумь. Мечта есть у всех!;

– Нас МОГУТ УПРЕКНУТЬ в том, что мы оторвались от земли, что у России нет на все это средств, что бюджет страны — это куцый тришкин кафтан. Но мы знаем, что деньги на Русское чудо есть!;

б) «полемический» ход, который репрезентируется посредством периодов условного или смешанного типа:

В бюджете есть ассигнования и на разные целевые программы. ЕСЛИ хоть часть тратить на технику нового прорыва, то они совершат переворот. НЕУЖЕЛИ одна струнная трасса, построенная показательно между Москвой и Сочи, скажем, или между Норильском и Красноярском, не вызовет бурной цепной реакции строительства таких же трасс частным капиталом? РАЗВЕ всего один поселок, построенный государством из чудо-домов где-нибудь на Алтае, не станет заразительным примером для остальных? И мы увидим, как миллиарды долларов, вывезенных из страны, ринутся обратно;

в) «альтернатива» (этот ход возможен в сочетании с ходом «сопоставление»):

Не ведут эти партии и диалог „власть — общество“. Почему? Они же все — „дети перестройки“, их „вожди“ поднялись на развале СССР и поэтому умеют все „до основанья“ рушить и искать виноватых, а не созидать и создавать идеологию для всей страны. ВСЕ ЭТО ПОХОЖЕ НА АФРИКАНСКИЕ ПЛЕМЕНА. НЕТ ВОЖДЯ — ПЛЕМЯ РАЗБЕГАЕТСЯ. ПОЭТОМУ МЫ ВЫБРАЛИ ДРУГОЙ ПУТЬ — нас объединяет идея, а наш лидер — законно избираемый Президент страны;

г) «категоризация точки зрения адресанта», «безапелляционное утверждение»:

– Россия призвана к Великому будущему, и, по нашему мнению, Великая Россия — это СПРАВЕДЛИВОЕ, БЕЗОПАСНОЕ И НРАВСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО, — ПО-ДРУГОМУ НЕ ПОЛУЧИТСЯ!

– НАМ НЕТ СМЫСЛА ШТОПАТЬ, ЛАТАТЬ И ПОДДЕРЖИВАТЬ ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. МЫ НЕ СПАСЕМ СТАРУЮ, БЕЗНАДЕЖНО БОЛЬНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, КАК И ПРОГНИВШУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ;

д) «предположение» (с благоприятным/неблагоприятным прогнозом):

В подмосковных Озерках можно увидеть странное „полумарсианское“ сооружение — испытательный стенд струнного транспорта. ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ транспорт, который, летя по парным „струнам“ над землей, способен перемещать грузы и людей со скоростью до 500 километров в час? Который при этом втрое дешевле старых железных дорог. Он словно сошел со страниц романов Ефремова — и ни капельки не фантастичен. Его можно делать уже сегодня, на наших старых производствах;

е) «воспоминание», «историческая справка», обосновывающие позицию адресанта:

Русский предприниматель в лучших своих проявлениях не барыши делал — он выполнял великую миссию, служил стране. Давайте вспомним примеры Третьякова, который от-

дал огромные деньги для превращения России в культурную сокровищницу, Путилова, который выводил страну на передовые рубежи индустриального развития, Шидловского, который делал свой бизнес ради превращения Российской империи в великую авиационную державу;

ж) «заявление о намерениях»:

Со своей стороны наша партия, ОРП „Русь“, ГОТОВА ПРЕДЛОЖИТЬ ВЕЛИКУЮ ЦЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. Поймите это правильно, мы не претендуем на истину в последней инстанции, но в нынешней идейной пустоте бездействие смерти подобно. СЕГОДНЯ МЫ ПРИГЛАШАЕМ ВСЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ К ДИСКУССИИ О ВИДЕНИИ БУДУЩЕГО СТРАНЫ;

з) «обещание»:

Нам терять уже нечего. НО МЫ В СИЛАХ ПРЕВРАТИТЬ СМЕРТЬ ПРЕЖНЕЙ РОССИИ УГЛЯ И СТАЛИ В МОМЕНТ РОЖДЕНИЯ РОССИИ НОВОЙ, СВЕРХСОВРЕМЕННОЙ, ЧУДОТВОРНОЙ;

и) «патронат» (моделирование процесса заботы о России и ее народе):

Россия набухла от нефтедолларов, которые втекают в нее уже четыре года. Они не могут найти себе достойного применения. ПОЧЕМУ БЫ НЕ ПОВЕРИТЬ ЛЮДЯМ И НЕ СНИЗИТЬ НАШИ НАЛОГИ?;

к) группа апеллятивных ходов — обращение, просьба, призыв к совместным действиям, указание на долг власти перед народом и т. д.:

А что такое жизнь без прошлого и без цели, без яркого Образа Будущего, без Мечты? Да скотство сплошное, ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ, цинизм, воровство и апатия народа, блуждание в потемках, в экономике. А от этого до развала уже не СССР, а РФ — всего шаг. А коли этой Национальной Мечты не могут дать партии, то МЫ ПРОСИМ ЭТО СДЕЛАТЬ ВАС, УВАЖАЕМЫЙ ПРЕЗИДЕНТ! 7 ноября началась не только думская, но и Ваша предвыборная кампания. СОЗДАТЬ ОБРАЗ БУДУЩЕГО — ПРИЗВАНИЕ ЛИДЕРА СТРАНЫ.

GR-тексты можно анализировать и с позиций тезисно-аргументативной структуры публицистических текстов: типа и содержания тезисов, тезисов основных (констатирующих) и развивающих, истинности тезисов, видов аргументов (фактологических и ценностных), истинности или ложности аргументов, способов демонстрации аргументов, аргументации логической и риторической и др. [Майданова 1992; Москвин 2008]. Возможен и комплексный анализ GR-текстов, объединяющий принципы и методы теории аргументации, жанрового анализа и лингвопрагматики. В целом не вызывает сомнения, что эта область текстов имеет огромную научную и прагматическую перспективу и нуждается в структурно-системном описании не меньше, чем область PR-текстов. Коррекция мнения — это сложнейшая проблема из области речевого воздействия, более сложная, чем первоначальное формирование точки зрения, поэтому в перспективе возможно и дидактическое описание GR-текстов. Оно необходимо, на наш взгляд, для практической деятельности в области коммерческого и политического GR'а и обучения студентов в рамках таких специальностей, как «Журналистика», «Связи с общественностью» и «Государственное и муниципальное управление».

ЛИТЕРАТУРА

Гуров Ф. Н. PR IT-компаний: российская практика. — М. : Альпина Паблишерз, 2011.

GR-технологии на службе IT-компаний / Вопросы новой экономики. 2011. Май.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Омск: ОмГУ.

Майданова Л. М. Понятие аргументации // Аргументация в публицистическом тексте. — Свердловск : УрГУ, 1992.

Москвин В. П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. — Ростов н/Д : Феникс, 2008.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь современного русского языка. Изд. 4-е. — М., 1997.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Э. Лассан

УДК 81'42+81'373.234
ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.33; 16.21.47* *Код ВАК 10.02.01*

М. А. Лаппо
Новосибирск, Россия

ОФИЦИАЛЬНЫЙ VS НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: ДВЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация. *Анализируются две дискурсивные стратегии национальной самоидентификации, существующие в настоящее время в России. Первая реализуется в официальном дискурсе, так называемом дискурсе власти. Вторая стратегия представлена в неофициальном дискурсе, так называемом дискурсе ненависти, дискурсе оппозиции.*

Ключевые слова: *самоидентификация; дискурс-анализ; дискурс власти; дискурс ненависти.*

Сведения об авторе: *Лаппо Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Институт филологии, массовой информации и психологии.*

Место работы: Новосибирский государственный педагогический университет.

Контактная информация: *630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.*
e-mail: lappo2000@mail.ru.

M. A. Lappo
Novosibirsk, Russia

OFFICIAL VS UNOFFICIAL DISCOURSE: TWO STRATEGIES OF NATIONAL SELF-IDENTIFICATION

Abstract. *The goal of this article is to analyse two discourse strategies of national self-identification in modern Russia. The first strategy shows up in the official discourse, the so-called discourse of power. The second strategy is presented in unofficial discourse, the so-called discourse of hatred or opposition discourse.*

Key words: *self-identification; discourse analysis; discourse of power; discourse of hatred.*

About the author: *Lappo Marina Aleksandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Modern Russia, Institute of Philology, Mass Information and Psychology.*

Place of employment: Novosibirsk State Pedagogical University.

Необходимость определения национальной принадлежности непосредственно вытекает из двух важнейших человеческих потребностей — этнической (отнесение себя/другого к национальной/расовой/этнической группе) и тесно связанной с ней идеологической/культурологической потребности (причисление себя/другого к категории людей, одинаковыми либо разными способами осваивающих действительность) [Ершов 1990: 328].

При этом, во-первых, наиболее четко идентичность осознается в ситуации конфликта, конфронтации, противопоставления/сопоставления, во-вторых, идентичность — это дискурсивное и диалогическое явление. Иными словами, чтобы осознать свою идентичность, надо вступить в диалог, пусть и гипотетический/заочный с неким противостоящим, противоположным существом, «другим»: «Самоидентификацию следует рассматривать как дискурсивный процесс, так как условием его возможности всегда выступает номинация или сигнификация. Самоидентификация разворачивается как онтологическая способность к самоименованию в рамках дискурсивных практик. Она носит перформативный характер» [Палагута 2009: 51].

Цель данной статьи — проанализировать две дискурсивные стратегии национальной самоидентификации, существующие в настоящее время в России. Хотя и та, и другая стремятся укрепить национальную идентичность, их в определенном смысле можно назвать противоположными, конкурирующими друг с другом, потому что первая укрепляет *российскую идентичность*, а вторая — *русскую идентичность*.

Первая стратегия реализуется в официальном дискурсе, так называемом дискурсе власти. В рамках настоящей статьи прежде всего будут использованы стенограммы выступлений, интервью первых лиц России — Д. А. Медведева и В. В. Путина, — опубликованные на сайтах www.президент.рф, www.premier.gov.ru, www.rosnation.ru, www.moskva-putinu.ru и др. Стратегию этих текстов можно назвать стратегией укрепления гражданско-национальной идентичности жителей России, объединения этнических групп и поиска компромисса между ними.

Вторая стратегия представлена в неофициальном дискурсе, так называемом дискурсе ненависти, дискурсе оппозиции. Часть из них — это тексты книг и газет, которые вряд ли можно купить в книжном магазине или газетном киоске. Они распространяются по определенным каналам, а к лингвисту чаще всего попадают в качестве объекта лингвистической экспертизы. В то же время материалы многих из них всегда можно найти на соответствующих сайтах в Интернете. В данной статье будут использованы примеры из газет «Родная Сибирь», «Русский рубеж сибирских казаков» и книг В. С. Медведева, В. Е. Хомякова и др. Стратегия укрепления национальной идентичности русских, реализуемая в них, также заслуживает нашего внимания.

В дискурсе первых лиц России наблюдается постепенный переход от формирования гражданской идентичности к формированию гражданско-национальной идентичности россиян. Вызывает вопросы входящее в оборот словосочетание (***многонациональная) российская нация***:

(1) Д. А. Медведев: *Но нам действительно нужно вырабатывать новые подходы. И, несмотря на то, что мы иногда улыбались, когда говорили о новой советской общности, народе, на самом деле эта идея была абсолютно правильной. Другое дело, что такие конструкции, такие общности не на бумаге возникают и не по велению президентов или*

© Лаппо М. А., 2012

генеральных секретарей. Это результат многотрудной работы общества, десятилетней. Вспомним, что еще 40 лет назад в Соединенных Штатах Америки представители разных рас и национальностей зачастую сидели на разных лавках, а сейчас это весьма толерантное общество. И нам не нужно стесняться учиться. Но идея ***российской нации*** (Здесь и далее, если специально не оговорено иное, выделено мной. — М. Л.) *абсолютно продуктивна, и ее не нужно стесняться* [Стенографический отчёт ... 27.12.2010];

(2) В. В. Путин: *Мы и назвали его Общероссийский народный фронт, подчеркивая, что каждый человек в нашей стране может быть представителем любой конфессии, представителем любой этнической группы, но он в то же самое время должен осознавать, что он часть единой,* ***многонациональной российской нации*** *и гражданин Российской Федерации, и нести это звание с гордостью* [Стенограмма встречи В. В. Путина ... 20.07. 2010].

Оппоненты таких дискурсивных употреблений напоминают, что Конституция Российской Федерации начинается с фразы «Мы, ***многонациональный народ России*** <...> принимаем настоящую Конституцию», указывая таким образом на абсурдность или неправомерность словосочетания *российская нация*. Более того, в патриотически или националистически настроенном дискурсе даже термин «россияне» в этом контексте воспринимается как русофобский:

(3) *Существование „российской нации“ возможно только в качестве исторического момента в развитии русской нации. При этом нельзя забывать, что в состав русской нации входят не только русские граждане РФ, но и русские жители всего бывшего СССР и не утратившая русских корней эмиграция в дальнем зарубежье. Строительство „российской нации“ в качестве отрицания или преодоления русской национальной идентичности объективно невозможно. Итак, если в России многонациональность и живет много народов, то именно один из них, русский народ составляет большинство и является государствоообразующим народом. Если Россия — государство единой политической нации, то единственное имя этой нации —* ***великий русский народ, русская нация*** (выделено автором фрагмента — М. Л.). *Никакого другого имени наш народ не примет. И единственным последствием навязывания „россиянства“ будет только полное отвержение прекрасного русского слова „россиянин“ и исчезновение его из великого русского языка* [Холмогоров].

Между тем противоречие здесь кажущееся: толковые словари русского языка указывают второе значение слова *нация* — «государство, страна» (первое значение — «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика») [БТС 2000]. Если государство, страна — Россия, то нация — российская, россияне (ср. Франция — французы, Америка — американцы и т. д.). Ср. значения слова *народ*: «1. Население той или иной страны. 2. Нация, национальность, народность» [Там же]. И вопрос актуализации второстепенной сегодня семантики слова *нация* — это вопрос времени.

Кстати говоря, утверждение А. Д. Васильева в работе «Русский, российский и другие (этнонимы и псевдоэтнонимы)», сделанное им на основе текстов СМИ 1990-х гг., о том, что слово *россиянин* «семантически нечеткое и расплывчатое» [Васильев 2003: 211], сегодня многим гражданам России покажется неверным. См., например, следующие высказывания:

(4) *Иудаизм для меня — совершенно чуждая религия, а христианство мне ближе: я вырос на этой земле, я впитал ее в себя. Но* ***я никогда не говорю, что я — русский****. Ненавижу, когда грузин или татарин говорит: „Я вырос на русской земле и считаю себя русским“. Не надо себя считать. Ты — еврей, ты — татарин, ты — грузин <…> Казаки в каждом городе — свои. К сожалению, это уже стало лубочной игрой. Почему мне так близка тема казачества? Потому что* ***я россиянин.*** (Александр Розенбаум. Бультерьер (1987—1998); пример взят из Национального корпуса русского языка)*;*

(5) Я россиянин *и люблю свою страну. Мне очень приятно было поиграть за сборную в этом году. Сбылась мечта 14-летнего пацана* [Хоккеист Алексей Ковалев...].

Если в Малом академическом словаре отождествляются понятия *русский* и *россиянин*: «РОССИ́ЯНИН, -а, мн. *-я́не*, *-я́н*, м. *Устар. и высок*. Русский» [МАС], — то современные словари фиксируют расхождение их семантики, ср. следующие дефиниции : «Россия́нин *м.* 1. Русские люди, представители восточно-славянского народа, государствообразующей нации, составляющей основное население России. 2. Граждане России. Уроженцы, жители России. 3. Представители этих граждан, уроженцев, жителей» [Ефремова]; «РОССИ***Я***НЕ, *-я́н*, мн. Жители, уроженцы России; граждане России» [ТССРЯ 2001].

Очевидно, что это новое значение слова *россиянин* появилось после распада СССР, когда возникла необходимость как-то именовать граждан Российской Федерации. Думается, его внедрению в языковую практику немало способствовал первый президент России Б. Н. Ельцин со своим знаменитым обращением «Дорогие россияне!». Существует и другая версия: «…русские стали превращаться в россиян (в речевой оборот, однако, пустил это слово писатель Николай Задорнов)» [Буйда 2000: 44].

В 2003 г. А. В. Васильев пишет: «Если пытаться прогнозировать дальнейшие эволюции компонентов пары *русский / российский*, то не-

трудно предвидеть, что *русский* будет все быстрее утрачивать денотативную основу; более того, он может перейти в пласт пейоративной лексики. Через какое-то время (вполне вероятно, исторически — довольно непродолжительно) соответствующие речедеятели откажутся от идентификации и самоидентификации при помощи этого слова» [Васильев 2003: 211]. Стратегия гражданско-национальной самоидентификации в официальном дискурсе действительно характеризуется определенным ограничением на использование слова «русский», превалированием слова «российский». Логика данной стратегии очевидна: таким образом пытаются подчеркнуть равенство всех народов, населяющих современную Россию, не ущемив права ни одного из них.

Тем не менее слово *русский* вовсе не отсутствует в официальном дискурсе и, по сравнению с наименованиями других национальностей, оно, безусловно, преобладает. Однако оно, как правило, помещается в одном контексте со словом *российский,* так сказать, «через запятую» или «в скобках». Например:

(6) В.В. Путин: *Сегодня, когда люди попадают у нас в экстремальную ситуацию, они же прямо из тепличных условий туда попадают, никакой внутренней мотивации на совершение каких-то экстраординарных поступков, подвига — почти, вроде бы, и нет. И это еще сложнее, чем в условиях, когда все общество, вся страна мобилизована. А люди идут на это и совершают эти героические поступки, о которых я сказал. Это значит, что в сердце, в душе* ***русского человека, российского гражданина*** *это всегда есть. И я уверен, всегда будет* [интервью Председателя Правительства ... 9.05.2010];

(7) Д. А. Медведев*: Людмила Алексеевна* [Вербицкая] *говорила про русский мир… Русский мир расширяется, на самом деле, и это неплохо. Хотя, с другой стороны, существует целый ряд стран, где происходит сужение пространства, где используется русский язык. И в контексте как раз празднования зарождения* ***русской государственности (российской государственности — по указу),*** *я думаю, что мы должны думать о расширении русского мира всеми возможными способами* [Заседание по вопросу ... 22.07.2011].

Безусловно, употребленное выражение *зарождения русской государственности (российской государственности — по указу)* имеет право на существование, не противоречит ни истории, ни правилам семантики русского языка, однако оно может вносить некоторую неясность, затруднять понимание ситуации: о зарождении какого государства идет речь и чей это праздник?

Вообще следует согласиться с Анджеем де Лазари в том, что в речевой практике (особенно в официальном дискурсе) необходимо разграничивать тавтологичные с этимологической точки зрения наименования «русский» и «российский» [де Лазари 2011: 38]. Дело в том, что есть примеры отождествления лексем ***русский*** и ***российский***:

(8) Д. А. Медведев: *Но если говорить серьезно, то мне хотелось бы уже к вам обратиться и сказать, что все вы несете очень важные знания нашим людям. И от того, на каком языке говорят наши средства массовой информации, зависит и язык наших детей, язык будущего. Поэтому, мне кажется, очень важно, чтобы все мы старались использовать грамотную и очень красивую* ***российскую речь, наш родной русский язык****, и популяризовать, и пропагандировать его в самых разных местах* [Пресс-конференция Президента России. 18.05.2011].

Вместе с тем мы наблюдаем и динамику официального дискурса. См. фрагмент (9) с метонимическим расширительным употреблением слова ***русские*** (в значении «страна», «Россия») в конце 2009 г. Полагаем, что сейчас президент не стал бы так говорить, т. е. описываемая речевая стратегия развивается, набирает обороты:

(9) Д.А. Медведев: *Даже несмотря на то, что мы этот договор [о сокращении стратегических наступательных потенциалов] подготовим и подпишем, мы всё равно будем заниматься развитием своих стратегических наступательных сил, потому что без этого нет возможности защищать нашу страну. Это тоже очевидно и нам, и американцам, это закон текущей жизни. Это не означает, что мы вообще не можем вести разговор, скажем, о безъядерном мире. Это красивая и, в общем, правильная цель, но к ней нужно двигаться, во-первых, постепенно, и, во-вторых, в этом должны принимать участие не только* ***русские и американцы, но и другие страны****, которые очень сильно стремятся запрыгнуть в ядерный клуб, и от этого много проблем* [Итоги года с Президентом России. 24.12.2009].

Нужно заметить, правда, что употребление слова ***российский*** не всегда оправданно:

(10) В. В. Путин: *Вы знаете, я по-другому начал с возрастом воспринимать даже то, что слышал от них в детстве. Допустим, я знал, что мама ходила к отцу в госпиталь после ранения. Он ведь начинал войну, как он говорил, в партизанском отряде, а на самом деле это была диверсионная группа, как я позднее узнал. И более того, когда я был уже Президентом, я попросил — отца уже не было в живых, он уже из жизни ушел — архивные материалы. И действительно, все, что он мне рассказывал, я с удивлением обнаружил в документах. Все совпало до мелочей. Единственное, что я не знал, — там у них была группа 28 человек, которых забрасывали в так называемый „ближний тыл“ для совершения диверсионно-разведывательных операций, назад вернулось только четыре человека из 28. И чего я не знал, мне отец никогда не говорил — группу возглавлял* ***российский гражданин, но***

немец по национальности [Интервью Председателя Правительства ... 9.05.2010]. Скорее всего, здесь более подходящим было бы использование слова *советский* вместо *российский*.

Толерантные установки правительства диктуют использование приема семантической генерализации в ответе на вопрос о русских (слова ***все, всякий, каждый, любой, другие*** и избегание называния только ***русских)***:

(11) М. Ситтель: *„Не считаете ли Вы, что Правительство своей политикой вседозволенности к кавказцам довело ситуацию до агрессии со стороны* ***русских?“.*** *Это вопрос Андрея из Красноярска.*

В. В. Путин: *На самом деле нужно пресекать проявления экстремизма со всех сторон, откуда бы они ни исходили. И нельзя общей краской мазать* ***ни кавказцев, ни людей других национальностей,*** *хотя такой национальности, как кавказец, нет. Вообще никого нельзя мазать общей краской. Но нужно жестко пресекать любые крайние проявления.*

М. Ситтель: *Владимир Владимирович, в продолжение темы еще один вопрос мы получили „эсэмэской“: что ожидает* ***нас, русских,*** *проживающих на Северном Кавказе, после всех событий, которые произошли в Москве?*

В. В. Путин: *Я думаю, что нужно избавиться от всяких страхов.* ***Выходцы из всех регионов Российской Федерации — с Кавказа, с Дальнего Востока, из Сибири, из центральной части России*** *— должны себя одинаково комфортно чувствовать, где бы они ни проживали. Здесь очень большая роль принадлежит региональным органам власти, общественным организациям. Самое главное,* ***все люди, все граждане России, любого вероисповедания и любой национальности*** *должны осознать, что мы — дети одной страны* [Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение].

Кроме того, В. В. Путину свойственно избегать прямой персональной национальной самоидентификации в ответе на вполне прямые вопросы, например:

(12) Еременко Юрий Иванович*, Черниговская область: Господин Президент, нет ли на Вашем геологическом древе веточки с украинской окраской?*

В. В. Путин: *Юрий Иванович, нет. Как Высоцкий пел: „Если кто залез ко мне, то и тот татарин“. Но если по-серьезному, то* ***все мои родственники из Тверской губернии России, это где-то километров 200 от Москвы****. И в течение многих лет, многих столетий не только жили в одном месте, в одной деревне, но и ходили в одну и ту же церковь, как выяснилось, потому что все эти данные были получены из церковных документов. Но если бы у меня вдруг выяснилось, что у меня есть такие родственные связи, я бы этим только гордился. Мне нравится Украина* [Стенограмма интервью Владимира Путина украинским телеканалам].

В отличие от стратегии официального дискурса, в котором ощущается стремление не обидеть представителей разных этносов России, пойти на компромисс, может быть, даже в ущерб интересам определенной группы, неофициальный дискурс недвусмысленно заявляет о приоритете русских: ***(13)*** *Мы* ***должны потребовать*** *ввести в наше законодательство* ***учет русских национальных интересов****; **(14)** Вместо того, чтобы* ***четко и внятно сказать о руководящей роли Русской нации****, и сделать это важнейшим фактом государственной этнополитики, мы слышим лепет о многонациональности и многоконфессиональности России* [О необходимости русского национализма].

Авторы оппозиционного дискурса оправдывают борьбу с властью, приписывая этой борьбе положительные качества: ***(15)*** *И этот враг окопался на самой вершине Российской власти. Прав Владимир Васильевич Квачков в своей статье о национальном восстании: „Национальная буря неизбежна. Суровая и беспощадная к оккупантам и их пособникам, опасная, но радостная,* ***веселая и разухабистая для русского народа.*** *И никакой гражданской войны не будет. Не с кем,* ***нам, русским, украинцам, белорусам, татарам и другим коренным народам*** *в России воевать. Чтобы взять за шиворот и посадить в кутузку правительство национальных изменников и предателей, хватит несколько грузовых автомобилей. Еще по грузовику на банкиров и телевидение, по ‘газели’ — на нефтяные и газовые кампании. На всю так называемую Государственную Думу хватит караула в составе взвода, который объявит о своей усталости. Вот и весь бунт“* [Букварь русского человека].

При этом к «русским» часто причисляются и другие народы, чаще всего украинцы и белорусы, а также татары, башкиры, народы Севера и др.:

(16) В. В. Квачков*: В этом городе, в этих сотнях деревень, уничтоженных вами, находятся десятки тысяч людей. Вам дорог Чубайс, а мне дороги* ***миллионы русских людей — татар, башкиров, якутов****…* [Интервью Владимира Квачкова].

(17) *Даже одни только этнические русские (без учета огромного числа „русских по духу“ из других этносов) составляют сегодня 80 % населения России, которая тем самым, по стандартам ООН, считается моноэтническим Русским государством. … Быть „русским не по крови, а по духу“ — означает быть соработником в нашем общем доме „Российском Доме“, равным в правах и обязанностях. Это* ***будет „русская по духу“ Нация****,* ***даже если в целях модной сегодня политкорректности нам придется именовать ее „российской“*** [Медведев, Хомяков 2006].

Дискурс первой разновидности социолог А. Н. Малинкин отнес к центристскому типу, для

которого «сформировать новую российскую идентичность — значит построить новое политически сильное и экономически благополучное российское государство по принципу „нация-государство“, сохранив лучшие традиции российской национальной и политической культуры. Для этого нужны усилия самого российского народа, всех этносов и конфессий» [Малинкин 2001].

Патриотически/националистически настроенный дискурс относится, по А. Н. Малинкину, к фундаменталистскому типу: «Их национализм имеет откровенно этноцентрический характер. Россия для них — русская цивилизация, Святая Русь, страна для русских» [Малинкин 2001].

Он же 10 лет назад сформулировал выход из сложившегося противостояния дискурсов идентичности официальной позиции и радикально настроенной оппозиции: «На наш взгляд, никакого противоречия здесь нет. Недоразумение может возникнуть лишь вследствие смешения двух тесно взаимосвязанных, одинаково необходимых, но не взаимозаменяемых национальных идей — русской и российской. Их отождествление — ошибка, ведущая к ложной дилемме: либо наднациональная российская идея в Российском государстве с целью построения гражданско-политической „нации-государства“ — либо русская идея в русском государстве, с последующей русификацией всех народов России. Если исходить из этой ложной дилеммы, то отказ от русского национализма может показаться приемлемым выбором меньшего из двух зол. В действительности, такой отказ не необходим» [Малинкин 2001].

За это время официальный дискурс перестроился от формирования исключительно гражданской, наднациональной идентичности к формированию «российской многонациональной нации», а оппозиционный дискурс в целом стал более мягким, завуалированным и политкорректным (см., напр., фрагмент (17)).

Противостояние оппозиции стало более изощренным: это уже не заочный диалог «русских патриотов» с «нерусской властью». В дискурсе ненависти стал активно использоваться инструмент официального дискурса — понятия *российский, россияне*. Так, К. Крылов в статье «Россияне и русские. К постановке проблемы» описывает россиян и русских как два разных народа, проживающих на территории России, различия которых видит не столько в крови, в происхождении, сколько в установках и поведении:

(18) *На одной и той же территории уже довольно давно живут ДВЕ РАЗНЫЕ НАЦИИ, ОШИБОЧНО ПРИНИМАЕМЫЕ ЗА ОДНУ* [здесь и далее выделено автором фрагмента — М.Л.]. *Разница между „русскими-1“ и „русскими-2“ похожа на разницу между сербами и хорватами: представители этих двух народов имеют одинаковые антропологические признаки и пользуются одним и тем же языком. Но, в отличие от сербов и хорватов, сами представители этих двух „русских“ народов не осознают, что они составляют две разные нации. Однако они сильно различаются по моделям поведения, этическим системам, отношению к другим народам и даже (в последнее время) по самоназванию: одни предпочитают называть себя русскими, другие — россиянами. Последний термин, появившийся, казалось бы, случайно (как дубликат термина „коренной житель одной из областей России“), сейчас становится фактическим самоназванием НОВОГО НАРОДА, не тождественного „русским“. Соответственно, самоназвания типа „демократы“ и „патриоты“ маркируют осознавшую свою идентичность часть населения России. В этом контексте „патриот“ — это просто житель России, сознательно считающий себя русским. Соответственно, „демократ“ — это русскоязычный житель России, осознавший, что он не русский, или, так сказать, „другой“, „новый“, „не такой“ русский.* ***<…>*** *Специфика положения россиян состоит в том, что это молодой и достаточно агрессивный этнос, вынужденный жить на уже заселенной территории. Интересно отметить, что само слово „россиянин“ чем-то похоже на слово „американец“: чувствуется, что так себя называть может не коренное население, а некие „поселенцы“.*

Здесь, разумеется, сложно не заметить подмены политического аспекта этнической идентификацией. Удивляет и упорная близорукость оппозиционного дискурса в вопросе о многонациональной России. Представляется, что авторам официального дискурса необходимо, прислушавшись к этому голосу русских, а также ко всем другим этническим голосам России, предпринять корректирующие шаги. И самое малое, что можно будет сделать в этот переходный период, — не порождать двусмысленные контексты путем смешения в дискурсивном пространстве разных лексико-семантических вариантов лексем *российский, Россия*: а) «русский» и б) «государственный».

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русского языка = БТС / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. − СПб. : Норинт, 2000.

Буйда Ю. Щина // Знамя. 2000. № 6. С. 6—71.

Васильев А. Д. Русский, российский и другие (этнонимы и псевдоэтнонимы) // Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире: очерки новейшего словоупотребления. — М. : Флинта : Наука, 2003.

Ершов П. М. Потребности человека. — М. : Мысль, 1990.

Ефремова Т. В. Современный толковый словарь русского языка. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/ efremova.

де Лазари А.Категории народности и идентичности в русской и польской мысли (эскиз) // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 38—42.

Малинкин А. Н. Новая российская идентичность: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4. URL: http://www.socjournal.ru/release/24.

Палагута В. И. Субъективность как множественность самоидентификаций (онтологический аспект) // Грані. — Киев, 2009. № 4 (66). С. 46—51.

Словарь русского языка : в 4 т. = МАС / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. — М. : Русский язык, 1985—1988.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия = ТССРЯ / ИЛИ РАН ; под ред. Г. Н. Скляревской. — М. : Астрель : АСТ, 2001.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 81 221:316.77
ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.01; 10.01.10*

Л. А. Мардиева
Казань, Россия

В ПОИСКАХ КОМИЧЕСКОГО: СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЕРБАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ПЛАКАТА В СТРУКТУРЕ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация. *На примере анализа включения прецедентных вербально-визуальных текстов плакатов и их фрагментов в семиотическое пространство газетного текста рассматриваются проблемы взаимодействия разноструктурных кодов, прослеживается динамика способов сатирического осмысления действительности.*

Ключевые слова: *поликодовые тексты; вербально-визуальные прецедентные тексты; текстовая коммуникация; публицистика; фельетон; стеб.*

Сведения об авторе: *Мардиева Ляйля Агьдасовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра современного русского языка и методики преподавания, отделение русской филологии Института филологии и искусств.*

Место работы: Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Контактная информация: *420021, г. Казань, ул.Межлаука, 3/45, каб.109.*
e-mail: layka66@mail.ru.

L. A. Mardieva
Kazan, Russia

THE STYLISTIC TRANSFORMATION OF VISUAL AND VERBAL IMAGES OF A POSTER IN THE STRUCTURE OF NEWSPAPER TEXTS

Abstract. *The article deals with the problems of interaction of different structured codes analyzing the inclusion of precedent visual and verbal texts of posters and their fragments in the newspaper text semiotic space. Different means of satirical perception of reality are shown in their dynamics.*

Key words: *poly-code texts; visual and verbal precedent texts; text communication;social and political journalism; satirical article; mockery.*

About the author: *Mardieva Laila Agdasovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Chair of Modern Russian Language and Methods of Teaching, Department of Russian Philology of the Institute of Philology and Arts.*

Place of employment: Kazan (Volga region) Federal University.

В свое время М. Ю. Лотман писал о том, что изучение того, «как искусство аккумулирует в себе общественно значимую информацию, представляет собой интересную задачу» [Лотман 2000: 16]. Не менее интересной задачей является изучение механизмов включения творчески воссозданной действительности в художественных образах в семиотическое пространство текстов СМИ для создания информации, именно создания, а не ее передачи. В этом отношении особый исследовательский интерес представляет обращение издателей периодических изданий к такому прикладному жанру изобразительного искусства, как плакат.

Отличительными чертами плакатных текстов являются лаконизм, концентрация смыслов; прагматическая заостренность; действенность, обусловленная в том числе и спецификой плакатного образа (его напряженностью, динамизмом, метафоричностью или символичностью, обобщенностью и, как метко определяет это качество плакатного образа Т. С. Игошина, «однозначной оценочной поляризованностью» [Игошина 2009: 139—140]); использование двух каналов воздействия — вербального и визуального, рационального и эмоционального; общая с публицистикой функциональная направленность. Названные качества плакатного текста сохраняются и в случае транспозиции его в инородные структуры, они переносятся на сополоденный вербальный журналистский текст, многократно усиливая его воздействующую силу.

Известно, что газетно-журнальные жанры обладают способностью приспосабливать любые иноструктурные элементы к нуждам воздействия и социальной оценки, но этот процесс (в том числе и транспозиция плакатных текстов или их фрагментов в семиотическое пространство публицистики) сопровождается рядом трансформаций исходного текста. Наиболее значимой нам представляется стилистическая трансформация исходного вербально-визуального плакатного текста в случае включения его в структуру журналистского текста. Стилистическая трансформация является одним из самых действенных способов осмеяния тех или иных социальных явлений, т. е. средством выражения комического.

Представим стилистическую трансформацию как процесс, который может поддаваться градуальной квалификации. Этот процесс можно аппроксимировать прямой с разнонаправленными величинами, указывающими на степень проявления признака исходной и трансформированной единицы: максимально положительного (возвышенного) или максимально отрицательного (сниженного) по отношению к нулевой, т. е. нейтральной в эмоционально-оценочном отношении точки. Между этими крайними шкальными величинами находятся промежуточные, указывающие на степень оценочности и качество эмоциональной составляющей, при этом точки, находящиеся близко к нулевой отметке, вероятно, практически лишены оценочной составляющей. Таким образом, единицы шкальных величин прямой указывают на степень эмоционально-оценочной насыщенности исходной единицы и степень эмоцио-

© Мардиева Л. А., 2012

нально-оценочной насыщенности трансформированной единицы, что позволяет представить стилистическую трансформацию как динамический процесс.

Если вторичный плакатный текст или его фрагмент, подвергнувшийся стилистической трансформации, находится по отношению к исходному тексту или его фрагменту на крайней противоположной точке предполагаемой шкалы, указывающей на предел проявления комического как эмоционально-оценочного свойства, конфликт между оригинальным и трансформированным текстом приводит к возникновению сатирического эффекта с ярко выраженной пейоративной составляющей. Если же в результате трансформации вторичный текст (его образы), находясь в отношении оппозиции к оригиналу (т. е. занимая ту часть шкалы, которая указывает на свойство с противоположным оригиналу знаком), размещаются на предполагаемой шкале не на крайней, а на промежуточной позиции по отношению к противоположной точке шкалы, на которой размещен исходный текст или его образы со знаком плюс, то рождается комический эффект без пейоративной оценочной составляющей. В итоге основные модификации комического, являющиеся результатом стилистической трансформации, можно расположить по возрастающей в следующем порядке: юмор (добродушно-насмешливое отношение к чему-либо), ирония (критическое, отрицательно оценочное отношение к чему-либо), сатира (уничтожающее осмеяние порочных явлений).

В представленной схеме, однако, не отражается степень эмоционально-оценочной насыщенности исходной единицы. Обратим в связи с этим внимание на самые цитируемые в периодических изданиях плакаты — плакат Д. С. Моора «Ты записался добровольцем?» (1929 г.) и плакат И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» (1941 г.). Названные прецедентные вербально-визуальные тексты (о визуальных прецедентных феноменах подробнее см.: [Мардиева 2011]) отличаются предельной степенью риторической возвышенности. В силу своей повышенной эмоциональной напряженности они не могут просто нейтрализоваться в новом контексте (в новом лингвистическом контексте и в новом экстралингвистическом контексте — контекстах времени, затекстовой действительности), с ними случается то, что обычно происходит со всеми видами знаков, отличающихся повышенной эмоциональностью, — смена эмоций, изменение регистра в противоположном направлении, его «ухудшение», к сожалению, вплоть до травестирования. То есть чем выше степень риторической возвышенности исходной единицы, тем большей оказывается разница между ней и стилистически трансформированной единицей. Результатом подобной стилистической трансформации, при которой исходная единица обладает предельной степенью риторичности, вызывает чувство уважения и поклонения, оказывается злая, оскорбительная насмешка.

Как известно, формы проявления юмора, иронии, сатиры разнообразны. В публицистике они воплощаются в таких традиционных сатирических жанрах, как фельетон, пародия и памфлет. Визуальными формами комического являются шарж и карикатура, которые активно используют издатели газет и журналов (продуктивная работа в лингвистическом исследовании политической карикатуры в русле семиотического направления представлена, напр., в работах М. Б. Ворошиловой [Ворошилова 2007; 2010; 2011]). Е. В. Какорина в качестве характерной для оппозиционных изданий жанровой формы публицистики рассматривает инвективу: «В ряде газет, — пишет ученый, — существуют своеобразные „обзывалки“. Спецификой их коммуникативного задания можно назвать инвективы, основанные на пародировании, обыгрывании имен первых лиц государства» [Какорина 2000: 412]. Об этом же пишет и А. Н. Тепляшина: «Жанровый архетип инвективы — обличительное послание, ради опровержения противника широко использующее нападки на личные его черты, нравственные и интимные качества… Инвектива использует ради оскорбления разнообразные средства негативной оценки — от экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до негативно ориентированной и бранной лексики» [Тепляшина 2000: 55—56]. Одной из жанровых форм современной публицистики, основанной на злой, оскорбительной насмешке, в которую может быть включена инвектива, по нашему мнению, можно считать явление, называемое жаргонным словом *стеб.* Стеб — это ирония, насмешка [БТС 1998]. В «Большом словаре русского жаргона» [Мокиенко, Никитина 2000] отмечено слово *стебать,* ему дается стилистическая квалификация «молодежное» и предлагается следующее толкование: 1) высмеивать кого-либо, что-либо, иронизировать над кем-либо, чем-либо; 2) привлекать кого-либо нарочито шутливым, нетрадиционным поведением. Научное определение стебу как социальному и лингвистическому феномену предлагает в своей монографии Б. В. Дубин. Ученый рассматривает стеб «как разновидность публичного интеллектуального эпатажа, который состоит в провокационном и агрессивном, на грани скандала, снижении любых символов других групп, образов прожективных партнеров — как героев, так и адресатов сообщения — через подчеркнутое использование этих символов в несвойственном им, пародийном или пародическом контексте, составленном из стереотипов двух (точнее, как минимум, двух) разных лексических и семантических уровней, рядов» [Дубин 2001: 163]. Характеризуя разнообразные жанры фельетонного стиля современной российской прессы,

А. Н. Тепляшина пишет: «Учитывая размытость границ между жанрами и стилями, можно говорить о почти незаметном переходе фельетонного стиля в стиль стеба» [Тепляшина 2000: 87].

Итак, одним из эффективных приемов создания комического является стилистическая трансформация, в том числе и трансформация прецедентного визуального текста или его фрагмента. Руководствуясь изложенной выше концепцией, приступим к анализу включенных в структуру газетных публикаций художественных вербально-визуальных образов указанных выше прецедентных плакатных текстов Д. С. Моора и И. Тоидзе. Начнем с юмора как одного из видов комического, отличающегося от других его модификаций добродушием, практическим отсутствием пейоративной составляющей.

В рекламной информации, сообщающей о начале подписки на газету «Вечерняя Казань», репрезентирован в форме дружеского шаржа красноармеец из плаката Д. С. Моора «Ты записался добровольцем?» (рис. 1). Вербальная часть исходного плакатного текста полностью заменена, вместо призывного лозунга периода Гражданской войны в газетной рекламе появляется слоган: «Не жмись, товарищ!». Видоизмененная словесная формула плаката дополняется строчками: «Это очень интересная газета» (Вечерняя Казань. 1995. 11 апр.). В новом контекстном окружении (вербальном и визуальном) в результате столкновения стилистических регистров исходного фрагмента плаката и его трансформированного варианта прецедентный плакатный образ наполняется эмоционально-шутливым созначением, при этом, что немаловажно для рекламного сообщения, побудительная модальность первоисточника сохраняется (за счет жестового кода плакатного героя, побудительной грамматической конструкции замещенного вербального сообщения, прецедентности формы). Юмористическая составляющая рекламной продукции не только смягчает характерную для побудительной модальности категоричность, но и является одним из эффективных средств внедрения в сознание читателя заданной информации.

Перейдем к традиционной жанровой форме публицистики — фельетону. Прежде чем приступить к анализу нашего материала, обратим внимание на работу Л. Г. Кайды «Композиционная поэтика текста», в которой выявляются функционально-стилистические, композиционные признаки фельетона, прослеживается мимикрия этого жанра в современной газетной публицистике. Типологическим признаком жанра фельетона, его родовой чертой, по мнению ученого, является подтекст. Подтекст в фельетоне — категория социальная: он несет в себе оценочную информацию, помогая глубже проанализировать факты, кроме того, он выполняет коммуникативные функции — его задача установить контакт автора с читателем и превратить его, читателя, в единомышленника. Подтекст рассматривается Л. Г. Кайдой как системный элемент всего фельетонного текста, который вычитывается и на уровне композиции в целом, в том числе заголовка, выступающего организующим элементом фельетонного подтекста и своеобразным кодом всего текста. К стилистическим признакам жанра фельетона ученый относит в первую очередь оценочность — объективную, основанную на фактах, и субъективную, фиксирующую чувства пишущего при восприятии фактов; фельетонист, подчеркивает ученый, знакомя читателя со своим собственным восприятием фактов речи, тем самым направляет его реакцию (см.: [Кайда 2011: 76—108]).

Рис. 1

По мнению Л. Г. Кайды, «смена стилистического регистра — плюс на минус — удачный фельетонный ход, способный увлечь читателя» [Кайда 2011: 107]. Рассмотрим с этих позиций статью журналиста А. Королевой «Требуем выдать зарплату в пожарном порядке» (Вечерняя Казань. 1995. 19 сент.). Напечатана статья под рубрикой «Ходоки в редакцию». Образ ходоков связан с центральной темой статьи — плачевным состоянием людей, которые полгода не получают заработной платы. В визуальном тексте (его автор — Ю. Белянчев) тема ходоков воплощается в образе человека, одетого в рубаху и штаны в заплатах, идущего по широкой дороге с сумой на плече. Вдоль дороги размещен современный рекламный щит, на котором изображен штатский человек; он тычет указательным пальцем в сторону ходока и вопрошает: «А ты отдал ужин врагу?» (см. рис. 2). Этот фрагмент рисунка Ю. Белянчева однозначно соотносится с образом красноармейца из плаката Д. С. Моора «Ты записался добровольцем?». Преобразованный плакатный образ выполняет функцию сигнала, подготавливающего читателя к критическому осмыслению информации, заложенной в тексте вербальной статьи, к моделированию смысла.

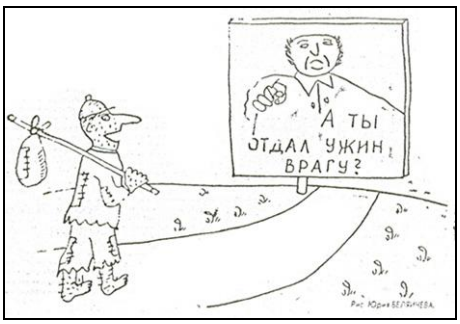

Рис. 2

В вербальном тексте анализируемого журналистского материала мы обнаруживаем антитезу: мы (работники пожарной части № 40 при заводе «Точмаш», работники АО «Газаппарат» — люди, обратившиеся в газету, «ходоки») и они (руководство указанных предприятий; власть). В основном журналистском тексте напряженность отношений между указанными группами выражается при помощи оценочной лексики, иронии на грани сарказма, подчеркиваемой в том числе несобственно-вопросительными предложениями, уточняющими конструкциями: *Пожарные созвали собрание, но никто из руководства к ним так и* ***не соизволил*** *прийти.* ***Очевидно, считают само собой разумеющимся посещать службу из одной только привязанности к рабочему месту»;*** ***«****Наше предприятие считается высокорентабельным. <…> А мы тем временем почти два года работаем с перерывами, зарплату постоянно получаем с длительными задержками…* ***Так из каких соображений котируется наше предприятие в Госкомпромимущества? Или нас одурачивает руководство завода****?; К постоянным задержкам зарплаты мы настолько привыкли, что каждое новое известие о них кажется повторением пройденного. Скорее удивительно, если где-то людям дают ее вовремя. Похоже, что и власти этим не слишком уж удручены. Им куда важнее не допустить безработицы* ***(ведь тогда придется платить пособия)****, поднять в очередной раз „минималку“ (****удивить всю Россию****), отметить очередную годовщину чего-либо (****единство партии и народа).*** Звучание разных голосов (самого журналиста, выражающего свое отношение к описываемым событиям; участников этих событий — работников предприятий и власти; читателей газеты, мнение которых озвучивает журналист: «К постоянным зарплатам *мы* настолько привыкли…») «придает фельетону многозначность и усиливает разоблачительный подтекст» [Кайда 2011: 95].

В визуальном тексте указанная антитеза (базовая мифологическая оппозиция) усиливается: перед нами «проситель» и «хозяин». Во внешнем облике *ходока/просителя* выделены визуальные знаки бедности: босые ноги, заплаты на одежде, сума за плечами. Смысл «хозяин» реализуется побудительной модальностью жестово-мимического кода преобразованного в сытого чиновника прецедентного плакатного героя, эта модальность иррадиирует и на плакатный лозунг, оформленный в виде побудительно-вопросительного предложения, абсурдного по своему содержанию: «А ты отдал ужин врагу?». Ироничный подтекст визуального сообщения формируется за счет трансформации плакатного образа, в результате динамики преобразований **обобщенного** образа, а именно контраста образов красноармейца-идеалиста и чиновника-хозяина (руководства завода, управления государственной пожарной службы, власти). Задача журналиста — вскрыть общее в отдельных фактах; этой задаче и подчиняется визуальный образ, призванный выразить пороки современного общества, подчеркнуть их типичность. Не случайно автор статьи пишет: ***Как правило****, повод, с которым люди обращаются в газету, разнообразием не балует: или невысокая плата зарплаты или объявление забастовки в связи с ее невыплатой.* ***Вот и вчера…*** *<…>* ***Или вот****…*

Трансформация образа плаката Д. С. Моора в пространстве газетного дискурса может предполагать и динамику изменения первоначального образа: каким был и каким стал, во что превратился. За этой хронологической качественной динамикой просматривается изменение общественно-политического, экономического уклада страны. Несомненно, что плакат является лишь «указателем» на затекстовую действительность, совокупностью дейктических средств, структура и иерархия которых обеспечивает эффективность плаката [см.: Сорокин, Тарасов 1990: 183]. Трансформация исходных плакатных образов в газетно-журнальных текстах объясняется не только интенцией отправителя сообщения, но и изменением затекстовой действительности, которую уточняет вербальный текст журналистской статьи. Но «принцип однозначности» плакатного жанра (однозначная оценочная «поляризованность» плакатного образа) сохраняется, правда, в новом контексте происходит оценочная метаморфоза, обусловленная прагматическими задачами.

Как видим, в процессе переноса плакатного образа в пространство газетного текста в первичном текстовом фрагменте произошла трансформация характера изображения, изменилось идейно-оценочное настроение цитируемого прецедентного текста: патетическое превратилось в сатирическое, что отразилось в форме репрезентации персонажа плакатного текста (красноармеец — чиновник). Грань между хорошим и плохим, как это положено плакатному искусству, по-прежнему однозначна, но влияние постмодернистской парадигмы с ее игровой, карнавальной стихией, когда «всё подвергается озорным превращениям» [Сметанина 2002: 87] налицо. Эта игра поддерживается (и в какой-то мере задается) плакатным лозунгом, который меняется в соответствии со смысловой парадигмой двух текстов — визуального и вербального текста основной журналистской статьи. Таким образом, прецедентный вербально-визуальный образ становится одним из важных прагматически заряженных коммуникативных компонентов фельетонного текста, организующих его подтекст. Единство вербального и визуального текстов обеспечивается общей смысловой программой, заданной интенцией отправителя сообщения, и соответственно общей коммуникативной задачей — формированием негативного отношения к существующей прак-

тике социального взаимодействия так называемых «верхов» и «низов».

Итак, стилистическая трансформация первичного прецедентного вербально-визуального текста происходит под воздействием заданной авторской интенцией смысловой программы журналистского вербального текста, при этом и сам плакатный текст влияет на способы декодирования эксплицитной и особенно имплицитной журналисткой информации. Весь процесс когнитивной обработки нового информационного продукта, совмещающего в себе вербальные и визуальные коды, коды искусства и публицистики, культурные коды эпох предполагает их наложение, совмещение. В результате рождается новое сообщение, способное эффективно управлять сознанием воспринимающего его читателя.

По мнению Л. Г. Кайды, «сейчас, — хочется верить, что не навсегда, — писать о фельетоне равнозначно писать историю жанра» [Кайда 2011: 79]. «Газеты сами по себе становятся другими, и публицистика осваивает новые темы, новый язык, новые авторские неидеологизированные проявления собственного „я“. Фельетон как таковой — в традиционном своем проявлении — почти исчезает с газетных страниц, — считает Л. Г. Кайда. — Он не востребован, потому что критика обретает другую тональность и другие адреса — больше автору не к кому апеллировать, не с кого спрашивать» [Кайда 2011: 100]. В связи с этим обратим внимание на другой, не менее популярный первоисточник, на который постоянно ссылаются современные издатели, — плакат И. Тоидзе «Родина-мать зовет!».

В основе этого плаката лежит архетипический, бессознательный и коллективный образ родины-женщины, родины-матери. Трансформированный художественный образ этого плаката сопровождает статью Д. Беляковой «Культ КТУЛХУ. Образовательная страничка в рамках религиозного воспитания» в молодежной газете «Х-фактор» (2008. февр.). Статья представляет из себя компиляции, т. е. вербальные и визуальные выборки из интернет-материалов на заданную тему. Материал написан в ироничном ключе, среди лингвистических средств, создающих необходимую стилистическую атмосферу, игра со шрифтом (применение так называемых эрративов): *Ктулху зохаваит фсех!,* — использование окказионализмов (например, *культисты* — ‘адепты культа Ктулху’), стилистический контраст (использование просторечных, жаргонных единиц и даже (увы!) матерного слова вместе с единицами книжного стиля — книжной лексикой, терминов, некоторых грамматических форм, характерных для книжного стиля), фрагменты стилистических пародий на тексты официально-делового, научного стилей, на художественные тексты жанра фэнтези и т. д.

Стилистический контраст языковых средств подчеркивается включенным в структуру журналистского сообщения вербально-визуальным текстом плаката, а именно контрастом стилистических регистров первоисточника (плаката И. Тоидзе) и его трансформированного газетного варианта: во-первых, происходит замещение лозунга плаката, страстный призыв защищать Родину от фашистских захватчиков («Родина-мать зовет!») превращается в «Ктулху — зовет!», а включенный в плакатное пространство текст присяги заменяется магическим заклинанием, написанным на несуществующем языке. Во-вторых, налицо искажение стержневого плакатного визуального образа матери (символа Родины): он превращается в чудище Ктулху, которое, как пишет журналист, «имеет голову с щупальцами», что и отражается в визуальном тексте (см. рис 3). В результате перечисленных трансформаций происходит резкое снижение регистра плакатного образа, осмеяние его архетипической составляющей, последняя же, по мнению К. Г. Юнга, «обладает неодолимой, принуждающей силой, идущей от бессознательного» [цит. по: Зеленский 2008: 45]. Итак, перед нами особый вид агрессивно-пародической коммуникации — стеб. В основе этого вида коммуникации лежит обессмысливание культурных ценностей, вызванное дефицитом универсальных смысловых ориентиров. По мнению ученых, подобная форма самопознания и самодемонстрации была внесена в массово-коммуникативную сферу России на вполне определенной фазе коллективного существования страны, а именно после «спада» волны всеобщей идеологической вовлеченности. «Так или иначе, за первую половину 1990-х гг. печатный стеб соединился с разоблачительством, — пишет Б. В. Дубин. — А получившаяся культурная форма быстро инфильтрировала в массовые печатные каналы и средства аудиовизуального вещания…» [Дубин 2001: 167]. Действительно, идея разоблачительства первоначально роднила этот вид коммуникации с сатирическими жанрами публицистики, но современные газетно-журнальные материалы, в которых используется этот прием, не всегда отличаются обличительной направленностью; нельзя не признать справедливость мнения Б. В. Дубина: «На данной социокультурной границе и за ее пределами собственно „стеб“ как явление уже растворился, стерся. Он потерял свою первоначальную функциональную нагрузку и даже первичную символическую форму, соединившись с гораздо более общими механизмами негативной идентификации в структуре постсоветского общества и конструкции постсоветского человека» [Там же].

Голос автора статьи сливается с голосами создателей соответствующих сайтов в Интернете, из которых почерпнут материал, завершающая материал строка, представляющая собой стилизацию общего ироничного тона использованных журналистом интернет-источников, возможно, должна служить тому доказательством: *Великая благодарность средствам*

Интернета, использованным при подготовке материала. Анализируемая публикация отражает достаточно тревожную тенденцию в современном российском обществе: рождение нового поколения молодых людей, не имеющих каких-либо определенных моральных ориентиров, не верящих в социальную справедливость и прочие идеологические атрибуты государственности (см., напр.: *Культ „Ктулху Зохаваит Фсех!“ обладает совершенной утешающей мощностью, так как все несправедливости и лишения теряют свое значение рядом с тем, что Ктулху Зохаваит Фсех!; Культ „Ктулху Зохаваит Фсех!“ обладает абсолютной объединяющей силой. Все войны и прочие конфликты становятся необязательными, ведь независимо от того, кто победил, а кто проиграл — Ктулху Зохаваит Фсех!* и т. д.), что в конечном итоге порождает идеологию безразличия ко всему, кроме удовлетворения собственных потребностей. Тревожат и результаты проведенного нами социологического опроса — по мнению части молодых людей, ничего оскорбительного в публичном искажении плакатного символа Родины нет: «Да эту Родину все продали давно. Все, кому не лень!».

Авторская позиция осталась за текстом. Если признать, что «производство символических дистанций от всего и всех, больше того — демонстрация этого обстоятельства ... в данном случае выступает для членов группы своеобразным ритуалом солидарности (а стеб — паролем, визитной карточкой, входным талоном)» [Дубин 2001: 165], то, несмотря на внешнюю отстраненность автора, выбора им маски наблюдателя и ретранслятора информации, следует, вероятно, признать, что голос журналиста вольно или невольно сливается с голосами любителей публичного интеллектуального эпатажа, автор становится одним из них. В таком случае можно говорить о том, что в рассматриваемом примере иронический подтекст вычитывается в стилистических контрастах, в вербальных и визуальных пародиях, но он не поддерживается социальной оценкой явления, пафос обличения, разоблачения отсутствует. Предположим, что такая задача автором и не ставилась, у него была другая задача — пошутить, поиронизировать по поводу. Ирония — одна из ведущих интонаций стеба, но родовыми признаками этого вида коммуникации следует признать агрессивно пародийную сущность (в нашем случае отраженную в стилистике визуального текста) и ее коммуникативно-функциональную неоправданность. Если сатира — это уничтожающее осмеяние, резкое *обличение* явлений, которые представляются автору *порочными*, то современный стеб — это уничтожающее осмеяние всех и вся, основанное на нигилизме.

Но хочется верить в другое. По мнению Г. Я. Солганика, «о чем бы ни писал публицист, он всегда выступает как человек социальный», и какие бы «речевые маски» он ни использовал, «в публицистике все ипостаси автора — это разновидности реальной, подлинной личности», выражающей свое отношение к действительности [Солганик 2005: 17—18]. Хочется надеяться, что автор, как и положено журналисту (в принципе, этого требовала некогда и сама рассматриваемая коммуникативная культура), при помощи визуального текста разоблачает пороки современного общества. Но в таком случае возникает вопрос: «А оправдывает ли себя средство?».

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русского языка = БТС / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998.

Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе// Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73—78. URL: www.Philology.ru/lingvistics1/voroshilova-07bhtm (дата обращения: 15.06.2009).

Ворошилова М. Б. Алексей Леонидович, нащупали дно?: Прецедентное имя в политической карикатуре о мировом кризисе// Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 61—63. URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling33/ling33_7.pdf (дата обращения: 09.04.2011).

Ворошилова М. Б. У разбитого корыта. Культурный прецедентный текст в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 126—129. URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling35/ling35_15.pdf (дата обращения: 12.05.2011).

Дубин Б. В. Кружковый стеб и массовые коммуникации: к социологии культурного перехода // Дубин Б. В. Слово — письмо — литература : очерки по социологии современной культуры. — М. : НЛО, 2001. С. 163—174. URL: http://cognitiv.narod.ru/confer.html ; http://ec-dejavu.ru/s-2/Steb.html (дата обращения: 10.12.2011).

Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии (с английскими и немецкими эквивалентами). Изд 3-е, испр. и доп. — М. : Когито-Центр, 2008.

Игошина Т. С. Метафора как средство художественной выразительности плакатного искусства // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 17 (155). Филология. Искусствоведение. Вып. 32. С. 134—140.

Кайда Л. Г. Композиционная поэтика текста. — М. : Флинта : Наука, 2011.

Лотман Ю. М. Семиосфера : (Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968—1992)). — СПб. : Искусство—СПБ, 2000.

Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3 (15). С. 202—207. URL: http://rfp.psu.ru/archive/3.2011/mardieva.pdf (дата обращения: 20. 09.2011).

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб. : Норинт, 2000.

Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002.

Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики / сост. Г. Я. Солганик.—М. : Флинта : Наука, 2005. С. 13—31.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М. : Наука, 1990. С. 180—186.

Тепляшина А. Н. Сатирические жанры современной публицистики : учеб. пособие для студентов ф-та журналистики. — СПб., 2000.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 811.161.1'27
ББК Ш141.2-7 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 23.00.01; 10.02.19*

В. С. Мартьянов
Екатеринбург, Россия

ДИСКУРС ЦИТИРОВАНИЯ В РИТОРИКЕ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ

Аннотация. *Анализируются закономерности и особенности цитирования моральных и интеллектуальных авторитетов в программных документах российских политических элит (послания Президента РФ, программы политических партий и др.).*

Ключевые слова: *политическая риторика; дискурс; послание; авторитет; цитирование; легитимация; здравый смысл; программа.*

Сведения об авторе: *Мартьянов Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, ученый секретарь.*

Место работы: Институт философии и права УрО РАН.

Контактная информация: *620990, Екатеринбург, ул. С.Ковалевской, 16, оф.904.*
e-mail: martianovu@yandex.ru

V. S. Martyanov
Ekaterinburg, Russia

RHETORIC OF RUSSIAN ELITES: THE CITING DISCOURSE

Abstract. *The article analyzes the regular and specific traits of citing process: the usage of moral and intellectual leaders in the official texts and documents of the Russian political elites (namely presidential addresses, political parties programs, etc.).*

Key words: *political rhetoric; discourse; address; authority; citing; legitimating; common sense; program.*

About the author: *Martyanov Victor Sergeevich, Candidate of Political Sciences, Assistant Professor, Scientific Secretary.*

Place of employment: Institute of Philosophy and Law of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch).

В условиях отказа от жесткой идеологической детерминации общественных наук, характерной для советского периода, поначалу казалось, что они могут существовать автономно от власти, так, чтобы конкуренция идей и публичные дискуссии приводили к независимости научных истин от давления власти. Однако период эпистемологического анархизма постсоветского обществознания оказался недолгим. В условиях свертывания публичной политики и открытой политической борьбы политической режим стал проявлять все большую заинтересованность в своей легитимации научными кодами. Одним из способов приобретения символического капитала, связанного с попыткой власти опереться на научные концепции и духовные авторитеты, является цитирование. Знание о том, кого «в свою пользу» цитирует власть, позволяет проанализировать, какие идеологические концепции политический истеблишмент считает для себя идейно близкими, на кого из исторических и современных деятелей опирается новейший российский политический режим, легитимируя свои решения. В ходе анализа мы сознательно абстрагировались от скрытых цитат и отсылок, принимая во внимание лишь упоминания мыслей, идей, концепций одновременно с их авторами.

Послания Ельцина. Ключевым элементом текстовой базы исследования явились ежегодные послания Президента РФ Федеральному собранию России. Следует отметить, что послания Президента РФ Б. Ельцина 1994—1999 гг. содержат лишь две явные ссылки на авторитет известных интеллектуалов, призванные придать дополнительный вес словам главы государства. В послании-1996 это Петр Столыпин: *Настоящая свобода, по меткому замечанию П. А. Столыпина, „слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма“* [Послание Президента РФ. 23.02.1996]. Последнее послание Б. Ельцина, озаглавленное как «Россия на рубеже эпох», при всех своих обобщениях содержит лишь одно явное упоминание «мыслей великих». (За исключением напоминания, что 1999 — год 200-летия А. С. Пушкина). Это ссылка на А. И. Солженицына: *Не стоит выдумывать абстрактные национальные идеи. Реальной национальной задачей становится, как это точно выразил А. И. Солженицын, „сбережение“ народа* [Послание Президента РФ. 30.03. 1999]. Почти дословно эта ссылка содержится и в послании-2006 В. Путина.

Очевидно, что главной причиной отсутствия ссылок и цитат в посланиях Ельцина является идеологическое поражение и идейный кризис советского обществознания, ориентированного на научный коммунизм, исторический и диалектический материализм. Эта система утратила символический капитал вместе с тем политическим строем, который она легитимировала. Соответственно обращение к постулатам «вчерашних» теорий и авторитетов являлось просто неуместным в ситуации формирования новой социальной реальности, опровергнувшей прежние авторитеты, теории и постулаты.

В частности, в послании-1996, начинающемся с краткого изложения новейшей истории России, аргументируется неизбежность и закономерность краха «советской системы», которую не могли спасти ни перестройка, ни ускорение. На фоне грядущих судьбоносных выборов президента России 1996 г., когда во второй тур вышли Ельцин и лидер КПРФ Зюганов, российское общество в результате шоковых реформ и либерализации цен все сильнее охватывала ностальгическая тоска по СССР. Реванш коммунистов казался реальным. Для дискредитации дискурса «советской реставрации»

© Мартьянов В. С., 2012

Б. Ельцин в послании-1996 приводит следующие документальные авторитетные «цитаты», призванные напомнить россиянам о негативных сторонах жизни в СССР, о том, что возврат к прошлому невозможен: *Уже после начала „ускорения“, 9 июля 1986 года, экономический отдел ЦК КПСС сообщал: „В июне с. г. участились случаи несвоевременной выплаты заработной платы рабочим и служащим... Сигналы о неблагополучии положения с выплатой заработной платы поступили в экономический отдел ЦК КПСС с Украины, Молдавии, Латвии, Литвы, из многих областей РСФСР. Разрядить обстановку удалось за счет дополнительного выпуска денег в обращение“….* [Послание Президента РФ. 23.02.1996]. *В феврале 1990 года секретарь Читинского обкома КПСС обращался к М. С. Горбачеву: „В этом году обеспечение потребностей области в мясе и молокопродуктах резко ухудшилось, на эти продукты ссуд не выделено, введена талонная система распределения…В дальнейшем для отоваривания по таким нормам ресурсов нет. Объяснить сложившееся положение жителям городов, рабочих поселков, шахтерам, лесникам и металлургам становится невозможным“* [Там же]. *Председатель Госбанка В. В. Геращенко в секретном письме М. С. Горбачеву жаловался на то, что, работая в три смены, Гознак просто не успевает печатать деньги* [Там же].

Послания Ельцина свидетельствуют, что переходный период 1990-х гг. еще не дал отчетливых идеологических авторитетов и ориентиров для представителей высшей власти, чувствовавших себя пионерами-первопроходцами, которые несут обществу новые истины, не имеющие аналогов в российской истории. В политике, экономике, обществознании царил хаос и межвременье, какая-либо стройная иерархия теорий и авторитетов просто отсутствовала.

Послания Путина. Послания Президента РФ Владимира Путина 2000—2007 гг. также не содержат ни определенного идеологического кода, ни четкой системности в опоре на объединяющих нацию моральных авторитетов. Представляется, что в исторический период СССР как «догоняющего модерна» привычные идеологии еще отражали социально-политическую реальность модерна, индустриального общества, стратифицированного по социальным классам. После краха СССР и биполярной системы в глобальном масштабе произошло не что иное, как «индивидуализация общества» (в терминологии З. Баумана). В потребительском обществе на смену группам интересов приходят группы населения. Привычные идеологии и социальные группы фрагментируются. Соответственно растет эффективность риторики, связанной с технологиями популизма, вместо классической идеологической интеграции с позицией того или иного «классового интереса», претендующего на общезначимость.

Подобная тенденция отражена в посланиях В. Путина. Он оперирует не идеологиями, но более приземленным, самоочевидным уровнем здравого смысла. Из-за идеологической неопределенности тексты посланий неизбежно превращаются в своего рода апологию здравого смысла. При этом многие самоочевидности посланий оказываются в итоге вовсе не очевидны; сравним две цитаты: **2000 г.** *…И не нужно специально искать национальную идею. Она сама уже вызревает в нашем обществе…* [Послание Президента РФ. 08.07.2000]. **2007 г.** *…У нас с вами, в России, есть еще такая старинная русская забава — поиск национальной идеи. Это что-то вроде поиска смысла жизни. Занятие в целом небесполезное и небезынтересное. Этим можно заниматься всегда и — бесконечно. Не будем сегодня открывать дискуссию по этим вопросам* [Послание Президента РФ. 27.04.2007].

С одной стороны, президент России задает курс на естественное образование консолидирующих ценностей в российском обществе, с другой — национальная идея или интегрирующая идеология так и не родились сами собой за весь период после СССР. Поэтому закономерно, что, так и не дождавшись ее естественного возникновения, президент меняет тактику, заявляя, что эта «русская забава» не особо России и нужна, можно вообще обойтись без нее. Это затруднение отражает общемировую проблему, связанную со все менее эффективной возможностью репрезентации современных обществ потребления в классических идеологических категориях эпохи модерна. В результате идеологическая архитектура посланий начинает сводиться к ситуативному прагматизму и технократическим методам убедительности, выраженным в эконометрических референциях: удвоение ВВП, повышение зарплат, снижение инфляции, индексация пенсий и пособий и т. п.

Кроме того, стратегический недостаток идеологии восполняется через апелляцию к немногочисленным и разрозненным авторитетам, на чьем символическом капитале зиждется здравый смысл и прагматизм в современной российской политике. При этом следует учитывать, что здравый смысл не может быть отделен от интересов гегемона, а идеологическая сущность прагматизма обусловлена в первую очередь его вторичностью и контекстуальностью, готовностью менять политические приоритеты в зависимости от меняющихся обстоятельств. На этот закономерный вопрос отчасти пытается ответить в своей статье глава МИД РФ С. Лавров: *Приходится слышать и упреки в отсутствии идеологии, на что де указывает заявленный нами внешнеполитический прагматизм. Но прагматизм — это не беспринципность. Просто мы идем от жизни, от реальных нужд страны и ее граждан. Россию вполне устраивает идеология здравого смысла* [Лавров 2007: 12].

В посланиях президента Путина из восьми обращений к духовным авторитетам три ссылки приходятся на послание-2005, в котором глава государства впервые обращается к цитированию. Президент России в качестве близких по духу исторических альтер эго упоминает общественных деятелей конца XIX — начала XX в.: П. Столыпина, И. Ильина, С. Витте и Л. Петражицкого. Симптоматично, что современная российская элита подчеркивает свою символическую историческую преемственность, черпая позитивные образцы для сравнения именно во временах распада Российской империи накануне Октябрьской революции, в «последних временах». В 2006 г. президентом упомянуты сразу четыре «авторитета»: Ф.-Д. Рузвельт, И. А. Ильин, Д. С. Лихачев, А. И. Солженицын. В 2007 г. в связи со 100-летним юбилеем и годом русского языка в послании был повторно процитирован Д. С. Лихачев. За весь период 2000—2007 гг. прижизненного цитирования удостоился только один лидер общественного мнения советских времен — А. Солженицын — с его известным «сбережением народа».

Послания Медведева. Важным подтверждением наличия дефицита легитимности становится способ и характер селекции авторов, которые играют в посланиях роль моральных авторитетов и ориентиров всей нации, репрезентирующих ее культурный и интеллектуальный капитал, наивысшие достижения, имеющие безусловную мировую значимость. Набор авторитетов, на которых опирается президент Д. Медведев, оказывается примерно тем же, что и у Путина — государственные деятели и ученые периода заката Российской империи. Приведем примеры.

Послание-2008: *И хотел бы привести слова Петра Столыпина… И, как справедливо заметил еще дореволюционный специалист по государственному праву Николай Коркунов…* [Послание Президента РФ. 05.11.2008]. *В праве, как известно, следует видеть не только продукт практической пользы, а „условие истинно человеческого существования“, когда-то утверждал известный русский правовед Борис Чичерин* [Там же]. *…нельзя забывать слова известного экономиста Василия Леонтьева…* [Там же].

Послание-2009: *В своё время французский учёный Луи Пастер очень точно заметил… Как справедливо когда-то заметил известный экономист Василий Леонтьев…* [Послание Президента РФ. 12.11.2009].

Послание-2010: *Простая идея, но, на мой взгляд, весьма симпатичная, — рассказать, кто из наших знаменитостей, составляющих славу России граждан, был третьим ребенком в семье. Среди них Николай Некрасов, Антон Чехов, Юрий Гагарин, Анна Ахматова* [Послание Президента РФ. 30.11.2010]. *„Школьные учителя обладают властью, о которой премьер-министры могут только мечтать“, — говорил когда-то Уинстон Черчилль…* [Там же]. *„Не воспитывая себя, сложно воспитать своих детей“, — отмечал еще Лев Толстой…* [Там же].

К упомянутому Путиным Рузвельту добавляется Черчилль. Оба политика продолжают (в отличие от Сталина) оставаться авторитетными примерами для российского руководства и обладают для российской власти гораздо большим интеллектуальным капиталом и символической состоятельностью, нежели любые российские исторические предшественники. Из фигур советского периода упоминается лишь Ю. Гагарин, причем не как символ российского космического первенства, а лишь как один из «третьих» детей в семье. Таким образом, по простейшему принципу «от противного» формируется механическая альтернатива бывшей советской версии отечественной истории. Время накануне распада Российской империи предстает как фаза наивысших достижений в российской истории, прерванная «случайной» революцией.

Интересным направлением изменения принципов цитирования является то, что в 2009 г. президент Медведев впервые в своем послании обращается к народным инициативам, призванным подтвердить прямую обратную связь высшей власти с нуждами и чаяниями не абстрактного населения, а конкретных людей, что призвано придать дополнительную убедительность тезисам президента. Обращение к прямым инициативам реальных граждан объединяет Медведева с популярным дискурсом публичных речей европейских и американских политических лидеров, стремящихся подчеркнуть демократические и эгалитарные основания своих политических режимов: *В одном из откликов, который я получил на известную статью* [«Россия, вперёд!»], *— он пришел из Серпухова — указывается, что внедрение таких технологий, в частности так называемого электронного правительства, существенно ослабит проблемы с коррупцией, позволит избавиться от стояния в очередях, от траты денег и времени. Это, очевидно, так* [Послание Президента РФ. 12.11.2009]. *Есть одна идея, она пришла из Алтая: предлагается создавать прямо на базе современных вузов бизнес-инкубаторы* [Там же]. *Кстати, многие люди, которые прислали отклики по моей статье, так и писали, так и указывали, что наши соотечественники-ученые, которые работают за границей, могли бы составить значительную часть экспертного сообщества…* [Там же]. *На одной из моих встреч с учителями ими было правильно замечено: „Хватит уже переставлять ударения в словах, надо заняться реальными проблемами, которых в нашей стране достаточно“…* [Там же].

Контрастный пример: обращение к нации Джорджа Буша. Весьма любопытным оказывается сопоставление принципов и подходов к

цитированию в российской и американской традициях обращений президентов к народу. Эти принципы схожи в техническом выборе цитат, призванных подтвердить выводы и курс действующих президентов. Различие появляется в том, *кого и зачем* цитируют. Если российские президенты обращаются к известным духовным лидерам и интеллектуалам, то Джордж Буш в своих посланиях воспроизводит мифологию голоса простого человека, которым говорит объективная политическая истина. Кроме того, для американского президента характерно игнорирование в своих посланиях неамериканцев, которые цитируются обычно лишь для их демонизации, как, например, в послании-2007: *Послушайте, чем угрожал покойный террорист Заркави: „Мы прольем кровь и принесем в жертву себя для того, чтобы положить конец вашим мечтам, и что наступит, будет еще хуже“. А вот что заявлял Усама бин Ладен: „Смерть лучше, чем жизнь на этой земле среди неверных“.* [Обращение Президента США Д. Буша. 23.01.2007].

Характерно, что в качестве авторитетов Джорджем Бушем упоминаются не кабинетные интеллектуалы, а президенты США и исторические лидеры нации, в том числе и представители противоположного Бушу демократического лагеря: *Американские лидеры — от Рузвельта и Трумана до Кеннеди и Рейгана — отвергали изоляцию и отступление, потому что они знали, что Америка всегда находится в большей безопасности, когда идет марш свободы… Линкольн мог бы достичь мира ценой разъединения и сохранения рабства. Мартин Лютер Кинг мог бы остановиться в Бирмингеме или Сельме и довольствоваться лишь полупобедой над сегрегацией. США могли бы согласиться на постоянное разделение Европы и оказаться соучастником угнетения других народов. Сегодня, пройдя столь долгий путь в своем историческом развитии, мы должны решить, что нам делать — возвращаться назад или двигаться вперед и завершить начатое?* [Обращение Президента США Д. Буша. 31.01.2006].

В посланиях Буша ощущается прежде всего традиция и дух религиозной, протестантской риторики, пронизанной глобальным мессианизмом американского народа. Здесь меньше российского византизма и изощренности, но больше религиозной прямолинейности. Это довольно простая популистская риторика, построенная по канону телевизионных мыльных опер и адресованная напрямую американским массам (обращение к нации), а не парламентариям и правительству (российское послание Президента РФ Федеральному собранию РФ). Вот, например, как незамысловато и прямолинейно в риторике идеологического оправдания действий правящих элит, связанных с интервенцией США в Ирак, используются в послании ссылки на убеждения «простого» человека, как бы персонифицирующего собой моральные убеждения нации: *Штаб-сержант морской пехоты Дэн Клей был убит в прошлом месяце в бою с противником в Фаллудже. Он оставил письмо своей семье, но его слова точно так же могли быть адресованы каждому американцу. Вот что писал Дэн: „Я знаю, что такое честь. Честью было защищать и служить всем вам. Я сталкивался лицом к лицу со смертью, твердо зная, что вам это не грозит… Никаких колебаний! Твердо чтите и поддерживайте тех из нас, кому выпала честь защищать то, что стоит защищать*“… [Там же].

В ПОИСКАХ НОСИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В. СУРКОВА. Помимо программных текстов посланий президента РФ были проанализированы тексты и выступления заместителя главы Администрации Президента РФ Владислава Суркова, ответственного за концептуализацию российской «национальной идеи» в актуальный период. Эти тексты ориентированы на прояснение общих идеологических основ актуальной российской политики. Именно Сурков наиболее последовательно в Кремле пытается сформулировать интегральные подходы к национальной идее взамен модернистских идеологий, а также сформировать общую концепцию российской политической истории и определить в ней место современного политического режима.

В методичке В. Суркова «Основные тенденции и перспективы развития современной России» собраны его размышления по поводу актуальных политических процессов, суммируемые понятием «суверенной демократии». Сурков ссылается на авторитетных в актуальном официальном политическом дискурсе диссидентов советского периода — Н. Бердяева, И. Ильина, И. Бродского. Характерно, что именно эмигранты советского периода выбраны для того, чтобы подчеркнуть своеобразие и уникальность России: *Николай Бердяев, еще в начале прошлого века говорил: „Необходимо стремиться к свободному и справедливому обществу. Без свободы не может быть никакой справедливости. Справедливость требует свободы для всех людей“. Это русская мысль, она нами не заимствована ни у Маркса, ни у Гегеля… Иван Ильин еще в 40-х годах XX в. предвидел крушение советской власти и пытался описать то, что произойдет после этого… Великий русский поэт Иосиф Бродский в работе „Взгляд с карусели“, 1990 год писал: …торжество всегда будет национальным, то есть по месту прописки победителя...* [Сурков 2006: 5—14].

Наиболее богат отсылками к авторитетам текст Суркова «Русская политическая культура»: *Приведу удивительное по краткости и глубине определение Ивана Ильина… Что-то похожее находим и у Бердяева… О том же у Трубецкого… Иосиф Бродский писал о „русском хилиазме“, предполагающем „идею пере-*

мены миропорядка в целом“ и даже о „синтетической (точнее, неаналитической) сущности русского языка“… Выдающийся американский политический мыслитель Дж. Кеннан еще в 1951 году писал… автор концепции постиндустриального общества Дэниел Белл недавно предсказал… Герцен о разногласиях славянофилов и западников…[Сурков 2007: 17—22].

Парадоксальным образом Сурков ссылается в своих текстах прежде всего на авторитет российско-советских эмигрантов от Герцена до Бродского — на людей, которые не участвовали в принятии реальных политических решений и чьи политические идеи и положение во многом были маргинальны и периферийны для своего времени. Все приведенные цитаты имеют технический характер, будучи направлены не столько на представление собственных концепций цитируемых авторов, сколько на контекстуальное подтверждение тех или иных тезисов Суркова.

При этом именно западные интеллектуалы (Голдман, Кеннан, Белл) выбраны для легитимации тезисов о самобытности и уникальности России и того факта, что политический курс, которым она следует, является для России «аутентичным» и единственно правильным. С помощью цитат Сурков подчеркивает, что при всей глобальности таких политических ценностей, как капитализм, демократия, права человека, каждая страна может реализовать их эффективно в институциональном плане только по национальным рецептам. И эти рецепты должны быть выработаны в самой стране, а не где-то снаружи, механический перенос институтов неэффективен.

Моральные авторитеты в программах российских политических партий. В контексте легитимирующих опор политического режима весьма интересен и анализ программ ведущих российских партий, хотя партии так и не смогли стать костяком российской политической системы, уступив эту роль вертикали исполнительной власти. На предмет цитирований были изучены программные документы наиболее влиятельных партий, как представленных в Госдуме РФ, так и входящих в немногочисленный список партий, зарегистрированных ЦИК РФ: «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР, «ЯБЛоко», «Патриоты России», «Правое дело» [Сайт ЦИК РФ].

В ходе анализа выяснилось, что в программных документах и материалах съездов партии «Единая Россия» не содержится ссылок на духовных авторитетов, представителей обществоведения и известных российских интеллектуалов, а сама повестка этих документов максимально приземлена и «оцифрована» всевозможными количественными показателями планов развития и грядущих производственных успехов. То же самое относится к программе «Справедливой России» [Программа «Справедливой России»], состоящей из популистских лозунгов и обещаний, но не обладающей какой-либо идеологической целостностью. Не содержат цитирований духовных лидеров и программные документы «Патриотов России» [Программа «Патриотов России»], «ЯБЛока» [Программа «ЯБЛока»] и «Правого дела» [Программа партии «Правое дело»]. Все три партии объединяет то, что их программные документы не имеют четко выраженного и персонифицированного в каких-либо исторических и современных влиятельных фигурах идеологического облика. Поэтому содержание программ партий, если не смотреть на обложки с названиями, сливается почти до неразличимости. Программы и манифесты сформулированы в максимально широком популистском ключе, по принципу «мы за все хорошее и против всего плохого», что характерно для любых политических структур, создаваемых не по партийному принципу, а в качестве универсальных электоральных машин, нацеленных не столько на стратегические изменения общества, сколько на тактические победы на выборах.

«Союз правых сил» в своей партийной программе предполагает, что *идея правового государства присутствовала в замыслах и практике российских реформаторов девятнадцатого столетия — от Михаила Сперанского до Александра II. Фундаментальная ценность гражданских свобод осознавалась и пропагандировалась великими представителями российского либерализма — Борисом Чичериным и Владимиром Соловьевым. В начале двадцатого века российский конституционализм имел своих блестящих выразителей в лице Петра Струве и Павла Милюкова. А российская государственность — двух выдающихся реформаторов: Сергея Витте и Петра Столыпина* [Программа СПС].

Наконец, в программе ЛДПР кратко и емко, но совсем неоригинально утверждается, что *в основу идеологии новой России надо положить труды замечательного русского религиозного философа — Ивана Александровича Ильина* [Программа ЛДПР].

Парадоксально, но набор авторитетных государственных деятелей и ученых у оппозиционных партий — СПС и ЛДПР — фактически полностью совпадает с тем, которым оперирует официальный дискурс Кремля.

Программа КПРФ является единственной, в которой выстраивается традиционная для модернистских идеологий модель политической истории, не ограниченная сиюминутным контекстом. Это система идеологического объяснения происходящих в российском обществе социально-политических и экономических процессов. Ссылки на классиков у КПРФ достаточно предсказуемы, причем программа партии в своем дискурсе ориентирована, в отличие от документов прочих политических сил, именно на советское символическое наследие. Причем в этом периоде истории указываются и пози-

тивные, и негативные авторитеты: *Полный, по выражению В. И. Ленина, социализм мы определяем как свободное от эксплуатации человека человеком бесклассовое общество, распределяющее жизненные блага по количеству, качеству и результатам труда... Без крестьянских войн Разина и Пугачева, без восстания декабристов, деятельности Герцена и Чернышевского не пало бы крепостное право… При широкой поддержке партийных масс и общества в 1983 году Ю. В. Андропов начал перестройку управления народным хозяйством, демократизацию государственной и общественной жизни… За предательство партии, за игнорирование национальных интересов, за разрушение нашего Отечества личную ответственность несут Горбачев и Яковлев, Ельцин и Шеварднадзе…* [Программа КПРФ].

Заключение. Анализ ссылок на легитимирующие авторитеты в значимых политических текстах российских элит позволяет сделать ряд выводов. Советские философы и обществоведы, как и современные российские, из-за отсутствия у них символического капитала внутри и вне страны в принципе не цитируются высшей российской властью. Региональные политики в своих публичных речах цитируют, как правило, лишь Президента РФ, пользуясь его популярностью и представляя любую свою инициативу на местах как реализацию «плана Путина — Медведева».

Поскольку на современную российскую политическую риторику влияет фактор необходимости психологической компенсации от потери имперского наследия и отказа от мировой миссии СССР, российским элитам свойствен соблазн великодержавной и националистической риторики, связанный с обманчивой легкостью апологии «своего пути» России. В то же время остается неясным, почему для обоснования подобной позиции выбираются либо эмигранты, либо диссиденты, либо зарубежные интеллектуалы, которые наблюдали и наблюдают Россию как раз издалека и «извне», не будучи включены в реальные политические процессы.

Цитирование в тестах программных президентских посланий 1994—2010 гг. в целом носит ситуативный характер. В качестве духовных лидеров в посланиях Ельцина — Путина — Медведева упоминаются люди из разных политических эпох и лагерей. В основном набор ссылок и цитат ограничен деятелями второй половины XIX — начала XX в. как «золотого века» России, такими, как П. А. Столыпин, С. Ю. Витте, Б. Н. Чичерин, Л. И. Петражицкий, Н. М. Коркунов, И. А. Ильин и др. Это государственные деятели и ученые, которые в конце концов проиграли битву за российскую историю, которая стала развиваться совсем не так, как они рассчитывали. При этом полностью отсутствует осмысление советского периода, из которого, на самом деле, вышло нынешнее российское общество и его элиты. На политиков, писателей и ученых периода СССР и «провальных» 1990-х гг. в текстах и речах российских политиков XXI в. наложено молчаливое табу. Из современных российских интеллектуалов также не выросло символических авторитетов, на которые власть готова сослаться.

Таким образом, правящие элиты не слишком доверяют отечественным интеллектуалам и обществоведам в области диагностики и прогностики современного российского общества, в то же время заявляя об «аутентичности» России, ее «менталитете», «самобытной истории», «невоспроизводимой идентичности», требующих особых подходов. При этом все подобные мыслительные конструкции гипотетически должны принадлежать как раз истории отечественной мысли, рефлексирующей над своей «особенной» реальность и исторической миссией. В то же время В. Сурков обоснованно замечает: *Отметим с сожалением в скобках, что среди популярных футурологических брендов последних десятилетий — „постиндустриальное общество“, „конец истории“, „плоский мир“, „цивилизация третьей войны“ и проч. — нет ни одного российского происхождения* [Сурков 2007: 13].

Постсоветская политическая элита испытывает дефицит современных ей отечественных моральных авторитетов. С одной стороны, естественные символические потери понесли как мэтры советского обществознания и зачинщики перестройки, так и противостоявшие им антикоммунисты, диссиденты и либералы горбачевско-ельцинского периода. Этот период слабости новой России, восторженных попыток скорейшей имплантации чужого опыта российские власти пытаются как можно быстрее забыть. С другой стороны, постсоветская элита испытывает явный дискомфорт при цитировании советских авторитетов в силу их все возрастающей актуальности по мере капитализации социума и общественных отношений в России. В результате возникает символический вакуум российской истории. Начальный постсоветский период, связанный с системными последствиями распада СССР, дискредитирован в общественном мнении большинства. Советский период стянулся до одного единственного легального и нещадно эксплуатируемого властью в целях своей легитимации события — Великой Отечественной войны. Досоветская история практически утратила связь с современностью, став источником всевозможных мифологических конструкций. Для подтверждения этого достаточно посмотреть на трансформацию российского праздничного календаря [Мартьянов 2006].

Однако символически объединить досоветский, советский и постсоветские периоды в единую версию российской истории у нынешней правящей элиты не получается. Соответственно моральные авторитеты, привлекаемые для легитимации политической современности

России, как правило, периферийны и маргинальны (все интеллектуалы-эмигранты), либо символически «раскручены» именно благодаря Западу (Солженицын, Бродский, Леонтьев), либо являются «западными экспертами», продвигающими западные же ценности в качестве универсальных (Фукуяма, Белл, Качинс, Фридман и др.). Между тем за рамками программных политических текстов остается значительный пласт реальных деятелей не только советского периода, но и всей российской истории (Д. Донской, Иван III, Александр II), ученых (М. Ломоносов, Н. Пирогов, Д. Менделеев, И. Мечников, А. Чаянов, И. Павлов, М. Лобачевский, А. Сахаров и др.), конструкторов (А. Попов, М. Калашников, С. Королев и др.), писателей (только из советского периода — М. Горький, М. Шолохов, В. Астафьев, В. Распутин и др.), обладающих несомненным легитимирующим потенциалом, упоминания которых в своей риторике избегает политический истеблишмент.

Тем не менее отсутствие легитимной для всего российского общества версии отечественной истории и консолидирующих авторитетов не означает, что проблема социальной интеграции расколотого общества не волнует отечественную элиту. Хотя бы потому, что прямо связана с легитимностью и стабильностью политического режима в целом. Основная проблема видится в том, что в российской политике сформировался фундаментально неустойчивый, но тем не менее работающий дискурс «нормального общества» и «здравого смысла» — дискурс, который базируется на обманчиво самоочевидных аксиомах здравого смысла и не нуждается в отсылках к трансцендентному, т. е. к истории, морали, идеологиям, авторитетам. Споры в нем ведутся лишь о технической справедливости распределения текущего потребления и ресурсов внутри общества. Однако подобная легитимность сложившегося положения, не опирающаяся ни на интегрирующую общество версию истории, ни на устаревшие идеологические построения модерна, ни на образы и утопии будущего, ни на преемственность символов и авторитетов, основанная лишь на «вечном настоящем», весьма неустойчива.

ЛИТЕРАТУРА

Лавров С. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. 2007. № 2.

Мартьянов В. С. Праздник для никого // Политический журнал. 2006. № 20 (115).

Обращение Президента США Д. Буша «О положении дел в стране» от 31.01.2006. URL: http://russian.moscow.usembassy.gov/transcripts007.html (дата обращения: 31.03.2011).

Обращение Президента США Д. Буша «О положении дел в стране» от 23.01.2007. URL: http://russian.moscow.usembassy.gov/transcripts018.html (дата обращения: 31.03.2011).

Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 23.02.1996. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_za_kotoruju_my_v_otvete_1996_god.html (дата обращения: 31.03.2011).

Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 30.03.1999. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_na_rubezhe_jepokh_1999_god.html (дата обращения: 31.03.2011).

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_type63372type63374type82634_28782.shtml (дата обращения: 31.03.2011).

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 05.11.2008. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/1968 (дата обращения: 31.03.2011).

Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 12.11.2009. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/5979 (дата обращения: 31.03.2011).

Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 30.11.2010. URL: http://www.kremlin.ru/news/9637 (дата обращения: 31.03.2011).

Программа КПРФ. URL: http://www.kprf.ru/party/program/ (дата обращения: 31.03.2011).

Программа ЛДПР. URL: http://ldpr.ru/ldpr/programm/ (дата обращения: 31.03.2011).

Программа «Патриотов России». URL: http://www.patriot-rus.ru/partyProgramm/ (дата обращения: 31.03.2011).

Программа партии «Правое дело». URL: http://www.pravoedelo.ru/party/program (дата обращения: 31.03.2011).

Программа «Справедливой России». URL: http://www.spravedlivo.ru/about/documents/ (дата обращения: 31.03.2011).

Программа СПС. URL: http://sps.ru/?id=214522 (дата обращения: 31.03.2011).

Программа «ЯБЛока». URL: http://www.yabloko.ru/Union/programma.html (дата обращения: 31.03.2011).

Сайт ЦИК РФ. URL: http://cikrf.ru/politparty/reg_politparty.html (дата обращения: 31.03.2011).

Сурков В. Основные тенденции и перспективы развития современной России. — М., 2006.

Сурков В. Русская политическая культура // Стратегия России. 2007. № 7.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 811.161.1-115

ББК Ш142.2-02 *ГСНТИ 16.21.33; 16.21.51* *Код ВАК 10.02.19*

Т. В. Михайлова, А. В. Михайлов
Красноярск, Россия

ВЕРА И ПРАВДА В ТЕКСТАХ ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА, или Чему турецкий султан может научить русского царя

Аннотация. *Описывается семантика лексем «вера» и «правда» в текстах Ивана Пересветова XVI века. Изучаются обращения писателя к Ивану Грозному, в которых сравниваются турецкие обычаи с деятельностью российской бюрократии.*

Ключевые слова: *политическая публицистика XVII в.; термины «вера» и «правда»; сопоставление систем правления России и Османской империи.*

Сведения об авторе: *Михайлова Татьяна Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, гуманитарный факультет.*

Место работы: Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева (Красноярск).

Контактная информация: *660014, г. Красноярск, просп. им. газеты Красноярский рабочий, д. 31.*
e-mail: ta.rada@mail.ru.

Сведения об авторе: *Михайлов Алексей Валерианович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, гуманитарный факультет.*

Место работы: Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева (Красноярск).

Контактная информация: *660014, г. Красноярск, просп. им. газеты Красноярский рабочий, д. 31.*
e-mail: avm_2006_64@mail.ru.

Т. V. Mikhaylova, A. V. Mikhaylov
Krasnoyarsk, Russia

THE "FAITH" AND "THE TRUTH" IN THE TEXTS BY IVAN PERESVETOV AS A PART OF THE POLITICAL TERMINOLOGY OF THE KINGDOM OF MOSCOW, or What the Turkish Sultan can Teach the Tsar of Moscow

Abstract. *This paper analyzes the semantics of the words "Faith" and "the Truth" in the texts by Ivan Peresvetov of the 16th century. Addresses to the Tsar Ivan the Terrible are studied, in which Turkish Ottoman customs are compared with the activities of the Russian bureaucracy.*

Key words: *political publicist texts of the XVII th century; the terms "faith" and "the truth"; comparison of the systems of government in Russia and the Ottoman empire.*

About the author: *Tatiana Vitalyevna Mikhaylova, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Public Relations, Faculty of the Humanities.*

Place of employment: Siberian State Aerospace University in Krasnoyarsk.

About the author: *Aleksey Valerianovich Mikhaylov, Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the Chair of Public Relations.*

Place of employment: the Siberian State Aerospace University in Krasnoyarsk.

Турецкая тема в русских публицистических текстах XV—XVII вв. появляется далеко не случайно. Падение Константинополя, главного города православного мира, ужаснуло древнерусских книжников и вызвало к жизни ряд идеологических и политических теорий.

Публицистика И. С. Пересветова отразила общественные настроения, явившиеся реакцией на Флорентийскую унию 1439 г. и падение Константинополя в 1453 г. Историк А. В. Каравашкин считает: «Мощным духовным ответом на эти события стали эсхатологические теории Московского царства. Они носили ярко выраженный религиозный характер и, взаимодействуя с официальными государственно-правовыми учениями, образовывали сложную идеологическую концепцию, особый историософский миф Руси XV—XVI вв.» [Каравашкин 2000: 284].

При этом некоторые современные исследователи отмечают, что для московских книжников характерна не столько единая, логически выверенная концепция, сколько «неопределенная», «отрывочная», «смутная»: «Монографии советских ученых по истории публицистического периода древнемосковской государственности только потому достигли относительного успеха — описания развития идей как единого процесса — что основывались на марксистско-ленинской методологии» [Плюханова 1995: 10]. При этом часто «слабые, неукоренившиеся идеи и понятия … рассматриваются как сильные, стабильные, фундаментальные» [Плюханова 1995: 10]. Тексты И. С. Пересветова, как наиболее «ясные, рациональные и логичные», были довольно удобны для исследователей этого направления, однако они, по мнению М. Б. Плюхановой, не имеют «органических связей с другими текстами московского периода» и являются случайными и «внешними по отношению к древнерусской московской культуре» [Плюханова 1995: 9].

Соглашаясь в определенных позициях с автором известной работы «Сюжеты и символы Московского царства», хотим обратить внимание на то, что многие ключевые слова публицистических текстов И. С. Пересветова обладают мнимой логичностью и понятностью. Современный читатель «навязывает» свой менталь-

© Михайлова Т. В., Михайлов А. В., 2012

тет текстам XVI в. Политические символы, используемые древнерусским публицистом, не тождественны по значению современной политической терминологии. В работах В. В. Колесова, посвященных древнерусской ментальности, говорится о необходимости перевести «подобные исследования» с «обобщенно-типологических на конкретно-исторические» [Колесов 2000: 5]. В. В. Колесов показывает сложность разрешения противоречия между «синкретичным по существу мировосприятием древнерусского человека» и «дискурсивным современным мышлением» [Колесов 1986: 7]. Исследователь пишет, что «лингвист, оперируя словами при помощи слов же и реконструируя лежащие в их основе понятия и представления (образы)» [Колесов 1986: 8], не может не столкнуться с проблемой истолкования значений древнерусских слов, не испытывая влияния значений этих же слов, но уже современного русского языка. Важно помнить следующее: «Средневековое сознание оперирует не столько понятием о предмете, сколько представлением о нем. …Творческий акт средневекового писателя и состоял в разработке подобных ситуативных смыслов, так что подчас неуловимыми остаются оттенки значения» [Колесов 1986: 14].

На осторожность истолкования средневековых понятий обращается внимание и в известной работе «Категории русской средневековой культуры». Одной из главных особенностей древнерусского языка, по мнению А. Л. Юрганова, является его «нетерминологичность», и «поэтому большинство средневековых слов-понятий невозможно сходу истолковать» [Юрганов 1998: 25]. Анализ значений ключевых слов представляет собой «орудие самосознания». «Категориальное описание средневековой культуры» опирается на анализ семантики ключевых слов, которые определяют ее как «сущностный феномен ушедшего в небытие сознания» [Юрганов 1998: 26].

А. И. Филюшкин в ряде своих работ также обращает внимание на то, что современная политическая наука «навязывает» свой терминологический аппарат древнерусским текстам: «...Политическая культура средневековой Руси основывалась не на правовых, а на христианских этических категориях. Отсюда все попытки трактовать применительно к русскому средневековью ту сферу, которую мы привыкли в современной метасистеме именовать *политикой,* в политико-правовых категориях, должны быть крайне осторожными. Мы не можем обойтись без трактовки, истолкования данных терминов, поскольку их семантика гораздо более многозначна, чем в наше время. Но перед нами не просто лингвистическая замена одних вербальных обозначений правовых понятий на другие, а иная система отношений, которую современному человеку улавливать сложно» [Филюшкин 2006: 223].

Тексты Ивана Семёновича Пересветова являются, на наш взгляд, релевантными для русской средневековой культуры, ибо в них присутствуют далеко не случайные смыслы. Два слова — **Вера** и **Правда** — являются ключевыми в Малой и Большой челобитных, переданных «государю благоверному царю» Ивану Васильевичу через 11 лет после приезда писателя в Московское государство. В челобитных автор на примере турецкого властителя обсуждает уроки, которые должен извлечь из падения Византии русский царь, и предлагает проекты различных государственных преобразований. Как справедливо считает А. Л. Юрганов, «смысловое *содержание правды и веры*», столь волновавшее средневековых людей, «не только отличается от современного, но и — парадоксальным образом — семантикой противопоставлено ему. А между тем *правда* и *вера* в своих символических самоосновах хранят тайну средневекового миропонимания» [Юрганов 1998: 26].

Для выявления авторского понимания названных слов надо вспомнить, что Иван Пересветов обсуждает вопросы «веры и правды» в контексте споров об отношениях между государственной и церковной властями. Публицистический сборник Ивана Пересветова включает в себя известную повесть XV в. Нестора-Искандера, рассказывающую «о взятии Царьграда турками». Этот текст, наряду с циклами легендарных сказаний о Вавилоне, был очень популярен в XV—XVII вв. на Руси, так как полностью отвечал политическим запросам своего времени. Для общественного сознания Московской Руси примером и образцом православного царства была Византийская империя. Русская литература того времени призвана была прояснить, утвердить мысль о тесной связи Московской Руси с древними византийскими традициями. Именно этим объясняется, что указанные тексты читались на Руси в течение нескольких сотен лет. В них рассказывается об иноземных государствах. Однако обсуждавшаяся в них проблематика власти и государства самым прямым образом связывалась в русском общественном сознании с Москвой, поскольку существовавшее со времен Киевской Руси представление о «богоизбранности» Руси наполнялось новыми смыслами. Переход Константинополя под власть турок (1453 г.) усиливает идею обособления Русской земли, ее богоизбранности, так как истинное православие, по мнению богословов того времени, осталось только на Руси [см. об этом: Кудрявцев 1951: 169]. Таким образом, в XV—XVI вв. представления о предназначении Руси стали иными по сравнению с Киевским периодом русской государственности. По мнению другого исследователя, «речь шла теперь уже не о приравнивании России к другим христианским странам, а о противопоставлении Руси павшей греческой державе, равно как и противопоставлении мос-

ковской митрополии константинопольской патриархии, утратившей, по мнению большинства русского духовенства, свои иерархические права» [Гольдберг 1976: 114].

Повесть представляет собой воплощение христианских историософских представлений о том, как был создан град Божий, почему он стал главным городом всего православного мира и каковы причины того, что «всещедрый и всеблагий Бог» попустил его на попрание безбожной оттоманской веры. Эта повесть была важна для построения московской идеологии, поскольку представляла модель-образец православных взглядов на то, каким должно быть государство, дабы устойчиво развиваться и не испытать судьбу падшего Константинополя.

Казалось бы, понятия об идеологии христианского государства и его правителях у русских уже были сформированы в домосковский период. Однако трагическая история Константинополя, рассказанная в повести Нестора-Искандера, делает вопросы, связанные с нравственностью государства в целом и его правителей и граждан в частности, исключительно актуальными в указанный период. Этот текст дал толчок к последующей эволюции оценочных представлений древнерусского общества о государстве и власти, и на первый план вышли понятия, связанные с фигурой государя, который должен править согласно этим принципам и утвердить их в государственной практике.

И. С. Пересветов в своих публицистических текстах обсуждает те же самые темы и на примере той же самой ситуации — падения города Константина. Можно сказать, что писатель предлагает проект праведного государства. В идеальном царстве **правда** и **вера** сопряжены в одно понятие.

Правду И. С. Пересветов понимает в первую очередь как справедливое правление (ср. однокоренные слова *правый*, *прямой*, *управление*, *править*, *справедливость*). Управление царством, по представлениям книжника, включает в себя управление судебной и финансовой системами, торговлей. Понятие «праведный суд» в текстах Пересветова появляется, как правило, сразу после введения темы **правды**: *…Да приказал судьям: „не дружитися с **неправдою**, держитися **правды**, что Бог любит“* (СМС); *…не прельщалися **неправдою** судити* (СМС); *…Бог помогает не ленивым, но кто труды приимает и Бога на помощь призывает, да кто **правду** любит и **праведный** суд судит* (БЧ).

По сути, в данных публицистических текстах описаны три модели управления в царстве: греческая, турецкая и русская. Каждая из них занимает определенное место на линии времени: греческое царство принадлежит прошлому, турецкое — настоящему, а существование истинного русского царства предсказано в будущем.

Продолжая линию Нестора-Искандера, И. С. Пересветов сопоставляет два царства. Одно царство побежденное — греческое, православное. Другое — царство победителей, турецкое, мусульманское. Как видим, древнерусский книжник обращается к анализу падения Константинополя с тем, чтобы выяснить причины этого печального для любого православного человека события.

Константин был кротким со своими вельможами, не гневался на них, давал им *городы и волости держати*. А те *…за **веру** християнскую не стоятъ, а государю **верно** не служат* (БЧ). Вельможи *…от слез и от крови рода христианского богатеют*, бесчестными поборами обирают подданных царя, творят всяческие несправедливости. Автор считает, что они *…**в великую** ересь впадают, и на Бога хулу кладут…, темъ Бога всемъ гневят* (БЧ). Отсутствие «*грозы*» в управлении земного правителя неизменно ведет к гневу и «*грозе*» со стороны небесного правителя, как это и произошло в 1453 г. в Константинополе.

Турецкий царь султан Магомет ***неверный** царь, да Богу угодно учинил:* по всему царству разослал верных себе судей, от принципа кормления на местах отказался, обеспечив чиновников казенным жалованьем. Суд он устроил гласный: *…А судъ дал полатный во всем царство свое судити без противня* (БЧ). По мнению Пересветова, Магомет сделал так, чтобы не вводить вельмож в грех и Бога не прогневать. А сам Магомет, по одобрительной характеристике публициста, гроза для неверных и нечестных слуг. Вот такая «грозная мудрость» делает царство долгим и благополучным. Турецкое царство стоит на этом принципе: *…По уставу Махметеву с великой грозной мудростью а нынешнии цари живут* (БЧ). Значит, истинно православный царь должен быть не кротким, а грозным и воинственным по отношению к явным и скрытым врагам государства.

Обсуждая причины падения царств, Иван Пересветов опирается на теорию «казней Божьих». Он описывает стиль государственного управления каждого царства, анализируя нравственную составляющую этого явления.

Греческое царство в изложении Ивана Пересветова. В царстве есть истинная православная вера, но нет правды, т. е. нет справедливого управления. Это царство всё в прошлом. В тексте имплицитно присутствует представление о греческом царстве при Константине Великом, когда и вера и правда были совместны, и поэтому греческая земля процветала: *Такова была **вера** греческая сильна и мы ся ею хвалилися* (БЧ). Но красота и слава греческого царства разрушены, о них лишь можно вспоминать. «Волоский» (молдавский) воевода, поражаясь гибели Константинополя, говорит: *…Так был Магмет-царь, салтан турской, Царю граду дань давал…, и потом грех ради наших Магмет-салтан, турской царь, разбойнический род, асилел, Царьград взял и **благоверного** царя Констянтина потребил, и красоту*

церьковную обезчестил, и звон церьковный поотнимал, и образы чудотворные из церквей нечестно выносил, и в церквах мизгити поделал на свои скверныя молитвы (БЧ).

Причины падения этого царства Пересветов видит в отсутствии правды в государственном управлении, что приводит к отходу от истинной веры: *…Константин-царь вельможам своим волю дал и сердце им веселил , они же о том радовались и* ***неправду*** *судили…*; *…И с теми* ***неправыми*** *судьями во всем греки в ересь впали и …во всем Бога прогневали* (СМС).

Отсутствие правды в государственном управлении привело к тому, что земля потеряла Божье благословение и стала добычей лукавого. Читатель легко может сделать вывод, что вера без правды становится неистинной: *…Суд был греческой* ***неправеден****, купля была нечиста… Нечисто собрание их было. А вельможи царьския на градехъ и на волостях домышлялися лукавством своим, диявольским прелщением…* (БЧ); *…Нечисто богатели диявольским прелщением* (БЧ).

И. С. Пересветов говорит о правлении лукавого на греческой земле при полном бездействии православного царя: *…а царския грозы к ним не было*. Если земной правитель никак не реагирует на неправду, то тогда настает пора для небесного правителя: *…Всем Бога разгневили* (БЧ). Для древнерусского книжника взаимосвязанность всех событий ясна как непреложный закон.

Турецкое царство в изложении Ивана Пересветова. Вера, по представлению публициста, не истинная, но в царстве наведен порядок, судебная система справедливая, чиновники под контролем Махмет-салтана — в «турском» царстве есть правда. Оно процветает в настоящее время, так как правителем в недалеком прошлом был сделан ряд действий, поддерживающих «правду» в государстве.

И. Пересветов описывает деятельность Махмета в категориях запретов и императивов: *…а никому ни в котором граде наместничества не дал вельможам своим для того, чтобы не прельщалися* ***неправдою*** *судити*; *…Да приказал судьям: не дружитися с* ***неправдою,*** *держитися* ***правды****, что Бог любит*; *…Да послал по городом судьи свои, паши* ***верные*** *и кадыи и шубаши… и велел судити прямо, и рек так: „братия моя любимая и* ***верная****, судити прямо“* (СМС).

Подробно описывается деятельность турецкого правителя по наведению порядка в судах, в казне, в системе управления: *…а никому ни в котором граде наместничества не дал вельможам своим для того, чтобы не прельщалися* ***неправдою*** *судити* (СМС); *…А присуд велел имати на себя в казну, чтоб не искушались и в грехъ не впадали, Бога не разгневили* (БЧ); *…Да какова вельможу пожалует за ево* ***верную*** *службу… и он пошлет к судьямъ своим и велит по доходному списку выдати ис казны* (БЧ).

«Махметев устав» изображается автором как строгий, но справедливый закон. Писатель спокойно описывает суровое наказание за нарушение запретов, считая, что без грозы невозможно править по справедливости: *И кожи их велел проделати, и велел бумаги набити, и в судебнях велел железным гвоздием прибити, и написати велел на кожах их: Без таковые грозы* ***правды*** *в царство не мочно ввести.* ***Правда*** *ввести царю в царство свое, ино любим того не пощадити, нашедши виноватого* (СМС).

Словами Петра Иван Пересветов явно выражает свое одобрение: *Неверный царь, да Богу угодно учинил: великую мудрость и* ***правду*** *в царство свое ввел* (БЧ). Как видим, ценностная иерархия писателя прослеживается четко: хоть веры турецкий правитель и неправославной, но законы в государстве установлены справедливые; праведное управление и есть вера: *И Махмет* ***правый*** *суд в царство свое ввел, а ложь вывел, и рек так: „Бог любит* ***правду*** *лутчи всего“* (БЧ).

Русское царство есть **правда** и **вера**. Прошлое и настоящее русского государства, к печали публициста, напоминает государство греков: без правды и вера становится мертвой и превращается в ересь. Сопоставления русского царства с падшим греческим весьма прозрачны. В первых же строках обеих челобитных И. С. Пересветов жалуется на действия чиновников при Иване Грозном: *А выезду, государь, моему 11 летъ, а яз тебя, государя благоверного, доступити не могу* (МЧ). Автор говорит о неконтролируемости царских вельмож, о судебной волоките: *И твое государь жалованье — поместье от великих людей от обиды нарядили пусто, а яз тебя, государя благоверного царя, доступити не могу, пожаловатися на них*; *Да и собинку есми…изтерял: в моих обидах и волокитах вся пропала; …И ныне, государь, от обидъ и волокит наг и бос и пешь* (МЧ).

Ситуация в русском царстве описывается с помощью тех же выражений, какие были использованы при описании Константинополя накануне падения: *Вельможи русского царя сами богатеют, а ленивеют, а царство оскужают его* (БЧ).

Пересветов пересказывает разговор молдавского воеводы Петра с человеком из Московии: *И говорит Петръ…: „Таковое сильное, и славное, и всемъ богатое то царьство Московское! Есть ли в том царьстве правда? Ино у него служит московитинъ Васка Мерцалов, и он того спрашивал… И он стал сказывати Петру…: ‘Вера христианская добра, всем сполна и красота церковная велика, а правды нету’* (БЧ). «Вера» понимается как нечто внешнее, то, что можно оценить с эстетической точки зрения *(добра, красота велика),* а «правда» — как внутренняя сторона того же понятия. В текстах И. С. Пересветова наблюдается характерное для древнерусского языка «удвоение

близкозначных слов», которое является признаком «процесса формирования понятия на системном уровне обобщения» [Колесов 2002: 221]. На процесс генерализации семантических признаков в системе слов вследствие использования словесных формул *(стыд-срам, радость-веселье, честь и слава, горе не беда)* обращали внимание А. А. Потебня, Ю. М. Лотман, Б. А. Ларин. Подобные формулы, по мнению В. В. Колесова, «обозначали новое по отношению к исходным словам понятие собирательного значения» [Колесов 2002: 222]. Собирательность на основе метонимического уподобления развивалась по различным семантическим моделям, в том числе и по модели соотношения внутреннего и внешнего. «Вера и правда» у И. С. Пересветова не столько противопоставлены друг другу, как считают многие исследователи (например, А. А. Зимин, А. В. Каравашкин), сколько синтезируют единое понятие, обозначающее православное справедливое государственное управление.

Таким образом, публицистика И. С. Пересветова органически связана с древнерусскими текстами, посвященными теме «падения царств». «Правда» в государстве, по мнению И. С. Пересветова, занимает самое важное место. Средневековый писатель чуть ли не противопоставляет **правду** и **веру,** показывая первенствующее место правды. А. В. Каравашкин считает, что«у Пересветова главный акцент сделан именно на драматическом расколе между верой и правдой, вступившими в полосу поистине тревожного противостояния» [Каравашкин 2000: 70].

Эта антиномичность мышления, однако, не помешала древнерусскому писателю создать проект государства, в котором возможна симфония истинной веры и правды. В утверждении ключевого понятия, гармонично соединяющего эти два смысла, автор и и видит возможность для государства устоять. Выражение понятия парой слов в древнерусском языке — это обычный способ экспликации синкреты.

ЛИТЕРАТУРА

Гольдберг А. Л. К предыстории идеи «Москва — третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси: (Истоки. Становление. Традиции). — М. : Наука, 1976. С. 111—115.

Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика. — М. : Прометей, 2000.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1986.

Колесов В. В. Философия русского слова. — СПб. : Юна, 2002.

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2000.

Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // Труды отдела древнерус. литературы. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. 8. С. 158—186.

Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. — СПб. : Акрополь, 1995.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. — М. : МИРОС, 1998.

Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2006.

ИСТОЧНИКИ

МЧ = Сочинения Ивана Семеновича Пересветова: Малая Челобитная // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV— первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева— М. : Худож. лит., 1984. С. 592—601.

БЧ = Сочинения Ивана Семеновича Пересветова: Большая Челобитная // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV— первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева— М. : Худож. лит., 1984. С. 602—625.

СМС = Сказание о Магмете салтане Ивана Пересветова // Сочинения И. С. Пересветова / подгот. текст А. А. Зимин. — М. ; Л., 1956. С. 151—161.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 811.111.1'27
ББК Ш143.21-7 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.04*

Е. В.Мурай
Москва, Россия

ФРЕЙМ «ПОЛИТИК» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ БИОГРАФИЧЕСКОМ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

Аннотация. *Рассматривается фрейм «политик» в современном англоязычном политическом дискурсе, сопоставляются представления о женщинах-политиках и мужчинах-политиках в рамках этого фрейма. Сформулирована структура фрейма, состоящая из центральных и фоновых модулей, позволяющих выявить гендерные различия и сходства в биографических и автобиографических материалах.*

Ключевые слова: *фрейм «политик»; гендер; центральные модули; фоновые модули; биография; автобиография; политический дискурс.*

Сведения об авторе: *Елена Викторовна Мурай, аспирант кафедры стилистики английского языка, факультет гуманитарных и прикладных наук.*

Место работы: Московский лингвистический университет.

Контактная информация: *119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38.*
e-mail: hmuray@gmail.com.

E. V. Muray
Moscow, Russia

FRAME "POLITICIAN" IN THE ENGLISH-LANGUAGE BIOGRAPHICAL AND AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSES

Abstract. *The article deals with the study of the frame "politician" in modern English political discourse and comparison of women- and men-politician representations in the frame in question. The study reveals the structure of the frame consisting of central and background modules which serve as the basis for the study of gender differences and gender similarity in biographies and autobiographies.*

Key words: *frame "politician"; gender; central modules; background modules; biography; autobiography; political discourse.*

About the author: *Elena Viktorovna Muray, Postgraduate Student of the Chair of Stylistics of English, Faculty of the Humanities and Applied Sciences.*

Place of employment: Moscow Linguistic University.

Лингвистические исследования гендера как специфического инструмента категоризации сформировали за последние десятилетия отдельное направление, получившее название гендерологии. Важное место в гендерологии занимает изучение языковых средств в формировании образа политика [см.:Гриценко 2011: 21]. Например, исследования политического дискурса часто имеют своей целью анализ имиджевой составляющей образа политических деятелей, а также механизмов и стратегий, применяемых политическими деятелями в ходе политической борьбы с учетом гендерного фактора. Однако ввиду сложности выделения критериев анализа средств формирования образов политиков-мужчин и политиков-женщин сопоставительные исследования подобного рода носят ограниченный характер. Исследователи либо концентрируются на широкой проблематике [Белая 2009; Верзун 2005; Воробьева 2000], либо ограничиваются изучением узких аспектов имиджелогии и дискурсивных стратегий [Гриценко 2003; Иванова 2004; Полякова 2007].

Социальные, экономические, культурные, национальные и политические изменения последних лет обусловили увеличение доли репрезентации политиков-женщин в разных видах дискурса (медийном, политическом, биографическом) и, как следствие, изменение факторов воздействия на получателя информации в контексте принципов формирования текста. Такое воздействие можно проследить как на примере медийного, так и биографического дискурса. Последний изучен, на наш взгляд, недостаточно, хотя представляет собой широкое поле для исследований и в диахроническом аспекте, и с точки зрения характерных для данного вида дискурса экстралингвистических характеристик, таких, как дидактичность, документальность и ретроспективность, которые, в свою очередь, определяют лингвистические параметры биографических текстов: двуплановый образ автора, повествование от первого (реже — от третьего) лица, взаимодействие временных планов, ретроспективно-проспективный характер изложения [Иванова 2004].

Решить сложную проблему выделения критериев анализа гендерных аспектов репрезентации политического деятеля в разных видах дискурса, на наш взгляд, можно посредством обращения к фреймовым семантикам, поскольку фрейм «Политик» и входящие в него модули позволяют эффективно систематизировать языковые средства формирования образа политика, а также провести анализ гендерной специфики отбора этих средств.

Стремясь к репрезентативности материалов исследования, для сопоставительного анализа мы выбрали две супружеские пары: президента Франклина Делано Рузвельта и его жену Элеонор Рузвельт, которая в американском обществе рассматривается как важная общественно-политическая фигура начала и середины XX в., а также супругов Клинтонов, президента Вильяма Джефферсона Клинтона и Хиллари Родэм Клинтон, которая всегда стремилась к самостоятельной политической карьере. Последняя супружеская чета относится к концу XX в., и для сохранения диахронической непрерывности также были выбраны президент Джон Фитцджеральд Кеннеди (середина XX в.) и госсекре-

© Мурай Е. В., 2012

тарь Мадлен Олбрайт, начало политической карьеры которой тоже приходится на середину XX века. Деятельность президента Франклина Делано Рузвельта и президента Джона Фитцджеральда Кеннеди освещается только в биографиях, а деятельность остальных четырех политических фигур представлена в их автобиографиях. Учитывая очевидные различия биографических и автобиографических материалов, для уменьшения асимметрии мы использовали и биографические материалы о супругах Клинтон, Элеонор Рузвельт и госсекретаре Мадлен Олбрайт, представленные в биографических словарях «Президенты» [Hamilton 2005] и «Энциклопедия американского президентства» [Genovese 2010], а также кросс-упоминаниями в других автобиографиях и биографиях. В результате исследования был сконструирован фрейм «Политик», который послужил отправной точкой дальнейшего анализа языкового материала.

В силу специфики биографического дискурса фрейм «Политик» имеет диахронический характер, поскольку описание политика предполагает определенную хронологию событий жизни и деятельности объекта. В связи с этим во фрейме «Политик» выделяется три временных плана: план прошлого (до начала политической карьеры), план (условно) настоящего времени (деятельность политика в его историческое время) и план будущего времени (перспективы дальнейшей карьеры политика). В каждом плане присутствуют одинаковые фреймовые структуры, по-разному сфокусированные. Такое построение фрейма отличается от имеющихся в лингвистической литературе аналогов [Белкина 2004; Данилова 2009; Зайчикова 2005; Шейгал 2000: 91—95], согласно которым фрейм задается простым перечислением входящих в него слотов, которые мы называем модулями, поскольку сами они представляют собой сложные когнитивные структуры.

Выделенные нами в ходе исследования биографий и автобиографий американских политиков разных периодов модули фрейма «Политик» могут быть поделены на две большие группы: центральные модули («Начало политической карьеры», «Соратники», «Деятельность политика» и «Личностные качества политика») и фоновые модули («Происхождение», «Внешность», «Образование», «Семья/брак») (см. схему).

Разделение на центральные и фоновые модули проводится по логическим основаниям: центральные модули непосредственно описывают деятельность политика, фоновые — фиксируют информацию, не имеющую прямого отношения к сфере политики, но оказывающую определяющее влияние на формирование личности политика. Все перечисленные модули по-разному реализуются в условно выделенных временных планах — прошлого, настоящего и будущего.

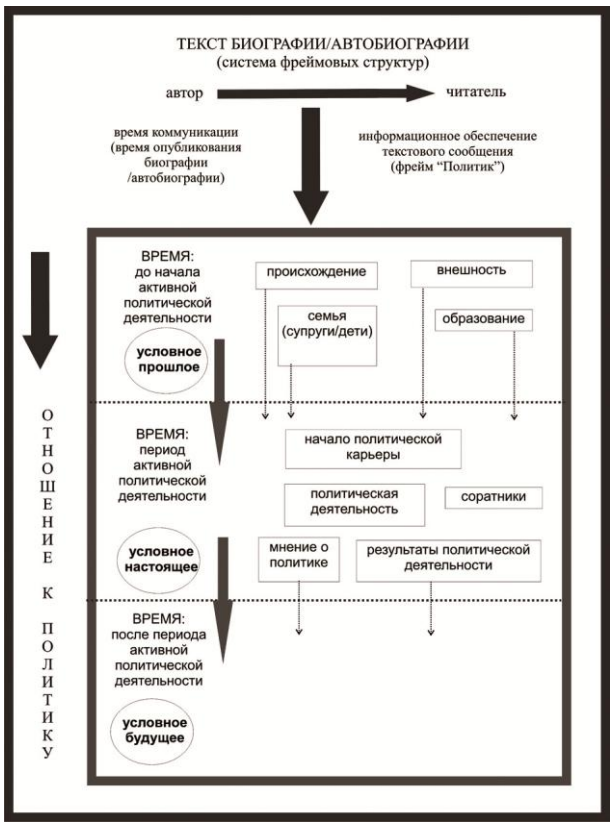

Схема.
Фреймовые структуры
в тексте биографии и автобиографии

Так, например, модуль «Образование» логически принадлежит плану условного прошлого (до начала активной общественной карьеры политика). Говоря об академических успехах президентов Теодора Рузвельта и Франклина Делано Рузвельта, биографы отмечают, что *Neither Roosevelt achieved academic distinction* [Jenkins, Schlesinger 2003: 9]. Супруга Ф. Д. Рузвельта, Элеонор Рузвельт, выделяет время обучения во Франции в отдельный период своей жизни: *My grandmother decided that the household had too much gaiety for a girl of fifteen. She remembered that my mother had wanted to send me to Europe for a part of my education. Thus the second period of my life began* [Roosevelt 1992: 20]. Хиллари и Билл Клинтон вспоминают свои ощущения от школьного окружения: *I remember walking out of my home room the first day of class and hugging the walls to avoid the crush of students, all of whom looked bigger and more mature than me* [Clinton H. 2003: 25], *High school was a great rid. I liked the schoolwork, my friends, the band* [Clinton B. 2004: 55]. Как видно, во всех контекстах речь идет о прошлом опыте. В то же время репрезентанты модуля «Образование» могут относить его к условному настоящему. Так, М.Олбрайт часто упоминает о годах обучения при описании своей деятельности на посту госсекретаря США: *I chose to study one elite group, the Soviet diplomatic service…* ***When I was at the UN and later as Secretary of State,*** *my conclusions made for interesting conversations*

with Russian Foreign Minister Yevgeny Primakov and his successor, Igor Ivanov, both of whom had been briefed about my research work. They often made a point of telling me how different the contemporary Russian foreign service was form its predecessor [Albright 2003: 76]. Б. Клинтон также возвращается к своему образованию, в частности рассказывая о воспитании дочери: *Although I never took a math class in college, I always thought I was good at it until I had to give up helping Chelsea with her homework when she was in the ninth grade. Another illusion bites the dust* [Clinton B. 2004: 40].

Предлагаемая нами структура фрейма «Политик» позволяет последовательно сопоставить гендерный аспект образов политиков, выделяя каждый модуль в качестве отдельного этапа исследования с выводами об особенностях репрезентации политиков-мужчин и политиков-женщин. В частности, модуль «Образование» присутствует в той или иной форме во всех биографиях и автобиографиях. Внутри модуля мы выделили несколько блоков (престижность учебного заведения, любимые и нелюбимые предметы, академические успехи и неудачи), характерных как для политиков-мужчин, так и для политиков-женщин. Однако фокусировка модуля позволяет говорить о выраженном гендерном аспекте: в описаниях политиков-мужчин всегда упоминанается престижность учебного заведения *(Before Franklin* ***went to Harvard*** *he had wanted to go into the Navy* [Jenkins, Schlesinger 2003: 47]; *Association with the best and the brightest, Joe and Rose believed, would ultimately come* ***at Harvard*** [Dallek 2004: 33]), тогда как женщины упоминают престижное учебное заведение для демонстрации гендерного дисбаланса: *When I entered* ***Yale Law School*** *in the Fall of 1969, I was* ***one of twenty-seven women out of 235 students*** *to matriculate. This seems like a paltry number now, but* ***it was a breakthrough at the time*** *and meant that women would no longer be token students at Yale* [Clinton H. 2003: 56].

Проведенное исследование выявило и другие гендерные маркеры модуля: у мужчин академические неудачи не считаются недостатком, большое внимание уделяется опциональным блокам (религия, интимная жизнь, хобби, спорт), а для репрезентации политиков-женщин характерна диахроническая изменчивость оценок в американском обществе на протяжении XX в. (от домашнего обучения, обучения основам домоводства, этикета и бухгалтерии к университетскому образованию), при этом женщины стремятся акцентировать дискриминационные аспекты своего статуса.

Можно говорить не только о гендерных различиях, но и о гендерном сходстве. Гендерное сходство выражается в стремлении к положительно-оценочной интерпретации отрицательных фактов биографий политиков-женщин и политиков-мужчин. Например, для оправдания незнания истории своей семьи Мадлен Олбрайт переносит фокус повествования на трагедию холокоста: *I realize full well, however, that blood did matter to Hitler and that fact must matter to us all, because it is why six million Jews died* [Albright 2003: 316], — а Билл Клинтон подчеркивает значимость семьи отчима, чью фамилию он взял, для своей политической карьеры: *...a new extended family in the Clintons… gave me kinfolk in fifteen of Arkansas's seventy-five counties, an enormous asset when I started my political career in a time when personal contacts counted more than credentials or positions on the issues* [Clinton B. 2004: 31]. Кроме того, для центральных фреймов характерно нивелирование гендерного компонента, выражающееся в том, что и у политиков-женщин, и у политиков-мужчин подчеркивается отсутствие активного стремления к политической деятельности и случайность начала политической карьеры. Например, Элеонор Рузвельт рассматривает интерес к политике в числе других интересов супруги политического деятеля *(It was a wife's duty to be interested in whatever interested her husband, whether it was politics, books or a particular dish for dinner. This was the attitude with which I approached that first winter in Albany* [Roosevelt 1992: 66]), а Джон Кеннеди еще в университете *showed no signs of wanting to enter politics* [Dallek 2004: 296].

Гендерные различия центральных фреймов обусловлены в первую очередь встраиванием блока «Семья» и последующим акцентированием традиционной гендерной роли. Так, анализируя последствия возможного импичмента своего супруга, Хиллари Клинтон оценивает и личные взаимоотношения, и политические импликации: *As his wife, I wanted to wring Bill's neck. But he was not only my husband, he was also my President, and I thought that, in spite of everything, Bill led America and the world in a way that I continued to support* [Clinton H. 2003: 471]. Тот же блок «Семья» у политиков-мужчин либо описывается фактуально, либо служит для акцентирования личностных качеств президента, а эмоциональная вовлеченность в семейные дела уходит на задний план или вообще не представлена. Так, описывая ситуацию, сложившуюся вокруг измены Ф. Д. Рузвельта, биограф отмечает: *It did not destroy the marriage, although divorce was discussed and then rejected, but it changed its nature. …it became a powerful political partnership, but almost a limited-liability one* [Jenkins, Schlesinger 2003: 37].

Следует отметить и парадоксальность фокусировки центральных модулей для политиков-женщин, которые, с одной стороны, используют идеи феминизма как трамплин для развития своей карьеры, с другой — указывают, как демонстрируют вышеприведенные примеры, на обусловленность своей политической карьеры родством (в случае Мадлен Олбрайт — работой) с политиками-мужчинами.

Для контекстов, описывающих женщин-политиков, характерна фокусировка на ограни-

ченности выбора у женщин, на их социальной подчиненности. Например, Мадлен Олбрайт отмечает: *Men focused on power. Women focused on everything except power. In the 1960s this began—very slowly—to change* [Albright 2003: 316; 276]. С изменением социально-политической обстановки женщины не только получают возможность оспаривать гендерную обусловленность социальных ролей, но и все чаще стремятся участвовать в продвижении женщин на политические посты (что отмечено уже в автобиографии Элеонор Рузвельт, которая, впрочем, отрицает свою причастность к назначению Франсез Перкинс первым в истории США министром-женщиной). В то же время политики-женщины более критичны к своему внешнему виду: *Wives of elected officials were constantly scrutinized. In 1974 Barbara Pryor, wife of the Governor-elect, David Pryor, had drawn withering criticism for her newly permed short hairdo. I liked Barbara and thought the public attention to her hair was ridiculous.* ***(Little did I know)*** [Clintin H. 2003: 81], — тогда как в политиках-мужчинах подчеркиваются молодость и жизненная сила: *He was tall and handsome somewhere beneath that reddish brown beard and curly mane of hair. He also had a vitality that seemed to shoot out of his pores* [Clinton H. 2003: 52].

Таким образом, в ходе проведенного исследования были получены объективные данные, позволяющие говорить о том, что предлагаемая нами модель структуры фрейма «Политик» может быть реальным основанием для изучения гендерных особенностей описания или конструирования образа политика в разных видах дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Белая Н. В. Гендер как фактор социальных отношений в английской, американской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Воен. ун-т. — М., 2009.

Белкина О. Е. Русско-французская дискурсная практика (реконструкция концепта «политик») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — М., 2004.

Верзун А. Б. Гендерная агональность политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2005.

Воробьева О. И. Политический язык: семантика, таксономия, функции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Рос. ун-т дружбы народов. — М., 2000.

Гриценко Е. С. Гендерные аспекты национальной идентичности в российском предвыборном дискурсе // Journal of Eurasian Research. 2003. Vol. 2. No. 1. P. 71—79.

Гриценко Е. С. Социокультурная традиция в исследованиях языка и гендера: работы британских и американских ученых // Гендер в британской и американской лингвокультурах : моногр. / Е. С. Гриценко, М. В. Сергеева, А. О. Лалетина, А. А. Бодрова, Л. Г. Дуняшева; под общ. ред. Е. С. Гриценко. — М. : Флинта : Наука, 2011.

Данилова М. Б. Фрейм «происхождение» в сценарии «автобиография женщины-политика»// Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 72—75.

Евсеева Ю. Н. Адресованность как определяющий фактор лексических и структурных особенностей текста биографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 /Моск. пед. гос. ун-т. — М., 2010.

Зайчикова Н. В. Стереотипные и индивидуальные составляющие концепта «politician» в гибридном жанре политического и художественного видов дискурса: на материале современного американского политического романа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Владивосток, 2005.

Иванова И. И. Концептуальная метафора как средство формирования образа политического деятеля в англоязычной прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04./ Моск. гос. лингв. ун-т. — М., 2004.

Полякова Л. С. Проявление гендерных стратегий в языке политика: на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. / Челяб. гос. пед. ун-т. — Челябинск, 2007.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Ин-т языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград : Перемена, 2000.

Albright M. K., Woodward B. Madam Secretary : A Memoir. — N. Y. : Miramax Books, 2003.

Clinton B. My Life. — L. : Hutchinson, 2004.

Clinton H. R. Living History. — N. Y. : Simon & Schuster, 2003.

Dallek R. An unfinished life: John F. Kennedy, 1917—1963. — L. : Penguin, 2004.

Genovese M. A. Encyclopedia of the American Presidency. Rev. Ed. — N. Y. : Facts On File, 2010.

Hamilton N. A. Presidents : a biographical dictionary. — N. Y. : Facts On File, 2005.

Jenkins R., Schlesinger A. M., Jr. Franklin Delano Roosevelt. — General Editor Times Books, 2003. (The American Presidents Series: The 32nd President, 1933—1945).

Roosevelt E. The Autobiography of Eleanor Roosevelt. — N. Y. : Da Capo Pr., 1992.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Г. Беляевская

УДК 811.161.1'37+811.16
ББК Ш141.2-7 *ГСНТИ 16.21.27; 16.21.49* *Код ВАК 10.02.19*

К. Д. Наумов
Саратов, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИДИОМ НА БАЗЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. *Рассматривается проблема функционирования идиом, восходящих к славянским языческим представлениям в современной российской прессе. Сделан вывод о том, что главными факторами продуктивности конкретных фразеологизмов в текстах политической тематики является их семантика и стилистическая маркированность, хотя и сакральная мотивация активно обыгрывается журналистами в идеологических и экспрессивно-оценочных целях.*

Ключевые слова: *идиома; сакральность; язычество; политический дискурс.*

Сведения об авторе: *Наумов Клим Дмитриевич, аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.*

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

Контактная информация: *410012 г. Саратов ул. Астраханская, 83, 11 корп. СГУ, ауд. 207.*
e-mail: klimenty@inbox.ru.

K. D. Naumov
Saratov, Russia

IDIOMS FUNCTIONING ON BASIS OF THE SLAVONIC PAGAN CONCEPTIONS WHITHIN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. *The article deals with the problem of idioms functioning of which goes back to to Slavonic Pagan Conceptions in the modern Russian press. The conclusion is that the primary factors of the definite phraseological units efficiency goes to its semantics and stylistic markedness, though sacred motivation is being actively playacted in ideological, evocative and appraisive purposes.*

Key words: *idiom; sacrality; paganism; political discourse.*

About the author: *Naumov Klim Dmitrievich, Postgraduate Student of the Chair of Language Theory, History and Applied Linguistics.*

Place of employment: Saratov State University n.a. N.G. Chernyshevsky.

Большинство современных лингвистов рассматривает идиоматику как один из основных способов отражения языковой картины мира этноса: «Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода „нишей“ для кумуляции мировидения … данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996: 214]. В наиболее категоричной форме такой подход отражен в утверждении: идиоматика — «святая святых национального языка» [Бабкин 1979: 7]. Наряду с этим в последние годы высказывается мнение, что «априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально специфических черт оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным» [Баранов, Добровольский 2008: 251]. Поэтому более корректной представляется точка зрения, согласно которой во фразеологической картине мира получают отражение как общечеловеческие (универсальные), так и национально специфические элементы, связанные с интерпретацией фактов и явлений действительности в соответствии с конкретными особенностями культурно-исторического развития народа [Фархутдинова 2000: 30—32].

Не менее острой является дискуссия о том, можно ли считать концептосферу идиоматики частью современной картины мира, ведь в ней, как справедливо подчеркивает большинство исследователей, отражен прежде всего культурно-национальный опыт и народные традиции. Чтобы ответить на этот вопрос, нам представляется необходимым решить две задачи: 1) установить, насколько активно используется в современной речи та или иная часть фразеологического корпуса, единая по своей внутренней форме; 2) выявить степень осознанности данной формы современными носителями языка и ее влияния на употребление идиом в речи. Анализ функционирования фразеологических единиц (в дальнейшем — ФЕ), мотивация которых связана с такой «несовременной» сферой, как славянские языческие представления, в одном из продуктивных типов дискурса — политическом [Шейгал 2004; Чудинов 2006], в частности в общественно-политической прессе, поможет, на наш взгляд, выявить степень актуальности этой части фразеологии в современной картине мира русского этноса.

На основе сплошной выборки из современных фразеологических словарей русского языка [Алефиренко, Золотых 2008; Бирих 2005; Дубровина 2010; Молотков 1978; Тихонов 2004; Яранцева 2001] нами было выявлено 215 ФЕ, внутренняя форма которых связана с отражением славянской политеистической религиозной системы (верований, обрядов: анимизма, культа предков, магии, тотемизма, фетишизма и др.).

Как показал анализ внутренней формы ФЕ, в русской фразеологии регулярно фиксируется единицы, восходящие к следующим группам славянских сакральных когнитивно-культурных представлений:

1) сакрализация фундаментальных стихий мироздания — воды, огня, земли (ср.: *живая / мертвая вода* — в древнерусских языческих представлениях за водой признавалась маги-

© Наумов К. Д., 2012

ческая сила: живая вода — текучая вода — считалась животворящей; мертвая вода — талая или спокойная, не текучая — считалась целительной);

2) сакрализация различных видов пространства (ср.: *заколдованный круг* — по суеверным представлениям, пространство внутри магического (заколдованного) круга недоступно для действия враждебных (темных) сил; *в тихом омуте черти водятся* — в омутах, по древним поверьям, живут водяные и вировики — духи воды);

3) сакральное представление о жизни и смерти; сакрализация предков (ср.: *не от мира сего* — выражение восходит к мифологическому представлению о двух мирах: этот (сей, белый) — мир живых и тот (иной, другой, лучший, загробный) — мир мертвых; *перемывать косточки* — выражение связано с обрядом так называемого вторичного захоронения: по суеверным представлениям, всякий нераскаявшийся грешник, если над ним тяготеет проклятье, после смерти выходит из могилы, обычно в виду упыря, вурдалака, и губит людей, высасывая кровь, а обряд промывания останков снимает заклятье);

4) персонификация сакральных сил — богов и духов (ср.: *Баба-яга костяная нога* — в славянской языческой мифологии богиня смерти и воскрешения; *мелким бесом вертеться* — в древней славянской мифологической иерархии злых сил мелкие бесы (чертенята) — низший чин; чем мельче бес, тем угодливее он должен себя вести; *смотреть букой* —исконно русское мифическое существо, привидение или лесной демон, которым пугали детей);

5) сакрализация животных и растений (*влюбиться как черт в сухую ракиту* — в славянской мифологии старые, трухлявые, сухие деревья связывают с нечистой силой; *черная кошка дорогу перебежала* — по распространенному общеславянскому суеверию, злые духи, колдуны, ведьмы и т. п. способны воплощаться («оборачиваться») в черную кошку или в зайца; *менять кукушку на ястреба* — выражение восходит к славянским представлениям о сезонных превращениях кукушки и ястреба: по мифологии, ястреб является вместилищем злой души);

6) культовые действия, обряды, заговоры и обереги, связанные с языческими сакральными представлениями (ср.: *выносить вперед ногами* — на Руси покойника выносят из дома ногами вперед из суеверных представлений, чтобы он не мог вернуться; во время эпидемий покойника выносили вперед головой, чтобы он не увел с собой остальных; *бабушка надвое сказала* — под «бабушкой» здесь имеется в виду гадалка, знахарка, которая с помощью древнейшей магии или по картам могла ворожить, т. е. узнавать судьбу человека, погоду, заговаривала от болезни и от сглаза).

Следует, однако, отметить, что такого рода сегментация достаточно условна, поскольку данные представления, а следовательно, и выделенные группы взаимосвязаны, например следующие: сакрализация стихии; пространства и их персонификация; культовые действия, обряды, заговоры (ср.: *все бесы в воду, да пузыри вверх* — у восточных славян был обычай мириться у воды (обрядовое действие); чтобы закрепить мирное соглашение, крестьяне кидали камень в воду (сакральное пространство и сакральная стихия), говоря при этом: «Все бесы в воду, да пузыри вверх»).

Кроме того, объемная группа ФЕ основана на представлениях, общих для разных нехристианских политеистических культов и христианства (ср.: *проливать кровь* — выражение древнерусское, смысл которого восходит к обычаю кровавых жертв богам, причем часто приносили в жертву детей-первенцев; позднее проливали несколько капель их крови или закалывали животное, что отражено, например, в библейском тексте; *предать смерти* — идиома восходит к мифологическому представлению о смерти как о живом существе, которое приходит к живому человеку и забирает его с собой в потусторонний мир (персонификация смерти типична и для христианской средневековой Европы); *отправиться к праотцам* — фразеологизм основан на представлении о загробном мире, где обитают предки (праотцы) всех ныне живущих, а само выражение, по мнению ряда лингвистов, является калькой с латинского; *встать с левой ноги* — у многих народов существует поверье, что встать с постели левой ногой — значит провести дурной день; понятия о правом и левом издавна соединялись с понятиями добра и зла: считалось, что каждый человек имеет духа-покровителя с правой стороны и духа-искусителя — с левой).

Как показывает анализ данных газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка за 2003 — 2011 гг., фразеологизмы, восходящие к славянским языческим представлениям, в политической публицистике используются достаточно регулярно, однако активность отдельных единиц зависит от целого ряда факторов.

Первый из таких факторов — степень актуальности внутренней формы фразеологизма, поскольку абсолютное большинство современных носителей языка плохо знакомо с языческой славянской системой, прежде всего с древней, исходной. В частности, практически невостребованными оказываются ФЕ, включающие во внутреннюю форму номинации многих языческих богов и духов, например: *Лады у воды* — ‘о заключении брачного союза’ (славянская богини Лада считалась покровительницей брака); *метать перуны* — ‘сильно сердиться, ругать кого-л., неистовствовать’ (как верховный бог восточнославянского языческого пантеона, Перун ездил по небу на колеснице и метал огненные стрелы — молнии, или перуны).

Исключением являются сакральные образы, активно используемые в фольклоре, прежде всего в адаптированных детских сказках, в фильмах и мультфильмах на базе таких сюжетов, например:

- *Берендеево царство* — ‘чаща, глухой лес’ (Берендей — один из лесных духов, хозяин леса). В массмедиа употребление ФЕ ограничено текстами экологической проблематики — об отношении властей к сохранению лесов и их охране, незаконной вырубке и строительству и т. п.; ср.: *И в других районах **Берендеево царство** готово отдать человеку еще более 600 тысяч кубометров*. [П. Костюшко. Шумел сурово Брянский лес // Труд-7. 2004.06.04]; *Сегодня император и вовсе бы упразднил оклады служителям **Берендеева царства*** [П. Костюшко. Отшумел Брянский лес? // Труд-7. 2004.03.12]; *Подножие горы — влажный тропический лес, **„Берендеево“ царство*** [С. Шелохаев. ИНГОССТРАХ покоряет вершины // Труд-7. 2003.03.19];
- *Кикимора болотная* — 1) ‘о некрасивой, неопрятно одетой женщине’; 2) ‘о нелюдимом, чуждающемся общества человеке, обычно женщине’ (кикимора в восточно- и (частично) южнославянской мифологии — «домовой в юбке»; безобразная, неопрятно одетая и зловредная старуха, предпочитающая жить в сырых местах (болотах); бьет горшки, путает пряжу, жжет кудель, не осененную на ночь крестом, портит хлебы, ощипывает кур и т. д.). В политической публицистике ФЕ обычно используют в видоизмененном виде при характеристике вызывающих неприязнь женщин-политиков, но не только их: *Валерия НОВОДВОРСКАЯ: – Да все они взаимозаменяемы. Была бы какая-нибудь **кикимора партийная***. *Владимир ЖИРИНОВСКИЙ: — Мог бы и Горбачев до сих пор сидеть*. [А. Гамов, О. Вандышева, В. Баранец, О. Улевич. Если бы Ельцин свалился с лестницы, союз бы не развалился // Комсомольская правда. 2006.12.08].

Однако широкое использование сакральных образов в литературе и кинематографе может приводить к тому, что функционирование ФЕ в политической публицистике определяется именно прецедентным текстом. Например, идиома *Кощей бессмертный* (олицетворение «темных» сил — чрезвычайно худой, костлявый старик, сказочно богатый, но чрезвычайно скупой и алчный) в языке функционирует в значении ‘злой, жадный, скупой человек’. В прессе идиома используется при характеристике финансовой политики государства, его отдельных структур, причем такое употребление регулярно мотивировано текстом поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»; ср.: *Но если Кабинет министров **чахнет над своим триллионом рублей, словно Кощей бессмертный**, не зная, куда его применить, то решить судьбу нашей заначки мы доверили народу* [В. Рукобратский, А. Овчинников. Даешь народу нефтедоллары! // Комсомольская правда. 2005.06.29]; *А оно собрало в Стабфонде 350 млрд. рублей и **чахнет над ними, как Кощей бессмертный над золотым сундуком*** [А. Седов. Получаем все больше, работаем как всегда // Комсомольская правда. 2004.10.18]; *Пенсионный фонд **чахнет над этими деньгами, как Кощей бессмертный над златом*** [В. Бутаев, А. Выползов. Из пенсионных капиталов россиян строят «пирамиду»? // Комсомольская правда. 2003.12.05].

Недостаточное знакомство с конкретными языческими представлениями, положенными в основу формирования фразеологизмов, не препятствует их широкому использованию в современных массмедиа в том случае, если сакральный образ достаточно обобщенный и не требует специальной расшифровки (например, ФЕ *нечистая сила* — ‘о ком-, чем-л. неприятном, враждебном, злом’ — в общественно-политической прессе 2003 — 2011 гг. зафиксирован около 150 раз), а также в том случае, если этот образ может быть объяснен вполне объективными (не мифологическими) причинами.

Например, в современном русском языке функционирует целый блок ФЕ, мотивация которых связана с сакрализацией водной стихии и языческими культовыми действиями с ней: *вилами по воде писано* — ‘что-л. очень сомнительно, не заслуживает доверия’ (с помощью языческого оберега-заговора крестьяне «предохранялись» от водяного, чертя во время заговора крест, обычно ножом, косой как символами языческого бога Перуна); *выходить сухим из воды* — ‘избегать заслуженного наказания; оставаться незапятнанным в трудных и неприятным ситуациях’; *как в воду опущенный* — ‘о человеке, имеющем унылый, подавленный вид’ (в соответствии с древним обычаем «Божьего суда» обвиняемого бросали в реку или озеро: всплывший признавался виновным, потонувший — невиновным); *как в воду глядел* — ‘о человеке, предвидевшем, точно предсказавшем что-л.’ (в соответствии с древними верованиями в магическую силу воды знахари и колдуны всматривались в отражение в озере, реке, сосуде с водой, произносили различные заклинания и по состоянии поверхности воды предсказывали будущее). Семантика каждой из этих идиом может быть «выведена» из обыденных представлений о воде (вода прозрачна, и сквозь нее можно видеть; вода, как жидкость, не может быть деформирована с помощью острого предмета; вода обязательно замочит находящийся в ней предмет; эта среда опасна для человека). Не случайно данные ФЕ широко представлены в современной политической публицистике: ***Как в воду глядел,** вещая: „Не успеет окончиться XX век, как наступит крах коммунизма“* [Американский пророк 100 лет назад предсказал возрождение СССР // Новый регион 2. 2008.01.10]; *Если же говорить о гипотетических залежах углеводородного сы-*

рья в зоне, на которую претендует Россия, то и здесь всё ***вилами по воде писано*** [Промотанное наследство // РИА Новости. 2008. 02.22]; *Вот как прокомментировала эту ситуацию одна из сотрудниц городского управления образования, попросив не называть ее имени: „Руководство* ***вышло сухим из воды“*** [М. Корец. Школа терпимости // Труд-7. 2003. 10.09].

Показательно, что при употреблении некоторых сакральных ФЕ их семантика регулярно мотивирована не мифологическим представлением, а языковым (прямым или переносным) значением компонентов идиомы; ср.: *Он в вольной беседе рассказал анекдот: „Страшный сон Пенсионного фонда — это* ***Кощей Бессмертный*** *— пенсионер“* [Страшный сон Пенсионного фонда // Труд-7. 2006.12.01]; ***Живая вода*** *в понимании современного человека — это вода, в которой после соответствующей обработки не снижается содержание полезных солей и минералов, уничтожаются микробы, вирусы и паразиты* [Пить или не пить? // Комсомольская правда. 2002.01.26]). Не случайно, вопреки сакральному представлению, отраженному и в русских сказках, мертвая вода ассоциируется в политической публицистике не с исцеляющей силой, а с негативным, вредоносным, дестабилизирующим фактором: ***„Мертвая вода“*** *дойдет до Иртыша, Тобола, Исети, оставляя радиоактивный след* [В. Писанов. Теченская бомба // Труд-7. 2002.09.06]; *При слове „ЦИК“ кажется, что тебя поливают из телевизора* ***мертвой водой***. [В. Ворсобин. Михаил Задорнов: Год получился удачным, ведь ничего хорошего я от него не ждал // Комсомольская правда. 2004.12.22].

В целом наиболее употребительными в современных массмедиа становятся фразеологизмы, полностью или частично утратившие связь с исходным сакральным представлением, способные мотивироваться языковой семантикой отдельных своих компонентов. В этом случае внимание читателя полностью сосредоточено на семантике идиомы, а не на породившем ее образе; ср.: *приносить жертву* — более 1300 употреблений; *как на ладони* — около 170 употреблений; *чем черт не шутит* — более 130; *черт возьми* — около 90; *на чем свет стоит* — более 60. Достаточно продуктивны также те ФЕ, сакральная суть которых хорошо знакома современным носителям языка (например, противопоставление этого и того света, бытующие и в настоящее время суеверия): *не от мира сего* — более 50 употреблений; *гадать на кофейной гуще* — около 90; *как рукой сняло* — более 40.

Второй фактор, влияющий на продуктивность использования в политическом дискурсе исследуемых ФЕ, — их стилевая и стилистическая маркированность.

Так, почти не встречаются в прессе устаревшие, книжные идиомы: *отослать к праотцам* (устар., книжн., высок.) — ‘убить, погубить’; *пропади пропадью* (устар.) — ‘пожелание отделаться от кого-л.’; *черту баран* (устар., презр.) — ‘о самоубийце’. Как правило, журналисты избегают бранных, грубо-просторечных идиом: *беса лысого* (грубо-прост.) — ‘ничего, совсем ничего не (получить, дать, понять, сделать и т. п.); *леший дернул за язык* (прост.) — ‘неизвестно зачем понадобилось сказать что-л.’; *на кой черт!*; *на черта!* (прост., бран.) — ‘зачем?’; *послать ко всем чертям* (прост., бран.) — ‘прогнать кого-л.’; *пропасти на тебя нет!* (прост., бран.) — ‘выражение негодования, досады’. Исключение составляет прямая речь (или ее имитация) героев репортажей, интервью: *— И меня словно* ***черт за язык дернул****: „Товарищ Сталин, у нас нет похоронных команд“* [С. Кашурко. Никто не забыт? Ничто не забыто? // Труд-7. 2003.06.21]; *Пока 33-летний Давид и 35-летний Сергей все отрицают, мол,* ***бес попутал*** [А. Родкин. Двух байкеров-грабителей ловили 100 милиционеров-мотоциклистов // Комсомольская правда. 2006.09.21]; *Семь лет прожил дома, с женой. А тут как* ***бес попутал*** [А. Евтушенко. Отсидим пятилетку в три года! // Комсомольская правда. 2001. 04.06]); *— А* ***какого лешего*** *ты на солнце смотрел?* [Л. Корниенко, Ю. Жуковская. И от солнца бывают пятна!.. // Комсомольская правда. 2003.07.22]; *— А нищую-то* ***на кой ляд*** *прикупать?* [О. Шаповалов. Русская мясорубка — бессмысленная и беспощадная // Комсомольская правда. 2008.01.28].

Вместе с тем нельзя сказать, что стилевая и стилистическая маркированность — препятствие для использования исследуемых ФЕ в политическом дискурсе. Напротив, в газетах, как и в языке в целом, характеризующая и экспрессивная функции — базовые для идиоматики; ср.: *хлебнуть лиха* (прост.) — ‘испытать много лишений, бед, нужды и переживаний’: *Европа в 2003 — 2004 годах экономика Евросоюза* ***хлебнула лиха*** *из-за укрепления евро* [Выгоден ли нам крепкий рубль? // Комсомольская правда. 2005.08.22]; *черт ногу сломит* (прост.) — ‘никому не под силу справиться с чем-л.; невозможно разобраться в чем-л.’: *А сколько сочиняется муторных законопроектов, в которых* ***черт ногу сломит!*** [О. Нестерова. Дадим-ка мы козлу пенделя... // Труд-7. 2007.06.23].

Стилистическая и эмоционально-экспрессивная окраска употребляемых ФЕ напрямую связана с тематикой и конкретными задачами публикации.

Так, книжные и устаревшие идиомы (особенно со значениями ‘погубить’, ‘погибнуть’) регулярно используются в статьях о масштабных террористических актах, бедствиях, войнах (прежде всего — Великой Отечественной), массовых репрессиях и т. п.: *Если бы возобладала либеральная позиция — мол, не надо зря* ***проливать кровь*** *солдатскую — все, проиграли*

бы войну. [А. Бирюлин. Когда одни насилуют других // Труд-7. 2007.05.25]; *По их мнению, советские генералы компенсировали свою бездарность солдатскими жертвами,* ***положив на алтарь*** *победы 25 млн. человеческих жизней* [В Нью-Йорке отмечают День Победы // Новый регион 2. 2007.05.09]; *Страшную* ***жертву принесла*** *Россия* ***на алтарь*** *бога машин в 2006 году — 33 тысячи погибших в ДТП за 12 месяцев* [П. Орлов. Иду на обгон. А зачем? // Труд-7. 2007.01.30].

Книжная идиома *не от мира сего* (‘о человеке, не приспособленном к жизни; о фантазере, мечтателе’) в политической публицистике становится постоянным эпитетом (около 50 употреблений) при характеристике российской интеллигенции, продолжающей бескорыстно служить науке и искусству: *Впрочем, далеким от математики обывателям он больше известен тем, что считается человеком* ***не от мира сего*** [О. Нестерова. Калашников, Перельман и другие // Труд-7. 2007.10.30]; *Становится понятно, почему Шаховых тут считают… ну,* ***не от мира сего*** [М. Корец. Мы — переводчики космоса // Труд-7. 2008.01.12].

Самоотверженность человека и социума часто характеризуется с помощью книжных и устаревших идиом с субстантивами *жертва* и *алтарь* (ср.: *возлагать (приносить) <труд, опыт, талант и т. п.> на алтарь* — ‘самоотверженно трудиться во имя чего-л.’; *возлагать (приносить) жертву на алтарь <отечества, свободы, науки, дружбы, любви и т. п.>* — ‘жертвовать чем-л. во имя отечества, свободы, науки, дружбы, любви и т. п.’; *приносить жертву* — ‘лишать себя чего-л. во имя кого-, чего-л.’), причем «алтарь» в этом случае воспринимается как языческое капище, а не часть интерьера христианского храма, например: *Комментируя достигнутые договоренности между „Нафтогазом Украины“ и „Газпромом“, Юрий Бойко отметил, что стратегические интересы Украины* ***были принесены в жертву*** *политическим и бизнес-интересам Юлии Тимошенко и ее спонсоров* [Миссис «газовая война» ведет Украину к экономическому кризису // Новый регион 2. 2008.03.14]; *„Вы должны решить, хотите ли вы* ***принести*** *свободу в России* ***в жертву на алтарь*** *газа и нефти“, — призывает Трегубова лидеров западных стран* [«Кремлевская диггерша» призывает Запад «не благоволить» Путину // Новый регион 2. 2007.06.05]; ***Положив*** *свой рейтинг* ***на алтарь*** *единороссов, Путин при этом доставил им немало хлопот — порушил стройную конфигурацию рядов партийных кандидатов* [Один за всех // РБК Daily. 2007.10.03].

Столь же регулярно книжные и устаревшие идиомы используются в иронических контекстах: *Видимо, нет такой жертвы, которую новобранцы НАТО и ЕС не* ***принесли*** *бы* ***на алтарь*** *особых отношений с глобальным Четвертым рейхом* [Эстония платит за фашизм // РБК Daily. 2007.07.20]; *Какие фобии станут пестоваться, и какие ценности будут* ***положены на алтарь*** *„суверенной“ демократии?* [Экспертиза «Нового Региона»: апатия вне закона // Новый регион 2. 2007.12.06]; *Выдавливание Михаила Живило из Кузбасса проходило при активном участии губернатора Амана Тулеева, который весь свой талант блестящего политика* ***возложил на алтарь*** *победы над Живило* [Новая национализация экономики России или по Тулееву звонит колокол? // Новый регион 2. 2007.02].

Однако наиболее востребованными и разнообразными по системе мотиваций, семантике, выполняемым функциям в газетной политической публицистике становятся экспрессивные разговорные (реже просторечные) ФЕ: *Похоже, в последнем случае британских экспертов* ***бес попутал*** [О. Нестерова. Калашников, Перельман и другие // Труд-7. 2007.10.30]; *Поэтому стоит ли* ***очертя голову*** *кидаться в очередные крайности, …не учитывая горького опыта „социально-экономической эволюции“ некогда процветавшей Корякии?* [Е. Комарова. Трещина на фасаде // Труд-7. 2003.06.20].

Третий, причем ведущий фактор, который влияет на продуктивность в политическом дискурсе исследуемых фразеологизмов, — это языковая семантика исследуемых единиц.

Так, практически не используются идиомы, значение которых связано с номинацией природных явлений, флоры и фауны, с характеристикой человека с точки зрения его внешних данных, мимики, жестов, положения в пространстве, конкретного проявления эмоций и т. п. (например, *бесовская свадьба* — ‘о снежной метели, вихре’; *перуны блещут* — ‘о сверкании молний’; *еще черти не дерутся / не бьются на кулачки* — ‘очень рано’; *ведьмины метлы* — ‘пучки тонких укороченных ветвей с недоразвитыми листьями, образуемыми вследствие болезни растений’; *Баба-яга костяная нога* — ‘о безобразной старой женщине’; *бесенята играют в глазах* — ‘об озорном, лукавом взгляде’; *как с того света вернулся* — ‘очень бледный, больной’; *смотреть букой* — ‘иметь угрюмый, неприветливый вид’; *леший обошел* — ‘о сбившемся с пути человеке’; *ни один черт не зайдет* — ‘никто не зайдет’). Это естественно, поскольку данные феномены редко являются темой политических массмедиа.

Напротив, чрезвычайно востребованными оказываются идиомы, семантика которых связана с эмоционально-экспрессивной характеристикой личности в морально-этическом и поведенческом плане, причем данные ФЕ используются как по отношению к конкретным политическим деятелям, так и по отношению к обобщенным политическим силам, социальным группам, государствам и социально-экономическим явлениям в целом: ***Громы и молнии*** *по поводу цен на газ и RUE вчера* ***метала*** *Юлия Тимошенко* [Тимошенко взялась за старое //

РБК Daily. 2007.12.06]; *Но если Главная военная прокуратура будет лишь **метать** в них **громы и молнии,** не привлекая к уголовной ответственности конкретных виновников, положение вряд ли изменится* [В. Баранец. С терроризмом в долг не воюют // Комсомольская правда. 2006.12.20]; *Goldman Sachs, бывший работодатель нынешнего министра финансов США, имеет шансы **выйти сухим из воды** и даже увеличить прибыль* [Не пугать инвесторов // РБК Daily. 2007.09.19]; *Генпрокуратура старается опровергнуть утверждение, будто „украдешь мало — получишь много, украдешь много — **выйдешь сухим из воды“*** [В. Донской. Премьеру досталось // Труд-7. 2003.07.30]; *СМИ приводят десятки фактов, а с главы Пушкинского района **как с гуся вода*** [И. Качаева. Пушкино как зеркало коррупционной пирамиды // Труд-7. 2007.10.16]; *Больше других мне понравился материал „Слиская тема“, но со Слиски **как с гуся вода*** [«Пишите о жизни настоящей...» // Труд-7. 2006.12.30]; *А с чиновников **как с гуся вода*** [А. Алексеев. Бывает, водки мало // Труд-7. 2006.01.28]).

В употреблении ФЕ можно усмотреть определенную систему.

Так, идиомы, семантика которых связана с характеристикой бедственного положения личности, различного рода несчастий и лишений, регулярно используется при описании социально-экономической, правовой ситуации в современной России и ее советском прошлом: *Мы и так за последние десятилетия **хлебнули лиха*** [М. Андреев. «Горячие головы», шаг вперед! // Труд-7. 2001.11.14]; ***И из огня да в полымя**: в пекло Великой Отечественной* [Л. Репин. Под прицелом кинорепортера // Комсомольская правда. 2006.11.20]; *Центробанк **меж двух огней.** Загадывать надолго вперед эксперты не берутся* [В. Бутаев. Почему дешевеет доллар // Комсомольская правда. 2003. 10.20]; *Когда я вспоминаю происшедшее за последние десять лет, мне иногда кажется, что все случилось как в сказке, героям которой надо было **пройти через огонь и воду*** [Н. Шевцов. Скучно работать без конкурентов // Труд-7. 2002.07.23]; *Итак, Кремлю нужен громоотвод, который принимал бы на себя, с одной стороны, **громы и молнии** населения, а с другой стороны, прикрывал бы центральную власть от критики со стороны Запада* [Е. Анисимов. «Право руля!» // Комсомольская правда. 2003.12.16]; *Все мы глубоко благодарны поколению людей, на долю которых **выпал тяжкий жребий** войны*… [Празднование Дня Победы прошло в России, странах СНГ и Балтии // РИА Новости. 2007.05.10].

Фразеологизмы, обобщенно называющие эмоции и эмоциональные состояния (обычно отрицательные), активно употребляются в риторических вопросах к политическим противникам, представителям власти, в высказываниях, являющихся эмоциональной доминантой текста или его части: *Если ты такой крутой и успешный, и все у тебя там, в Кремле, на мази, то **на кой ляд** звезданулся?* [Н. Ефимович. Астроном Шварцман и «бархатная реприватизация» // Комсомольская правда. 2007.12.07]; *А если концепция рушится при слабости лишь одного ее звена — **на кой ляд** нам такая концепция?* [Серебряный звон — удача или разочарование? // Комсомольская правда. 2002. 05.14]; *Как мы уже писали, чета иммигрантов из России в течение нескольких лет добивалась статуса политических беженцев, в чем им было дважды отказано. Какая **нелегкая занесла** их во Францию?* [В. Прокофьев. Ване дорого достался вид на жительство // Труд-7. 2007.08.14]; *В 90-е годы настоящих профессионалов-политтехнологов было мало. А выборов — **до черта*** [О. Вандышева. «День выборов»: Как сделать политика из массажиста // Комсомольская правда. 2007.11.29]; *— Какая, **к черту,** стабильность, если уже и нас, простых, трясет политика!* [Л. Безрукова. Не стой под стрелой! // Труд-7. 2007.10.12]; *„Копните Пенсионный фонд — там столько разных функций и финансовых потоков, что **черт ногу сломит“,** — говорит депутат Госдумы Оксана Дмитриева* [А. Проценко. Трать — не хочу... // Труд-7. 2006.11.25].

Далеко не всегда журналисты обыгрывают внутреннюю форму ФЕ. Вместе с тем такая тенденция существует и часто проявляется. В частности, регулярно намеренно ассоциируются с темными сакральными силами или сакральным пространством политические противники (личности, партии, государства), чуждые этнические, социальные группы, некомпетентные или забюрократизированные властные структуры, олигархи, а также отрицательные социально-экономические явления, злоупотребления: *Цены на нефть — запредельны, в подвалах ЦБ почти 100 миллиардов долларов — какая **нечистая сила** способна на таком благополучнейшем фоне спровоцировать кризис?* [Чем вас обрадовал или огорчил телеэкран на минувшей неделе? // Труд-7. 2004. 07.15]; *Но Буш так и не вышел к народу по той причине, что **„нечистая сила“ попутала** флоридские избиркомы неверно подсчитать результаты* [В. Сиснёв. Победителя определит фотофиниш // Труд-7. 2000.11.10]; *Последним камнем, брошенным Мироновым **в тихий омут** российской политики, стало предложение перевести (хотя бы частично) столицу в родной ему Санкт-Петербург* [Обновленный Совет Федерации: «Вешать молодого спикера Миронова пока рано, а старого Строева уже поздно» // Комсомольская правда. 2002.01.30]; *Будь он хоть коммунист, хоть анархист, хоть, извините, **черта лысого приверженец** — лишь бы пером владел хорошо, — говорил вашему корреспонденту примерно за полчаса до начала церемонии известный критик, ответственный секретарь „Бестселлера“*

Виктор Топоров [Л. Безрукова. Бестселлер по-русски // Труд-7. 2001.05.30]; *Что касается КПУ и КПУ(о), 13-е место прекрасно перекрывает 1-ое место, потому что его можно прекрасно обыграть — **чертова дюжина,** счастливое число, 13 как сакральный символ* [Украинские коммунисты надеются на православных и Иисуса Христа // Новый регион 2. 2007.09.04]; *— Но у нас **заколдованный круг**: чтобы этот план получить, надо иметь свидетельство о праве собственности на землю* [А. Доброхота. Все об оформлении сделок с жильем и землей (Часть 2) // Комсомольская правда. 2007. 06.26]; *Похоже, в последнем случае британских экспертов **бес попутал*** [О. Нестерова. Калашников, Перельман и другие // Труд-7. 2007.10.30].

Таким образом, с одной стороны, четко фиксируется оценка политических сил с позиции журналиста и части общества, представителем которого он себя позиционирует, а с другой — именуемые феномены демонизируются, начинают восприниматься как фатальная сила, бороться с которой почти невозможно.

Регулярно деятельность отдельных политиков, социально-экономических и политических групп, властных структур в России и в мире ассоциируется с языческими заговорами, культовыми и магическими обрядами: *Насколько эта политика будет эффективна, еще **бабушка надвое сказала*** [В. Голованов. Перебор с капитализмом // Труд-7. 2006.09.27]; *Многие гадают, кто будет преемником Владимира Путина. На чем лучше **гадать? На гуще? На бобах? Вилами на воде?** Какое на сей счет есть указание из Кремля?* [М. Кононенко. «Профессия у меня такая — гут, а что?» // Труд-7. 2006.07.06]; *Но предположительные выгоды еще **вилами по воде писаны,** а киевские должности и депутатские квартиры — вот они* [Украина нуждается в рассечении промежности // Новый регион 2. 2006.03.24]; *Найдут ли их в муниципальных бюджетах, на попечении которых финансирование школ, — **вилами по воде писано*** [О. Нестерова. Держи карман шире // Труд-7. 2001.04.13]; *Пока права местных жителей, так сказать, **вилами на воде писаны*** [П. Костюшко. Озеро на замке // Труд-7. 2004.02.13]; *В связи с этим и россияне, и вновь востребованные в странах Запада кремленологи вынуждены **гадать на кофейной гуще*** [Зарубежная пресса: Волошин и Абрамович помогут Медведеву взять власть // Новый регион 2. 2008.03.03]; *Прогнозирование цен — гадание на кофейной гуще* [А. Зюзяев. Прибавки к зарплатам съест инфляция? // Комсомольская правда. 2007.12.25]; *Мы когда-нибудь слезем с нефтяной иглы или у нас **на роду написано** на ней сидеть?* [Л. Кафтан, А. Седов. Игорь Шувалов, помощник президента по экономическим вопросам: Зарплаты вырастут, даже если упадут цены на нефть // Комсомольская правда. 2005.09.29].

Тем самым журналисту удается выразить иронию по поводу характеризуемых действий, тенденций в развитии и т. д. Наиболее ярко это проявляется при преобразовании фразеологической единицы, обыгрывании не только ее внутренней, но и внешней формы: *С тех пор как в Лондоне **БАБушка надвое сказала,** т. е. Борис Абрамович сперва сообщил, что финансирует „Другую Россию“, а затем внес в свои речи исправления, указав, что не финансирует и что его превратно поняли, прошло известное время и все успели забыть про эту двойственность* [М. Соколов. «Предчувствие катастрофы» // Известия. 2007.06.15]; *В Якутии получилось „**из огня да в полымя**“*. [Н. Иванова. После пожара наводнения // Труд-7. 2001. 06.08].

Таким образом, ФЕ, сформированные на базе языческих сакральных представлений, активно используются в современном политическом дискурсе, хотя это не влечет за собой активизации значимости самих сакральных представлений в сознании носителей языка. В то же время журналисты регулярно обыгрывают и внутреннюю форму исследуемых идиом. В этом случае они ориентируются на традиционную картину мира, отраженную в данном блоке ФЕ. Возможность подобных характеристик связана также с тем, что именно в последние годы, в том числе в общественно-политической прессе, активно публикуются статьи по древним языческим культам: описывают обряды, сакральные действия, трактуется магический смысл суеверий, заговоров; ср.: *Языческие представления о сидах в средневековом христианском сознании превратились в представления о **нечистой силе,** выходящей в этот день пугать благочестивых обывателей* [1 ноября // РИА Новости. 2007.11.01]; *В народе бытует мнение о безотказном способе поиска **живой воды** с помощью лозоходов* [А. Сидоров. Если в кране нет воды, жди напасти и беды // Труд-7. 2002.09.02]; *Очертив вокруг башни **„магический“ круг,** он* [экстрасенс] *окурил ее дымом сухого зверобоя, после чего „подключился к космосу“ и принялся „выпрямлять“ памятник всевозможными пассами* [А. Лушников. Кто спас гордость Аизы? // Труд-7. 2001.02.22]; *У нас в соседней деревне женщина **на бобах гадает*** [С. Хустик. Красноярский солдат скрывался от армии и родных 12 лет // Комсомольская правда. 2006.09.23]. Это способствует активизации языческой сакральной картины мира, отраженной в современной русской идиоматике.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики. — М. : ЭЛПИС, 2008.

Бабкин А. М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография 1977. — М., 1979. С. 3 — 15.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. — М. : Знак, 2008.

Бирих А. К. Русская фразеология : ист.-этимол. слов. — М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005.

Дубровина К. Н. Энциклоп. слов. библейских фразеологизмов. — М. : Флинта : Наука, 2010.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

Фархутдинова Ф. Ф. Роль паремий в лингвокультурологических исследованиях // Фразеология 2000 : Материалы Всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». — Тула, 2000. С. 30—32.

Фразеологический слов. рус. яз. / под ред. А. И. Молоткова. — М. : Рус. яз., 1978.

Фразеологический слов. современного русского литературного языка : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. — М. : Флинта : Наука, 2004.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта, 2006.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Яранцев Р. И. Русская фразеология : слов.-справ. — М. : Рус. яз., 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. В. Балашова

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.2-311 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*

Е. А. Нахимова
Екатеринбург, Россия

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ОНИМОВ: ОККАЗИОНАЛИЗМЫ, НЕОЛОГИЗМЫ, АРХАИЗМЫ И ИСТОРИЗМЫ

Аннотация. *Проводится дифференциация собственно лексических архаизмов и прецедентных онимов, относящихся к числу архаизмов, историзмов, неологизмов, окказионализмов, регионализмов и интернационализмов.*

Ключевые слова: *прецедентность; оним; неологизм; архаизм; историзм; окказионализм; регионализм; интернационализм.*

Сведения об авторе: *Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.*
Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).
Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.*
e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

E. A. Nakhimova
Ekaterinburg, Russia

HISTORICAL DYNAMICS OF PRECEDENT NAMES: OCCASIONALISMS, NEOLOGISMS, ARCHAISMS, HISTORISMS

Abstract. *Differenciation of lexical archaisms and precedent names: archaisms, historisms, neologisms, occasionalisms, regionalisms and internationalisms is given in the article.*

Key words: *precedence; onym; archaism, historism, neologism, occasionalism, regionalism and internationalism.*

About the author: *Nakhimova Elena Anatolievna, Candidate of Philology, Doctoral Student.*
Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Историческая динамика лексических систем — это универсальная закономерность, давно и тщательно изученная на материале самых различных языков. При конкретном описании словарного состава каждого естественного языка последовательно выделяются архаизмы и историзмы, неологизмы и окказионализмы. В этом контексте требует специального рассмотрения вопрос об исторической динамике прецедентных имен, к числу которых мы относим широко известные имена собственные, которые регулярно используются метафорически без дополнительного пояснения истоков метафоричности в соответствующем тексте. Такая реализации свидетельствует о том, что автор считает данный оним общеупотребительным и поэтому предполагает, что нет необходимости разъяснять читателям смысл метафоры и ее истоки. Ср.: *Ведь у них такие должности, фамилии, капиталы! Где ты,* ***русский Обама?*** (В. Костиков // Аргументы и факты). *К несчастью, у нас не оказалось своего* ***Дэн Сяопина,*** *как и своего* ***Людвига Эрхарда*** (Ф. Бурлацкий // Известия). *Поволжье может сдетонировать при очередном* ***Беслане*** (А. Проханов // Завтра). *Украине грозит фосфорный* ***Чернобыль*** (Я. Соколовская // Известия. 2007. 18.07). *Проще всего дело раздачи грантов было поставлено при абсолютной монархии, когда* ***Шекспиры и Мольеры*** *процветали под великодушным покровительством короля* (М. Соколов // Известия. 2006. 22.09).

Наряду с общекогнитивным принципом «фамильного сходства» в качестве дополнительных целесообразно учитывать и другие признаки прецедентности онима: графические (написание со строчной буквы), пунктуационные (использование кавычек), морфологические (образование форм множественного числа и др.), деривационные (возможность образования производных слов), синтаксические, сочетаемостные, лексические, дискурсивные. Широкая известность и высокая частотность также могут рассматриваться как дополнительные показатели прецедентности соответствующего имени собственного [Нахимова 2010; 2011].

Специальный анализ показывает, что следует различать лексический неологизм и прецедентный оним-неологизм. Название ***Чернобыль*** существует уже сотни лет, но прецедентным оним *Чернобыль* стал совсем недавно и сначала воспринимался как неологизм (не новый топоним, а именно прецедентный оним-неологизм). Относительно недавно появились метафорические смыслы у прецедентных онимов ***Беслан, Пикалево, Кущевская, Кондопога.***

Возможны и более сложные случаи. Например, название города ***Сталинград*** — это уже лексический историзм, сейчас город называется ***Волгоград.*** Но как обозначение решающей битвы используется именно прецедентный оним *Сталинград,* и в этом смысле он не является архаизмом или историзмом.

Среди современных онимов-неологизмов выделяются четыре наиболее типичных группы. Первую из них составляют прецедентные имена «олигархов» — людей, которые сумели быстро обогатиться в ельцинское десятилетие, однако не снискали народного уважения. Ср.: *Другие, которые не вышли в* ***„абрамовичи“,***

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант 11-04-00327а — Политическая коммуникация: общие закономерности и национальная специфика).

© Нахимова Е. А., 2012

отлынивают от минимальных обязательств. 10 миллионов разведенных „козлов“ уклоняются от алиментов (В. Костиков // Аргументы и факты). *Как принято поддерживать автопром эпохи 60—70-х в виде АвтоВАЗА и прочих **дерипасок**, так и в домостроении будет поддерживаться только панель* (blogs. 2009. 20.06). *В случае прихода Иванова тоже будет определенная система договоренностей, хотя и менее кардинальная, чем в 1999-м. — **Ходорковских и Березовских** будет больше,получается* (В. Жарихин и Д. Орешкин // Известия).

Во вторую группу рассматриваемых онимов входят имена широко известных политических лидеров постсоветской России *(Гайдар, Горбачев, Ельцин, Жириновский* и др.): *Этот „великий поворот“ **чубайсов и третьяковых, черномырдиных и путиных** напрямую связан с мощнейшим давлением русского народа. Они под воздействием русского концентрированного биополя. Кто из них погибнет, а кто останется, не так и важно* (В. Бондаренко // Завтра). *В контексте заголовка заметки „Россия — родина слонов**, жириновских и шандыбиных“** (В. Устюжанин; „Комсомольская правда“). Удастся ли Обаме эффективно противостоять кризису? Или так называемый **„черный Горбачев“** развалит Штаты?* (Е. Чиркова // Комсомольская правда).

Третью группу образуют прецедентные имена людей, которые «прославились» своими преступлениями, вызвавшими значительный общественный резонанс (маньяк Чикатило, киллер Солоник, майор Евсюков, в нетрезвом виде расстрелявший в магазине мирных покупателей, полковник Квачков, обвиненный в покушении на Чубайса): *Электронному **Чикатило** — пулю в лоб!* (название статьи Андрея Фефелова). *Что же остается делать? В осознании собственного бессилия продолжать заниматься рутинными делами? Автономизироваться, уйти в леса, в скиты, прочь от мира? Уехать из „такой страны“? Или стать **Квачковым?*** (Д. Тукваков // Завтра). *Для Челябинска Крюков стал **вторым Евсюковым**, и народ был уверен — лихача накажут по полной* (О. Карпова // Комсомольская правда).

Следующую группу прецедентных антропонимов, активно используемых в современных СМИ, составляют прецедентные имена, относящиеся к сфере искусства (или массовой культуры); особенно часто это имена создателей и исполнителей песен. Ср.: *Рассохшиеся рамы гостиницы пропускали пьяные вопли несостоявшихся **Лепсов и Успенских*** (С. Голуб // Комсомольская правда). *Конечно, в Петербурге еще не скоро появится новый **Виктор Цой**, но этот город продолжает оставаться столицей русской рок-культуры* (И. Горбов // Аргументы и факты-Урал). *Конечно, в каждом городе нет своих **Гундаревых, Табаковых, Гафтов, Филатовых, Ахетжаковых**. Комиссия по цензуре, созданная в Тмутаракани из местных безвестных поэтов и чиновников, неизбежно начнет душить все доброе и вечное* (А. Розенбаум // Аргументы и факты).

При конкретном анализе имен собственных во многих случаях важно различать онимы-неологизмы и онимы-окказионализмы. В последнем случае имеются в виду вторичные значения, смысл которых понятен только в рамках данного текста, определенной ситуации: *В 2007 году в Орел направили нового начальника областной милиции Владимира Колокольцева**. Вскоре возбудили громкие уголовные дела против двух вице-губернаторов. Строев все понял… Мы все понимаем, что к каждому ветерану губернаторского корпуса можно послать своего **колокольцева,** и тот многое нароет в его ближайшем окружении* (Е. Черных // Комсомольская правда. 2010. 7—14.10). В данном случае ближайший контекст свидетельствует, что имя генерала Владимира Колокольцева выступает символом угрозы провинциальным топ-менеджерам: его назначение на должность руководителя областной милиции предвещает уголовное преследование политической элиты региона. Показательно, что рассматриваемое имя в традиционном употреблении начинается с прописной буквы, а прецедентное имя в коннотативном употреблении напечатано в данном тексте со строчной буквы.

При конкретном анализе важно различать региональные, общероссийские и интернациональные прецедентные онимы. Региональные прецедентные онимы используются только в отдельных регионах. Например, в Пермском крае широко известен региональный прецедентный оним **Банная гора**. Дело в том, что возле этой горы расположена большая психиатрическая больница, а поэтому так образно называют места, где много душевнобольных или людей, похожих на душевнобольных. В других городах в подобном смысле используются обозначения ***Агафуровские дачи, Кащенко, Канатчикова дача*** и т. п.

При рассмотрении закономерностей превращения имени собственного, известного преимущественно в отдельном регионе, в прецедентное имя, имеющее всероссийское распространение, отчетливо обнаруживаются пять основных этапов:

– повышенная частотность функционирования имени собственного в определенных контекстах (на региональном уровне);

– превращение имени собственного в региональный прецедентный оним;

– события, предопределившие повышенную частотность использования регионального имени собственного в общероссийских СМИ;

– получение региональным прецедентным онимом общероссийской известности;

– превращение регионального прецедентного онима в общероссийский прецедентный оним и

его использование по отношению к феноменам, связанным с другими регионами.

Общероссийские (в отличие от региональных) прецедентные онимы известны в различных регионах нашей страны, а интернациональные прецедентные онимы получили распространение в различных странах. Например, ***Сталинград*** — это прецедентный интернационализм, его образный смысл «место решающей битвы» понятен для образованных людей во многих странах. А вот прецедентный оним ***Сочи*** известен только в России. Только для нас это символ прекрасного южного отдыха. Едва ли рядовой американец поймет смысл фразы ***Магадан — это не Сочи.***

Высокая скорость исторических изменений, постоянное обновление состава неологизмов и архаизмов, значительное количество окказионализмов и историзмов — характерные черты современной системы русских прецедентных имен собственных. Одни из них приходят на миг, другие — на века, но в целом можно заметить, что рассматриваемые метафоры, восходящие к именам собственным, как правило, менее долговечны, чем образы, восходящие к именам нарицательным. И особенности современной российской массовой коммуникации, несомненно, способствуют ускорению названных процессов.

Современные прецедентные онимы характеризуются крайне высокой исторической динамикой: в этом разряде слов особенно часто появляются метафоры-неологизмы. Особенно много новых имен связано со сферой экономики (олигархи), сферой политики и государственного управления, с преступной деятельностью *(Мавроди, Чикатило, Цапки, Евсюков),* со средствами массовой информации и массовой культурой. Вместе с тем среди новых источников прецедентности практически не встречаются типичные для советской эпохи имена знаменитых рабочих, военнослужащих, летчиков и полярников, а также имена героев «качественной» художественной литературы.

Многие онимы, получившие широкую известность в постсоветский период, уже через три-четыре года пополняют собою списки историзмов и архаизмов. Однако еще более активно группа архаизмов и историзмов в разряде прецедентных онимов увеличивается за счет слов, которые соотносятся с реалиями советской эпохи. Скорость этих процессов значительно выше, чем темпы обновления групп слов, не относящихся к числу имен собственных.

ЛИТЕРАТУРА

Нахимова Е. А. Прецедентные онимы-неологизмы: Кущевская и цапки // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35).

Нахимова Е. А. Урбонимы в политической коммуникации: Кондопога и Пикалево // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 811.112.2'27
ББК Ш143.24-7 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.04*

А. М. Нехорошева
Тамбов, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА ГЕРМАНИИ АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ

Аннотация. *Статья выполнена на пересечении сфер интересов когнитивной лингвистики и прагмалингвистики. Рассмотрены особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель.*

Ключевые слова: *когнитивно-дискурсивная парадигма; языковая личность политика; когнитивная система; вербальная система; прагматическая система.*

Сведения об авторе: *Нехорошева Алеся Михайловна, аспирант кафедры немецкой филологии.*

Место работы: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина.

Контактная информация: *392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.*
e-mail: nechall@yandex.ru.

A. M. Nekhorosheva
Tambov, Russia

COMMUNICATIVE SELF-REPRESENTATION PECULIARITIES OF THE GERMAN POLITICAL LEADER ANGELA MERKEL

Abstract. *The article takes into account interests of the cognitive linguistics and pragmalinguistics. The author analyses communicative self-representation peculiarities of the German political leader Angela Merkel.*

Key words: *cognitive-discursive paradigm; communicative self-representation; cognitive system; verbal system; pragmatic system.*

About the author: *Nekhorosheva Alesya Mikhailovna, Post-graduate Student of the Chair of German Philology.*

Place of employment: Tambov State University named after G. R. Derzhavin.

Настоящее исследование выполняется в рамках когнитивно-дискурсивного направления лингвистики, методологической основой которого является рассмотрение языка как средства репрезентации дискурсивно обусловленной концептуализации и категоризации человеком окружающей действительности [Кубрякова 2004; Болдырев 2006; Демьянков 2007; Цурикова 2007; Ирисханова 2009], и, шире, — в рамках интегративной антропоцентрической парадигмы современного языкознания. Осмысляя идею дискурсивной обусловленности в рамках политической лингвистики, А. П. Чудинов, отмечает, что всякий политический текст должен изучаться только в дискурсе, т. е. «с учетом политической ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора» [Чудинов 2003: 12] (см. также: [Чудинов 2005; Будаев, Чудинов 2006]). В настоящей работе антропоцентричность рассматривается в качестве когнитивной составляющей при анализе феномена языковой личности.

Актуальность исследования особенностей языковой личности политика как разновидности языковой личности очевидна. В рамках теории языковой личности, разрабатываемой преимущественно в отечественном языкознании, под языковой личностью понимается «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, … личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 2010: 38], некая абстракция от всех результатов использования языка [Карасик 2002: 7], «теоретически выводимый в опоре на лингвистические процедуры конструкт, … культурно специфический когнитивно-дискурсивный инвариант, реализуемый в различных дискурсивных условиях разнообразными вариантами» [Гришаева 2006: 17—18]. Ю. Н. Караулов, формулируя основополагающие тезисы многоаспектной теории языковой личности, выделяет в ее структуре когнитивный уровень (систему знаний о мире), вербальный уровень (лексикон, включающий также фонд грамматических знаний) и мотивационный уровень (систему целей, мотивов, установок личности) [Караулов 2010: 238, 245].

При этом языковую личность отдельного политика следует рассматривать как вариант инварианта, конкретную комбинацию элементов различных уровней данного типа языковой личности, т. е. как комплекс, состоящий из когнитивной, вербальной, прагматической систем конкретного политика.

Обзор современных работ по проблематике исследования показывает, что предметом анализа чаще всего становится отдельная система языковой личности политика или элемент данной системы. Так, исследователи сосредотачивают внимание на анализе следующих компонентов:

– когнитивная система политика (когнитивные системы Н. Назарбаева (В. И. Жумагалова), Н. Саркози (В. В. Фенина), Б. Обамы (С. Гесслер, К. В. Трошина, Е. В. Шустрова), В. Матвиенко, Х. Клинтон (Е. С. Храброва) и др.);

– конкретные концепты (оценка в предвыборной кампании В. В. Путина (А. М. Стрельников), оценка в речах Р. Херцога, Г. Коля (И. Е. Езан), индивидуально-авторский концепт в предвыборной борьбе Дж. Буша, Дж. Керри (Н. Л. Ноблок), концепт «свобода» в послании В. В. Путина Федеральному собранию (Т. А. Светоносова) и др.);

– системы концептуальных метафор (концептуальные метафоры А. Гитлера (А. Мусолфф), У. Черчилля, М. Тетчер, Б. Клинтона, Т. Блэра,

© Нехорошева А. М., 2012

Дж. Буша (Дж. Чартерис-Блек), Х. Д. Перрона (Д. Бехо), Г. Шредера, В. В. Путина (В. В. Михайлов); метафора моста в предвыборных обращениях Б. Доула, Б. Клинтона (У. Бенуа) и др.).

Существуют также работы, направленные на анализ прагматической системы языковой личности политика (системы целей В. И. Ленина и И. В. Сталина (Е. В. Сергеева), А. Гитлера (В. В. Макарова), Ж. Ширака (А. П. Седых), Н. Саркози (Т. Аното, А. П. Седых), а также конкретных целей в определенном жанре дискурса (позитивная автопрезентация канцлеров, начиная с К. Аденауера, заканчивая Г. Шредером, в правительственных заявлениях (К. Стюве), положительная автопрезентация Б. Е. Немцова в жанре исповеди (Е. В. Мадалиева), средства автопрезентации политиков в современном английском языке (А. П. Чернышева), уклонение в политическом интервью Т. Блэра (И. Иньиго-Мора, К. Делиджорджи) и др.).

В настоящей работе, опираясь на результаты собственного исследования и обобщая результаты работ немецких ученых, посвященных особенностям политического дискурса канцлера ФРГ Ангелы Меркель, рассмотрим особенности языковой личности этого политика.

Когнитивная система канцлера базируется прежде всего на универсальных и групповых ценностях, поскольку дискурс канцлера — дискурс главы правительства, определяющего направление внешней и внутренней политики государства, воплощающий кристаллизацию власти [Rosumek 2007], — преимущественно институционален, т. е. представляет позицию государства как института, учитывающего интересы различных социальных групп (ср.: «...новые коалиционные правительства в такой же малой степени, как и смена канцлера, являются поводами для изменения политики Германии» [Бубе 2010: 79], см. также: [Котляр 2009]).

Как следствие, Ангела Меркель опирается на универсальные духовные (знание, справедливость, дружба), материальные (природные ресурсы, труд, орудия труда) и социальные ценности (семья, социум, нация, государство). Среди групповых ценностей особую значимость приобретают такие общеевропейские ценности, как человек, его индивидуальность, свобода; христианские ценности (толерантность, любовь к ближнему); национальные ценности (ориентация на порядок, надежность, перфекционизм, иерархичность, чувство ответственности, подчеркнутая индивидуальность, особое отношение к личному пространству). Особенность партийных ценностей Ангелы Меркель как лидера ХДС — христианско-социальной либеральной консервативной демократической партии — состоит в том, что они перекликаются с западными, европейскими и универсальными ценностями.

Иными словами, в когнитивной системе данного политика на передний план выдвигается ее коллективная идентичность, что находит отражение в вербальной системе: *wir Christdemokraten, wir in christlich-liberalen Koalition (als Union und FDP), wir als Bundesregierung, wir in Deutschland, wir in Deutschland und Frankreich, wir in der Europäischen Union (als EU-Mitgliedstaaten, seitens EU-Teilnehmer, als Euroländer, im Euroraum, in der Eurogruppe), wir in Europa (als Europäer, auf europäischer Ebene), wir als E-3, G-6 (G-8) Länder, wir im Gesamtkontext*, — в то время как индивидуальная идентичность отступает на задний план или полностью нивелируется.

Как отмечают немецкие исследователи, в гендерном аспекте Ангела Меркель представляет собой нейтральный (сбалансированный) тип женщины-политика («keine Frauenquote braucht» [Osang 2000], «kein Frausein» [Riesmeyer, Thiele 2009; Scheuerle 2009; Freudenstein 2010]). В психологическом плане Ангела Меркель — явный интроверт, сдержанный, холодный стратег, перфекционист (см. подробнее: [Osang 2000; Rosumek 2007]); для нее характерно четкое разграничение личного и институционального, практически полное отсутствие жестов («mal Sphinx, mal Weltpolitikerin», «Automat», «unbeweglicher Blick»), что обычно связывают с нежеланием акцентировать свое восточное происхождение [Riesmeyer, Thiele 2009] («keine „normale“ Ossi-frau» [Neubrand 2009]). Анализ материала показывает, что профессиональная идентичность как физика проявляется только в склонности к использованию абстракций, чисел, статистик.

Лексические единицы, используемые Ангелой Меркель, достаточно просты и постоянны: ее выступления не изобилуют образными средствами, характеризуются высокой степенью имплицитности, в них практически отсутствует эмоционально-экспрессивная лексика. В синтаксическом плане канцлер отдает предпочтение сложным предложениям с несколькими придаточными (Schachtelsatz) (ср.: «Merkels Schriftsprache» как «Sprache des Kopfmenschen»). Кроме того, канцлер избегает прямых обращений, что дает основание исследователям говорить о «сухости» и чрезмерной формальности ее языка (ср.: «holzerne, krampfhafte Art», «unnatürlich formal», «weltfremd» [Scheuerle 2009: 208—213; Osang 2000: 146; Schönherr 2010: 14]).

Анализ текстов пресс-конференций с 2005 по 2011 г. показал, что лишь по отношению к 20 из 100 глав государств и правительств Ангела Меркель использует обращения, включающие антропонимы, при этом только к лидерам 7 стран канцлер обращается при помощи личных имен: Nicolas (Н. Саркози, Франция), Tony, Gordon, David (Т. Блэр, Г. Браун, Д. Кэмерон, Великобритания), Romano (Р. Проди, Италия), Joze (Х. Сапатеро, Испания), Jean-Claude (Ж.-К. Юнкер, Люксембург), George, Barack (Дж. Буш, Б. Обама, США), Jan Peter (Я. П. Балкененде, Нидерланды). Местоимение «du» канцлер использует в отношении лидеров четырех стран, а именно при обращении к нынешнему

и бывшему президентам Франции Н. Саркози, Ж. Шираку, премьер-министрам Великобритании Т. Блэру, Г. Брауну, Д. Кэмерону, премьер-министру Нидерландов Я. П. Балкененде и президенту Бразилии Л. И. Луле да Сильве. В 2011 г. к этому списку добавились премьер-министры Люксембурга Ж.-К. Юнкер и Португалии Ж. Сократиш: *Ich … möchte* ***dir,*** *Nicolas, das Wort geben; Ich möchte mich gerne zuerst beim Premierminister, bei* ***Dir,*** *Gordon, und Deiner Frau, für die Gastfreundschaft bedanken; Ich freue mich auch sehr, dass ich hier in den Niederlanden und bei* ***dir,*** *Jan Peter, zu Gast sein darf; Noch einmal herzlich willkommen, lieber Jean-Claude, und danke für die Arbeit, die* ***du*** *ja nicht erst seit gestern für den Zusammenhalt Europas leistest!*

Предпочтение, однако, отдается не прямым обращениям, а нейтральным указаниям на участников конференций при помощи нарицательных имен существительных, обозначающих статус, род занятий, переводящих адресата сообщения в категорию «третьих лиц», что позволяет интерпретировать данные единицы как маркеры дистанцированности: *ich freue mich, dass heute* ***der japanische Ministerpräsident, Herr Abe,*** *bei uns in Deutschland ist.*

Дистанцированность и «сухость» языка Ангелы Меркель проявляется и в ее излишней склонности к следующим приемам:

– субстантивация (ср.: *Weichenstellungen* вместо *Weichen stellen);*

– пассивные конструкции (ср.: *die Entscheidungen wurden getroffen* вместо *wir haben entschieden);*

– использование неопределенно-личного местоимения «man» (ср.: *das kann man zusammenfassen* вместо *ich fasse zusammen; man kann uns nicht gegeneinander ausspielen* вместо *sie können uns nicht gegeneinander ausspielen).*

В ряде случаев Ангела Меркель снимает излишнюю дистанцированность по отношению к высказыванию или адресату с помощью лексем с семантикой приближения. Так, с 2005 по 2008 г. лексема *liebe/lieber* использовалась ею 554 раза (для сравнения: лидер оппозиции Ф.-В. Штайнмайер употребил это слово всего 175 раз); дистанцирующие лексемы *geehrt, vereehrt* использовались в 10 раз реже, чем лидером СДПГ). В корпусе примеров отмечается и значительное количество лексем с семантикой объединения *(gemeinsam, gesamt, zusammen, miteinander, einig, eng),* разговорных лексем *(toll, wirklich, spannend).* Примечательно, что в выступлениях канцлера практически отсутствуют номинации оппозиции. Вероятно, большое влияние на Ангелу Меркель оказывает пример ее наставника Гельмута Коля: «Konkurrenten ebenfalls verschweigen» (ср. употребленную канцлером номинацию Ф.-В. Штайнмайера, ставшего в 2008 г. лидером оппозиции, *mein Aussenminister).*

К ключевым словам Ангелы Меркель (под ключевыми словами в работе понимаются лексические единицы, апеллирующие к системе ценностей и антиценностей политика и служащие средством приближения своей группы и дистанцирования чужой группы [Panagl 1998: 15—21]) на предвыборном этапе А. Буркхардт относит так называемые «три с половиной колонны» *(dreieinhalb Säule):* (1) *Arbeit, Wachstum, Ideen, Inovation, Chancen*, (2) *Politikwechsel*, (3) *Rot-Grün — Schuldzuweisung*, (3,5) *Abbau der Bürokratie* [Burkhardt 2010: 15—24]. Анализ материала показывает, что во время первого срока пребывания А. Меркель на посту канцлера в набор ключевых слов включаются такие: *Grosse Koalition, Steuerreform, Zwei-Grad-Ziel, Stabilität- und Wachstumpakt, Währungsstabilität*, — а после перевыборов на второй срок к этому списку добавились следующие: *schwarz-gelbe Koalition, Nachhaltungstendenz*.

В фонетическом плане женский голос, как физиологически более высокий и «менее убедительный», Ангела Меркель компенсирует спокойствием, средней тональностью и умением «регулировать громкость» (ср. признание М. Тэтчер в том, что она не стала бы премьер-министром, не понизив темп и тон речи, сделав его тем самым более убедительным). Паузы во время выступлений канцлер расценивает, по ее собственному признанию, как некомпетентность и потому старается их избегать (в отличие от Герхарда Шредера, для которого паузы были средством убеждения).

В системе целей политика наряду с общей целью завоевания и удержания власти выделяется и ряд конкретных целей, определяемых фазой власти политика и жанровой реализацией дискурса. Так, если первоначально целью Ангелы Меркель было завоевание авторитета, выражавшееся в побуждении проголосовать за нее, то после прихода к власти и приобретения статуса самой влиятельной женщины-политика в мире в 2006—2008 гг. канцлер нацелена на реализацию власти внутри страны и навязывание своей системы ценностей за рубежом. При этом для достижения поставленных целей был выработан целый комплекс стратегий: «серьезность, деловитость, ответственность», «планирование, координация, выполнение», «разграничение личного и институционального», «инсценирование неинсценирования», «чуткость и близость к народу» [подр. см.: Riesmeyer, Thile 2009: 117—140].

М. Шрётер различает внутриполитические жанры дискурса Ангелы Меркель по преобладающим целям: 1) положительное оценивание «своей» (партийной) и отрицательное оценивание «чужой» систем ценностей (правительственные заявления, речи на партийном съезде, парламентские дебаты), 2) представление и убеждение в правильности «своей» системы ценностей (выступления перед общественными организациями и предприятиями), 3) интеграция «своих» (торжественные и памятные речи) [Schröter 2006: 47—48] [см. также:Gabriel 2008; Strauss 2010].

Таким образом, интерпретируя языковую личность политического лидера Германии Ангелы Меркель как некую абстракцию от результатов использования языка, мы выделяем в ее структуре когнитивную, вербальную и прагматическую системы, характеризующиеся набором уникальных особенностей. Когнитивная система данного политика ориентирована преимущественно на универсальные и групповые ценности, вербальная система характеризуется четкостью, институциональностью и имплицитностью. Основной целью канцлера является реализация власти внутри страны и навязывание своей системы ценностей за рубежом, что достигается посредством выработанной системы стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2006. № 2. С. 5—22.

Бубе М. Выборы — 2009 в бундестаг ФРГ. Куда идет партийно-политическая система страны? // Обозреватель — Observer : науч.-аналит. журн. 2010. № 8. С. 66—79.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006.

Гришаева Л. И. Индивидуальное использование языка // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2006. № 1. С. 16—22.

Демьянков В. З. Studia Linguistica Cognitiva — призыв к сотрудничеству // Studia Linguistica Cognitiva. Язык и познание: методол. проблемы и перспективы. — М. : Гнозис, 2006. Вып. 1. С. 5—7.

Ирисханова О. К. Речевые акты уклонения: на стыке когнитологии и прагматики // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. — М. : Языки славянской культуры, 2009. С. 684—693.

Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Изд-во ЛКИ, 2010.

Котляр В. Глобальный кризис и отношения США и Европы // Обозреватель — Observer : науч.-аналит. журн. 2009. № 9. С. 59—64.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М. : Языки славянской культуры, 2004.

Цурикова Л. В. Методологические аспекты когнитивно-коммуникативного анализа дискурса в межкультурной коммуникации // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний : сб. науч. тр. / Ин.-т языкознания РАН ; ТГУ им. Г. Р. Державина ; редкол.: Е. С. Кубрякова (отв. ред.), Е. М. Позднякова (зам. отв. ред.) и др. — М. ; Калуга : ИР Кошелев А. Б. : Эйдос, 2007. С. 287—294.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

Чудинов А. П. Новые исследования по политической лингвистике (2002—2004) // Изв. УрГПУ. Лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005. Вып. 15. С. 39—55.

Burkhardt A. „DEUTSCHLAND BRAUCHT DEN WECHSEL“. Linguistische Beobachtungen zur Sprache der CDU und ihrer Chefin im Bundestagswahlkampf 2005 // Вестник НГЛУ. Язык и культура. 2010. Вып. 10. С. 11—33.

Freudenstein A. Die Machtphysikerin gegen den Medienkanzler // Aktuelle Probleme moderner Gesellschaft 3 / hrsg. von P. Nitschke und C. Onnen-Isemann. — Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2010.

Gabriel N. Das Wort hat der Herr Bundeskanzler // die Frau Bundeskanzlerin. Eine Analyse der Redefunktion in der Regierungserklrungen zum Amtsantritt der Bundeskanzler von 1949 bis 2005. — Norderstedt : GRIN Verlag, 2008.

Neubrand A. Frauen in Führungspositionen. Ein Vergleich zwischen Deutschland und Frankreich. — Hamburg : Diplomica Verlag GmbH, 2009.

Osang A. Ankunft in der neuen Mitte : Reportagen und Porträts. — Berlin : Links, 2000.

Panagl O. „Fahnenwörter“, Leitvokabeln, Kampfbegriffe : Versuch einer terminologischer Klärung // Fahnenwörter der Politik. Kontinuitäten und Brücke / hrsg. O. Panagl. — Wien ; Köln ; Graz : Böhlau, 1998. S. 13—22.

Riesmeyer C., Thiele M. Ersatz für Queen Blabla gesucht! Wie Spiegel und SpiegelOnline Geschlechterstereotype reproduzieren // Politik auf dem Boulevard? Die Neuordnung der Geschlechter in der Politik der Mediengesellschaft / hrsg. M. Lünenborg. — Bielefeld : transcript Verl., 2009. S. 44—174.

Rosumek L. Die Kanzler und die Medien. Acht Porträts von Adenauer bis Merkel. — Frankfurt am Main : Campus Verlag GmbH, 2007.

Scheuerle Ch. Die deutschen Kanzler im Fernsehen. Theatrale Darstellungsstrategien von Politikern im Schlüsselmedium der Nachkriegsgeschichte. — Bielefeldt : transcript Verl., 2009.

Schönherr F. Werben für Demokratie. Die Rhetorik einer demokratischen Festkultur. — Tübingen : Eberhard-Karls-Universität, 2010.

Schröter M. Bezüge auf die Adressierten als Handelnde in der öffentlich-politischen Rede // Strategien politischer Kommunikation. Pragmatische Anaysen / hrsg. H. Girnth, C. Spiess. — Berlin : Erich Schmidt Verlag GmbH&Co, 2006. S. 46—60.

Strauss M. Politolinguistik: Lexikalische und pragmatische Analyse politischer Sprache. Am Beispiel der parlamentarischen Rede Merkels zum Haushaltsgesetz 2010. — Norderstedt : GRIN Verlag, 2010.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. А. Фурс

УДК 811.111.1'27
ББК Ш143.21-7 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.04*

А. В. Плотникова
Пятигорск, Россия

ОБРАЩЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНОМУ МЕНТАЛИТЕТУ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧАХ ПРЕЗИДЕНТОВ США

Аннотация. *Анализируются инаугурационные речи президентов США с целью создания классификации основных концептов, отражающих менталитет и систему национальных ценностей американцев, к которым апеллируют политические лидеры для оказания эмоционального воздействия на сознание нации. Выявляются лексические средства оформления макроконцепта «Величие и могущество США».*

Ключевые слова: *инаугурационные речи; национальный менталитет; система национальных ценностей; прагматическое и эмоциональное речевое воздействие; общественное сознание; политический дискурс.*

Сведения об авторе: *Плотникова Анастасия Владимировна, аспирант кафедры английской филологии, ассистент кафедры английской филологии.*

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: *357532, г. Пятигорск, п-т Калинина, 9.*
e-mail: a-plotnikova09@yandex.ru.

A. V. Plotnikova
Pyatigorsk, Russia

APPEAL TO NATIONAL MENTALITY AND NATIONAL SYSTEM OF VALUES AS A MEANS OF SPEECH, INTELLECTUAL AND EMOTIONAL INFLUENCE ON THE PUBLIC COSCIOUSNESS IN INAUGURATION SPEECHES OF THE US PRESIDENTS

Abstract. *Inauguration speeches of the US presidents are analyzed with the purpose of classifying the main concepts, reflecting mentality and system of national values of the Amaricans, which are appealed by political leaders to influence on the emotions and consciousness of the nation. Lexical means of framing macro-concept «Grandeur and Might of the USA» are revealed.*

Key words: *Inauguration speeches; national mentality; system of national values; pragmatic and emotional influence; public consciousness; political discourse.*

About the author: *Plotnikova Anastasiya Vladimirovna, Post-graduate Student of the Chair of English Philology, Assistant Lecturer of the Chair of English Philology*

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University.

В последние десятилетия усилилось внимание лингвистов к речевому воздействию, к исследованию языка с точки зрения возможности влияния на собеседника и способности гармонизации общения, как средства оказания интеллектуального и эмоционального воздействия на индивидуальное и общественное сознание.

Вследствие того что язык является инструментом координации совместной деятельности людей, любой речевой акт становится особой формой оказания воздействия на адресата [Шелестюк 2006] для достижения адресантом определенных неречевых целей и формой регулирования деятельности собеседника.

Речевое воздействие традиционно трактуется в широком и узком смыслах. В данной статье под речевым воздействием в широком смысле понимается оказание интеллектуального и эмоционального воздействия на индивидуальное и/или общественное сознание и поведение, осуществляемого разнообразными речевыми средствами с разной степенью эффективности и результативности. В узком смысле под речевым воздействием мы понимаем речевое общение в системе политических выступлений с использованием определенных речевых средств с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью интеллектуального и эмоционального воздействия на аудиторию.

Наиболее интересным и значимым нам представляется реализация речевого воздействия в политическом дискурсе, представленном инаугурационными обращениями президентов США.

Нами выдвигается следующее положение. Политический лидер при произнесении инаугурационного обращения стремится оказать речевое эмоциональное воздействие на сознание народа, что проявляется в установлении контакта с адресатом, в усилении его чувства гордости за страну и повышении его доверия к президенту страны. Этих целей президент достигает, апеллируя к национальному менталитету, ценностям и идеям, заложенным в нем, и используя следующие языковые средства создания и усиления прагматики политического текста: эмоционально-оценочную и возвышенную лексику, абстрактную лексику, строгую политическую и идеологическую лексику, метафору, терминологию, номинативные и глагольные конструкции, прилагательные в превосходной степени сравнения.

Политический дискурс представляет собой особый вид дискурса, реализуемый в сфере внутриполитической и внешнеполитической деятельности, обладающий высокой коммуникативной направленностью и особой ориентацией на речевое воздействие. Специфика современ-

© Плотникова А. В., 2012

ного политического дискурса выражается в **нацеленности на массового адресата,** ориентации на специальное сознание и знание, в многоканально-комплексном аппарате воздействия, сочетании технологий и тактик, оперативности подачи информации, мгновенном реагировании.

Согласно Е. И. Шейгал, из всех видов коммуникативных действий для политического дискурса наиболее характерно интенциональное действие, **убеждение** [Шейгал 2000: 33], которое эффективно в том случае, если оно осуществляется по принципам, отражающим устоявшиеся манеры поведения и взаимоотношения в коллективе.

Эффективность речевого воздействия устного политического дискурса обусловливается использованием языковых средств создания и усиления его прагматики, которые целенаправленны и оказывают интеллектуальное воздействие на формирование общественного и индивидуального сознания адресатов строгой политической и идеологической лексикой, терминологией, метафорой, эмоционально-оценочной лексикой и др.

Разновидностью политического дискурса является инаугурационное обращение президента, отражающее традиционные идейные ценности и национальные ментальные особенности американского общества [Моргун 2009]. Инаугурационные обращения американских президентов являются важной составляющей политического дискурса, так как именно в этой речи новый президент США излагает важнейшие моменты своего политического курса, касающиеся развития страны на ближайшие четыре года. Более того, своей речью президент стремится убедить и воодушевить нацию, поднять ее боевой дух, оказать на нее эмоциональное воздействие, тем самым усилить веру народа в нового политического лидера и заручиться народной поддержкой.

Для достижения этих целей президент тщательно подбирает лексико-прагматические средства и использует различные речевые акты, тактики и стратегии.

Основное содержание инаугурационной речи включает, с одной стороны, освещение насущных проблем, с которыми столкнулась страна, а с другой — предложенные президентом и его командой пути их решения. Но главное предназначение этого ритуального обращения заключается не в констатации политической программы президента, а в завоевании благосклонности и поддержки нации. Для этого президент прибегает к эмоциональным призывам, пытаясь создать контакт с публикой, убедить ее в правильности совершенного выбора, воодушевить ее и дать ей надежду.

В инаугурационном обращении выделяются следующие тактики, призванные воздействовать на адресата: объединение отправителя и получателя сообщения, апеллирование к общенациональным ценностям, ментальный текст, говорящий об особенностях (национально-культурных, религиозных, социально-классовых, групповых) мировосприятия участников коммуникации [Моргун 2009].

В инаугурационных речах американских президентов прослеживается преемственность национальных идеалов, традиций, ценностей, что отражается и в устойчивой композиционной структуре, включающей: клятву президента; обещание президента достойно исполнять свои обязанности; отсылку к историческому прошлому и новизну ситуации; изложение принципов внутренней и внешней политики; идеологическое осмысление насущных проблем; убеждение в великом предназначении Америки; обращение к Богу; оптимистический финал выступления [Моргун 2011].

Специфичным средством эмоционального воздействия на сознание народа в американских инаугурационных речах является обращение к национальному менталитету, идеологии, философии, системе национальных ценностей и ориентиров, а также к системе позитивных качеств американцев.

В. В. Веселова [Веселова 2000] определяет менталитет как некую характерную для конкретной культуры специфику психической жизни представляющих ее людей, детерминированную экономическими и политическими условиями в историческом аспекте. Менталитет — продукт символического мышления, позволяющий судить о своеобразии видения людьми окружающего мира и объяснять специфику их отношения к нему [Забелина 2007].

Человек всегда действует в рамках общечеловеческих и национальных ценностей, являясь одновременно объектом воздействий через апелляцию к системе ценностей и субъектом, творцом ценностей.

Понятие «ценность» является центральным в аксиологии (теории ценностей), оно положило начало специальной области философской науки, которая исследует природу ценностей, их место в реальности, структуру ценностного мира, рассматривает взаимосвязи различных ценностей друг с другом, их отражение в структуре личности [Кирьякова 2010]. Философский словарь под редакцией И. Т. Фролова трактует «ценности» как «специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющих их положительное или отрицательное значение для человека или общества: благо, добро и зло, прекрасное и безобразное, заключенные в явлениях общественной жизни и природы» [Фролов 2001]. А философская энциклопедия под редакцией В. Е. Кемерова квалифицирует «ценность» как «сложившуюся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемую людьми форму их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектиро-

вать будущее, оценивать „иное“ и сохранять в памяти прошлое» [Кемеров].

Ценности, являясь одним из главных компонентов духовных оснований общества, определяющим интеллектуальную, нравственную, эмоциональную атмосферу эпохи, становятся ключевым феноменом, позволяющим осмыслить направленность и динамику социальных, культурных и политических процессов того или иного типа общества [Баева 2004].

Что касается американской национальной системы ценностей, то жители США утверждают, что эти ценности каждый вырабатывает себе сам. Однако ряд идей, формирующих национальные ценности американского народа, можно найти в текстах инаугурационных обращений президентов США: это идеи свободы, демократии, уважения личности, уважения к усилиям, направленным на построение личного счастья.

В инаугурационных речах президентов США преобладают лексические единицы, культурная специфика которых наиболее очевидна, что неудивительно: номинативные ресурсы языка наиболее близки к отражению внеязыковой действительности [Декленко 2004: 6]. В инаугурационных обращениях политические лидеры с наибольшей силой апеллируют к особенностям национального менталитета и национальной языковой картины мира. Обращаясь к национальной идеологии и философии, национальной системе ценностей, ориентиров и положительных качеств, президент использует следующие типы речевого воздействия на аудиторию: информирует, воодушевляет, убеждает и побуждает к действию, эмоционально воздействует на слушателя.

Анализ инаугурационных речей американских президентов позволил выделить основные концепты, содержащие главные ценности американцев, принципы их философии и идеологии, к которым апеллируют политические лидеры для оказания прагматического и эмоционального воздействия на сознание нации. Мы определили следующие макроконцепты: «Величие и могущество США», «Единство американцев», «Свободы и идеалы нации», «Патриотизм», «Нацеленность на преодоление трудностей, достижение успеха, вера в прогресс», «Положительные качества американцев как основа их системы ценностей». Каждый концепт состоит из микроконцептов и оформляется определенными лексическими средствами — абстрактной лексикой, эмоционально окрашенной лексикой с положительной коннотацией, прилагательными в сравнительной и превосходной степени сравнения, метафорами, аллюзиями, номинативными и глагольными словосочетаниями.

Рассмотрим подробнее макроконцепт **«Величие и могущество США»**.

В инаугурационных речах американских президентов часто говорится об исключительности, уникальности и могуществе американской нации, создается образ США — богоизбранного носителя свободы, исполнителя особой миссии, борца за справедливость, мирового лидера и вдохновителя. Все это является эффективным способом установления эмоционального контакта с аудиторией в целях воодушевления и мотивирования определенных действий.

Нами было установлено, что рассматриваемый макроконцепт состоит из 4 микроконцептов: «Достижения, уникальность и мощь Америки как страны и нации», «Особая миссия США, помощь другим странам», «Мировое лидерство США», «Америка — инициатор и вдохновитель мирового сообщества». Каждый из перечисленных микроконцептов характеризуется особым лексико-прагматическим оформлением.

1. «ДОСТИЖЕНИЯ, УНИКАЛЬНОСТЬ И *МОЩЬ* АМЕРИКИ КАК СТРАНЫ И НАЦИИ»

1.1. ДОСТИЖЕНИЯ. В инаугурационном обращении каждый президент США сообщает о том, что народ смог преодолеть и достичь, что американцы создали и принесли для других стран и мира в целом. Эти достижения можно разделить на три подгруппы: ***достижения, носящие абстрактный, относительно конкретный и конкретный характер*.**

К ***абстрактным достижениям*** мы относим следующие: *to bring new* ***hopes*** *to the mankind, to make a break-through in creating …* ***a structure of peace****, to achieve* ***so much****, to go to the* ***aid*** *of the mankind, to* ***reach out*** *across the globe to millions who … longed for the blessings of liberty,* напр: *Our efforts* ***have brought new hope to all mankind*** [Truman 1949]; *Let us be proud that by our bold, new initiatives, and by our steadfastness for peace with honor,* ***we have made a break-through toward creating in the world*** *what the world has not known before* ***— a structure of peace that can last, not merely for our time, but for generations to come*** [Nixon 1973]; *If we look to the answer as to why, for so many years, we* ***achieved so much, prospered as no other people on Earth****, it was because here, in this land, we unleashed the energy and individual genius of man to a greater extent than has ever been done before* [Reagan 1981].

Относительно конкретные достижения включают в себя такие, как *to beat back despair, to grow in power and in responsibility, to pass through the anxieties of depression, to provide freedom and abundance, etc: We* ***have beaten back despair and defeatism.*** *We have* ***saved a number of countries from losing their liberty*** [Truman 1949]; *We have* ***grown in power and in responsibility****. We* ***have passed through the anxieties of depression and of war*** *to a* ***summit unmatched*** *in man's history* [Eisenhower 1953]; ***Let us be proud that our system has produced and provided more freedom and more abundance, more widely shared, than any other system in the history of the world*** [Nixon 1973].

Достижения, носящие конкретный характер, — это успехи в развитии экономики, технологий, в производстве, в процветании страны: *to launch an* ***economic program,*** *to lighten the world with the* ***inventions****, to build* ***centers of learning,*** *to extend the circle of* ***opportunity to women,*** *etc.* Приведем примеры: ***We launched the greatest cooperative economic program*** *in history* [Truman 1949]; *We* ***have lighted the world with our inventions, … journeyed to the Moon and safely returned*** [Reagan 1985]; ***America became the world's mightiest industrial power; saved the world from tyranny in two world wars and a long cold war;*** *and time and again,* ***… produced a great middle class and security in old age; built unrivaled centers of learning and opened public schools to all; split the atom and explored the heavens; invented the computer and the microchip; and deepened the wellspring of justice by making a revolution in civil rights for African Americans and all minorities, and extending the circle of citizenship, opportunity and dignity to women*** [Clinton 1997].

Речевое интеллектуальное и эмоциональное воздействие на сознание нации в приведенных примерах осуществляется не столько за счет эмоционально-оценочной лексики (***bold, new*** *initiatives*, ***prospered***, ***achieved***, ***the mightiest*** *industrial power*, ***great*** *middle class*), сколько за счет использования политической и идеологической лексики *(mankind*, *peace*, *liberty*, *power, responsibility*, *depression*, *freedom*, *tyranny*, *justice* , *security*, *revolution in civil rights, opportunity, dignity*).

1.2. УНИКАЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИИ. Во многих инаугурационных речах подчеркивается уникальность нации, проявляющаяся в том, что американцы первыми достигают определенных вершин, совершают беспрецедентные действия, являются создателями неповторимых политических и экономических систем: *to make an* ***unprecedented*** *effort, to be the* ***first*** *society, to be* ***unique****, to be* ***special*** *among the nations of the Earth,* ***unparalleled*** *record in the world's history, etc.* Приведем примеры: *We launched the greatest cooperative economic program in history. The purpose of that* ***unprecedented effort*** *is to invigorate and strengthen democracy in Europe* [Truman 1949]; *The orderly transfer of authority as called for in the Constitution routinely takes place as it has for almost two centuries and few of us stop to think* ***how unique we really are*** [Reagan 1981]; ***America's record in this century has been unparalleled in the world's history*** *for its responsibility, for its generosity, for its creativity and for its progress* [Nixon 1973]; ***No people has ever been so close to the achievement of a just and abundant society,*** *or so possessed of the will to achieve it* [Nixon 1969]; *Ours was* ***the first society openly to define itself in terms of both spirituality and of human liberty.*** *It is that* ***unique self-definition*** *which has given us an* ***exceptional appeal****...* [Carter 1977].

So, as we begin, let us take inventory. We are a nation that has a government—not the other way around. And ***this makes us special among the nations of the Earth*** [Reagan 1981].

Утверждение американцев о том, что США — избранная и благословенная Богом страна, является еще одним средством речевого эмоционального воздействия на религиозные и патриотические чувства нации. Для достижения эмоционального эффекта используются следующие лексические единицы: *to be* ***guided by a power****,* ***God calls on*** *us,* ***our destiny*** *offers, to* ***live up to the calling****, an experiment* ***intrusted to the hands of the American people****, to* ***be blessed with****,* ***blessings of Almighty God****, in the watchfulness of a* ***Divine Providence****,* ***destiny has laid upon our country*** *the responsibility,* напр.: *I know this is in our reach* ***because we are guided by a power larger than ourselves who creates us equal in His image*** [Bush 2001]; *This is the source of our confidence—the knowledge that* ***God calls on us to shape an uncertain destiny*** [Obama 2009]; *The destiny of America was proclaimed in words of prophecy spoken by our first President in his first inaugural in 1789 … : "The preservation of the sacred fire of liberty and the destiny of the republican model of government are justly considered ... deeply,... finally, staked on the experiment* ***intrusted to the hands of the American people"*** [Roosevelt. 1941. Jan. 20].

1.3. ЛУЧШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА. Жители Соединенных Штатов Америки гордятся тем, что у них демократическое государство с лучшей политической системой. Именно к этому чувству национальной гордости апеллируют политические лидеры, говоря о могуществе, силе, долголетии и успехе американской демократии в следующих выражениях: *the most superbly enduring political mechanism, a strong government with powers sufficient to solve problems utterly beyond individual or local solution, the most humane, the most advanced, and the most unconquerable of all forms of human society, the world's oldest democracy, etc.* Успех данного речевого интеллектуального и эмоционального воздействия обусловлен использованием лексики с ярко выраженной положительной коннотацией (strong, advanced, unconquerable), лексики, указывающей на превосходство феномена (superbly, utterly beyond solution), а также употреблением прилагательных в превосходной степени сравнения (the most humane, the most advanced, the world's oldest). Приведем примеры: *Our Constitution is so simple and practical that it is possible always to meet extraordinary needs by changes in emphasis and arrangement without loss of essential form.* ***That is why our constitutional system has proved itself the most superbly enduring political mechanism the modern world has produced*** [Roosevelt 1933]; *At that Convention our forefathers found the way out of the chaos which followed the Revolutionary War;* ***they created a strong government***

with powers of united action sufficient then and now to solve problems utterly beyond individual or local solution [Roosevelt 1937]; *We sense it (democracy) still spreading on every continent — for* ***it is the most humane, the most advanced, and in the end the most unconquerable of all forms of human society*** [Roosevelt 1941]; *A spring reborn* ***in the world's oldest democracy,*** *that brings forth the vision and courage to reinvent America* [Clinton 1993].

1.4. ПРЕВОСХОДСТВО И МОГУЩЕСТВО АМЕРИКИ. Национальный менталитет американцев основывается на непоколебимой вере в превосходство и могущество США. Эту убежденность американские президенты усиливают, подчеркивая в своих инаугурационных речах мощь, силу, процветание Америки как страны и нации. Речевое воздействие в данных обращениях осуществляется при помощи следующих положительно окрашенных лексических средств:

– прилагательные: ***overwhelming*** *force, human comforts* ***hitherto unknown, imponderable (inexhaustible)*** *resources,* ***unlimited*** *civilization capable of* ***infinite*** *progress,* ***strong and immensely productive****,* ***effective*** *force,* ***colossal*** *commerce,* ***united, strong, at peace, and fiscally sound,*** *an economy that is still* ***the world's strongest****,* ***the world's mightiest*** *industrial power,* ***the world's indispensable*** *nation,* ***the world's most productive*** *economy, instrument of* ***unimagined*** *power,* ***great*** *Nation,* ***the most prosperous, powerful*** *nation on Earth, capacity remains* ***undiminished,*** *America the* ***bountiful;***

– существительные: *our defenses* ***beyond challenge,*** *the* ***greatness and glory,*** *material* ***might,*** *our productivity* ***the wonder of the world, a land of plenty;***

– глаголы: ***to raise far above*** *the level of mere subsistence,* ***maintain strength,*** *America* ***reached for her best.***

Приведем примеры: *America stands alone as* ***the world's indispensable nation.*** *Once again,* ***our economy is the strongest on Earth.*** *Once again,* ***we are building stronger families, thriving communities, better educational opportunities, a cleaner environment*** [Clinton 1997]; *We know it because democracy alone has constructed* ***an unlimited civilization capable of infinite progress*** *in the improvement of human life* [Roosevelt 1941]; *We will build* ***our defenses beyond challenge,*** *lest weakness invite challenge* [Bush 2001].

2. «ОСОБАЯ МИССИЯ США, ПОМОЩЬ ДРУГИМ СТРАНАМ»

В национальный менталитет американцев заложена идея особой миссии и мирового предназначения США, к которой часто обращаются в своих речах политические лидеры страны. Для обозначения этой миссии президенты используют следующие наименования: *a lot, a bold and solemn purpose, an ultimate goal, our own deep involvement in the destiny of men, the destiny of America, to perform a service of historic importance, to bear the burden, this country has meaning beyond what we see.* Приведем примеры: *It may be* ***our lot to experience,*** *and in large measure* ***to bring about, a major turning point in the long history of the human race*** [Truman 1949]; *Let us take as* ***our goal: where peace is unknown, make it welcome; where peace is fragile, make it strong; where peace is temporary, make it permanent*** [Nixon 1969]; *We know in our hearts, not loudly and proudly, but as a simple fact, that* ***this country has meaning beyond what we see,*** *and that our strength is a force for good* [Bush 1989].

Свое предназначение американцы видят в борьбе с тиранией, бедностью, голодом, в оказании помощи другим народам и государствам, поддержке демократии в других странах, в обеспечении мировой безопасности и порядка, уничтожении ядерного оружия, создании высокоморального мира, в исполнении роли миротворца, обеспечении процветания торговли и науки, распространении свободы слова, воли, выбора и т. д. Приведем примеры: *Slowly but surely* ***we are weaving a world fabric of international security and growing prosperity*** [Truman 1949]; *We are* ***beginning to wipe out the line that divides the practical from the ideal;*** *and in so doing we are fashioning an instrument of unimagined power* ***for the establishment of a morally better world*** [Roosevelt 1937]; *So we voice our hope and our belief that* ***we can help to heal this divided world*** [Eisenhower 1953]; *Now the trumpet summons us again …* ***to bear the burden of a long twilight struggle*** *…* ***against the common enemies of man: tyranny, poverty, disease, and war itself*** [Kennedy 1961]; ***The greatest honor history can bestow is the title of peacemaker.*** *This honor now beckons America —* ***the chance to help lead the world at last out of the valley of turmoil, and onto that high ground of peace...*** [Nixon 1969]; *We know how to secure a more just and prosperous life for man on Earth:* ***through free markets, free speech, free elections, and the exercise of free will*** *unhampered by the state* [Bush 1989].

Прагматический эффект в данных примерах достигается также благодаря метафоре, которая в политических текстах и речах служит для оказания интеллектуального и эмоционального воздействия на сознание и чувства адресата и выполняет инспиративную функцию. Метафоры, использованные в вышеприведенных примерах, подчеркивают представления американцев о миссии, возложенной на США *(the trumpet summons us to bear the burden of a long twilight struggle),* о праве влиять на остальной мир *(a world fabric of international security, to wipe out the line that divides the practical from the ideal)* и роли Америки как спасителя мирового сообщества *(to heal this divided world, lead the world at last out of the valley of turmoil, and onto that high ground of peace).*

3. «МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО США»

Одним из принципов американской национальной философии является вера в то, что США принадлежит право на мировое господство как державе, цивилизации, общественной, экономической, политической и ценностной системе.

Идея лидерства в инаугурационных речах американских президентов представляется как вера других народов в мудрое, справедливое и честное руководство США, как их желание быть ведомыми сильным американским правительством, как убежденность политических лидеров США в том, что только их стране и народу по силам выполнить эту миссию: ***a wise leadership, a leadership of frankness and vigor, the responsibility of the free world's leadership***. Результатом этого лидерства американские президенты видят триумф над древними врагами человечества — голодом, нищетой и отчаянием, — развитие науки и технологий, достижение всеобщего блага. Приведем примеры: *The peoples of the earth … look to the United States as never* ***before for good will, strength, and wise leadership*** [Truman 1949]; *Democracy alone can supply the vitalizing* ***force to stir the peoples of the world into triumphant action,*** *not only against their human oppressors, but also* ***against their ancient enemies — hunger, misery, and despair*** [Truman 1949]; *From new freedom will spring new opportunities for growth, a more productive, fulfilled and united people, and a stronger America —* ***an America that will lead the technological revolution…*** [Reagan 1985].

4. «АМЕРИКА — ИНИЦИАТОР И ВДОХНОВИТЕЛЬ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА»

Еще одним компонентом понятия величия США является вера в то, что американская система представляет собой пример для других стран (to be the exemplar of freedom and a beacon of hope), остается вдохновителем и инициатором перемен. Эта черта национального менталитета представлена следующими глаголами: ***to encourage, to inspire, to fire, to excite.*** Например: *We have* ***encouraged, by precept and example, the expansion of world trade*** *on a sound and fair basis* [Bush 2001]; *Let us be proud that* ***by our bold, new initiatives*** *…* ***we have made a break-through*** *toward creating in the world … a structure of peace that can last, not merely for our time, but for generations to come* [Nixon 1973]; *The American experiment has, for generations,* ***fired the passion and the courage of millions*** *elsewhere seeking freedom, equality, and opportunity. And the American story of material progress has* ***helped excite the longing of all*** *needy peoples for some satisfaction of their human wants. These hopes that* ***we have helped to inspire****, we can help to fulfill* [Eisenhower 1953].

Инаугурационный дискурс президентов США предназначен массовому адресату,нацелен на общественное сознание нации, обладает мощным прагматическим потенциалом интеллектуального и эмоционального воздействия.

Проведенное нами исследование инаугурационных речей президентов США и выделение в них базовых концептов, отражающих главные ценности американцев, принципы их философии и идеологии, к которым апеллируют политические лидеры для оказания прагматического интеллектуального и эмоционального воздействия на общественное сознание нации, определило и утвердило в качестве доминирующего и основополагающего макроконцепта инаугурационного президентского дискурса такой макроконцепт, как «Величие и могущество США».

Методологической основой макроконцепта «Величие и могущество США» служат четыре микроконцепта, объективность которых аргументирована и подтверждена языковыми средствами с доминантно сильной прагматикой в инаугурационном американском дискурсе: 1) «Достижения, уникальность и мощь Америки как страны и нации», 2) «Особая миссия США, помощь другим странам», 3) «Мировое лидерство США», 4) «Америка — инициатор и вдохновитель мирового сообщества».

Достижение прагматического эффекта в американских инаугурационных обращениях осуществляется не столько за счет эмоционально-оценочной и возвышенной лексики, сколько благодаря использованию строгой политической и идеологической, а также абстрактной лексики, метафор, терминологии, номинативных и глагольных конструкций, прилагательных в превосходной степени сравнения.

ЛИТЕРАТУРА

Баева Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. — Астрахань, 2004. URL: http://www.aspu.ru/images/File/ilil/Bayeva_tzennosti_izmen_mira.pdf (дата обращения: 25.10.2011).

Веселова В. В. Менталитет американского общества и гуманистическая парадигма образования и воспитания // Образование: исследовано в мире: интернет-журнал. URL: http://www.oim.ru/reader@nomer=63.asp (дата обращения: 24.10.2011).

Декленко Е. В. Лингвокультурный аспект патриотического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2004.

Забелина Н. А. Менталитет и ментальность // Теория языка и межкультурная коммуникация. — Курск, 2007. URL: http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/001-04.pdf (дата обращения: 30.10.2011).

Кемеров В. Е. Философская энцикл. URL: http://terme.ru/dictionary/183 (дата обращения: 30.10.2011).

Кирьякова А. В. Теория ценностей — методологический базис аксиологии образования // Аксиология и инноватика образования. 2010. URL: http://www.orenport.ru/axiology/docs/3/3.pdf (дата обращения: 25.10.2011).

Моргун Е. А. Инаугурационный дискурс: понятийно-терминологические и когнитивно-прагматические основания (на материале инаугурационных речей американских президентов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2009. URL: www.gramota.net/materials/2/2009/2/54.html (дата обращения: 19.10.2011).

Моргун Е. А. Когнитивно-прагматический анализ системы концептов в инаугурационных речах американских президентов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2011. URL: http://www.ceninauku.ru/page_27730.html (дата обращения: 19.10.2011).

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. … д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.

Шелестюк Е. В. К вопросу содержания понятия «речевое воздействие» // Третьи Лазаревские чтения : Традиционная культура сегодня: теория и практика : мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. — Челябинск : ЧГАКИ, 2006. Ч.2. URL: shelestiuk.narod.ru/publications/What-Is-Persuasion.doc (дата обращения: 24.10.2011).

Фролов И. Т. Философский словарь. — М. : Республика, 2001. URL: http://www.kodges.ru/10287-filosofskijj-slovar.html (дата обращения: 30.10.2011).

ИСТОЧНИКИ

Bush G. H. W. Inaugural Address. 1989. Jan. 20 // The American Presidency Project. URL: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=16610#axzz1Uo6TZSki (дата обращения: 16.10.2011).

Bush G. W. First Inaugural Address. 2001. Jan. 20 // The American Presidency Project. URL: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25853#axzz1Uo6TZSki (дата обращения: 19.10.2011).

Bush G. W. Second Inaugural Address. 2005. Jan. 20 // The American Presidency Project. URL: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid= 58745#axzz1Uo6TZSki (дата обращения: 19.10.2011).

Carter J. E. Inaugural Address. 1977. Jan. 20 // The American Presidency Project. URL: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=6575#axzz1Uo6TZSki (дата обращения: 06.10.2011).

Clinton W. J. First Inaugural Address. 1993. Jan. 20 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres65.html (дата обращения: 20.10.2011).

Clinton W. J. Second Inaugural Address. 1997. Jan. 20 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres65.html (дата обращения: 20.10.2011).

Eisenhower D. D. First Inaugural Address. 1953. Jan. 20 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres54.html (дата обращения: 06.10.2011).

Kennedy J. F. Inaugural Address. 1961. Jan. 20 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres56.html (дата обращения: 19.10.2011).

Nixon R. M. First Inaugural Address. 1969. Jan. 20 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres59.html (дата обращения: 15.10.2011).

Nixon R. M. Second Inaugural Address. 1973. Jan. 20 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres59.html (дата обращения: 15.10.2011).

Obama B. H. Inaugural Address. 2009. Jan. 20 // The American Presidency Project. URL: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=44#axzz1Uo6TZSki (дата обращения: 15.10.2011).

Reagan R. W. First Inaugural Address. 1981. Jan. 20 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres61.html (дата обращения: 16.10.2011).

Reagan R. W. Second Inaugural Address. 1985. Jan. 21 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres62.html (дата обращения: 15.10.2011).

Roosevelt F. D. First Inaugural Address. 1933. March 4 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres49.html (дата обращения: 21.10.2011).

Roosevelt F. D. Second Inaugural Address. 1937. Jan. 20 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres49.html (дата обращения: 21.10.2011).

Roosevelt F. D. Third Inaugural Address. 1941. Jan. 20 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres49.html (дата обращения: 21.10.2011).

Truman H. S. Inaugural Address. 1949. Jan. 20 // Bartleby.com — Great Books Online. URL: http://www.bartleby.com/124/pres49.html (дата обращения: 22.10.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Э. В. Будаев

УДК 811.111.1'27
ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.04*

Т. А. Шабанова
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ АМЕРИКАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ ГЛАЗАМИ ФЕМИНИСТОК США

Аннотация. *Анализируется метафорическое представление женского образа в феминистском дискурсе США. Рассматривается образ женщины как часть национальной идентичности.*

Ключевые слова: *метафора; женское движение; феминизм; права женщин; дискриминация; феминистский дискурс; национальная идентификация.*

Сведения об авторе: *Шабанова Татьяна Андреевна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

T. A. Shabanova
Ekaterinburg, Russia

IMAGE OF A WOMAN AS VIEWED BY THE US FEMINISTS

Abstract. *The article presents analysis of metaphorical representation of a woman's image in the feminist discourse of Russia. Image of a woman as an integral part of national identification is highlighted.*

Key words: *metaphor; women's movement; feminism; women's rights; discrimination; feminist discourse; national identification.*

About the author: *Shabanova Tatiana Andreevna, Post-graduate Student of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 285.*
e-mail: tatshab@yandex.ru.

Мы полагаем, что неотъемлемой частью (структурным элементом) идентичности любой нации являются образы мужчин и женщин, входящие в «Мы-образ».

Национальная идентичность — это вид коллективной идентичности, свойство группы или человека, связанное с ощущением принадлежности к какой-либо нации; это «формирующееся на основе этнического и политического единства состояние групповой солидарности, включающее коллективный (осознание и переживание нацией своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание индивидами своей принадлежности к нации) уровни» [Рябов 2007].

Идея о том, что образы СВОИХ и ЧУЖИХ в коллективной идентичности взаимообусловлены, восходит к работам выдающегося английского психолога Г. Тэджфела [Tajfel 1982]. Значительный импульс ее развитие получило в трудах норвежского антрополога Ф. Барта [Barth 1969].

Ключевой момент в формировании национальной идентичности — это проведение границ между СВОЕЙ нацией и ЧУЖОЙ. Границы проводятся с помощью особых маркеров, элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (одежда, язык, стиль жизни и др.) [Barth 1969]. Такими маркерами, «символическими пограничниками», могут выступать и гендерные идентификаторы, что было исследовано в монографии Н. Ювал-Дэвис [Ювал-Дэвис 2001]. Мы понимаем под гендерными идентификаторами совокупность гендерных образов и представлений, стереотипов, символики, используемых в определении границ СВОЕЙ национальной (этнической) общности и репрезентации ее членов. К числу важнейших гендерных идентификаторов относятся образы СВОИХ и ЧУЖИХ мужчин и женщин, которые создает каждая нация.

Гендерные идентификаторы не только помогают определить СВОИХ и ЧУЖИХ, но и вырабатывают систему оценок и предпочтений. При этом, как показал Г. Тэджфел, оценки СВОИМ и ЧУЖИМ даются по принципу ингруппового фаворитизма, согласно которому, в результате сравнения СВОЕЙ группы с ЧУЖОЙ аутгруппам атрибутируются по преимуществу негативные качества, в то время как ингруппам — позитивные. В случае использования гендерных идентификаторов соответственно гендерный порядок СВОИХ репрезентируется, как правило, в качестве нормы (СВОИ мужчины — самые мужественные, СВОИ женщины — самые женственные), в то время как гендерный порядок ЧУЖИХ — в качестве девиации [Рябов 2007].

Отношения МЫ — ОНИ пронизывают всю сферу коммуникации феминистского дискурса. С целью успешной манипуляции общественным сознанием феминистки активно используют тактики метафорической дискредитации оппонентов и героизации своих сторонников, что неминуемо приводит к поляризации СВОИХ и ЧУЖИХ, героев и преступников.

Как категория феминистского дискурса, данная оппозиция отражает не только феминистскую ситуацию в определенной стране, но и сам процесс формирования этноса, развития этнического сознания [Козлова 1999], что позволяет рассматривать биполярную категорию СВОИ — ЧУЖИЕ как лингвокультурологическую категорию дискурса.

В качестве материала для исследования использовались социополитические тексты феминистской проблематики. Для исследуемых социополитических текстов характерно темати-

© Шабанова Т. А., 2012

ческое единство, связанное с деятельностью феминистского движения в США. Текстовый материал, собранный для настоящего исследования, свидетельствует о том, что круг СВОИХ для феминистского движения США включает в себя три социальных блока, интегрируемых как МЫ: для американских феминисток относительно автономно существуют метафорические модели «МЫ — ЖЕРТВА», «МЫ — ВОИНЫ» и «МЫ — ВЫСШИЙ ПОЛ».

Представление женщины с помощью метафорической модели «МЫ — ЖЕРТВА» является наиболее распространенным манипулятивным приемом интеграции феминистского движения со своими нынешними и будущими сторонниками. Отождествление происходит в терминах милитарной метафоры и служит идеальным средством выражения полного неприятия вековых оков патриархата и системы угнетения женщин: ***Women's chains*** *have been* ***forged*** *by men, not by anatomy* [Dezhda Mountz // RS. 23.07.2010]; *If all men are born free, how is it that all women are* ***born slaves ?*** [http:// inastrangeland.wordpress.com. 04.09.2010].

Актуализация метафорической модели «МЫ — ЖЕРТВА» целенаправленно формирует образ современных американских феминисток как людей, которые не хотят оставаться в роли жертвы, не поддерживают насилие и хотели бы оградить свою страну в целом, а женщин в частности, от любых его проявлений: ***Acquaintance rape*** *is more common than left-handedness, alcoholism and heart attacks* [Wolf 2007: 166]; *Marriage has existed for the benefit of men; and has been* ***a legally sanctioned method of control*** *over women... We must work to destroy it. The end of the institution of marriage is a necessary condition for the liberation of women. Therefore it is important for us to encourage women to leave their husbands and not to live individually with men* [http://www.conservapedia.com/ Feminism. 24.07.2009].

Прагматический потенциал рассматриваемых метафор связан с агрессией, насилием, сильным напряжением, концентрацией усилий, игрой по установленным правилам и без них. Все это позволяет феминисткам максимально «сгустить краски» при создании негативного образа мужчины и описании «тяжелой женской доли». Данный манипулятивный прием сохраняет свою актуальность по отношению к любому проявлению патриархата в американском обществе, что укрепляет позиции феминистского движения как средства мобилизации воли женщин Америки и побуждения их к деятельности, направленной на свою защиту и достижение благополучия.

В феминистском дискурсе США при метафорическом моделировании СВОИХ востребованной оказывается метафорическая модель МЫ — ВОИНЫ, реализуемая посредством милитарной метафоры. Дж. Лакофф и М. Джонсон доказали, что концептуальная метафора «СПОР **—** это БИТВА» принадлежит к числу метафор, на которые опирается американская культура в ситуации разногласия [Лакофф, Джонсон 2004]. Несмотря на то что в социополитической риторике не происходит физического сражения как такового, идет словесная битва, и это отражается в структуре полемики. Ср.: *Women and birds are able to see without turning their heads, and that is indeed a necessary provision for they are both surrounded* ***by enemies*** [http://www.giga-usa.com. 02.04.2009]. *All patriarchists exalt the home and family as sacred, demanding it remain inviolate from prying eyes. Men want privacy for their* ***violations of women****... All women learn in childhood that women as a sex are* ***men's prey*** [Marilyn French // The Guardian. 11.05.2010].

Заимствование образов, эпитетов и терминологии военной тематики является неотъемлемым атрибутом компетентного социополитического дискурса, смысл которого — борьба за власть — сам по себе уже глубоко метафоричен и милитаризирован. Отсутствие в дискурсе метафор войны воспринимается как апатия политического субъекта, его физическая слабость и моральное разложение. Невозможно представить функционирование центральной политической оппозиции СВОИ — ЧУЖИЕ без обращения к метафорам войны, которые актуализируют модель МЫ — ВОИНЫ. Ср.: *Women are not the weak, frail little flowers that they are advertised. There has never been anything invented yet, including war, that a man would enter into, that a woman wouldn't, too* [http://www.minnpost.com. 11.12.2009]. *Since marriage constitutes* ***slavery for women****, it is clear that the women's movement must concentrate* ***on attacking this institution****. Freedom for women cannot be won without* ***the abolition of marriage*** [http://mensnewsdaily.com. 14.11.2010].

Как мишени метафорической экспансии, *мужчины* предстают *разрушителями*, *эксплуататорами,* ведущими жестокую борьбу. Дискредитацию мужчин посредством метафоры войны можно объяснить целью общественного движения — максимально консолидироваться со СВОИМИ сторонниками. Женщина-воин вступает в противоборство с мужчиной, который превратил ее жизнь в сущий кошмар, сделал ее заложницей в своем доме. Ср.: ***The most dangerous place*** *for a woman statistically speaking is not in the street. It's in her own home* [CCH. 24.03.2009].

При описании действительности в рамках метафорической модели МЫ — ВОИНЫ наибольшее развитие получают модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности, соперничества, неестественности, отклонения от естественного порядка вещей. Подобные метафоры вызывают агрессивное состояние у адресата, негативно представляя предмет речи, создавая в феминистском дискурсе образ враждебной социополитической реальности.

С целью успешной манипуляции общественным сознанием феминистки активно используют апелляции к прошлому, которое привело к тому, что в настоящем близость с мужчиной является не чем иным, как насилием, унижением, презрением и уничтожением женщины. Ср.: *One can know everything and still be unable to accept the fact that* ***sex and murder are fused*** *in the male consciousness, so that the one without the imminent possibly of the other is unthinkable and impossible* [http://www.andreadworkin.net. 11.04.2011]. *Under law, rape is a sex crime that is not regarded as a crime when it looks like sex. The law, speaking generally, defines rape as intercourse with force or coercion and without consent. Like sexuality under male supremacy, this definition assumes the sadomasochistic definition of sex: intercourse with force or coercion can be or become consensual* [http://fathersforlife.org. 13.08.2010].

Нельзя обойти вниманием концептообразующее понятие *смерти* как символа разрушения, разложения и несчастья. Смерть как знак неблагополучия, как закономерность, как результат увядания является неотъемлемой частью понятия брака в феминистском дискурсе, что объясняет ее присутствие в метафорическом образе женщин Америки: *The traditional flowers of courtship are* ***the traditional flowers of the grave****, delivered to the victim before* ***the kill****.* ***The cadaver is dressed up and made up and laid down and ritually violated and consecrated*** *to an eternity of being used* [http://reason.com. 13.03.1009].

Высвечивание негативных сторон ЧУЖИХ, дискредитирующее описание их поступков нацелено на указание необходимости перемен, призыв к активным действиям: *We can't* ***destroy*** *the inequities between men and women until we* ***destroy*** *marriage* [http://www.ifeminists.net. 10.02.2010]. ***The end of the institution*** *of marriage is a necessary condition for* ***the liberation of women****. Therefore it is important for* ***us to encourage*** *women to leave their husbands* [http://www.conservapedia.com/Feminism. 17.05.2009].

Создается образ женщины-воина, женщины — рыцаря «без страха и упрека», окруженной возвышенно-романтическим ореолом будущего без мужского доминирования. В этом образе персонифицируется представление феминисток об идеальном обществе — строгом, но справедливом.

Дискурс борьбы СВОИХ и ЧУЖИХ прагматически агрессивен и динамичен [Проскуряков 1999], что предопределяет значимость военной метафоры в сфере социополитического манипулирования. Представление мира как территории военных действий полностью отвечает целям непримиримой борьбы, консолидации СВОИХ, дискредитации конкурентов и столкновения мнений в социополитическом дискурсе.

Консолидация МЫ в феминистском дискурсе осуществляется посредством тактики самовозвеличивания, другими словами, создания положительного автоимиджа. Феминисткам Америки свойственно использование приемов эффективной саморекламы и героизации СВОЕГО движения.

В дискурсе феминистского движения США прослеживается профессиональное использование PR-технологий с целью добиться максимального воздействия на сознание адресата. Высокий уровень владения PR-технологиями приводит к повышенной метафоричности американского феминистского дискурса. Получают широкое распространение героификация, легитимация и другие приемы позитивной саморепрезентации.

Включение женской части населения всей планеты в группу СВОИХ традиционно и широко практикуется в феминистском дискурсе США, что позволяет решать задачи прагматического плана в пределах мирового контекста. Прежде всего, данная модель подразумевает интеграцию глобального сообщества, частью которого является каждая женщина. Объединение индивидуальных усилий ведет к накоплению мощной силы и энергии для решения глобальных проблем неравенства. Ср.: *As a woman I have no country. As a woman* ***my country is the whole world*** [http://www.humanitiesresearch.net. 09.11.2007].

Искусство и религия как сферы-источники метафорической экспансии предоставляют широкие возможности для реализации эмоционального заряда метафоры. Слова-символы данной лексической группы относятся к единицам, которые служат повышению экспрессивности, для них характерно «постоянное переворачивание, перемешивание плохого и хорошего, высокого и низкого, смешного и печального» [Плуцер-Сарно 1999]. Прагматический потенциал метафорической модели «МЫ — ВЫСШИЙ ПОЛ» определяется яркими концептуальными векторами благородства, величия, высокого искусства, безупречности, мастерства: *Sure God created man before woman, but then again you always make* ***a rough draft*** *before creating* ***the final masterpiece*** [http://www.smh.com.au. 28.09.2010].

Представители феминистского движения США в своих выступлениях, статьях и призывах склонны к использованию ярких образов, символизирующих прогрессивность, умение отстаивать свою позицию и брать инициативу в свои руки. Неудивительно, что для создания имиджа динамичной, сильной и перспективной женщины феминистки Америки часто апеллируют к образам, возносящим женщину на пьедестал, представляющим идеальных женщин, которые по всем параметрам превосходят мужчин: *We are, as a sex,* ***infinitely superior*** *to men* [http://my.telegraph.co.uk. 24.10.2007]. *I believe that women are* ***the more spiritually advanced sex*** [http://www.washingtonpost.com. 06.12.2009].

Существует мнение, что, поскольку США создавались и развивались на протяжении

двухсот лет, руководствуясь идеей прогресса как приоритетным аксиологическим ориентиром, сформировался менталитет американской нации с мессианской направленностью — уверенностью в своем особом предназначении в мире. Влияние феминизма как религии принимает гипертрофированные размеры, предполагается, что он распространяется по территории всей планеты, приобретает глобальные масштабы; тем самым формируется представление о том, что все происходящее в Америке под влиянием феминизма носит божественный характер, предначертано свыше. Ср.: *Feminism is* ***sort of like God****. Many people profess to believe in it, but no one seems to be able to define it to everyone's satisfaction* [http://www.aaronallston.com. 20.09.2009].

Акцентируя внимание адресата на идее уникальности женщины во всех ее проявлениях, коннотативно нагруженные номинации продуцируют образ женщины, которая прекрасна просто потому, что она женщина: ***I am beautiful as I am.*** *I am the shape that was gifted. My breasts are no longer perky and upright like when I was a teenager. My hips are wider than that of a fashion model's. For this I am glad, for these are the signs of a life lived* [http://www.quotegarden.com/feminism.html. 14.10.2009].

Таким образом, составляющие данную модель метафорические номинации нагружены позитивным прагматическим потенциалом. При введении в метафорический контекст позитивно окрашенных сочетаний саморепрезентации и восхваления возникают положительные ассоциации, связанные с дееспособностью, нужностью, эффективностью.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что метафорическая модель «МЫ — ВЫСШИЙ ПОЛ» находит достаточно широкое применение в американском феминистком дискурсе для формирования образа СВОИХ, воссоздавая и подтверждая уже имеющуюся концептуальную картину мира в сознании реципиентов.

В заключение мы можем сделать следующие выводы. Национальные образы мужчин и женщин являются важным идентификатором, с помощью них проводится граница между нациями, определяется, кто СВОЙ, а кто ЧУЖОЙ, а следовательно, поддерживается национальная идентичность. В феминистском дискурсе женщина наделяется необычными нравственными, волевыми и духовными качествами. При этом женщина, по мнению феминистского движения США, должна быть достаточно авторитарной, влиятельной и обладать правом окончательной оценки всего происходящего, иначе говоря, быть командиром действующей армии, который не хочет *«подорвать свой авторитет»* и которому нужно *«завоевать уважение и доверие своих питомцев»,* а потом сохранить завоевания. Метафорические модели, используемые для манипулятивного формирования представлений о женщине в американском дискурсе, отличаются агрессивным и воинственным настроем. В американском феминистском дискурсе для метафорической характеристики женщины и феминистки чаще всего употребляются милитарная, криминальная и религиозная метафора, наиболее частотны модели «МЫ — ЖЕРТВА», «МЫ — ВОИНЫ», «МЫ — ВЫСШИЙ ПОЛ». Это связано с особой значимостью отдельных социальных, политических, государственных и культурных составляющих ситуации в американской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries : the Social Organization of Culture Difference : Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23d to 26th Febr. 1967 / F. Barth (Ed.). — L. ; Bergen : Universitetsforlaget, 1969. P. 9—38.

Tajfel H. Social Identity and Intergroup Relations. — Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Pr. ; P. : Ed. de la Maison des sciences de l'homme, 1982.

Козлова Н.Н. Гендер и вхождение в модерн // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 164—174.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры : сб. / вступит. ст. и сост. Н. Д. Арутюнова ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. — М. : Прогресс, 1990. — С 387—415.

Нойманн И. Использование «Другого» : образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова ; предисл. А. И. Миллера. — М. : Новое изд-во, 2004.

Плуцер-Сарно А. А. Государственная Дума как фольклорный персонаж: пародия, плач, исповедь и пасквиль — жанры русской политики // Логос. 1999. № 9. URL: www/ruthenia/ru/logos/number/1999_09.

Проскуряков М. Р. Дискурс борьбы : (Очерк языка выборов) // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 34—39.

Рябов О. В. «Матушка-Русь» : опыт гендерного анализа национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. — М. : Ладомир, 2001.

Ювал-Дэвис Н. Гендер и нация / пер. И. Новиковой. — М. : Elpa, 2001.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'25-115
ББК Ш141.2-02 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.20*

М. Л. Алексеева
Екатеринбург, Россия

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРЕ

Аннотация. *Переводческие пояснения рассматриваются как один из типов вспомогательного текста. Анализируется его специфика и виды. Прослеживаются диахронические изменения объема, формы и содержания пояснений при передаче реалий общественно-политического уклада России XIX в. в немецких переводах конца XIX в., начала, середины, конца XX в. и начала XXI в.*

Ключевые слова: *перевод; переводческие пояснения; реалии; государственное устройство России XIX в.; диахрония.*

Сведения об авторе: *Алексеева Мария Леонардовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 464.*
e-mail: maria.alekseyeva@gmail.com.

M. L. Alekseyeva
Ekaterinburg, Russia

DIACHRONIC STUDY OF TRANSLATOR'S EXPLANATIONS

Abstract. *Translator's explanations are considered in this paper as a type of auxiliary text. Its specificity and types are analyzed. Based on German translations of the late 19th century through the early 21st century, diachronic changes in volume, form and content of explanations are traced in the context of translation of the realia denotating the socio-political system in Russia of the XIX century.*

Key words: *translation; translator's explanations; realia; the socio-political system in Russia of the 19st century; diachronic study.*

About the author: *Alekseyeva Maria Leonardovna, Candidate of Philology, Assistant Professor.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Переводческие пояснения сравнительно недавно стали объектом изучения [Брагинская 2003; Ксенофонтов 2005; O'Sullivan 2005; Евсеева 2007; Новикова 2009; Laimantas 2010]. Пояснения можно рассматривать как переводческий прием или как особый тип текста. В данной статье мы, придерживаясь второго подхода, проанализируем их объем, форму и содержание на материале русских реалий в разновременных немецких переводах.

Наряду с предисловием, послесловием и вступительной статьей переводческие пояснения являются одним из видов вспомогательного текста, в котором переводчик выступает в качестве автора.

Выражение «переводческие пояснения» не является термином в строгом смысле слова, но нашло широкое применение в научных дискуссиях по переводу и обрело статус научного наименования. Оно используется для обозначения любых дополнительных внутритекстовых и внетекстовых сведений в переводном тексте, автором которых является переводчик. Вследствие расхождений в трактовке понятий необходимо разграничить несколько близких терминов: пояснение, примечание, комментарий и сноска.

Пояснение — это разъяснение с целью сделать отдельное слово или фрагмент текста более понятным. В толковых словарях русского языка этот термин толкуется через глагол *пояснить*: «действие по глаголу пояснить», «пояснить — значит делать что-то более ясным, объяснить, истолковать. Поясняющее замечание, объяснение» [Ожегов, Шведова 1999; Ушаков 2005, Кузнецов 1998; Ефремова 2006]. Переводческие пояснения могут быть включены в сам текст или вынесены за его пределы, могут содержать дополнительные сведения различного характера, в том числе справки, толкования, оценочные характеристики. Рассмотрим разновидности внетектовых пояснений.

Примечание, согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, — «дополнительная заметка, объяснение к тексту» [Ожегов, Шведова 1999]. А. Э. Мильчин трактует примечания как «элемент аппарата издания, сравнительно краткие дополнения к основному тексту или пояснения небольших фрагментов его, носящие характер справки и, как правило, не содержащие, в отличие от комментариев, толкования этих фрагментов. Пояснения в примечаниях не должны, однако, носить безотносительный к основному тексту характер общеэнциклопедической справки, а пояснять фрагмент применительно к его контексту» [Мильчин 2006]. Таким образом, при создании *переводческого примечания* переводчик предлагает иноязычному читателю обработанный им аналитический материал или фактическую информацию из какого-либо словаря, специального справочника или энциклопедии, вынесенную за пределы переведенного текста и дополняющую его.

Комментарий во всех упомянутых выше толковых словарях определяется через приме-

© Алексеева М. Л., 2012

чание, причем примечание оценочного характера. Например: «...разъяснительные примечания к к.-н. тексту. Рассуждения, пояснительные и критические замечания о чем-л.» [Ожегов, Шведова 1999]. Более подробно этот термин раскрывается в специальном словаре-справочнике: «Комментарии — часть аппарата издания, в которой дается широкое толкование текста произведения в целом со стороны историко-лит., историко-текстологической, издательской либо отд. его фрагментов, когда необходимо помочь читателю понять текст во всем объеме и со всей глубиной, скрытой от обычного взгляда и требующей доп. знаний эпохи, ист. и лит. событий, литературы того времени» [Мильчин 2006]. Следовательно, термин «примечание» является более общим, а комментарий — один из видов примечаний интерпретационного характера, вынесенный за пределы текста или в отдельное издание. Переводческий комментарий представляет собой аналитическое толкование, пропущенное сквозь призму другой культуры, позволяющее иноязычному читателю глубже понять оригинальное произведение в широком культурно-историческом контексте: «Комментарий — это перевод, перевод чужой культуры на язык наших мыслей и чувств» [Гаспаров 2004: 72].

Термин ***«сноска»*** не находит значительных расхождений в понимании. *Сноской* называют «текст, помещенный снизу страницы, под чертой, отделяющей его от основного текста, подстрочное замечание» [Ушаков 2005: 955]. В специальном словаре-справочнике подчеркивается связь сноски с основным текстом посредством звездочки или цифры: «Сноска — помещаемые внизу полосы примечание, библиогр. ссылка, перевод иноязычного текста, связанные с осн. текстом знаком» [Мильчин 2006], — и отличие от затекстовых комментариев: «...подстрочное примечание предпочтительнее затекстового, когда необходимо по ходу чтения и желательно, чтобы читатель не пропустил его, вероятность чего выше у затекстового примечания; когда является переводом слов на иностр. языке внутри осн. текста, т. е. по сути является осн. текстом в переводе; когда примечание принадлежит автору текста классического произведения или произведения писателя прошлых эпох, поскольку такие примечания тесно примыкают к осн. тексту и не должны быть пропущены читателем» [Там же]. В переводах сноски принимают форму кратких постраничных примечаний.

Итак, наиболее широким по значению является термин «переводческие пояснения». К его внетекстовым разновидностями относятся постраничные сноски, затекстовые примечания и комментарии. Комментарии, как разъяснительные примечания оценочного характера, вынесены за основной текст перевода вместе с примечаниями либо отдельно от них, а также могут быть опубликованы в отдельном издании. Комментарии нацелены на компенсацию уникальных культурных сведений, ориентированных на современного читателя, представителя иной культурной и языковой традиции. Как отметила Т. А. Казакова, это «знак, объединяющий информационные свойства двух культур, языков, менталитетов» [Казакова 2006: 136]. Он «имеет системный характер, проявляющийся в иерархичности и повторяемости структуры и функций, и одно специфичное свойство — способность вскрывать ненаблюдаемую сторону переводческого процесса: характер когнитивных и коммуникативно-прагматических структур» [Там же].

Данные характеристики легли в основу структурно-функциональной типологии переводческих пояснений, насчитывающей пять типов («комментариев» в терминологии автора).

Тип 1. Словарные, по форме и содержанию совпадающие со статьей двуязычного словаря.

Тип 2. Сопоставительные, включающие сопоставление языковых или культурно-содержательных свойств исходного и переводного знаков.

Тип 3. Дополняющие, содержащие информацию, побочную по отношению к переводимому знаку; условно делятся на относительно объективные и относительно субъективные.

Тип 4. Пояснительные, поясняющие характер контекста в связи с употреблением в нем сложного для перевода знака: цитат, сложных стилистических единиц, игры слов, аллюзий и т. п.

Тип 5. Нулевые, т. е. полностью отсутствующие, хотя в них есть необходимость [подробнее см.: Казакова 2006: 136].

Несколько позже появилось исследование Т. В. Евсеевой, в котором составлена классификация переводческих пояснений, основанная на интенциях переводчика:

Тип 1. Собственно «переводческие», содержащие минимум фоновых знаний, — недостающую информацию справочного характера, позволяющую раскрыть неявные смыслы в конкретном контексте.

Тип 2. Пояснения просветительского характера, нацеленные на расширение кругозора читателя текста перевода, в соответствии с чем включают дополнительную информацию (сведения о творчестве автора, истории произведения, событиях, оказавших влияние на его создание), как правило, избыточную.

Тип 3. Пояснения идеологического характера, также содержащие «избыточную информацию, возможно, не всегда необходимую, адекватность которой определяется субъективными параметрами личностного мировидения переводчика», причем «интенции переводчика резко отличаются от интенций автора оригинала, даже при совпадении их идеологических воззрений»; такой комментарий «направлен на создание единственно возможной трактовки текста согласно господствующей идеологии и представляет собой особое предписание идеологически заданного восприятия» [Евсеева 2007: 19].

Т. В. Евсеева в охарактеризованном исследовании тоже использует термин «комментарий», хотя, по нашему мнению, только последний тип переводческих пояснений относится к комментариям. Первые два являются примечаниями и совпадают соответственно с первым и третьим типом классификации Т. А. Казаковой. Классификация Т. В. Евсеевой, как и разобранная ранее, учитывает содержательные параметры, в ней игнорируются расположение, форма и объем. При анализе переводческих пояснений следует включать все указанные выше параметрические критерии:

1. Расположение: внутритекстовые и внетекстовые (постраничные сноски, затекстовые примечания или комментарии).
2. Форма: вербальные и графические (цифры, рисунки, схемы, фотографии).
3. Объем: краткие и развернутые.
4. Содержание с учетом структуры и функции (типология Т. А. Казаковой):
   4.1) словарные;
   4.2) сопоставительные;
   4.3) дополняющие (относительно объективные и относительно субъективные);
   4.4) пояснительные;
   4.5) нулевые.

Вопрос принципов составления переводческих пояснений пока не получил подробного рассмотрения в литературе по теории перевода. В настоящее время нигде не описаны требования к их объему, форме и содержанию, возможности и границы выражения интенций переводчика с учетом вида перевода и типа текста. Поэтому целесообразно обратиться к опыту комментирования в переводах классиков мировой литературы, выполненных профессиональными переводчиками. Это позволит путем анализа большого количества решений выявить общие закономерности составления пояснений, представить сложившиеся в переводческой практике традиции и наметить актуальные тенденции в решении указанной проблемы. В данной статье мы сосредоточимся на анализе передачи реалий [1] общественно-политического устройства России XIX в. в 30 немецких переводах конца XIX в., начала, середины, конца XX в. и начала XXI в. Мы также будем опираться на данные нашего более раннего исследования, посвященного изучению приемов передачи русских реалий в 20 переводах романов Ф. М. Достоевского XX—XXI вв. на немецкий язык [Алексеева 2010а].

Общественно-политические реалии являются одним из центров максимальной концентрации национально окрашенной лексики, отражающей особенности жизни носителей какого-либо языка: «Если в названиях географических объектов, флоры и фауны отражаются особенности природно-географической среды, в которой живет народ — носитель языка, то в названиях учреждений, органов власти, различных государственных и общественных организаций запечатлены особенности государственно-политического строя страны, социально-политическая структура общества, обслуживаемого этим языком» [Томахин 1988: 111]. Эти единицы характеризуются высокой частотностью во всех романах Ф. М. Достоевского, чем обусловливается наличие большого количества вариантов перевода.

Следует отметить, что данная группа реалий неоднородна. Она содержит несколько подгрупп: административно-территориальные, военные и реалии государственного устройства.

Административно-территориальные реалии включают названия административно-территориальных единиц и объединений, например: *генерал-губернаторство, губерния, уезд, волость*; населенных пунктов: *скит, слобода, слободка, село, сельцо, хутор*; земельных владений: *усадьба, поместье.*

К реалиям государственного устройства относятся наименования лиц по сословному положению: *однодворец*; названия политических и общественных организаций и их представителей: *западник, прогрессист, народник, крепостник, декабрист, раскольник* и др. [подробнее см.: Алексеева 2010б: 83].

Реалии, относящиеся к военной сфере деятельности, отсылают читателя к воинским чинам и званиям, командным должностям, частям и подразделениям императорской армии, военным учебным заведениям, названиям оружия, орденов и знаков отличия в Российской империи конца XIX в. В нашем материале они составляют немногочисленную группу, включающую названия чинов, частей и подразделений, например: *денщик, штабс-капитан*; названия орудий удара: казацкая *нагайка, шашка*; наименования учебных заведений: *юнкерское училище*.

Как показал сопоставительный анализ переводов, пояснению подвергаются только единицы последней подгруппы [подробнее см.: Алексеева 2010а: 198]. Проиллюстрируем специфику передачи единиц этой подгруппы на примере реалии *декабрист*, которая в разных по времени переводах снабжается пояснениями и в постраничных сносках, и в затекстовых комментариях.

(1) *Рассказывали, например, про* ***декабриста*** *Л-на, что он всю жизнь нарочно искал опасности, упивался ощущением ее, обратил ее в потребность своей природы* [Достоевский. Бесы 2004: 208].

(1.1) *Von dem* ***Dezemberverschwörer*** *L-n erzählt man z. B., daß er fein lebelang die Gefahr aufgesucht, an ihrem Gefühl sich berauscht und es zu einem Bedürfnis seiner Natur gemacht* [Dostoevski 1888: 163].

(1.2) *Man erzählte zum Beispiel von dem* ***Dekabristen*** *L***n, er habe sein ganzes Leben lang die Gefahr absichtlich aufgesucht, sich an dem Gefühl der Gefahr berauscht und dieses Gefühl zu einem Bedürfnis seiner Natur gemacht* [Dostoevski 1906: 269].

(1.3) *So erzählt man zum Beispiel von dem* ***Dekabristen*** *L-n, er habe immer und mit Absicht die Gefahr aufgesucht, habe sich an dem Gefühl der Gefahr berauscht und sie zu einem Lebensbedürfnis seiner Natur gemacht* [Dostoevski 1921: 278].

Примечание: *Der plötzliche Tod Alexanders I. am 1. Dezember 1825 in Taganrog (am Asowschen Meer) und die Ungewißheit über seinen Nachfolger (Konstantin oder Nikolaus) verleitete einen Teil Geheimbündler unter den Gardeoffizieren und Vertretern der geistigen Elite Rußlands am 14. Dezember zu einem verfrühten Aufstand gegen die zaristische Alleinherrschaft. Nach dem Monat Dekabr verblieb ihnen die Bezeichnung Dekabristen. Dieser Adelsputsch wurde von Nikolaus I. sofort niedergeschlagen und es folgten unzählige Verhaftungen. Unter den 121 Angeklagten befanden sich sieben Fürsten, zwei Grafen, drei Barone, zwei Generäle, dreiundzwanzig Obersten. Die fünf Hauptschuldigen wurden am 14. Juli 1826 gehenkt, dreiunddreißig zu lebenslänglicher Zwangsarbeit in sibirischen Bergwerken verurteilt, andere zu befristeter Zwangsarbeit, Deportation nach Sibirien, Vermögenskonfiskation, Verlust des Adelstrangs, Degradation, Verbannung* [Dostoevski 1921: 1003].

(1.4) *Man erzählte zum Beispiel von dem* ***Dekabristen L-n*,*** *er habe zeit seines Lebens absichtlich die Gefahr gesucht, sich an dem Gefühl der Gefahr berauscht und dieses Gefühl zu einem Bedürfnis seiner Natur gemacht* [Dostoevski 1961: 233].

Сноска*: Die Dekabristen (abgeleitet von dekabrj = Dezember) waren russische Offiziere, die an der Militärrevolte im Dezember 1825 teilnahmen.*

(1.5) *Beispielweise erzählte man sich von* ***Dekabristen L.,*** *er habe sein Leben lang absichtlich dieGefahr gesucht, sich berauscht am Gefühl der Gefahr und es zum Bedürfnis seiner Natur gemacht* [Dostoevski 1985: 267].

Примечание: *L. — Michail Sergejewitsch Lunin (1787—1885), Dekabrist; war bekannnt als Draufgänger und kaltblütiger Duelant* [Dostoevski 1985: 604].

(1.6) *Man erzählt zum Beispiel von dem* ***Dekabristen L-n*,*** *daß er sein Leben lang mit Bedacht Gefahren aufgesucht, an dem Gefühl der Bedrohung sich berauscht und dieses Gefühl in ein natürliches Bedürfnis verwandelt habe* [Dostoevski 1998: 268].

Примечание: *Dekabrist L-n.: M.S. Lunin (1767—1845), berüchtigter Duelant und kaltblütiger Abenteurer, wegen der Teilnahme am Dekabristen-Aufstand nach Sibirien verbannt* [Dostoevski 1998: 941].

В ранних переводах конца XIX в. и начала XX в. переводчики не снабжают реалии пояснениями, полагаясь на фоновые знания читателей-современников. Начиная с 20-х гг. XX в. используется комбинированный прием: транскрибирование и пояснение в затекстовых примечаниях или постраничных сносках.

Самым подробным и содержательным является пояснение Э. К. Разин (1921) в затекстовых примечаниях, что придает переводу высокую степень адекватности: «Внезапная смерть Александра I 1 декабря 1825 г. в Таганроге (на Азовском море) и неопределенность с его наследником (Константин или Николай) склонила часть тайных заговорщиков из гвардейских офицеров и представителей российской интеллигенции к преждевременному мятежу против царского самодержавия 14 декабря. По названию месяца участников восстания назвали декабристами. „Дворянский путч“ был мгновенно подавлен Николаем, затем последовали многочисленные аресты. Среди 121 обвиняемого было 7 князей, 2 графа, 3 барона, 2 генерала, 23 полковника. Пятеро главных обвиняемых были казнены через повешение 14 июля 1826 г., 33 участников приговорили к пожизненной каторге на рудниках в Сибири, остальных — к временным каторжным работам, ссылке в Сибирь, конфискации имущества, лишению дворянского титула и звания, изгнанию» (пер. здесь и далее наш — М. А.). Это достаточно объемный, относительно объективный дополняющий комментарий, раскрывающий содержание русской реалии, этимологию слова и предлагающий экскурс в соответствующее время и культуру.

М. Кегель в переводе 1961 г. выносит в сноску краткий комментарий исторического и этимологического характера, что не позволяет привести такую подробную информацию, как в примечаниях после текста: «декабристами (от „декабрь“ = Dezember) называют русских офицеров, принимавших участие в военном мятеже в декабре 1925 года». Однако М. Кегель несколько сужает значение русской реалии, опуская ядерный компонент значения (‘дворянское восстание’), поскольку участниками восстания были не только военные, что несколько снижает адекватность перевода данной реалии.

В современных переводах Г. Далитц и С. Гайер используют словарные пояснения в послетекстовых примечаниях: «Л. — Михаил Сергеевич Лунин (1787—1885), декабрист; был известен как сорвиголова и хладнокровный дуэлянт» **[**Dostoevski 1985: 604] и «М. С. Лунин (1767—1845), известный дуэлянт и хладнокровный авантюрист, сосланный в Сибирь из-за участия в восстании декабристов» [Dostoevski 1998: 941]. Эти примечания относятся к относительно объективному просветительскому типу по классификации Т. А. Казаковой. Однако пояснениями снабжается не реалия, а имя собственное (имя одного из декабристов), содержание русской реалии остается нераскрытым. В данном случае имеет место нулевой комментарий реалии — отсутствующий, когда в нем есть необходимость, в то время как другой знак (оним), в меньшей степени нуждающийся в пояснении, получает его, что, по нашему мнению, осложняет восприятие смысла текста в целом.

Сейчас переводчики располагают разнообразными материалами исследований творчества писателя, его оценки различных общественных движений и тайных обществ, декабристов, в том числе общения с ними и их женами, деятельности всех участников восстания, что позволяет составить точные пояснения национально-специфичной лексики.

Если обратиться к более широкому контексту оригинального произведения (в данном случае равном одному абзацу), необходимость пояснения указанного знака для иноязычного читателя проявляется еще ярче, поскольку в исходном тексте реалия несет дополнительную смысловую нагрузку — писатель сравнивает героя романа с декабристами, с самым стойким и одержимым из них: *Николая Всеволодовича я изучал все последнее время и, по особым обстоятельствам, знаю о нем теперь, когда пишу это, очень много фактов. Я, пожалуй, сравнил бы его с иными прошедшими господами, о которых уцелели теперь в нашем обществе некоторые легендарные воспоминания. Рассказывали, например, про декабриста Л-на, что он всю жизнь нарочно искал опасности, упивался ощущением ее, обратил его в потребность своей природы; в молодости выходил на дуэль ни за что; в Сибири с одним ножом ходил на медведя, любил встречаться в сибирских лесах с беглыми каторжниками, которые, замечу мимоходом, страшнее медведя. Сомнения нет, что эти легендарные господа способны были ощущать, и даже может быть в сильной степени, чувство страха, — иначе были бы гораздо спокойнее, и ощущение опасности не обратили бы в потребность своей природы. Но побеждать в себе трусость — вот что, разумеется, их прельщало. Беспрерывное упоение победой и сознание, что нет над тобой победителя — вот что их увлекало. Этот Л-н еще прежде ссылки некоторое время боролся с голодом и тяжким трудом добывал себе хлеб, единственно из-за того, что ни за что не хотел подчиниться требованиям своего богатого отца, которые находил несправедливыми. Стало быть, многосторонне понимал борьбу; не с медведями только и не на одних дуэлях ценил в себе стойкость и силу характера* [Достоевский. Бесы 2004: 208].

Известна позиция писателя по отношению к декабристскому движению. Ф. М. Достоевский восстание декабристов считал бессмысленным бесовством, а его участников — бунтарями, хотя был знаком лично и дружен с некоторыми их них. У читателя должен быть выбор в понимании и оценивании реалий. Думается, пояснения нужны, причем для обоих знаков: и реалии, и онима. Если первый знак нуждается в развернутых историко-этимологических комментариях, то для второго достаточно краткой словарной справки.

Рассмотрим диахронические изменения в подходах переводчиков при пояснении переводных знаков на примере различных вариантов передачи реалии *скопец* в романе «Идиот».

(2) ***Скопец**, заседающий в лавке, нанимает вверху* [Достоевский. Идиот 2004: 260].

(2.1) *Im Erdgeschoß befindet sich gewöhnlich eine Weckselbank, die von einem in den oberen Stoßewerken wohnenden **Skopzen*** gehalten wird* [Dostoevski 1889: 243].

Сноска: *Die Skopzen, eine russische Sekte mit eigentümlichen Bräuchen.*

(2.2) *Im Erdgeschoß befindet sich gewöhnlich eine Weckselbank, und **der Besitzer, ein Sektierer (in der Regel ist es einer von der Skopzensekte)**, hat seine Wohnung in einem der oberen Stockwerke* [Dostoevski 1908: 395].

(2.3) *Der Skopez*, der darin sizt, pflegt in einem der oberen Stockwerke zur Miete zu wohnen* [Dostoevski 1930: 259].

Сноска: *Skopez — Angehöriger einer russischen Kastratensekte.*

(2.4) *Meistens befindet sich unten eine Wechselstube, und der darin sitzende **Skopze*** hat seine Wohnung oben* [Dostoevski 1951: 377].

Сноска: *Skopez — Verschnittener, Kastrat, Angehöriger einer russischen Sekte.*

(2.5) *Der **Skopze***, der ihn betreibt, wohnt oben* [Dostoevski 1986: 282].

Примечание: *Skopze: (russ.) Verschnittener; Angehöriger einer Ende des 18. Jahrhunderts entstandenen Sekte. Die Skopzen sahen die einzige Möglichkeit zur Errettung ihrer Seele in der Bekämpfung des Fleisches, der Kastration. Die Zugehörigkeit zu dieser Sekte wurde mit Verbannung nach Sibirien bestraft.*

(2.6) *Der **Skopez***, der in der Wechselstube sitzt, wohnt oben zur Miete* [Dostoevski 1996: 296].

Примечание: *Skopez: Skopzen (Verschnittene, Kastraten), eine religiöse Sekte, gegründet in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts von dem Bauern Kondratij Seliwanow, die durch Abtötung des Geschlechtstriebes das Seelenheil zu erlangen trachtete und vom Staat verboten wurde* [Dostoevski1996: 296].

Согласно словарю Т. Ф. Ефремовой, скопцы — «члены религиозной секты, возникшей в Российском государстве в конце XIX века в результате отделения от хлыстов и проповедовавшей „спасение души“ в борьбе с плотью путем оскопления, отказа от мирской жизни» [Ефремова 2006]. Этот переводной знак нуждается в пояснении, поскольку данная русская реалия неоднократно упоминается в романе и необходима для понимания смысла текста.

В самом первом переводе этого романа А. Шольц (1889) использует краткие пояснения в сноске: «Скопцы — русская секта со странными обычаями». Сноска малоинформативна, поскольку не раскрывает содержание реалии. Э. К. Разин (1908) вводит пояснения в ткань теста с помощью скобок: «владелец, сектант (как правило, из секты скопцов)», что типично для ранних переводов, но как и в первом переводе, не способствует полному восприятию

фрагмента текста. Это позволяет приравнять пояснение, как и в первом переводе, к нулевому комментарию, существенно снижающему адекватность перевода.

Г. Ярхо и Р. Кадрия транскрибируют реалию и снабжают кратким пояснением словарного характера в постраничных сносках, что позволяет передать содержание русской реалии, сохранив форму и национальный колорит, и добиться адекватного перевода: «Скопец — член русской секты кастратов» [Dostoevski 1930: 259] и «Скопец — обрезанный, кастрат, член русской секты» [Dostoevski. 1951: 377].

В современных работах вводятся затекстовые пояснения. Оба переводчика используют дополняющие примечания: «Скопец (рус.) — обрезанный; член секты, возникшей в конце XVIII в. Единственную возможность спасения души видели в заморении плоти, кастрации. Принадлежность к этой секте наказывалась ссылкой в Сибирь» [Dostoevski 1986: 862]; «Скопцы (обрезанные, кастраты) — основанная во второй половине XVIII в. крестьянином Кондратием Селивановым религиозная секта, которая усматривала исцеление души в умерщвлении плоти и была запрещена государством» [Dostoevski 1996: 899]. Это достаточно объективные комментарии, сопровождающиеся прямым переводом, толкованием и небольшой справкой, обеспечивающей понимание текста в культурно-историческом контексте эпохи. Следует отметить, что затекстовые примечания располагаются по мере их появления в романе с указанием соответствующей страницы, но они не связаны с основным текстом каким-либо знаком. Читатели не знают, какие переводные знаки снабжаются пояснением, и могут пропустить дополнительные сведения.

Два небольших примера не позволяют проследить все закономерности техники перевода, однако демонстрируют историческую динамику переводческих пояснений. Сопоставительный анализ передачи русских общественно-политических реалий на материале параллельных немецких переводов романов Ф. М. Достоевского позволил выявить изменения по отдельным периодам:

- В ранних переводах (XIX в. и начала XX в.) реалии пояснялись редко. В этих случаях использовались комбинированные приемы на основе транслитерации или транскрипции и пояснения внутри текста, приводившиеся через запятую, реже — в сносках или примечаниях.
- Практически для всех переводов 50—60-х гг. XX в. характерны краткие пояснения в форме постраничных сносок.
- В 70 — 80-е гг. XX в. появляются затекстовые примечания, которые полностью вытесняют постраничные сноски.
- Начиная с 90-х гг. XX в. затекстовые пояснения содержатся практически во всех переводах, изменяется их объем и содержание, появляются рисунки, схемы, фотографии.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Переводческие пояснения — это неотъемлемая часть переводного текста и — шире — переводческого дискурса. Несомненна их целесообразность и актуальность для иностранного читателя, а также необходимость учета и дальнейшего исследования традиции их составления в диахронии — бесценного опыта многих поколений переводчиков. Перспективным представляется изучение специфики переводческих пояснений в зависимости от объекта перевода, временного среза, языковой пары, типа текста, национальной традиции перевода, когнитивной и прагматической компетенции переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева М. Л. Реалии государственного стройства России XIX века в немецких переводах // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 81—87.

Алексеева М. Л. Перевод реалий и реалии перевода: особенности передачи русских реалий в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.

Кузнецов С. А. [сост. и гл. ред.]. Большой толковый словарь русского языка. — СПб. : Норинт, 1998.

Гаспаров М. Л. Ю. М. Лотман и проблемы комментирования // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 70—74.

Евсеева Т. В. Переводной художественный текст с комментарием: структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2007.

Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. — СПб. : Союз, 2001.

Ксенофонтов А. Комментарий о комментарии // Новое литературное обозрение. 2005. № 6. С. 368—375.

Мильчин А. Э. Издательский словарь-справочник. — М. : ОЛМА-Пресс, 2006.

Новикова Ю. В. Переводческий комментарий как один из способов прагматической адаптации повести «Собачье сердце» М. А. Бургакова // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2009. С. 255—164.

Ефремова Т. Ф. [сост. и гл. ред.]. Современный толковый словарь русского языка. — М. : АСТ, 2006.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. [сост.]. Толковый словарь русского языка. — М. : Азбуковник, 2000.

Ушаков Д. Н. [сост.]. Толковый словарь русского языка. — М. : Альта-Пресс, 2005.

Томахин Г. Д. Реалии через американизмы. — М. : Высш. шк., 1988.

Laimantas Jonusys. Išnašos ir komentarai grožinės literatūros vertimuose. URL: http://www.llvs.lt/?recensions=647 (дата обращения: 10.10.2011).

O'Sullivan E. Comparative children's literature. — L. : Routledge, 2005.

ИСТОЧНИКИ

Достоевский Ф. М. Бесы : роман. — СПб. : Азбука-классика, 2004.

Dostoevskij F. Die Besessenen / Übers. H. Putze. — Dresden : Minden, 1888.

Dostojewski F. Dämonen / Übers. E. K. Rahsin. — München : Piper, 1906 ; 5. Aufl. — München : Piper, 1999.

Dostojewski F. Dämonen / Übers. H. Röhl. — Leipzig : Insel, 1921 ; Leipzig : Insel Tachenbuch, 1986.

Dostojewskij F. Dämonen / Übers. M. Kegel. — München : Winkler, 1961; 14. Aufl. — München : Deutscher Taschenbuch Verl., 2003.

Dostojewski F. Dämonen / Übers. G. Dalitz. — Berlin : Aufbau, 1985.

Dostojewskij, F. Böse Geister / Übers. S. Geier. — Zürich : Ammann, 1998 ; 3. Aufl. — FaM : Fischer Taschenbuch Verl., 2003.

Достоевский Ф. М. Идиот : роман. — М. : Эксмо, 2004.

Dostojewski F. Idiot / Übers. von A. Scholz. — Berlin : Bruno und Paul Cassirer, 1889.

Dostojewski F. Idiot / Übers. von E.K. Rahsin. — München : Piper, 1908 ; München : Piper, 1920.

Dostojewski F. Idiot / Übers. von G. Jarcho. — Berlin : Deutsche Buchgemeinschaft, 1930.

Dostojewski F. Idiot / Übers. von R. Cadreia. — Zürich : Manesse, 1951.

Dostojewski F. Idiot / Übers. von H. Herboth. — Berlin ; Weimar : Aufbau, 1986.

Dostojewskij F. Idiot / Übers. von S. Geier. — FaM : Fischer Taschenbuch, 1996.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Многочисленные публикации, освещающие особенности передачи реалий, предлагают разные, порой противоречивые выводы даже для одной пары языков и типа текста. Причиной этого, как нам представляется, является различное толкование термина «реалия». В теории перевода к этой группе лексики относятся нарицательные имена существительные, именующие уникальные национально-специфичные предметы и явления, а также номинативные словосочетания, семантически равные слову, например: *избушка на курьих ножках, премудрый змий, ждановская жидкость, взвар с медом, белые шти, монастырский мед*. Ономастическая лексика, фразеологизмы, паремии не относятся к реалиям. Это отдельные самостоятельные единицы перевода, обладающие своими признаками и приемами передачи на иностранный язык. «Чистые» реалии (термин В. С. Виноградова) немногочисленны. Чтобы отобрать достаточное количество единиц для исследования, необходим большой объем материала. Так, например, для выделения немногим более 200 разных русских реалий автору данной публикации понадобились проанализировать 3 500 страниц русского текста [Алексеева 2010а]. Видимо по этой причине в переводческих исследованиях используется более широкая трактовка данного понятия, принятая в смежных лингвистических дисциплинах (со включением, например, имен собственных, окказионализмов или прецедентных феноменов), а выводы излагаются относительно техники и качества перевода реалий.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Э. В. Будаев

УДК 81'27
ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.20*

В. А. Буряковская
Волгоград, Россия

ГЛЯНЦЕВЫЙ ЖУРНАЛ КАК ФЕНОМЕН МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЧЕВОЕ И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Аннотация. *Проводится контент-анализ глянцевого журнала "Glamour" с целью выявления языковой репрезентации манипулятивной стратегии давления массовой культуры на читателя.*

Ключевые слова: *гламурные журналы; "Glamour"; массовая культура; язык и стиль; речевая манипуляция; вербальный и визуальный ряды; лексическое наполнение текстов.*

Сведения об авторе: *Буряковская Валерия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии.*

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Контактная информация: *400131, г. Волгоград, пр-т Ленина, д. 27, к. 4-23.*
e-mail: vburyakovskaya@yandex.ru

V. A. Buryakovskaya
Volgograd, Russia

GLOSSY MAGAZINE AS A PHENOMENON OF MASS CULTURE: SPEECH AND PRAGMATIC CONCEPTION

Abstract. *Content analysis of the glossy magazine «Glamour» is led with the purpose to find out verbal representation of manipulative strategy of mass culture pressure on the reader.*

Key words: *glossy magazines; «Glamour»; mass culture; language and style; speech manipulation; verbal and visual texts; lexical content of texts.*

About the author: *Buryakovskaya Valeria Anatolyevna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the English Philology Department.*

Place of employment: Volgograd State Social and Pedagogical University.

Сегодня существует огромное количество печатной продукции, в том числе развлекательных журналов, пропагандирующих и навязывающих читателю определенный образ жизни. Развлекательные глянцевые журналы отличает аполитичность, красочность, простота изложения информации, большое количество рекламных материалов. Нельзя не обратить внимание на то, что глянцевый журнал явился своеобразным противовесом огромному потоку негативной информации. Современный человек подвергается прессингу негативных новостей с утра и до позднего вечера, а глянцевый журнал обладает большой отвлекающей силой, уводит человека от серьезных социальных проблем.

Глянцевый журнал — это типичный продукт массовой культуры, воздействующий на читателя определенным образом, по сути, формирующий взгляды и поведение. По поводу влияния массовой культуры на человека В. И. Карасик пишет, что «суть массовой культуры состоит в особом влиянии общества как целостного организма на поведение индивидуума: чем более многочисленным является социум, с которым ежедневно контактирует отдельный его представитель, тем в большей мере поведение человека носит сугубо знаковый характер» [Карасик 2010: 107].

Тематический спектр современных журналов очень широк. Журналы ориентируются в основном на профессиональные группы читателей («Офицеры», «Спецназ», «Учитель», «Главный бухгалтер» и др.), интересы и увлечения («За рулем», «Охотник», «Рыболов»), стиль жизни («Shape», «Геймер»), семейное положение («Домашний очаг», «Мой кроха», «Родители» и др.) и освещают вопросы, представляющие интерес для каждой группы. Наибольшей популярностью в последнее время пользуются издания, посвященные взаимоотношениям полов и жизни известных людей.

Важным критерием типизации современного печатного журнала становится выбор потенциальной читательской аудитории. Любое издание рассчитано на определенный круг читателей: широкий («Караван историй», «Отдохни!» и др.) или узкий («VIP», «Элита» и др.). При выборе аудитории учитывается пол («Cosmopolitan», «Playboy», «Men's Health» и др.) и возраст («Seventeen», «Она», «Вероника» и др.) предполагаемых читателей, влияющие на тематическую насыщенность журнала.

Часто очень непросто определить жанр многих современных изданий: при сохранении традиционных и привычных жанров (научно-публицистический, информационный, научно-популярный, художественно-литературный и др.) идет активный поиск новых жанровых форм (культурно-развлекательный, мистический, воспитательно-игровой и др.). Все больше изданий отказывается от жанрового определения, заменяя его вынесенной на обложку основной идеей («Для настоящих мужчин», «О здоровом образе жизни», «Для детей и их родителей», «Для самых маленьких», «Создающий настроение» и т. д.).

Основные сюжеты, например, женского журнала касаются ухода за собой, ухода за домом, устройства семьи, путешествий, карьеры и формирования определенного образа жизни, подчиненного временным циклам (неделя делится на будни и выходные, праздники и время отпуска). Таким образом, при анализе содержательной стороны глянцевых журналов можно безошибочно выявить образ, к которому должна стремиться, по мнению авторов статей, современная женщина. Мода — это главный аспект, который рассматривает любой глянцевый журнал, независимо от специализации.

© Буряковская В. А., 2012

Важной стилевой особенностью языка современных развлекательно-познавательных журналов стала простота (в некоторых случаях она доходит до примитивности) изложения информации, так называемый «легкий стиль», повлекшая за собой практически полное отсутствие в статьях сложной терминологии и развернутых синтаксических конструкций. Легкость и простота подачи материала, с одной стороны, позволяет расширить круг потенциальных читателей и увеличить количество тем, освещаемых в издании, с другой — является четким отражением снижения общего культурного уровня современного читателя. Считается допустимым использовать в статьях сленговые выражения, просторечную и разговорную лексику.

Классификация глянцевых журналов осуществляется путем анализа их содержательной направленности. Многие глянцевые журналы ограничены гендерными и возрастными рамками. Многие журналы сохраняют первоначальную, т. е. англоязычную форму своего названия (“Glamour”), что демонстрирует ксеномимикрию, широко распространенную при создании массмедийной продукции в России.

В современных журнальных статьях развлекательно-познавательных изданий четко прослеживается ироническая (в разной степени) направленность: почти обо всем сегодня принято писать как минимум с юмором. Важно отметить и доверительные интонации повествования. Современный развлекательно-информативный журнал часто выступает в роли лучшего друга (подруги), поэтому большой популярностью пользуются различного характера советы, комментарии и рекомендации.

Необходимым компонентом языка современных популярных изданий, безусловно, является цитирование (известных фраз, реплик, сцен, поговорок и т. д.), вызывающее у читателя определенные ассоциации. Кроме того, в современных журналах получил распространение эффект очевидности: практически любой материал преподносится от лица человека испытавшего (пережившего) описанное.

Еще одна характерная особенность женского глянца — псевдодраматизация жизни. Этот эффект возникает вследствие появления на журнальных страницах многочисленных «женских историй» в рубриках под названием «Крик души», «Признание», «История любви». Сложность жизни доказывается посредством «подглядывания» за чужой жизнью (интервью со звездами, вымышленные жизненные истории так называемых простых женщин, письма в редакцию).

Таким образом, содержательное наполнение значительной части современных глянцевых журналов призвано служить достижению главной цели, которую преследуют такие издания — развлекать массового читателя, погружать его в мир иллюзий и красивой жизни, задавать определенные стандарты поведения и жизни в целом.

Не менее важными являются «околотекстовые» составляющие, или перитекст: «Периферия текста может рассматриваться в качестве специфических для разнообразной нарративной продукции знаков отделочной работы, сопровождающих продукты художественных практик в современной цивилизации. Перитекст — упаковка, футляр текста» [Козлов 2009: 7]. По нашему мнению, в перитекст глянцевого журнала входят следующие компоненты: обложка, включающая фотографию, название журнала, основные темы; реклама; фотографии; разнообразная графика.

Глянцевый журнал посредством визуального ряда подсказывает, чего от вас ждут окружающие в более или менее типичной ситуации и какими должны быть ваши действия. Тем не менее иллюстрации, даже в глянцевых журналах, почти всегда требуют текстовой поддержки: вербальный ряд усиливает информационный посыл иллюстрации. Иллюстрация в глянцевом журнале играет особую семиотическую роль — это визуальный код, выстраивающий систему символических ценностей: эстетических, моральных, социальных, гендерных и др. В целом реклама является важным элементом глянцевого журнала, который функционирует как очень эффективный рекламоноситель. Глянцевый журнал превращается в своеобразный рекламный каталог (нерекламная информация занимает гораздо меньший объём, чем рекламная). Особое внимание следует уделить обложке глянцевых журналов. Слова, образы, цветовая гамма, графика сочетаются так, чтобы максимально привлечь покупателя. С самого начала создатели журнала в соответствии с человеческой психологией выстраивают стратегию успешного продвижения своей продукции. Как отмечает Г. Блумер, «глянцевый ... журнал, безусловно, строится по принципу экрана (плаката, фильма, комикса и т. п.) — просмотра на плоскости, где все оказывается развернутым в поверхность образным рядом. Таким образом, содержание переводится в информацию» [Блумер 1994: 32].

Нельзя не обратить внимание на преобладание женских образов на обложках журналов. Это один из самых главных символов в мифологии потребления. По этому поводу Ж. Бодрийар замечает: «…ошибочно видеть в автомашине „женский“ предмет. Хотя в рекламе о ней всегда говорится как о женщине: „гибкая, породистая, удобная, практичная, послушная, горячая“ и т. д., — это связано скорее с общей феминизацией вещей в рекламе: вещь-женщина — это эффективнейшая схема убеждения, социальная мифология, все вещи, и машина в том числе, притворяются женщинами, чтобы их покупали» [Бодрийар 2010: 38].

Контент-анализ журнала “Glamour” показал, что, во-первых, это универсальный женский журнал о моде, красоте и знаменитостях для широкой аудитории с большим количеством

рекламных полос. Во-вторых, основной акцент в журнале (в российской версии) делается на идеологическую и эмоциональную близость целевой группе (женщины от 16 до 45 лет). Редакционная формула “Glamour” — формат для быстрого чтения, практичные материалы о моде и красоте, актуальные персонажи, отсутствие дидактики, юмор. “Glamour” — это женский журнал XXI века, соответствующий новым социальным ролям, поведению и стилю жизни современных городских женщин. Введение в журнал постоянных рубрик, анонсирующих промо-акции и розыгрыши для читателей журнала, — абсолютно новый редакционный подход в России.

Ядро целевой аудитории “Glamour”— женщина, которой всегда 25. Если она старше, она ведет такой же активный образ жизни и стремится быть в курсе всех модных тенденций. Если она моложе, то у нее четкое собственное мнение о жизни и стремление к индивидуальному стилю. У нее две основные цели чтения: практическая (повышение уровня осведомленности и компетенции, стремление применить знания на практике) и гедонистическая (получение удовольствия, расслабление, например от юмора, эстетическое наслаждение).

Идеология журнала состоит в том, чтобы отвечать интересам современной женщины. Условно это можно выразить так: «Женщина противоречива и потому очаровательна. Идеальных женщин нет (или они дико скучные). “Glamour” идеален для современной женщины, потому что не учит ее жить, а с иронией относится к ее недостаткам и позволяет ей быть самой собой. Девиз *„Glamour — больше чем журнал“* транслирует концепцию издания: “Glamour” больше чем журнал, это ежемесячный путеводитель по современной жизни». В соответствии с концепцией акцент в двух семиотических рядах журнала делается на основные интересы современной горожанки: мода, красота, шопинг, отношения, карьера. Однако в каждой ситуации узнаются привычные женские расхождения между словом и делом («опять нечего надеть», «на диету с понедельника», «в путешествие на 3 дня — огромный чемодан только самых необходимых вещей»).

Одна из важных составляющих перитекста “Glamour” — логотип. Для усиления визуальной коммуникации логотип “Glamour” дополнен цветным штрих-кодом, который используется и как часть фирменного стиля. Штрих-код символизирует пестроту современной жизни и одновременно вызывает ассоциацию с шопингом как одной из главных тем журнала.

Структура «гламура» как ценностного ориентира глянцевого журнала напоминает конвейерную машину, воплощающую желания: создание образов — порождение желания — воплощение. Товары, услуги, способ проведения досуга, правила поведения, круг чтения — в этом и многом другом проявляется «гламурный миф», настойчиво и жестко форматирующий реальность и исключающий из нее запретные темы, которые требуют серьезного осмысления: болезни, старость, смерть. Гламурный миф основывается на «вечной молодости» и «неизменном качестве». Как пишет Р. Барт, «…мифы настигают человека всегда и повсюду, отсылают его к тому неподвижному прототипу, который не позволяет ему жить своей жизнью, не дает свободно вздохнуть, словно паразит, засевший внутри организма, и очерчивает деятельности человека тесные пределы, где ему дозволено мучиться, не пытаясь хоть как-то изменить мир…» [Барт 1994: 112].

Тематика журнала — достаточно стандартна: GlamSex&Love, GlamТело, GlamПсихо, GlamКарьера, GlamКонкурс, GlamTур, GlamМеню, GlamДекор. Наличие англоязычного элемента Glam- является своеобразным напоминанием читателю об основной идее журнала. Вся содержательно-тематическая часть издания объединяется общим значением гламура; создан лексический ряд, регулярно это значение повторяющий. Следует отметить, что глянцевый журнал как таковой и в частности журнал “Glamour” постоянно акцентирует понятие «гламур», обеспечивая серийность и повторяемость смыслов как характерные черты массовой культуры.

В каждом журнале обязательно присутствует реклама конкретных товаров с указанием торговой марки и цены, адресов магазинов. Шопинг как характерная черта гламурного стиля жизни всячески культивируется и поощряется. Шопинг отличается от совершения покупок тем, что является времяпрепровождением, неким занятием, не всегда необходимым. (В скобках заметим, что это слово и понятие успешно закрепились в русском языке и русском языковом сознании.)

Стоит отметить также, что для русской версии “Glamour”’а очень характерно смешение стилей, выражающееся в использовании жаргонной лексики, разговорных и просторечных единиц, которое помогает воспроизвести в тексте реальные ситуации и создает иллюзию приближения «гламурного» мира к современной действительности.

С точки зрения лексического наполнения текстов в журнале “Glamour” необходимо отметить изобилие заимствованной лексики, представляющей либо прямые иностранные заимствования в транслитерированной форме *(тренд*, *фэшн*, *бутик*, *лайт*, *мейкап*, *респект*, *хеппиэнд)*, либо журналистские окказионализмы, содержащие русский и английский компонент *(спецпроект Body&Mind, V-образный),* либо англоязычные лексические единицы без перевода *(shopping, beauty, e-mail, touch of pink, love in Paris).* Такая лексика типична для глянцевого стиля, она способствует созданию особой «гламурной» образности, основанной на деталях: *Африк-шоу: темное дерево, замша, мех и яркие аксессуары сделают интерьер по-нас-*

тоящему страстным; Скарлетт предпочитает четыре бренда: Marc Jacobs, Chanel, Gucci и Prada.

Среди характерных черт стиля "Glamour" следует назвать изобилие эмоциональных, позитивно окрашенных эпитетов, употребления превосходной степени: *ультрагламурный, светский, сияющий, элегантный, исключительный, звездный, изысканный, волшебный, сверхкультовый, лучший, ведущий, (самый) сексуальный, блистательный, суперстойкий, шикарный.*

Такого рода эпитеты употребляются по отношению к внешности или предметам, способным создать требуемый образ: *Невероятный изгиб и разделение ресниц сделают ваш взгляд неотразимым; Ультраяркие аксессуары засветят вас в толпе даже в самый солнечный день.*

Эмоциональность типична для текстов массовой культуры. Как справедливо замечает В. И. Карасик, «лингвистически релевантной характеристикой массовой культуры является гипертрофия эмоционального компонента и редукция рационального компонента в вербальных реакциях» [Карасик 2010: 108].

Анализируя журнал "Glamour" с позиций лингвопрагматики, обратимся к одной из основных стратегий массовой культуры. Это манипулятивная стратегия, которая имеет следующие речевые репрезентации: 1) девизы или ключевые фразы; 2) фразы-императивы; 3) советы и рекомендации.

Девизы, ключевые фразы, содержащиеся в основном в рекламе, неизменно присутствуют в журнале, повторяя то, что можно увидеть и услышать в телерекламе. С их помощью в сознание внедряется некий образ или идеал, которому нужно следовать или к достижению которого необходимо стремиться: *Ведь Вы этого достойны; Здоровье — это красиво; Цвет твоих губ все скажет за тебя; Все в восторге от тебя, а ты от Мэйбеллин; Тебе понравится.*

Фразы императивного характера, по сути являющиеся руководством к действию: *Купите спрей и получите шампунь в подарок; Вы полюбите вашу стройную фигуру; Заботься о себе; Почувствуй свою красоту; Попробуй вкус солнца; Подумай о себе и о нем…*

Массовая культура пытается выработать у человека определенные навыки, действует на уровне рефлексов, чтобы человек перестал задумываться о каких-либо вещах. Таким образом происходит своеобразная «дрессура» индивида, проводящаяся скорее на эмоциональном, чем на рациональном уровне. **Советы и рекомендации** раздаются по любому поводу: *Чтобы на пляже волосы ниспадали красивыми локонами, сбрызните их защитным увлажняющим спреем и оставьте распущенными; Солить еду лучше не в процессе приготовления, а уже на тарелке; Провокационная сексуальность Софи Лорен — роскошная и раскрепощенная. Чтобы стать похожей на эту кинодиву, вам достаточно крупных очков в пластиковой оправе насыщенного фиолетового цвета и объемного кулона оттенка черной смородины.*

Вместе с тем вопрос о манипулировании непрост: одни и те же коммуникативные приемы в одних случаях служат умелому введению в заблуждение, в других — тому, чтобы сделать сообщение более выразительным, придать ему экспрессию. Манипулятивным является не сам по себе прием, а его воздействующая нагрузка в конкретной ситуации, то, какие умозаключения может построить адресат, подвергшийся манипулятивному воздействию.

Манипулятивная стратегия напрямую связана с идеей матракажа, т. е. утверждения в сознании адресата какой-то определенной идеи. Матракаж проводится также с целью побуждения индивида попробовать то, с чем он до сих пор не знаком. Нам как бы «открывают глаза» на то, о чем мы не знали, чего не имели и чем непременно должны завладеть. Матракаж выполняет очень важную для сообщений в гламурных журналах функцию — функцию социальной мимикрии. Человеку навязывается необходимость кому-то подражать, выдавать себя не за того, кто он есть на самом деле. Если это невозможно по личностным, социальным или материальным причинам, то хотя бы символически, с помощью шарфика или очков, прически или сумочки, предлагается приблизиться к другому миру.

Таким образом, «глянцевая установка» ориентирует индивида на определенные массовые формы поведения. Тексты глянцевого журнала характеризуются легким стилем изложения и упрощенной подачей информации в рамках двух семиотических рядов. Специфический лексикон, который обладает высокой степенью эмоциональности, и элементы манипуляции, используемые при текстопорождении, детерминируют тот факт, что глянцевый журнал, несмотря на свою кажущуюся аполитичность, способен создать соответствующие ценностные ориентиры в массовом сознании.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Миф сегодня // Р. Барт. Избранные работы: семиотика. Поэтика. — М. : Прогресс ; Универс, 1994. С. 72—130.

Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности-II : Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории : хрестоматия / сост. и общ. ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд., доп. и перераб. — Казань : Изд-во Каз. ун-та, 2001. С. 150—159.

Бодрийар Ж. Система вещей. URL: http://socioline.ru/_seminar/library/books/sv.php. (дата обращения: 27.12.2010).

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. — Волгоград : Парадигма, 2010.

Козлов Е. В. Развлекательный нарратив в паралитературе: культурный статус и дискурсивные практики : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2009.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. : Reason and the Rationalization of Society. — L. : Heinemann, 1984.

ИСТОЧНИКИ

GLAMOUR : журн. 2010. № 1—12.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. И. Карасик

УДК 81'27
ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51* *Код ВАК 10.02.19*

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

ИНИЦИАТИВА И ПОСЛУШАНИЕ: К АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЛИНГВОКОНЦЕПТА

Аннотация. *Исследуется появление отрицательных коннотаций в семантике лексемы «самодеятельность» в русском языке советской эпохи.*

Ключевые слова: *концепт; лингвокультурология; вариативность; коннотация.*

Сведения об авторе: *Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода.*

Место работы: Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Контактная информация: *350006, г. Краснодар, ул. Красная, 135, ауд. 110.*
e-mail: svork@mail.ru.

S. G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

INITIATIVE AND OBEDIENCE: TO AXIOLOGICAL VARIABILITY OF CONCEPT IN LANGUAGE

Abstract. *The origin of negative connotations in the meaning of the word "samodeyatelnost'" in Russian of the Soviet period is investigated.*

Key words: *concept; anthropological linguistics; variability; connotation.*

About the author: *Vorkachev Segey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor, Professor of Scientific-Technical Translation Department.*

Place of employment: Kuban State Technological University (Krasnodar).

It takes all sorts to make a world: вариативность как свойство объектов какого-либо класса отличаться друг от друга лежит в основе развития (усложнения) самоорганизующихся систем в природе, обществе и познании. Она противостоит энтропии как «качественной смерти» — смерти от однообразия. В живой природе появление особей, отличающихся каким-либо признаком, и закрепление этого признака в генетической памяти определяет направление видовой эволюции; без социальной дифференциации, очевидно, невозможен социальный прогресс, как без плюрализма мнений невозможен прогресс научный.

В лингвокультурном концепте пересекаются и амальгамируются семантические признаки двух саморазвивающихся предметных областей: языка и культуры, — и каждая из них обладает набором своих собственных вариативных форм, единство которых поддерживается присутствием соответствующего инварианта.

Лингвокультурный концепт по определению — это некий культурно значимый смысл, находящий выражение в языке, т. е. вербализуемый, где под «выражением» понимается совокупность языковых средств, иллюстрирующих, уточняющих или развивающих содержание этого концепта [см.:Карасик 2004: 110]. Однако средства вербализации концепта — это преимущественно слова, а слова, как полноценные знаки, имеют свою собственную концептуальную часть — план содержания, семантику, — с которой нужно как-то определяться: решить, входит ли она в содержание концепта или же существует сама по себе, взаимодействует с семантическим составом л-концепта или нет, а если взаимодействует, то как именно.

Конечно, концепт — это сугубо ментальная сущность, семантика в чистом виде. Но если признать за концептом знаковую природу, то план его выражения окажется представленным уже знаковыми и, тем самым, двуплановыми единицами, а вся семиотическая система в терминах Ельмслева — Барта здесь будет носить «коннотативный» характер [см.:Барт 1975: 157]. Частичным, можно сказать, паллиативным решением здесь будет включение в семантическую структуру лингвокультурного концепта значимостной составляющей, в которой отражаются внутрисистемные свойства лексических единиц, вербализующих этот концепт [см.:Воркачев 2011: 68—69]. Однако принципиально проблема соотношения семантики концепта и семантики значения языкового знака так не снимается: по-прежнему остается неясным, что происходит со значением слова: испаряется оно и исчезает вовсе, или сливается с семантикой концепта, или преобразуется иным образом.

Можно допустить, что при взаимодействии семантики лингвокультурного концепта и значения вербального знака первая, представленная сугубо понятийной, дефиниционной семантикой, абсорбирует из второй всю прагматическую, оценочно-образную и внутрисистемную части, тем более что носителем этих свойств выступает именно слово.

Наиболее типичным способом вербализации лингвокультурного концепта является выбор лексической единицы из соответствующего синонимического ряда (естественно, при наличии такового), открываемого именем концепта, совпадающим с доминантой этого ряда. Однако само имя концепта в достаточной степени вариативно: оно меняется, прежде всего в зависимости от функциональной области концепта — типа дискурса, в котором он вербализуется; так происходит, например, с концептом «любовь» в религиозном дискурсе, в котором он принимает имя «милость», и тем самым его имя дублируется [см.:Воркачев 2005].

Еще одним типом вариативности лингвокультурного концепта выступает его аксиологи-

© Воркачев С. Г., 2012

ческая дублетность как способность менять имя в зависимости от оценочной установки субъекта речи. В языке достаточно распространена идеологическая дублетность, определяющая выбор имени концепта на основании признака «свой — чужой», где «своему» приписывается знак «плюс», а «чужому», естественно, — «минус»: разведчик — шпион, восстание — мятеж и пр. Это позволяет составлять словари идеологических эпитетов, сравнивающих положение «у нас» и «у них» [см., напр.:Шаров 2004].

Ситуация «глобального противостояния двух общественно-политических систем», продолжавшаяся более семидесяти лет, не могла не отразиться на русском языке советского времени, который «одеревенел» (la langue de bois) и превратился в оруэлловский «новояз», эвфемистически перекрашивающий черное в белое и наоборот. Как представляется, частью манипуляционных средств этого новояза, дожившего и до наших дней, выступает еще одна разновидность оценочной вариативности лингвокультурного концепта — дублетность «автократическая», когда выделяются имена действий, совершаемых согласно указаниям и рекомендациям власти («начинание», «почин», «инициатива»), и имена действий, этим указаниям и рекомендациям противоречащие («самодеятельность»). «Инициатива» и «самодеятельность» — эта пара имен, безусловно, вербализует единый лингвокультурный концепт, принадлежащий списку концептов-индикаторов эпохи, вместе с «сознательностью» и «очковтирательством» [см.: Карасик 2010: 199—221].

«Инициатива» и «самодеятельность» — имена, отправляющие к различным этапам и формам деятельности как специфического атрибута бытия человека, связанного с целенаправленным изменением окружающего мира и преобразованием человеком самого себя [см.: ФЭС 1983: 151; НФС 1998: 210; КФС 209: 91]. Всякая деятельность предстает как система, элементами которой являются люди с их потребностями и интересами, предмет деятельности, ее мотивы, цели, средства и формы осуществления. Деятельность же как процесс прежде всего включает в себя программу и направленные на ее реализацию действия (операции).

«Инициатива» и «самодеятельность» называют некую концептуальную сущность, представляющую в первую очередь начальный, предварительный этап деятельности — ее планирование как постановку цели и выбор средств осуществления. Деятельность в данном случае осложняется дополнительными, «видовыми» смыслами: она носит личностно мотивированный характер, имеет, как сейчас модно говорить, инновационную направленность и оценивается по степени соответствия/несоответствия существующим нормам и правилам.

Синонимический ряд имен «инновационной деятельности» — «инициатива», «начинание», «почин», «самодеятельность» — современными синонимическими словарями русского языка, как и следовало ожидать, не зафиксирован. Здесь присутствуют только «инициатива, инициативный» в статье «активность, активный» [Евгеньева 2001, т. 1: 26; Александрова 1986: 25] и «инициатива», «начинание» в статье «почин» [Александрова 1986: 398; Евгеньева 2001, т. 2: 215]. «Инициативный» толкуется как «не только деятельный, но вносящий в деятельность оживление, свой почин, делающий новые шаги» [Евгеньева 2001, т. 1: 26], а «почин» отделяется от «начинания» тем, что он в большей мере, чем «начинание», связан с представлением о проявлении творческого, деятельного начала при организации чего-либо [Евгеньева 2001, т. 2: 215].

Исторически «инициатива», «начинание» и «почин» представляют собой этимологические дублеты: «на-чинание» и «по-чин» — префиксальные производные от корня «кон», в древнерусском языке передававшем значение «граница, предел» [Фасмер 2003, т. 2: 307; т. 3: 51; Шанский-Боброва 2000: 143], «инициатива» — заимствование из латинского языка через французский или немецкий, производное от initium — «начало», от in-eo (in-ire) — «входить, начинать» [Черных 1999, т. 1: 348; Фасмер 2003, т. 2: 133].

Как установлено, доминанта синонимического ряда выделяется на основании таких признаков, как частотность, стилистическая нейтральность, многозначность и употребимость в качестве семантического множителя при лексикографическом описании [подробнее см.:Воркачев 2011а: 31]. При таком подходе по частотности [см.: Шаров] синонимический ряд имен «инновационной деятельности» ранжируется, как показано в табл. 1 (ipm — вхождений на миллион слов, instances per million words).

Таблица 1.

Синонимический ряд «инновационной деятельности»

Лексема	Частота, ipm	Ранг
Инициатива	25.00	4102
Самодеятельность	9.02	9101
Начинание	4.02	15763
Почин	1.91	24226

Наблюдения над употребимостью членов этого синонимического ряда в качестве семантического множителя при лексикографическом описании в семи толковых словарях русского языка [БАС 1951; МАС 1981; Ефремова 2001; БТСРЯ 1998; Ожегов 1953; Ушаков 2000; Ожегов, Шведова 1998] показывают, что чаще всего используется лексема «инициатива», затем идет «почин», а «самодеятельность» в качестве семантического множителя не появляется вовсе (см. табл. 2).

Таблица 2.

Употребимость слов
в качестве семантического множителя

	инициатива	начинание	почин	самодеятельность
инициатива	x	2	7	0
начинание	3	x		0
почин	7	6	x	0
самодеятельность	3		5	x
Всего	13	8	12	0

Наблюдения над многозначностью лексем этого синонимического ряда свидетельствуют о том, что регулярнее всего многозначность фиксируется для «инициативы» — три значения [Ушаков 2000, т. 1: 1206; Ожегов 1953: 217; Ожегов, Шведова 1998: 245; Ефремова 2001, т. 1: 597; БТСРЯ 1998: 393]. Тоже три значения отмечены у лексемы «самодеятельность» в словарях Ожегова и Ожегова — Шведовой [Ожегов 1953: 640; Ожегов-Шведова 1998: 694]. У лексемы «почин» регулярно фиксируются два значения, а наименее многозначной оказывается лексема «начинание» — одно значение [Ожегов 1953: 353; Ожегов, Шведова 1998: 399].

Что качается стилистической маркированности лексем этого синонимического ряда, то с пометами «устар.» и «книжн.» в словарях регулярно появляется «начинание» [Ожегов 1953: 353; Ожегов-Шведова 1998: 399; БАС 1951, Т. 5: 662; Ефремова 2001, т. 1: 976 и пр.]; с пометой «устар.» и «простореч.» встречается лексема «почин» [БАС 1951, т. 7: 662; Ожегов, Шведова 1998: 544; Ефремова 2001, т. 2: 259], и она же — с пометой «разг.» [БТСРЯ 1998: 609]. В словаре Д. Н. Ушакова с пометой «книжн.» появляется «инициатива» [Ушаков 2000, т. 1: 1206], а лексема «самодеятельность» в одном из своих значений получает помету «разг.» в словаре С. А. Кузнецова [БТСРЯ 1998: 1143].

Таким образом, по убыванию совокупности доминантных признаков лексемы этого синонимического ряда выстраиваются в следующем порядке: «инициатива», «самодеятельность», «почин», «начинание».

Конечно, имя концепта — это, прежде всего, слово. Однако слово как элемент лексико-семантической системы языка может быть многозначным и реализуется в составе той или иной лексической парадигмы, образованной лексико-семантическими вариантами этого слова, и в синонимический ряд выразительных средств лингвокультурного концепта, очевидно, войдут не слова целиком, а только их соответствующие лексико-семантические варианты, реализуемые в определенных контекстах употребления.

В синонимическом ряду имен «инновационной деятельности» — «инициатива», «самодеятельность», «почин», «начинание» — сразу же выделяются лексемы «инициатива» и «самодеятельность», образующие некоторыми своими лексико-семантическими вариантами, реализуемыми в определенных («контрастных») контекстах, доминантную «аксиологическую пару».

В толковых словарях русского языка представлено как минимум пять лексико-семантических вариантов лексемы «инициатива»: 1) побуждение к началу какого-либо дела, к новым формам деятельности; 2) первый шаг в каком-либо деле; 3) предложение, выдвинутое для обсуждения; 4) способность к самостоятельным активным действиям, умение самостоятельно предпринять что-либо в нужный момент; 5) руководящая роль в каких-либо действиях, а также одно несвободное словосочетание с этой лексемой — «законодательная инициатива» как право вносить проекты законов в законодательный орган [БАС 1951, т. 5: 363; МАС 1981 т. 1: 667; Ушаков 2000, т. 1: 1206; Ожегов 1953: 217; Ожегов, Шведова 1998: 245; Ефремова 2001, т. 1: 597; БТСРЯ 1998: 393]. Примеры, приведенные в этих словарях для иллюстрации речевого употребления слова «инициатива», свидетельствуют о том, что с помощью этой лексемы отправитель речи говорит о номинируемом действии, как о покойнике — либо хорошо, либо ничего: *Франции принадлежит **великая инициатива** этого [социального] переворота* (Герцен); *Нашей задачей было нанести неприятелю внезапный стремительный удар в тылу, вырвать у него **инициативу** наступления* (Фурманов); *Пока отступающий не оторвется, **инициатива** и воля его подавлены и подчинены воле наступающего* (Кожевников). Противопоставляться самодеятельности могут три первых лексико-семантических варианта «инициативы»: побуждение к началу чего-либо, первый шаг в чем-либо, руководящая роль в чем-либо.

Лексема «Самодеятельность» представлена в русской лексикографии как минимум пятью лексико-семантическими вариантами: 1) самостоятельная деятельность, деятельность по собственному почину, личной инициативе; 2) художественное творчество лиц, не занимающихся искусством профессионально, самодеятельное искусство; 3) вокально-музыкальное выступление, театральное представление и т. п., устраиваемые собственными силами, без участия артистов-профессионалов; 4) группа лиц, участвующих в самодеятельном искусстве; 5) самовольные действия, не согласованные с руководством или специалистами [МАС, т. 3: 18; БАС, т. 13: 95—96; Ушаков 2000, т. 4: 84; Ожегов 1953: 640; Ожегов, Шведова 1998: 694; БТСРЯ 1998: 1143]. «Инициативе», естественно, семантически противопоставлен только последний из них — «самовольные действия» —

сопровождаемый пометой «неодобр.» [Ожегов, Шведова 1998: 694].

Нужно отметить, что пейоративная оценка в семантике «самодеятельности» — относительно недавнее приобретение русского языка: в обоих академических словарях — Большом (1948—1965) и Малом (1957—1961), в словарях С. И. Ожегова (1948) и Д. Н. Ушакова (1935—1940) она еще не фиксируется, а отмечается только в словарях С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992) и С. А. Кузнецова (1998). Более того, можно сказать, что за последние годы в коннотативной части семантики лексемы «самодеятельность» произошла замена аксиологического знака: на смену «личному почину», «творческому началу» [МАС, т. 3: 18], «общественной самодеятельности» и «революционной самодеятельности» [БАС, т. 13: 95] пришли «самовольные действия, не согласованные с руководством или специалистами» [БТРСЯ 1998: 1143].

Наблюдения над речевым употреблением слова «инициатива» в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru) позволяют выявить контексты как оценочно нейтрального, так и оценочно маркированного — положительного и отрицательного — использования этой лексемы.

О безусловно положительных коннотациях свидетельствует присутствие в ее окружении соответствующих оценочных показателей — «творческая», «важная», «живая», «похвальная», «поощряется», «оценивается по достоинству», «приветствуется», «талант», «честность», «интеллект» и пр.: *Жить в героическую эпоху, когда индивидуальная* ***творческая инициатива*** *радикально меняет культурную и общественную среду, вообще увлекательно* (Известия. 2002.11.25); ***Похвальная инициатива*** *коммерсантов вызвала неожиданный гнев российских природоохранных организаций* (Новая газета. 2003.01.16); *Что и говорить, российско-немецкая* ***инициатива достойна всяческого поощрения*** (100 % здоровья. 2002. 11.11); *При оценке кредитной заявки мы в значительной мере обращаем внимание на личные качества заявителя. Очень простая формула:* ***честность, интеллект, инициатива*** (Бизнес-журнал. 2004.01.22); *Детская* ***инициатива****, самостоятельная поисковая активность учеников, направленная на „изобретение“ новых средств и способов решения задач, — одна из высших* ***ценностей*** *учебной деятельности* (Вопросы психологии. 2003. 07.22).

О безусловно отрицательных коннотациях свидетельствует присутствие в ближайшем контексте рассматриваемой лексемы таких пейоративов, как «наглая», «несвоевременная», «скандальная», «убийство» и пр.: *Причем сначала инициатором был он, но…* ***инициатива*** *была настолько* ***наглая****, что потом целый год я от него пряталась* (Женщина + мужчина: Психология любви — форум. 2004**);** ***Скандальная инициатива*** *Валерия Лукина со товарищи, как и следовало ожидать, вызвала бурную реакцию не только в областном парламенте, но и в верхнем эшелоне региональной исполнительной власти* (Независимая газета. 2003.04.01); *МНС считают, что „****инициатива несвоевременна*** *и скорее всего поддержана не будет“* (Известия. 2002.04.18); *Суд посчитал установленным, что „…****инициатива убийства*** *Уварова и Новикова исходила именно от Константинова“* (Плахотнюк); *Если это* ***инициатива полусумасшедших****, то ситуация одна* (Известия. 2002.10.24).

При отсутствии эксплицитных аксиологических показателей в ближайшем контексте слово «инициатива» сохраняет положительные коннотации, поскольку, очевидно, личная, самостоятельная и активная деятельность оценивается скорее хорошо, чем плохо: *С каждым человеком в мир приходит новое начало, поскольку во всякой человеческой деятельности заключена* ***инициатива****, зачаток поступка* (Гусельцева); *Если бы не* ***инициатива*** *снизу, это возмутительное положение могло затянуться надолго* (Мебельный бизнес. 2003. 05.15); *Основная болезнь, от которой погибли советское общество и советская экономика, — это низкие потолки.* ***Инициатива*** *была задавлена* (Гвоздева).

Инициатива, конечно, хороша, за исключением тех случаев, когда она наказуема: *Опять же это была* ***„наказуемая инициатива“,*** *а выглядела она следующим образом…* (Солдат удачи. 2004.09.08); *Одни хотели отказаться от защиты Лебедева, следуя логике* ***„инициатива наказуема“*** (Газета. 2003.01.04). Наказуема она, естественно, если расходится с указаниями начальства: *Когда Эля заикнулся о том, что это была личная инициатива, ему на повышенных тонах растолковали, что* ***инициатива только тогда хороша, когда ее партия спускает сверху*** (Хайкин).

По данным Национального корпуса русского языка, лексема «самодеятельность» с положительными оценочными коннотациями стала употребляться в политэкономических (самодеятельность граждан, масс, населения, общественных организаций, сословий и пр.), публицистических, педагогических и философских (самодеятельность сознания, разума, мысли и пр.) и других текстах приблизительно со второй половины XIX в.: *Если понимать* ***самодеятельность*** *эту в смысле широком, органическом, то организм всякого государства, и китайского, и персидского, самодеятелен; ибо живет своими силами и уставами* (Леонтьев, 1875); *Все это вместе имеет целью: упражнять все способности дитяти вместе с ученьем грамоте, — развивать, укреплять, давать полезный навык, возбуждать* ***самодеятельность*** *и как бы мимоходом достигать обучения чтению и письму* (Ушинский,

1864); *Ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую* ***самодеятельность*** *ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!* (Салтыков-Щедрин, 1856—1857); *Да, мы присутствовали на этот раз при пробуждении общественной* ***самодеятельности*** *в размерах, быть может, еще небывалых у нас на Руси* (Короленко, 1907); *Причиной этого более успешного развития дворянского самоуправления была историческая подготовка сословия к* ***самодеятельности*** (Ключевский, 1904); *Ежели общество лишено* ***самодеятельности,*** *то оно становится неспособным к устройству своих дел и даже мало-помалу утрачивает представление об отечестве* (Салтыков-Щедрин, 1885); *Если же народ развратен, то потому, что он был прикреплен, лишен* ***самодеятельности,*** *был податною единицею* (Достоевский, 1850—1881).

Подобное употребление, в значительно меньшем объеме, сохраняется и в современном языке: *Может быть, отлавливание особо изощренных негодяев и требует вмешательства правительства, но под строгим контролем и в исключительных случаях, поскольку именно свободная* ***самодеятельность*** *граждан предупреждает превращение негодяев от рождения в матерых преступников по призванию* (Скворцов, 2001); *Это была* ***самодеятельность*** *масс, поощряемая свыше, поскольку высшая власть была властью народной и стремилась остаться ею* (Зиновьев, 1988—1998); *Это* ***самодеятельность,*** *самоактивность, акция, вызывание собой чего-то другого, в отличие от пассивного претерпевания* (Мамардашвили, 1981—1993); *Творческая* ***самодеятельность*** *учащихся, не в нашем запрограммированном понимании, а в прямом смысле этого слова — от школьной печати до пения, танцев, музицирования* (Клявис, 1989).

Эта лексема может быть практически синонимичной слову «инициатива», часто дублирует последнее в речевом ряду: *Надо добавить, однако, что при наличии интеллектуальной или художественной одаренности и достаточной возможности проявить свою* ***инициативу*** *и* ***самодеятельность,*** *шизоиды способны и к чрезвычайно большим достижениям, особенно ценным именно благодаря их независимости и оригинальности* (Ганнушкин); *Удивительная способность таять и обращаться в сырость умерщвляет в нас всякую* ***инициативу,*** *всякую попытку к* ***самодеятельности*** (Салтыков-Щедрин); ***Самодеятельность*** *и* ***инициатива*** *горожан по месту жительства рождают самые разные формы объединения* (Гимпельсон-Ноздрина); *Устав комсомола требует от каждого комсомольца всемерно укреплять ряды комсомола, повышать его боевитость и организованность, проявлять* ***инициативу*** *и* ***самодеятельность*** (Памятка члену ВЛКСМ); *Постановление пленума правления Всесоюзного общества развязало* ***инициативу*** *и* ***самодеятельность*** *членов Общества* (Тищенко); *Правящий и служилый слой должны строиться на тех же основах, на каких в свое время строилась и должна строиться дальше русская государственность вообще: широкое самоуправление,* ***самодеятельность*** *и* ***инициатива*** *на низах — ограниченные абсолютной авторитарной властью основных принципов русской государственности* (Солоневич).

Появление в семантике лексемы «самодеятельность» отрицательных коннотаций — «приобретение» уже XX в. и совпадает с ее отождествлением с непрофессиональной деятельностью — любительством и дилетантизмом; при таком подходе участник самодеятельности, занимающийся ею в свое удовольствие, противопоставляется профессионалу, зарабатывающему той же деятельностью себе на жизнь. В принципе, ничего плохого в том, что человек в свободное от работы время поет, танцует, играет в театральных пьесах, что-то там «химичит» или мастерит, нет: *Так вот на этот праздник всегда дается специально приуроченная театральная постановка пьесы „Черный Джек“ (полулегендарный герой местности вроде Робин Гуда), разыгрываемой актерами-****любителями****, по-нашему говоря,* ***самодеятельностью*** (Розов); *Автор этого письма, а также архитектор А. Попов и другие читатели ставят вопрос об организации коллективов технической* ***самодеятельности*** *в клубах и Дворцах культуры* (Техника — молодежи. 1974). Проблемы начинаются тогда, когда любители пытаются вытеснить профессионалов: *Что мешает артистам и проституткам? —* ***Самодеятельность*** (Коллекция анекдотов: армянское радио).

Вполне обоснованно считается, что любители, дилетанты всегда проигрывают специалистам в мастерстве: *Если в нем и замечались какие-то чудачества, то от них за версту несло кондовостью, эдаким пошловатым запахом вульгарной* ***самодеятельности,*** *но отнюдь не* ***подлинного*** *творчества* (Азаров); *Соловки двадцатых, со всем их кошмаром, теперь казались просто пионерской* ***самодеятельностью*** (Ратушинская).

Очень часто подобного рода самодеятельность в тексте эксплицитно противопоставляется профессионализму: *Он человек* ***профессиональный,*** *не из урюпинской* ***самодеятельности*** (Зорин); *В них нет абсолютно ничего от* ***самодеятельности*** *или* ***любительщины****, все в вышей степени* ***профессионально*** (Журбин); *Западный человек не занимается* ***самодеятельностью,*** *он всегда приглашает* ***специалиста*** (Малюкова); *Повторяем: пиротехническая* ***„самодеятельность“*** *опасна. Заниматься пиротехникой без* ***специалиста*** *нельзя* (Химия и жизнь. 1967); *Ра-*

бота предстоит тонкая и в то же время чреватая опасностями, потребует людей соответствующего склада и, конечно же, оснащения современными техническими средствами. ***Самодеятельность*** *здесь не годилась. Филин —* ***профессионал,*** *имеет связи в преступном мире* (Савельев); *Большая проблема сегодня — утрата традиций, захлестывание высокого* ***профессионализма самодеятельностью*** (АиФ. 2001.03.07); *Причем уголовка имеет дело с* ***самодеятельностью*** *отдельных лиц, а мы — с преступниками, за которыми сильнейшее государство, которых готовят не полуграмотные паханы, а изощренные агентуристы, готовят в специальных школах, снабжают легендами, экипировкой и документами опытнейшие* ***профессионалы*** (Богомолов).

Последним по времени в семантике слова «самодеятельность», очевидно, появляется значение самовольного, никем и ничем не санкционированного действия — по данным Национального корпуса русского языка, эта лексема в подобном речевом употреблении встречается не ранее 60-х гг. прошлого века: *За такую сопливую* ***самодеятельность*** *надирают уши, а то место, откуда растут ноги, потчуют березовой кашей* (Дубов, 1966); *Но, товарищ Козулин, еще раз говорю вам: эта ваша* ***самодеятельность*** *с салютом в ночное время — грубое нарушение покоя* (Шукшин, 1960—1971); *А если наверху узнают о нашей* ***самодеятельности?*** (Гладилин, 1972); *При аресте оперуполномоченный в порядке* ***самодеятельности*** *отобрал у меня шинель, и я всю дорогу в Особый отдел, кроме удивления, непонимания и ужаса, страдал еще и от холода* (Мелетинский, 1971—1975).

Эксплицитная оценка какой-либо деятельности как выходящей за рамки уложений, постановлений, регламентов, правил, инструкций, полномочий и вообще любых начальственных указаний и контроля сверху очень часто присутствует в ближайшем контексте лексемы «самодеятельность» в этом употреблении. За такую самодеятельность, которая «разводится» и «пресекается», ругают, порицают, всячески наказывают; она не поощряется, нежелательна, не приветствуется, за нее может попасть, не гладят по головке, вкатывают как следует, выдергивают ноги: *Они меня потом очень* ***ругали за самодеятельность*** *— предлагали дать напрокат или сделать скидку, но было уже поздно* (Спивакова); *Это было вполне в духе Гурова —* ***жалобы*** *следователей на его* ***самодеятельность*** *и* ***неуправляемость*** *давно стали притчей во языцех* (Леонов, Макеев); *Но трудно себе представить, что премьер Касьянов в вопросе о „Газпроме“* ***развел самодеятельность*** (Латынина); *Да за такую* ***самодеятельность*** *Иосиф Виссарионович* ***мигом отправил бы Лаврентия Павловича вслед за Ягодой и Ежовым!*** (Макаркин); *За эту* ***„самодеятельность“*** *его* ***арестовали, отдали под суд*** *и назначили доктором Сибирского корпуса* (Манькова); *Вот за эту* ***самодеятельность*** *я постараюсь, чтобы вам* ***вкатили как следует, —*** *пообещал следователь* (Е. и В. Гордеевы); ***Самодеятельность*** *во время такой поездки* ***не поощряется*** (Качурин); *Чтобы* ***пресечь самодеятельность,*** *центр временно отказался от финансирования тульской парторганизации* (Известия. 2001.12.19); *Вряд ли Мефодия* ***похвалят*** *за его* ***самодеятельность*** (Прошкин); *Ствол моего „калаша“ упирался в спину начкара, напоминая ему о том, что любая* ***самодеятельность нежелательна*** (Левашов); *За такую* ***самодеятельность*** *папа, конечно, сынка* ***по головке не погладит*** (Некрасова); *Уже после беседы я сообразил, что Сталин называл себя русским умышленно, и мне могло бы* ***попасть*** *за такую* ***самодеятельность*** (Трояновский); *Ведь за такую* ***самодеятельность*** *ротному могли* ***ноги повыдергивать*** (Конецкий).

В контексте также может присутствовать указание на конкретный административный орган, из-под контроля которого выходят самовольные действия, — государство, министерство, трест, партбюро и пр.: *Тут же вызвали к начальству и объяснили, причем… э-э… в категорической форме, что я* ***не имею права*** *заниматься* ***самодеятельностью,*** *что я не волк-одиночка, а офицер милиции, на* ***службе у государства*** (Белоусова); *В правительственном постановлении по реструктуризации ясно сказано, что* ***инициатива*** *о создании Администратора* ***должна поступить*** *от представителей Минимущества в совете директоров РАО. Получается, что „Росэнергоатом“ занимается* ***самодеятельностью*** (Известия. 2001.09.02); ***Трест*** *не очень любил* ***ресторанную самодеятельность*** (Колесников); *Со своей стороны я желаю вам успеха, но прямо завтра, не откладывая, ты должна зайти в* ***партбюро и там согласовать,*** *чтобы не получилось какой-то уличной* ***самодеятельности*** (Львов).

Могут содержаться указания и на конкретную «руководящую» личность, занимающую соответствующий административный пост, или на начальство вообще: *Надеюсь, это была не та* ***самодеятельность,*** *от которой вы меня* ***предостерегали,*** *генерал?* (Лазарчук); *Вынужден вас* ***предупредить:*** *если проявите* ***самодеятельность,*** *вы сорвете задание* (Кожевников); ***Главный редактор*** *был недоволен моим* ***поведением.*** *— Прекратите* ***самодеятельность!*** (Каледин); *Вам кажется, что вы ими командуете, собираете мизансцены, а то и массовки батальонного характера, во имя высших целей пресекаете* ***самодеятельность,*** *суете каждому под нос его чертеж, чтобы держался в рамках* (Аксенов); ***Начальство*** *нас, конечно, за* ***самодеятельность ругает, —*** *вздыхает Александр Евгеньевич*

(Акимова — Костикова); *После того как он был выслан сюда, на Спираль, за свою **самодеятельность** и несанкционированные выходы за Последнюю Черту, это был первый контакт с Ассоциацией* (Осипов); *Был совершенно четкий **план.** Зачем эта **самодеятельность?*** (Дивов).

Запрет на несанкционированную инициативу в современной речи передается устойчивыми выражениями «никакой самодеятельности» и «без самодеятельности»: *Отдыхать сядешь тогда, когда я скомандую, не раньше. **Никакой самодеятельности** — иначе уйду!* (Жженов); *Когда выходим из вестибюля, не вздумайте проходить через турникеты, без ног останетесь. Продолжаете идти за мной, никакой **самодеятельности*** (Глуховский); *Товарищи экскурсанты, — заговорил экскурсовод-водитель, — у нас экскурсия организованная, так что попрошу **никакой самодеятельности*** (Арканов); *С этого момента больше ни слова в эфир открытым текстом. И **никакой самодеятельности*** (Савельев); *Сиди смирно и **без самодеятельности,** второй раз не прощу* (Дворецкий).

Подобная самодеятельность квалифицируется как непрошеная псевдоинициатива: *Офицер уже чувствовал со стороны матроса какую-то **„самодеятельность“, так называемую инициативу*** (Аксенов); *И тут этот малоприятный офицер Гранкин проявляет **„самодеятельность“, лезет с сообщением** о какой-то дурацкой „блохе“ в море* (Аксенов). Эта самодеятельность получает иронические эпитеты «художественной» или даже «нехудожественной»: *Но и здесь сплошная **художественная самодеятельность,** как правило, не в пользу жильцов* (Российская газета. 2003. 07.07); *Идея родилась в недрах Совета федерации, но, судя по интенсивности обсуждения (вплоть до встречи сенаторов с патриархом всея Руси), — это не чистая **художественная самодеятельность** сенатора Ивана Старикова* (Известия. 2002.08.04); *Но самый эффективный способ борьбы с сепаратизмом и **нехудожественной самодеятельностью** властей на местах — не политический, а именно финансовый* (Известия. 2003.06.10).

Заключение слова «самодеятельность» в кавычки, как правило, инвертирует аксиологический знак в семантике лексемы безотносительно к тому, относится ли оценка к степени профессионализма или же к степени послушания, — самодеятельность при таком употреблении означает, по мнению отправителя речи, «якобы самодеятельность», такую, которая на деле представляет собой инициативу: *Здесь живет и работает замечательный художник, в прошлом врач-рентгенолог, Рудольф Евгеньевич Тюрин, **„самодеятельность“** которого заключается лишь в отсутствии специального образования* (Жизнь национальностей. 2001.12.28); *Ставка не могла держать на западе две дивизии с одинаковым номером. Пришлось признать **„самодеятельность“** Апанасенко* (Медведев); *А в КПРФ решили, что пришло время избавиться от непокорных, — перед выборами всякая **„самодеятельность“** должна быть пресечена* (Газета. 2003); *Такую **„самодеятельность“** можно объяснить стоимостью „сертифицированного“ ИДН — от $230 до $1180* (Автопилот. 2002.10.15).

Согласно хронологии, появление в речевом употреблении лексемы «самодеятельность» отрицательных оценочных коннотаций по признаку «послушание/непослушание» — одно из «завоеваний развитого социализма», еще один продукт идеологической монополии, административного централизма и стремления «учредить на Руси» единомыслие. Тем не менее, как представляется, потенциал для появления отрицательной оценки «инновационной деятельности» и несанкционированной инициативы содержится уже в лексической и словообразовательной системах русского языка, точнее в использовании словообразовательного форманта «сам» и его адъективного аналога «свой».

Так, наблюдения над оценочными коннотациями слов, образованных при помощи этих формантов, из толкового словаря С. И. Ожегова, пожалуй, наиболее адекватно отражающего наивную картину мира носителей русского языка, показывают, что на 30 лексических единиц с положительными коннотациями и 55 без каких-либо коннотаций приходится 72 единицы с отрицательной оценкой. Это свидетельствует о явной оценочной асимметрии в пользу «минуса». При этом оценочно-нейтральными являются главным образом имена неодушевленных предметов и их свойств *(своекоштный, самолет, самокат, самовозгорание, самозарядный, самолов, самоокупаемость* и пр.), имена же лиц, их характеристик и результатов их деятельности, как правило, получают оценку, реже — положительную *(своевременный, самовоспитание, самоконтроль, самокритичный, самообладание, самоотверженность, самостоятельность* и пр.), чаще — отрицательную *(своеволие, своекорыстие, своенравие, самовольство, самовосхваление, самогоноварение, самодельщина, самоедство, самозванство, самомнение, самообман, самооговор, самореклама, самосуд, самоуправство, самоуспокоение, самоустранение, самочинный* и пр.). В то же самое время имена «самодур», «самострел» и «самотек» амбивалентны: слово «самодур» как «рыболовная снасть в виде длинной лески с несколькими крючками для ловли без насадки» оценочно-нейтрально, «самодур» как «человек, который действует по своей прихоти, по своему произволу, унижая достоинство других» — явно отрицательно; нейтральна и лексема «самострел» как «лук с механическим устройством для натягивания и спуска тетивы», отриательна она же в значении «солдат, который умышленно ранил самого себя»; нейтрально слово «са-

мотек» как «течение жидкости или сыпучих тел, совершающееся силой собственной тяжести, по уклону», отрицательно воспринимается то же слово в значении «стихийный ход дела, работы без плана, без организационного руководства».

Все вышеизложенное демонстрирует, что в типологии вариативности лингвокультурного концепта следует выделять вариативность аксиологическую, представленную в русском языке именами «инициатива» и «самодеятельность», которые оба при употреблении в определенных контекстах обозначают инновационную деятельность, но дают ей различную оценку.

Появление в коннотативной семантике лексемы «самодеятельность» значения самовольной, никем и ничем не санкционированной деятельности, которая выходит за рамки всяческих регламентов и правил, а также любых начальственных указаний, относится ко второй половине прошлого века. Однако предпосылки для появления отрицательной оценки несанкционированной инициативы содержатся уже в лексической и словообразовательной системах русского языка — в использовании словообразовательного форманта «сам» и его адъективного аналога «свой».

ЛИТЕРАТУРА

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. — М., 1986.

БАС 1951 = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М. ; Л., 1951—1965.

Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975. С. 114— 163.

БТСРЯ 1998 = Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — СПб., 1998.

Воркачев С. Г. Дискурсная вариативность лингвоконцепта (1): Любовь-милость // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. 2005. Т. 64, № 4. С. 46—55.

Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. 2011. Т. 70, № 5. С. 64—74.

Воркачев С. Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. — Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011.

Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. — М., 2001.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. — М., 2001.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М., 2004.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. — Волгоград, 2010.

КФС 2009 = Краткий философский словарь / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев. — М., 2009.

МАС 1981 = Словарь русского языка : в 4 т. — М., 1981.

Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.

НФС 1998 = Новейший философский словарь / А. А. Грицанов. — Минск, 1998.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1953.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1998.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. — М., 2000.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М., 2003.

ФЭС 1983 = Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. — М., 1999.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. — М., 2000.

Шаров А. Я. Возможность дышать, или Лекарство от официоза // Вопросы философии. 2004. № 8. С. 166—170.

Шаров С. А. [Электрон. ресурс]. Частотный словарь русского языка / Российский НИИ искусственного интеллекта (электронная версия).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 811.161.1'282+811.51
ББК Ш141.2-51 *ГСНТИ 16.21.47* *Код ВАК 10.02.01*

К. И. Демидова
Екатеринбург, Россия

«СЛОВАРЬ ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО УРАЛА» КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. *Объясняются принципы и смысл составления тематического словаря диалектной лексики на примере говоров Среднего Урала. Обосновывается необходимость подобных словарей для реконструкции языковой картины мира, особенностей национального менталитета. Приводятся характерные черты восприятия действительности диалектным сообществом (вещность, образность, эмоциональность) по сравнению с носителями литературного языка.*

Ключевые слова: *код культуры; менталитет; диалектное сообщество; диалектная личность; концепт.*

Сведения об авторе: *Демидова Калерия Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 281.*
e-mail: sakralist@mail.ru

K. I. Demidova
Ekaterinburg, Russia

«DICTIONARY OF DIALECTAL WORDS OF THE MIDDLE URALS» AS A LINGOCULTUROLOGICAL SOURSE

Abstract. *Principles and purposes of compiling a thematic dialectal dictionary are presented on the example of the Dictionary of Dialectal Words of the Middle Urals. The necessity of compiling such dictionaries is stated for the reconstruction of the language picture of the world and explanation of peculiarities of national mentality. Characteristic features of reality perception by the representatives of the dialect community are described (thingness, imagery, emotions) as compared to those who speak literary Russian.*

Key words: *culture code; mentality; dialect community; dialect personality; concept.*

About the author: *Demidova Kaleriya Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics and the Russian Language.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

В 2010 году в Екатеринбурге вышел «Тематический словарь лексики говоров Среднего Урала». Это первый опыт составления словаря такого типа, охватывающего лексику, бытующую или бытовавшую на территории Среднего Урала. В отличие от других диалектных уральских словарей, в словарных статьях этого издания представлены синонимические, вариантные и эквивалентные отношения заголовочного слова.

Основу языкового материала словаря составила картотека лексикографической лаборатории кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ). Материал собирался в полевых условиях по программе «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ), составленной в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), с которым мы сотрудничаем уже несколько десятков лет (с 1975 г.). Программа уточнялась в ходе работы с учетом особенностей говоров Среднего Урала.

В сборе языкового материала для словаря активное участие принимали студенты первого курса дневного и заочного обучения Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации УрГПУ, в учебном плане которого предусмотрена диалектологическая практика. К руководству практикой были привлечены преподаватели кафедры общего языкознания и русского языка нашего вуза.

При сборе материала для словаря учитывалось современное состояние русских народных говоров Уральской территории. В словарь включена лексика, функционирующая на территории Среднего Урала, без деления ее на общенародную и диалектную, хотя нас больше интересовала территориально ограниченная лексика, аккумулирующая интереснейшую лингвокультурологическую, этнолингвистическую, социолингвистическую, краеведческую информацию. Покажем на конкретных примерах характер лингвокультурологической информации, содержащейся в словах и группах слов, представленных в словаре, и возможности ее использования в образовательных учреждениях.

В 2009 г. вышел первый выпуск рассматриваемого словаря, представлявший четыре тематические группы: «Человек», «Семья и семейные отношения», «Животный мир», «Сельские постройки». В 2010 г. опубликован второй выпуск тематического словаря, в котором представлены следующие тематические группы слов: «Растительный мир», «Ландшафт», «Традиционная народная духовная культура», включающая следующие подгруппы: «Мифологизация животных и птиц», «Демонология», «Магия и колдовство», «Родильно-крестильные обряды», «Народный календарь и календарная обрядность», «Свадебный обряд», «Рекрутские обряды», «Игры, танцы, фольклор», «Народный этикет», «Погребально-поминальный обряд».

В последние десятилетия внимание лингвистов приковано к изучению языковой картины мира (ЯКМ). ЯКМ с лингвистической точки зрения — это мировидение этноса или субэтноса определенной культуры, отраженное в язы-

© Демидова К. И., 2012

ке, система ценностных ориентаций, закодированная в ассоциативно-образных компонентах языковых единиц.

Основными понятиями лингвокультурологического подхода к изучению диалектной языковой картины мира являются следующие: **менталитет**, так как он определяется характером мировосприятия окружающего мира диалектным сообществом, сформировавшимся в условиях сельской культуры; **культурный концепт**, при изучении которого выделяются ценностная, образная и понятийная стороны концепта и концептосферы в их языковой (диалектной) вербализации; **лингвокультурологический концепт**, который является отпечатком духовного опыта диалектного сообщества определенной культуры и обусловливает субъективное представление о действительности в его языковой репрезентации; **диалектное сообщество** как территориально ограниченный социум, сформировавшийся в условиях сельской культуры и имеющий особенности восприятия окружающей среды; **диалектная личность** как субъект этого сообщества; **код культуры**, с помощью которого культура членит, категоризует, структурирует и оценивает окружающий мир. По своей природе коды культуры универсальны, но характер их проявления, удельный вес, а также метафоры, в которых они реализуются, могут быть неодинаковыми в зависимости от определенной культуры, нации, эпохи, сферы.

В лингвокультурологических исследованиях наблюдаются разные основания при выделении кодов культуры, но чаще всего речь идет об антропоморфном, биоморфном, зооморфном, фитоморфном, соматическом, пространственном, временном, предметном, аксиональном кодах. Рассматриваемый тематический словарь дает возможность их увидеть. Например, в детской игре «Ручеёк» игрок, ведущий и не имеющий пары, диалектным сообществом ассоциируется с тем, кто лишился своего супруга и тоже остался один, поэтому диалектное сообщество номинирует его словом *вдова* или *вдовушка* (используется антропоморфный код). Растение папоротник в некоторых говорах Среднего Урала называют словом *борода* (тоже с применением антропоморфного кода).

Диалектное сообщество Богдановического района наросты, наплывы на березе называет словом *вихри*, используя фитоморфную модель. Разновидностью антропоморфной модели является бытийная метафора, в основе которой лежат ассоциативные связи уральского социума с реалиями своего быта. Например, созвездие Большой Медведицы уральский социум номинирует либо словом *ковш*, либо *коромысло.* Односкатную крышу называет словом *односторонка* (используется пространственный код) и т. д.

Диалектная языковая картина мира (ДЯКМ) Урала формировалась под влиянием многих факторов, в частности более позднего образования уральской языковой среды (активное заселение Уральской территории началось со второй половины XVI в. и продолжалось вплоть до начала XX в.). В разные периоды русские переселенцы были носителями различных русских говоров Европейской части России: севернорусских, южнорусских, среднерусских, — которые приносили на Урал и особенности своей культуры, своего мировосприятия. Немаловажным представляется и социальный статус переселенцев: это были в основном крестьяне, которые в процессе заселения Урала часто выполняли две функции — земледельца и рабочего на заводе, так как довольно скоро на Урал стали переселяться частные заводчики, которых привлекали полезные ископаемые и дешевая рабочая сила в лице осевших здесь крестьян.

До прихода русских и других переселенцев на Урале жили аборигены: татары, башкиры, манси, ханты и другие народы. Русские крестьяне вступали в те или иные отношения с аборигенами. В то же время русские люди — переселенцы с разных территорий Европейской части страны передавали друг другу особенности своих говоров, традиций, обычаев, своей сельской культуры, в рамках которой формировалось их мироощущение, что имело большое значение для дальнейшего развития языковой среды на Урале с точки зрения репрезентации культурных и лингвокультурных концептов в языке. В то же время изучение языковых репрезентаций в говорах Урала дает возможность увидеть общие особенности, характеризующие ДЯКМ, и отличные, сформировавшиеся под влиянием таких факторов, как оторванность уральских русских говоров от материнских, своеобразие культурно-исторического и общественно-хозяйственного развития, связанного со спецификой заселения Урала русскими, с особенностями природных, климатических условий, различиями в укладе жизни, культуре и т. д. Всё это обусловило неоднородность ДЯКМ на Уральской территории.

Интересно представлены в тематическом словаре общие черты менталитета диалектных сообществ и диалектных личностей, живущих на разной территории функционирования русского языка, с точки зрения характера вербализации в диалектах Урала культурных и лингвокультурных концептов.

Во-первых, в условиях сельской культуры диалектоносители репрезентируют при номинации тех или других концептов те их признаки, которые, с точки зрения диалектного сообщества, имеют практическую значимость в повседневной жизни и хозяйственной деятельности диалектного сообщества. Например, в Ачитском, Верхнепышминском диалектных сообществах есть слово *берегунья*, называющее предмет, которому приписывается сила оберега. Название мотивируется назначением реа-

лии, названной словом. Амулет для раннего вставания называют словом *вставаранка*. Мотивировочный признак актуализирует значимость концепта в реальной сельской жизни. Растение чистотел номинируется словом *бородавка* (с точки зрения диалектного сообщества, растение служит для удаления бородавок). Лестничные перила в одних уральских говорах обозначаются словом *держалка* (Красноуфимский, Ачитский, Асбестовский районы), в других — *ухват* (Шалинский район). Пример из речи диалектоносителя: *Бабушка спускалась по лестнице, крепко держалась за держалку.* Слово *покосница* обозначает одежду для покоса. Словом *молоканка* называют женщину, перевозящую молоко. Подобный языковой материал словаря несет ценностную информацию, которая заключается в том, *что* диалектное сообщество *выделяет, определяет, оценивает* в концептах с точки зрения восприятия окружающего мира, *каковы* его ориентиры в этом мире.

Во-вторых, для диалектного сообщества характерно наглядно-образное восприятие концептов вообще и лингвокультурологических в частности. Поэтому диалектоносители в процессе номинации широко использовали метафорические модели для постижения, представления и оценки действительности. Применялись, как отмечалось выше, разные типы метафорических моделей: антропоморфная (в ее основе лежит окружающий человека мир вещей, предметов), зооморфная (в ее основе — концепты животного мира, в том числе Уральской территории), фитоморфная (в ее основе — концепты растительного мира) и другие. Например, словом *однокрылок* номинируют односкатную крышу (зооморофная модель: образ крыла птицы используется для названия реалии); словом *быстрина* именуют проворную в движениях, быструю в ходьбе женщину (фитоморфная модель: ассоциация со словом быстрина в значении «быстрое течение реки»); словом *утопленник* в Артинском диалектном сообществе называют утонувшее дерево — пример из речи диалектоносителя: *Утопленники не дают пройти плотам*. Последние две модели свидетельствуют о том, что диалектные сообщества воспринимают себя в единстве с природой. Слова с образным значением, с позиции когнитивной лингвистики, — это вторые наименования того или иного концепта, поэтому в этом случае можно говорить о художественном отражении действительности через значимые для социума образы, которые рождаются в диалектном сообществе и отражают его восприятие в условиях конкретной сельской культуры.

В-третьих, вещное восприятие концептов в диалектном сообществе более ярко проявляется, чем у носителей литературного языка. И это находит отражение в лексике говоров Уральской территории. Например, неуклюжего, неповоротливого человека называют словом *пестерь* (слово *пестерь* с прямым значением используется для названия сельского предмета: корзины из прутьев, которая служит для различных хозяйственных нужд). Слово *заскрёбок* обозначает последнего ребенка в семье (прямое значение у слова — остаток теста в квашне, из которого пекут алябку).

В-четвертых, конкретность восприятия диалектным сообществом концептов окружающего пространства свидетельствует о конкретности образного мышления диалектоносителей. Психологи связывают это с абсолютно доминирующей активностью правополушарного, эмпирического типа мыслительной деятельности носителей диалекта, с их чувственным, эмоциональным восприятием мира. Например, крапиву уральские диалектоносители называют словами *жгучка, ожог,* манжету на рукаве — *обтяжка*, окрошку — словом *холодник*, смерть — *подбериха* и т. д.

В-пятых, отмечается большая детализация в названиях концептов окружающего пространства, важных в практической деятельности диалектного сообщества. Например, в уральских говорах мы находим неодинаковые слова для наименования одного концепта — «варежки»: *вязанка* ‘вязаная варежка’, *варежка* ‘матерчатая рукавица’, *голица* ‘кожаная рукавица’, *меховники* ‘мохнатые рукавицы’ и т. д. Характер изготовления реалии неодинаков, что связано с неодинаковым назначением концепта в практической повседневной деятельности жителей села.

В-шестых, экспрессивность обязательно предполагает наличие субъективного отношения к предмету, ситуации речи. Например: *безделюга*, *балахрыст* — лодырь; *дарунок, дарунчик* —свадебный подарок; *селяночка* — пища селян и т. д.

В-седьмых, существуют региональные особенности способов языковой категоризации объективного мира, в том числе и на Уральской территории. Поэтому вследствие несовпадения принципов номинации на одной и той же Уральской территории восприятие того или иного концепта диалектными сообществами может быть неодинаковым. Например, свадебный обед у родителей молодой на другой день брака называется по-разному: *блины, гостьба*, *хлебины, горячее, горячий стол*. Принципы номинации таковы: то, что подается на стол *(блины, хлебины),* участники обряда-мероприятия *(гостьба),* то, в каком виде подается кушанье *(горячее, горячий стол)*. При единстве культурологического концепта его репрезентации в диалектах Урала различны, что отражено в материалах тематического словаря.

Кроме того, при вербализации одного и того же концепта диалектные сообщества Уральской территории выбирают разные мотивировочные признаки для наименований, что подтверждает мысль о наличии в ДЯКМ

как общих, так и специфических черт конкретного диалектного сообщества отдельных территорий Урала. И это отражено в тематическом словаре через территориальные пометы типа *С-Лог, Кр.-Уф.* и другие.

Различия в номинации объясняются прежде всего характером восприятия диалектным сообществом концепта, репрезентируемого в языке, а также различиями ассоциативных связей у тех или других диалектных сообществ, особенностями бытования концепта на разной Уральской территории. Например, лицо, поющее на девичнике и утром в день свадьбы, называется по-разному: ***вытница*** (Кр.-Уф.), *плакальщица* (Камышл.), *причитальница* (Пышм.), так как ее действия отличаются.

Таким образом, основной причиной частных особенностей ДЯКМ является неодинаковое восприятие диалектоносителями окружающего их денотативного пространства, в том числе и различия в образно-эмоциональном его восприятии. Особенности мироощущения сельских жителей Уральской территории проявляются также в выборе мотивировочного признака для названия и характере образности, положенной в основу создаваемого слова, в характере отношения диалектного сообщества к называемому. Всё это показывает лексика, представленная в тематическом словаре.

В тематическом словаре даны и культурные концепты, вербализованные в лексике Уральской территории. Например, словосочетание *пирожный день* обозначает празднество, устраивавшееся в доме жениха на второй, третий день после свадьбы, на котором угощали пирогами, приготовленными невестой. См. в словаре следующие единицы: *пригорютки, плачеванье, глядёны, игрище* и др.

Демонологическая лексика свидетельствует о верованиях наших предков. См., например, в словаре такие лексемы, как *банник, присуха* и др.

Данные языка могут служить ключом к пониманию культурно значимых аспектов восприятия мира. Полагаем, что тематический словарь поможет в изучении особенностей ДЯКМ на Урале, менталитета русского народа, его культуры.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 811.111.1'25
ББК Ш143.21-7 *ГСНТИ 16.31.41* *Код ВАК 10.02.21; 10.01.03*

Е. Г. Доценко
Екатеринбург, Россия

ИНТЕРПРЕТИРУЯ С. БЕККЕТА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА КЛАССИКИ «АБСУРДА»

Аннотация. *Анализируется практика отечественных переводов и постановок произведений С. Беккета. Подвергается сомнению практика буквальных или чрезмерно вольных языковых и театральных интерпретаций.*

Ключевые слова: *С. Беккет; театр абсурда; перевод; интерпретация; театральная постановка.*

Сведения об авторе: *Доценко Елена Георгиевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 277.*
e-mail: dotsenko@mail.ur.ru.

E. G. Dotsenko
Ekaterinburg, Russia

INTERPRETING SAMUEL BECKETT: RUSSIAN ABSURDIST TRANSLATIONS AND PERFORMANCES

Abstract. *The article argues the possibility and the necessity of equivalent translations of Beckett's texts. Paradoxically, free interpretation of an absurdist text can be closer to the original than the literal one.*

Key words: *Samuel Beckett; theatre of the absurd; interpretation; performance.*

About the author: *Dotsenko Elena Georgievna, Doctor of Philology, Assistant Professor, Professor of the Chair of Russian and Foreign Literature.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Проблемы восприятия творчества Сэмюэла Беккет русской культурой могут быть частично объяснены тем, что Беккет — автор билингвальный. Если сам писатель может быть с равной степенью правоты назван и французским, и ирландским, то его тексты создавались на английском или французском языке, а с 1950-х гг. автор выполнял и перевод своих произведений, что создало ситуацию двух равноправных версий большого количества беккетовских текстов. Поскольку Беккет не столько «переводил», сколько заново создавал свои тексты, вписывая их в иную лингвокультурную среду, самостоятельность французской и английской версий его произведений вызывает споры среди ученых. Но данная проблема может рассматриваться и как практическая: существует объективная сложность перевода произведений Беккета на другие языки. Можно спорить, должен ли переводчик учитывать обе авторские версии при переводе, например на русский, и в какой мере театральные практики должны сегодня доверять «исходному» тексту при постановке беккетовских пьес.

Знакомство российской читательской и театральной аудитории с работами Беккета было неравномерным и по отношению к большей части его наследия достаточно поздним (сколько-нибудь полного собрания сочинений С. Беккета на русском языке не существует и на настоящий момент). При этом Беккета как крупнейшего представителя театра абсурда десятилетиями знали и изучали в нашей стране: раздел, посвященный французскому антитеатру, обязательно содержится в учебниках по зарубежной литературе или театру XX в. Первые «классические» переводы наиболее известных пьес и малой прозы Беккета были немногочисленны и выполнялись с языка оригинала. Так, «В ожидании Годо» в переводе (с французского) М. Богословской было опубликовано «Иностранной литературой» в 1966 г. [Беккет 1966] (показательным для времени публикации можно считать и предисловие А. Елистратовой к пьесе: «Здесь наиболее полно, демонстративно, с откровенностью, граничившей с истерическим надрывом, выразились разрушительные тенденции, свойственные „театру абсурда“: отрицание разумно постижимого сюжета, характеров, сценического действия, закономерно ведущего от завязки к развязке… А сквозь хаотические обломки разрушенной драмы, старательно низведенной до нечленораздельного абсурда, проступило представление о трагикомической абсурдности всего мира, о непреходящей бессмысленности человеческого существования» [Елистратова 1966: 160]).

Бóльшее количество переводов Беккета стало появляться с начала 1990-х гг., что вряд ли упростило ситуацию. Переводы последних лет не только разного качества и профессионализма, но и в разной степени учитывают связь беккетовского текста с языковой, литературной и/или театральной средой, в которой они не «возникли», а были сознательно автором созданы и с нею идентифицированы. В некоторых случаях перевод того или другого произведения С. Беккета осуществляется с французского и английского одновременно. Так, перевод в оригинале англоязычного романа Беккета «Мерфи» (*Murphy*, 1936) отечественным беккетоведом и специалистом по зарубежной драме М. Кореневой [Беккет 2002] выполнен, что не удивительно, с английского, а в другом русскоязычном издании романа специфика перевода обозначена следующим образом: «Пер. с англ. А. Панасьева; пер. с фр. А. Жгировского» [Беккет 1999а]. Каким образом была распределена работа переводчиков и пытались ли они совместить две версии текста в одном, можно лишь догадывать-

© Доценко Е. Г., 2012

ся. «Трилогия» Беккета очень убедительно переведена В. Молотом, но и здесь встречается загадочная формулировка: «перевод с французского и английского» [Беккет 1994].

Некоторые сомнения вызывает и попытка А. Панасьева и А. Жгировского «перевести» ряд говорящих англоязычных (большинство персонажей романа — ирландцы и носят ирландские имена) фамилий, хотя переводчики очевидно учитывают склонность Беккета к языковой игре и стремятся найти адекватное соответствие. Например, поэт *Ticklepenny* становится в русском тексте «Тыкалпенни», а доктор *Angus Killiecrancie* — «Ангус Убифсих». Проблема в том, что Беккет, как правило, не ограничивается только одной аллюзией или возможностями одного языка. «Фамилия Энгуса Киллеркранки, — поясняет Дж. Ноулсон, — говорит сама за себя; *krank* по-немецки означает „больной“, следовательно, перед нами доктор „Убей болезнь“» [Knowlson 2004: 199].

Комментарии к насыщенному аллюзиями (часто скрытыми) беккетовскому тексту представляют отдельную сложность и не всегда оказывают действительно ценную помощь. Разумеется, очень хорошо, когда возможности издания позволяют предложить глубокий и серьезный комментарий, как это произошло с «Никчемными текстами» [Беккет 2003], вышедшими в серии «Литературные памятники» в 2003 г. (составление и примечания Д. Токарева). Иное дело — ранний роман Беккета *More Pricks than Kicks:* даже название произведения переводится по-разному и до сих пор не утвердилось как прецедентный языковой феномен в нашем культурном пространстве. А. Панасьев, переводя роман на русский язык, вынес в заглавие фразу «Больше лает, чем кусает» вместо тщательно трансформированной Беккетом цитаты из Деяний апостолов («слова, с которыми Господь обратился к Савлу на дороге в Дамаск» [Ackerley, Gontarski 2004: 381]). Трудно согласиться с подобной «вольностью» переводческой трактовки, хотя в условиях несоблюдения закона об авторском праве существуют и более радикальные несоответствия российских «переводов» беккетовскому замыслу. (В качестве наиболее резко бросающегося в глаза примера нельзя не обратить внимания на судьбу российской «Элефтерии». Ранняя пьеса С. Беккета, опубликованная по-английски и по-французски лишь в 1990-е гг., представлена в сборнике «Потерянные пьесы» разрозненными отрывками, но обозначена как «Элефтерия. Пьеса в трех действиях. (Неопубликованная рукопись)» [Беккет 2001].)

Возвращаясь к проблеме перевода с двойного источника, следует, вероятно, остановиться на самой истории вопроса: как сложилось, что авторские версии текста на французском и английском языках интенционально имеют расхождения. То, что Беккет — ирландец (и выходец из протестантской, а не католической ирландской семьи), имеет значение, поскольку «ирландскость» находит выражение в беккетовских произведениях на различных уровнях текста. Но Франция — свободный выбор Беккета, он жил и работал в основном в Париже не как беженец, а как человек, который находил именно парижскую культурную и политическую атмосферу наиболее соответствующей своим личностным и творческим интересам. С Англией у Беккета складывались тем более непростые отношения, в частности издательские , и писатель неоднократно и недвусмысленно заявлял, что не хотел бы считаться британцем.

«Национальный вопрос» в традиционном его наполнении, впрочем, писателю совершенно чужд. Беккет индифферентен к проявлениям национального и мог бы, вероятно, сказать словами одного из любимых своих философов: «Самый дешевый вид гордости — гордость национальная» [Шопенгауэр 1992: 300]. Однако свои права предъявляет языковая принадлежность, а при чуткости Беккета к словесным играм самого языка концептосфера английского, французского или немецкого языка (работая над немецкими постановками своих драм, Беккет, как сообщает биограф писателя, изменил в пьесе «Конец игры» породу собаки со шпица на пуделя — «в честь Шопенгауэра, который любил пуделей» [Cronin 1997: 555]) активизирует национальные культурные пристрастия и приоритеты, не говоря уже об интересе Беккета практически ко всей европейской философской, литературной и театральной традиции, рутину которой он, «играя», преодолевает. На французском языке Беккетом в оригинале созданы романная «Трилогия», «Никчемные тексты», «Элефтерия», «В ожидании Годо», «Конец игры», «Развязка»; по-английски — «Мечты о женщинах, красивых и средних», «Мерфи», «Последняя лента Крэппа», «Игра», «Счастливые дни», «Приходят и уходят».

Само восприятие писателем французского и английского в качестве «языков творения» всегда было неодинаково. Еще в его первом романе герой, размышляя о французских классиках, замечает: «У них нет стиля, они пишут без стиля… Только французскому языку это под силу» [Beckett 1993: 48]. С конца 1930-х гг. французский становится и языком собственного творчества С. Беккета, а «когда в 1956-м его спросили, почему он начал создавать произведения на французском языке, Беккет ответил: „Потому что по-французски можно писать без стиля“» [Ackerley, Gontarski 2004: 205]. Считается, что первичное обращение «писателя-абсурдиста» к французскому было связано с «бегством от английского», от того множества ассоциаций, которое вызывает слово в родном языке. Французский язык пьес Беккета можно считать более нейтральным («без стиля»!) по отношению к лексической норме; введение «айришизмов» (кельтских слов и выражений, которыми изобилует беккетовский английский) во французский вариант произведений,

очевидно, потребовало бы комментария, которого автор как раз избегал. Но французский Беккета, хотя и связан изначально с разработкой писателем-модернистом более лаконичного стиля, вызвал к жизни собственные нюансы, которые «не работают» по-английски. «Есть что-то в самой сущности языка, — полагает С. Исаев, — что располагает к сухости и точности линий… Английские переводы прагматичнее, конкретнее — и вместе с тем теплее» [Исаев 1998: 5]. С другой стороны, у французского языка есть свои возможности, связанные с национальными традициями комизма.

«Вернувшись» к английскому в конце 1950-х и работая на двух языках практически с равной степенью интенсивности, Беккет отказывался от перевода (в привычном смысле) и каждый раз фактически пересоздавал уже существующее произведение, предлагая если не новый, то все же оригинальный текст — второй «оригинал». Российские переводчики справедливо замечают различия между двумя версиями беккетовских текстов, но, вероятно напрасно, пытаются элиминировать эти различия в одном переводе с двух языков. Было бы интересно иметь самостоятельные переводы и с французского, и с английского хотя бы самых известных, программных пьес театра абсурда: «В ожидании Годо», «Конец игры», «Игра», «Счастливые дни». Драматургия С. Беккета, являясь по сути своей экстерриториальной (как и весь беккетовский канон после 1946 г.), вступает в диалог с традициями различных стран и культурных уровней.

Начало активного драматического творчества, а затем театральной деятельности Беккета приходится на «французский» период, когда произведения писателя в оригинале создавались по-французски. Языковое соотношение в театре абсурда не оставалось неизменным и продолжало эволюционировать параллельно с развитием драматургии, характерным для нее «диалогом вне партнера» благодаря возможностям автоперевода. Концепция искусства у Беккета предполагает недоверие к экспрессивной функции языка, зато сама «оболочка» слова, его произношение и написание может вызывать множество ассоциаций. «Опустошение языка» (чтобы показать бессмысленность Слова, нужно четко представлять, какое значение в него изначально вкладывалось) осуществляется последовательно при работе автора и с первичным текстом, и с переводным. Используя положения теории перевода в работе «Беккет и Вавилон», Б. Фитч пытается определить статус второго авторского текста произведений ирландско-французского писателя. При всей самодостаточности и разработанности обеих авторских версий считать их автономными, как справедливо полагает исследователь, было бы неверно; «память» друг о друге сохраняют не только варианты произведения, но и языки, задействованные при работе: «Эти два текста должны рассматриваться до *некоторой степени* в качестве дополнения друг к другу на *каждом из уровней* — означающего и означаемого» [Fitch 1988: 181].

Концептосферы обоих языков вызывают к жизни различные смыслы. Так, английский текст задействует национальное пристрастие к театру и театральности, и классическое создание абсурда «В ожидании Годо» (*En attendant Godot*, 1949; *Waiting for Godot*, 1954), например, только в английском варианте получило подзаголовок «Трагикомедия в 2-х актах». В двух версиях «Годо» различен даже уровень аллюзий, в том числе и театральных. Определенно «британскими» оказываются в произведении Беккета аллюзии на Чарльза Чаплина-старшего и его комедийные эстрадные номера. По наблюдениям Ф. Робинсона, восклицание героя “Oh tray bong, tray tray tray bong” заимствовано как раз из такого представления, но оно в беккетовском тексте и предназначено для англоговорящей публики [Robinson 1991: 65]. Во французском оригинале соответствующая реплика выглядит иначе: здесь Эстрагон лишь несколько трансформирует фразу “Oh, très bien”, повторяя ее вслед за Владимиром, но «с английским акцентом» [Beckett 1985: 49]. Аналогично в английской версии встречаются французские словосочетания, которые неожиданно и непонятно для партнера произносит один из героев. А к «айришизмам» (Irishisms) английский критик и, что обычно подчеркивается, ирландец по происхождению А. Кеннеди относит реплику Владимира «Get up till I embrace you» [Kennedy 1989: 25]. По-французски высказывание практически лишается своей парадоксальной окраски: «Encore toi! Viens que je t'embrasse!», как, впрочем, и при переводе на русский язык: «Иди, я тебя обниму» [Беккет 1999б: 79].

Апеллируя не только к собственно вербальным средствам, «Беккет не расценивает язык как изолированную систему концепций, эзотеричных по отношению к объекту, который ему предназначено выражать; поэтому наложение соответствующей драматической формы представляет собой самостоятельную проблему» [Velissariou 1982 : 32]. В результате и образ мира, и «качество абсурда» меняется в зависимости от языка, на котором полиглот-автор творит или на который переводит. Апелляция к философской и/или к драматической традиции варьируется порой неуловимо, а порой и на уровне зримых образов. Театральные приоритеты Беккета, впрочем, сами не всегда поддаются разграничению по национальным инвариантам. Драматург остро чувствует рутину не только в старых, отживающих свой век формах, но и в едва определившихся, претендующих на абсолютную новизну системах. Разделительную черту проводят между популярной культурой и традициями «серьезной» драмы, которые с равной частотностью использует и цитирует Беккет. Сами аллюзии не только актуализируют, обновляют ту или иную часть драматиче-

ского наследия, но и указывают на ее неизменную релевантность. А национальное все же проявляется в той стихии театральности, в степени и возможностях условности, адекватных традициям тех мощных театральных супердержав, в которые двумя вариантами своих произведений включается Беккет.

Обращаясь к богатой английской традиции, писатель осваивает практически весь ее диапазон. Не приходится удивляться, что шекспировские аллюзии на различных уровнях структуры произведения обнаруживаются едва ли не в каждой пьесе Беккета. «Конец игры» (*Fin de Partie*, 1956; Endgame, 1958) в таком случае — это и «Гамлет» (героя зовут Hamm, почти Hamlet), и «Король Лир», и «Буря». Отношения родителей и детей даже при небольшом количестве персонажей допускают в пьесе много вариантов, а тема короля приходит вместе с шахматной семантикой «Эндшпиля» — «Конца игры» и закрепляется пространственно креслом-каталкой, служащим одновременно троном для здешнего тирана Хамма (название одноактной пьесы «Конец игры» на русский язык нередко переводят с французского *Fin de Partie* как «Эндшпиль». Однако шахматный план далеко не исчерпывает всех коннотаций «конца игры» в пьесе. Сфера функционирования понятия «эндшпиль» в русском языке очень узка и конкретна). О шекспировской «Буре» напоминает водный простор за окном, но и героев Хамма и Клова можно сравнить с Просперо и Калибаном бесконечно необитаемой земли. Ощущая себя на сцене, «как на сцене»: «Кто-то все еще на меня смотрит» [Beckett 1990: 160], — беккетовские герои оказываются соотнесены с шекспировской традицией и объективно, и субъективно. С одной стороны, персонажи Беккета включают Шекспира (и столь же часто, как Библию) в свой игровой план. Они вообще много и разножанрово играют, представляя себя то зрителями, то участниками сценического представления: используют театральную лексику, принимают «драматические» позы и просят «подержать место» на время их отсутствия. Шекспировский текст Беккет задействует и эксплицитно: здесь цитируют Офелию и Лира, и Ричарда III, и Просперо; часто фразы из классических пьес подчеркнуто узнаваемы в произведениях — особенно в английских версиях, что кажется вполне естественным, поскольку Шекспира сам Беккет читал не по-французски. С другой стороны, метатекстовые возможности пьес Беккета сами по себе «повторяют» Шекспира, утверждавшего принцип метатеатральности уже в трагедиях и комедиях, но особенно в поздних барочных трагикомедиях. Г. Блум считает возможным рассматривать беккетовскую пьесу («Конец игры») как самостоятельный текст и как своего рода комментированное чтение «Гамлета» [Bloom 1994: 505—507]. Интересно, что в плане перевода подобного двойного кодирования текста теперь уже на зримый, пластичный театральный язык не существует национальных преград, и не только английский, но и современный российский театр дает возможность увидеть и почувствовать многосоставность драматических произведений Беккета. В 1990-х гг. (в 1997 г.) трагикомедия «В ожидании Годо» была поставлена Ю. Бутусовым в театре им. Ленсовета. Роли исполняли М. Трухин (Владимир), К. Хабенский (Эстрагон), М. Пореченков (Поццо), А.З ибров (Лаки). Беккетовское внимание к смежным с театром видам искусства и к популярным зрелищам здесь было передано не только за счет хрестоматийных «чаплинских» шляп-котелков, но и с помощью циркового антуража. А пластический, спортивный потенциал актеров позволил им сделать зрелище по-настоящему живым, ярким и веселым, что отнюдь не исключило философской глубины пьесы. Перекличка с Шекспиром стала особенно очевидной уже благодаря развивающемуся театральному контексту: тот же коллектив (теперь на сцене МХАТа им. А. П. Чехова) играет «Гамлета», экспериментируя с классической пьесой и выходя на уровень ее «комментированного прочтения».

Создается впечатление, что пытаться наглядно представить на сцене «абсурд» — в отсутствии соответствующей (как во Франции) традиции российской культуры — непродуктивно. Но беккетовский текст подготовлен к «буквальному» воспроизведению, что дает современному нерепрезентативному театру особые возможности. Произведения требуют особого даже не читательского, а режиссерского и актерского прочтения, перевод на визуальный язык пьесой фактически уже осуществлен. «Одновременно можно видеть, — отмечает Ш. Леви, — текст пьесы и указания драматурга по поводу нетекстовых театральных элементов, как перевод одной семиотической системы („текст“) в другую („спектакль“ или „перфоманс“)» [Levy 2002: 26].

Другой пример, на наш взгляд, менее успешный, российской театральной интерпретации беккетовской пьесы представляет с 2006, юбилейного года (столетие со дня рождения драматурга) московский театр им. А. С. Пушкина. «Счастливые дни» (в переводе Л. Беспаловой) поставил М. Бычков, роль Винни исполняет В. Алентова. Наиболее эффектны здесь декорации к спектаклю, представляющие «природное» окружение Винни как поле скошенной и пожелтевшей травы — достаточно приятный фон для того, чтобы чувствовать себя не живой, но счастливой. Однако та же конкретика выглядит чрезмерной по отношению к центральной коллизии произведения. В пьесе Беккета «Счастливые дни» холм, в который врастает героиня, — специфическое условное пространство и может интерпретироваться как бессмысленность жизни, ведущей к смерти, или как жизнь уже после смерти, или как собственно театр. В спектакле театра им. А. С. Пушкина

абсурдность бытия человека в мире получает более «точное», чем у Беккета, воплощение: во втором акте нечто вроде землетрясения, действенно воспроизведенного на сцене, заставляет героиню В. Алентовой испытывать максимум неудобств. Второе действие пьесы в данной постановке вообще предстает редуцированным (текст пьесы сокращен), зато интонация Вини резко меняется, поднимаясь до не предусмотренных «Счастливыми днями» гневных, обличительных нот. Финал пьесы также выглядит «обновленным» и неожиданно в этой интерпретации счастливым: Винни и наконец-то появившийся на сцене Вилли вместе исполняют жизнерадостную песню.

«Счастливым дням» повезло с отечественными интерпретациями: еще в 1991 г. фильм с таким названием был поставлен А. Балабановым. Фильмы по произведениям Беккета — большая редкость не только у нас, а в данном случае речь идет об очень оригинальном, авторском прочтении классического текста режиссером, тогда еще делавшим свои первые шаги в кинематографе. Фильм А. Балабанова трудно было бы назвать «экранизацией», да и используются здесь мотивы из разных произведений Беккета: узнаваемы «Конец игры» и «Годо». Героини по имени Винни в фильме нет, а есть герой, которого называют то Петр, то Борис, то Сергей Сергеевич, но беккетовских бродяг он неуловимо напоминает. Парадоксально, но «беккетовским» становится у Балабанова Санкт-Петербург, в котором разворачивается действие фильма. Это не парадный Петербург, но фантасмагорический город из произведений Гоголя и Достоевского: русская классика вступает, таким образом, в диалог с Беккетом.

Нерепрезентативный театр Беккета уходит от самой проблемы отражения «жизненных реалий», создавая художественный мир из рутины — театральной и бытовой, — но не останавливаясь как данность ни на ней, ни даже на уровне универсальных обобщений: театр — это прежде всего театр, сам себя он и разыгрывает, представляет. Произведения этого театра трудно понять: как и предполагает концепция абсурда, здесь мир буквально выходит за пределы нашего представления. У Беккета мы всегда видим больше, чем (написанный или воспроизведенный) текст: в этом смысле его пьесы театральны, а не дискурсивны. Для сравнения: если мы смотрим сегодня спектакль по любой из великих трагедий Шекспира, мы видим меньше, чем возможно, так как одна режиссерская интерпретация скрывает множество других допустимых прочтений, т. е. текст, созданный для театра, тем не менее не сводится к его презентации, перфомансу. У Беккета то, что мы должны увидеть, написано в тексте, и визуальный ряд *заменяет* смысл, который есть, и который мы, как и герои, хотим понять, но, как и у них, наши усилия тщетны. Так, главные герои «В ожидании Годо» на каждом шагу себя опровергают: Диди и Гого *выглядят* как бродяги, но их «подлинный» статус неизвестен; противоречиво представлены и интеллектуальные возможности протагонистов Беккета. Зрители хотели бы знать больше о героях и ситуации, в этом смысле пьеса не «об ожидании»: она и есть ожидание чего-то, что не существует или что не дано постичь — ни в жизни, ни в театре.

Столкновение различных смыслов и бессмыслицы, мировоззренческих или, например, языковых моделей в одном тексте беккетоведение объясняет с помощью излюбленного писателем «эффекта пермутации». М. Эсслин предупреждает: «Мы не должны заходить слишком далеко, пытаясь идентифицировать взгляды Бекетта с любой философской школой» [Esslin 2004: 61]. Беккет никогда не предан целиком и одному видению той или концепции, он всегда оставляет место для альтернативного понимания. Предоставляя возможность «другому» прочитать и по-своему наполнить (а не только «понять») его текст, Беккет оказывается совершенно открыт и российским интерпретациям.

ЛИТЕРАТУРА

Беккет С. В ожидании Годо / пер. с фр. М. Богословской // Иностранная литература. 1966. № 10.

Беккет С. Мерфи / пер. с англ. и фр. А. Панасьева, А. Жгировского. — Киев : Ника-Центр, 1999а.

Беккет С. Мерфи / пер. с англ. М. Кореневой. — М. : Текст, 2002.

Беккет С. Никчемные тексты / пер. с франц. Е. В. Баевской. — СПб. : Наука, 2003.

Беккет С. Театр : пьесы : пер. с англ. и фр. — СПб. : Азбука : Амфора, 1999б.

Беккет С. Трилогия (Моллой, Мэлон умирает, Безымянный) / пер. с фр. и англ. В. Молота. — СПб. : Изд-во Чернышева, 1994.

Беккет С. Элефтерия / пер. О. Тархановой // Потерянные пьесы. — М. : A, D. & T, 2001.

Елистратова А. Трагикомедия Беккета «В ожидании Годо» // Иностранная литература. 1966. № 10. С.160.

Исаев С. Длинные вещи жизни // Беккет С. В ожидании Годо / пер. с фр. С. Исаева, А. Наумова. — М. : Изд-во ГИТИС, 1998.

Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. — М. : Республика, 1992.

Ackerley C. J., Gontarski S. E. The Grove Companion to Samuel Beckett: A Reader's Guide to His Works, Life, and Thought. — N. Y. : Grove Press, 2004.

Beckett S. Dream of Fair to middling Women. — N. Y. : Arcade Publishing, 1993.

Beckett S. The Complete Dramatic Works. — L. ; Boston : Faber and Faber, 1990.

Beckett, Samuel. En Attendant Godot. — P. : Ed. de Minuit, 1985.

Bloom H. The Western Canon: The Books and School of the Ages. — N. Y., San Diego, L. : Harcourt Brace & Co., 1994.

Cronin A. Samuel Beckett: The Last Modernist. — N. Y. : De Capo Press, 1997.

Esslin M. The Theatre of the Absurd. — N. Y. : Vintage Books, 2004.

Fitch B. T. Beckett and Babel. An Investigation into the Status of the Bilingual Work. — Toronto ; L. : Univ. of Toronto Pr., 1988.

Kennedy A. K. Samuel Beckett. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1989.

Knowlson J. Damned to Fame: The Life of Samuel Beckett. — N. Y. : Grove Press, 2004.

Levy S. Samuel Beckett's Self-Referential Drama. — Brighton ; Portland : Sussex Academic Pr., 2002.

Robinson F. M. "Tray Bong! Godot and Music Hall" // Approaches to Teaching Beckett's "Waiting for Godot" / ed.by June Schlueter and Enoch Brater. — N. Y. : The Modern Language Association of America, 1991.

Velissariou A. Language in "Waiting for Godot" // Journal of Beckett Studies / ed.by John Pilling. 1982. № 8 (Autumn).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 811.161.1-115:161.26
ББК Ш141.2-02 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.01*

И. Ю. Кукса
Калининград, Россия

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЭКСПЛИКАТОРЫ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ (на материале «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостей» XVIII в.)

Аннотация. *На материале первых российских газет рассматриваются стандартные средства выражения модальных значений на уровне синтаксиса, устанавливается их роль в экспликации авторской позиции в период становления отечественной периодики, выявляются «взаимонаслоения» модальных смыслов.*

Ключевые слова: *модальность; авторская позиция; синтаксические экспликаторы модальных значений; история отечественной периодической печати.*

Сведения об авторе: *Кукса Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, первый проректор — проректор по учебной работе, зав. кафедрой речевой коммуникации и журналистики.*

Место работы: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград).

Контактная информация: *236041, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56.*
e-mail: IKuksa@kantiana.ru.

I. Yu. Kuksa
Kaliningrad, Russia

SYNTACTIC EXPLICATORS OF THE AUTHOR'S MODALITY IN THE NEWSPAPER TEXT (based on "Sankt-Peterburgskije Vedomosti (The Saint-Petersburg Bulletins)" and "Moskovskije Vedomosti (The Moscow Bulletins)" of the XVIII century)

Abstract. *Based on the first Russian newspapers, the article investigates the standard means of the modal meanings expression at the syntactic level, states their role in the author's position explication in the infancy period of the domestic periodicals, reveals the "mutual combinations" of the modal meanings.*

Key words: *modality; author's position; syntactic explicators of modal meanings; history of domestic periodicals.*

About the author: *Kuksa Irina Yurievna, Candidate of Philology, Assistant Professor, First Vice-Rector for Academic Activity, Head of the Chair of Speech Communication and Journalism.*

Place of employment: Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad).

Универсальность категории модальности проявляется в том числе и в разнообразии средств ее репрезентации на всех уровнях языковой системы. Значимость синтаксиса как сферы реализации модальности, в частности субъективной, неоднократно подчеркивалась учеными [см.: Белошапкова 1975, 1977; Ваулина 1988; Виноградов 1975; Волохина 2003; Попова 2003; Ляпон 1986; Немец 1989; Пуховская 1995; Старовойтова 2006; Солганик 2010 и др.]. Особенно акцентируется антропоцентрический характер «модального синтаксиса», поскольку «он изучает роль человека говорящего в языке» [Солганик 2010: 15]. (Под модальным синтаксисом, вслед за Г. Я. Солгаником, нами понимается «обширная область исследования синтаксических форм и конструкций с точки зрения субъективной модальности» [Солганик 2010: 14].)

Стремясь наиболее понятно и доступно донести информацию, выразить собственную идею или точку зрения, автор газетного текста естественным образом использует возможности синтаксиса, конструируя словосочетание / предложение / текст в соответствии с целевыми установками.

В данной статье рассматриваются типичные средства реализации субъективно-модальных значений на уровне синтаксиса, а также выявляется модальный потенциал некоторых синтаксических конструкций на материале первых российских газет второй половины XVIII в. («Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости»). Поскольку «содержание категории модальности и формы ее обнаружения исторически изменчивы» [Виноградов 1975], такое рассмотрение открывает перспективы определения временнóй «закрепленности» средств репрезентации модального содержания, а также динамических изменений в их составе на этапе формирования и на протяжении эволюции газетного и газетно-публицистического стиля.

«Санкт-Петербургские ведомости», вторая российская газета, использовала те же источники информации, что и петровские «Ведомости», на смену которым она, по сути, пришла, а именно: европейские газеты и сообщения собственных корреспондентов, маркировавшиеся как «копии писем с…» или «перечень писем из…».

Тематически газета также продолжала традиции предшественницы: «пальму первенства» удерживали материалы новостного характера о событиях зарубежной и отечественной действительности (от «батальных» новостей о значимых военных событиях до извещения о чрезвычайных ситуациях — «трясении земли», эпидемиях, пожарах и пр.), придворная хроника (известия о значимых событиях жизни коронованных особ). При этом поток «гражданских» и даже бытовых новостей постепенно нарастает. Так, «Ведомости» сообщают об устройстве жизни за рубежом, о расширении торговли, о создании заводов (например, завода медной руды Акинфея Демидова), об изобретении новых сельскохозяйственных орудий труда, о со-

© Кукса И. Ю., 2012

бытиях культурной жизни, о необходимости соблюдения чистоты в целях предотвращения эпидемий и пр. Кроме того, к сообщениям о внешних и внутренних событиях добавляются объявления о продажах, анонсы театральных событий, изданий книг и т. д.

Те же тенденции прослеживаются и в газете «Московские ведомости», начавшей издаваться с 1756 г. в качестве газеты недавно созданного Московского университета, что обусловило приток на страницы периодического издания новостей науки.

Исследователи также отмечают появление на страницах названных газет комментирования фактов, когда журналист, предлагая читателю новость, высказывал собственное мнение по поводу описываемых событий [Тарасова 2009: 24].

Обе газеты просуществовали до начала XX в. Столь длительный период обусловливает исследовательский интерес к ним и как к историческим первоисточникам, и как к источникам изучения становления и развития не только журналистики в целом, но и таких важных аспектов, как история периодических изданий, журналистских жанров, публицистики, способов выражения авторской позиции и формирования общественного мнения и др.

Будучи по сути своей газетами информационного типа, «Ведомости» XVIII в. вместе с тем выполняли, пусть и отчасти, вторую важную функцию журналистики — воздействующую, решали определенные политические задачи, пропагандировали внутреннюю и внешнюю политику государства, его мощь. Систематическое распространение информации официального характера во многом определяло «продвижение» государственной идеологии и организацию общественного мнения в пользу государственности, действий коронованных особ, военачальников и т. д.

Авторы газетных текстов по-прежнему анонимны, многие новости заимствованы из иностранной периодики, непосредственно авторское «я» в форме «я-предложений» (термин Г. Я. Солганика) не представлено. По сравнению с петровскими «Ведомостями» в предваряющих новости конструкциях, указывающих на источник информации, редуцируется глагол в форме настоящего времени 3 л. мн. числа (пишут, сообщают), значимыми при этом оказываются только место и время описываемых событий*: Изъ Санктпетербурга отъ 18 апреля* (в приводимых примерах здесь и далее используется упрощенная графика: буквы греческого алфавита «кси», «пси», «фита», «омега», «ук», «иже», а также старославянские буквы «ять», «юс малый», «юс большой» передаются соответствующими буквами современного русского алфавита), *Из Лондона отъ 22 марта.* Источник информации в большинстве случаев не персонифицирован и скрыт за известными неопределенно-личными формулами «из … сообщают» или пассивными конструкциями «получена ведомость», «получены следующие новости» и др. Непосредственный же создатель текста остается не представленным читателю. При этом анонимность не мешает авторам при отражении действительности осуществлять мотивированный отбор способов выражения «положения дел» в соответствии с неречевой задачей, формирующей и модальность текста. Коммуникативно-целевая ориентация текста, отражающего мир фактов и событий, зависит от установки автора, от его точки зрения. Эта точка зрения определяет, в числе прочего, и выбор лексико-грамматического материала, актуального для выражения интенции автора, его намерения. Для адресата же важен не только газетный текст как форма получения информации, но и декодирование заложенного в нем модального авторского отношения к сообщаемому [Зятькова 2003: 46].

В текстах первых российских газет связь семантических функций грамматических форм и конструкций с намерениями автора и с его коммуникативными целями обусловливает способность определенных форм в их взаимодействии с контекстом быть актуализаторами модальных смыслов и — шире — авторской модальности.

В качестве способов реализации конкретных субъективно-модальных значений на синтаксическом уровне, как известно, современные грамматики традиционно выделяют вопросно-ответные комплексы, побудительные, эллиптические, присоединительные, парцеллированные конструкции, риторические вопросы, инверсии, повторы и др. Вместе с тем очевидно, что в условиях текста модальный потенциал обнаруживают и иные синтаксические формы и конструкции (например, сложные предложения). Более того, синтаксические конструкции в газетном тексте играют важную роль репрезентантов авторской позиции, которая может быть выражена и имплицитно, и эксплицитно в зависимости от намерения автора, жанровой специфики и функциональной направленности текста.

Из стандартно выделяемых современной грамматикой синтаксических средств репрезентации модальных значений в первых российских газетах достаточно широко представлена инверсия. Как известно, решающим при выстраивании словопорядка в предложении становится его коммуникативная задача («Коммуникативная задача — это стремление автора подчеркнуть тот аспект содержания предложения, который является важным, существенным в данном контексте или в данной речевой ситуации» [Русская грамматика 1980: 190]), целевая установка автора, который считает необходимым сместить смысловые аспекты, акцентируя при этом наиболее существенное, по его мнению.

Чаще всего при инверсии авторы Санкт-Петербургских и Московских ведомостей располагают предикативно значимый член предложе-

ния в препозиции по отношению к подлежащему, актуализируя таким образом само действие. Ср.: *В сихъ дняхъ* ***получилъ*** *Его превосходительство* ***Господинъ Графъ Фонъ Вратиславъ*** *Цесарскои указъ* [СПбВ. 1728. № 1]; *Во вторникъ* ***прибылъ*** *сюды* ***Светлеишии Принцъ Баденскии*** *изъ Рима* [СПбВ. 1728. № 1]; *Ко двору* ***прибылъ*** *вчера изъ Гишпании* ***курьеръ*** *съ важными писмами* [СПбВ. 1732. № 27]; *Третьяго дня поутру* ***прошолъ*** *на здешнеи болшои Неве реке* ***ледъ*** [СПбВ. 1732. № 29]; *Вчерашняго дня* ***получило*** *наше* ***Адмиралитеиство*** *нарочнаго куриера* [СПбВ. 1740. № 30]; *Сего месяца 18 числа* ***пришло*** *въ здешнюю гавань изъ Портмагона* ***судно*** [СПбВ. 1750. № 31]; *На нынешнихъ дняхъ* ***послано несколько рекрутъ*** *въ полкъ Пиколомини* [МВ. 1756. № 1]; *Въ прошедшее воскресенье, то есть 21 числа сего месяца,* ***праздноване былъ*** *при дворе* ***день рождения*** *ея Императорскаго Высочества* [МВ. 1756. № 2]; *После сего* ***ретировались Австрийцы*** *в Ауссигъ* [МВ. 1756. № 55]; *Съ пришедшими изъ Восточной Индии кораблями* ***получены*** *следующия* ***новости*** [МВ. 1760. № 27]; *Третяго дня* ***прибылъ*** *сюда Римско Императорской* ***Генералъ Маиоръ Графъ Гамильтонъ*** [МВ. 1760. № 93]; *Въ Кракове* ***починивается*** *старый Королевский* ***Дворецъ*** [МВ. 1787. № 32].

Основой подобных инверсионных конструкций является объективная модальность, которая преимущественно с помощью изъявительного наклонения квалифицирует соответствующее «положение дел» с точки зрения его реальности в прошлом (чаще всего) либо в настоящем (реже). Преобладание форм прошедшего времени обусловлено спецификой подготовки и трансляции сообщений по печатному каналу распространения массовой информации в тот период: по понятным причинам они передавались с временным отставанием до двух месяцев, и об оперативности в современном понимании речь еще не шла.

Нередко в тех же целях смещения акцента на действие в конструкциях с сочетаниями «модальный модификатор + зависимый инфинитив» авторы выбирают препозиционное размещение инфинитива. Ср.: *Такое множество руды сыскано, что* ***надеятися можно*** *повсягодно около 1000 пудъ чистои меди выплавить* [СПбВ. 1728. №26]; *Но въ пользу христианъ ничего* ***получить немогъ*** [СПбВ. 1728. № 88]; *Число Волонтеровъ, которые свою храбрость при семъ случае* ***показать хотятъ****, на всякои день умножается* [СПбВ. 1732. № 30]; *И хотя Капитана тотчасъ* ***освободить хотели****, но онъ противъ того протестовалъ* [СПбВ. 1750. № 31]; *Принцесса, его сестра, также въ толь благополучномъ состоянии находится, сколько того* ***желать можно*** [МВ. 1756. № 1]; *Решения сообщены* ***быть могутъ*** *на латинскомъ или на французскомъ языке* [МВ. 1756. № 1]; *О непри-*
ятельскомъ уроне такъже точно ***объявить не можно*** [МВ. 1760. № 92]; *Наконецъ изспрашивалъ у Монарха повеления, какъ ему въ семъ случае* ***поступить должно*** [МВ. 1787. № 69].

Кроме того, изменение словопорядка в соответствии с авторскими установками нарушает связь между модальным модификатором и зависимым инфинитивом за счет расположения их дистантно по отношению друг к другу при сохранении традиционной последовательности (модификатор + инфинитив). В этом случае логически выделяется дополнение. Ср.: *Некоторые принуждены* ***скорлупами*** *довольствоваться вместо того, чтобы ядра находить* [СПбВ. 1728. № 88]; *Но однакожъ комендантъ не хотелъ* ***воротъ*** *отворить* [СПбВ. 1728. № 88]; *Его Королевское Величество намеренъ вскоре* ***Министра*** *въ Дрезденъ назначить* [СПбВ. 1732. № 92]; *Для приращения оныя надлежало* ***о порядочныхъ монетныхъ дворахъ, о безопасности купцовъ и о добрыхъ мануфактурахъ*** *думать* [СПбВ. 1740. № 89]; *Означенными пунктами можно* ***древние златые времена*** *восстановить* [СПбВ. 1740. № 89]; *И нетъ надежды, что* ***можно в томъ помочь*** [МВ. 1770. № 91]; *…въ которомъ собрании единогласно все утвердили, что должно сему* ***требованию*** *противиться* [МВ. 1770. № 91]; *Герцогъ Виртембергъ-Штутгардтский намеренъ* ***въ пользу торговли*** *заложить большую дорогу изъ Штутгардта въ Швабскую Галлу* [МВ. 1787. № 32].

Иногда одновременно используется и препозитивное расположение инфинитива, и дистантность частей составного сказуемого по отношению друг к другу. Ср.: *И действие догадку его такъ подтвердило, что отъ громовыхъ ударовъ следующимъ образомъ* ***охранить себя можно*** [СПбВ. 1752. 12 июня].

Такие конструкции интересны тем, что, помимо актуализации действия, их модальный рисунок усложняется значениями ситуативной (в иной терминологии — предметной) модальности, которые уточняют возможность, необходимость и желательность описываемого «положения дел». Акцент на действии закономерным образом придает газетному тексту динамизм, привлекая внимание читателя к событийно-процессуальным аспектам информации.

Иногда автору важно подчеркнуть не столько само действие, сколько детали: место, объект и др., — поэтому дополнение оказывается в препозиции по отношению к сказуемому. Ср.: *Токмо та часть* ***безъ повреждения осталась****, где Королевскии замокъ и магазеины обретаются* [СПбВ. 1728. № 88]; *О Панаме также слышно, что Агличане* ***и сие место атаковали*** [СПбВ. 1740. № 30]; *Походъ Французскаго флота* ***за немалое бесчестие нашему народу почитается*** [СПбВ. 1740. № 89]; *О бывшемъ недавно* ***трясении земли*** *изъ многихъ местъ* ***пишутъ*** [СПбВ. 1750. № 31];

Новаго Верьховнаго ***Везиря за ево тихость*** *(…) всякъ почитаетъ* [СПбВ. 1750. № 32].

Постпозитивное расположение определения по отношению к подлежащему или дополнению встречается весьма редко, при этом изменение словопорядка касается и стандартной последовательности «подлежащее — сказуемое», «сказуемое — дополнение». Ср.: *Въ прошлую Субботу предъ полуднемъ отправлялъ* ***Папа самъ*** *церемонию* [СПбВ. 1728. 2 апр. № 27]; *Тамо в Июле месяце* ***Короля Швецкаго*** *ожидаютъ* [СПбВ. 1728. 2 апр. № 27]; *Награждения состоятъ изъ кофейника, двухъ подсвешниковъ и чайника* ***серебряныхъ*** *съ гербомъ Его королевскаго Высочества* [СПбВ. 1750. 17 апр. № 31].

Авторы рассматриваемых газетных статей нередко прибегают и к комплексному использованию инверсионных способов. Ср.: *Третьего дня полковникъ Фонъ Тренкъ прибылъ к здешнему городу съ корпусомъ пандуровъ, а понеже мы* ***сдаться не хотели****, то* ***началъ онъ по насъ производить*** *пушечную стрельбу.* ***Хочетъ кардиналъ Косция отъ*** *всехъ* ***делъ отстать*** [СПбВ. 1728. № 1]; *И* ***намеренъ онъ*** *<принц Баденский> путь* ***свои въ Туринъ и Парижъ восприять*** [СПбВ. 1728. № 1].

При трансформации обычного порядка слов происходит смысловая акцентуация коммуникативно значимых элементов синтаксической конструкции, обусловленная авторской интенцией.

Нечасты на страницах первых российских газет в период становления отечественной периодики такие синтаксические средства, как эллиптические конструкции, восклицательные предложения. Последние встречаются при передаче в газетных текстах чужой речи преимущественно в форме обращения к конкретному адресату. Ср.: *Дражайшая приятельница! Сожаления достойная Каролина!* [из письма подруги адресата о гибели ее возлюбленного на дуэли; МВ. 1787. № 32]; *Любезная моя жена!* [из письма мужа-самоубийцы; СПбВ. 1750. № 92].

Вопросно-ответные комплексы как средства репрезентации субъективно-модальных смыслов в исследуемый период также еще не сформировались в полном объеме, поэтому в классическом варианте (автор задает вопрос и сам же на него отвечает) практически не используются. Это может свидетельствовать о «недооформленности» и публицистического стиля, и системы создания диалогичности газетного текста XVIII в. и — шире — о процессе формирования оптимального для газет синтаксического строя. Вместе с тем прообразы вопросно-ответных комплексов обнаруживаются на страницах «Ведомостей». Ср.: *Члену Областнаго Багарскаго Совета, Г. Юнгу, предложенъ былъ от Г. Франциса* ***вопросъ****: почему Областные Советы въ 1782 году отмЕнены? Юнгъ* ***же ответствовалъ****, что подлинная причина достоверно ему не известна; а естьли судить по вероятности, то должно заключить, что перемена оная сделана единственно для возвышения власти Генералъ-Губернатора* [МВ. 1787. № 32]. Это фактически репортажная запись диалога, состоявшегося между двумя лицами, свидетелем которого был автор газетного текста. С помощью вопроса автор привлекает внимание читателей к проблеме или ситуации и сообщает уже известный ему ответ, в котором представлено чужое мнение.

В других случаях автор, информируя читателя о постановке вопроса, извещает об отсутствии внятного ответа. Ср.: *Вчера же предлагалъ Г. Франсис, не угодно ли будетъ Парламенту, для выслушания прочихъ свидетелей по Гастингсову делу, составить особливый Комитет. … однако по сему предложению не определено ничего решительно* [МВ. 1787. № 32].

Вопросно-ответные конструкции не только служат способом диалогизации текста, но и полемически заостряют его, способствуя его «оживлению» и большей привлекательности для читателя.

Еще одно традиционное средство выражения субъективно-модальных значений — риторические вопросы, экспрессивный потенциал которых неоднократно подчеркивался исследователями [см.: Шатуновский 1989: 13; Рагозина 2008: 16]. Риторические вопросительные конструкции, сохраняя форму вопроса, перестают по воле автора выполнять свои прямые функции и становятся актуализаторами авторских мнений и эмоций. Ср.: *Ежели толь властительныя Надворнаго Совета поступки сносить, то что воспоследуетъ впредь с вольностьми и преимуществами Имперскихъ чиновъ, которыя они себе приобрели чрезъ свою кровь и имение?* [МВ. 1756. № 55]; Девица Ж…, обиженная, обезславленная и изувеченная Гномъ Д… можетъ ли требовать себе безчестия и удовлетворения, соответственнаго обиде, нанесенной ея чести и лицу? [МВ. 1787. № 69]; *Но кто можетъ обнадежить, долго ли сии благополучныя времена продолжатся* [СПб. 1750. № 31].

«Катализотором» модального смысла в подобных риторических конструкциях становится и вопросительная частица *ли,* формально призванная усилить сомнение автора, а по сути акцентирующая риторический потенциал текстового фрагмента. Модальная семантика двух последних примеров кристаллизуется с помощью экспликаторов значения субъективной возможности (модальный глагол мочь + зависимый инфинитив). Кроме того, во втором примере повышению экспрессии способствуют и контекстуальные синонимы-прилагательные *(обиженная, обезславленная и изувеченная),* являющие собой еще один риторический прием — восходящую градацию. В первом и последнем примерах те же функции усиления авторских эмоций выполняют оценочные прилагательные определения *(властительный, благополучные).*

С помощью таких предложений автор не просто диалогизирует текст (вопросы не требуют

ответов: благодаря стараниям автора они очевидны), но и побуждает читателя к соразмышлению, тем не менее направляя эти размышления в нужное русло: поступки совета сносить нельзя, девица имеет полное право требовать сатисфакции, никто не может поручиться за продолжительность «благополучных времен». Будучи уверенным в единственно верном и возможном ответе, автор приводит к нему и адресата.

Для усиления собственной позиции и одновременно формирования мнения читателя авторы газетных текстов прибегают к конвергенции традиционных способов выражения субъективно-модальных смыслов. Ср.: *Ибо **что** есть страмнее, яко то, когда кто деиствительные и важные дела смешно изображаетъ? **что** худшее, яко то, когда кто 20 и болшее число персонъ в однои квадрилле представляетъ? **что** есть обыкновеннымъ правиламъ въ рассуждении противнее, яко то, когда кто склонениямъ нрава надъ мудростию власть даетъ, и въ самомъ начале изменяетъ, к какой партии он склоняется?* [СПбВ. 1728. № 88].

В приведенном фрагменте газетного текста основой модальной картины становится синтаксический параллелизм — тройной повтор одинаковых синтаксических конструкций. Повторы способствуют реализации воздействующей функции газетного текста, обеспечивая усилительно-выделительный, катализирующий результат. Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными и местоименно-соотносительными средствами связи «что…, яко то, когда кто…» к тому же имеют форму риторического вопроса, ответ на который автор преподносит читателю со всей очевидностью. От предложения к предложению автором воспроизводится не только структурно-содержательная модель, но и прием обратного порядка слов: сказуемое в придаточном оказывается в постпозиции по отношению ко всем членам предложения, замыкая его. Таким образом акцентируется не само действие, а объект этого действия. Усилению авторских эмоций служит и эксплуатируемая во всех трех конструкциях форма сказуемого (его именная часть представлена сравнительной степенью прилагательного) главного предложения.

При помощи подобной концентрации средств выражения субъективно-модальных значений в определенном смысле нарушается «баланс» в отношении объективности / субъективности в пользу последней. Целевой установкой высказывания становится не сообщение информации о фактах, событиях, явлениях действительности с точки зрения их реальности/ирреальности, возможности/необходимости/желательности, а выражение собственной реакции и мнения в яркой эмоционально-экспрессивной форме и убеждение читателя разделить и эту реакцию, и это мнение.

В целом же рассмотренные синтаксические средства не только становятся приемами диалогизации текста, привлечения внимания читателя, но и способствуют проявлению личностного авторского начала в текстах газет XVIII в., преодолению (в определенной степени) впечатления анонимности и безадресности социально значимой информации.

ЛИТЕРАТУРА

Белошапкова В. А. О модальности сложного предложения // Русский язык : сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина. — М., 1975. С. 44—52.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. — М. : Высш. шк., 1977.

Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.). — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В. В. Виноградов. Избр. тр. Исследования по русской грамматике. — М. : Наука, 1975. С. 53—87.

Волохина Г. А., Попова З. Д. Многокомпонентные сложные предложения как микроконтекст. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003.

Зятькова Л. Я. Субъективная модальность политического дискурса (на материале российских, британских и американских печатных СМИ) : дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.

Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. — М. : Наука, 1986.

Немец Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1991.

Немец Г. П., Байкова Л. И. О прагматике модальности полипредикативного предложения // Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. — Краснодар : Изд-во Краснодар. ун-та, 1987. С. 13—18.

Рагозина Е. В. Модальность вопросительных предложений в современном русском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Калининград, 2008.

Русская грамматика : в 2 т. — М. : Наука, 1980.

Старовойтова Н. В. Модальность сложноподчиненных предложений со значением обусловленности в русском языке XVII — первой четверти XVIII века: автореф. дис. … канд. филол. наук. — Калининград, 2006.

Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. — М. : Флинта, 2010.

Тарасова Н. А. История отечественной периодики XVIII века. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009.

Шатуновский И. Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. — М., 1989. С. 156—167.

ИСТОЧНИКИ

СПбВ = Санкт-Петербургские ведомости // РГБ. Фонд газет.

МВ = Московские ведомости // РГБ. Фонд газет.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.2-3 *ГСНТИ 16.21.47; 16.21.29* *Код ВАК 10.02.01*

М. Л. Кусова
Екатеринбург, Россия

«УМНЫЙ — ДУРАК»: СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *Описываются средства репрезентации интеллектуальных свойств человека на лексико-фразеологическом уровне языка, выявляются значимые признаки умного и дурака, отраженные в семантике устойчивых выражений.*

Ключевые слова: *ментальное поле; сфера «Интеллект»; лексемы, обозначающие интеллектуальные свойства личности; фразеологизм; национальная специфика единиц «умный», «дурак».*

Сведения об авторе: *Кусова Маргарита Львовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания в начальных классах.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, 167. e-mail: ipipd@uspu.ru.*

M. L. Kusova
Ekaterinburg, Russia

SMART — FOOL: THE SPECIFICS OF THE REPRESENTATION OF INTELLIGENCE IN THE SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. *The article describes the means of representation of intellectual property rights on lexico- phraseological level of the language, and identifies significant signs of the smart and the fool, reflected in the semantics of stable expressions.*

Key words: *mental field; "Intellect", the tokens that represent the intellectual property of the personality; phraseologism; national specifics of the units of "clever", "fool".*

About the author: *Kusova Margarita Lvovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of its Teaching in Primary School.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Внимание человека к собственной познавательной деятельности находит отражение в лексических и фразеологических единицах, репрезентирующих данный процесс. По наблюдениям автора, даже в детской речи эти единицы появляются сравнительно рано. К трем годам ребенок обозначает интеллектуальные процессы, говоря: «Думаю» (ответ на взрослое «нельзя» ребенок формулирует следующим образом: «Думаю, можно»), «Понял» (ответ на запреты или рекомендации со стороны взрослого). В языковом сознании человека отражается процесс объективации деятельности самого сознания, мыслительных операций, имеющих в нем место. Поэтому исследование сферы «Интеллект» особенно значимо для определения связи когнитивных и речевых процессов, специфики представления человека как мыслящего существа в системе языка и в речевой деятельности.

Ранее, исследуя лексические и фразеологические единицы сферы «Интеллект» с семантическим компонентом «отрицание», мы установили, что для носителей русского языка значимо отсутствие знаний *(несведущий, неосведомленный, неведение, незнание),* наличие/отсутствие чего-либо в памяти *(неизгладимый, незабываемый, забытый),* невозможность понимания (*туман, таинственный, сверхъестественный),* неосознанность явлений, процессов *(сдуру, наобум, нечаянно).*

Значимость данного фрагмента действительности для носителя языка подтверждается и материалом «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» [Словарь-тезаурус синонимов 2007], в котором сфера «Интеллект» представлена значительным количеством групп с многочисленными синонимическими рядами, включающими большое количество единиц. В качестве иллюстрации наполненности синонимических рядов можно привести ряд с доминантой «понимать/понять» (группа «Процесс понимания»), который включает 27 лексем. Безусловно, данные единицы различаются по стилистической маркированности, эмоциональной окрашенности (разг.-сниж. *рюхать,* жарг. *догнать/догонять),* но количество лексем в ряду является убедительным аргументом в пользу значимости такого явления, как интеллект, в языковой картине мира. Человек в языке является субъектом познания, в языке находят отражение его собственные представления об интеллектуальной деятельности, поэтому лексика со значением «интеллект» привлекает внимание лингвистов. Ю. Н. Караулов писал: «Слово имеет невероятно сложное строение; оно … содержит начатки знаний и формирует образное понятие о мире» [Караулов 1987: 29].

В лингвистике традиция представления ментальности, ментального поля связана с работами В. Г. Гака [Гак 1993], И. М. Кобызевой [Кобозева 1993], С. Р. Омельченко [Омельченко 2006], Е. В. Падучевой [Падучева1993] и др. И. М. Кобызева описывает следующие категории ментальных имен: номинализация ментальных предикатов, содержаний ментальных состояний, результатов ментальных состояний и т. д. [Кобыщева 1993], Е. В. Падучева — аспектуальные свойства ментальных глаголов [Падучева 1993]. В. Г. Гак представляет ментальное поле, выделяя центр, единицы, связанные с номинацией человека и его интеллектуальных качеств, и ряд секторов, связанных с номинацией способности к мыслительной деятельности и уровня этой способности [Гак

© Кусова М. Л., 2012

1993]. С. Р. Омельченко описывает функционально-семантические свойства ментальных глаголов, употребляющихся в речи казаков Нижнего Поволжья, также выделяя ядерные, центральные и периферийные части в функционально-семантическом поле ментальной деятельности [Омельченко 2006]. Анализ результатов исследований вышеуказанных авторов и материалов «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» позволяет заключить, что лексические репрезентации сферы «Интеллект» в языковой картине мира организованы как полевая структура, ядро которой — человек, существо, обладающее интеллектом, центр — интеллектуальная деятельность человека, периферия — результаты этой деятельности.

Представление сферы «Интеллект» как полевой структуры наблюдается и в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи», что определяется связью поля и картины мира, отмеченной Ю. Н. Карауловым: «Структура идеографического словаря фактически представляет собой совокупность семантических полей языка, составляет, особенно в своей инвариантной части, один из компонентов „картины мира“, а именно — статический ее компонент… Основными компонентами, составляющими „языковую“ модель мира, являются семантические поля» [Караулов 1976: 259, 271]. Согласно данным «Словаря-тезауруса синонимов русской речи», сфера «Интеллект» в русском языке прежде всего представлена словами, обозначающими интеллектуальные свойства личности и интеллектуальную деятельность человека: процесс мышления, познания, понимания, определения, воображения, — а также ее результаты.

Остановимся на характеристике ядра данного поля, поскольку именно оно связано с человеком. Лексические единицы сферы «Интеллект», определяющие интеллектуальные свойства личности, характеризуют личность по наличию способности к интеллектуальной деятельности *(пытливый, любознательный, любопытный),* по уровню интеллектуальных способностей *(узколобый, слабоголовый, непонятливый, глупый, тупой; умный, прозорливый, проницательный, смышленый, толковый).* Определение интеллектуальных свойств личности связано с оценкой; единицы, называющие эти свойства, могут быть распределены по группам с использованием традиционной нормативной шкалы «хорошо — безразлично — плохо» и абсолютной оценки «хороший — плохой».

В рассматриваемой сфере есть единицы, соотнесенные с каждой позицией нормативной шкалы. Если продолжить описание указанной сферы в логике полевой структуры, то можно сказать, что ядро поля представлено тремя секторами в соответствии с нормативной шкалой: свойства умного человека; свойства глупого человека; человек, мыслительные способности которого связаны с нейтральной точкой отсчета на нормативной шкале (точка «безразлично») и не соотносятся с характеристикой «умный — дурак» (заметим, что такая организация ядра ментального поля нашла отражение в русских народных сказках). Точка отсчета, «безразлично», связана с ограниченным количеством единиц *(реалист, теоретик, эксперт),* которые в конкретной речевой ситуации часто соотносятся с абсолютной оценкой «хороший — плохой», но вне речевой ситуации не рассматриваются с точки зрения противопоставления умного и дурака. Например, в рамках определенного высказывания лексема «теоретик» может приобретать положительную коннотацию: «В истории он известен как замечательный зоолог, выдающийся теоретик биологии, создатель первой русской школы зоологов-эволюционистов» (Д. Гранин) — и отрицательную: «И что испытал в жизни этот книжный теоретик?» (А. Солженицын; приведенные здесь и далее иллюстрации заимствованы из Национального корпуса русского языка), — что усиливается сочетаемостью лексем.

Однако следует отметить, что абсолютная оценка в лексемах, обозначающих интеллектуальные свойства человека, проявляется более последовательно, что в семантике данных единиц присутствует положительная или отрицательная коннотация; ср.: *глупость, тупость, ограниченность, дурак — ум, разум, проницательность, умный.* Высокий уровень развития интеллектуальных способностей противопоставляется умственной ограниченности *(дар, гений, дарование, талант — дурак, глупец, даун, балбес, дебил* и т. д.), наличие у человека способности объективно оценивать окружающее — ее отсутствию *(прозорливость, проницательность, смышленость — тупость, тупоумие, скудоумие, дубинноголовость* и т. д.), обладание широким кругом сведений — умственной ограниченности *(знаток, ведун, зубр — недомыслие, недоумие, малоумие* и т. д.). Наличие абсолютной оценки в словах, обозначающих интеллектуальные свойства личности, обусловлено тем, что «оценочные значения всегда релятивизированы к нормам бытия и создают ценностную картину мира, всегда в чем-то специфическую для данного языкового коллектива» [Телия 1996: 109].

Интеллект — это ценность, наличие интеллекта оценивается позитивно, отсутствие — негативно. Таким образом, последовательная связь лексем, обозначающих интеллектуальные свойства личности, с абсолютной оценкой свидетельствует о значимости противопоставления в ядре описываемого поля. В сознании носителей русского языка интеллектуальные свойства личности отражены прежде всего в оппозиции «умный — дурак». И хотя лексемы, находящиеся в ядре данного поля, называют не человека, а его интеллектуальные свойства, базовой для ядра является оппозиция, связанная с называнием и человека, и его интеллек-

туальных свойств, что обусловлено категориальным значением входящих в нее единиц.

Положительная коннотация единиц «ум», «разум», обозначающих свойства умного человека, по наблюдениям Н. В. Патроевой, расширяется в художественной речи за счет генитивных метафор с лексемой «разум»: *лоза разума, крылья разума, солнце разума, свеча разума, луч разума,* хотя в метафорах разума иногда встречается и отрицательная коннотация: *зной разума* [Патроева 2008]. Абсолютная оценка «хорошо» по отношению к умному человеку поддерживается не только метафорами, но и идиомами. Благодаря идиомам расширяется набор аргументов в пользу такой оценки. Устойчивые выражения уточняют представления об умном человеке и дураке, акцентируя типичные свойства последних. Умный человек представлен в идиомах как человек, обладающий положительными качествами, у которого *голова (котелок) варит, голова светлая,* который *схватывает на ходу.* Он отличается прозорливостью, сообразительностью: его *на мякине не проведешь, на кривой не объедешь,* он *ловит (схватывает) на лету.* Заметим, что, по материалам словаря Р. И. Яранцева «Русская фразеология. Словарь-справочник» [Яранцев 1997], фразеологизмы, как и лексические единицы, в большинстве своем называют не человека с учетом его интеллектуальных способностей, а интеллектуальные свойства личности: *котелок варит, семи пядей во лбу, глуп как пробка;* у умного *светлая голова, здравый ум,* умный представляет собой *ходячую энциклопедию.*

Отрицательная коннотация единиц, связанных с лексемой «дурак» (глупость, тупость) расширяется благодаря устойчивым выражениям: *без ума голова котел; без ума голова — ногам пагуба; лишиться ума; потерять рассудок; как свинья в апельсинах; дуб дубом; пень пнем.* Дурак, в отличие от умного, обладает *дырявой, садовой головой,* у него *мозги набекрень* или он таковых вообще не имеет; у дурака *голова мякинная, пустая голова; мозг устроен особым образом: одна извилина в мозгу и та прямая.* Фразеологизмов, обозначающих дурака, гораздо больше, чем фразеологизмов, обозначающих умного человека. Следовательно, представление человека с учетом его интеллектуальных способностей на фразеологическом уровне языка зеркально отражает представление умного и дурака на лексическом уровне: дурак глупый, тупой, несообразительный, непонятливый, ограниченный; умный здравый, сообразительный, понятливый.

В проспекте словаря «Концептосфера русского языка…» [Концептосфера русского языка 2010] приведено 66 фразеологических единиц, обозначающих дурака, и 20 лексических единиц, обозначающих умного человека, что позволяет конкретизировать тезис Н. Д. Арутюновой о слабом выходе нормы в лексику [Арутюнова 1988]. Очевидно, «ненорма» более последовательно представлена и на фразеологическом уровне языка. Следует заметить, что в характеристике дурака отражаются явления современности или недавнего прошлого, в том числе связанные с определенным регионом: *дважды дятел Советского Союза; Маша с Уралмаша.* Состав фразеологизмов со значением «дурак» активно пополняется: *лохнесское чудовище; Джузеппе Даун; четыре валета, и все козырные; не голова, а дом терпимости,* — что трудно сказать о фразеологизмах со значением «умный человек». Безусловно, и в этой группе появляются новые единицы, в том числе обусловленные временем: *не голова — а дом Советов; масло в чайнике; есть копф на голове,* — но их значительно меньше.

Фразеологизмы могут указывать на причину появления дурака: *из-за угла мешком прибит, растерять разум; сойти с ума,* — а могут представлять данное качество как изначально присущее человеку: *по жизни дурак, олух царя небесного.* Определив особенности представления умного и дурака на уровне фразеологии, отметим еще одну интересную закономерность. Согласно нашим данным [Кусова 2007], среди фразеологизмов с семантическим компонентом «отрицание» доминируют фразеологизмы, обозначающие дурака и его интеллектуальные способности (в словаре В. Н. Яранцева содержится больше фразеологизмов, обозначающих умного человека — *с головой, видеть насквозь, ловить на лету* и т. д., — чем глупого). Устанавливая соотношение лексических и фразеологических номинаций умного и дурака, видим, что у фразеологизмов с позитивной оценкой («умный») вероятность наличия лексических синонимов ниже, чем у фразеологизмов с отрицательной оценкой («дурак»), что секторы ядра поля «умный — дурак» представлены соотносительным количеством единиц.

Представление умного и дурака в языковой картине мира дополняют пословицы и поговорки, а также различные выражения, приобретающие статус афоризмов: *Красота — до венца, ум — до конца; Пьяный проспится, дурак никогда; С умом больше сделаешь, чем одной силой.* В пословицах, поговорках, афоризмах отмечаются те же признаки, что и во фразеологических единицах, нередко видна параллель пословиц, поговорок и фразеологизмов: *Красен как майский день, а умом пень* (ср. *пень пнем); Вырос, как осина, а ума в пол-осмина* (ср. *дубина стоеросовая).*

Присутствие умного человека облегчает жизнь: *На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко, а быть рядом с дураком опасно; С кем поведешься — от того и наберешься* (ср. *С умным разговориться, что меду напиться); Бойся убогих людей!* Заметим, что в пословицах и поговорках, в которых фигурирует дурак, речь идет только о данном качестве; очевидно, никаких достижений у дурака быть не может, его способность к деятельности даже не

рассматривается. Умный человек упоминается в контексте созидания, значимых результатов: *Где не возьмет топор, там возьмет смекалка; Смекалка и воду останавливает; С умом больше сделаешь, чем одной силой.*

В пословицах, поговорках, афоризмах умный и дурак нередко противопоставляются. Противопоставление «умный — дурак» отражается в лексическом наполнении идиом, в их структуре, обычно представляющей антитезу: *Знайка дорожкой бежит, незнайка на печке лежит; Красота приглядится, а ум пригодится; По одежке встречают, по уму провожают.* В идиомах умный и дурак упоминаются одновременно с указанием на противоположные события, явления, определяемые этими интеллектуальными качествами: *Дуракам везет в сказках, умным — в жизни; Только дурак откажет, если умный просит; Умные чешут лоб, а дураки затылок; Свой дурак лучше, чем чужой да умный; Лучше с умным потерять, чем с дураком найти* [Зырянов 2007].

Обращение к пословицам, поговоркам и афоризмам, прежде всего к пословице «Дуракам везет в сказках, умным — в жизни» позволило установить тот факт, что данные единицы не поддерживают образ умного дурака, присутствующий в русских народных сказках. Напротив, пословицы, поговорки, афоризмы отмечают социальную опасность такого явления, как глупость, причем более последовательно опасность дурака отмечается сравнительно недавно появившимися афоризмами: *Благодаря телевидению дурак дурака видит издалека; Пустые кастрюли громче гремят; Дураки умного никогда не поймут; У мудрости есть границы, тупость же безгранична; Глупость часто рождает подлость* [Там же].

Следовательно, умный отличается высоким уровнем развития интеллектуальных способностей, дарованием, даром, обладает большим кругом сведений, действует с учетом обстоятельств, прежде чем принять решение, взвешивает все факторы, владеет большим количеством информации, что особенно значимо в современном обществе; он *сметливый, головастый, благоразумный.* Умный человек не только хорошо и быстро соображает, но и умеет высказать свои соображения: *остроумец, остроумник, остряк.* О дураке, согласно лексико-фразеологическим материалам, можно сказать: *несообразительный, безмозглый, безголовый.* Ограниченность дурака может быть обусловлена отсутствием природных задатков или отсутствием образования: *идиот, пустоголовый.* Дурак производит отталкивающее впечатление: *тупорылый, лопоухий,* — тогда как внешние признаки умного человека не номинируются.

Умный воспринимается как человек со *светлым умом,* а дурак — как *темный человек, непробиваемая стена, медный лоб,* хотя иногда отсутствие интеллектуальных способностей связано с болезнью и воспринимается как проявление Божьего промысла: *олух царя небесного, Богом убитый.*

Интеллектуальные свойства человека определяют характер интеллектуальных действий в деятельности, но однозначного соответствия между этими явлениями нет. Связь лексем со значением «интеллектуальная деятельность» с ядром ментального поля в большей мере опосредуется нормативной шкалой и абсолютной оценкой, чем связью интеллектуальных действий с параметрами «умный — дурак». Безусловно, одни процессы можно соотнести со свойством «умный»: *взвешивать, обдумывать, знать,* другие — со свойством «дурак»: разг. *сумасбродничать*, разг.-сниж. *лопухнуться,* — причем эти свойства воспринимаются не как постоянно присущие человеку, а как обнаруживающиеся при осуществлении определенного действия. Например: *А в нашем деле… не грех ошибиться великому политику* (В. Гроссман); *Но сомневался, так как ошибиться было бы глупо* (А. Грин); *Невозможно было ошибиться, работая по этой инструкции* (А. Солженицын). Приведенные примеры показывают, что связь интеллектуального свойства личности и интеллектуального действия задается контекстом, и в последнем примере действие «ошибиться» с интеллектуальным свойством личности не связано.

На периферии ментального поля находятся «результаты интеллектуальной деятельности», связь интеллектуальных свойств личности и результатов интеллектуальной деятельности практически не наблюдается.

Таким образом, обращение к фразеологизмам, пословицам, поговоркам, афоризмам, связанным с представлением «умного» и «дурака», к лексемам, называющим интеллектуальные действия и их результат, позволяет сделать вывод, что в представлении «умного» и «дурака» наблюдается определенная динамика, поэтому для современной языковой картины мира не актуален умный дурак, для языкового сознания не актуальна связь интеллектуальных свойств личности и интеллектуальных действий и их результата, поскольку дурак не рассматривается в контексте деятельности, абсолютная оценка значима для ядра данного поля, но не для центра и периферии. Очевидно, такова специфика языкового сознания носителя русского языка, который не всегда соотносит действия личности с ее свойствами. В связи с этим выводом можно привести суждения Т. А. ван Дейка о том, что семантика языковых единиц связана с культурой и социумом, она когнитивно изменчива и относительна.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. — М. : Наука, 1988.

Гак В. Г. Пространство мысли: опыт систематизации слов ментального поля // Логический анализ языка: ментальные действия. — М. : Наука, 1993. С. 22—29.

Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. — М. : Прогресс, 1989.

Зырянов Н. А. Живое и мудрое слово в речи моих современников. Не скучайте — прочитайте! — Шадринск : Изд-во ОГУП «Шадринский Дом печати», 2007.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М. : Наука, 1976.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. —М. : Наука, 1987.

Кобызева И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка: ментальные действия. — М. : Наука, 1993. С. 95—105.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и парамеологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2010.

Кусова М. Л. Репрезентация интеллекта в языковой картине мира // Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков : тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию Э.В.Кузнецовой,(8—9 нояб. 2007 г., Екатеринбург) / под ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 32—35.

Омельченко С. Р. Ментальные глаголы в речи казаков Нижнего Поволжья. — Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2006.

Падучева Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка: ментальные действия. — М. : Наука, 1993. С.111—120.

Патроева Н. В. Лексемы «рассудок» и «разум» в системе русского литературного языка // Междунар. конгр. по когнитивной лингвистике : сб. материалов / отв. ред Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 804—806.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

Яранцев Р. И. Русская фразеология : слов.-справочник : ок. 1500 фразеологизмов. — М. : Рус. яз., 1997.

Статью рекомендует к печати докт. филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко

УДК 811.161.1'27
ББК Ш141.2-7 *ГСНТИ 17.07.51; 16.21.27* *Код ВАК 10.01.01*

О. В. Ловцова
Екатеринбург, Россия

СОЦИОФРЕНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Е. КЛЮЕВА «АНДЕРМАНИР ШТУК»

Аннотация. *Рассматриваются речевые стратегии, представленные в романе Е. Клюева «Андерманир штук». Анализируются приемы словесного воздействия с целью захвата сознания человека, подчинения его воли. Речевому насилию противостоит «дискурс искусства», создающий зону интимного диалога близких людей вне тоталитарного общества.*

Ключевые слова: *дискурс; речевая агрессия; тоталитарное общество; раёк (присказка).*

Сведения об авторе: *Ловцова Ольга Валерьевна, студентка 3 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 279.*
e-mail: olyalovtsova@mail.ru.

O. V. Lovtsova
Ekaterinburg, Russia

SOCIOPHRENIC DISCOURSE IN THE NOVEL BY E. KLIUEV «ANDERMANIR SHTUK»

Abstract. *Speech strategies in the novel by E. Kliuev «Andermanir Shtuk» are discussed. Ways of verbal manipulation aimed at capturing the consciousness and bending it to will are analyzed. Verbal violence is opposed to «Discourse of Art» which creates the zone of intimate dialogue of dear people outside the totalitarian society.*

Key words: *discourse; speech aggression; totalitarian society; the gods (embellishment).*

About the author: *Lovtsova Olga Valerievna, 3d Year Student of the Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Евгений Васильевич Клюев — современный русский поэт, писатель, драматург, ученый-филолог, специализирующийся на лингвистической прагматике, которая рассматривает язык в коммуникативном аспекте, т. е. в связи с говорящим субъектом, адресатом, целями и условиями общения. Жанр своего романа «Андерманир штук» Е. Клюев определил как социофренический роман.

Социофрения, по терминологии А. Добровича, представляет собой психическое заболевание общества, вызванное «мифологизацией мышления» под влиянием тоталитарной власти и идеологических установок и проявляющееся в ряде специфических синдромов. Под социофренией понимается некое бредовое состояние общества, напоминающее шизофрению. Различие заболеваний видится в том, что шизофрения — совокупность синдромов, которые приводят к расстройству мышления и распаду сознания конкретной личности, а социофрения является массовым заболеванием [Добрович].

В романе Е. Клюева «Андерманир штук» представлено художественное осмысление последней фазы социофрении (деморализации советского общества, находящегося на пороге перестройки), репрезентирующейся в так называемом социофреническом дискурсе: *Такое было время. Со-ци-о-фре-ни-че-ско-е. Страна бредила наяву, страна спала с открытыми глазами* [Клюев 2010: 400] *Ох-хо, мы обманутое поколение… Нас вырастили в этой стране, вырастили под ее потребности, приспособив к жизни в ней, — и как раз тогда, когда мы стали взрослыми, с-о-в-е-р-ш-е-н-н-о-л-е-т-н-и-м-и, выяснилось: страны, для которой нас вырастили и приспособили, больше нет. Что теперь будет с нами?* [Там же: 461].

Смысл романа объемен, но особо пристальное внимание внимание автор, будучи лингвистом, уделяет речевой организации произведения. В речи героев реализуются различные типы дискурса: так, речевую деятельность фокусника Антонио Феери можно определить словосочетанием «сакральное слово», речь Льва несет в себе черты шизофренического дискурса, а тип языкового мышления шарлатана Бориса Ратнера можно охарактеризовать как «пустой» дискурс. Механизм «речевого зомбирования» (идеологического гипноза) автор показывает на примере образа Ратнера, возможным прототипом которого явился А. Кашпировский, отечественный психотерапевт, проводивший лечебные сеансы по телевидению в начале 90-х гг. Вся страна (по крайней мере, ее женская часть) с волнением усаживалась перед голубыми экранами, надеясь на исчезновение шрамов и рубцов, оптимизацию давления и сердечной деятельности.

Борис Ратнер представлен в романе как предприимчивый человек, вовсе не экстрасенс, но блестяще владеющий одной из речевых стратегий — стратегией «забалтывания» (пустословия). Это тип советского омассовленного человека, больного социофренией. Результатом последней стадии болезни является создание разнообразных религиозных и эзотерических учений, философских течений и школ.

С раннего детства Борис Ратнер демонстрировал ораторский талант, причем из своего дара он всегда извлекал выгоду: за обедом ребенок мог заговорить мать настолько, что та не успевала уследить, все съедает сын или только лакомство, в школе на уроке Ратнер мог ответить отлично, не владея учебным материалом, вернувшись домой позже, чем было наказано,

© Ловцова О. В., 2012

разражался монологом перед родителями, и они забывали его ругать, в институте юноша забалтывал преподавателей на экзамене, чтобы получить хорошую отметку, не прилагая усилий.

Постоянное использование слова в утилитарных, корыстных целях привело к тому, что Борис вырос совершенно неподготовленным к взрослой жизни человеком, где необходимо действовать, а не болтать. Но Ратнер, как говорится в романе, сумел поймать «счастливую волну», когда интеллект общества уже был разобщен. Под руководством экс-филолога Коли Петрова Ратнер решается проводить психологические сеансы, на которых намерен демонстрировать свои экстрасенсорные способности (чтение мыслей собеседника), которыми не обладает в действительности.

Коля Петров внушает Борису, что талант в этом деле не нужен вовсе: *Сила всякого „демонстратнера“, объяснил Коля Петров, не в тех альтернативных способностях, которыми „демонстратнер“ располагает, а в отточенности его коммуникативных стратегий* [Там же: 93]. Успех сеансов Ратнера зависит от его умения общаться с публикой. Ратнер разрабатывает несколько техник ведения беседы, применение той или иной схемы разговора зависит от того, кого именно приходиться Ратнеру «дурачить». Это не составляет труда, поскольку у «массового» человека мысли предсказуемы, стереотипны, примитивны. Прекрасно понимая это, Коля даже намечает Ратнеру темы для бесед: *…продуктивная тема с женой… <...> с женой, которая все испортила, жены всегда все портят, отсюда я бы шагал в семейную жизнь, которая не удалась, в конфликт с детьми…* [Там же: 96].

Методика «разговаривания» Ратнера с информантом сводится к тому, что человека нужно заболтать настолько, чтобы у него не было возможности управлять собственными мыслями, так как во время беседы мысль человека есть результат влияния слов собеседника: *Вот скажи мне честно, ты сейчас о чем думаешь? — Я думаю о том… Я ни о чем не думаю, я за твоими словами слежу* [Там же: 94]. Другими словами, говорящий провоцирует слушающего на определенную мысль, поэтому достаточно легко предположить, что думает собеседник в данный момент. Ратнер усваивает эту стратегию и оттачивает свое мастерство в репетиционных разговорах с Колей, который подмечает, что Ратнер в момент овладения сознанием «жертвы» поразительно похож на дьявола: *Прямо демон, а не Демонстратнер. Даже внешне меняешься… действительно демонические какие-то черты появляются* [Там же: 97].

Первые опыты «прочтения» (фактически — внушения) мыслей протекали в русле диаволического дискурса [Ханзен-Лёве: 165], который отрицает возможность коммуникации в принципе. Беседа имеет одну лишь функцию: разобщение мыслей, сознания собеседника, разрушение коммуникативной функции диалога. Смысл многословного разговора (речевой экспансии) становится труднопонимаемым, но в этой недоступности смысла и кроется гипнотическая сила. Ратнер становится привлекательным для всех: *Его редкостная манера никогда не затягивать жертву на собственную территорию, но убивать ее только и исключительно на территории, принадлежащей ей самой, была настолько подкупающей, что устоять против этой манеры не было ну просто никакой возможности* [Клюев 2010: 295].

Динамика «пустого» дискурса Ратнера характеризуется трансформацией техники «забалтывания» в более изощренную стратегию, которую Борис Ратнер называл «охотой», т. е. от подобия коммуникации Ратнер переходит к откровенной речевой агрессии. В этом случае успех псевдодиалога достигается не многословием речи, а качеством и смыслом произнесенного слова или заданного вопроса: *...иногда оказывалось довольно и немногих, но эффективных слов* [Там же: 295] Так, у Ратнера получается вовлечь в беседу Льва, который не был настроен на диалог с ним, одним лишь заданным как бы невзначай провокационным вопросом: *Я Вас чем-то не устраиваю?* [Там же: 549].

Совершенствуя свой опыт, Демонстратнер приходит к следующему выводу: *...главный закон межличностной коммуникации: собеседник считает разговор интересным, <…> если это разговор о нем самом* [Там же: 296]. Так Ратнер в своей дискурсивной практике реализует тактику «молчания» и «онемения», которая является одной из ключевых в «пустом» дискурсе [Добрович: 166]. Отныне Ратнер предоставляет собеседнику все речевое пространство целиком, давая о себе знать лишь тогда, когда монолог «жертвы» заходит в тупик. Тенденция к умолчанию намечена косвенно в самом начале карьеры Ратнера-экстрасенса: на афише, зазывавшей на его сеанс, перечень талантов венчался многоточием, которое «приоткрывало перспективу якобы безграничных возможностей Бориса Ратнера».

Бесовская природа персонажа романа заключается в том, что, обладая техникой «пустого» дискурса, он практически без усилий может получить любую информацию о собеседнике и подчинить его волю себе.

Апофеозом деятельности Ратнера становится открытие Академии тонких энергий, которую иначе называл Ратнер «Школа Бориса Ратнера». В этом псевдонаучном и псевдоучебном заведении Борис Никодимович преподает дисциплину, которую студенты называют сокращенно «НЛП». Если в начале своей карьеры Ратнер пытался влиять на психику людей тайно, не раскрывая информанту сути механизма зомбирования, выдавая отточенные приемы общения за экстрасенсорный дар, то открыв свою школу, Ратнер с удовольствием и

гордостью расшифровывает аббревиатуру «НЛП»: с интонацией мэтра Борис поясняет, что он преподает курс нейролингвистического программирования, уже не скрывая того, что программирование — это стратегия подавления личности путем речевого насилия.

Можно проследить, как эволюционирует образ Бориса Ратнера в романе «Андерманир штук»: он постепенно превращается из пустослова и болтуна в опасного человека, осознающего свое величие, способного не только получать нужную информацию, но и уничтожать своих собеседников — слово Ратнер использует уже не в качестве средства получения какого-либо блага, а как оружие.

Художественный мир романа «Андерманир штук» устроен таким образом, что провокативному и деструктивному дискурсу Бориса Ратнера противопоставлен дискурс Льва Орлова и Антонио Феери. В образах Льва и деда Антонио аккумулируются светлые стороны мира, изувеченного социофренией. На фоне отношений Льва и деда, выстроенных на любви, взаимопонимании, жалости и чуткости, фигура Бориса Ратнера выглядит лишь химерой, порождением фантазии Коли Петрова.

Принципиальное отличие дискурсивных практик Льва и Антонио Феери от речевой стратегии Ратнера заключается в том, что их языковое мышление не заражено социофренией. Сознание Бориса Ратнера полностью идеологизировано, но рассудок у Льва и деда Антонио свободен от различного рода политических установок. Если основная функция пустого дискурса Ратнера — это насилие, то для Льва и Антонио Феери слово обладает чудесной силой. В речевом взаимодействии деда и внука особую функцию выполняет раёк «Адерманир штук»: *Стишок не стишок, прибаутка не прибаутка — не поймешь что, одним словом* [Клюев 2010: 41]. Еще в своем детстве услышал эту присказку дед Антонио и запомнил. А с появлением на свет Льва «Андерманир штук» превратился в подобие колыбельной, не услышав которой, львенок, как ласково его называл дед, не мог уснуть: *Лев засыпать никак не хотел — и что вы думаете, заснул как миленький! А на следующую ночь и сам уже попросил андерманир штук — да ради Бога* [Там же: 42]. Повзрослев, Лев уже сам читает «Андерманир штук» деду: *С дедом Антонио ничего не случится, пока Лев лечит его этим лекарством — андерманир штук* [Там же: 274].

Так чтение райка «Андерманир штук» превращается в ежедневный, необходимый для поддержания жизни ритуал. «Андерманир штук» выполняет функцию успокоения внука перед сном, а потом и умиротворения заболевшего деда. Также произнесением присказки сопровождается переход Льва из мира живых в мир мертвых. Таким образом, раёк несет в себе черты заклинания. На это указывает и нежелание деда Антонио говорить со Львом о происхождении «Андерманир штук»: *Только, Лев, не спрашивай меня, откуда этот андерманир штук* [Там же: 41]. Момент чудесного, таинственного сопровождает не только чтение данного текста, но и сам факт знания этих слов, обладания чудесной формулой. Когда дед делится с внуком стишком, Лев начинает ощущать свою избранность, для него становится важным, чтобы больше никто не знал про «андерманир штук».

Кроме того, черты заклинания проявляются в присказке про «андерманир штук» в особой организации текста. Текст выглядит странным и недоступным для понимания. Уже в первых словах райка ощущается эта загадочность. Существует несколько точек зрения на происхождение словосочетания «андерманир штук»: этими словами балаганщики приглашали горожан на праздничные зрелища; в переводе с немецкого языка выражение «anderer manier stück» имеет значение «другого рода вещи». Всё это указывает на внерассудочность данной словесной формулы.

Присказка «андерманир штук» сочетает в себе сказочную и парадоксально-игровую традиции. Весь текст состоит из 7 куплетов, написанных с явной установкой на устное произнесение, так как в лексическом плане преобладают разговорные, просторечные слова. Каждый куплет начинается со слов «А вот андерманир штук» и имеет особый ритм, парную рифму. Содержание текста балансирует на грани реальности и шутки, игры: *А вот, друзья, андерманир штук — город Вена, где живет прекрасная Елена, мастерица французские хлебы печь. Затопила она печь, посадила хлебов пять, а вынула тридцать пять. Все хлебы хорошие, поджарые, сверху пригорели, снизу подопрели, по краям тесто, а в середине пресно* [Там же: 617].

Если в классической заклинательной формуле весь интерес сосредоточен на выражении желания, то в «Андерманир штук» отсутствует утилитарная подоплека. Смысл чтения этого текста заключается не в получении какого-либо блага, а в осуществлении акта коммуникации, проявлении бережного и доброго отношения друг к другу.

Присказку «андерманир штук» можно рассматривать как метафору искусства, которое облагораживающее действует на сознание и душу человека. Раёк «Андерманир штук» успокаивает Льва, дает утешение и опору состарившемуся и ослабевшему Антонио Феери, роднит души внука и деда, обеспечивает их тесную связь даже после смерти последнего, но совершенно очевидно, что гармонию в отношениях этих людей поддерживает не столько сам текст присказки и осуществляемый ритуал ее чтения, сколько абсолютная, искренняя и непреложная вера в чудодейственную силу слова.

Таким образом, в романе «Андерманир штук» Е. Клюев продемонстрировал две страте-

гии обращения человека со словом: речь Бориса Ратнера, апеллирующего к стереотипам обыденного сознания, по своей природе деструктивна, шарлатан эксплуатирует язык в корыстных целях, тогда как в дискурсивной практике Льва и Антонио Феери, для которых ориентирами в жизни являются истинные ценности (преемственность поколений, доверие, любовь и забота по отношению к близкому человеку), а не идеологические установки, репрезентируется чудо общения и взаимопонимания людей.

ЛИТЕРАТУРА

Добрович А. Социофрения. URL: http://www.elektron2000.com/dobrovich_0153.html.

Клюев Е. В. Андерманир штук : социофренический роман. — М. : Время, 2010.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха. — СПб. : Академический проект, 1999. (Сер. «Современная западная русистика». Т. 20).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

УДК 811.161.1'25-115
ББК Ш141.2-02 *ГСНТИ 16.31.41* *Код ВАК 10.01.03*

Н. В. Пестова
Екатеринбург, Россия

СПЕЦИФИКАЦИЯ КОНЦЕПТА «BLAU» В РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Аннотация. *Перевод на русский язык немецкоязычного прилагательного «blau» в поэтическом тексте требует от переводчика учитывать широкий культурный и эстетический контекст, традиции литературного направления, а также особенности идиостиля поэта.*

Ключевые слова: *экспрессионизм; импрессионизм; символизм; романтизм; цветовой концепт; цветовая символика; абсолютная метафора; переводческие стратегии; переводческие трансформации; поэтический перевод.*

Сведения об авторе: *Пестова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии, директор Института иностранных языков.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: *620017, Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26, к. 464.*
e-mail: pestova@uspu.ru.

N. V. Pestova
Ekaterinburg, Russia

SPECIFICATION OF THE CONCEPT «BLUE» IN RUSSIAN POETRY TRANSLATIONS

Abstract. *Russian translations of German adjective «blau» in poetry require translator's taking into consideration broad cultural and aesthetic contexts, traditions of literary school as well as peculiarities of poet's idiostyle.*

Key words: *expressionism; impressionism; symbolism; romanticism; color concept; color symbolism; «absolute metaphor»; translator's strategies; translator's transformations; poetry translation.*

About the author: *Pestova Natalia Vasilievna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of German Philology, Director of the Institute of Foreign Languages.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Цвет «blau» 'синий/голубой' занимал особое место в цветовой символике литературы и живописи различных эпох и художественных направлений немецкоязычного региона. Искусствоведы уделили ему достаточное внимание, обнаружив его трансцендентные характеристики еще в изобразительном искусстве поздней античности. Его путь и значимость были отслежены на протяжении веков в религиозной живописи, где *blau* корреспондировал с *золотым* или даже замещал его. Германистика вскрывала законы «поэтики цвета» *blau* в немецкоязычной литературе классиков, в романтизме, символизме, и особенно в импрессионизме и экспрессионизме. Так как *blau* означает и 'синий', и 'голубой', его спецификация в переводе всегда оказывается субъективной. Именно с этим цветом связана одна из многочисленных трудностей адекватного перевода цветовых концептов в поэзии крупнейших представителей немецкоязычного экспрессионизма — Г. Тракля, Г. Бенна, Э. Ласкер-Шюлер и др.

Поэтический немецкоязычный текст разных литературных направлений часто не специфицирует многочисленные оттенки *blau* (himmelblau 'небесно-голубой', lazurblau 'лазурно-голубой', dunkelblau 'темно-голубой', hellblau 'светло-голубой', milchig-blau 'молочно-голубой', luftblau 'воздушно-голубой', bläulich 'голубоватый'), что открывает широкий семантический и эстетический простор для интерпретаций. Проблема адекватного перевода связана еще с тем, что в немецкой культурной традиции отмечается закрепленность *blau* как за религиозной, возвышенной, духовной сферами, так и за сферой народных поверий, в которых в этот цвет были окрашены и чума, и смерть, и дурной глаз. Таким образом, *blau* изначально обживал и «верхний мир», и «нижний». В современной немецкой языковой картине мира концепт *blau* также вмещает в себя черты мира возвышенного, божественного и мира бытийного, сниженного. Цветовая метафора *blau* входит в состав многих устойчивых словосочетаний, разговорных выражений, жаргонизмов. С одной стороны, в них просматривается связь с традициями духовности, например: *auf* ***blauen*** *Dunst hin* 'в погоне за иллюзией', *geht ins* ***Blaue*** 'прыжок в неизвестность', ***blaues*** *Blut* 'голубая кровь, дворянское происхождение', ***blaue*** *Blume* 'недостижимый идеал', с другой — метафора *blau* служит сигналом шутливости, ироничности, входит в состав табу и эвфемизмов: ***blaue*** *Bohnen* 'пули, свинцовый горох', ***blaue*** *Jungen* 'матросы', ***blauer*** *Montag* 'прогул в понедельник', ***blauer*** *Brief* 'письмо об увольнении', ***blau*** *sein wie ein Veilchen* 'пьяный в стельку' (букв. 'голубой/синий, как фиалка'), *ins* ***Blaue*** *hinein* 'наобум, на авось', *das* ***Blaue*** *vom Himmel herunter lügen* 'врать с три короба', ***blau*** *und* ***grün*** *schlagen* 'отдубасить, накостылять'.

Спецификация цвета *blau,* особенно в немецкоязычной поэзии XX в., предоставляла поэту поле для языкового эксперимента, окказионального словообразования и служила сигналом личного поэтического кода: *immerblau* (составное из *immer* 'всегда' и *blau*) для Э. Ласкер-Шюлер — это цвет избавления и вечности [Muschg 1961: 143], он служит поэтессе для выражения пространственно-временного синкретизма [Пестова 1999]. Прилагательное/наречие *königsblau* (составное из *König* 'король' и *blau*) в

© Пестова Н. В., 2012

одном из известнейших стихотворений П. Целана «Mandorla» [Celan 1996: 148] не раз оказывалось в центре внимания исследователей его творчества.

Для русского реципиента *синий* и *голубой* существенно разнятся, каждая лексема нередко влечет за собой непересекающиеся ряды ассоциаций, оба цветообозначения закреплены в русском языковом сознании за конкретными ментальными сферами или объектами/явлениями действительности, бытуют в прецедентных феноменах и метафорических моделях, например: *синее море, синий-синий иней, Синяя борода, синий чулок, голубой вагон, голубая мечта, голубая кровь, голубой экран, голубой лед, мундиры голубые, Голубая роза* и т. д. Русская поэзия также демонстрирует четкую закрепленность *синего* и *голубого* за определенными поэтическими сферами: *И небо яркими звездами / Горит в* ***сияньи голубом*** (С. Надсон); *Над долиной мглистой в* ***выси синей*** */ Чистый-чистый серебристый иней… /* ***Синева ночная****, там, над нами, /* ***Синева ночная*** *давит снами!* (А. Белый); *Смотрю на волны; их неверных линий / Не угадав, смущен их вечной сменой… / Приходят волны к нам из* ***дали синей****, / Взлетают в брызгах, умирают пеной; Хорошо одному у окна! /* ***Небо*** *кажется вновь* ***голубым*** (В. Брюсов); *Рощи холмов, багрецом испещренные, /* ***Синие****, хмурые* ***горы*** *в дали…; Из тесных окон светит* ***вечер синий****: / Се Красота из* ***синего эфира****; Во мгле* ***голубых отдалений****, / По мхам малахитным узоры* (Вяч. Иванов); *Я наконец так сладко знаю, / Что ты — лишь* ***синяя звезда****; Пролетела стрела /* ***Голубого Эрота*** (Н. Гумилев); ***Синей бессонницы*** *спустили чтоб обвалы / Глаза подмытые тоской* (Б. Земенков); ***Синеокою*** *цыганкой будь* (М. Цветаева).

Очевидно, что наибольшую трудность для переводчика представляет такая поэтическая информации, которая реализуется средствами, специфическими для каждого языка и неповторимыми в других языках. Чтобы дать читателю представление о том, как создается семантика оригинала, переводчик вынужден *имитировать* — порой на совершенно другом материале — те индивидуальные приемы и коды, которые сообщают оригиналу его неповторимый облик.

Спор между *синим* и *голубым* в переводе *blau* на русский язык имеет давние традиции. Культ *blau* легко выдает свое романтическое происхождение. Германистика установила, что традиция использования *blau* в литературе Нового времени (Literatur der Moderne) поразительным образом связана с Новалисом [Overath 1987: 6]. Начиная с введенного им в романном фрагменте «Генрих фон Офтердинген» («Heinrich von Ofterdingen», 1799—1802) одного из важнейших романтических символов — «голубого цветка» («die blaue Blume»), *blau* в немецкоязычной поэзии всегда был эстетически нагруженным и глубоко символичным цветом. *Голубой цветок,* в полном согласии с романтическими представлениями, и по сей день означает для немца несбыточную мечту, неосуществимый идеал. *Голубое* стало знаком скрытого духовного мира, загадочно ускользающего от романтического странника, который отправляется на его поиски в мир грез и любви и обретает в поэзии. Но *blau* как интенсивно *синий,* яркий и насыщенный цвет также характерен для немецкого искусства: он господствовал в первые десятилетия XX в. на живописных полотнах В. Кандинского, Ф. Марка, А. Явленского, Г. Мюнтер, М. Веревкиной, Э. Л. Кирхнера, М. Пехштейна, Э. Хеккеля, К. Шмидта-Ротлуфа и других художников-экспрессионистов. Одно из ведущих художественных объединений немецкого экспрессионизма называлось «Der blaue Reiter». Российские исследователи экспрессионизма указывали на искус связать это название с манифестом немецкого романтизма и перевести как «Голубой всадник», однако история создания объединения указывала на вариант *синий*, поэтому название группы традиционно переводится как «Синий всадник» [Пышновская 1996: 113]. В. Кандинский, теоретик и один из организаторов «Синего всадника», в работе «О духовном в искусстве» посвятил несколько страниц истолкованию цвета: два полюса, небесный и земной, образуют для него *синий* и *желтый*, а идеально уравновешенная смесь двух «диаметрально противоположных цветов» рождает *зеленый,* который характеризует пассивность [Kandinsky 1986: 344—348]. Пожалуй, самая известная, но, к сожалению, потерянная или уничтоженная в Берлине в 1945 г. картина второго организатора «Синего всадника», художника Ф. Марка, называлась «Башня синих лошадей» («Der Turm der blauen Pferde», 1913). *Синее* и *желтое* — два его главных цвета, при этом «*синее* — мужское начало, терпкое и духовное, *желтое* — женское — мягкое и радостное, *красное* — цвет материи, брутальный и тяжелый, это цвет, оспариваемый *синим* и *желтым* и побеждаемый ими» [Partsch 1993: 42—43]. Большая поклонница и ценительница таланта Ф. Марка, поэтесса Э. Ласкер-Шюлер также выстраивала свои незабываемые образы на основе *голубого/синего* цвета. Концептообразующая функция *blau* отчетливо проступает в ее творчестве, завершившемся публикацией в эмиграции поэтического сборника «Голубой рояль» («Das blaue Klavier», 1943). *Blau* — любимый цвет *ее Бога* и цвет ее «песнопения, раздающегося с небесной крыши» (*Gott hör... In deiner* ***blauen*** *Lieblingsfarbe / Sang ich das Lied von deines Himmels Dach* [Lasker-Schüler 1990: 321]).

В творчестве одного из наиболее значительных поэтов экспрессионизма Г. Бенна метафору *blau*, *das Blau* ‘голубой’/‘голубизна’/‘голубое’ также можно отнести к «семантическим доминантам» картины мира поэта [ср.: Рылов

2003: 140] и концептообразующим цветовым метафорам. Критически относясь к засилью цвета, ставшему в поэзии, по мнению поэта, «пустым клише», Г. Бенн делал исключение только для цветообозначения *blau,* называя его «совершенно южным словом» («das Südwort schlechthin»). Бенновское *голубое/синее* как чистое переживание, как вечное и прекрасное слово в стихотворении абсолютизируется, обретает символические функции и «становится игрой на грани исчезновения всякого значения, на пути обращения Сущего в Ничто» [Hillebrand 1996: 665]. Такова «абсолютная метафора» *blaue Stunde* в его одноименном стихотворении («Blaue Stunde», 1950) [Benn 1996: 368] — продукт «акта диктаторской фантазии» поэта [Friedrich 1968: 81], таинственное имя некой «чувственной ирреальности» [Там же: 80], про которую «никто не знает, была ли она на самом деле». Е. Соколова переводит *blau* в названии стихотворения как «*Синий* час», а троекратное *dunkelblau* в ткани стихотворения как *темно-синий* и *синева*: *Ich trete in die* ***dunkelblaue*** *Stunde — Вступаю* ***в темно-синий*** *час…* [Бенн 2002: 333]; *Du bist so weich, du gibst von etwas Kunde / von einem Glück aus Sinken und Gefahr / in einer* ***blauen***, ***dunkelblauen*** *Stunde / und wenn sie ging, weiß keiner, ob sie war. — Ты так нежна, но речь ведешь о счастье, / о счастье страха, гибели и тьмы, / сокрытых в* ***синем***, ***темно-синем*** *часе, / который снова не заметим мы*; *die Kette schließt, man schweigt in diesen Wänden / und dort die Weite, hoch und* ***dunkelblau****. — замкнулась цепь, здесь вотчина молчанья, / а где-то — воля, высь и* ***синева****.*

В этом в целом одном из самых удачных и точных переводов стихотворений Г. Бенна спорной может быть признана только передача *blau* и *dunkelblau* словами *синий* и *темно-синий*. *Blaue Stunde* в заголовке и *dunkelblau* в завершении стихотворения переведены аналогично как *синий* и *синева*, в чем видится не только некоторая переводческая непоследовательность, но и «разгерметизация» поэтического мира автора. Очевидно, что спецификация *blau* в переводе каждого поэта определяется целым комплексом средств его неповторимой поэтической системы. У Г. Бенна это еще и *благозвучие*. С заменой *голубого* на *синее* исчезает божественная эвфония и эвритмия бенновского стиха, в котором разные аллитерационные и ассонансные линии усиливаются лексикой со звуковыми сочетаниями *ле-ло-ла-лу-ли* (blau, Blut, Blühte, Licht, lösen, losgelöst и др.) и порождают новые ассоциативные связи. С точки зрения эвфонии нежная сонорность делает прилагательное *голубой* значительно ближе к *blau*, чем слово *синий*.

Доминирование акустической стороны и ее семантическая значимость в стихотворениях Г. Бенна не может быть проигнорирована в поэтическом переводе. Так, на соположении и сходстве *Blut — Blüte* (‘кровь’ — ‘цветок, соцветие’) выстроено одно из самых загадочных, эротично-чувственных и благозвучных стихотворений Г. Бенна, «Подземка» («Die Untergrundband») [Benn 1996: 7] — один из шедевров любовной лирики экспрессионизма, в переводах которого приходится прибегать к различным способам акустической имитации. Эвфонический слой этого стихотворения, координация звуков выполняют архитектоническую функцию и «ведут» цепь ассоциаций. Лирический потенциал этого поэтического единства заключен в каком-то собственном языке, на котором говорят абстрактные вещи. Первую звуковую волну задает слово *Blütenfrühe*. Все стихотворение пронизывают слова на *ü* и *u*: *Geblühe, Blüten, kühl, Hüften, Glück, Gerüste von Blütenkolben, frühe, Frühling Blut, blutlos.* К этой непрерывной *ü*-линии присоединяется *ö*-линия, которая исходит из *Götter-Zwielicht*, соединяет *strömen, gelöst, löste, losgelöst* и достигает кульминации, освобождения в слове *erlösend,* служащем исходом из этой чувственной сети, спасением. *Видимость сходства* («Красивее всего лжет видимость сходства», — сказал почитаемый и Бенном, и Траклем Ф. Ницше [Ницше 1991: 193—194]) в цепочке *gelöst — löste — losgelöst — erlösend* создает ощущение раскинутой сети, плена чувственности, из которых невозможно выпутаться. Эстетическая и семантическая значимость эвфонии этого стихотворения сводит попытки его перевода к нулю при всей несложности его денотативного состава и «понятности» каждой метафоры в отдельности. Его изумительная вокальная и сонорная акустика, ритм и метр напоминают шум волны в размере гекзаметра: те же *ле-ло-ла-лу-ли-ля*, наплыв и откат. По нашему мнению, и стихотворение «Blaue Stunde» сделано по тому же эвфоническому принципу, через призму которого слово *синий,* в отличие от лексемы *голубой,* видится менее удачным эквивалентом, разрушающим адекватную субъективную картину видения поэта, в которой акустический образ соперничает со зрительным и смысловым. Мы, разумеется, учитываем, что предпочтение *синего голубому* во многом обусловлено метроритмическими характеристиками оригинала и перевода: односложное *blau* с дифтонгом *au* в конечной позиции с точки зрения русского слога и слогоделения видится из-за наличия двух гласных в вершине слога двусложным, как и русское прилагательное *синий*, тогда как русское трехсложное *голубой* чаще всего не вписывается в оригинальную метроритмическую схему, которой должен придерживаться опытный переводчик. Очевидно, однако, что спецификация *blau* в переводе каждого поэта уникальна и может быть установлена только в системе всех поэтических средств.

Перевод цветовых концептов австрийского поэта Г. Тракля в этом отношении — настоящее творческое испытание и интеллектуальный вызов для любого переводчика. Г. Тракль активно

использует в цветовых метафорах как слово *blau* ‘синий/голубой’ (оно в его поэтическом наследии употребляется 143 раза), так и *blaülich* ‘голубоватый’. Установлено, что концепт *blau* у поэта является поливалентным, активным, связанным с духовным, святым, усмиренной болью, неопределенностью, загадочностью, подсознательным, уединенностью, оставленностью, странствующей душой, сумерками и вечером как сменой или превращением [Мальцева, Пестова 2003; Пестова, Мальцева 2004]. Траклевская *синева* в большей степени отражает дыхание божественного, неторопливость размышлений, вечер и ночь, молчание и тени умерших. Цветовая сфера *blau* как *синее* у Г. Тракля зарезервирована для области духовного, святого, бесконечного, трансцендентного, это цвет тайны и вечности, цвет души, покинувшей тело. Переводчики, проникшие в тайны его цветовой символики и последовательно придерживающиеся выявленных закономерностей, как правило, тщательно выдерживают индивидуальную цветовую шкалу поэта, памятуя о том, что это в большей степени «Stimmungssymbolik» («символика настроения»), чем «Farbsymbolik» («символика цвета») [Schneider 1961: 130]. Так, *blau* в последнем из четырех четверостиший стихотворения Г. Тракля «Судный день» («Gericht») [Trakl 2000: 432] переведено лучшими из современных переводчиков поэта А. Прокопьевым и В. Летучим следующим образом:

Oder an hölzerner Stiege lehnt
Wieder der Fremden weißer Schatten. —
Armer Sünder ins ***Blaue*** versehnt
Ließ seine Fäulnis Lilien und Ratten
[Trakl, 2000: 432].

Белая тень. Прислонившись к стене,
Странник глядит на чужое жилище:
Бедный страдалец в ***синем огне,***
Лилий и крыс неизменная пища
(А. Прокопьев) [Георг Тракль 1994: 60].

Или:

Белая тень пришельца, и он
возводит глаза от порога к высям. —
И грешник уже ***синевой*** причащён
и лилиям прах оставляет и крысам
(В. Летучий) [Георг Тракль 2000: 106].

Перевод всего цветового концепта осложнен окказиональным словосочетанием *ins Blau versehnt* с цветовой метафорой *das Blau*. В этом авторском словосочетании второе причастие *versehnt* от окказионального, но созданного по продуктивной словообразовательной модели глагола *versehnen* (видимо, от *sehnen — sich sehnen* ‘тосковать, стремиться, жаждать’), которому многозначный префикс «ver-» вместе с грамматической семантикой перфективности сообщает и семантику целенаправленного (вниз, внутрь) действия, и семантику результативности, конечности, тотальной исчерпанности, и семантику ошибочности, отсутствия результата, и еще целый ряд смыслов, оказывается «практически непереводимым», т. е. его адекватный перевод требует применения специальных переводческих стратегий.

Переводчики, многие годы тщательно изучавшие поэтическую систему Г. Тракля, избрали в данном поэтическом контексте эквивалентный вариант *синий/синева,* соответствующий общим траклевским закономерностям наполнения этого цветового концепта. Такой вариант перевода *blau* в четвертой строфе продиктован развитием темы *blau* в стихе из второй строфы стихотворения: *Tote Geburt; auf grünem Grund* / ***Blauer Blume*** *Geheimnis und Stille*. Следуя единой логике «символики настроения», В. Летучий переводит этот стих так: *Мертвенье рожденного; однако земля бережет / тайну* ***синих цветов*** *и безмолвье* [Георг Тракль, 2000: 105]. А. Прокопьев обращает ***Blaue Blume*** в «синие астры»: *Мертворожденность: земля зелена, /* ***Синие астры*** *молчат, как могила* [Георг Тракль 1994: 60]. Таким образом, «синий огонь» и «синева», в которую «погрузился» («versehnt») «бедный грешник» в четвертой строфе, должны быть сопряжены с *Blaue Blume* второго четверостишия. Правомерен ли перевод *Blaue Blume* (при этом значимым нам представляется и единственное число существительного) как «синие цветы», а тем более «синие астры»? На наш взгляд — не вполне. Метафора *blau* является в данном контексте скорее прецедентным феноменом, чем традиционным элементом концепта *blau* в поэтике Г. Тракля. Обратимся к третьему переводу, выполненному О. Бараш. В ее версии траклевская *синева* ‘das Blaue’ в словосочетании *ins Blaue versehnt* представлена ***голубым*** *мороком:*

Бледные тени пришельцев гурьбой
Снова толпятся на ветхих ступенях.
Грешник, вчарован в ***морок голубой,***
Крысам и лилиям дарует тленье
(О. Бараш) [Trakl 2000: 433].

Как и все другие стихотворения автора, оно так же трудно поддается интерпретации вне общего, самого широкого контекста: Г. Тракля не случайно называют поэтом «единого стихотворения». Из одного стихотворения в другое переходят похожие на галлюцинации образы: тлен, забвение, распад в обязательном сопровождении цвета, звуков и запахов. Анализируемое четверостишие соединяет несоединимое — «крысы и лилии», — чем задается типичная для поэта амбивалентность экзистенции, «фатальность родства с дурными мнимо противоположными вещами» [Ницше 1997: 242], прекрасного и безобразного, жизни и смерти. В полном соответствии с современной поэту концепцией «эстетики безобразного» вся его поэзия является образцом слияния и единства прекрасного и уродливого: страшные, гротескные образы разворачиваются на фоне божественной красоты, сопряженной с необыкновенной музыкальностью звучания. По нашему мне-

нию, весь контекст анализируемого стихотворения «Судный день» указывает в сторону *романтического двоемирия,* бытия между земным и трансцендентным, материальным и духовным и тем самым «впускает» в себя прецедентный феномен — новалисовский «голубой цветок». Это обстоятельство делает адекватным оригиналу, на наш взгляд, вариант перевода *голубой*. О. Бараш, отходя от традиционного толкования концепта *blau* как *синий,* очень тонко и точно чувствует глубинные смыслы траклевского *ins Blaue versehnt.* Она действительно *имитирует* тотальность цвета, обреченность и полноту погружения в него своим собственным окказионализмом «вчарован в морок голубой», который в той же эстетической мере, что и оригинал, очуждает картину мира, но устанавливает связь с дихотомией романтического двоемирия, в котором целостность личности, как и у Г. Тракля, — явление почти немыслимое. И «чары», и «морок» — стихия романтического пришельца, странника, чужака, поэта, который несет на себе отблеск абсолюта и вбирает все мировые бездны так же, как чужак, странник, пришелец Г. Тракля (der Fremdling). Но главный фактор, повлиявший, как нам представляется, на переводческий выбор, — ключевой концепт немецкого романтизма *Sehnsucht* ‘тоска, жажда’, ассоциации с которым «вмонтированы» в слово *versehnt.* Именно оно и «романтизирует» весь цветовой концепт *blau*. Очевидно, что переводчику в спецификации *blau* удалось найти такие эстетически и символически значимые элементы «адаптивного транскодирования» [Комиссаров 2004: 407], которые не противоречат картине видения поэта и встраиваются во всю иерархию его поэтического строя.

ЛИТЕРАТУРА

Бенн Г. Поздние стихотворения / пер. Е. Соколовой // Диалог культур — культура диалога : сб. научных статей. — М., 2002. С. 330—334.

Георг Тракль. Избранные стихотворения / пер. с нем. А. Прокопьев. — М., 1994.

Георг Тракль. Полное собрание стихотворений / пер. с нем. В. Летучий. — М., 2000.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М., 2004.

Мальцева И. Г., Пестова Н. В. Фрагменты национальной языковой картины мира: цвет (на примере поэзии Г. Тракля и его переводов на русский язык) // Лингвистика 2 : сб. науч. трудов. — Екатеринбург, 2003. С. 97—103.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. В. В. Рынкевича. — Алма-Ата, 1991.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: прелюдия к философии будущего / пер. Н. Полилова // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. — М., 1997. Т. 2. С. 238—406.

Пестова Н. В. Пространственно-временной синкретизм в поэзии Э. Ласкер-Шюлер // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1999. С. 30—46.

Пестова Н. В., Мальцева И. Г. Синтетосемия Г. Тракля в зеркале переводческих стратегий // Вопросы теории и практики перевода : материалы Всерос. науч.-практ. конференции. — Пенза, 2004. С. 159—161.

Пышновская З. С. Из истории «Синего всадника» // Синий всадник / под ред. В. Кандинского и Ф. Марка / пер. З. С. Пышновской. — М., 1996. С. 113—142.

Рылов Ю. А. Семантические доминанты языковой картины мира и перевод // Перевод и переводческая компетенция : коллект. моногр. — Курск, 2003. С. 136—149.

Benn G. Gedichte in der Fassung der Erstdrucke / hrsg. von B. Hillebrand. — Frankfurt/Main, 1996.

Bernhard Th. Gesammelte Gedichte / hrsg. von V. Bohn. — Frankfurt/Main, 1993.

Celan P. Die rückwertsgesprochenen Namen : Gedichte in gegenläufiger Chronologie 1970—1952 : poetologische Texte. Reden. Gespräch im Gebirge / ausgew. von B. Jentsch. — Frankfurt/Main ; Wien, 1996.

Friedrich H. Die Struktur der modernen Lyrik : von der Mitte des neunzehnten bis zur Mitte des zwanzigsten Jahrhunderts. — Hamburg, 1968.

Hillebrand B. Zur Lyrik Gottfried Benns // Benn G. Gedichte in der Fassung der Erstdrucke. — Frankfurt/Main, 1996.

Kandinsky W. Über das Geistige in der Kunst // Der Blaue Reiter : Dokumente einer geistigen Bewegung. — Leipzig, 1986.

Lasker-Schüler E. Gedichte 1902— 1943. — München, 1990. Bd. 1.

Muschg W. Von Trakl zu Brecht : Dichter des Expressionismus. — München, 1961.

Overath A. Das andere Blau : zur Poetik einer Farbe im modernen Gedicht. — Stuttgart, 1987.

Partsch S. Franz Marc 1880—1916. — Köln, 1993.

Schneider K. L. Der bildhafte Ausdruck in den Dichtungen G. Heyms, G. Trakls, E. Stadlers : Studien zum lyrischen Sprachstil des deutschen Expressionismus. Heidelberg, 1961.

Trakl G. Gedichte. Prosa. Briefe / hrsg. A. Belobratov. — St. Petersburg, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 821.111(73)
ББК Ш5(7Сое)6 *ГСНТИ 17.07.29; 16.21.27* *Код ВАК 10.01.03*

О. Г. Сидорова
Екатеринбург, Россия

ФЕНОМЕН ТРАНСКУЛЬТУРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США

Аннотация. *В статье рассматривается проявление тенденций транскультурации в произведениях современной американской художественной литературы. Роман Ф. Дюма «Смешно на фарси» анализируется как транскультурный текст.*

Ключевые слова: *американская литература; азиатско-американская литература; транскультура; гибридность; идентичность; стереотип.*

Сведения об авторе: *Сидорова Ольга Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Института гуманитарных наук и искусств (ИГНИ).*

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина.

Контактная информация: *620000, Екатеринбург, ул. Ленина, 51.*
e-mail: ogs531@mail.ru.

O. G. Sidorova
Ekaterinburg, Russia

PHENOMEN OF TRANSCULTURAL TENDENCY IN CONTEMPORARY LITERATURE IN THE USA

Abstract. *Transcultural tendencies in contemporary American books of fiction are studied. A novel "Funny in Farsi" by Firoozeh Dumas as a transcultural text is analyzed.*

Key words: *American literature; Asian-American literature; transculture; hybridity; identity; stereotype.*

About the author: *Sidorova Olga Grigorievna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of German Philology, Institute of the Humanities and Arts.*

Place of employment: Ural Federal University n.a. the First President of Russia B.N. Yeltsin

Последние десятилетия XX в. стали периодом, когда в литературе США произошло вычленение и осмысление национально-этнических составляющих общего литературного процесса. Кроме афроамериканской литературы, которая возникла и сформировалась относительно давно (известный исследователь М. Грэхем [Graham 2003] относит возникновение данной составляющей американской литературы ко второй половины XIX в.), как отдельные составляющие предстают перед читающей публикой литература коренного населения Америки — индейцев, литература латиноамериканского меньшинства, получившая название литературы чиканос, а также азиатско-американская литература.

Считается (нам уже приходилось писать об этом ранее [Сидорова 2007]), что азиатско-американская литература возникла как отдельное направление в конце 1960-х гг., и в течение последующих десятилетий бурно развивалась. Профессор Да Женг отмечает: «Азиатско-американская литература может быть определена как произведения людей азиатского происхождения, которые родились или эмигрировали в Северную Америку. Это, как справедливо отмечает Стивен Сумида, литература, созданная благодаря чувствительности авторов, которая развивается у них как реакция на жизнь в Америке и как ее интерпретация» [Da Zheng 2001: 150].

Такая литература создается на английском языке и публикуется в США. Она отражает уникальный опыт эмигрантов первого, а чаще второго поколения, а также предоставляет читателям неповторимый языковой материал, поскольку литературные произведения азиатско-американских авторов создаются писателями с двойной культурной идентичностью на языке, обозначенном Дж. Скиннером как «приемный язык» [Skinner 1988] (отметим, что переведенный дословно, его термин "stepmother tongue" получает неблагозвучное, но выразительное русское воплощение: «язык-мачеха»). Будучи принятым в новую языковую и культурную среду, писатель-эмигрант сохраняет в своем сознании национально-культурные особенности предков. Любопытно, что представители второго поколения эмигрантов не считают знание языка своих предков необходимым условием принадлежности к их культуре (см. исследования С. Краучера [Chroucher 2004]), тем более что и сам родной язык в эмиграции, в условиях доминирования местного, в данном случае английского, языка развивается по несколько иным законам, чем на исторической родине. Не будет преувеличением утверждение о том, что разорванность авторского сознания, его объективная принадлежность к двум культурным традициям (американская критика широко пользуется понятием "hyphenised identity", что значит «идентичность через дефис») становится ведущим творческим импульсом для многих писателей. Так, Эми Тан, одна из самых известных представительниц азиатско-американской литературы, утверждает: «Правда в том, что я пишу … для себя. Я пишу потому, что, если бы я этого не делала, я бы, возможно, сошла с ума. Я пишу о тех вещах, которые вызывают у меня страдание и боль… Другими словами, я пишу истории о жизни, которую я не могу понять. Конечно, это китайско-американская жизнь, но другой у меня нет и не было» [Tan 2003: 304].

Заметным событием в литературной жизни США стало появление в 2003 г. романизированной биографии Фирузе Дюма «Смешно на

© Сидорова О. Г., 2012

фарси» (Firoozeh Dumas, “Funny in Farsi”) с выразительным подзаголовком: «Воспоминания о том, как вырасти иранкой в Америке» (“A Memoir of Growing Up Iranian in America”). Роман Ф. Дюма был удостоен нескольких литературных премий, в том числе редкой для произведений авторов-эмигрантов премии за лучшее юмористическое произведение, был включен в программы многих средних школ в качестве обязательного для изучения произведения, а в 2010 г. стал литературной основой популярной телевизионной комедии. Ф. Дюма стала, таким образом, первым американским автором иранского происхождения (отметим, что фамилию она взяла от мужа-француза), чье произведение получило статус общенационального бестселлера, т. е. было прочитано и нашло отклик в читательской среде далеко за пределами азиатских диаспор.

Мемуары и автобиографическая поэзия, по данным Ш. Лим, были исторически первыми литературными опытами, характерными для эмигрантов всех этнических групп, что логично и легко объяснимо, но следует признать, что эта тенденция не преодолена до сих пор. Мемуарная и автобиографическая составляющая очевидно присутствует в романном творчестве самых известных азиатско-американских писательниц, что подтверждается следующими сочинениями: Максин Хонг Кингстон, «Воительница» («The Woman Warrior», 1976; полное название произведения — «Воительница: воспоминания о детстве среди призраков воительниц; мемуары о детстве среди призраков» — хорошо отражает сложную жанровую и нарративную структуру текста, в котором сплетаются древнекитайские легенды и повествование о жизни эмигрантов в Калифорнии в середине XX в.); Эми Тан (Amy Tan), «Клуб радости и удачи» («The Joy Luck Club», 1989), «Жена кухонного бога» («The Kitchen God Wife», 1991); Джессика Хейджедорн (Jessica Hagedorn), «Пожиратели собак» («The Dog Eaters», 1990). Писатели XXI в. небезуспешно продолжают использовать этот ход — приведем в качестве примера лишь несколько достаточно популярных произведений из многочисленного корпуса литературы такого рода: роман американки морокканского происхождения Фатимы Мернисси (Fatima Mernissi) «Мечты о нарушении границ: рассказы о детстве в гареме» (2005 г.); произведение Азадех Муверни (Azadeh Mooverni) «Джихад губной помаде: воспоминания о том, как вырасти иранцем в Америке и американцем в Иране» (2005); произведение американки иранского происхождения Жасмин Дарзник (Jasmin Darznik) «Хорошая дочь — воспоминания о тайной жизни моей матери» (2011г.).

В конце XX века художественное творчество «литературных андрогинов» [Чхартишвили 1996] небезосновательно рассматривалось преимущественно в рамках идеологии и эстетики мультикультурных и постколониальных исследований, толчок к возникновению которых был дан процессами, вызванными глобализацией. Медиативная позиция незападных (или не до конца западных) интеллектуалов и их произведений на Западе сложна с разных точек зрения. М. Тлостанова отмечает: «Особенно сложной она оказывается именно в смысле репрезентации, поскольку отказ от полюсной бинарной идентификации ведет автоматически к стереотипам восприятия в мейнстриме подобных взглядов как проявление позиции „местного информанта“, если и не „субалтерна“ в том смысле, какой вкладывала в это понятие Г. Спивак в ее известной статье „Могут ли субалтерны говорить?“ (1985), либо политического активиста, без зазрения совести спекулирующего на своей инаковости» [Тлостанова 2004:6].

В принципе эстетическая позиция «местного информанта» способна привлечь внимание публики, но, как правило, гораздо более интересным и продуктивным феноменом становятся произведения «гибридного» характера (в терминах одного из основоположников постколониальной теории Х. Бабы), отражающие различные этапы создания транскультурных форм в зоне контактов культур. Первое десятилетие нового века стало периодом развития теории транскультурных явлений, основанных на реальной эстетической практике, на множестве разнообразных проявлений литературного процесса. М. Тлостанова выразительно обозначает эстетический и онтологический опыт транскультурных авторов как «жить никогда, писать ниоткуда» [Тлостанова 2004]. М. Эпштейн полагает, что сама концепция «транскультуры» начинает распространяться на Западе прежде всего в связи с кризисом концепции мультикультурализма, поскольку, в отличие от мультикультурализма, устанавливающего «ценностное равенство и самодостаточность разных культур, концепция транскультуры предполагает их открытость и взаимную вовлеченность. … Если „многокультурие“ настаивает на принадлежности индивида к „своей“ биологически предзаданной „природной“ культуре („черной“, „женской“, „молодежной“ и т. д.), то „транскультура“ предполагает диффузию исходных культурных идентичностей по мере того, как индивиды пересекают границы разных культур и ассимилируются в них» [Эпштейн 2002]. Подчеркнем, что транскультуру не следует отождествлять с так называемой глобальной культурой, тиражирующей одинаковые модели, то есть, по своей сути, представляющую видоизмененную модель доминирования. «Транскультура создает новые идентичности в зоне размытости и интерференции» [Эпштейн 2001], в зоне, которая постоянно и неуклонно расширяется в современном мире, хотя физическое нахождение в таких зонах не предполагает механического попадания в зону транскультуры. Кроме того, немаловажным, в ряде случаев принципиальным, является то, что транскультурация — про-

цесс динамический, связанный «с постоянным культурным полилогом, в котором, однако, не должно происходить полного синтеза, слияния, культурного перевода, где культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются» [Тлостанова 2004: 5] и где, добавим, каждый получает возможность конструирования собственной личности, в том числе творческой. Среди множества свобод транскультурный субъект получает еще одну возможность реализации, самую емкую, по мнению М. Эпштейна, а именно свободу от собственной культуры, в которой родился и был воспитан: «Множество людей, покидающих географическое место своей культуры, до конца жизни остаются пленниками ее языка и традиций. Другие переселенцы, отвернувшись от прошлого, становятся пленниками иной, новообретенной культуры. Пожалуй, лишь меньшая часть, приобщаясь к двум или нескольким культурам, сохраняет свободу от каждой из них» [Эпштейн 2004].

Полагаем, что среди множества по-своему интересных произведений американских писателей неевропейского происхождения именно произведения наиболее полно выраженного транскультурного характера привлекают максимальное внимание читателей и приносят успех своим авторам. Ф. Дюма, автор книги «Смешно на фарси», относится к их числу.

Семья будущей писательницы (родители, старший брат и она сама в возрасте 7 лет) приехала в Южную Калифорнию, США, в 1972 г., куда ее отец — инженер в области нефтедобычи — был приглашен на работу по контракту. Произошедшая в Иране в 1978—1979 гг. Исламская революция сделала возвращение семьи на родину проблематичным. Если сам глава семьи имел некоторый опыт жизни в США в качестве студента по программе Фулбрайт в 1950-х гг., то для его жены и детей переселение стало настоящим открытием Америки. Опыт адаптации и аккультурации изложен Ф. Дюма в 27 главах, каждая из которых представляет собой отдельный рассказ, посвященный конкретной теме или событию, но в целом создающих панораму жизни героини и ее семьи на протяжении примерно двадцати лет. Уникальность книги заключается прежде всего в способности автора сохранить и передать в тексте незамутненность детского взгляда, взгляда простака, способного видеть самые незначительные детали и удивляться им, не смущаясь, что, несомненно, коррелирует с европейской литературной традицией. Кроме того, автор обладает редким чувством комического и виртуозно передает его на страницах своего произведения. Известно, что проблема передачи юмора в другую культуру — одна из самых сложных форм межкультурного взаимодействия. В книге Ф. Дюма немало откровенно смешных ситуаций в духе комедии положений (так называемый ситуативный юмор), которые в целом понятны представителям разных культур, но немало в ней и языковых и культурно обусловленных комических элементов. Немаловажно и то, что улыбку автора вызывает не только и не столько нелепость (кажущаяся или вполне реальная) окружающей американской действительности в популярном стиле «Они тупые!», но прежде всего собственная реакция, которая, кроме улыбки, вызывает у читателя сочувствие, понимание и — в значительном ряде случаев — узнавание. В интервью 2004 г. Ф. Дюма говорит [Dumas 2004: 206], что одной из ее задач при написании книги было показать читателям, что у людей разных национальностей больше общего, чем это принято представлять, и книга «Смешно на фарси» становится, таким образом, исследованием человеческой природы.

В первой же главе, названной «Начальная школа Леффигуэлл», автор рассказывает о своем первом дне в школе. В начале главы она провозглашает: «Мой отец часто говорил об Америке с красноречием и восхищением, которое приберегают для описания первой любви. Для него Америка была местом, где каждый, каким бы скромным ни было его происхождение, мог стать важным человеком. Это была добрая и дисциплинированная страна, где было множество чистых ванных комнат, где соблюдались правила дорожного движения и где киты прыгали через обручи. Это была Страна Надежд. Для меня это была страна, где я могла купить новые наряды своей Барби» [Dumas 2004: 3—4]. Пережив и с улыбкой описав напряженный день, полный приключений далеко не самого приятного рода для нее и для ее мамы, автор завершает рассказ неожиданным для читателя пассажем: «Проведя целый день в Америке в окружении американцев, я поняла, что папино описание Америки было правильным. Ванные комнаты были чистыми, а люди очень, очень добрыми» [Dumas 2004: 7]. Любопытно, что тот материал, который мог бы стать для многих современных исследователей детской психологии примером травматического опыта, становится в восприятии и описании Ф. Дюма исследованием позитивного сотрудничества. Особенно выразительной становится в данном контексте глава «A Dozen Key Chains», в которой автор описывает свое двухнедельное пребывание в детском летнем лагере. В главе рассказывается о том, как долгожданная поездка обернулась для Фирузе сплошной чередой обманутых ожиданий, одиночеством, а также тяжелым физическим испытанием: выросшая в культуре, где мытье в ванне — интимная процедура, девочка воздерживалась от принятия душа в компании сверстников на протяжении всего срока, представ перед семьей в соответствующем виде. В интервью после выхода книги Ф. Дюма заявляет, что именно ее устный рассказ об этом эпизоде мужу был оценен им как самый смешной рассказ, который он когда-либо слышал, что и заставило ее задуматься о написании книги.

Одной из несомненных удач произведения является, на наш взгляд, образ автора-повествователя. Героиня произведения предстает перед читателями как девочка, юная девушка, взрослая и мудрая женщина попеременно: девочка-подросток появляется во «взрослых» главах, детский взгляд не покидает ее в самые сложные минуты. Открытость миру, позитивный настрой, любознательность, желание сотрудничать сочетаются в героине с серьезностью, трудолюбием, четко осознаваемой жизненной позицией.

Наблюдательный повествователь видит и отмечает многочисленные примеры несовпадений культур: так, для семьи Фирузе Рождество в Америке неизменно было скучным периодом, когда все общественные заведения были закрыты, и семье приходилось оставаться дома. Еще более выразительный пример связан с празднованием Хеллоуина, когда мать героини, открыв дверь дома колядующим детям, не могла понять цель их появления, а затем, осознав, что должна их чем-то угостить (обычным подарком являются сладости), пыталась предложить им огурец (глава «Me and Bob Hope»).

Стереотипы сознания носителей одних культур относительно представителей других этносов и культур — одна из сквозных тем книги Ф. Дюма. Следует признать, что, описывая многочисленные случаи непонимания или неверной оценки, вызванные стереотипным сознанием отдельных участников коммуникации или массовыми заблуждениями расхожего толка, автор не делает исключения для своих близких. Ее наблюдательность, удивление и улыбка не имеют однонаправленного характера, а художественный мир произведения становится благодаря этому объемным и многогранным. Так, если для иранцев-родственников Ф. Дюма источником информации о жизни в Америке становятся телевизионные мыльные оперы, а значимыми образами американской культуры выступают Барби и Микки Маус, то для американцев представления об Иране ограничиваются знанием терминов «иранский ковер» и «персидский кот», к которым после Иранской революции 1978—1979 гг. добавляется образ мусульманского революционера-фундаменталиста. Особенно забавным компонентом данной триады выступает персидский кот, о котором Казем, отец Ф. Дюма, впервые услышал от А. Эйнштейна, с которым встретился в молодости (великий ученый, очевидно, желая сделать приятное молодому человеку, упомянул это животное). Коты не раз появляются на страницах повествования: *“Your cats are so beautiful”, — our neighbor said. We had no idea what she was talking about. Seeing our puzzled expressions, she showed us a picture of a beautiful longhaired cat. “It’s a Persian cat,” — she said. That was news to us; the only cats we had seen back home were mangy strays that ate scraps behind people’s houses. From that day, when I told people I am from Iran, I added “where Persian cats come from”. That impressed them* [Dumas 2004: 33]. Выяснив, что коты, о которых идет речь, на самом деле происходят из Турции, Ф. Дюма, тем не менее, демонстрирует гибкость и умение использовать стереотипы для создания положительного образа родной страны.

Неоднократно была описана роль имен собственных в межкультурных контактах [Суперанская 1973; Гудков 2003]. Этой проблемы касается и Ф. Дюма в главе с выразительным названием «The “F Word”», что с большой долей условности и с потерей одного из смыслов заглавия можно перевести на русский как «Слово на Ф». В контексте повествования этим словом, или, точнее, словами, становятся иранские имена автора и ее братьев (Firoozeh / Фирузе (что на фарси означает «бирюза»), Farbod / Фарбод («величие»), Farshid / Фаршид («просветитель»)), которые американские сверстники героев перекроили соответственно в «Ferocious», «Farhead», «Farshit». Имена превратились, таким образом, в реальные «F words», как в английском принято называть бранную и пейоративную лексику. Сошлемся в данном контексте на статью из англоязычного справочного интернет-ресурса «Википедия», в которой сообщается: «**F word** or **the f word** may refer to: – the word “fuck”; – the word “faggot”; – the word “fish”; – the word “fascism”; – the word “feminism”. Первые два значения, безусловно, попадают в указанную группу.

Комментируя свои проблемы с именем, автор пишет: *In America, it means “Unpronounceable” or “I’m Not Going to Talk to You Because I Cannot Possibly Learn Your Name and I Just Don’t Want to Have to Ask You Again and Again Because You’ll Think I’m Dumb or You Might Get Upset or Something* [Dumas 2004: 63]. Критикуя американцев за нетерпимость по отношению к «чужому» и за нелюбопытство, автор описывает собственные попытки выстроить отношения с представителями станы, «где царят односложные имена» [Dumas 2004: 62], «в стране Джо и Мери» [Dumas 2004: 63]. Стратегии этих отношений разнообразны: научить одноклассников произносить бранные фразы о самих себе на фарси, пускаться в длинные объяснения, изменить имя на английский или, по крайней мере, европейский аналог. В какой-то момент проблема имени перестает быть частной и начинает оказывать влияние на образ жизни автора, поскольку ее, блестящую выпускницу университета Беркли, не берут на работу из-за экзотического имени. Комментируя отношение американцев к экзотическим именам, автор остроумно замечает, что ее собственная жизнь претерпела заметные изменения к лучшему после того, как она поменяла девичью фамилию на фамилию мужа-француза. С удивлением обнаружив, что стереотипы относительно Франции, французских имен и культуры положительные (как оказалось, у каждого американ-

ца есть любимая французская песня, кафе, вино или актриса), автор не упускает возможности напомнить читателям, что *I was living in Silikon Valley, an area filled with people named Rajeev, Avishshai, and Insook* [Dumas 2004: 66]. Добавим, что в конце главы Ф. Дюма приходит к следующему выводу, который звучит достаточно оптимистично: *Despite a few exceptions, I have found that Americans are now far more willing to learn new names, just as they're far more willing to try new ethnic food. Of course, some people just don't like to learn* [Dumas 2004: 67].

История жизни своей иранской семьи в Америке становится для автора не только материалом для написания серии захватывающих и забавных рассказов, но и отправной точкой для размышлений о сущности человеческих отношений в рамках национальных культур и за их пределами. Родители писательницы, прожив в США несколько десятилетий, во многом остались верны своей культуре и избежали аккультурации: они не очень хорошо освоили английский язык, остались привержены национальной кухне, продолжают чтить национальный семейный кодекс, согласно которому любой, даже самый дальний родственник, вправе получить помощь разного рода, что не совсем характерно для господствующих в США WASP-стандартов с приматом индивидуализма. **(White Anglo-Saxon Protestant** or **WASP** is an informal term, often derogatory or disparaging, for a closed group of high-status Americans mostly of British Protestant ancestry. The group supposedly wields disproportionate financial and social power.) В иранской культуре брак — дело семейное и договорное, что наглядно описывает Ф. Дюма на примере своих родителей. Перед собственной свадьбой она предупредила своего жениха: *Before I married Francois, I told him I came with a tribe … Without my relatives, I am but a thread; together, we form a colorful and elaborated Persian rug* [Dumas 2004: 103]. В то же время молодых людей, очевидно, волновала реакция родителей. Реакция французской стороны на брак сына была резко негативной, а Назирех, мать автора, мечтавшая о зяте-иранце, отреагировала на новость следующим образом: *Perhaps the people we think we know best are the ones who surprise us most. Once my mother realized that I wanted to marry Francois, she said "he will be like the third son to me", and wiped the tears off her face. At that very moment, my mother threw aside everything she and her generation knew about marriage and entered a new world where daughters select their own husbands. She became a pioneer* [Dumas 2004: 146].

Полагаем, что данный эпизод книги является одним из ключевых в описании и осмыслении уникального опыта транскультурации героев, их сознательного выбора поведенческих, культурных, идеологических моделей гармоничного существования в современном мире. Не менее важной в этом отношении является и глава «The Ham Amendment» — единственная, которую вырезала иранская цензура при переводе книги на фарси. Повествование о том, как, живя в Иране, сторонник американского образа жизни Казем время от времени наслаждался вкусом американской ветчины, представляет собой еще одну забавную историю, описанную с особой любовью к деталям, мелочам, настроению. Представляется, однако, что иранское цензурное ведомство усмотрело крамолу далеко не в частных нарушениях кулинарного толка, но в тех выводах и обобщениях, которые Казем делает: *It's not what we eat or don't eat that makes us good people; it's how we treat one another. As you grow older, you'll find that people of every religion think they're the best, but that's not true. There are good and bad people in ever religion. Just because someone is Muslim, Jewish, or Christian doesn't mean a thing. You have to look and see what's in their hearts. That's the only thing that matters, and that's the only detail God cares about* [Dumas 2004:87], — учит он свою дочь.

Полагаем, что именно описание и осмысление позитивного опыта транскультурации, представленного в книге Ф. Дюма, делает ее произведение отличным от многих других. Эта же идея звучит в выступлении автора по национальному радио 28 сентября 2006 г., озаглавленном «Семья иммигрантов изменяет процедуру прощания с усопшим». Речь в выступлении идет о том, что семья автора, прощаясь с одним из своих умерших родственников, внезапно осознает, что процедура прощания, трагически торжественная в традиционной персидской культуре, претерпевает заметные изменения в Америке: вспоминая усопшего, родственники говорят, среди прочего, о тех положительных и даже смешных моментах его жизни, которые украшали жизнь семьи. Автор отмечает: *To be able to remember my uncle with laughter was a gift my family received from America. My family came here, like every other immigrant family, looking for a better life. We found not only that, but permission to remember it. Even in the face of death* [Dumas 2006].

Романизированная биография Ф. Дюма стала не только заметным явлением для современной литературы США (то, что книга обладает серьезными эстетическими достоинствами, сомнений не вызывает), но и сыграла определенную социокультурную роль. Вхождение множества составляющих в кругозор американской литературы конца XX в. и создание на их основе транскультурных единств — тенденция, на наш взгляд, несомненно продуктивная, что мы и постарались продемонстрировать на примере произведения «Смешно на фарси».

ЛИТЕРАТУРА

Гудков Д. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М.,2003.

Сидорова О. Азиатский «акцент» в современной литературе США // Известия УрГУ. 2007. Сер. 2. Вып. 14. № 53.

Суперанская А. Общая теория имени собственного. — М., 1973.

Тлостанова М. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать ниоткуда. — М., 2004.

Чхартишвили Г. Но нет Востока и Запада нет (о новом андрогине в мировой литературе) // Иностранная литература. 1996. № 9. С. 254—263.

Эпштейн М. Проективный словарь философии. Новые понятия и термины.// Топос : лит.-филос. журн. URL: http://www.topos.ru/article/2976.

Эпштейн М. Транскультура // Т. Артемьева, И. Смирнов, Э. Тропп, Г. Тульчинский, М. Эпштейн. Проектный философский словарь. 2002. URL: http://terme.ru/dictionary/951/word.

A conversation between Khaled Hosseini and Firoozeh Dumas // Firoozeh Dumas. Funny in Farsi : A Memoir of Growing up Iranian in America. — N. Y., 2004. P. 201—209.

Croucher S. We are Chinese, not Quebecoius: an Analysis of Relationship between the Chinese Language and the Sense of Self in Montreal's Quartier Chinois // Moving Forward , Looking Backward : papers from the 2004 NCA Convention (CD). — Chicago, 2004.

Da Zheng. From the Margin to the Mainstream. Asian American Literature Since the Late 1970s. // In Search of New Identities and Designs: American Literature in the 1980—90s / ed. by Yuri V. Stulov. — Minsk, 2001. P. 150.

Graham M. Concise History of African-American Literature. — Oxford, 2003.

Dumas F. Funny in Farsi. A memoir of growing up Iranian in America. — N. Y., 2004.

Dumas F. An Immigrant Family Changes the Way it Mourns: NPR. URL: http://www.npr.org//templates/story/story.php/storyID=6161872.

Shirley Geak-lin Lim. Asian American Literature: Leavening the Mosaic. URL: http://project.pavlenkojr.kiev.ua/usa/English/arts/ijse0200/shirley.htm.

Skinner J. Stepmother Tongue (An Introduction to New Anglophone Fiction). — N. Y., 1988.

Tan A. The Opposite of Fate (Memories of a Writing Life). — L.,2003. P. 304.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова

УДК 811.112. 2`2/`44

ББК Ш43/24-3 *ГСНТИ 16.21.29; 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.04*

О. А. Степаненко
Курган, Россия

КОНЦЕПТ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В ЯЗЫКОВОЙ БИОГРАФИИ НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА

Аннотация. *Исследуется концепт «свой — чужой» в немецком лингвокультурном пространстве. Материалом исследования послужила языковая биография немецкого этноса в период существования двух немецких государств и в первые годы после объединения Германии. В статье анализируются различные модификации концепта «свой — чужой», объективируемые в немецком языке.*

Ключевые слова: *концепт; дискурс; немецкий этнос; языковое интервью; «свой — чужой».*

Сведения об авторе: *Степаненко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии.*

Место работы: Курганский государственный университет.

Контактная информация: *640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.*
e-mail: olgastepanenko@list.ru.

O. A. Stepanenko
Kurgan, Russia

CONCEPT «FRIEND-FOE» IN LANGUAGE BIOGRAPHY OF THE GERMAN NATION

Abstract. *The paper deals with the concept "FRIEND — FOE" in German linguocultural space. Language biography of the German nation in the period of existence of two Germanies was the material for the study. Special attention is paid to different modifications of the concept "FRIEND — FOE" objectified in the German language.*

Key words: *concept; discourse; German nation; language interview; "friend — foe".*

About the author: *Stepanenko Olga Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German Philology.*

Place of employment: Kurgan State University.

Комплекс представлений «свои — чужие» рассматривается как историко-культурный и социально-политический феномен, играющий весьма заметную роль в истории человечества. В многочисленных исследованиях общего и специального характера предпринимаются попытки наметить основные аспекты проблемы сосуществования «своих» и «чужих», указать возможные пути ее решения [Васильев 2007: 27].

Как известно, «четкое противопоставление „своих“ и „чужих“ возникало у различных этносов или этнических общностей и подкреплялось *различием языка* (выделено нами — О. С.), верования, моральных норм и образа жизни». В свете этого формулировка темы исследования «Концепт „свой — чужой“ в языковой биографии немецкого этноса» может показаться сомнительной, однако следует принять во внимание, что *«граница между „своим“ и „чужим“ не определена раз и навсегда, но разворачивается в процессе исторического развития»* [Лучицкая 2007: 122]. Другими словами, если раньше «представление о „чужих“ организовывалось вокруг категории пространства», то «теперь оно стало восприниматься в связи с категорией времени» [Там же: 132].

В качестве исходной гипотезы мы выдвинули следующее положение: различные грани концепта «свой — чужой» наиболее ярко репрезентированы именно в «языковой биографии» немецкого этноса. Поясним, что термин «Sprachbiographien» (языковые биографии) принадлежит немецким исследователям У. Фикс и Д. Барт [Fix, Bart 2000]. Вслед за ними мы понимаем под языковой биографией описание языковой жизни этноса (в данном случае немецкого). Такая трактовка логично вытекает из определения биографии как «описания жизни человека или его жизни» [СЭС 1981: 142]. В словаре немецкого языка [Wahrig 1968: 711] дана следующая дефиниция слова «биография»: «Biographie — Lebensbeschreibung zu griechisch „bios“ „Leben“+ „graphein“ „schreiben“» («Биография — описание жизни; от греческих слов „bios“ „жизнь“ + „graphein“ „писать“»).

Кроме того, в рамках данной статьи используется понятие „этнос“, что далеко не случайно. С опорой на авторитетное мнение Ю. П. Платонова [Платонов 2003: 447], этнос здесь рассматривается «как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка), а также *сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)».* В контексте нашего исследования данное понятие представляется более актуальным, чем, например, понятие «народ», обозначающее «население государства, страны» [Платонов 2003: 437].

В отличие от лингвокультурных пространств других этносов, у немцев концепт «свой — чужой» представлен не только внешним, но и внутренним аспектом, который, как показывает весь ход исторического и социокультурного развития данного этноса, столь же важен. Под «внутренним» аспектом понимаем следующее: ставшие «чужими» друг для друга после 1945 г. восточные немцы (граждане ГДР) и западные (граждане ФРГ) оставались таковыми не только в течение сорока пяти лет, но и значительно дольше. Такое восприятие и отношение друг к другу выражают следующие высказывания,

© Степаненко О. А., 2012

принадлежащие соответственно западным и восточным немцам: *Wir sind ein Volk* (*Мы — народ;* подразумевается единство) и *Wir auch (Мы — тоже).* Этот обмен репликами на первый взгляд можно воспринять как шутку, если бы он не отражал реальную ситуацию. Чувство отчужденности, ощущение себя «чужими» среди «своих» долгое время не оставляло бывших граждан ГДР, которые и после объединения Германии в 1990 г., находясь, казалось бы, в привычном для себя окружении, столкнулись с чуждой идеологией, иными нормами и ценностями, культурными канонами. Внутренний аспект сложного концепта «свой — чужой», таким образом, связан не столько с категорией пространства, сколько с категорией времени. Это отражается и в языковой биографии немецкого этноса, поскольку язык, как показывают тексты, относящиеся к различным типам дискурсов, и лексикографические источники, отражает время, изменяется и существует во времени. Язык дает нам ощущение «духа времени» («Zeitgeist»), но и время, по справедливому мнению В. С. Юрченко, является ключом к пониманию языка [Юрченко 2005: 31].

Что можно сказать о времени и тех общественно-политических изменениях, которые переживала Германия после окончания Второй мировой войны? Поражает не только неординарность самих событий, но и чрезвычайно стремительный темп их развития, характеризуя который, Кристина Тейхман весьма удачно, на наш взгляд, употребила лексему *Zeitraffertempo* [Teichmann 1991: 252], русским эквивалентом которой будет словосочетание *плотный темп* или *концентрированный темп.* Эквивалент «вбирает» в себя семантическую структуру глагола *raffen* (быстро, поспешно взять, схватить, накопить, взбивать) [Wahrig 1968: 2937], включающую среди прочих сему «быстроты, поспешности», и семантику лексемы *Zeitraffer* (метод, с помощью которого фотографии при повторном просмотре быстрее прокручивают) [Wahrig 1968: 4218]. К. Тейхманн употребляет это слово, говоря о событиях периода, являющегося в истории Германии «поворотным» («Wende»): *Vieles vollzog sich regelrecht* ***im Zeitraffertempo,*** *so dass für den Wissenschaftler eine Beobachtung gerade noch möglich war, aber kaum ein gründlicheres Nachdenken und Analysieren der Vorgänge in der Gesellschaft* [Teichmann 1991: 252] / *Многое происходило по-настоящему* ***в плотном темпе,*** *так что ученые могли только наблюдать, не имея возможности для более тщательных размышлений и анализа процессов, происходящих в обществе* (перевод здесь и далее наш — О. С.).

Прежде чем обратиться к материалу нашего исследования — конкретным языковым фактам, объективирующим концепт «свой — чужой», — отметим, вслед за В. А. Масловой, что данное противопоставление — один из главных концептов коллективного, массового, народного, национального мироощущения [Маслова 2007: 8]. Более того, в силу определенных социально-политических и культурно-исторических условий существования Германии, данный концепт следует, на наш взгляд, признать «культурогенным» (термин В. И. Карасика), входящим в ядерную зону концептосферы немецкого этноса.

Как известно, в современной лингвистике под концептом понимается некая ментальная единица, репрезентированная различными языковыми средствами. Концепты возникают в мышлении, хранятся в памяти, определяют ментальность и выражаются в языке. В качестве исходной нами принята следующая дефиниция концепта: «Концепт — дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 34].

Концепты, репрезентированные в языке антонимами, например «огонь и вода», «свет и тьма» [см.: Хайруллина 2009; Григорьева 2006], определяют как бинарные оппозиции, т. е. «объединения концептов, которые построены на антонимичности наиболее общего и частных содержательных признаков и средств их выражения» [Хайруллина 2009: 3]. В отношении комплекса концептов «свой — чужой» оправдана, на наш взгляд, иная точка зрения, представленная в отдельных исследованиях [Петрова 2006; Григорьева 2009], согласно которой данный комплекс трактуется как бинарный, или дихотомический концепт. Различные подходы и интерпретации объясняются прежде всего многомерностью ментального объекта, стоящего за именем «свой — чужой». Основанием для того, чтобы считать антонимическую диаду «свой — чужой» репрезентантом сложного ментального образования — бинарного концепта, считаем специфику функционирования комплекса «свой — чужой» в немецком лингвокультурном пространстве, которая состоит в теснейшей взаимосвязи и взаимопроникновении элементов данного комплекса. Позволим себе провести аналогию: концепт «свой — чужой» представляет собой некий гетерогенный «сплав», сложную структуру, в рамках которой происходят различного рода превращения, подобный бинарным сплавам «(от латинского *binarius — двойной),* состоящим из двух компонентов (металлов или металла и неметалла)» [СЭС 1980: 141].

Обратимся к материалам нашего исследования, в частности к интервью на тему языка, взятым У. Фикс и Д. Барт у бывших граждан ГДР с 1994 по 1996 г. [Fix, Bart 2000], а также к лексемам, репрезентирующим указанный кон-

цепт, которые приводят немецкие авторы в контексте проблемы дивергентного развития немецкого языка в Германии до и после ее объединения [Müller 1994; Teichmann 1991; Roche 1991]. В ходе анализа языкового материала раскрывались различные грани концепта «свой — чужой», тесно связанные с исторической действительностью немецкого этноса, с важнейшими политическими событиями и периодами XX в., среди которых выделяют следующие: «поворотный» момент в истории Германии, ее объединение, общественно-политическая реальность в стране после объединения.

В связи с вышесказанным можно выделить различные грани концепта «свой — чужой», представленного следующими вариантами:

1. «**Ostsprache»** (немецкий язык в ГДР) — **«Westsprache»** (немецкий язык в ФРГ до объединения).
2. «**Langue de bois», «hölzerne Sprache»** (официальный язык в ГДР, получивший название «деревянного») — **«normales Deutsch»** («нормальный» немецкий язык, т. е. язык, на котором общались дома, в кругу друзей и т. д.).
3. **«Die Sprache der Wende»** (язык «переломного», «поворотного» момента в истории немецкого этноса): «**der herrschende Diskurs»** (господствующий, или официальный дискурс) — «**der oppositionelle Diskurs**» (оппозиционный, или неофициальный дискурс).
4. «**Ostdeutsche Sprechkultur», «Deutsch sprechen hier»** (культура речи восточных немцев — бывших граждан ГДР) — **«Westdeutsche Sprechkultur», «Deutsch sprechen dort»** (культура речи западных немцев — граждан ФРГ в период до объединения Германии).

Рассматривая концепт «свой — чужой», объективируемый в языковой биографии немецкого этноса различными языковыми средствами, подчеркнем многообразие его вариантов, тесно связанных с категорией времени в контексте немецкой истории. Обратимся к первому варианту данного концепта, репрезентированному как «Ost-/West-Sprache». Требуется ответить на следующие вопросы: 1. Насколько оправдано мнение, принадлежащее Л. Макензену [цит. по: Домашнев1991: 5] о «языковом расколе»: *Gespaltenes Deutschland — gespaltene Sprache? (Разделенная Германия — разделенный язык?)* 2. Существовали ли два варианта немецкого языка как *самостоятельные национальные* варианты языка? 3. Повлекло ли за собой политическое объединение Германии исчезновение языковых различий, присущих немецкому языку в ГДР и ФРГ до объединения?

Изучением различий немецкого языка в ГДР и ФРГ занимались многие немецкие германисты, среди которых следует назвать следующих: В. Нойман, Г. Лангнер, Г. Штарке, В. Клемперер, Х. Мозер, М. Хельман. Их работы характеризуются определенного рода «издержками», продиктованными соответствующей идеологией — имеем в виду прямолинейность в толковании явлений социалистической и капиталистической действительности и субъективизм. Однако, несмотря на заблуждения и ошибочные трактовки, заслуга ученых и писателей Германии, не равнодушных к происходящему, несомненна, поскольку благодаря их деятельности открывается возможность реконструировать прошлое, ставшее историей.

Одним из первых, кто обратил внимание на такое явление, как *Entfremdung (отчуждение)* в немецком языке, был В. Клемперер, сравнивший наметившуюся дивергенцию в немецком языке между Востоком и Западом (ГДР и ФРГ) с различиями английского языка в США и Англии. Одну из главных причин этого ученый видел в том влиянии, которое испытывал немецкий язык со стороны русского языка (в ГДР) и английского (в ФРГ). В. Клемперер так высказывает свои опасения по этому поводу: *Das Merkwürdigste und Bedrohliche an der deutschen Sprachsituation ist nun dies, dass der Wind aus Osten nur über einem Drittel unseres Vaterlandes weht; …, in allen den Westmächten unterteilten Teilen Deutschlands, herrscht nicht etwa Windstille, sondern die entschiedenste Gegenbewegung* [Klemperer 1953] / *Самое странное и опасное в немецкой языковой ситуации то, что ветер с Востока веет только над одной третью нашего Отечества; … во всех частях Германии, подвластных западным державам, царит не затишье, а самое решительное движение в противоположном направлении.* Трудно не согласиться с мнением А. И. Домашнева [Domaschnew 1991: 1], который полагал, что при этом В. Клемперер имел в виду не столько влияние чужих языков, сколько чуждых идеологий, объективируемых средствами этих языков. Проблема языковой дивергенции в Германии волновала и других ученых и писателей, подчеркивавших нежелательность данного явления. Так, Г. Мюллер [Müller 1994: 119—120] в этом контексте приводит следующие высказывания Х. Мозера и Ф. С. Вейскопфа: *Gefahr einer sprachlichen Spaltung, nicht nur im politischen Bereich (опасность языкового раскола не только в политической сфере); Gefahr der Sprachentfremdung (опасность языкового отчуждения).*

Неослабевающее внимание к проблеме языкового отчуждения (особенно в 60-х и 70-х гг. XX в.) не было случайным и объяснялось в первую очередь политико-идеологическими причинами. Как отмечает известный немецкий историк Отто Данн [Dann 1996: 364], в семидесятые годы XX в. фактически уже не существовало общенемецкой нации и общей национальной идентичности, так что вопрос о формировании единой нации оставался для немецкого этноса долгое время открытым. По словам ученого, существовала такая формулировка: *Eine deutsche Nation in zwei Staaten (немецкая нация в двух государствах)* [Dann 1996: 362]. Более того, согласно отчету ЦК СЕПГ, Центрального

комитета Социалистической единой партии Германии (ГДР), на восьмом съезде партии было заявлено о развитии «нового типа нации — социалистической нации». Следующая цитата говорит сама за себя: *Während sich in der DDR, im sozialistischen deutschen Staat, diese sozialistische Nation herausbildet, besteht in der BRD … die bürgerliche deutsche Nation fort* [Domaschnew 1991: 6] / *В то время как в ГДР, социалистическом немецком государстве, формируется эта социалистическая нация, в ФРГ … продолжает оставаться буржуазная немецкая нация.* Данное заявление не осталось без внимания немецких ученых-германистов, среди которых были Г .Штарке, Р. Бок, Х. Лангнер и другие. В новых социально-политических условиях эти ученые своими высказываниями весьма прозрачно поддерживали официальный политический курс (в данном случае в ГДР), утверждая следующее: *…dass die Gemeinsamkeit der Sprache allein nicht ausreicht, die Zugehörigkeit zu einer Nation zu beweisen* [цит. по: Domaschnew 1991: 6] / *...недостаточно только общности языка, чтобы доказать принадлежность к одной нации.* С одной стороны, это действительно так, но, с другой стороны, если учитывать тогдашнюю ситуацию — существование двух немецких государств, — становится понятным, что такое суждение вполне совпадало с политическим курсом, проводимым правительством ГДР, так как различия в языке двух немецких государств могли быть интерпретированы как два ***национальных*** варианта немецкого языка.

Вариант концепта «свой — чужой», обозначенный нами как «Ost-/West-Sprache», репрезентирован многочисленными лексическими средствами, предпочтительно употребляемыми соответственно восточными и западными немцами, причем как до объединения Германии, так и после него: *Kosmonaut — Astronaut; Brigade als Arbeitskollektiv — Brigade als militärische Einheit; Stadtbezirk — Bezirk; Mohrrübe — Möhre; Strassenbahn — Tram; Kindergarten — Kita; Broiler — Hähnchen*. Весьма показателен в этом отношении приведенный ниже контекст, обыгрывающий анекдотичную с точки зрения самих немцев ситуацию, характерную для начала существования объединенной Германии: *An einem Ostberliner Stand wurde 1992 die Ware als Hähnchen angeboten, aber mit dem Zusatz: „Hier dürfen Sie noch Broiler sagen!“* [Müller 1994: 130] / *В одном из ларьков Восточного Берлина в 1992 г. товар предлагался под вывеской „Hähnchen“ („цыпленок“), но с припиской: „Здесь пока еще разрешается говорить ‘Broiler’!“.* Кроме лексических различий, в приведенном примере ощущается определенный подтекст: снисходительная интонация, продиктованная чувством превосходства со стороны западных немцев, которые таким образом подшучивают над бывшими гражданами ГДР.

Различия в лексике заключались и в ином толковании значения одного и того же слова, причем «свой» смысл существенно отличался от «чужого», примером чему служат лексемы *Aggression, Annexion, Kosmopolitismus, Objektivismus* и т. д. Так, различаются дефиниции слова «*Chauvinismus»* в разных изданиях словаря серии «Duden». В словаре, изданном в Лейпциге, дано следующее определение [см. Betz 1964]: *den Hass gegen andere Völker schürender, eroberungssüchtiger Nationalismus / национализм, разжигающий ненависть по отношению к другим народам, проводящий захватническую политику.* Дефиниция из другого словаря, изданного в Маннгейме, отличается не столь резким, более мягким и назидательным тоном: *einseitige, überspiztze Vaterlandsbegeisterung; Kriegshetze / односторонняя, утрированная любовь к Родине, разжигание войны.* Ряд примеров может быть продолжен, при этом подчеркнем, что различия в толковании касаются не только лексем с идеологической подоплекой, но и таких слов, как *Unterhaltung* (беседа), *Bilanz* (итог), *Initiative* (инициатива), *planen* (планировать). Как справедливо отмечает В. Бетц, немецкий язык можно рассматривать как *Homonyme-Sprache (язык омонимов)* [Betz 1964: 178]. Наряду с этим немецкий язык отличается и широко распространенной полисемией, по поводу которой «сокрушается» П. фон Поленц. Сложность в употреблении и понимании немецкого языка продиктована, на его взгляд, именно данным явлением, которое он характеризует с помощью яркого оценочного эпитета — «коварный»: *tückische Polysemi* (коварная полисемия) [цит. по: Müller 1994: 130].

Заметим, что факт существования двух словарей серии «Дуден» привел к появлению выражения *der geteilte Duden — разделенный Дуден* (автор этого определения — В. Штейнберг). Атрибут «geteilt» является, на наш взгляд, рекуррентной, более того, лейтмотивной лексемой в немецком лингвокультурном пространстве, т. е. в научном, публицистическом и художественном дискурсах (вспомним, например, роман Кристы Вольф «Der geteilte Himmel» — «Расколотое небо»).

Обратимся к еще одному варианту концепта «свой — чужой»: «hölzerne Sprache — normales Deutsch» («деревянный», или «официальный язык» — «нормальный немецкий язык»). Внимание к языковой репрезентации данной грани концепта проявляют многие исследователи, среди которых Г. Мюллер, К. Тейхманн, Р. Рохе и другие. Достаточно интересные наблюдения представляют языковые интервью. Чем же оправдано обращение к жанру языкового интервью? Ответ на этот вопрос содержится в приводимых далее созвучных друг другу мнениях лингвистов и ученых. Так, И. Пригожин, известный бельгийский физик, справедливо полагает, что время является существенной компонентой нашего внутреннего опыта и ключом к пониманию истории человечества *не только на уровне общества, но и на уровне*

отдельной языковой личности [цит. по: Юрченко 2005: 31]. Немецкий лингвист А. Ассманн отмечает важность новой историкографической парадигмы на рубеже прошлого и нынешнего столетия, предполагающей *возвращение от истории к историям* [Assmann 1991]. Языковое интервью следует отнести к сфере устного дискурса. Под дискурсом, вслед за Е. В. Чернявской, мы понимаем «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Чернявская 2006: 75]. Таким образом, языковое интервью представляет собой конкретное коммуникативное событие, направленное на достижение общей коммуникативной цели. В контексте нашего исследования актуально также понимание дискурса, предлагаемое К. Тейхманн, поскольку в данном определении подчеркивается связь текстов одного дискурса и соответствующих событий времени: *Texte eines Diskurses sind in enger Beziehung zum jeweiligen Zeitgeschehen zu sehen* [Teichmann 1991: 254] / *Тексты одного дискурса следует рассматривать в тесной связи с данными событиями времени.*

Как было отмечено ранее, в устных языковых интервью участвовали бывшие граждане ГДР, которые не только поделились своими наблюдениями относительно определенных языковых явлений, но и высказали свои ощущения и переживания в «поворотный» период (Wende) и спустя несколько лет после объединения Германии. Руководители проекта У. Фикс и Д. Барт ставили перед собой цель выявить языковые биографии рядовых граждан Восточной Германии, которые (биографии), на наш взгляд, являются средством реконструкции духа того времени. Не секрет, что восточные немцы испытывали постоянную потребность в оправдании, причем в большинстве случаев не по внутренней необходимости или потребности, а скорее под давлением или нажимом. Именно такой смысл заключает в себе лексема, использованная Д. Барт в связи с этим, — *Rechtfertigungszwang, 'принуждение к оправданию'* [Bart 2000: 66]. В таких условиях представлялось весьма затруднительным восстановить взаимопонимание, необходимое для истинного единства немецкого общества. Название упомянутого проекта звучало так: «Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR» («Язык и употребление языка до и после „поворота“ 1989 г. в воспоминаниях и переживаниях очевидцев из ГДР»). Улла Фикс и Дагмар Барт осознавали, что воспоминания, затрагивающие «болевые точки», помогут участникам интервью освободиться от безосновательных упреков, хотя отдельные так называемые *unbequeme Fragen* (неудобные вопросы) воспринимались бывшими гражданами ГДР отрицательно. В данном контексте, на наш взгляд, слово «Erinnerung» (воспоминание) можно интерпретировать как контекстуальный синоним слова «Rechtfertigung» (оправдание). Считаем, что подобное мнение в виде риторического вопроса озвучено Кристиной Дойсен в заглавии к ее исследованию: «Erinnerung als Rechtfertigung?» («Воспоминание как оправдание»?).

Признавая определенную субъективность воспоминаний, восприятий и ощущений каждого участника интервью (было проанализировано 17 интервью), считаем данные языковые материалы общественно значимыми, поскольку индивидуальная память социально окрашена и способна обогатить культурную память любого сообщества. Говоря о соотношении объективного и субъективного, уместно подчеркнуть, что и официальные источники не лишены субъективизма и не могут служить последней инстанцией, гарантирующей истину. Кроме того, справедливо мнение лингвистов, называющих культурную память этноса, закрепленную в текстах, «das halbe Gedächtnis» («половинчатой памятью»), которая должна быть дополнена памятью коммуникативно-языковой [Assmann 1992: 48]. Бесспорно, прав Б. М. Гаспаров, утверждающий, «что всякий акт употребления языка … представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [цит. по: Карасик 2002: 279].

Одна из особенностей языковых интервью заключалась в том, что в поле зрения их участников были одновременно прошлое, настоящее и будущее. Как показал материал, основное внимание интервьюируемых было сосредоточено на следующих моментах:

1. Восприятие и оценка немецкого языка в ГДР.
2. Первые впечатления, в том числе языковые, в «переломный» период («Wende»).
3. Сопоставление немецкого языка в бывшей ГДР и в «новых землях» спустя несколько лет после объединения Германии.

Давая оценку официальному немецкому языку в ГДР, все участники интервью отмечали его «заидеологизированность». Они признавались: *Ideologie war leicht zu durchschauen* / *...идеология легко просматривалась* [Fix, Bart 2000]. Приведем некоторые из характеристик, данных официальному языку в ГДР участниками проекта: *geistige Stagnagtion und Enge* (духовное загнивание и ограниченность), *keine kritische Stellungnahme, nur sozialistische Alternative* (отсутствие какой-либо критики, только социалистичесие альтернативы), *stereotype Ausdrücke, phrasehafte Rederei* (наборы шаблонных фраз, фразерская, бессодержательная болтовня). Поскольку официальный язык воспринимался как «чужой» в бывшей ГДР, неудивительно существование большого количества

синонимов с отрицательными коннотациями. Приведем некоторые из этих синонимов, однозначно эксплицирующие отношение бывших граждан ГДР к «своему» и одновременно «чужому» языку: *Schaumsprache* (фразерский язык, пускающий пыль в глаза), *Funktionärsdeutsch* (язык правящей партии), *primitive Sprache* (примитивный язык), *Zeitungsdeutsch* (язык, засоренный газетными штампами), *Behördensprache* (канцелярский язык), *Parteichinesisch* (дословно 'партийный китайский', в переносном смысле — 'непреодолимый, глухой' партийный язык). Все синонимы экспрессивны и образны, выражают яркие эмоции носителей языка, настроенных более чем критично по отношению к языку, обладавшему, по их мнению, следующими свойствами: *Eintönigkeit* (монотонность), *Langweile* (скука), *rhetorischer Glanz* (риторический блеск), *ohne Humor und Metaphern* (отсутствие юмора и метафор). Большинство участников проекта считали себя в некоторой степени жертвами авторитарности немецкого языка в ГДР, который воздействовал постоянно на их сознание за счет повторяющихся языковых средств, определенных шаблонов, что приводило к такому явлению, как *Entdifferenzierung* (обезличивание). Интересно в связи с этим метафорическое замечание одного из участников: *Ich bin DDR-geschädigt in meiner Sprache* (Мне нанесен ущерб в языковом отношении со стороны ГДР).

«Чужому», официальному немецкому языку противопоставляется «свой» язык, на котором общались среди «своих». В совершенно иной эмоциональной тональности звучат следующие определения: *normales Deutsch* (нормальный немецкий язык), *ein gutes Deutsch* (хороший немецкий язык), *wohlgeschnittenes Deutsch* (красивый, т. е. 'ласкающий слух' немецкий язык). Таким образом, «чужим» для восточных немцев оказался не только немецкий язык западных немцев, но и официальный немецкий язык ГДР. Близким, «своим» языком был тот, на котором общались дома, в кругу друзей и коллег. В связи с этим следует отметить чувство языка и должную наблюдательность участников проекта, не являющихся филологами. Их суждения и оценки во многом совпадают с мнением лингвистов, занимавшихся данной проблемой. Так, Р. Рохе [Roche 1991: 300] характеризует официальный немецкий язык времен ГДР следующим образом: *gestanzte, hochabstrakte Stereotype, farblose Metaphern* (заштампованные, чрезвычайно абстрактные стереотипы, бесцветные метафоры). К. Тейхманн, анализируя феномен «hölzerne Sprache» («деревянного» языка), справедливо обращает внимание на то, что не язык сам по себе является «деревянным» — он становится таким в процессе употребления: *Es ist nicht die Sprache, die das „Hölzerne" in sich trägt, sondern es ist der spezifische Gebrauch, den man von ihr macht … es handelt sich um Sprachverwendung in einem ganz bestimmten diskursiven Rahmen* [Teichmann 1991: 254] / *Не сам по себе язык является „деревянным", таковым его делает специфическое употребление … речь идет об использовании языка в рамках определенного дискурса.* Относительно официального немецкого языка в ГДР можно сказать, что через язык насаждалась идеология партии (имеется в виду СЕПГ), чуждая рядовому гражданину. Партия решала буквально все и во всех сферах. Не стал исключением и научный дискурс: его форму и содержание определял так называемый *Parteideutsch* (партийный немецкий язык) [Teichmann 1991: 255].

В заключение хотелось бы подчеркнуть сложность структуры концепта «свой — чужой» в немецком лингвокультурном пространстве, связанную с его многомерностью. Как справедливо отмечает А. П. Чудинов, «концепт охватывает все богатство содержания слова и представлений носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым во всем многообразии его качеств, признаков, связей и оценок» [Чудинов 2008: 44].

Проанализированный материал позволяет утверждать, что в языковой биографии немецкого этноса репрезентированы следующие грани рассматриваемого концепта: «Ost-/West-Sprache», «hölzerne Sprache-normales Deutsch». Эти варианты, «раскрываясь» в процессе изучения соответствующего языкового материала, позволяют понять тесную связь языковой биографии с событиями истории данного этноса.

Совершенно очевидно, что несмотря на определенные тенденции дивергентного развития в лексической системе немецкого языка в ГДР и ФРГ (до объединения), не будет корректным утверждение о языковом «расколе» и возникновении двух ***национальных*** вариантов немецкого языка. Убедительным аргументом пользу такого мнения является утверждение о том, что грамматическая система немецкого языка, которая формировалась в течение столетий, «прочна настолько, что никакой раскол ей не угрожает» [Domaschnev 1991: 5].

Кроме того, было бы наивно полагать, что сразу вслед за политическим объединением Германии исчезнут все языковые различия, присущие немецкому этносу. Как показала жизнь, по прошествии многих лет после объединения продолжает оставаться актуальной проблема так называемой «языковой стены», озвученная в следующем далеко не риторическом вопросе Кристофа Хейна: «durch eine gemeinsame Sprache getrennt?» («...разделены общим языком?») [цит.по: Müller 1994: 119].

Заметим, что не менее важным является изучение других граней концепта «свой — чужой» в немецком контексте, которые предполагается рассмотреть в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Л. С. Комплекс «свои — чужие» как историко-культурный и политико-социальный феномен // Мы и они. Конформизм и образ другого. — М. : КДУ, 2007. С. 27—118.

Григорьева О. В. Метафорическое моделирование дихотомии «свое — чужое» в контркультурной рок-лирике США и СССР : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.

Григорьева Т. В. Свет и тьма: языковая жизнь концептов : моногр. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2006.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.

Лучицкая С. И. Проблема «своих» и «чужих»: к постановке вопроса // Мы и они. Конформизм и образ «другого» : сб. ст. на тему ксенофобии. — М. : КДУ, 2007. С.119—133.

Маслова В. Н. Homo lingualis в культуре. — М. : Гнозис, 2007.

Петрова М. Л. Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже 20-21 веков : автореф. дис. …канд. филол. наук / Рос. гос. гуман. ун-т. — М., 2006.

Платонов Ю. П. Основы этнической психологии : учеб.пособие. — СПб. : Речь, 2003.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М. :АСТ : Восток — Запад, 2007.

СЭС = Советский энциклопедический словарь. — М. : Сов. энцикл., 1981.

Хайруллина Д. Д. Бинарные концепты «огонь» и «вода» как фрагменты ЯКМ (на примере английского и татарского языков) : автореф. дис. …канд. филол. наук / Татар. гос. гуманит.-пед. ун-т. — Казань, 2009.

Чернявская Е. В. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008.

Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания. — М. : КомКнига, 2005.

Assmann A. Die Legitimität der Fiktion. Ein Beitrag zur Geschichte der literarischen Kommunikation. — München : Wilhelm Fink Verlag, 1980.

Assmann Jan. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. — München, 1992.

Betz W. Der zweigeteilte Duden // Deutsch — gefrorene Sprache in einem gefrorenen Land? Literarisches Colloquim. — Berlin, 1964. S. 164 — 178.

Dann Otto. Nation und Nationalismus in Deutschland 1770—1990. 3. erweiterte Auflage. — München : Beck, Beckische Reihe, 1996.

Domaschnew A. I. Ade, DDR — Deutsch! // Muttersprache. 1991. № 1. S. 1—12.

Klemperer V. Zur gegnwärtigen Sprachsituation in Deutschland. — Berlin : Aufbau — Verl., 1953.

Müller G. Der „Besserwessi“ und die „innere Mauer“ // Muttersprache. 1994. № 2. S. 118—135.

Roche R. Nach Tische liest man`s anders // Muttersprache. 1991. № 4. S. 297—307.

Teichmann Chr. Von der „langue de bois“ zur „Sprache der Wende“ // Muttersprache. 1991. № 3. S. 252—265.

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. — Berlin : Bertelsmann Lexikon — Verl., 1975.

ИСТОЧНИКИ

Fix U., Bart D. Sprachbiographien. Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR. — Frankfurt-am-Main : Peter Lang, 2000.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. В. Дзюба

УДК 811.161.1'37
ББК Ш141.2-32 *ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51* *Код ВАК 10.02.19; 10.02.01*

А. В. Тихомирова
Екатеринбург, Россия

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОГО СИМВОЛА: *ЛАПОТЬ* В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Рассматриваются особенности коннотаций, характерных для слова* ***лапоть*** *в современном русском языке. Являясь специфически национальной реалией, лапоть в публицистических и рекламных текстах начинает осмысляться как символ страны, что не находит поддержки у носителей языка в силу устойчивости закрепленной за ним в языке негативной оценки.*

Ключевые слова: *семантика; семантическая деривация; фразеология; лингвокультурология; культурная и языковая символика; наименования одежды и обуви; лапоть.*

Сведения об авторе: *Тихомирова Александра Васильевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.*

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого президента Б. Н. Ельцина.

Контактная информация: *620000, г. Екатеринбург, пр-т. Ленина, 51, к. 306.*
e-mail: tikh-alexandra@yandex.ru.

A. V. Tikhomirova
Ekaterinburg, Russia

NEW LIFE OF AN OLD SYMBOL: *"LAPOT'"* ("BAST SHOE") IN THE THE CULTURAL-LINGUISTIC SPACE OF MODERN RUSSIA

Abstract. *The article views some peculiarities of the connotations which are typical of the word "лапоть" ("lapot'" — "bast shoe") in modern Russian. "Лапоть" is a specific national artifact, that's why it is considered as a symbol of the country in publicity and promotional texts. This idea isn't supported by native language speakers because the negative assessment for the realia is very stable in the language.*

Key words: *semantics; semantic derivation; phraseology; lingocultural studies; cultural and language symbolism; clothes and shoes names; "lapot'" ("bast shoe").*

About the author: *Tikhomirova Aleksandra Vasilievna, Post-graduate Student of the Chair of the Russian Language and General Linguistics.*

Place of employment: Ural Federal University n.a. the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Лапоть — один из наиболее ярких символов традиционной русской культуры, что находит отражение в различных культурных кодах — языке, фольклоре, ритуале и др. (см.: [Виноградова, Толстая 2004; Тихомирова 2011]). Он является показателем **материального достатка** (например, новг., пск. *из лаптей (лапот, лапоток) не выходить* 'жить бедно' [НОС 5: 7; ПОС 16: 504; СПП: 49], перм., омск., тобол. *лаптями трясти* 'одеваться бедно' [СРНГ 16: 266]), **принадлежности к крестьянам** (перм. *деревенский лапоть* 'о деревенских жителях' [СПГ 1: 464]), ассоциируется с такими качествами человека, как **простота**, **глупость** и **бескультурье** (*лапоть* '*перен., устар., презрит.* о невежественном, некультурном, отсталом человеке' [ССРЛЯ 6: 63]) и др. Продуктивность этого слова в плане семантической и фразеологической деривации объясняется широкой распространенностью реалии в России вплоть до 30-х гг. XX в. (а на ряде территорий и значительно позднее).

С давнего времени лапоть осмыслялся как своеобразный символ России: большую часть населения страны составляло крестьянство, для которого этот вид обуви был основным. Известен сатирический рисунок польского художника А. Орловского «Медведь с лаптями» (1823 г.): медведь (аллегория России) торгует лаптями, снятыми с крестьянина, который лежит ничком на земле. Обличительный пафос карикатуры, направленной против господствовавшего в России строя, выстраивается на обыгрывании общеизвестного атрибута крестьянина — лаптей. Устойчивость «народно-лапотной» и «крестьянско-лапотной» ассоциаций сохраняется и в начале двадцатого века, о чем свидетельствует, например, создание в 1924 г. крестьянского сатирического журнала «Лапоть» с подзаголовком «Веселый и ядовитый крестьянский журнал».

Некоторые из указанных мотивов актуальны и для лингвокультурного сознания носителей современного русского языка: лапти осмысляются как факт **исконной** культуры (уходящей в прошлое), являются символом **«русскости»**. При этом мотив исконности может нейтрализовать негативную символику лаптя. Задачи данной статьи — охарактеризовать коннотативные смыслы, присущие слову *лапоть* в современном русском языке и речи (преимущественно в публицистическом и рекламном дискурсе), а также продемонстрировать возможности наложения «старых» коннотаций лаптя на представления о реалиях новой действительности. Материал извлечен из интернет-текстов начала XXI в. (2002—2011 гг.).

Крестьянские (и далее — «сельскохозяйственные») ассоциации лаптя обнаруживаются в наименовании студенческой премии «Золотой лапоть», учрежденной Алтайским государственным аграрным университетом для поощрения творческих успехов студентов [www.asau.ru]. Возникновение такой оксюморонной по своей сущности номинации, когда слово *лапоть,*

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

© Тихомирова А. В., 2012

имеющее негативные коннотации бедности, провинциальности, простоты и глупости, получает характеристику *золотой,* которая, по замыслу номинаторов, должна была бы нивелировать отрицательную оценку, не является единичным случаем. Премию с аналогичным названием получают лучшие команды КВН в Рязани: *Как вы все наверное знаете, в Рязани по итогам сезона КВНщикам вручают „Золотые лапти“. Лучшая команда, лучшая визитка и т. д. получают эту почетную деревянную обувь* [www.kvnry.ryazan.ru]. Премия с таким же названием присуждается и в Воронеже, где ее обладателями становятся агентства по связям с общественностью и рекламе, обладающие лучшей репутацией: *Символ фестиваля — „Золотой лапоть“, как утверждают организаторы события, выбран не случайно. Это не просто намек на провинциальность (в хорошем смысле слова) фестиваля. Это исторически сложившийся элемент репутации России в международном сообществе* [www.advertology.ru]. В обоих случаях актуализируется мотив провинциальности с потенциальным расширением до «русскости» в целом *(Это не просто намек на провинциальность… фестиваля. Это исторически сложившийся элемент репутации России…).* Однако попытка снять негативную оценку в описанных случаях, думается, потерпела неудачу: сильная отрицательная коннотация лексемы *лапоть,* сталкиваясь с положительной символикой слова *золотой,* наоборот, становится более рельефной.

Образ *золотого лаптя*, однако, создан не сегодня: еще в XIX в. русский предприниматель Василий Кокорев, обладавший большим состоянием, на одном из аукционов купил лапоть, отлитый из золота, увидев в нем символическое отражение своего жизненного пути: *Был ведь когда-то лапоть лаптем, да озолотился, из низов вышел в миллионеры* [Чумаков 2009].

В постперестроечное время нередко декларируется возрождение интереса к традиционной культуре, и лапоть в таком контексте становится новым символом «русскости». Показателен в этом отношении пример установления памятника лаптю в Вологодской области в 2005 г.: *В Великом Устюге, на родине Деда Мороза, установлен памятник лаптю. Предполагается, что такая необычная достопримечательность привлечет в город больше туристов* [www.travel.ru]. На обыгрывании «лапотного» образа были построены мероприятия, сопровождающие открытие памятника: *Кавээнщики соберутся здесь на фестиваль под девизом „Ударим лаптями по бездорожью и разгильдяйству“, а спортсмены будут состязаться в „лаптевых“ видах спорта на „Лапотокиаде“: метании лаптя, лаптболе (футболе в лаптях) и так далее. Богатыри в лаптях покажут свою силу и удаль <…> Почти как в русской поговорке, можно будет поносить воду лаптем и так далее. Не обойдется без конкурса красоты, у него соответствующее название: „Лапотница — 2005“, и дефиле берестяной моды. Судно-лапоть прокатит по Сухоне-реке, показав ее во всей красе. Предусмотрена даже система штрафов <…> тем, у кого не будет лаптей или какой-то другой берестяной вещи* [Зеленина 2005]. Не обошли вниманием и процесс плетения лаптей, который также осмысляется через призму современных реалий: на аллее мастеров «Чудолапоть» посетителям давали возможность *не только приобрести авторские изделия, но и попробовать самому изготовить эту старинную обувь. Искусники демонстрировали умение плести лапти из подручных материалов — начиная от традиционной бересты и заканчивая полосками из пластиковых бутылок* [Новоселова 2005].

Многочисленные мероприятия праздничной программы этого фестиваля представляют лапоть как неотъемлемый атрибут русской жизни, в том числе и современной. В этом кругу новообразований (*лапотокиада*, *лаптбол*, «*Лапотница-2005*», «*Чудо-лапоть*») интересно создание номинации *лапотная свадьба* для обозначения полугодовой совместной жизни [www.stapravda.ru], по другим источникам — трехлетней [www.travel.ru].

Организаторы праздника приложили все усилия к тому, чтобы устранить отрицательные ассоциации, связанные с лаптем, и, напротив, сформировать его положительный образ; ср. пояснения пресс-секретаря администрации Великоустюгского района Е. Зелениной: *Лапоть выбран символом праздника не случайно. Мы хотели бы разрушить бытующее мнение, что русские умеют лаптем только щи хлебать. Гости смогут в этом убедиться. На лапте можно плавать, его можно есть, им можно играть в футбол и даже носить в нем воду* [www.news.samaratoday.ru]. Попытка изменить «статус» лаптей, наделив их «престижностью», проявляется в факте ношения лаптей высокопоставленными лицами: *В этот день в лаптях можно будет увидеть не только простых горожан, но и главу Великоустюгского района* [Там же].

Показательно в этом отношении мероприятие с аналогичным набором «лапотных» спортивных соревнований, проведенное под Владимиром. Среди его участников были мэры семи городов России: Суздаля, Луховиц, Углича, Владимира, Печерска и Тольятти. Главы городов должны были пробежать в лаптях версту. Журналист, описывающий это событие, заостряет внимание на исконности и народности выбранной атрибутики праздника: *Перед началом Олимпиады в Китае под Владимиром решили устроить свои соревнования. В древнерусском стиле, а еще точнее — в лаптях. Спортсмены и просто любители активного отдыха доказывали, что они не лыком шиты. К ним присоединились и несколько мэров российских го-*

родков. Решили и расслабиться, и к народу поближе побыть [Загорская 2008]. Интерес к лаптям со стороны начальства объясняется желанием быть «ближе к народу», проникнуться «народным духом»; ср. также интервью Ф. Буншу из с. Ижморка Ижморского района Кемеровской области, мастерицы, изготавливающей лапти: *Даже большие начальники лапти обувают. Может быть, в них по городу и не ходят, стесняются, а только дома-то, видно, всегда носят. А может быть, и просто так, ради интереса заказывают* [Язовский 2006].

Выражение *не лаптем щи хлебать* — излюбленный «лапотный» фразеологизм в современных СМИ и рекламе. Так, процитированная выше статья о «лапотном» празднике под Владимиром носит название «Мэры доказали, что не лаптями щи хлебают». Ср. также: *Так что лаптем щи хлебать — это не пепси-колу из банки пить, это гораздо интереснее!* [Воронцов 2006]. Подстаканник, имеющий плетеное оформление «под лапоть», снабжается «слоганом» *чай лаптем хлебать* [www.podstakanniki.ru]. Одно из блюд в деревенском кафе называется *Щи лапотные*, что удачно подчеркивает сельский колорит заведения [www.culture.pskov.ru].

В современном дискурсе сохраняются и закрепленные за *лаптем* мотивы простоты, глупости, бедности, провинциальности. Показательны в этом отношении сонники, в которых преломляются традиции различных стран и эпох, накладываемые на современные реалии. В них прослеживается устойчивость ассоциаций с бедностью и простотой, глупостью, присущих лаптю: *Лапти — проигранное дело; бедный или глупый жених для женщины (говорят о человеке: „лапоть“)* [Сонник Странника]; *Покупать себе лапти — является предвестием крупных неприятностей из-за Вашего непрактичного подхода к жизни* [Современный сонник]; *Лапти <…> вместо привычной обуви — обеднеешь через кражу* [Малый Велесов сонник]. Кроме того, лапти неизменно выступают как символ прошлого, старины и родных мест: видеть их во сне истолковывается как *желание посетить Родину (для тех, у кого лапти — обувь предков), также необходимость и/или возможность сделать это* [Сонник 2012]; ср. также: *Если тебе снятся лапти в качестве музейного экспоната — значит, наяву ты пренебрежительно относишься к наследию прошлого* [Восточный сонник].

Интересно название премии «Русский лапоть», которой было запланировано *награждать чиновников, не умеющих связно и грамотно излагать свои мысли* [www.lenta.ru]. Очевидно, в этом названии можно усмотреть рефлексы продуктивной метафоры, развивающей мотив глупости: «плести лапти» → «говорить вздор, ерунду», ср. печор., сиб. *<целые> лапти плести (наплести)* ‘говорить вздор, пустяки, врать, сплетничать’ [ФСРГНП, 2: 380; ФСРГС: 119].

Лаптями называют сходные с ними по форме и простые по приготовлению пирожки из постного теста: *Лапти, потому что очень простые во всех направлениях пирожки <...> Они и по виду <…> большие и чуть небрежны <...> Такое тесто очень бюджетное* [www.koolinar.ru].

Принадлежность кого-либо к жителям деревни выражается характеристикой *лапотный*: *Не иначе как с деревни, повадки характерны, такие кисы видны за версту. Понаехала лимитня лапотная, города не резиновые, сидели б в своих колхозах, и никто бы не бесил их в метро* [www.kisa-coo-coo.livejournal.com].

Актуальность данных мотивов вносит отрицательную окраску в значение прилагательного *лапотный*, имеющего ассоциативную связь со словами *русский, российский*, *исконный*: *Тот лицей, Царскосельский, тоже был европейский, а не лапотный* [Цирульников 2005]; *Фактор лапотного буддизма в системе международных отношений* (заголовок сообщения, посвященного концерту Бориса Гребенщикова) [www.rotting-wizard.livejournal.com]; *Когда речь заходит о корпоративной IP-телефонии в России, то, как правило, срабатывает „лапотный“ стереотип — мол, в России ничего хорошего происходить не может и дальше разговоров об IP-телефонии на предприятиях дело не идет* [Масленников 2003].

Формальный, показной патриотизм, нарочитая приверженность ко «всему русскому», граничащая с национализмом, носит пренебрежительное название *лапотного* (*квасно-лапотного, лубочно-лапотного*) *патриотизма* (*шовинизма*): *При этом, как и я, очень любил путешествовать, объездил почти весь мир. Иногда мы вспоминали наши поездки по самым сакральным и священным местам мира. Европа, Азия, Америка, Африка… Вот уж кого никак не назовешь лапотным патриотом. Юрий имел тонкий вкус, и составил интересную коллекцию артефактов из разных стран мира* [Бондаренко 2009]; *Если честно — как эта Россия уже всех достала со своим лапотным великодержавным шовинизмом!* [www.minprom.ua]; *Именно те, кто активно боролся с церковью, составлял списки, доносил — сейчас в активистах РПЦ. Нет места на земле, где бы эти „активисты“ не проповедовали шовинизм (квасно-лапотного толка), разжигали ненависть к „местным“, к не-московским* [www.svobodanews.ru]; *Я лично — поклонник идей Г. Гюнтера и В. Б. Авдеева. Впадение в лубочно-лапотный шовинизм считаю не целесообразным* [www.valentin-aleksy.livejournal.com].

Таким образом, наблюдается два единовременных процесса: с одной стороны, лапоть выбирается как новый (точнее — заново переосмысленный старый) символ России (благодаря коннотациям исконности, древности, истинной «русскости»); с другой стороны, у этого слова (и соответствующего культурного знака) остается актуальной негативная символика

глупости, невежественности, бескультурья, «деревенскости».

Амбивалентность лаптя (присущая этому культурному знаку издавна и возрожденная в современной лингвокультурной ситуации) проявляется в истории с поиском символа Вятского края. В июле 2010 г. региональной Молодежной общественной палатой была начата реализация проекта «Символы Вятки», по результатам которого должны были объявить неофициальный символ региона: *Станет ли им фестиваль „Гринландия“, мемориал в Котельниче, музей-усадьба братьев Васнецовых, Великорецкий крестный ход, Дымковская игрушка, истобенский огурец, вятский лапоть или знаменитые рыжики, — решат сами кировчане* [Синцова 2010]. Одной из задач проекта было создание «позитивного имиджа области непосредственно у ее жителей», при этом организаторы хотели на основе неофициального символа региона сформировать его «бренд» [Там же]. Примечательно, что из предложенных «кандидатур» особое внимание уделяется лаптю. Народный праздник «Вятский лапоть» (который был отпразднован второй раз за свою историю в 2010 г. в пос. Кильмезь), сходный по своему содержанию с праздником лаптя в Великом Устюге, получил статус областного фестиваля. Главой департамента культуры Кировской области Владимиром Микрюковым он анонсируется следующим образом: *„Вятский лапоть“ — не просто народный праздник, это своего рода новый культурный бренд Кировской области* [www.setinf.kirov.ru]. В самой Кильмези, откуда, как считается, стало распространяться плетение лаптей по Вятской губернии, был установлен полутораметровый памятник лаптю, являющийся визитной карточкой поселка [www.vyatka.aif.ru]. Определенную роль здесь сыграло устойчивое выражение *вятские лапти,* которое стало упоминаться все чаще в связи с обсуждениями возможного переименования Кирова в Вятку: *Вятка — из истории захолустный город, который славился лаптями и ссыльными* [www.svpressa.ru]. Кроме того, это выражение сами жители Кирова воспринимают как пренебрежительное наименование населения Вятки и поэтому оценивают его резко отрицательно: *При слове „вятский“ только одна ассоциация — лапоть, причем у всех по стране (это тем, кому стремно кировчанином называться); „вятский лапоть“ — потому что прост, глуп и туп* [www.tranzit.auto43.ru]. В то же время видна и попытка устранить негативные ассоциации, присущие этому выражению, актуализировав связь лаптя с народной традицией: *Какая болезненная реакция на поговорки столетней давности… Интересно, их где-нибудь еще помнят, кроме нашей области? А насчет лаптя не надо. Вятский лапоть не символ тупости, это скорее символ консерватизма, и в этом смысле сторонники* ***Кирова*** *куда больше похожи на вятских лаптей, чем сторонники* ***Вятки*** [www.tranzit.auto43.ru]. Показательны и высказывания, объясняющие происхождение *вятских лаптей* и утверждающие изначальное отсутствие пренебрежительного оттенка в значении фразеологизма: *Знаете ли Вы, что <...> выражение „вятский лапоть“ появилось в 1877 году, когда Вятская губерния выбросила на российский рынок 13,5 млн пар лаптей и тем прославилась? Правда, липа в губернии была уничтожена на 80 %. „Вятский лапоть“ такое же словосочетание, как „тульский самовар“, „оренбургский платок“, „пермяк — соленые уши“ и т. п. Ничего обидного в этом нет. Я за Киров и Вятский Край* [pc.gorodkirov.ru].

Однако в декабре 2010 г. в СМИ появляется информация об отказе от лаптя в качестве возможного символа Вятского края: *В настоящее время ассоциация нашего региона с „вятским лаптем“ не устраивает как власть, так и бизнес. В связи с этим предполагается провести ребрендинг, чтобы в массовом сознании наш регион стал ассоциироваться с чем-то другим* [www.kirovnet.ru]. Примечательна повторяемость параллели с Великим Устюгом: *По словам же московских специалистов, удачный бренд может много дать региону. В качестве примера приводился Великий Устюг — „Родина Деда Мороза“. Правда, на что сделать акцент в деле популяризации Кирова, пока не решили* [Там же]. В своих комментариях гости сайта, с одной стороны, пытаются отвергать существование ассоциативной связи *лапоть — Вятка*: *„Ассоциация нашего региона с вятским лаптем?“ — В первый раз слышу* [Там же], — с другой стороны, признают наличие в образе лаптя мотива глупости: *Кто предложил-то такую ерунду — ВЯТСКИЙ ЛАПОТЬ??!! Предложили бы еще ВЯТСКИЙ ДУРАК!; А мы и есть лапти...* [Там же].

Приводимый выше пример обращения к истории выражения *вятский лапоть* и акцент на его «древности», «традиционности» призваны показать вторичность уничижительной окраски. К слову, подобный прием используется и в паранаучных текстах. Автор одного из них пытается (с использованием весьма безграмотных формулировок) переосмыслить этимологию слова *лапоть*, обнаруживая исконную «нейтральность» слова, а следовательно, иное понимание фразеологизмов, в состав которых оно входит: *Возьмем выражения „лапотная Россия“, „лаптем щи хлебать“. Имеются в виду наши нищета, бескультурье... Но слово „лапти“, как и „квас“, тоже древнейшего индоевропейского происхождения. Оно, как можно догадаться, является производным от „лапы“* ***(lopa)*** *— ступни или ладони. Примерно так же слово звучало у готов:* ***lofa*** *— ладонь; политовски* ***lopa*** *означает лапу собаки. В русском языке это индоевропейское слово сохранилось в исконном значении, как и „лапти“, — нечто, надеваемое на „лапу“ (окончание* ***ti*** *ха-*

рактерно для древнеиндийского). Стало быть, „лапотный“ никак не может означать „некультурный“, напротив, это „древний, традиционный“ [Воронцов 2006].

Рассмотрим другие обозначения одежды, которые близки *лаптю* по своей символике. Так, коннотацию «русскости» имеет и *сарафан*. В некоторых случаях эта культурная коннотация нейтральна по своей оценке. Ср. название праздника «Сарафанный хоровод», который проводился в селе Богослово Ростовского района Ярославской области, где посетителям, помимо игр, хороводов и выступлений гармонистов, предлагали померяться силой в перетягивании каната, ходьбе на ходулях, а также посетить ярмарку народных ремесел [www.travelnn.ru]. Отмечаются и негативные коннотации «сарафанности»: прилагательное *сарафанный* в ряде контекстов означает внешнее, «лубочное» следование традициям родной страны, ложный патриотизм, близкий к национализму, ср.: *Если чем и хороша эта статья, так это тем, что она есть иллюстрация к вопросу о разнице между собственно национализмом (национализмом европейским) и нынешним „русским национализмом“ (национализмом сарафанного типа), сочиняемым недоучившимися студентами с неутоленными карьерными амбициями* [www.vadimb.livejournal.com].

Довольно часто в современных текстах встречается уже приближенное к термину выражение *сарафанный маркетинг*. Это *бесплатная форма устной или письменной рекламы, с помощью которой удовлетворенные пользователи рассказывают другим людям, почему им нравится какой-либо товар или услуга* [www.ru.wikipedia.org], основанная на принципе *сарафанного радио*: *Сарафанное радио является рекламной формой, которой люди склонны наиболее доверять, так как человек, который советует какой-либо товар или услугу, не имеет в этом личной выгоды* [Там же]. Здесь нет коннотации «русскости», но есть близкая к ней символика «народности».

Украинским аналогом лаптя и сарафана становятся *шаровары*. Осмысление этих элементов костюма как внешних показателей принадлежности к той или иной нации (не демонстрирующих истинных качеств их представителей) можно наблюдать в следующем диалоге: *„У тебя ‘шароварный’, сценический стереотип, уважаемый, образа этнического украинца!“ — „Так же, как и у тебя ‘сарафанно-балалаечный’ образ русского...“* [forum.meta.ua].

В украинском языке появилось даже понятие *шароварщина,* за которым стоит следование украинским обычаям (исполнение народной музыки, ношение элементов традиционного костюма, возрождение казачьих традиций). Подобное явление ассоциируется с псевдопатриотизмом: видеоролик с названием «Про балалайщину, шароварщину і…» подается с метками *шароварщина, псевдопатріотизм* [viaestvita.hiblogger.net]. Оно явно оценивается негативно по причине несовпадения устоявшихся ориентиров современной культуры: *„Шароварщина!“ Якось довелось почути це на адресу людини, що йшла по Хрещатику у вишиванці. Хлопець років двадцяти, в сорочці з візерунком, що притаманний Гуцульщині, кудись поспішав. „Шароварщина!“ Це сказав чоловік середнього віку, одягнений в строгий сірий костюм. Окуляри в роговій оправі і чорний портфель доповнювали номенклатурно-чиновницький вигляд дядька* [www.majsternya.blogspot.com] / *„Шароварщина!“ Однажды пришлось услышать это в адрес человека, который шел по Крещатику в вышитой рубашке. Парень лет двадцати, в рубашке с узором, который присущ Гуцульщине, куда-то спешил. „Шароварщина!“ Это сказал человек среднего возраста, одетый в строгий серый костюм. Очки в роговой оправе и черный портфель дополняли номенклатурно-чиновничий вид дяди.* Нарочитая «этнографичность» может не отвечать требованиям хорошего вкуса, и в заметке «Венеция без шароварщины» отмечается: *По словам критиков, украинская экспозиция в Венеции вышла именно такой, какой ее хотел видеть куратор, британец украинского происхождения (значит — украинский европеец) Петр Дорошенко, а именно — павильон пестрит разнообразием в истолковании образа Украины. Никаких следов этнографичности, ставшей за последние два года тошнотворной, к счастью, нет* [www.obozrevatel.com].

Национальная «маркировка» понятия шароварщины ярко проявляется в том, что с его помощью могут быть противопоставлены русские и украинцы: *Так и в казачестве <…> вылилось два течения: кацапство и шароварщина* [www.atamanets.livejournal.com]. (Ср. простореч. *кацап* ‘*устар.* презрительное название русского (в отличие от украинца)’ [ССРЛЯ 5: 886].) Показательно, что активизацию *шароварщины* относят к советскому времени, а зарождение — к дореволюционному, и осмысляют ее как *целенаправленную культурную политику, ставящую своей целью устранить самобытность украинской культуры через нивелирование эстетики „высокого“ и культивирование комической, сниженной ее составляющей* [www.uk.wikipedia.org; Кацун 2006]. Иллюстрацией этому может служить высказывание Т. Грымалюка, режиссера одного из ведущих концертных агентств Украины «Арт Велес»: *Например, „псевдофольклорные“ коллективы, начиная от сельского клуба и заканчивая коллективами, которые финансировались государством, пропагандировали эстетику поверхностную и смехотворную. Образ казака в шароварах и с приклеенными усами становился кукольным, театрализованным и бутафорским. У него всегда был глуповатый вид и неловкие движения. Настоящие народные песни со сложным, глубоким содержанием заме-*

нялись соответствующим репертуаром: о куме, варениках и тому подобное [Кацун 2006].

Так же, как в случае с лаптем, наблюдается попытка снять негативные ассоциации, «реабилитировать» шаровары как вид одежды и культурный символ, а вместе с ними — и другие явления народной культуры: *Однако в Украине все же есть немало людей, которые не понимают, зачем реабилитировать шаровары, так как считают, что это всегда было качественно, классно и современно. Например, известны группы, которые своим творчеством пропагандируют украинское, снимают современные клипы на современную музыку, миксируя их со старинными, собранными по селам, мотивами* [Кацун 2006]; *Также, согласно подсчетам Международной федерации боевого гопака, сегодня около восьми тысяч человек в Украине занимаются боевым гопаком, и для них шаровары — удобный и красивый вид одежды. По наблюдениям президента федерации Владимира Пилата, на Западе страны молодежь вообще очень положительно воспринимает шаровары как вид украинской национальной одежды* [Там же]. Подобный процесс связан с обостренным осознанием этнической принадлежности, один из признаков которого — уважительное отношение к национальным традициям: *Например, депутат Андрей Шкиль, — объясняет Пустовит < Лилия Пустовит — известный украинский дизайнер и модельер>, — всегда под костюм надевает вышитую сорочку. Для кого-то это, возможно, шароварщина. А для меня это сознательное уважение человеком своих корней: он надевает и будет надевать ее принципиально каждый день* [Там же].

Таким образом, лапоть и сарафан (последний — в меньшей степени) в русской традиции, а также шаровары в украинской, будучи специфически национальными реалиями, этнографизмами, осмысляются в современном дискурсе как символы страны и ее исконной культуры. Это осмысление амбивалентно. С одной стороны, оно связывается с поиском национальной идеи и соответствующих маркеров «национальной идентичности» (в том числе предметных) — и в этом случае одежным символам приписываются положительные коннотации. С другой стороны, такое «приписывание» нередко осуществляется искусственно, нарочито, «сверху», — и намеренная «реабилитация» культурных знаков в СМИ и рекламе не находит отклика у носителей языка, поскольку мотив исконности может нивелироваться за счет негативной оценки, закрепленной в языке, а также принадлежности данных одежных символов к укладу, который ушел в прошлое.

СЛОВАРИ

НОС = Новгородский областной словарь. — Великий Новгород, 1992—2000. Вып. 1—13.

ПОС = Псковский областной словарь с историческими данными. — Л., 1967— . Вып. 1—.

СПП = Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб., 2001.

СРНГ = Словарь русских народных говоров. — М. ; Л., 1965—. Вып.1— .

ССРЛЯ = Словарь современного русского литературного языка. — М. ; Л., 1948—1965. Т. 1—17.

ФСРГНП = Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. — СПб., 2008. Т. 1—2.

ФСРГС = Фразеологический словарь русских говоров Сибири. — Новосибирск, 1983.

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко В. Русский подвижник // Завтра. 2009. № 2 (150). URL: http://www.zavtra.ru/denlit/150/11.html (дата обращения: 05.01.2011).

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Лапти // Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. — М., 2004. Т. 3.С. 79—81.

Воронцов А. Словарь мнимых истин. // Русский дом. 2006. № 7. URL: http://www.russdom.ru/oldsayte/2006/200607i/20060716.shtml (дата обращения: 05.01.2011).

Восточный сонник // Felomena.com : журн. о непознанном. 2009. 23 окт. URL: http://felomena.com/sonnik/l/lapot/ (дата обращения: 05.01.2011).

Загорская А. Мэры доказали, что не лаптями щи хлебают // Комсомольская правда. 2008. 29 июля. URL: http://kp.ru/daily/24137/355984/ (дата обращения: 05.01.2011).

Зеленина Е. «Дед Мороз обувается в лапти!» // Ставропольская правда. Новости Ставрополя и Ставропольского края. 2005. 20 мая. URL: http://www.stapravda.ru/20050520/Ded_Moroz_obuvaetsya_v_lapti_17794.html (дата обращения: 05.01.2011).

Кацун Ю. Как спасти шаровары от «шароварщины»? // Ежедневная всеукраинская газета «День». 2006. 7 апр. № 58. URL: http://www.day.kiev.ua/160634 (дата обращения: 05.01.2011).

Малый Велесов сонник // Felomena.com : журнал о непознанном. 2009. 23 окт. URL: http://felomena.com/sonnik/l/lapot/ (дата обращения: 05.01.2011).

Масленников И. Корпоративная IP-телефония // Comptek Online. 2003. 21 мая. URL: http://www.comptek.ru/box/687 (дата обращения: 05.01.2011).

Новоселова А. Обувной праздник на Вологодчине / [перепеч. из:] «Российский вестник (приложение к газете „Свободная Грузия“)». 2005. 23 июля. № 019. С. 7 // [опубл. в:] информ. портал www.PRAZDNIKINFO.ru. URL: http://www.prazdnikinfo.ru/5/34/10/i21_22490p1.htm (дата обращения: 05.01.2011).

Синцова Н. Кировчанам предстоит выбрать неофициальный символ области // Давеча. Новости Кировской области, города Кирова и Приволжья. 2010. 16 июля. URL: http://www.davecha.ru/news/2010/07/16/231434.htm (дата обращения: 05.01.2011).

Современный сонник // Felomena.com : журн. о непознанном. 2009. 23 окт. URL: http://felomena.com/sonnik/l/lapot/ (дата обращения: 05.01.2011).

Сонник 2012 // Felomena.com : журн. о непознанном. 2009. 23 окт. URL: http://felomena.com/sonnik/l/lapot/ (дата обращения: 05.01.2011).

Сонник Странника // Felomena.com : журн. о непознанном. 2009. 23 окт. URL: http://felomena.com/sonnik/l/lapot/ (дата обращения: 05.01.2011).

Тихомирова А. Лапоть в русской языковой традиции // Живая старина. 2011. № 2. С. 53—56.

Цирульников А**.** Барские причуды // Лицейское и гимназическое образование. 2005. № 8. URL: http://www.lgo.ru/n8-05-2.htm (дата обращения: 05.01.2011).

Чумаков В. Русский капитал от Демидовых до Нобелей. — М., 2009 // цит. по: http://lib.rus.ec/b/189812/read (дата обращения: 05.01.2011).

Язовский В. Бабушка Федосья сплела лапти для Тулеева // АиФ Кузбасс. 2006. 16 авг. № 33 (509). URL: http://kuzbass.aif.ru/issues/509/05_01 (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://www.advertology.ru/article15710.htm (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://www.asau.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=615&Itemid=1 (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://atamanets.livejournal.com/3006.html (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://culture.pskov.ru/ru/infrastructure/object/245 (дата обращения: 05.01.2011).

[www.forum.meta.ua] : высказыв. пользователей Obers и Boot78 // Форум «Мета». 2011. 31 авг. URL: http://forum.meta.ua/topic/t/106744/asc/1155.html (дата обращения: 07.12.2011).

URL: http://www.kirovnet.ru/news/2010/12/02/simvolom-oblasti-ne-budet-lapot# (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://kisa-coo-coo.livejournal.com/1536.html (дата обращения: 05.01.2011).

URL:http://www.koolinar.ru/recipe/view/75341 (дата обращения: 05.01.2011).

URL:http://kvnry.ryazan.ru/lopata.html (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://www.lenta.ru/oddly/2002/04/16/rusbast/ (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://majsternya.blogspot.com/2008/09/blog-post_24.html (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://minprom.ua/news/6294.html (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://news.samaratoday.ru/news/61801/ (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://obozrevatel.com/news/2007/6/11/174815.htm (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://pc.gorodkirov.ru/article_view?a_id=13877&start=15 (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://www.podstakanniki.ru/index/0-11 (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://rotting-wizard.livejournal.com/3660.html (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CC%E0%F0%EA%E5%F2%E8%ED%E3_%E8%E7_%F3%F1%F2_%E2_%F3%F1%F2%E0 (дата обращения: 07.12.2011).

URL: http://www.setinf.kirov.ru/news/2010/07/15/19895/ (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://www.svobodanews.ru/content/article/1775934.html#ixzz0xcQNEKik (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://svpressa.ru/politic/article/3907/ (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://tranzit.auto43.ru/article_view?a_id=14715&start=45 (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://tranzit.auto43.ru/article_view?a_id=14715&start=60 (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://www.travel.ru/news/2006/07/12/91537.html (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://www.travelnn.ru/?id=46302 (дата обращения: 07.12.2011).

URL: http://uk.wikipedia.org/wiki/Обговорення:Шароварщина (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://vadimb.livejournal.com/1086625.html (дата обращения: 07.12.2011).

URL: http://valentin-aleksy.livejournal.com/7252.html?thread=349012 (дата обращения: 05.01.2011).

URL:http://viaestvita.hiblogger.net/351969.html (дата обращения: 05.01.2011).

URL: http://vyatka.aif.ru/issues/573/04_02 (дата обращения: 05.01.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. Э. Рут

УДК 811.111.1'27
ББК Ш143.21-7 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*

А. В. Хренова
Новокузнецк, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА *PRESIDENT* В АМЕРИКАНСКОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. *Рассматривается содержание концепта PRESIDENT в американском политическом дискурсе, а также факторы, влияющие на формирование его структуры. Автор анализирует динамику развития понятийных признаков за последние 150 лет на материале национальной газеты «New York Times».*

Ключевые слова: *президент; концепт; структура концепта; политический дискурс; американская концептуальная система.*

Сведения об авторе: *Хренова Анна Викторовна, преподаватель кафедры иностранных языков.*

Место работы: Сибирский государственный индустриальный университет.

Контактная информация: *654007, г. Новокузнецк, ул. Кирова, д. 42, ауд. 261а/Г.*
e-mail: nvkz-anna@rambler.ru.

A. V. Khrenova
Novokuznetsk, Russia

HISTORICAL PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF THE CONCEPT *PRESIDENT* IN THE AMERICAN CONCEPTUAL SYSTEM

Abstract. *The article examines the significance of the concept PRESIDENT in the American political discourse and the factors that influence its structure formation. The author analyses the dynamics of development of the semantic features over the past 150 years using the texts from the national newspaper The New York Times.*

Key words: *president; concept; concept structure; political discourse; American conceptual system.*

About the author: *Khrenova Anna Viktorovna, Lecturer of the Chair of Foreign Languages.*

Place of employment: Siberian State Industrial University.

В центре рассмотрения статьи находится концепт *president* и его место в американской концептуальной системе. Анализ проводится в русле одного из актуальных современных направлений — политической лингвистики, предполагающей использование методов когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики [Чудинов 2003: 24—26]. Предметом исследования служат особенности концептуальной структуры феномена *president* и изменения понятийного наполнения концепта в ходе исторического развития. Материалом для изучения являются публикации в газете «New York Times», изданные в кризисные периоды 1873—1879 гг., 1929—1933 гг. и 2008—2011 гг.

Институт президентства в США — один из старейших в мире. Президент в традициях американской политической системы является ключевой фигурой, определяющей развитие внутренней и внешней политики. Как пишут американские политологи, президент — сам по себе новость: кто он, о чем думает, что говорит, — поскольку для репортеров и общества президент — идеологический символ американской демократии и нации, персонифицирующий исполнительную ветвь власти: «Президент — единственный избранный политик в американском правительстве; он принимает участие в традиционных, красочных ритуалах и церемониях; может принести своей стране и всему миру горе и разорение» [Paletz, Entman 1980: 416—417].

При анализе современного материала, опубликованного в газете «New York Times» за 2008—2011 гг., с целью проследить динамику изменения концепта *president* за последние 150 лет, необходимо учесть тот факт, что период 2008—2011 гг. является периодом финансово-экономического кризиса, и было бы логично рассматривать данный политический концепт в схожих исторических условиях, так как в случае возникновения внутренних и внешних кризисных ситуаций роль президента возрастает многократно. Поэтому для сравнительного анализа наряду с 2008—2011 гг. были выбраны периоды экономических кризисов в США 1929—1933 гг. и 1873—1879 гг. Хотя полной идентичности между экономическими кризисами и характерами их развития быть не может, тем не менее представляется возможным говорить о некоторых чертах сходства, а именно сокращении промышленного производства, инфляции, росте уровня безработицы и массовых банкротствах.

В соответствии с классификацией, разработанной М. В. Пименовой, все концепты по степени их актуальности можно разделить на две группы: ведущие и второстепенные. Так, например, к ведущим концептам в английской лингвокультуре относятся *heart* [Пименова 2007], *truth* [Агиенко 2005], *love* [Балашова 2004] и др., концепт же *president* является второстепенным. Однако если рассматривать его в рамках политического дискурса, то данный концепт, бесспорно, будет являться дискурсообразующим, поскольку «каждому типу институционального дискурса присущи специфические концепты, которые можно назвать дискурсообразующими. Эти концепты актуализируются в его ключевых знаках, составляют содержательно-тематическое ядро, формируют семиотическую модель и жанровую структуру того или иного типа дискурса» [Шейгал 2002: 24].

В понимании концепта мы придерживаемся определения, предложенного М. В. Пименовой в рамках лингвокультурного подхода: «...концепт — это совокупность признаков, представляющих фрагмент мира или часть такого фрагмента», обладающий определенной структурой

© Хренова А. В., 2012

[Пименова 2002: 131]. В данную структуру входят мотивирующие, понятийные, образные, ценностные и символические признаки [Пименова 2007: 14]. В ходе анализа толковых и энциклопедических словарей, Конституции США было отмечено 13 понятийных признаков концепта *president,* зафиксированных на протяжении всего периода развития данного концепта в английском языке: 1) 'глава государства', 2) 'руководитель некоммерческой организации, объединения', 3) 'руководитель коммерческого объединения', 4) 'глава административно-территориального образования', 5) 'высшее божественное существо в политеизме, хранитель, покровитель', 6) 'председатель собрания, заседания, руководитель прений в собрании (суде), 7) 'глава церкви', 8) 'руководитель заведения, учреждения', 9) 'спортивный судья / ответственный за проведение соревнований', 10) 'священнослужитель', 11) 'глава руководящего органа', 12) 'разновидность ткани', 13) 'Верховный главнокомандующий' [Хренова 2009б: 303—310].

При анализе материалов газеты «New York Times» представляется возможным выделить следующие понятийные признаки концепта ***president*** в каждом рассматриваемом периоде.

«New York Times» за 1873—1879 гг.:

– **'**глава государства', ср.: ***President*** *Grant came to the Capitol at noon today, accompanied by the Attorney General, the Secretary of the Treasury...;*

– 'руководитель некоммерческих объединений', таких как ассоциация, общество, клуб, союз и конгрегация, ср.: *The third paper in the report is by Dr. J. M. Toner,* ***President of the American Medical Association,*** *Washington…; He was arrested on Tuesday, and, on complaint of James Bough****, President of the society*** *was held for examination; Following is the full text of the letter addressed to the editor of the Norwich (Conn.) Bulletin by Mr. W.L. Gross,* ***President of the National Union of Andersonville Survivors****;* ***President of the Free Congregation*** *asked those present to organize immediately in this city a congregation…;*

– 'руководитель коммерческих организаций', т. е/ компании, биржи, банка: *The Oregon is for* ***the Oregon Steam-ship Company of Portland,*** *of which Mr. H. Villard is* ***President; President of the Philadelphia Commercial exchange,*** *made an address on the rise and progress of America; It is numerously signed by* ***bank Presidents*** *and business men;*

– 'глава административно-территориального образования', например президент коммуны (территориально-административная единица Франции и некоторых других государств): ***The President of the commune,*** *in reply, told him that in addition to payment for the needed documents he would have to provide for the rights of bourgeoisie if his fiancée were a Swiss;*

– 'руководитель собраний, прений в суде' — председатель суда, встречи, съезда, ср.: *At the head of this table sits the* ***President of the Court****, with the prosecuting attorney at his side; "I now nominate as* ***President of the meeting*** *one of our most valuable and respected citizens, Salem H. Wales"...; The Selection of Mr. Boutwell for* ***President of the convention,*** *which was announced yesterday is regarded by many as a mistake…;*

– 'руководитель учреждения' — президент университета, института, ср.: *Rev. Dr. Foss* ***President of Weleyan University,*** *will preach tomorrow at St. James' Methodist Episcopal Church; Mr. O'Connor,* ***President of the Law Institute****, in accepting the gifts in its behalf, said that…;*

– 'глава руководящих органов' — правительства (в Италии), торгово-промышленной палаты, сената, департамента, совета, комиссии, комитета, конференции (высший законодательный орган в методистской церкви): *Signor Depretis,* ***the President of the Cabinet****, addressed some words to the Senate, before the vote…;* ***The President of the Senate*** *did open and count the votes of the Electors; It was proposed to make Dufaure* ***President of the council of Ministers,*** *or Premier…;* ***The New-York methodist conference*** *reassembled yesterday morning Rev. Mark Staples of Norwalk, Fairfeld County, Conn., in the absence of the* ***President****, took the chair.*

«New York Times» за 1929—1933 гг.:

– 'глава государства', ср.: *They are really clerks to a vigorous and assertive* ***President;***

– 'руководитель некоммерческих объединений', таких как ассоциация, общество, клуб, союз, лига, фонд, лобби, группа школьников/студентов (староста), федерация, организация: *Jansen Haines, for twenty years* ***president of the National Commercial Gas Association,*** *will head the service; Mr. Hunt was a former* ***president of the architectural League of New York*** *and of the New York Chapter of the American Institute of Architects; The document was given out tonight by Professor John Dewey,* ***president of the lobby;*** *John Henry Bradley, head of Hackney down School, spoke across the Atlantic Ocean to Robert Hild,* ***president of the senior class of the Business High School in Washington;*** *President Taft, who was the first Honorary* ***President of the boy Scouts of America****…;*

– 'руководитель коммерческих организаций', т. е. компании, банка, корпорации, ср.: *Herman Hachmeister,* ***president of the company,*** *said in his annual report that bank loans had been cut to $17,819 form 677,412 as of July 31, 1930; Frank H. Williams,* ***president of the City Savings Bank of Albany,*** *cited the listing of securities which pass rigid tests of soundness as a chief of the exchange; Colonel J. C. Heckman, formerly of Cheney Brothers, New York, was elected* ***president of the new corporation***;

– 'глава административно-территориального образования', например президент одного из пяти районов г. Нью-Йорка: *It was not until well after 5:30 o'clock in the afternoon that* ***the Borough President*** *and his witnesses left;*

– ‘руководитель собраний, прений в суде’ — председатель суда, съезда: *Judge Jacob J. Miller, 71 years old, **president of the Orphans Court of Alleghany County,** died suddenly early today at his home here; The failure of Victor Hugo Jackson, pioneer orthodontist sculptor and an honorary **president of the International Congress of Orthodontists,** to have his will witnessed resulted yesterday in its invalidation by Surrogate O’Brien…;*

– ‘руководитель учреждения’ — университета, больницы, библиотеки, ср.: ***President of Columbia University** — Senator Capper’s proposed new joint resolution…; The largest single contribution thus was one of $250000, by George Blumenthal, **president of the hospital,** and Mrs. Blumenthal; She was… **president of the Free Library of East Hampton,** L. I., where she had her country home;*

– ‘глава руководящих органов’ — правительства (в Италии), торгово-промышленной палаты, совета, Палаты олдерменов, комитета: *Mr. Cardiello was honorary **president of the Italian Chamber of Commerce**…; Dr. Schacht, as **president of the council**, presided at the meeting, which immediately settled down to electing his successor; Joseph V. McKee, **president of the Board of Aldermen,** will speak tomorrow evening at 8 o’clock in the Fordham Manor Reform Church; Mrs. Dike was **president of the American Committee for Relief in the Devastated Regions of France.***

«New York Times» за 2008—2011 гг.:

– ‘глава государства’, ср.: *The **president** and Congressional Republicans could find common ground on issues like education reform and alternative energy;*

– ‘руководитель некоммерческих объединений’ — ассоциации, общества, союза, лиги, фонда, федерации, организации: *“It puts a bigger tax on middle-income Americans who are paying enough”, said… the general **president of the International Association of Fire Fighters;** Dr. Akren N. Olness… who is **the president of the International Society of Hypnosis,** said that…; Donnie Walsh spent his first two years as **the team’s president** patiently slashing payroll…;*

– ‘руководитель коммерческого объединения’, т. е. фирмы, траста, корпорации, ср.: *Laszlo Birinyi Jr., **president of Birinui Associates,** a stock market research firm, finds it more appropriate to be in stocks than bounds because the yields are limited; Less than two months after Mr. Barand was named to his position **the trust’s president,** Barry Munitz, resigned under pressure amid questions about his use of the trust’s money; Alan D. Aviles, **president of the city’s Health and Hospitals Corporation,** called the allegations “grossly inaccurate”;*

– ‘глава административно-территориального образования’. Президент одного из пяти районов г. Нью-Йорка: *After a failed bid for Manhattan **borough president** in 2005, she was hired to run Success and moved back to Harlem;*

– ‘руководитель учреждения’, например университета, исследовательского института музея: *He graduated from Lewis and Clark College in 1970… and worked until 1977 as assistant to **the president of Portland State University;** She was later active with consumer and civic organizations, among them **the Consumer Interest Research Institute,** of which she was founder and **presiden;** In the 1980s and 1990s **the Metropolitan Museum of Art** was run by… William H. Luers as **its president,** who oversaw the museum’s administration;*

– ‘глава руководящих органов’ — сената, совета, департамента, комиссии, ср.: *Malcolm A. Smith, a Democrat and **president of the State Senate,** said he would support many of the governor’s proposals; **The council president,** Jesse Brown, did not return telephone calls for an interview; A car bomb critically wounded the **president of the medical board,** Dr. Trent P. Pierce, in West Memphis; Earlier this month, **the European Commission president,** Jose Manuel Barroso, urged the Romanian government to “treat the fight against high-level corruption…”*.

Как демонстрируют вышеперечисленные понятийные признаки, актуальность концепта *president* отнюдь не сводится лишь к политической сфере. Однако если проследить процентное соотношение всех понятийных признаков (см. табл.), то можно сделать вывод, что на современном этапе ‘глава государства’ является наиболее частотным понятийным признаком концепта *president* (89,3 %), при этом в ходе исторического развития значительно падает актуальность остальных признаков. В связи с этим правомерно рассмотрение концепта именно в рамках политической концептуальной системы.

President — это широко использующийся в английской концептуальной структуре феномен, который постоянно развивается. Как отмечает М. В. Пименова, структура концепта непрерывно пополняется новыми понятийными признаками [Пименова 2007: 11]. Например, в соответствии с «Oxford English Dictionary Online», самое раннее зафиксированное упоминание слова *president* в значении «Бог греческого или римского пантеона, хранитель, покровитель» относится к 1522 г., ср.: *O blyssyt **moder of the Goddis**... be thou in batall now my **president*** (Douglas. *Æneid* X (tr. of Virgil 1522)); ***The Nymphes are sayed to bee presedents** or dieties of the fountaines* (Crooke. Μικροκοσμογραφια (1615))» [OED Online]; *…and when **the president of the immortals** himself appears, looking not like Zeus but like a bearded late Italian picture of Christ, the little skit gets out of its depth and entertainment is drowned in* (NYT, 05.01.1936). Такое значение, как «ткань с узорами, используемая для обивки (устар.)», можно найти в «Century Dictionary and Cyclopedia» от 1889 г.: ***President a kind of damask of silk**, or silk and wool, used for upholstery* [CDC 1889].

Таблица

Понятийные признаки концепта *president,* %

Понятийные признаки концепта ***president***	Период		
	1873–1879	1929—1933	2008—2011
‘глава государства’	52,4	56,8	89,3
‘руководитель некоммерческого объединения’	10,2	11,5	2,4
‘руководитель коммерческой организации’	13,2	14,1	5,6
‘глава административно-территориального образования’	0,1	6,5	0,7
‘председатель собрания, заседания, руководитель прений в собрании (суде)’	2,1	0,4	—
‘руководитель учреждения’	4,1	5,0	0,57
‘глава руководящего органа’	17,6	3,5	1,3

Переходя непосредственно к американской концептуальной системе, в качестве примера возьмем понятийный признак ‘глава административно-территориального образования’. Процентное содержание данного понятийного признака выглядит следующим образом: в период с 1873 по 1879 г. — 0,1 %, причем упоминался президент коммуны (President of the commune) — должность, которая не свойственна американской административно-территориальной системе, а является скорее европейской реалией. С 1929 по 1933 г. — 6,5 %, с 2008 по 2010 г. — 0,7 %. В 1898 г. в связи с необходимостью создания эффективной инфраструктуры работы с населением и административной децентрализации в г. Нью-Йорке вводится должность президента района (Borough President). В начале 80-х гг. прошлого столетия начался процесс снижения полномочий президентов районов с сохранением за ними обязанностей скорее церемониального характера [Zimmerman 1982: 16]. Вполне возможно, что в случае окончательного упразднения данной должности этот понятийный признак перестанет использоваться в отношении американской административно-территориальной системы.

Как было отмечено ранее, некоторые понятийные признаки концепта *president* приобретают большую актуальность, некоторые — меньшую, при этом понятийный признак ‘глава государства’ становится ключевым. Одно из объяснений этого факта можно найти, если обратиться к мотивирующим и символическим признакам концепта. Мотивирующий признак — «ядро будущего концепта», основа для формирования и развития дальнейших понятийных признаков, предопределяемых внутренней формой слова [Пименова 2007: 18]. Слово *president* имеет латинское происхождение и означает «председательствующий, глава» (в произв. Тацита и других авторов, ок. 55—120 н. э.), также имеется указание на то, что оно является субстантивированным существительным от глагола *praesideo* (в произв. Юлия Цезаря, ок. 100—44 до н. э.), использовавшегося для обозначения следующих действий: «1. а) восседать впереди, председательствовать, в переносном значении стоять во главе, руководить, управлять (*praesideo rebus urbanis* — ведать городскими делами; *praesideo exercitum* — командовать армией; *praesideo Pannoniam* — командовать войсками Паннонии; *praesideo ad judicandum* — заседать в суде; б) в императорскую эпоху председательствовать в сенате (*praesideo in senatu*); 2. защищать, охранять, оборонять (*urbi/agros suos* — город/свою деревню)» [Дворецкий 1996]. Все эти действия входили в обязанности курульных магистратов Древнего Рима, которые представляли собой особую категорию государственных служащих (консулы, цензоры, преторы, эдилы). Таким образом, на данном этапе получаем следующие мотивирующие признаки: ‘сидящий впереди’, ‘стоящий во главе / глава’, ‘председательствующий’, ‘правитель’, ‘государственный служащий’, ‘главнокомандующий / защитник (от военной угрозы)’ [Хренова 2009а: 380—387].

Символические признаки — «признаки, которые восходят к существующему или утраченному мифу или ритуалу и могут восприниматься в виде метафоры, аллегории или культурного знака» [Пименова 2007: 431]. Сегодня в английском языке можно найти такие выражения, как *to address the chair* — ‘обращаться к председателю собрания’, *to support the chair* — ‘поддерживать председателя’, *to take the chair* — ‘стать председателем собрания’, *to be / sit in the chair* — ‘председательствовать’, *to leave the chair* — ‘закрыть собрание’ и т. д. [Abbyy Lingvo 12]. Также встречаются следующие примеры употребления метафоры со словом *chair:* ***He also declined to sit in the President’s chair*** *while presiding over Cabinet meetings in Mr. Reagan’s absence* (NYT, 28.02.1982); “*I think she’d (Hillary Clinton)* ***like to sit in the President’s chair****," said Earle N. Peterson, 65, a retired veterinarian; “She feels Bill has blown it, and she has got to get it done on her own”* (NYT, 11.07.1999); *Felipe Calderón’s presidency got off to a bumpy start last Friday when leftists heckled him during his oath of office, but during his first several days* ***in the president’s chair*** *he has moved quickly to adopt some of their pet issues* (NYT, 8.12.2006).

Кресло — это символ, который имеет долгую историю. Как пишет в своих исследованиях немецкий историк Штефан Вайншток, обыкновенно кресло представляло собой бога или человека, который имел право сидеть в нем, но по каким-то причинам отсутствовал или был мертв. Символизм возник во времена античности на Ближнем Востоке, где троны воздвигали в честь богов и царей. Греки унаследовали обычай от доисторических жителей, населявших Грецию и использовали такие троны на пиршествах, устроенных в честь богов, в различных процессиях, возводили их в гробницах царей. Римляне переняли эти представления у греков одновременно с заимствованием соответствующих культов и ритуалов: *sellisternia* (селлистерний — религиозное пиршество) и *lectisternia* (лектистерний — род жертвоприношения). Изображения богов помещались на стулья и ложа, троны также начали использовать в процессиях, наносили их изображения на монеты. *Sella curulis* (курульное кресло), римский аналог царского трона, являлся символом власти и занимаемой высокой должности. Любой человек, которому выпадала честь сидеть в этом кресле, получал право действовать в интересах всей Римской империи. Оно было настолько важным, что дало название целому классу государственных служащих — *magistratus curules* (курульные магистраты) [Weinstock 1957: 148—149]. На различных заседаниях и встречах курульные магистраты в обязательном порядке занимали места на трибунале в курульных креслах [Taylor 1969: 533].

Итак, кресло — символ бога, власти, и человек, сидящий в кресле, является воплощением бога на земле, исполнителем его воли. В Древнем Риме, в силу отсутствия единого правителя (в республиканское время), лишь ограниченная группа людей имела право сидеть в курульных креслах и руководить страной. В дальнейшем, в ходе исторического развития и формирования значений слова, человек, выполняющий организационно-административные обязанности, именовался президентом. Поэтому вполне понятно, почему в США должность первого лица в государстве получила название “president”, особенно если учесть, что именно в Древнем Риме зарождается республиканская форма правления и элементы демократии. Помимо этого, обращение к символике древних сообществ и государств дает нам следующее толкование слова *president*: *president* — это наместник бога на земле, — в чем и кроется символический признак концепта.

В заключение можно сказать следующее: концепт *president* — это относительно молодой, активно развивающийся концепт, формирование которого обусловлено как внешними, так и внутренними факторами. К внешним факторам относятся политическая, социальная конъюнктура и, главным образом, состояние экономики, поскольку одной из приоритетных задач президента является ее эффективное и стабильное функционирование. Устойчивая экономика обеспечивает президенту общественную поддержку и гарантирует избрание на новый срок [Eshbaugh-Soha, Peake: 127—128]. В условиях кризиса, когда требуется безотлагательное принятие решений для минимизации возможных потерь, президент является единственным игроком на политической арене, который способен формировать стратегию выхода из кризиса и формулировать задачи не только для исполнительной ветви власти, но и для конгресса. Он становится объектом еще более пристального, чем обычно, внимания прессы и общественности, так как от его действий зависит будущее страны. Что касается внутренних факторов, то мы видим постепенное редуцирование понятийных признаков с явным доминированием одного из них вследствие сильного влияния мотивирующих и символического признаков концепта.

ЛИТЕРАТУРА

Агиенко М. И. Структуры концептов «правда», «истина», «truth» в сопоставительном аспекте : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Балашова Е. Ю. Концепты «любовь» и «ненависть» в русском и американском языковых сознаниях : дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2004.

Пименова М. В. Душа и жизнь: особенности концептуализации // Филолог. сб. / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово : Комплекс «Графика», 2002. С. 130—135. (Сер. «Филолог. сб.». Вып. 2).

Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ : моногр. — Кемерово : КемГУ, 2007. (Сер. «Концептуальные исследования». Вып. 9).

Хренова А. В. Историко-этимологический анализ концептов *президент* и *president* [Текст] // Новое в славянской филологии / отв. ред. М. В. Пименовой. — Севастополь : Рибэст, 2009а. Вып. 4. С. 380—387. (Сер. «Славянский мир». Вып. 4).

Хренова А. В. Мотивирующие и понятийные признаки концептов *президент* и *president* в русской и английской концептосферах // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике / отв. ред. М. В. Пименовой. — Севастополь : Рибэст, 2009б. С. 303—310. (Сер. «Славянский мир». Вып. 2).

Чудинов А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация / гл. ред. А. А. Кретов. — Воронеж : ВГУ, 2003. Вып.1. С. 19—31.

Шейгал Е. И. Культурные концепты политического дискурса // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация-2002». — Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2002. С. 24—26.

Eshbaugh-Soha M., Peake J. S. Presidents and the Economic Agenda // Political Research Quarterly / Saga Publications, Inc. on behalf of the University of Utah. 2005. Mar. Vol. 58, No. 1. P. 127—138.

Paletz D. L., Entman R. M. Presidents, Power, and the Press // Presidential Studies Quarterly / Blackwell Publishing on behalf of the Center for the Study of the

Presidency and Congress. 1980. Summer. Vol. 10, No. 3 : Why Great Men Are, or Are Not, Elected President. P. 416—426.

Taylor L. Seating Space in the Roman Senate and the Senatores Pedarii // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. — The Johns Hopkins University Press, 1969. Vol. 100. P. 529—582.

Weinstock S. The Image and the Chair of Germanicus // The Journal of Roman Studies. — Society for the Promotion of Roman Studies. 1957. Vol. 47, No. 1/2. P. 144—154.

Zimmerman J. F. Evolving Decentralization in New York City // State & Local Government Review. — Carl Vinson Institute, University of Georgia. 1982. Jan. Vol. 14, No. 1. P. 16—19.

СЛОВАРИ

Дворецкий 1996 = Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. — М. : Русский язык, 1996.

Abbyy Lingvo 12 : электр. слов. (ABBYY® LINGVO®12 © 2006 ABBYY software).

CDC 1889 = The Century Dictionary and Cyclopedia : in 10 vol. / ed. by W. D. Whitney. — NY, 1889. URL: http//www.global-language.com/CENTURY/ (дата обращения 14.01.2009).

OED Online = Oxford English Dictionary Online (Oxford University Press 2009). URL: http://www.oed.com (дата обращения 20.03.2009).

Статью рекомендует к печати д-р филол. наук, проф. М. В. Пименова

УДК 81.161.11'25
ББК Ш141.2-7 *ГСНТИ 16.31.41* *Код ВАК 10.02.20*

Н. В. Шутёмова
Пермь, Россия

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ СТИХОТВОРЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ПРЕДСКАЗАНИЕ»

Аннотация. *Анализируются типологические параметры стихотворения М. Ю. Лермонтова «Предсказание», рассматривается политическая мотивированность его идейно-эмотивной основы, образности и эстетически ценной стиховой объективации, определяется типологическая доминанта текста и специфика ее репрезентации в тексте перевода.*

Ключевые слова: *типологические параметры текста; поэтичность; политическая лирика М. Ю. Лермонтова; перевод.*

Сведения об авторе: *Шутёмова Наталья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии.*

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Контактная информация: *614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.*
e-mail: manchinova@perm.ru.

N. V. Shutemova
Perm, Russia

TYPOLOGICAL DOMINANT OF THE POEM «A FOREBODING» BY M. LERMONTOV IN TRANSLATION

Abstract. *The author of the article regards typological parameters of Lermontov's poem «A Foreboding», analyses political roots of its idea, imagery and aesthetic verse form, defines the typological dominant of the text and studies its representation in translation.*

Key words: *typological parameters of the text; poeticity; political poetry by M. Lermontov; translation.*

About the author: *Shutemova Natalia Valerievna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology.*

Place of employment: Perm State National Research University.

Поэтический перевод как творческая деятельность по созданию культурных ценностей, направленная на репрезентацию ценностей переводимой художественной литературы в принимающей культуре, оказывает значительное влияние на развитие национальных литератур, способствуя их взаимному обогащению. Поиск сущностного свойства оригинала традиционно является ключевым вопросом практики художественного перевода, но приводит преимущественно к интуитивной его интерпретации и описательному толкованию через частные компоненты. Сущность оригинала определяют как «тайную гармонию стиха» [Тургенев 1987: 71], создаваемое оригиналом впечатление [Фет 1987: 415; Гумилев 1991: 31], «аромат, который запечатлевается в памяти» [Диего 1987: 184].

Лингвистическое переводоведение, внесшее значительный вклад в становление науки о переводе, гипотетически констатирует наличие поэтического перевода, ограничивая представление о нем преимущественно лингвистическими рамками и используя поэтический текст в качестве материала, иллюстрирующего основные теоретические положения [Комиссаров 1990; Швейцер 19884; Рецкер 2004]. Большой вклад в развитие теории художественного перевода внесли концепции, разработанные с позиций стилистики А. В. Федоровым [Федоров 1983] и А. Поповичем [Попович 1980]. Однако из-за нацеленности лингвистического переводоведения на разработку универсальных переводческих технологий вне поля исследования оказывается специфика поэтического текста, обусловливающая проблемы, связанные с пониманием смыслового пространства оригинала и его репрезентацией в переводе. Понятие поэтического перевода охватывается более общими понятиями перевода или художественного перевода, при этом последнее не дифференцируется, и специфика поэтического перевода не эксплицируется.

Исследование типологических свойств переводимого текста составляет одно из основных направлений постлингвистического переводоведения, в котором, в связи с интенсивным развитием лингвистики текста, семиотики, когнитивной и дискурсивной лингвистики, феномен перевода получает комплексное освещение. На рубеже XX и XXI вв. разрабатываются общие и специальные теории собственно художественного перевода с позиций когнитивистики, синергетики, психолингвистики, семиотики, информационной, интертекстуальной, дискурсивной и деятельностной теорий [Алексеева 2000, 2002, 2010; Галеева 1999; Казакова 2006; Кузьмина 2009; Кушнина 2009; 2011; Либерман 1995; Нестерова 2005; Сорокин 2003; Фесенко 2002; Hatim, Mason 1997; Steiner 1988]. Процесс перевода получает не результативную трактовку, ориентированную на достижение эквивалентности в переводе, а динамическую, учитывающую и лингвистические, и информационные, и психологические факторы при его моделировании. Ключевыми становятся понятия вторичности как онтологического свойства перевода, переводческого пространства, переводящей личности, интеллектуальной деятельности, понимания, рефлексии, смысла, синергии, гармонии. В теории научного перевода рассматриваются такие типологиче-

Научно-исследовательская работа выполнена по заданию Министерства образования и науки Российской Федерации № 6.5828.2011.
© Шутёмова Н. В., 2012

ские параметры переводимого текста, как научность, теоретичность, эвристичность, диалогичность, а в теорию художественного перевода вводятся понятия художественности, содержательности, переводческой трудности, художественной информации. Однако, несмотря на богатую практику поэтического перевода и обилие разносторонних исследований поэтического текста в теоретической поэтике, восходящей к античности и сформированной взаимодополняющими философскими, эстетическими, лингвистическими и литературоведческими концепциями, в современном переводоведении вопрос о специфике поэтического перевода и сущностном свойстве оригинала, подлежащем передаче при переводе, остается открытым.

В разрабатываемой нами концепции поэтического перевода, представляющей собой попытку осмысления этого вида деятельности на основе принципа типологии текста, свойства поэтического текста определяются с учетом единства его формы и содержания, а также специфики структуры художественного творчества, результатом которого является поэтический текст. Данные критерии позволили нам выделить такие типологические параметры поэтического текста, как духовность, образность и эстетически ценная стиховая объективация, и определить его типологическую доминанту как комплексную текстовую категорию, представляющую собой единство данных параметров и охватывающую глубинный и поверхностный уровни текста [Шутёмова 2011]. Следуя традиции, заложенной в теоретической поэтике и практике художественного перевода, мы обозначаем типологическую доминанту поэтического текста, его сущностное свойство, подлежащее репрезентации в тексте перевода [Якобсон 1975: 228; 1987: 80; Морозов 1987: 377; Чуковский 1988: 78], термином «поэтичность».

При рассмотрении первого типологического параметра поэтического текста, названного нами духовностью, мы основываемся на философском определении духовности как «целостной активности человеческой психики, в единстве ее интеллектуальной и эмоциональной энергий» [Каган 1997: 301]. Параметр духовности учитывает интеллектуально-эмоциональное целое, генерируемое в процессе художественного познания ценностного аспекта отношения «человек — мир». С точки зрения второго параметра поэтичность можно рассматривать как образность осмысления ценностного аспекта отношения «человек — мир». Третий, лингвистический параметр учитывает специфику материала и его использования в словесном искусстве, включая соответственно знаковый и структурный аспекты. Являясь средством объективации художественной концепции автора, язык выполняет в поэтическом тексте эстетическую функцию, при этом традиционно объективация авторской идеи в поэзии имеет стихотворную форму, что в целом позволяет трактовать данный параметр как эстетически ценную языковую (в узком смысле — стиховую) объективацию образного осмысления ценностного аспекта связи «человек — мир». Данный параметр мотивирован параметрами глубинного уровня поэтического текста — духовностью и образностью. Именно мотивированность стиховой формы художественной концепцией автора отличает поэтический текст от текстов, имеющих стихотворную форму, но не обладающих поэтичностью и не являющихся поэтическими по своей сути. На основе выявленных параметров поэтичность трактуется как реализованное в образной системе и характеризующееся эстетически ценной стиховой объективацией идейно-эмотивное единство, порожденное художественным познанием ценностного аспекта связи «человек — мир».

Являясь сущностным свойством оригинала, поэтичность подлежит репрезентации в тексте перевода, что можно определить как цель поэтического перевода. Освоение поэтичности оригинала составляет содержание когнитивного этапа поэтического перевода и подчиняется закономерностям восприятия и понимания текста, в то время как репрезентация поэтичности оригинала в тексте перевода входит в задачи трансляционного этапа и протекает в соответствии с закономерностями текстопорождения. Вследствие гетерогенности сознания автора оригинала и переводчика при освоении и трансляции поэтичности переводимого текста происходит ее изменение в сознании переводчика как отличном от сознания автора медиуме. Такое изменение поэтичности оригинала в сознании переводчика мы условно называем «преломлением» поэтичности оригинала, считая, что термин «преломление» наиболее полно отражает закономерности освоения поэтичности оригинала переводчиком и ее передачи в тексте перевода. Факторами, определяющими степень преломления поэтичности оригинала в сознании переводчика, являются степень гетерогенности его сознания сознанию автора оригинала и рефлексирующая позиция переводчика. Степень преломления поэтичности оригинала в сознании переводчика зависит от освоенности переводчиком типологических параметров оригинала и их транслированности в тексте перевода. На основе степени освоенности и транслированности типологических параметров оригинала можно условно выделить консонансный, консонансно-диссонансный и диссонансный типы поэтического перевода. Консонансный перевод является результатом освоенности и транслированности всех типологических параметров переводимого текста. Консонансно-диссонасный перевод сопровождается частичной редукцией типологических параметров оригинала в тексте перевода, несмотря на возможность их полного освоения переводчиком, в то время как диссонансный перевод предполагает частичное или полное редуцирование типоло-

гических параметров текста при их освоении и полное редуцирование при трансляции. В данной статье мы рассмотрим, каким образом в переводе, выполненном Ю. Кейденом, была репрезентирована поэтичность стихотворения «Предсказание» (1830), считающегося первым в серии политических произведений М. Ю. Лермонтова.

Социально-политическая проблематика является одной из основных в творчестве М. Ю. Лермонтова, откликнувшегося на наиболее значимые события российской и европейской жизни начала XIX столетия. В кругу тем его ранних и зрелых произведений политический гнет самодержавия и крепостничество, личность Наполеона и Июльская революция во Франции, гибель А. С. Пушкина и судьба России («Жалобы турка», «Наполеон», «Предсказание», «10 июля (1830)», «30 июля. — (Париж) 1830 года», «Новгород», «Поле Бородина», «Умирающий гладиатор», «Смерть поэта», «Бородино», «Дума», «Родина», «Последнее новоселье», «Прощай, немытая Россия», «Спор», «Странный человек», «Вадим» и др.). Как отмечает И. Е. Усок, политический смысл в николаевской России 30-х гг. XIX в. обретала сама «острота критической рефлексии поэта» [Усок 1981: 346], сформировавшая идейно-эмотивную основу его произведений, характерными чертами которых являются мятежный пафос, противопоставленность лирического «Я» всему обществу и миру. Благодаря этому политические стихотворения, несмотря на их относительную немногочисленность, обусловленную ранней гибелью поэта, вошли в сокровищницу шедевров русской литературы.

Характерно, что и знакомство англоязычных читателей с творчеством М. Ю. Лермонтова начиналось именно с интереса к его социально-политическим взглядам. В 1843 г. в Лондоне публикуется перевод книги А. де Кюстина «Россия в 1839», в которой без упоминания имени М. Ю. Лермонтова говорилось о его ссылке, а в 1846 г. была переведена и напечатана книга И. Г. Головина «Россия при Николае I», сообщавшая о гибели поэта. О его ссылке также упоминалось в опубликованной в 1846 г. книге английского путешественника Ч. Хеннингсена «Восточная Европа и император Николай». Переводы стихов М. Ю. Лермонтова включались в антологии русской литературы, изданные в XIX в.; их число значительно увеличилось в годы Первой мировой войны, а также во время Второй мировой войны в связи с возросшим интересом к России. В последующий период внимание к творчеству поэта не ослабевает, при этом улучшается и качество переводов. Читатели Великобритании, США и Канады получили возможность узнать творчество М. Ю. Лермонтова благодаря деятельности таких переводчиков, как А. К. Стивен, С. С. Конант, Ч. Э. Тернер, А. Стейли, Р. И. Липман, Ф. Сторр, Э. Рихтер, Р. Бернесс, Ч. Т. Уилсон, Дж. Поллен, Дж. Уисдом и М. Марри, А. Кулидж, Дж. Дж. Роббинс, В. Набоков, Ф. Логуорт, П. Фут, С. Боур, М. Беринг, А. Ярмолинский, Ю. М. Кейден, Дж. Дэниелс, С. Э. Л'Ами, А. Великотный и др.

Идейно-эмотивная основа стихотворения «Предсказание» была мотивирована революционными событиями лета 1830 г.: восстанием в Польше, откликом на которое стало стихотворение «10 июля (1830)», и свержением монархии во Франции, которому посвящено стихотворение «30 июля — (Париж) 1830». В стихотворении переплетаются характерные для творчества поэта мотивы Родины и свободы, определяющие мятежный пафос его произведений. Для творчества Лермонтова характерно утверждение прежде всего внутренней свободы личности, но в стихотворениях 30-х гг. мотивы воли и свободы имеют не романтически тотальный характер, а точное социальное содержание. Речь идет не об абстрактной свободе, провозглашаемой романтическим героем для себя и всего человечества, а о конкретной форме свободы — политической. Так, в стихотворении «10 июля (1830)» свобода осмысляется как национальная независимость, а в стихотворении «30 июля — (Париж) 1830» — как свержение тирании самодержавия.

Приветствуя восстание в Польше и революцию во Франции, М. Ю. Лермонтов был, однако, обеспокоен тем, что свержение традиционных форм власти может привести к анархии и новой тирании. Именно эта идея реализуется в образе «черного года» в стихотворении «Предсказание», в котором разворачивается «апокалиптическая картина социального хаоса, беззакония и убийства» [Аринштейн 1981: 444].

Предсказание

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

1830 [Лермонтов 2009: 34]

В автографе стихотворение сопровождается припиской М. Ю. Лермонтова: «(это мечта)»; в начале XIX в. это слово предположительно имело значение «видение», «фантазия» [Аринштейн 1981: 444]. В контексте истории Российского государства данное «предсказание», в силу отсутствия в нем прямой номинации тирана,

может иметь множественную интерпретацию, связанную в том числе и с последствиями революции 1917 г. Однако к собственно политическим корням этого стихотворения лермонтоведы относят «холерные бунты», прокатившиеся летом 1830 г. по южным и юго-восточным районам России, во время которых был убит губернатор Севастополя, родной брат бабушки поэта, Н. А. Столыпин. Кроме того, как полагает Л. М. Аринштейн, М. Ю. Лермонтов «проецирует на Россию опыт Французской революции (1789—94), которая в соответствии с господствовавшими представлениями той поры рисовалась Лермонтову по схеме: низвержение законной власти — анархия и кровавый террор — узурпация власти военным диктатором (Наполеоном)» [Там же]. Именно в соответствии с этой логикой в стихотворении выстраивается цепочка микрообразов, создающих единый образ трагического будущего России.

Параметры духовности и образности анализируемого стихотворения в целом консонансно осваиваются и транслируются переводчиком. Переводчик воссоздает идейно-эмотивную основу оригинала и сохраняет логику развития воплощенной в нем мысли автора. Как и в оригинале, идейно-эмотивную основу переводного текста составляет мысль о трагическом будущем России в результате свержения законной царской власти. При этом в трехчастной композиции воссоздается и последовательность развития авторской идеи: от свержения монархии (стихи I—IV) через беззаконие, бедствия и кровавый хаос (стихи V—XI) к новой тирании (стихи XII — XVIII).

A Foreboding

A day will come, the darkest day in all
Our time: From royal heads the crown will fall;
The mob their rulers will not love nor trust,
And you will know your heritage of lust
And death. No law will then protect the lives
Of little children and of blameless wives;
The stench of loathsome dead on every hand
And plagues that stalk throughout the mournful land
Will drive you forth from homes of death and blood;
You will be desolate with fire and flood,
Wild with cold and hunger… And in that hour
One will appear to you, a man of power,
And you will know his face and understand
Why smokes the dagger in his mighty hand.
Woe unto you! Your moans and cries in gloom
Will be his sport upon that day of doom,
For like the vision of his lofty head
Hooded with night, your hour of dark and dread.

Translated by Eugene M. Kayden [Lermontov 2009: 35].

Необходимо отметить, что переводчиком осваивается и транслируется свойственный оригиналу принцип развертывания ключевого образа в цепи дополняющих друг друга микрообразов. Как и в оригинале, он последовательно развивается в образах свергнутых монархов и жаждущей крови ненавидящей их черни, страдающих от беззакония невинных и слабых детей и женщин, охваченного чумой и пожарами дикого края, где господствуют голод и смерть, и получает дополнительную реализацию в образах наводнений и холода. Эту цепь микрообразов, как и в оригинале, замыкает образ могущественного и жестокого тирана.

Однако центральным образом, в котором реализуется объективируемая переводчиком идея, является образ самого темного из дней («A day will come, the darkest day in all / Our time»). Он возникает в результате переосмысления идейно-эмотивной основы ключевого для оригинала образа «черного года». С одной стороны, возможность такой интерпретации данного образа мотивирована семантикой прилагательного «черный», актуализированной посредством рекурренции существительного «год». Обладая значениями «цвета сажи, угля», «темный», данное прилагательное также имеет переносное значение «мрачный, безотрадный, тяжелый» [Ожегов 1987: 720]. С другой стороны, контекст всего стихотворения, характеризующегося высокой частотностью лексических единиц «негативной» семантики, обусловливает возможность осмысления описываемого в предсказании времени как очень, крайне и даже самого тяжелого периода. Однако необходимо заметить, что, объективируя смыслы горя и трагизма, само словосочетание «черный год» в силу семантики прилагательного не имплицирует мысль о том, что этот год по сравнению с другими «черными» периодами является самым тяжелым в истории страны: черных дней, черных годин может быть несколько в жизни отдельного человека или целого народа, в то время как переводчиком образ «черного года» переосмысляется под влиянием контекста как образ «самого темного из всех», т. е. наиболее трагичного в судьбе России. Следовательно, данным переводом мысль автора оригинала будет репрезентирована англоязычному читателю более однозначно как мысль о катастрофических последствиях ломки монархических устоев Российского государства и тяжелейшем периоде в его истории. Такое «уточнение» центрального образа в целом не противоречит идейно-эмотивной основе оригинала и позволяет сделать вывод о преимущественно консонансном освоении переводчиком типологических параметров текста и его типологической доминанты на когнитивном этапе поэтического перевода.

Идея будущих страданий России объективируется в переводе консонансно оригиналу посредством целого комплекса лексических единиц (существительных, прилагательных, наречий, глаголов) «негативной» семантики, высокая частотность которых обусловливает суггестивность оригинального и переводного текстов. В то же время трудность консонансной

передачи лингвистического параметра оригинала связана с особенностями его структуры. Логическая последовательность в развитии авторской идеи и связанность микрообразов в единый образ объективируются в специфической структуре, характеризующейся единством синтаксической и стиховой организации. С синтаксической точки зрения стихотворение оформлено как одно сложное предложение. При этом принцип синтаксической организации стихотворения коррелирует с принципом организации его межстиховых связей как единой строфы. Однако в переводе присущее оригиналу соотношение синтаксической и строфической организации нарушается: при сохранении строфики оригинала утрачивается его синтаксическое единство.

Кроме того, между оригиналом и переводом возникает ритмический диссонанс, обусловленный разным характером межстиховых реляционных связей. В оригинале они основаны на обособляющей функции ритма, в переводе — на анжамбемане («A day will come, the darkest day in all / Our time», «And you will know your heritage of lust / And death», «No law will then protect the lives / Of little children and of blameless wives», « For like the vision of his lofty head / Hooded with night»). Обособляющая функция ритма обусловливает относительную самостоятельность и законченность стиха как смыслового и ритмического единства, производного от «единства» и «тесноты» [Тынянов 2004: 82] поэтического ряда, обусловленных интегрирующим характером внутристиховых связей [Лотман 1994: 191]. Анжамбеман, характерный для английской поэзии, основан, наоборот, на противоречии между синтаксисом и метрикой и дезавтоматизирует восприятие текста вследствие несовпадения ритмического центра стиха, тяготеющего к рифме, с его смысловым центром, нарушая монотонность ритмической организации. С этой точки зрения перевод прагматически ориентирован на его консонансное восприятие англоязычными читателями, но является диссонансным относительно поэтичности оригинала в ее лингвистическом аспекте.

В то же время в переводе репрезентируется такая особенность межстиховых связей оригинала, как богатая рифма. Звуковое совпадение стихов в оригинале обусловливает их смысловое со- и противопоставление, актуализирует ассоциативные связи между сопоставляемыми лексическими единицами и образует более сложные смысловые комплексы: «(черный) год» — «(корона) упадет», «любовь» — «кровь», «(невинных) жен» — «(не защитит) закон», «(мертвых) тел» — «(печальных) сел», «стон» — «смешон». Функцию смыслового со- и противопоставления рифма выполняет и в переводе, в котором идея, сформированная в сознании переводчика в процессе освоения поэтичности оригинала, объективируется, в частности посредством таких рифм, как «(death and) blood» — «(fire and) flood», «(cries in) gloom» — «(that day of) doom», «lofty head» — «dark and dread».

Кроме того, актуализации авторского смысла в оригинале способствует рекурренция, являющаяся одним из основных принципов организации внутристиховых связей произведения. Так, посредством рекурренции существительного «год» в начальном стихе актуализируется семантика прилагательного «черный», имеющего богатый ассоциативный потенциал. Соответственно в переводе с помощью рекурренции существительного «day» («день») актуализируется семантика прилагательного «(the) darkest» («самый темный»). Рекурренция притяжательного местоимения «твой» в пятнадцатом стихе актуализирует семантику синонимов «плач» и «стон», объективируя смыслы большого горя, сильной боли, тяжелых страданий, ожидающих Россию, переданные в переводе посредством градации «moans» — «cries» («стон» — «плач»).

Авторские смыслы объективируются в оригинале и комплексом средств синтагматического синтаксиса: анафорой и полисиндетоном. Организуя межстиховые связи текста и его ритм, анафорическое нагнетание относительного наречия «когда» и соединительного союза «и» выражает смысл избыточности, множества предстоящих страданий, объективируемый в переводе парными конструкциями («not love nor trust», «(heritage of) lust and death», «(of) children and (of) wives», «death and blood», «fire and flood», «cold and hunger», «moans and cries», «dark and dread»). При этом суггестивность стихотворения обусловливается контрастом между содержанием стихотворения и его интонационной сдержанностью, который осваивается переводчиком и воссоздается в тексте перевода.

В целом сопоставительный анализ оригинала и перевода свидетельствует о консонансном освоении переводчиком поэтичности оригинала и ее консонансно-диссонансной передаче в тексте перевода. Переводческая модель поэтичности оригинала, формирующаяся в сознании переводчика на когнитивном этапе перевода в соответствии с закономерностями восприятия и понимания текста, генерируется в результате консонансного освоения типологических параметров стихотворения. Рефлексия переводчика не ограничивается освоением лингвистического параметра оригинала. Посредством рефлексии переводчиком консонансно осваиваются параметры глубинного уровня переводимого текста: образность и идейно-эмотивная основа. В целом формируемую в сознании переводчика модель можно считать консонансной поэтичности оригинала. Однако она получает отчасти диссонансную объективацию в переводном тексте вследствие прагматического изменения характера ритмической организации лермонтовского стиха и межстиховых реляционных связей, что не позволяет в полной мере репрезентировать в тексте перевода свойственный М. Ю. Лермонтову принцип объектива-

ции поэтической мысли. На этом основании перевод стихотворения М. Ю. Лермонтова «Предсказание», выполненный Ю. Кейденом, может быть отнесен к консонансо-диссонансному типу.

ЛИТЕРАТУРА

Аринштейн Л. М. Предсказание // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. — М. : Сов. энцикл., 1981. — С. 444.

Алексеева Л. М. Теория эквивалентности перевода как теория об относительности // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. — Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2000. С. 64—83.

Алексеева Л. М. Специфика научного перевода : учеб. пособие. — Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002.

Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С. 45—51.

Галеева Н. Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода : дис. … д-ра филол. наук. — Тверь, 1999.

Гумилев Н. С. Переводы стихотворные // Гумилев Н. С. Соч. : в 3 т. — М. : Худож. лит., 1991. Т. 3 : Письма о русской поэзии. — С. 28—33.

Диего Э. По доброй воле и со скромной надеждой // Перевод — средство взаимного сближения народов [сост. А. А. Клышко]. — М. : Прогресс, 1987. — С. 183—187.

Каган М. С. Эстетика как философская наука. — СПб. : Петрополис, 1997.

Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М. : Высш. шк., 1990.

Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009.

Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. — Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009.

Кушнина Л. В. Перевод как синергетическая система // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 81—86.

Либерман Я. Л. Как переводят стихи. — Екатеринбург, 1995.

Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М. : Гнозис, 1994.

Морозов М. М. Отзыв на перевод «Ромео и Джульетты» Шекспира, сделанный поэтом Б. Пастернаком : из переписки М. М. Морозова с Б. Л. Пастернаком // Перевод — средство взаимного сближения народов / сост. А. А. Клышко. — М. : Прогресс, 1987. С. 377—388.

Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода : автореф. дис. … д-ра филол. наук. — Пермь, 2005.

Попович А. Проблемы художественного перевода : учеб. для вузов. — М. : Высш. шк., 1980.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории. — М. : Р. Валент, 2004.

Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. — М. : Гнозис, 2003.

Тургенев И. С. «Фауст», трагедия, соч. Гёте. Перевод М. Вронченко // Перевод — средство взаимного сближения народов. — М. : Прогресс, 1987. С. 70—72.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. — М. : Едиторал УРСС, 2004.

Усок И. Е. Общественно-историческая проблематика в творчестве Лермонтова // Лермонтовская энцикл. / гл. ред. В. А. Мануйлов. — М. : Сов. энцикл., 1981. С.346—350.

Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы. — Л. : Сов. писатель, 1983.

Фесенко Т. А. Перевод в зеркале когнитивной науки // С любовью к языку : сб. науч. трудов. : посв. Е. С. Кубряковой. — М. : ИЯ РАН; Воронеж : Ворон. гос. ун-т, 2002. С.65 — 71.

Фет А. А. Из «Предисловия. Стихотворения Катулла» // Перевод — средство взаимного сближения народов / сост. А. А. Клышко. — М. : Прогресс, 1987. С. 414—415.

Чуковский К. И. Высокое искусство. — М. : Сов. писатель, 1988.

Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М. : Наука, 1988.

Шутемова Н. В. Теоретические основы поэтического перевода. —Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2011.

Щемелева Л. М. Мотивы // Лермонтовская энцикл. / гл. ред. В. А. Мануйлов. — М. : Сов. энциклопедия, 1981. С. 290—312.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. — М. : Прогресс, 1975. С. 193—230.

Якобсон Р. О. Работы по поэтике: переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова.— М. : Прогресс, 1987.

Hatim B., Mason I. The Translator as Communicator. — L. : Routledge, 1997.

Steiner G. After Babel. Aspects of Language and Translation. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1988.

Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов. 19-е изд., испр. / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Рус. яз., 1987.

Лермонтов М. Ю. Предсказание // «Нет, я не Байрон, я другой…» = «No, I'm not Byron, it's my Role…» : избр. поэзия = Poetical Works / отв. ред. Ю. Г. Фридштейн. — М. : Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 34.

Lermontov M. A. Foreboding // «Нет, я не Байрон, я другой…» = «No, I'm not Byron, it's my Role…» : избр. поэзия = Poetical Works / отв. ред. Ю. Г. Фридштейн. — М. : Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 35.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. М. Алексеева

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27
ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55; 16.01.09* *Код ВАК 10.02.20; 10.02.19; 10.02.04*

Т. Н. Зубакина
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРА КАК КАТЕГОРИЯ МЫСЛИ И ЯЗЫКА

Аннотация. *Традиционный (стилистический) подход к теории метафоры, характерный для чешского лингвиста Иржи Носека, рассматривается в сопоставлении с когнитивным подходом к анализу метафор, который использует Дж. Чартерис-Блэк.*

Ключевые слова: *классификация метафор; теория метафоры; когнитивная теория метафоры.*

Сведения об авторе: *Зубакина Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках.*

Место работы: Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Контактная информация: *6200000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 4, ком. Т6.*
e-mail: zoubakina@mail.ru.

T. N. Zubakina
Ekaterinburg, Russia

METAPHOR AS A CATEGORY OF THOUGHT AND LANGUAGE

Abstract. *Traditional (stylistic) approach to metaphor theory, characteristic of Check linguist* Jiří Nosek, *is compared with cognitive approach to the metaphorical analysis, used by G. Charteris-Black.*

Key words*: metaphor classification; metaphor theory; cognitive theory of metaphor.*

About the author: *Zubakina Tatyana Nikolaevna, Senior Lecturer of the Chair of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages.*

Place of employment: Ural Federal University (Ekaterinburg).

Имя и труды чешского лингвиста Иржи Носека хорошо известны в языкознании. Профессор, доктор философии Иржи Носек был учеником одного из лидеров Пражской лингвистической школы, одного из основоположников функциональной стилистики Богумила Трнки. В 1966 г. Носек защитил докторскую диссертацию по теме «Contribution to the syntax of the new English complex sentence». Монография автора с аналогичным названием выдержала 8 изданий.

Статья Иржи Носека «Использование метафор Уинстоном Черчиллем» была опубликована в 1994 г., спустя 14 лет после выхода знаменитой работы американских ученых Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», направившей, как считается, исследования метафор по когнитивному вектору. Когнитологи утверждают, что метафорична природа самой мысли, а в языке она получает лишь внешнее выражение. Публикация профессора И. Носека обозначает несколько иной путь анализа метафор. Автор указывает, что пытается представить более упорядоченную, хотя и не окончательную или исчерпывающую классификацию метафор, которая связана с семантико-стилистическим подходом.

Известно, что идущее от Аристотеля направление изучения природы и функции метафоры позволяет рассматривать ее как языковое средство, троп, как результат замены слов или контекстных сдвигов, как украшение речи, при этом эстетическая функция метафоры считается главной. В статье «Использование метафор Уинстоном Черчиллем» исследователь указывает, что прежде всего обращает внимание на лингвистическое выражение, на стиль представления идей Черчилля: «…but we focus our attention on linguistic expression, on his style of presenting his ideas» [Nosek 1994: 39]. Профессор И. Носек выделяет 8 категорий при классифицировании метафор Уинстона Черчилля в соответствии с тем, что они обозначают:

- обобщенность (totality);
- критическую ситуацию (critical situation);
- напряженность (tension);
- фазы действия (phase of action);
- положение или место (position or place);
- чувства, размышления, память (feelings, thinking, memory);
- интенсивность, наивысшее проявление свойства (intensity, highest property);
- социальную ценность или поддержку (social value or help).

Мы хотим обратить внимание читателя на важную мысль чешского лингвиста. Профессор Иржи Носек подчеркивает, что метафоры Черчилля являются загадочными сравнениями со всем, что окружает человека, со всем, что является свойственным человеку, обществу и природе. «…Churchill's metaphors are cryptic comparisons with anything that surrounds man, anything that is human, social and natural» [Nosek 1994: 40]. В когнитивном исследовании в данном контексте говорилось бы о сфере-источнике, об исходной ментальной сфере метафоры.

Иржи Носек анализирует три книги британского премьера: «Мои ранние годы», «Вторая мировая война» (5 том) и «История англоязычных народов» (4 том). Рассматривая метафоры из этих публикаций и классифицируя выбранные примеры по обозначенным категориям, ав-

© Зубакина Т. Н., 2012

тор приходит к выводу о том, что метафоры, описывающие критическое состояние/кризис, являются наиболее многочисленными: «The metaphors for crisis are the most numerous that we have unearthed from the samples of the Churchill's works» [Nosek 1994: 40]. Далее при метафорическом анализе профессор Носек отмечает, что интенсивность — семантическая категория, сходная с категориями критической ситуации и обобщенности, с которыми она может частично совпадать как сопутствующая: «Intensity is a semantic category related to that of crisis and totality into which it may overlap as a concomitant feature» [Nosek 1994: 46].

Значительный интерес представляет сопоставление результатов анализа метафор Черчилля, выполненных в рамках стилистического и когнитивного направлений. Когнитивный анализ метафор британского премьера предложен известным английским ученым Джонатаном Чартерисом-Блэком, который значительное место уделяет анализу сфер-источников метафоризации. Чартерис-Блэк пишет, что учитывает только ту сферу-источник, которая идентифицировалась как первичная: «I would identify which source domain was *primary* and only count this…» [Charteris-Black 2005: 40]. В своей книге «Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor (2005 г.) проф. Чартерис-Блэк анализирует корпус 25 основных, по его мнению, военных речей У. Черчилля. Ученый является сторонником критического метафорического анализа (Critical Metaphor Analysis) и критического дискурс-анализа (Critical Discourse Analysis) при идентификации концептуальных метафор. Анализ метафор У. Черчилля английским ученым выявил, что самыми частотными были метафоры со сферой-источником «персонификация» (personification) — 144 из 373, — а следующую по частотности группу составляли метафоры со сферой-источником «путешествие» (journey) — 48.

Оба известных лингвиста отмечают такую особенность текстов британского политика, как склонность У. Черчилля к развернутым метафорам. Чешский профессор определяет их так: «сложные/развернутые метафоры (multiple metaphors), которые проходят через широкий контекст» («…multiple metaphors that go through a larger context»[Nosek 1994: 41]). У Дж. Чартериса-Блэка эта особенность риторики Черчилля рассматривается под несколько иным ракурсом. Он посвящает целую главу «гнездовым метафорам» («nested metaphors») Черчилля [Charteris-Black 2005: 53].

Мы попытались обозначить в этой публикации лишь наиболее характерные черты стилистического анализа метафор У. Черчилля чешским лингвистом Иржи Носеком в сопоставлении с когнитивным анализом метафор Черчилля, характерным для методики, которую использует Дж. Чартерис-Блэк. Каждая из этих методик хороша по-своему и позволяет выделить различные аспекты идиостиля политика.

ЛИТЕРАТУРА

Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. — N. Y. : Palgrave MacMillan, 2005.

Nosek J. Winston S.Churchill's Use of Metaphor // Studia Anglica Posnaniensia. 1994. № 29.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Э. В. Будаев

УДК 808.5+811.111.1'7

ББК Ш143.21-7 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.20; 10.02.19; 10.02.04*

И. Носек

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОР УИНСТОНОМ ЧЕРЧИЛЛЕМ

Jiří Nosek

WINSTON CHURCHILL'S USE OF METAPHORS

Перевод с английского Т. Н. Зубакиной

Аннотация. *Статья яркого представителя Пражской лингвистической школы Иржи Носека впервые переведена на русский язык. Первая публикация на английском языке состоялась в 1994 г. в чешском научном журнале.*

Ключевые слова: *классификация метафор; лексикализованные/нелексикализованные метафоры; распространенная метафора; семантическая категория; стертая метафора.*

Translated by T. N. Zubakina

Abstract. *One of the studies of a celebrated specialist in the Prague School of Linguistics Jiří Nosek is for the first time translated into Russian. The first publication in English was in «Studia Anglica Posnaniencia» (1994).*

Key words: *classification of metaphors; lexicalized/ non-lexicalized metaphors; multiple metaphor; semantic category; faded metaphor.*

Сведения об авторе: *Иржи Носек (1919—2001), доктор философии, профессор.*

Место работы: Карлов университет в Праге.

About the author: *Jiří Nosek (1919-2001), PhD, Professor.*

Place of employment: Charles University in Prague.

Сведения о переводчике: *Зубакина Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках.*

Место работы: Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

About the translator: *Zubakina Tatyana Nickolaevna, Senior Lecturer of the Chair of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages.*

Place of employment: Ural Federal University.

Контактная информация: *6200000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 4, ком. Т6.*

e-mail: zoubakina@mail.ru.

В Европе Уинстон Черчилль хорошо известен как политический и духовный лидер. Но он также был талантливым писателем, мастером стиля, которого официально отметили Нобелевской премией в области литературы. Его работы — это не плод фантазий, а главным образом историческая и публицистическая трактовка политических событий, что в особенности относится к его военным мемуарам.

В этой работе мы не исследуем литературную ценность его работ, а обратим внимание на лингвистическое выражение, на стиль представления идей. Эта работа является главой более крупного лингвистического исследования, посвященного стилю Уинстона Черчилля. Понятно, что описание стиля Черчилля сопряжено со многими теоретическими проблемами и окружено заблуждениями. Одно из них состоит в том, что семантика к настоящему моменту не представляется системой взаимосвязанных единиц или категорий.

В отличие от автора поэтического произведения, Черчилль не был свободен от ограничений, скорее, наоборот, он вынужден был реагировать на стимулы внешнего мира и на его причуды. Следовательно, ему приходилось осмотрительно обозначать различие между реальностью и вымыслом, полагаясь при этом на реальность. Тем не менее он различными способами использовал метафоры.

В этой статье мы пытаемся представить более упорядоченную, хотя и не окончательную или исчерпывающую классификацию метафор согласно их моментам возникновения. Мы полностью осознаем двусмысленности и неопределенность, которая таится в области семантики и стилистики. Тем не менее достижения Уинстона С. Черчилля в области стилистики достойны анализа и, вероятно, эта работа является первой такой попыткой.

1. Категория обобщенности (totality), вероятно, является самой универсальной: *If we get emergency terms it means that the Italians will have given themselves up to us,* ***lock, stock and barrel*** [Churchill 1960: 67]. / *Если мы получим чрезвычайные условия, это будет означать, что итальянцы уступят нам* ***целиком и полностью*** (здесь и далее перевод автора — Т. З.). To avoid the Tax upon the press … weekly newsletters were sent through the post. In the House of Commons the Tories ***fought every inch of the way*** [Churchill 1962: 38]. / *Чтобы избежать налога на прессу, еженедельные информационные бюллетени отправлялись почтой. В Палате общин Тори* ***боролись за каждый дюйм в этой экономии.***

Подобные метафоры могут также обозначать большие или малые количества, например: *(Hitler) His two hundred divisions on the Eastern front could not hope to withstand the* ***Russian flood*** *when it was again released* [Churchill 1960: 477]. / *(Гитлер) Двести его дивизий на Восточном фронте не могли надеяться на то, что устоят перед русским* ***кровавым половодьем,*** *когда оно снова разольется*. *In 1942 … nearly eight million tons of the* ***augmented mass*** *of Allied shipping had been sunk* [Churchill 1960: 20]. *В 1942 году было потоплено почти*

© Носек И., 1994

© Зубакина Т. Н., перевод на русский язык, 2012

восемь миллионов тонн ***общей массы*** *кораблей союзников.*

2. Метафоры, обозначающие ***критическую ситуацию*** (critical situation), составляют большинство в обозначающих полях (denominative fields) Черчилля. Последние отражают экстралингвистическую реальность, которую автор знал по своему опыту и с которой был вынужден справляться. Метафоры, отражающие такого рода ситуации, приходят в голову, эксплицируя пограничный и пороговый вариант на грани, в состоянии близости опасности. Данное явление побуждает к абсурдному варианту метафоры (solution). Метафоропорождение часто происходит вне контроля оратора и вызвано каким-либо внешним активным фактором. Такие метафоры часто гиперболичны, т. е. превышают степень обычного состояния, представляя выдающееся достижение или значительное количественное превосходство. Они могут означать пик или неизбежный конец действия, какой-либо неопределенный результат, например борьбу или ссору, орудийный огонь, жестокую судьбу, схватку, ограничение в пространстве или скорости.

В этой категории, как и в других, имена существительных взаимодействуют с глаголами и другими частями речи. Всё, что мы можем сказать, это то, что метафоры Черчилля являются загадочными сравнениями со всем, что окружает человека, со всем, что является свойственным человеку, обществу и природе.

Метафоры, описывающие критическое состояние/кризис, наиболее типичны для текстов Черчилля. Еще раз отметим, что эти метафоры могут быть отнесены к подкатегориям негативных или позитивных, в зависимости от оценки оратора/писателя. Негативный аспект более инороден (alient). Подчеркнем, что многие метафоры, использованные Черчиллем, будучи лексикализованными (lexicalized), стали менее яркими.

The fighting at Cassino was at ***its zenith*** [Churchill 1960: 378]. / *Сражение у Кассино было* ***в зените.*** *Lord Winchelsea had overstepped* ***the bounds of decorum*** *in attack upon the Prime Minister* [Churchill 1962: 31]. / *Лорд Уинчелси* ***переступил границы приличия*** *в нападках на премьер-министра. The arrangement for Command also seems most satisfactory to us than the previos* ***deadlock*** [Churchill 1960: 152]. / *Также представляется, что данное соглашение для Командования является самым приемлемым по сравнению с предыдущим* ***тупиком****. (The near explosion of their shells)…Nevertheless I wished to remove any idea of "Overlord" We were* ***in it up to the hilt*** [Churchill 1960: 263]. / *(Вблизи взрыва их снарядов) … Тем не менее, я хотел бы отбросить любую идею операции «Оверлорд».* ***Мы в ней по самые уши.*** *Until this was accomplished the Eighth Army had reached* ***the end of the tether*** [Churchill 1960: 131]. / *Восьмая Армия* ***дошла до ручки,*** *пока это не закончилось.* A great variety of guns and rockets mounted in naval craft would join in ***a crescendo of fire*** [Churchill 1960: 462]. / *Большое количество орудий и ракет, возвышающихся на морских судах, зазвучат вместе в* ***крещендо огня. The pace of events*** *now increased* [Churchill 1960: 417]. ***Поступь событий*** *теперь убыстрялась.* (Напомним, что существуют синонимы «*марш/поступь* событий», отраженные в словарях.) *Hitler explained that this single invention was the* ***ruin*** *of the U-boat campaign* [Churchill 1960: 23]. / *Гитлер дал объяснение, что лишь одно это изобретение было* ***крахом*** *кампании немецких подводных лодок. …a counter-attack was clearly* ***a prelude*** *to harder things to come* [Черчилль 1960: 378]. / *…контратака, несомненно, была* ***прелюдией*** *к последующим, более серьезным событиям. Never, never, never believe that any war be smooth and easy, or that anyone who embarks on that strange voyage can measure* ***the tides and hurricanes*** *he will encounter* [Churchill 1948: 229]. *Никогда, никогда, никогда не верьте тому, что какая-либо война будет спокойной и легкой, или что любой, кто пускается в этот странный вояж, может измерить* ***течения и ураганы,*** *с которыми он столкнется.* Негативный смысл вышеуказанного предложения задан отрицанием *никогда,* повторенным три раза, в то время как негативная оценка читателя соотносится с *войной* и с метафорическими примерами *течениями и ураганами (tides and hurricanes)*. Вероятно, метафоры здесь — фантазия Черчилля.

Существуют также **сложные/развернутые метафоры (multiple metaphors),** проходящие через обширный контекст, например: *…a few ranging shots directed on their batteries which are aiming at you. If they make no reply, after an appropriate interval* ***let*** *them* ***have a stiffer dose,*** *and at the same time tell them the weight of fire you are ready to direct if they persist* [Churchill 1960: 425]. / *…несколько пристрелочных выстрелов, направленных на их батареи, которые целятся на вас. Если они не ответят, через соответствующий временной интервал* ***дайте им дозу покрепче*** *и в то же время скажите о силе огня, который вы готовы на них направить, если они будут упорствовать.*

Слово «выстрелы» изменяется, связываясь с выражениями «дозой покрепче» и «силой огня». Эти метафоры в таком сочетании также являются плодами воображения Черчилля. Примеры других **нелексикализованных метафор (non-lexicalized metaphor**): …an armistice on the basic of our principles of unconditional surrender…There are great dangers in trying ***to dish this sort of dose*** up ***with jam for*** the patient [Churchill 1960: 65]. / *…перемирие на основе наших принципов о безоговорочной капитуляции… Существуют большие доли опасности в попытке* ***преподнести это с увеличением дозы джема*** *для пациентов.* Это вновь сложная/развернутая метафора, относящаяся к трем

коррелятам: перемирие, безоговорочная капитуляция, опасности.

Другие метафоры, негативно обозначающие критические ситуации, не отражены в современных словарях. С некоторой долей осторожности мы можем отнести их к характерной черте стиля Черчилля: *British, American and Russian forces will all* ***hurl themselves*** *on the common foe* [Churchill 1960: 372]. / *Британские, американские и русские силы, все* ***бросятся*** *на общего врага. (Hitler)* ***hurled*** *the utmost German effort into this new and perhaps last hope* [Churchill 1960: 188]. *(Гитлер)* ***бросил*** *самые последние усилия Германии за эту новую и, возможно, последнюю надежду. Another* ***crisis*** *had meanwhile* ***erupted*** *in the Eastern Mediterranean* [Churchill 1962: 25]. / *Другой* ***кризис разразился*** *тем временем в Восточном Средиземноморье. …low wages and lack employment had caused widespread unrest, which had been* ***fanned into riot*** [Churchill 1962: 8]. / *…низкая зарплата и недостаток рабочих мест вызвали повсеместные беспорядки, которые были* ***раздуты в мятеж.*** *For a moment it seemed that the old system might* ***flare*** *again* ***into life*** [Churchill 1960: 159]. / *На мгновение показалось, что старая система могла бы* ***снова возродиться.*** *…some other penalty like that which happens* ***if you pull the communication-cord without sufficient provocation*** [Churchill 1948: 233]. / *…какое-то другое наказание подобно тому,* ***как если бы вы схватили телефонный шнур без достаточного повода.*** *Such a force could no doubt have* ***quenched*** *any mutiny* ***in blood*** [Churchill 1948: 26—62]. / *Такая сила могла бы, без сомнения,* ***потопить*** *любой мятеж* ***в крови.*** *(Riots) …They were* ***snuffed out*** *by a few hangings and sentences of deportation to the colonies* [Churchill 1962: 48]. / *(Мятежи) … Они были* ***подавлены*** *несколькими повешениями и приговорами к депортации в колонии. (The military commanders) …They will of course* ***weed our recalcitrant elements*** [Churchill 1960: 421]. / *(Военачальники) …Они, конечно, будут* ***искоренять наши непокорные элементы.*** *We should only land in the South of France if the Germans* ***cracked*** [Churchill 1960: 298]. / *Нам нужно только высадиться в Южной Франции, если немцы* ***потерпят поражение.***

Позитивно оцениваемые критические моменты, т. е. ситуации, позитивно оцениваемые оратором и слушателем: ***Sheaves of telegrams*** *from all parts of the world* ***poured in*** *upon me, and I started that night for the Army* ***in a blaze of triumph*** [Churchill 1948: 294]. / *Пачки телеграмм со всех концов света свалились на меня, и я той ночью отправился в армию* ***в блеске триумфа.*** *…if Italy collapses the Germans could not bear the weight themselves.* ***Great prizez*** *lie in the Balkan direction* [Churchill 1960: 362]. / *… если Италия падет, немцы не потянут ношу сами.* ***Велика цена*** *балканскому направлению. Now at a bound they were* ***at the summit of power*** *and influence* [Churchill 1962: 36]. / *Теперь одним прыжком они оказались* ***на вершине мощи и влияния.***

Стертая метафора (faded metaphor) с позитивной оценкой ситуации: *The supreme importance of getting Italy to* ***fight with a good heart*** *on our side* [Churchill 1960: 15]. / *Чрезвычайная важность заключается в том, чтобы заполучить Италию, чтобы она* ***сражалась с легким сердцем*** *на нашей стороне.*

3. Категория напряженности. С точки зрения семантики категория напряженности переходит в область критической ситуации. Время от времени, однако, трудно провести демаркационную черту между ними. Так как напряженность часто предшествует критической ситуации, можно сказать, что одно переходит в другое.

Как и категории, описанные выше, напряженность выражается лексикализованной метафорой: *(Parliamentary Reform) It had been a useful* ***stick*** *with which* ***to bear*** *the administration of the younger Pitt* [Churchill 1962: 5]. / *(Парламентская реформа) Это была полезная* ***палка для битья*** *администрации Питта-младшего. The artillery fire …reached a new intensity.* ***All hung in a balance*** [Churchill 1960: 381]. / *Артиллерийский огонь достиг новой интенсивности.* ***Всё было брошено на чашу весов.*** *…the report of the Combined Chiefs of Staff Conference on the long-term policy…without our being able* ***in the pressure of events*** *to study it, or discuss it together or with our advisers* [Churchill 1960: 443]. / *…доклад конференции Объединенного Комитета Начальников Штабов о долгосрочной политике … без возможности* ***под давлением событий*** *изучить его или обсудить сообща или вместе с нашими советниками. …he had galloped on ahead and in front the whole Boer forces in the* ***ardour of pursuit*** [Churchill 1948: 351]. *Он проскакал галопом вперед и перед всеми бурскими отрядами* ***в пылу погони.*** *(The fierce guerilla) General Mihailović was its first foremost champion. In* ***the vortex of world affairs*** *their struggle was hardly noticeable* [Churchill 1960: 360]. / *(Неистовый партизан) генерал Михайлович был ее первым основным защитником. В* ***водовороте морских событий их*** *борьба была едва заметна. Everything turned onlanding-craft, which held for some weeks all our strategy in* ***the tightest ligature*** [Churchill 1960: 341]. / *Всё упиралось в десантные суда, которые в течение нескольких недель сдерживали всю нашу стратегию, словно* ***очень тугая повязка на кровеносном сосуде.*** *Lord Hugh had already* ***held*** *the "House of Commons"* ***riveted in pin-drop silence*** *for more than an hour* [Churchill 1948: 198]. / *Лорд Хьюг уже завладел вниманием палаты общин, которая погрузилась больше чем на час в такую тишину, что можно было услышать,* ***как пролетает муха.*** *(Europe 1915)…It was to be a long peace…* ***flaring into*** *no major* ***blaze*** [Churchill 1960: 3]. / *(Европа 1915 года) Это должен был*

быть долгий мир, ***горящий затяжным пламенем.*** *…the growing Allied bomber effort based on Britain. In fighter aircraft especially the German* ***felt the pinch*** [Churchill 1960: 210]. / *…растущий флот бомбардировщиков союзников базировался в Британии. В истребителе летчик, особенно немец,* ***чувствовал себя незащищенным.*** *The English political scene* ***succumbed to stagnation*** [Churchill 1962: 3]. / *Английская политическая сцена* ***поддалась стагнации.***

Нелексикализованные метафоры не отражаются словарями идиом: ***Crucial events impend*** *in Europe* [Churchill 1960: 372]. / ***Решающие события нависли*** *над Европой. …my* ***fears crystallized*** *more and more into* ***desperation*** [Churchill 1948: 266]. / *…мои страхи всё больше и больше* ***кристаллизовались в безумие.*** *Finally, the Dutch areas of the Cape Colony itself were* ***quivering upon the verge of rebellion*** [Churchill 1948: 237]. / *В конце концов, голландские земли самой Капской колонии* ***трепетали, находясь на грани восстания.*** *(Policy, by-election) I sailed out therefore* ***upon the adverse tide*** [Churchill 1948: 218]. / *(Политика, дополнительные выборы) Я выплыл, несмотря на* ***враждебное течение.*** (В словаре идиом издательства «Лонгман» отмечено похожее выражение: *swim/go against the tide* — разг. *плыть/идти против течения.)*

Agriculture as well as industry ***quaked*** *at the end of the war* [Churchill 1960: 10]. / *Сельское хозяйство, как и промышленность,* ***содрогалось*** *к концу войны. We ourselves had no ambitions in the Balkans. All we wanted was* ***to nail down these*** *thirty hostile* ***divisions*** [Churchill 1960: 289]. / *У нас самих не было амбиций на Балканах. Все, что мы хотели,* ***это разбить эти*** *тридцать* ***вражеских дивизий.*** *I had cabled…to General Wilson: This is the time* ***to play high. Improvise and dare*** [Churchill 1960: 168]. / *Я телеграфировал … генералу Вильсону: Настало время* ***играть по-крупному. Импровизировать и рисковать.*** *Their* ***bullets sucking*** *to right or left, seemed to miss only by inches* [Churchill 1948: 248]. / *Казалось, их* ***пули, свистящие*** *справа или слева, пролетали мимо в нескольких сантиметрах. If, on the other hand, newspaper or radio polemics and reproaches are indulged in the only effect will to be* ***rouse new flames of resentment*** *in the State Department* [Churchill 1960: 152]. / *Если, с другой стороны, полемика или осуждение в газетах или на радио приводят лишь к* ***раздуванию новых очагов возмущения*** *в Госдепартаменте. This was also true of Admiral John Cunningham who* ***held the naval cards,*** *and of Air Marshall Tedder* [Churchill 1960: 335]. / *Это правда по отношению к адмиралу Джону Канингему, у которого* ***было преимущество на море,*** *и маршалу Теддеру, имевшему преимущество в воздухе.* (В словаре идиом издательства «Лонгман» приводится другое значение фразеологизма, а именно: ‘держать свои карты близко к груди / быть очень скрытным’.) *President Krueger and his Government would be prisoners in our hands…Perhaps with* ***these cards in our hands*** *we could negotiate an honourable peace* [Churchill 1948: 263]. / *Президент Крюгер и его правительство будут нашими пленниками… Возможно,* ***с этими картами в руках*** *мы можем достичь почетного мира.* ***The stakes are very high*** *on both sides now: and the suspense is long-drawn* [Churchill 1960: 383]. / ***Ставки с обеих сторон теперь слишком высоки,*** *и неопределенность слишком затянулась. The atmosphere gradually but steadily become tense,* ***charged*** *with electricity* ***laden*** *with the presage of storm* [Churchill 1948: 220]. / *Атмосфера медленно, но неуклонно становится напряженной,* ***заряженной избыточным электричеством,*** *предвещающим бурю.*

(Этот пример показывает также синонимию прилагательных — технических терминов «заряженный» и «избыточный».) *I felt indeed I was* ***the earthen pot*** *among* ***the brass*** [Churchill 1948: 198]. *Я действительно чувствовал, что я* ***глиняный горшок среди медных.***

4. Категория фазы действия представляет стадии действия: начальную фазу, окончание и последнюю фазу, или результат: *I thought this would have been accomplished before the end of the last year. I do not know what has been gained by all the* ***spinning out that*** *has gone on* [Churchill 1960: 371]. / *Я думал, что это завершится до конца этого года. Я не знаю, какая была извлечена польза, когда всё* ***стало хронически затягиваться.*** *…the better of the Pitt tradition was* ***handed on*** *to the future* [Churchill 1960: 227]. / *…лучшая сторона традиции Питта* ***передалась*** *будущему. At long last our forces were reunited and we began to* ***reap the harvest from our winter sowing*** *at Anzio* [Churchill 1960: 471]. / *Наконец, все наши силы были воссоединены, и мы* ***стали пожинать то, что посеяли*** *зимой у Анцио. After weighing our arguments they were by no means* ***wedded to the plan*** [Churchill 1960: 268]. / *После взвешивания наших аргументов они никоим образом* ***не сочетались с планом.*** *One supreme object stands before us, namely to* ***cleanse the soil*** *of Europe from the filthy Nazi-Fascist taint* [Churchill 1960: 367]. / *Одна высшая цель стоит перед нами, а именно* ***очистить землю*** *Европы от грязи нацистско-фашистской заразы. The success of the 36th U. S. Division did not* ***bear immediate fruit*** [Churchill 1960: 475]. / *Успех 36-й американской дивизии не* ***принес немедленно плодов.*** Ср. другой пример: *These measures soon* ***bore fruit*** [Churchill 1960: 46]. / *Эти меры вскоре* ***принесли плоды.***

5. Категория положения, или места. Эта семантическая категория означает либо определенное положение в иерархии, либо какое-либо физическое место: ***The head*** *of their 88th Division entered the Piazza Venezia* ***in the heart*** *of the Capitol* [Churchill 1960: 476]. / ***Передовой от-***

ряд *их 88 дивизии вступил на площадь Венеции* ***в сердце*** *Капитолия.* В этом примере первая метафора (передовой отряд — авангард — голова) означает положение в иерархии (армии), вторая (сердце) — физическое место. Обе метафоры контрастны.

It is certain that we shall not come in contact with the main forces at the top of ***the leg of Italy*** *till December* [Churchill 1960: 174]. / *Очевидно, что мы не соединимся до декабря с основными силами в верхней части* ***итальянского сапога.*** *The enemy had been defeated in pitched battle and our armies* ***had bitten off*** *300 miles of* ***Italy's boot*** [Churchill 1960: 134]. / *Враг был разбит в запланированном сражении, и наши армии* ***откусили*** *300 миль* ***итальянского сапога.*** Здесь обе метафоры (сапог, нога) основаны на распространенных представлениях о знаменитой форме итальянского полуострова. Подобное можно сказать и о метафоре (соленая/морская вода) в следующем примере: *…at about ten o'clock I was on* ***salt water*** *in the steamship Induna* [Churchill 1948: 294]. / *…около 10 часов я оказался* ***в море*** *на пароходе Индуна*. «Соленая вода» на самом деле является перифразой «морской воды», подкрепленной контрастом с «пароходом».

6. Чувства, размышления, память. Чувства могут быть как приятными, так и неприятными, размышление может сопутствовать воспоминанию, вере или боли. См. по этому вопросу работу Стича [Stich1974: 57]. Приведем метафоры, не отмеченные в словарях: *Political equality of the Catholics was* ***a bitter draught*** *for them* ***to swallow*** [Churchill 1962: 30]. / *Политическое равенство католиков* ***было горьким для них лекарством, которое нужно проглотить.*** *(Champaign, brandy) He was informed by the donors that he was to share these* ***blessings*** *freely with me whenever opportunity arose* [Churchill 1948: 230]. / *(Шампанское, бренди) Его информировали дарители, что ему придется открыто разделять эти* ***блаженства*** *со мной всякий раз, когда представится возможность. The steel sides of the truck tanged with* ***a patter of bullets*** [Churchill 1962: 242]. / *Стальные борта грузовика звенели от* ***стрекотанья пуль.*** *(The train) and again we came to* ***a jarring halt*** [Churchill 1948: 246]. *(Поезд) и снова мы,* ***дребезжа, остановились.*** *I started that night for the Army* ***in a blaze of triumph*** [Churchill 1948: 294]. / *Я отправился в армию в* ***блеске триумфа.*** (Следует отметить, что вариант «blaze» мог быть использован в другой метафоре для обозначения критической ситуации или интенсивности. Ср. Коуи [Cowie 1983]: "to blaze a trail" — 'быть пленником, пионером, прокладывать путь в области исследования, образования'.) *Some of the younger ones started* ***a buzz of excitement*** [Churchill 1948: 233]. / *Некоторые из молодых стали* ***гудеть от возмущения.*** *It seemed to me a* ***rebuff*** *to fortune not to pick up the treasures* [Churchill 1960: 167]. / *Мне казалось* ***вызовом фортуне*** *не поднять сокровища. What happened in 1940, which few realized completely at the time and which is already beginning* ***to fade in memory*** [Churchill 1960: 506]. / *То, что происходило в 1940 году, мало кто полностью понимал в то время, и оно уже начинает* ***стираться из памяти.*** *What it must mean for any man… to be confined… in a modern convict prison* ***strains my imagination*** [Churchill 1948: 256—257]. / *Что это должно означать для любого человека … заключение в современную каторжную тюрьму,* ***напрягает мое воображение.*** *Therefore it means to me we must* ***throw our hearts into*** *this battle* [Churchill 1960: 399]. / *Следовательно, это означает для меня, что мы должны* ***ринуться*** *в этот бой.* ***My mind travelled back*** *over the years I thought of General Stopford waiting 3 days at the Suala Bay in 1915* [Churchill 1960: 123]. / ***Мои мысли вернулись*** *в те годы, я думал о генерале Стопфорде, который ждал три дня в заливе Сувла в 1915 году. …he* ***could adjust his mind*** *to the problem* [Churchill 1948: 233]. / *…он* ***мог настроить свой ум*** *на проблему. I entirely agree with you that we must* ***not break faith*** *with Stalin about the ships* [Churchill 1960: 356]. / *Я полностью согласен с Вами в том, что мы не должны* ***нарушать слово,*** *данное Сталину об этих кораблях.* ***I devoured*** *the file of* ***newspapers*** *which was placed before me* [Churchill 1948: 293]. / *Я* ***проглотил кипу газет,*** *которую положили передо мной. …nothing* ***fades so quickly*** *as the memory of physical pain* [Churchill 1948: 238]. / *…ничто не* ***увядает так быстро,*** *как память о физической боли.*

Примеры лексикализованных (стертых) метафор, зафиксированных в словарях: *Never had such a wish* ***entered my mind.*** [Churchill 1960: 206]. / *Никогда такого рода желание* ***не возникало у меня.*** *In fighter aircraft especially the Germans* ***fell the pinch*** [Churchill 1960: 210]. / *В истребителе летчики, особенно немцы,* ***чувствовали себя стесненно.*** *No such* ***idea*** *had ever* ***crossed my mind*** [Churchill 1960: 273]. / *Никогда подобная мысль* ***не приходила мне в голову.***

7. Интенсивность, наивысшее проявление свойства: *XIIIth Corps* ***bit*** *more* ***deeply into the strong enemy defenses*** *across the Rapids* [Churchill 1960: 465]. / *13-й корпус* ***более глубоко вгрызся в сильную оборону противника*** *через речные пороги. …the co-operation of all three fighting services was* ***brought to a high pitch*** [Churchill 1960: 429]. / *…****взаимодействие всех трех сражающихся родов войск*** ***привело к наилучшему результату.*** *Bad weather could not* ***blot out*** *…the inevitable* ***result*** *of* ***mass attack*** *on enemy communications* [Churchill 1960: 201]. / *Плохая погода не могла* ***принизить … неминуемый результат массовой атаки*** *на вражеские коммуникации. The Boers having encircled them …to* ***block them in.*** */ Буры, окружив их …* ***набросились*** *на них. The enemy had been*

defeated in pitched battle. */ Враг был* ***разгромлен в яростном сражении.*** *…a pledge was to be* ***redeemed with*** *blood. / …обещание должно было быть* ***искуплено кровью. …fever ripened*** *into pneumonia. /* ***…жар перерос*** *в пневмонию. Germany* ***commands the air.*** */ Германия* ***господствует в воздухе.*** *All Germans were the same. It was the Prussian officers that* ***provided the cement.*** *But fundamentally there was no difference between North Germans and South Germans, for all Germans fought like fierce beasts* [Churchill 1960: 316]. */ Все немцы были одинаковы. Именно прусские офицеры* ***были основой.*** *По существу разницы между северными и южными немцами не было, так как все немцы сражались как* ***лютые звери.*** *I was this time in charge of the Foreign Office, owing to Mr Eden's absence. I thus had* ***all the threads*** *directly* ***in my hands*** [Churchill 1960: 419]. */ Я в это время возглавлял министерство иностранных дел в связи с отсутствием Идена, и потому* ***все нити были непосредственно в моих руках.*** *…to supply a number of British ships to the Russians, instead of* ***breaking*** *Italian* ***hearts*** *at this moment, so* ***pregnant,*** *as it seemed to me,* ***with consequences*** *for the future* [Churchill 1960: 336]. */ …посылать несколько британских кораблей русским вместо того, чтобы* ***разбивать итальянские сердца*** *в этот момент, как мне казалось,* ***чревато последствиями*** *в будущем.* ***Hard fighting*** *in Italy throughout the spring will provide for the main operation* ***a perfect prelude and accompaniment*** [Churchill 1960: 378]. */* ***Тяжелые бои*** *в Италии в течение весны обеспечат создание* ***должной прелюдии и аккомпанемента*** *для проведения основной операции.*

Все эти примеры находятся в современных словарях идиом. Интенсивность — семантическая категория, сродни категориям критической ситуации и обобщенности, с которыми она может частично совпадать как сопутствующая.

8. Социальная ценность или поддержка.

A wider franchise would mean the beginning of the end of the old system of administration and patronage. Could the King's Government be carried on in absence of ***these twin pillars of authority?*** [Churchill 1960: 27]. */ Повышенные привилегии означали бы начало конца старой системы администрирования и патронажа. Может ли королевское правительство работать в отсутствие этих* ***двух столпов власти?*** (В словаре Коуи присутствует выражение «pillar of society» — 'столп общества', но не «pillars of authority» — 'столпы власти'.) *Our Friendship is my greatest* ***stand-by*** *amid the ever increasing complications of this exacting war* [Churchill 1960: 487]. */ Наша дружба является моей величайшей надежной* ***опорой*** *в любых перипетиях этой изнурительной войны.*

Данная статья не претендует на исчерпывающее исследование, это всего лишь взгляд на несправедливо забытую тему выражения значения и стиля как отображение лингвистических возможностей, доступных для автора или авторов. Уинстон Черчилль для описания проблем, с которыми ему приходилось сталкиваться и решать, мог бы использовать и другие метафоры. Мы полагаем, что наряду с лингвистической нормой или обязательностью существуют возможности, черты, присущие языку в целом. Давайте в итоге будем считать, что среди метафор, которые использовал Черчилль, мы не нашли абсурдных, и все они рациональны.

ЛИТЕРАТУРА

Aarts Jan M. G. , Joseph P. Calbert. Metaphor and non-metaphore. The semantics of adjective-noun combination // Linguistische Arbeiten. 1979. — Tŭbingen : Niemeyer. № 74.

Anderson Wallace L. Introductory readings on language / Norman C. Stageberg (eds). —N. Y. : Holt, Rinehart and Winston, 1966.

Churchill Winston S. My Early Life. — L. : Odham Pr.,1948.

Churchill Winston S. The Second World War. Vol. 5. — L. : The Reprint Society,1960.

Churchill Winston S. A History of the English-speaking peoples. Vol. 4. — L. : Cassell, 1962.

Cowie Anthony E., Ronald Mackin, Isabel R. McCaig. Oxford dictionary of current idiomatic English. Vol. 2. — Oxford : Oxford Univ. Pr.,1983.

Crystal David, Derek Davy (eds). Investigating English style. — L. : Longman,1969.

Enkvist Nils E. Linguistic stylistics. The Hague ; P. : Mouton,1973. (Janua linguarum, series critica, 5.)

Hill Archibald A. "Form gives meaning" // Wallace L. Anderson, Norman C. Stageberg (eds.). — 1966. P. 266—273.

Jakobson, Roman. Concluding statement: Linguistics and poetics.1966.

Leech Geoffrey N. A linguistic guide to English poetry. — L. : Longman,1973.

Leech Geoffrey N. Longman dictionary of English idioms. — Harlow ; L. : Longman,1980.

Leech Geoffrey N., Michael Short. Style in fiction. — L. : Longman,1989.

Nida Eugene A. Componential analysis of meaning. (Approaches to semiotics.) — The Hague ; Paris : Mouton,1975.

Nosek Jiri. Metaphor in modern colloquial English // Prague Studies in English. 1967. 12. P. 41—62.

Proctor Paul et al. (eds.) Longman dictionary of contemporary English. — Harlow ; L. : Longman,1978.

Sebeok Thomas A. (ed.) Style in language. — Cambridge, Mass. : MIT Press,1966.

Stich Alexandr K textové výstavbě publicistických projevů = On the textual structure of publicist utterances // Stylistické studie. 1974. 1: 55—94.

Cermák František, Josef Filipec. Česká lexikologie = Czech lexicology. — Prague : Academia,1985.

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'27
ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.20*

Е. В. Дзюба, Г. Н. Плотникова
Екатеринбург, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. *Рецензия на монографию О. В. Спиридовского «Лингвокультурные характеристики президентской риторики как вида политического дискурса».*

Ключевые слова: *политический дискурс; риторика; лингвокультурология; языковая личность; агональные, ритуальные, ориентационные жанры; когнитивная лингвистика.*

Сведения об авторе: *Дзюба Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.*
e-mail: uspu@uspu.ru.

Сведения об авторе: *Плотникова Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся.*

Место работы: Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Контактная информация: *620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 309.*
e-mail: Rki-urgu@e1.ru.

E. V. Dziuba, G. N. Plotnikova
Ekaterinburg, Russia

LINGO-CULTURAL PECULIARITIES OF PRESIDENT'S DISCOURSE

Abstract. *This is a review of the monograph «Lingocultural Characteristics of President's Rhetoric as a Kind of Political Discourse» by O.V. Spiridovsky.*

Key words: *political discourse; rhetoric; lingoculturology; language personality; agonal, ritual, orientational genres; cognitive linguistics.*

About the author: *Dziuba Elena Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

About the author: *Plotnikova Galina Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language for Foreign Students.*

Place of employment: Federal University named after B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Вопросы изучения национально-культурной специфики политического дискурса являются актуальными для целого ряда современных научных направлений: когнитивно-дискурсивного анализа, политической лингвистики, социолингвистики, прагмалингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и др. Исследования, направленные на описание и анализ этнокультурных особенностей мышления и коммуникативного поведения представителей институционального дискурса, в частности института президентства, позволяют решить и предотвратить возможные проблемы межкультурного взаимодействия.

За последние годы число диссертационных и монографических исследований, посвященных анализу специфики отечественного и зарубежного политического дискурса, его особенностей, структуры, функций и т. д., заметно увеличилось, что свидетельствует, с одной стороны, об интересе ученых к данной проблеме и ее недостаточной изученности, с другой — об особой востребованности результатов подобных исследований для осуществления успешной политической коммуникации. Среди таких работ особое место занимает монография О. В. Спиридовского «Лингвокультурные характеристики президентской риторики как вида политического дискурса», посвященная анализу лингвокультурных особенностей президентского дискурса США, Германии и Австрии. На фоне многочисленных лингвокультурных исследований прагма- и социолингвистических типов дискурса работа, имеющая целью сопоставительное исследование этнокультурной специфики президентской риторики трех стран — сильнейших игроков в мире политики и экономики, становится особенно заметной и вызывающей немалый интерес.

Композиция монографии определяется целью и задачами исследования и отражает логику движения научной мысли и основные этапы исследования. В ***первой главе «Политический дискурс как предмет лингвистического исследования»*** О. В. Спиридовский с опорой на достижения современных ученых (Н. Д. Арутюновой, В. И. Карасика, В. Б. Кашкина, Е. С. Кубряковой, Е. И. Шейгал и др.) раскрывает понятие дискурса, указывает на его разновидности *(политический, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, рекламный, деловой, спортивный, научный, сценический* и др.), определяет специфику политического дискурса, называет основную ***(инструментальную***, т. е. помогающую осуществлять борьбу за власть) и дополнительные (вслед за Е. И. Шейгал) функции политического дискурса, среди которых важными считает следующие: ***интегративную*** (функцию ориентации в политическом пространстве среди «своих» и «чужих»), ***инспиративную*** (функцию воодушевления и мобилизации политических союзников), ***декларативную*** (функцию предъявления планируемых политических

© Дзюба Е. В., Плотникова Г. Н., 2012

действий), ***перформативную*** (функцию призыва к исполнению политических действий).

Очевидно, что президентские речи являются неотъемлемой частью институционального дискурса, однако это не исключает проявления в них индивидуальных, личностных характеристик лидеров государств. Именно поэтому исследователь сосредоточил внимание на рассмотрении понятия ***языковая личность,*** выделив четыре аспекта дискурсивного анализа этого феномена. Первый аспект — ***ценностный*** — предполагает наличие определенной зависимости ментальности президента от существующей системы ценностей в том или ином этнокультурном обществе. Так, например, исследователь отмечает, что в американском политическом дискурсе часто провозглашаются такие национальные ценности, как *материализм* и *рационализм,* хотя часто указывается, что этим ценностям нельзя поклоняться как золотому тельцу. Для Германии особую ценность в настоящее время имеет *единение* всего немецкого народа, а для австрийского народа, потерявшего независимость после Второй мировой войны, особую ценность представляют *суверенность, нейтралитет* и *безопасность* государства (см. стр. 32). Второй аспект языковой личности — ***когнитивно-познавательный*** — предполагает анализ функционирования ключевых концептов в президентском дискурсе — универсальных *(долг, правда, искренность, любовь, честь, благопристойность* и др.) и этноспецифичных, подобных собственно национальным концептам, например *life quality, quality time*, характерным для англосаксонского мира. Третий аспект языковой личности — ***поведенческий*** — предполагает анализ коммуникативного поведения президента. Исследователь настаивает на необходимости рассмотрения норм коммуникативного поведения (общекультурных, ситуативных, групповых и индивидуальных), влияющих на речевые действия президента; на обязательности изучения стратегий и тактик речевого поведения, тесно связанных с интенциями (намерениями и мотивами) говорящего. Четвертый аспект языковой личности — ***риторический*** — предполагает анализ замысла президентских речей, а также композиционных и языковых средств его реализации.

Вторая глава «Президентская риторика как вид политического дискурса и ее основные жанры» посвящена сопоставительному анализу президентских речей разных жанров в США, Германии и Австрии. В этой части исследования О. В. Спиридовский формулирует определение понятия *жанр*, рассматривает критерии классификации жанров, предложенные в работах известных лингвистов (М. М. Бахтина, А. Вежбицкой, В. В. Дементьева, В. И. Карасика, Т. В. Шмелевой и др.). В качестве основы для описания жанров президентской риторики автор монографии принимает следующие классификационные деления: по сфере общения разграничиваются жанры судебной, парламентской, академической, деловой речи; по коммуникативной цели выделяются информационные, эпидейктические, убеждающие, призывающие и развлекательные жанры; по степени подготовленности рассматриваются первичные (спонтанные, неподготовленные речи с простой композицией и нерасчлененным тезисом) и вторичные (заранее подготовленные речи со сложной композицией и расчлененным тезисом); с точки зрения предполагаемой реакции адресата отмечаются речи монологические и диалогические. Однако ведущей классификацией, определившей композицию данной части исследования, в работе является типология Е. И. Шейгал, предполагающая деление жанров на ***агональные,*** или состязательные (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты); ***ритуальные,*** или фатические (инаугурационная речь, прощальная речь, юбилейная речь, традиционное субботнее обращение президента США, рождественское и новогоднее праздничное поздравление); ***ориентационные*** (партийная программа, манифест, послание президента о положении в стране парламенту, указ, отчетный доклад и др.).

Для определения степени популярности тех или иных жанров в США, Германии и Австрии автор монографии представляет результаты проведенного среди представителей американской, немецкой и австрийской культур (по 50 человек) опроса и делает вывод, что наиболее популярными (и главное, частотными) во всех трех культурах являются ритуальные жанры президентской риторики. Их частотность обусловлена стремлением агентов политической коммуникации к сохранению, поддержанию и укреплению своего властного статуса.

Агональные жанры являются наиболее популярными в США, о чем свидетельствует существенный перевес определенной части исследования (п. 2.3.1.) в сторону именно американской культуры в сравнении с немецкой и австрийской. Автор отмечает: «Преобладающая, гипертрофированная роль (так же, как и отсутствие) жанров какого-то одного типа в ущерб двум другим приводит к дисгармоничным коммуникативным отношениям в национальном политическом пространстве. Например, большая коммуникативная востребованность состязательных жанров — очевидный признак социально-политической напряженности, а обилие ритуальных, фатических жанров говорит об отсутствии должного развития общества и о боязни необходимых перемен» (см. стр. 98). К сожалению, остается неясным, следует ли отнести отсутствие анализа агональных жанров в немецком и австрийском президентских дискурсах на счет этнокультурной специфики Германии и Австрии или авторских предпочтений.

Ориентационные жанры, по мнению исследователя, одинаково популярны в трех изучае-

мых дискурсах. Особенно актуальны такие жанры, как послания президента о положении в стране парламенту, отчетные доклады, соглашения, интервью, пресс-конференции. Автор монографии подчеркивает, что их универсальным свойством является информационно-прескриптивный характер. О. В. Спиридовский сопоставляет ориентационные жанры американской президентской риторики (“State of the Union Addess”) с немецким аналогом („Berliner Rede“) и делает вывод о наличии целого ряда общих признаков: позиции президента в одинаковой роли, наличии двух крупных тематических блоков (внешняя и внутренняя политика), сочетании ступенчатого и параллельного типов композиции посланий, наличии информационной, убеждающей и призывающей коммуникативных целей. Отличительным же свойством, по мнению автора монографии, является содержание тематических блоков «внутренняя политика» и «внешняя политика». Так, например, для американского дискурса во втором блоке приоритетными темами являются отношения с СССР, «холодная война», отношения со странами Азии и торговые связи с североамериканскими странами. Для немецкого президентского дискурса актуальны такие проблемы: интеграция Германии в единую Европу, глобализация, иммиграция в Германию из других стран (см. стр. 101).

Одним из несомненных достоинств данного исследования является наличие разработанной автором жанровой модели, включающей восемь жанрообразующих признаков: хронотоп общения (время и место дискурса), участники дискурса и их ролевые характеристики, институциональная сфера общения, тематическая заданность общения, жанровая композиция, коммуникативная цель (ведущая интенция, функция), первичность/вторичность жанра, лингвостилистические особенности речевого произведения. Наличие четкой модели и последовательного описания всех типов жанров в строгом соответствии с ее признаками делает исследование логичным и убедительным.

В ***третьей главе «Лингвокогнитивные характеристики президентской риторики»*** О. В. Спиридовский рассматривает когнитивные, риторические, лингвостилистические и интертекстуальные аспекты президентской риторики в США, Германии и Австрии. С опорой на методику З. Д. Поповой и И. А. Стернина автор монографии выделяет ключевые концепты в президентском дискурсе трех стран. Так, исследователь отмечает вневременной характер бытования концепта *свобода,* актуального для президентского дискурса США и Германии, сходство содержания концепта *общность* в немецкой и австрийской президентской риторике. О. В. Спиридовский подчеркивает также наличие этноспецифичных концептов: в американском президентском дискурсе в последние годы становится актуальным концепт *терроризм,* в немецком дискурсе — концепт *единение,* в австрийском — концепты *мир* и *толерантность*.

Отдельный параграф третьей главы посвящен анализу синтаксических и лексических средств выразительности президентских речей. Среди наиболее частотных О. В. Спиридовский отмечает синтаксические повторы, восходящую и нисходящую градацию, параллелизм, анафору, кольцо, риторические вопросы и побудительные предложения. При анализе лексического плана речи лидеров государств исследователь обнаруживает такое свойство, как сверхметафоричность, которое особенно характерно для фатических жанров. При этом метафора понимается автором монографии в когнитивном аспекте, как ментальная процедура сопоставления разных понятийных сфер. Учитывая количественный фактор, автор указывает, что доминирующим типом метафоры во всех рассматриваемых лингвокультурах является антропоморфная метафора; природная метафора занимает заметное место в президентском дискурсе США; социальная метафора актуальна в речах лидеров государств Германии и Австрии.

Заметным, по мнению О. В. Спиридовского, свойством речей президентов является интертекстуальность, которая проявляется в упоминании президентов-предшественников; иных политиков, не являющихся президентами; деятелей науки, литературы и искусства; сюжетов из Библии. При этом в американском дискурсе доминируют ссылки на президентов-предшественников, главы Германии и Австрии предпочитают ссылаться на деятелей науки, литературы и искусства.

Знакомство с данным научным трудом позволяет отметить в нем многоаспектность, широту, полноту, масштабность изучения феномена президентского дискурса: речи лидеров государств рассматриваются О. В. Спиридовским в единстве социолингвистического, функционального, жанрового, ценностного, когнитивного, поведенческого и риторического подходов. Наличие стройной методологии и четко отработанной модели анализа президентских речей делает данное исследование обоснованным и убедительным, содержание и результаты монографии имеют безусловную практическую значимость для понимания политической коммуникации в США, Германии и Австрии. Все это свидетельствует о серьезном научном вкладе О. В. Спиридовского в развитие теоретических, методологических и практических аспектов лингвокультурологии и политической лингвистики.

УДК 811.111.1'27
ББК Ш143.21-7 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*

С. В. Иванова
Уфа, Россия

РЕАЛЬНЫЙ МИР ВИРТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Аннотация. *Рецензия на монографию: Морозова О. Н. Политическая реклама в Интернет-пространстве Великобритании (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании) : монография. — СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. — 208 с.*

Ключевые слова: *политическая реклама; политическая лингвистика; политический дискурс; интернет-лингвистика.*

Сведения об авторе: *Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации.*

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: *450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*
e-mail: ivasv@rambler.ru.

S. V. Ivanova
Ufa, Russia

REAL WORLD OF VIRTUAL POLITICAL ADVERTISING

Abstract. *This is a review of the monograph by Morozova O.N. «Political Internet Advertising in Great Britain». — St. Petersburg : LSU named after A. S. Pushkin, 2010. — 208 p.*

Key words: *political advertising; political linguistics; political discourse; internet linguistics.*

About the author: *Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of English Philology and Intercultural Communication.*

Place of employment: Bashkir State University.

Актуальность обращения к проблемам виртуального пространства, которое обрело совершенно реальные черты, войдя практически в каждый дом и заполнив собой временно́е и ментальное пространство современного человека, вполне обоснована и закономерна. Потоки информации, облеченные в языковую плоть и опосредованные высокими технологиями, — это та естественная среда, в которой живет человек XXI в. Люди активно и полномасштабно осваивают интернет-пространство, но и оно подчиняет себе новые и новые области человеческой деятельности. Язык как характеристика homo loquens [Ажеж 2003] является неотъемлемым элементом мира человека — совершенно естественно, что если этот мир преобразуется (а он, бесспорно, преобразуется под влиянием информатизации), — то эти процессы не могут не отразиться на языке как системе и ее проявлениях.

Привычные форматы коммуникации испытывают мощнейшее влияние быстродейственных и вездесущих дигитальных процессов. Вполне понятно, что политика как одна из важных сфер жизни современного общества, в особенности общества демократичного и демократического, которое требует и позволяет каждому члену социума принять участие в политических процессах, не могла не поставить себе на службу высокие компьютерные информационные технологии. Рецензируемая работа О. Н. Морозовой фокусируется на политической интернет-рекламе как одной из быстро развивающихся и востребованных членами гражданского общества сфер киберпространства.

Рецензируемая монография состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы. Последовательность глав позволяет автору логично представить материал, а читателю продвигаться по нему. Автор останавливается на статусе политической рекламы, жанровых разновидностях интернет-комуникации, гипертексте как форме организации информационного пространства персонального политического сайта, а также на лингвистических, экстралингвистических и воздействующих характеристиках политической интернет-рекламы. Работа представляет собой сбалансированное по структуре и масштабное по проблематике исследование. Несомненный интерес вызывают поднимаемые автором вопросы жанрообразования, языковых изменений, взаимодействия семиотических систем в пространстве политической интернет-коммуникации.

Прежде всего, интерес вызывает сам статус политической рекламы. Этому вопросу посвящена первая глава монографии. В ней автор отмечает сложность и многогранность изучаемого явления. Само название «политическая реклама» объединяет в себе два чрезвычайно широких понятия: рекламу как определенный вид коммуникации и политику как конкретную сферу деятельности. Однако помимо этих базовых для политической рекламы сфер исследователь должен принять во внимание интегрированность политической рекламы с такими областями человеческой деятельности и знаний, как экономика, маркетинг, социология, пиар, журналистика, литературоведение и др. Таким образом, суть подхода составляют междисциплинарность и полипарадигмальность, что позволяет автору предложить углубленную разработку изучаемой проблемы, провести многогранный и тщательный анализ, обобщив и увязав изучаемое с реалиями современного этапа становления данной сферы политической коммуникации. Ясно осознавая, что на сегодняшний момент ощущается «насущная потребность в четком обозначении структурного содержания политической рекламы, детальном рассмотрении ее коммуникативных особенно-

© Иванова С. В., 2012

стей, в установлении причинно-следственных связей между процессами, происходящими в рамках избирательных кампаний» (С. Ф. Лисовский), О. Н. Морозова обращается к обозначенной таким образом проблематике.

Автор отмечает многофункциональность политической рекламы в современном обществе: «В определенной степени политическая реклама призвана упростить сложные политические концепции, помочь избирателю идентифицировать те или иные политические силы или их представителей, наделив их соответствующим имиджем, отличным от имиджей других политических сил и кандидатов» (стр. 9). Вместе с тем знакомство с конкретными образцами политической рекламы убеждает, что рекламное мероприятие редко характеризуется только одной целью, в большинстве случаев наблюдается их микширование. В связи с этим одна и та же реклама может одновременно выполнять несколько функций. Нельзя не согласиться с автором, что, как и в любом речевом произведении, в основе политической рекламы в первую очередь лежит коммуникативная функция. К коммуникативным целям, реализуемым политической рекламой, можно отнести следующие:

- информирование — ознакомление; повышение уровня известности, узнаваемости, запоминаемости субъекта политической рекламы, формирование предпочтений, общественного мнения;
- создание востребованного имиджа, выработка заданного определенными политическими условиями стереотипа, его позиционирование, влияние на формирование привычки при восприятии субъекта политической рекламы для его последующей идентификации;
- пробуждение любопытства, заинтересованности, желания к сотрудничеству, совместной деятельности, усиление идентификации личности с конкретной политической группой;
- стимулирование и поддержание верности идеям и действиям субъекта политической рекламы.

Однако наряду с этими функциями политическая реклама, как и всякая другая реклама, предполагает большой воздействующий потенциал и, соответственно, реализацию одноименной функции. Нельзя обойти вниманием и функцию самопрезентации политика, убеждения и т. п.

Основой прагматического содержания текста политической рекламы является направленное речевое воздействие: в нем отражаются все отношения, в которые вступают в ходе коммуникативного действия акторы данного вида коммуникации.

В качестве основных характеристик политической рекламы как речевого произведения автор выделяет следующие:

- содержательность, т. е. весь объем выраженных смыслов;
- понятность, которая обеспечивается избирательным отбором материала и его языкового представления;
- выразительность, т. е. связь с эмоциональной насыщенностью и манерой репрезентации;
- действенность, которая определяется влиянием на мысли, чувства, поведение с учетом индивидуальных особенностей слушателей (стр. 29).

Автор подчеркивает, что в настоящее время выделяют два основных направления в политической рекламе: имидж-рекламу и стимулирующую рекламу. При этом «политическая имидж-реклама направлена на создание и дальнейшее позиционирование благоприятного образа (имиджа) как отдельного политического или государственного лидера, так и политической организации в целом. Широкое распространение этого вида рекламы связано с современной тенденцией к персонификации политики» (стр.11), что предполагает сведение чувств адресата к симпатиям или антипатиям по отношению к олицетворяющей эту политику личности. Все это свидетельствует о том, «что назначение имидж-рекламы состоит не только в формировании и закреплении в сознании широкого круга общественности положительного образа представляемых объектов политической рекламы, но и в том, чтобы помочь избирателю идентифицировать те или иные политические силы или их представителей» на современной политической арене (стр. 11).

Наиболее распространенный вид политической рекламы в Интернете — стимулирующая реклама. «Ее основная задача состоит в стимулировании потребности участия в политической деятельности, привлечении большого количества добровольных помощников, а также финансовых пожертвований, необходимых для расширения политической борьбы. Обычно она подчеркивает основные преимущества того или иного кандидата или политической партии, их положительные качества по сравнению с другими» (стр. 11).

Политическая реклама как «система методов интеллектуального, психологического и эмоционального воздействия на массовые целевые аудитории с целью управления их политическими убеждениями» (стр. 12) не могла не выйти в киберпространство. Осознавая безграничные возможности Всемирной паутины в плане информирования, пропаганды, воздействия в широком плане на массы избирателей, политики постарались подчинить себе виртуальное пространство, с тем чтобы в конечном итоге влиять на реальность, рекрутировать новых последователей, укрепить свои позиции, сделать свой имидж более привлекательным, выстроить канал мгновенной связи и иллюзию персональности.

Именно этим целям служат персональные сайты политиков, к которым в качестве объекта исследования и обращается автор монографии. Автор последовательно решает поставленную задачу, сначала обращаясь к проблематике

интернет-коммуникации и интернет-лингвистики. В настоящее время не вызывает сомнений утверждение автора о том, что Интернет стал новым коммуникативным пространством для социального взаимодействия. По Б. М. Гаспарову, коммуникативное пространство обозначает «мысленно представляемую среду», необходимую для воспроизведения и восприятия высказывания в процессе коммуникации [Гаспаров 1996: 69], которая накладывает отпечаток на этот процесс, изменяя его параметры и характер протекания. Исследователи склоняются к тому, чтобы интерпретировать Интернет как «метасреду» для коммуникации в сфере бизнес-технологий, СМИ, а также среду для хранения и обработки информации и т. д. (И. И. Шабшин). Многогранность этого феномена, который можно определить как перцептивно-лингвистическую коммуникацию, сопряженную с актами познания и создания механизмов когерентности личностью смыслообразующих систем, проявляется в целом наборе принципов, которые включают:

- диалоговость и коммуникативность;
- зрительно-перцептивный аспект (наблюдательность);
- межличностную коммуникацию;
- инструмент кросскультурного диалога;
- лингвистический компонент [Аршинов и др. 1997].

Проблематика интернет-лингвистики, которую затрагивает автор, смыкается с вопросами языковой моды, жанрообразования, стиля. Необходимо отметить, что все эти вопросы получают должное освещение и необходимое обоснование во второй главе рецензируемой работы. Вместе с тем автор четко направляет вектор своего исследования к непосредственному объекту — персональным сайтам английских политиков. Выбор данного материала отнюдь не случаен. Основной причиной остановки исследователя именно на этой форме политической рекламы является то, что политический Интернет Великобритании в целом и персональные веб-страницы политических деятелей в частности, по утверждению автора, представляют собой достаточно устоявшийся, т. е. хорошо структурированный и постоянно обновляющийся интернет-ресурс с удобной навигацией (стр. 89).

Применяя теорию жанров к изучаемому явлению, автор констатирует, что существует несколько жанровых разновидностей, представленных на персональных сайтах британских политиков. К примеру, таковыми являются сайты-визитки, сайты-каталоги, представительские сайты. На сайтах-визитках представлены фотография, имя и занимаемое положение в парламенте, вся остальная информация дается в виде ссылок на другие внешние сайты с информацией о данном политическом деятеле. В качестве интерактивного элемента выступает возможность послать электронное сообщение, хотя она ограничена («no more than once per day» — не более одного раза в день). Автор предполагает, что, скорее всего, сам политик не принимает участие в создании такого сайта (стр. 95). Сайты-каталоги имеют вид списка, например членов парламента или членов партии, с минимальной информацией и ссылками для получения более подробных данных о конкретном депутате. Сайт снабжен определенным набором инструментов для удобства работы со списком, как то: сортировка по алфавиту, имени, избирательному округу, территории, стране, партии и т. п. (стр. 94).

Внимание автора привлекает третий тип сайтов, который, по мнению исследователя, является непосредственно персональным (личным) сайтом политического деятеля. Его альтернативное название — «домашняя страница» — точно характеризует направленность информации, размещенной на сайте. Политический деятель, владелец такого сайта, сам активно участвует в его формировании либо полностью контролирует его организацию, например подбор цветовой палитры, выбор тематических рубрик и тщательный отбор их содержательного наполнения.

Несмотря на то что дизайн, технические возможности и содержание данных сайтов могут сильно разниться, есть общие черты, которые позволяют объединить их в одну группу. В первую очередь, следует сказать о коммуникативно-прагматической установке данных информационных образований, ибо все они направлены на оказание воздействия на электорат своего избирательного округа с целью завоевания доверия и, в конечном итоге, получения голосов избирателей на выборах (стр. 97—98). Второй общей характеристикой выделенных сайтов является их ярко выраженная персонифицированность. И, наконец, третья отличительная черта этих сайтов может быть обозначена как очевидная нацеленность на конкретную интернет-аудиторию, т. е., в данном случае, на представителей определенного избирательного округа.

Автор полагает, что в настоящее время есть все основания констатировать наличие некоторого стандарта в наборе типовых информационных блоков и разделов в исследуемом жанре политической интернет-коммуникации. Так, стандартизованный сайт включает следующие компоненты:

- текст — обращение к посетителям сайта;
- историю организации, биографию политического деятеля;
- политическую программу и политическую платформу организации или политического деятеля;
- анонсы проводимых организацией мероприятий;
- дневник политического деятеля;
- FAQ — часто задаваемые вопросы и ответы на них;

- пресс-релизы;
- новости;
- блоги, миниблоги;
- галереи;
- социальные сети;
- рекрутинг сторонников и/или добровольных помощников;
- благотворительные взносы, пожертвования;
- опросы/голосование;
- полезные ссылки;
- стандарт RSS;
- обратную связь (стр. 83—84).

Безусловно, данный список может варьироваться за счет дополнительных разделов: они могут быть направлены на эмоциональное воздействие или привлечение посетителей, содержать страноведческую информацию об округе, где работают депутаты, дополняться аудио-, фото- и видеофайлами и т. д. Кроме того, на набор перечисленных разделов влияет и постоянное обновление интернет-технологий, то, что их возможности расширяются и диверсифицируются.

Уже из представленного перечня видно, что информационные единицы, входящие в структурный инвариант персонального сайта политика, принадлежат к разным стилевым и жанровым разновидностям. Будучи объединенными в едином гипертекстовом пространстве сайта, они представляют собой своего рода «полижанровый» феномен. Основная задача такого объединения заключается в концентрации различных коммуникативных стратегий и тактик «для повышения воздействующего потенциала всего сайта как объединенного информационного ресурса. Таким образом, web-сайт можно представить как набор информационных блоков и инструментов для взаимодействия с целевой аудиторией» (стр. 83—84).

Проанализированные автором сайты свидетельствуют, что их основная направленность предполагает создание положительного имиджа политика за счет качественной и максимально детальной презентации себя не только как политика, но и как личности. Данная цель достигается в результате предоставления информации личного характера и широкого использования возможности онлайн-общения с пользователями, что придает определенную пластичность создаваемому идентификационному образу. Необходимо подчеркнуть, что политики мастерски оперируют инструментами построения востребованного социумом имиджа. Персональная страница политика организована так, чтобы максимально представить те его стороны, которые обычно положительно воспринимаются аудиторией. К востребованным положительным характеристикам автор монографии относит такие качества, как современность, образованность, энергичность, открытость, коммуникабельность, осведомленность относительно новых технологий, а наряду с ними — простоту и доступность, другими словами, все то, что позволяет отнести человека к кругу *«своих»*. Лингвистическое наполнение проанализированных сайтов полностью подтверждает этот вывод автора.

Заслуживает внимания тезис о соединении возможностей интернет- и имидж-технологий, что, несомненно, способствует большей достоверности информации, размещенной на сайте, и одновременно повышает степень ее воздействия, что в конечном итоге многократно усиливает благоприятное впечатление от имиджа политика (стр. 107).

Чрезвычайно интересной и насыщенной с точки зрения проблематики современной лингвистики является третья глава монографии О. Н. Морозовой. В этой главе автор останавливается на гипертексте как основной форме организации информационного пространства персонального политического сайта в сети Интернет. Гипертекст, понимаемый, вслед за Н. А. Шехтманом, как «некоторый нелинейно организованный объем политематической информации, интегрирующей непересекающиеся информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены перекрестные ссылки» [Шехтман 2000: 6], характеризуется определенным набором основных черт, к которым относятся следующие:

- дискретность подачи информации, т. е. отсутствие непрерывности;
- нелинейность;
- антропоцентричность, или субъективизм в отношении коммуникативной завершенности гипертекста;
- «демократичность», когда отдельные части гипертекста, в зависимости от позиции, избранной читателем, могут служить и началом, и завершением одновременно (стр. 109).

В связи с тем что гипертекст представляет собой феномен сверхструктурности, ацентрированности, открытости, незавершенности, бесконечности, нелинейности, нестабильности, динамичности, поскольку ему присущи виртуальность, конкретность, телесность, он стихиен и лишен авторства, определение места данного понятия в контексте лингвистики текста представляется довольно сложной задачей. Невозможно не согласиться с автором в этом утверждении. Автор сравнивает свойства, присущие гипертексту и линейному тексту, и приходит к выводу, что, имея сходства по основным текстовым категориям (информативность, когерентность, связность, диалогичность, прагматичность, полифоничность), они полностью различаются по характеру организации текстового материала. В этом отношении возможности гипертекста намного перекрывают возможности линейного текста.

Вследствие гипертекстовой организации сайт может быть продолжен в любую пространственную ветвь глобальной сети Интернет, что позволяет расширять информацию, представленную на сайте, до бесконечности. В то же

время адресант может остановиться на любой информационной единице в зависимости от поставленной цели своего речевого произведения. У адресата также есть определенная самостоятельность в следующих действиях:

- в выборе очередности прочтения информационных единиц;
- в решении остаться только в основной части;
- в желании перейти на дополнительную информационную единицу;
- в готовности уйти на другой сайт (стр. 116).

Поскольку единого прочтения гипертекста не существует, каждый читатель руководствуется своими собственными представлениям о том, как будет проходить это знакомство. Несомненно, это обусловливает крайнюю субъективность гипертекста и заставляет адресанта прилагать максимум усилий при формировании и организации сайта к тому, чтобы заинтересовать адресата, заставить его остаться в пределах основного блока информационных единиц и привлечь его к контакту, а значит, в число своих сторонников, что является основной целью персонального политического сайта.

Принципиально важным является определение персонального политического сайта как единого гипертекста, целостность информационных единиц которого в плане содержания обусловлена общей рекламной идеей и реализуется посредством системы гиперссылок, а в плане формы характеризуется постоянным набором вербальных, невербальных, мультимедийных и технических средств коммуникации.

Анализ персональных сайтов британских политиков позволяет автору прийти к концептуальному заключению о том, что общая коммуникативная направленность персонального политического сайта осуществляется через инвариантную композиционную структуру, которая представляет собой многочленное построение, включающее набор композиционно-смысловых блоков: вводный — главная страница, основные (внутренние — количество не ограничено), дополнительные (внешние — количество не ограничено) и заключительный (контакт). Такое композиционное построение является нормативным для данного типа дискурса. Именно такая композиционная структура персонального сайта отражает жанровый принцип построения и качественно отличает его от других жанровых разновидностей.

Существенным представляется вывод автора о том, что «устойчивость структурно-композиционной организации персонального политического сайта детерминирована его направленностью на воздействие на адресата. Именно прагматическая установка каждой конкретной информационной единицы гипертекста во многом обусловливает структурную организованность этого типа дискурса, которая проявляется в определенным образом упорядоченной совокупности компонентов содержания сайта. Причину стабильности речевой коммуникации следует искать не в наличии у коммуникантов сформированных навыков и умений речевого общения — это только условие, — а в стабильности (системности) социального взаимодействия, которое, собственно, и запускает речевую коммуникацию в форме, адекватной этому взаимодействию» (стр. 113).

Общность всех составляющих персонального политического сайта автор усматривает в следующих параметрах:

«● единое визуально-графическое оформление всех страниц сайта;

● структурно-синтаксическая организация всего контекста по принципу тема-рематической последовательности развертывания информационных единиц, представляемых адресантом;

● семантическое наполнение информационных единиц, определяющих монотемность персонального политического сайта как вида политической рекламы;

● прагматический компонент, связанный с реализацией свойства персуазивности политической коммуникации в целом и политической рекламы в частности» [стр. 116].

Психологическая комфортность связана как со свободной навигацией по сайту, так и с содержанием сайта, которое включает в себя как текстовые, так и графические, изобразительные, аудио-, видеокомпоненты. Вербальная сторона сайта, которой посвящена четвертая глава монографии, характеризуется сильным прагматическим стилем речи. Степень социальной дистанции между владельцем и посетителями сайта нивелируется. Этому способствуют личные фотографии, текст-приветствие, которое открывает главную страницу и представляет владельца сайта как сильную языковую личность, владеющую коммуникативной инициативой. Кроме того, на сайте представлена косвенная информация (биография, новости, информация о выборах), организация которой может стать сильным личностным продуманным ходом. Дискурс политической интернет-рекламы предполагает эмоциональное воздействие на собеседника за счет актуализации общественно и личностно значимых отношений, к которым относятся, например, проявление солидарности, гражданственности и т. д. Диалогизация политической интернет-рекламы также составляет ее важнейшую характеристику, отражающуюся в вербалике сайта (стр. 138—150).

Изучение стилевых особенностей современной политической интернет-рекламы Великобритании показывает, что политический персональный сайт как форма речевого общения, соотносимая с речевой деятельностью в целом, представляет собой сложное стилевое явление, что обусловливает его особое место в функционально-стилевой системе языка. С точки зрения стилистических свойств электронный гипертекст представляет собой структуру, объединяющую элементы различных жанров и функциональных стилей, и это позволяет рас-

сматривать его как полистилевое и полижанровое образование. Социальное назначение политической интернет-рекламы, объем аудитории и языковая специфика ставят современную политическую интернет-рекламу в ряд с другими формами массовой коммуникации. При этом, однако, обстановка общения, определенные правила и нормы презентации рекламы обусловливают использование отдельных элементов официально-делового стиля. Специфика политической интернет-рекламы как средства пропаганды политических знаний позволяет использовать элементы научного стиля. Интернет-коммуникация как разновидность устного общения характеризуется наличием элементов разговорной речи. Такая черта политической интернет-рекламы, как выразительность, достигается употреблением элементов художественного стиля.

Еще одной заслуживающей самостоятельного исследования особенностью политической интернет-рекламы является теснейшее взаимодействие в ее текстах норм устной и письменной речи, а также участие внелингвистических и паралингвистических средств в реализации ее основной функции — интенсивного психологического воздействия. Язык текстов, представленных на персональном политическом сайте, детерминирован лингвистическими нормами, регламентируемыми внутренними и внешними ограничениями, к каковым относятся, к примеру, специфика политической сферы деятельности, нормативные и правовые ограничения, политкорректность и т. п., с одной стороны, и особенности интернет-среды — с другой.

Анализ обширного практического материала свидетельствует, что значимым компонентом коммуникативной цепи интернет-общения, задающим его характер и непосредственно влияющим на эффективность всей системы в целом, является фактор адресата, которому посвящена пятая глава монографии. Автор утверждает, что, «будучи конечным звеном в модели коммуникативного акта, фактор адресата входит в сущностную характеристику речевого сообщения и включает в себя условие адекватности речевого воздействия. Коммуникативная деятельность адресата выражается, главным образом, в том, что в силу действия опережающего отражения адресат оказывает существенное конструктивное воздействие на содержание и структуру деятельности двух других элементов цепи (адресанта и сообщения), в чем проявляется его „активная“ роль» (стр. 192).

При определении роли «фактора адресата» как объекта речевого воздействия автором выделена функция, соотносимая с этим компонентом коммуникативной цепи, — функция адресации. Автор отмечает, что «реализация этой функции в политическом рекламном интернет-дискурсе проявляется на всех уровнях его организации; в определении его общей целеустановки; в композиционном построении; в языковой репрезентации. Критерии, по которым может быть проведена оценка его эффективности, подразделяются в соответствии с целым рядом характеристик, которые предполагают учет условий общения, манеры представления информации, техники презентации, адресованности, требований к содержанию рекламы, ее языка и стиля. Для каждой из этих характеристик свойственны конкретные параметры, из которых складывается общая оценка воздействительности рекламы. Выбор и соотнесенность этих критериев с конкретными характеристиками адресата способствуют повышению эффективности речевого воздействия политической рекламы в сети Интернет» (стр. 193).

В целом анализ британских политических персональных сайтов свидетельствует об их направленности на реализацию коммуникативно-прагматической установки на интерактивность, то есть обращенность к адресату, что и позволяет автору рассматривать данный тип дискурса как особую форму политической рекламы, характеризующуюся определенным тематическим структурированием, специфическим лексико-семантическим и стилистическим оформлением, обязательной субъективной оценочностью, которая носит ярко выраженный самопрезентирующий характер и направлена на создание привлекательного имиджа политика с целью завоевания доверия и голосов потенциального электората.

Представляется, что рецензируемая монография представляет собой значительный вклад в развитие политической лингвистики, интернет-лингвистики, исследование дискурса рекламы и PR. Перспективы проведенного исследования связаны с тем, что оно позволяет выделить целый набор параметров, характеризующих изучаемый вид коммуникации, а также способствует разработке конкретных практических рекомендаций для специалистов в названных выше областях знаний.

ЛИТЕРАТУРА

Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки. — М. : Едиториал УРСС, 2003.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1998.

Аршинов В. И., Данилов Ю. А., Тарасенко В. В. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации // Онтология и эпистемология синергетики. — М. : ИФРАН, 1997. С. 101—119. URL: http://bookfi.ru/g/Аршинов (дата обращения: 10.08.2010).

Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. — М. : Новое лит. обозрение, 1996.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). — М. : Диалог-МГУ, 1998.

Морозова О. Н. Политическая реклама в Интернет-пространстве Великобритании (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании) : моногр. — СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010.

Шехтман Н. А. Социокультурные компоненты гипертекста // НТИ. Сер. 1. : Орг. и методика информ. работы. — 2002. — № 2. — С. 32—34.

УДК 81'27
ББК Ш107 *ГСНТИ 16.21.61* *Код ВАК 10.02.19*

И. А. Каргаполова
Санкт-Петербург, Россия

НОРМЫ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. *Рецензия на книгу: Чернявская, В. Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное : лингвистический и социокультурный анализ. — М. : URSS, 2011. — 248 с.*

Ключевые слова: *стилистика; лингвистика текста; научная коммуникация; девиантное поведение; конвенциональный стандарт; научный этос.*

Сведения об авторе: *Каргаполова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии.*

Место работы: Ленинградский (областной) государственный университет им. А. С. Пушкина.

Контактная информация: *196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.*
e-mail: Irina.kargapolova@mail.ru.

I. A. Kargapolova
St. Petersburg, Russia

NORMS IN SCIENTIFIC COMMUNICATION

Abstract. *This is a review of the book «Communication in Science: Norm and Deviation: Linguistic and Sociocultural Analysis» by Chernyavskaya V.E. published in Moscow, URSS in 2011. – 248p.*

Key words: *stylistics; text linguistics; scientific communication; deviant behavior; conventional standard; scientific ethos.*

About the author: *Kargapolova Irina Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of English Philology.*

Place of employment: Pushkin Leningrad State University.

Рецензируемая работа выполнена специалистом в области стилистики научного текста, лингвистики текста и теории дискурса В. Е. Чернявской, многочисленные публикации которой в этой области широко известны специалистам в России и странах СНГ. В данной книге получает дальнейшее развитие тот круг актуальных научных проблем, который последовательно и глубоко анализируется автором в предшествующих публикациях.

Вынесенное в заглавие работы понятие «коммуникация в науке» трактуется как совокупность форм и процедур профессионального общения в научном сообществе, создающих механизм развития науки, т. е. получения, презентации, развития знания, в том числе его экспертизы на этапе между получением интеллектуального результата и его включения в научный континуум. Такой круг вопросов изучается комплексно в науковедении, социологии науки, психологии научного творчества, теории коммуникации, неориторике, лингвистике, стилистике научной речи. При этом лингвистический ракурс выступает одним из наиболее значимых в силу того, что вербализация полученного знания является существенным этапом познавательного процесса. Автор работы показывает, что языковое оформление результата научного познания влияет на его восприятие, оценку и (не)включение в научный континуум. Поэтому лингвистический, а именно текстоцентрический подход к научной коммуникации дает возможность для значимых наблюдений и выводов относительно закономерностей, сложностей, тончайших нюансов перехода — сознательного перевода — мыслительных феноменов в языковые структуры и формы.

Научная коммуникация — это та сфера, которая считается в известной мере элитарной: заниматься наукой сложно и писать о науке не менее сложно. Особенно сложной задача становится тогда, когда в фокусе внимания оказываются проблемы норм в науке. *Что такое норма в науке? Кем и для кого она устанавливается? Всегда ли в науке нужны нормы? Когда следование конвенциональному стандарту обеспечивает научное признание и социальный успех, и когда ученый получает право на игнорирование нормы? Когда норма в познавательном процессе имеет значение стабилизирующего ориентира, и когда выход за границы нормы обеспечивает эвристичность и новизну? Какова суть феноменов научной элиты и квазиэлиты, элитарного и элитистского научного текста, каковы когнитивные и социально-культурные основы плагиата?* — эти и другие вопросы рассматриваются в новой монографии В. Е. Чернявской.

Эта книга привлечет внимание читателя не только высоким теоретическим уровнем, но и в определенной мере провокационным зарядом поставленной на обсуждение читателя проблемы о соотношении нормативного и девиантного в науке. Научная коммуникация, т. е. получение, развитие и экспертиза научного знания, рассматривается через сложное и неоднозначное взаимодействие норм и нарушений нормы. *Когда норма обязательна для ученого, и когда он получает свое «право на девиацию»?*

Структура книги определяется исходя из понимания нормативного и соответственно девиантного в науке как разноуровневого феномена.

Первая глава обращена к гносеологическим стандартам и нормативам, определяющим специфику научного знания среди иных форм человеческого познания. Показывается гносеологическая особенность гуманитарного знания. Рассматривается так называемая девиантная наука, т. е. псевдо-/квазинаучное знание в оппозиции к рационально удостоверенному научному знанию.

© Каргаполова И. А., 2011

Вторая глава представляет научное знание как социально обусловленное явление, как объект оценки в соответствии с внешненаучными, социально выработанными критериями. Дискутируется феномен научной элиты и квазиэлиты, императивов научного этоса как предписаний для поведения ученого в коммуникативно-познавательной деятельности.

Третья глава глава построена как текстоцентрический анализ научной коммуникации: рассматриваются стереотипные языковые единицы, текстовые образцы/прототипы, а также типичные стратегии и правила текстопорождения, с которыми связывается оптимальное и адекватное представление результата познавательного процесса. Анализируются случаи научных открытий с запоздалым признанием сообщества, что связывается в том числе с несоблюдением правил формулирования научного результата. Образцовые модели и правила текстопорождения сравниваются с так называемыми квазиэлитарными, или элитистскими текстами, нарушающими конвенциональные стандарты представления научного знания.

В четвертой главе оппозиция «нормативное и девиантное» анализируется в аспекте ее культурной специфики.

Рассуждения об идиоэтнических нормирующих образцах, утверждающих правила включения научного результата в общий континуум знания, продолжаются в главе пятой. Дискурсивный уровень анализа приводит предшествующие рассуждения к осмыслению широкого круга когнитивных феноменов, влияющих на восприятие и оценку отдельного научного результата со стороны научного сообщества, создающих рамочные условия для (не)толерантного, (не)критичного, (не)открытого отношения научного коллектива к субъекту познания. Отдельный научный результат/вербализующий его научный текст рассматривается в отношении к системе наличных текстов/наличного знания. Проблема нового знания фокусируется в отношении дискурсной преемственности как следование стандарту и/или нарушение стандарта, выход за рамки дискурса. Показываются социокультурные и когнитивные основы плагиата как девиантной формы коммуникации в науке.

Монография В. Е. Чернявской представляет собой исследование междисциплинарного характера, развивающее и иллюстрирующее основные положения теории дискурса, лингвистической философии и социологии науки. Автор рассматривает современную науку в трех ипостасях — как социальный институт, ответственный за генерирование и презентацию научного знания, как когнитивно-социальный конструкт, принятый и охраняемый научным сообществом (и часто именуемый «парадигмой» или особым типом дискурса), и как разновидность закрытой и потому жестко регламентированной «языковой игры». Установленные в ней правила распространяются как на чисто лингвистическую, так и на социально-поведенческую стороны научной деятельности, выступая, с одной стороны, в форме открытых требований к написанию (представлению) научных текстов, с другой — в виде моральных обязательств, возложенных на членов научного сообщества и составляющих так называемый этос науки. Стремление (или необходимость?!) следовать предписанным, т. е. «идеальным» правилам и ожидаемым стандартам поведения придает научной коммуникации и научному дискурсу как таковому характер «повышенной» нормативности, поощряемой научным сообществом и приносящей «символический капитал» ее адептам. Но помимо «идеальных» правил существуют правила «реальные»? или компромиссные, формирующиеся в конкретных условиях существования науки и отражающие противоречивость научных мотивировок и человеческой природы вообще. Следование реальным правилам порождает различные и далеко не всегда однозначные типы аномалий или отклонений от декларируемых норм. Эти девиации, в зависимости от их характера и степени, приводят либо к снижению качества генерируемого знания, кризису науки или определенной парадигмы и деградации научного сообщества, либо к научному прорыву (смене парадигм). Монография содержит множество ярких и поучительных примеров, доказывающих бесспорное преобладание случаев первого рода. Вместе с тем из хода авторских рассуждений следует, что нормативное и девиантное составляют диалектическое единство и что второе так же необходимо для развития науки, как и первое. Эту мысль подтверждают и приведенные в монографии случаи метаморфоз нормативного: например, когда требование соблюдения правил превращается в их охрану, что не может квалифицироваться иначе как девиация, или когда при изложении хрестоматийных основ так называемой «нормальной науки» (Т. Кун) авторитетный ученый не делает ссылок на авторитеты, т. е. присваивает себе право на научный элитизм в терминологии В. Е. Чернявской. Тогда возникают так называемые квазиэлитарные, или элитистские научные тексты.

Вопрос о соотношении нормативного и девиантного в научной коммуникации и о возможности пересмотра этой дихотомии особенно актуален сейчас, когда организованный характер современной науки и ярко выраженная нормативность научного дискурса вступают в противоречие с реалиями современного мира, и в частности, с процессами «интернетизации» и, соответственно, демократизации науки. Вводя читателя в данную проблематику и знакомя его с эпистемологическими концепциями Р. Мертона, Т. Куна, М. Малкея и др., монография профессора В. Е. Чернявской имеет большое просветительское значение, являет собой образец содержательной научной прозы.

УДК 81'27

ББК Ш100.31 *ГСНТИ 16.01.21* *Код ВАК 10.02.01; 10.02.20; 10.02.19; 10.01.03*

Н. А. Пирогов
Л. Г.Бабенко
Екатеринбург, Россия

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ: ДИССЕРТАЦИОННЫЕ СОВЕТЫ ЕКАТЕРИНБУРГА В 2011 ГОДУ

Аннотация. *Информация о работе советов по присуждению ученых степеней кандидата и доктора наук по лингвистике.*

Ключевые слова: *лингвистика; ученая степень; диссертационный совет.*

Сведения об авторе: *Пирогов Николай Александрович, кандидат филологических наук, профессор.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.*
e-mail: pirogov@r66.ru.

Сведения об авторе: *Бабенко Людмила Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка.*

Место работы: Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Контактная информация: *620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 313.*
e-mail: cafruss@mail.ru

N. A. Pirogov
L. G. Babenko
Ekaterinburg, Russia

TOPICAL PROBLEMS OF LINGUISTICS: DISSERTATION COUNCILS OF EKATERINBURG IN 2011 YEAR

Abstract. *The presented data is the information about the work of Dissertation Councils for the conferment of academic degrees of candidate and doctor in linguistics.*

Key words: *linguistics, Academic degree, Dissertation Council.*

About the author: *Pirogov Nikolay Alexandrovich, Candidate of Philology, Professor.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

About the author: *Babenko Liudmila Grigorievna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Modern Russian Language.*

Place of employment: Ural Federal University n.a. B.N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Код диссертационного совета	Д 212.283.02
Год открытия совета	1994 Утвержден после реорганизации в Уральском государственном педагогическом университете г. Екатеринбурга приказом Минобразования Российской Федерации от 21 декабря 2007 года № 2397-1932
Специальности совета	10.02.01 — Русский язык (по филологическим наукам) 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание (по филологическим наукам)
Председатель	Чудинов Анатолий Прокопьевич, д-р филол. наук, проф.
Зам. председателя	Кусова Маргарита Львовна, д-р филол. наук, проф.
Ученый секретарь	Пирогов Николай Александрович, канд. филол. наук, проф.

В 2010 году Диссертационный совет Д 212.283.02 провел 25 заседаний.

По специальности «10.02.01 — русский язык» защищены 4 кандидатские диссертации; по специальности «10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» защищено 13 кандидатских диссертаций и 1 докторская диссертация.

21 января

1. *Култышева Ирина Владимировна* (Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия). Кандидатская диссертация «Убеждение и доказательство в современной российской предвыборной листовке как жанре агитационного дискурса». Специальность — 10.02.01. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Э. А. Лазарева; д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Э. А. Лазарева; канд. филол. наук, доц. Л. В. Христолюбова. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Омский государственный университет».

2. *Будаев Эдуард Владимирович* (Уральский государственный педагогический университет). Докторская диссертация «Сопоставительная политическая метафорология». Специальность — 10.02.20. Научный консультант — д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. З. И. Комарова; д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова; д-р филол. наук, проф. Э. А. Лазарева. Оппоненты — чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, проф. В. А. Виноградов; д-р филол. наук, проф. Л. М. Алексеева; д-р филол. наук, проф. И. М. Кобозева. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет».

18 февраля

3. *Веснина Людмила Евгеньевна* (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Метафорическое моделирование миграции (по материалам рос-

© Пирогов Н. А., Бабенко Л. Г., 2012

сийских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента)». Специальность — 10.02.01. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Э. А. Лазарева; д-р филол. наук, проф. Т. А. Гридина. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. М. Э. Рут; канд. филол. наук, доц. Ю. Б. Феденева. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия».

4. *Белов Евгений Сергеевич* (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Метафоры внешнеполитического дискурса России и США». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева; канд. филол. наук, проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. А. А. Горбачевский; канд. филол. наук, доц. А. М. Стрельников. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет».

4 апреля

5. *Урумашвили Евгения Валерьевна* (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Прагматические функции временных форм глагола в тексте». Специальность — 10.02.01. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. К. И. Демидова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Г. Н. Плотникова; д-р филол. наук, проф. Э. А. Лазарева. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Г. Н. Плотникова; канд. филол. наук, доц. А. И. Дунев. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Московский государственный областной университет».

6. *Гердт Елена Валерьевна* (Омский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Сопоставительный анализ английских и русских фразеологизмов со значением „Проживаемое время“». Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. А. Юнаковская. Специальность — 10.02.20. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова; д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Т. А. Багаутдинова; канд. филол. наук, доц. Н. Г. Шехтман. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Кемероверовский государственный университет».

20 мая

7. *Захарова Татьяна Владимировна* (Южно-Уральский государственный университет). Кандидатская диссертация «Сравнительно-сопоставительное лингвокультурологическое исследование концепта гостеприимство (на паремиологическом материале русского и французского языков)». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. О. А. Турбина. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. В. Пестова; д-р филол. наук, проф. К. И. Демидова. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Т. И. Зеленина; канд. филол. наук, доц. О. Г. Путырская. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

8. *Аникина Татьяна Вячеславовна* (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Сопоставительное исследование виртуального антропонимикона англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатов». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. А. Нахимова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева; канд. филол. наук, проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты — д-р филол. наук, доц. А. М. Плотникова и канд. филол. наук, доц. И. Д. Белеева. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет».

10 июня

9. *Айвазова Валерия Вячеславовна* (Сургутский государственный университет). Кандидатская диссертация «Когнитивное исследование фрейма-сценария „Благодарность“ в различных видах российского, британского и американского дискурса». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Л. В. Черепанова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова; д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова; канд. филол. наук, доц. Е. В. Колотнина. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

22 июня

10. *Кропотухина Полина Владимировна* (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Фитоморфная метафора в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева; д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Л. М. Алексеева; канд. филол. наук, доц. Н. А. Красильникова. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет».

21 октября

11. *Велижанина Елена Михайловна* (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Сакрально-религиозная интерпретация как лингвостилистическая парадигма евангельской притчи (на материале немецкого и русского языков)». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. Д. Марова Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова; канд. филол. наук, проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Е. В. Шелестюк; канд. филол. наук, доц. М. В. Боровкова. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

12. *Мохова Евгения Константиновна* (Сургутский государственный университет). Кандидатская диссертация «Метафорическая репрезентация категории „Свои — Чужие“ в президентском дискурсе Барака Обамы, Николя Саркози и Уго Чавеса». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева; канд. филол. наук, проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Н. С. Олизько; канд. филол. наук, доц. Ю. В. Богоявленская. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

16 декабря

13. *Широколобова Анастасия Георгиевна* (Кемеровский государственный университет). Кандидатская диссертация «Терминосистема „Хвостовые дамбы“: когнитивно-сопоставительный аспект исследования (на материале русского и английского языков)». Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Л. П. Грунина. Специальность — 10.02.20. Эксперты — д-р филол. наук, проф. З. И. Комарова; канд. филол. наук, проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. З. И. Комарова; канд. филол. наук, доц. В. В. Гузикова. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

14. *Таджибова Аксана Наруллаховна* (Сургутский государственный университет). Кандидатская диссертация «Метафорическое моделирование образов Кавказа и кавказцев в современных российских и германских печатных СМИ». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И. А. Курбанов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Т. А. Гридина; д-р филол. наук, проф. Н. В. Пестова. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Н. В. Пестова; канд. филол. наук, доц. И. В. Соловьева Ведущая организация — ГОУ ВПО «Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия».

15. *Вдовиченко Лариса Владимировна* (Сургутский государственный университет). Кандидатская диссертация «Идеологемы „порядок/беспорядок“ — „order/disorder“ в политическом дискурсе России и США». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. К. И. Демидова; д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова. Оппоненты — д-р филол. наук, доц. С. В. Лескина; канд. филол. наук, доц. Н. Н. Кокшарова. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

27 декабря

16. *Томилова Александра Игоревна* (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой псевдоэквивалентности (на материале французского и русского языков)». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Н. Лыкова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н. В. Пестова; канд. филол. наук, проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Л. В. Кушнина; канд. филол. наук, доц. М. Ю. Илюшкина. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет».

17. *Ревина Юлия Николаевна* (Омский государственный университет). Кандидатская диссертация «Автомобильная терминосистема в немецком и русском языках: структурно-семантический и функциональный аспект». Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. А. Кузьмина. Эксперты — д-р филол. наук, проф. З. И. Комарова; канд. филол. наук, проф. Н. А. Пирогов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. З. И. Комарова; канд. филол. наук, доц. С. А. Иванова. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

18. *Кирилова Ирина Владимировна* (Уральский государственный педагогический университет). Кандидатская диссертация «Семантическое поле „Нечистая сила“: лингвокультурологический аспект». Специальность — 10.02.01. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. М. Л. Кусова; д-р филол. наук, проф. К. И. Демидова. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Е. Н. Бекасова; канд. филол. наук, доц. И. Л. Чижова. Ведущая организация — ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Код диссертационного совета	Д. 212.285.22
Год открытия совета	Диссертационный совет по филологическим наукам Д. 212.286.11 утвержден приказом Рособрнадзора № 937-749 от 30. 05. 2008 при Уральском государственном университете им. А. М. Горького, г. Екатеринбург. 12.05.2011 Уральский государственный университет им. А. М. Горького реорганизован в форме присоединения к Уральскому федеральному университету имени Первого президента России Б. Н. Ельцина (основание — приказ Минобрнауки России № 155 от 02.02.2011; приказ УрФУ от 12.05.2011 № 330/03). Приказом Рособрнадзора № 1110—163 от 20.05.2011 диссовет Д 212.286.11 при УрГУ переименован в диссовет № Д 212.285.22 при УрФУ.

Специальности совета	10.01.03 — Литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература) по филологическим наукам 10.02.19 — Теория языка по филологическим наукам
Председатель	Бабенко Людмила Григорьевна, д-р филол. наук, проф.
Зам. председателя	Рут Мария Эдуардовна, д-р филол. наук, проф.
Ученый секретарь	Назарова Лариса Александровна, канд. филол. наук, доц.

За 2011 год проведено 7 заседаний Совета, на которых были рассмотрены 3 докторские и 4 кандидатские диссертации. Из них три кандидатские по специальности 10.01.03 — Литература народов стран зарубежья и три докторские и одна кандидатская по специальности 10.02.19 — Теория языка.

Работы по специальности 10.02.19 — Теория языка

1. Докторская диссертация *Ларионовой Аллы Юрьевны (УрФУ) «Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале граффити)»* (научный консультант — д-р филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко)

Диссертация А. Ю. Ларионовой представляет собой убедительное инновационное исследование, в котором предложено системное, композиционно стройное описание студенческого граффитийного дискурса, востребованное в современной социолингвистике. В диссертационном сочинении разработана оригинальная концепция и комплексная методика лингвокультурологической интерпретации неформального студенческого дискурса, осуществлено целостное и многоаспектное описание студенческих граффити, разработана модель их анализа с учетом когнитивных механизмов, лежащих в основе концептуального пространства дискурса.

В работе А. Ю. Ларионовой доказан системный характер процесса освоения элементов культурного фона в исследуемом дискурсе; всесторонне проанализированы технология создания граффити, основные концепты студенческого граффитийного дискурса; выявлен характерный для дискурса когнитивный стиль репрезентаций, предложены корректные дефиниции основополагающих терминов «когнитивный стиль дискурса», «ключевая лексическая парадигма», «дискурсив», «интерпретатив» и др. Несомненной научной ценностью обладают выводы о креативности исследуемого социотворчества, об «антропоцентричности социумного сознания, выраженной в ядерном положении номинаций человека». Предложенные классификации дискурсивов, типы ритмико-синтаксических преобразований, типологии вариаций смысловых соотношений дискурсивов с исходными текстами корректны и убедительны. Также не вызывают сомнений и тезисы диссертанта о системной организованности и лингвокреативности современного студенческого граффитийного дискурса; о дискурсе как «особом модусе интерпретации действительности» и дискурсивном стиле как совокупности устойчивых черт социотворчества; о специфичности тематического и «предметного» репертуара; о «конкурентности» исследуемого дискурса с ментальными представлениями о стандартных ситуациях и объектах действительности и др.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов и материала в преподавании вузовских курсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, социолингвистике, культуре речи и др.; при создании учебных пособий, толковых словарей тезаурусного типа, концептуария нации, хрестоматий народного творчества. В работе подготовлена солидная база для перспективной лексикографической разработки граффитийного материала. Результаты работы также могут быть учтены в теории и практике воспитания и социального прогнозирования.

2. Докторская диссертация *Мухина Михаила Юрьевича (УрФУ) «Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова)»* (научный консультант — д-р филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко).

Диссертация М. Ю. Мухина выполнена в русле нового, стилометрического направления лингвистики, в ней реализована масштабная задача корпусного идеографического анализа идиостилей четырех выдающихся авторов XX в. — М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова. В исследовании использованы оригинальные принципы количественного и тематического анализа, проводимого с опорой на объемный текстовый материал, осуществлено сопоставление всего лексического состава романов четырех писателей и разработаны критерии идиостилевого ранжирования лексических единиц (индивидуально-авторских слов и биграмм). Введены и обоснованы ключевые для исследования понятия «концептуальный профиль», «концептуальная система» и «синтагматический профиль» автора. Принципиально новой является также заявленная М. Ю. Мухиным идея «синтагматической активности» лексики.

Значимыми результатами исследования можно считать и то, что докторантом раскрыто эвристическое значение статистического анализа лексики в идиостилистике; разработаны теоретические основания сопоставительного корпусного исследования идиостилей; типологизированы и интерпретированы концептуальные системы М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова; построены синтагматические профили авторов, репрезентирующие специфику индивидуальной лексиче-

ской сочетаемости. Доказан тезис о необходимости и возможности разграничения индивидуально-авторских и индивидуально-текстовых признаков. Результаты детального анализа лексических тезаурусов обобщены в виде концептуальной многомерной лингвистической модели идиостилей четырех писателей. В диссертационном сочинении М. М. Мухина решается важная проблема соединения формализованных методов исследования текста и идеографической классификации лексики. Диссертация развивает основные положения антропологической лингвистики и дополняет существующие представления об избирательности отражения реального мира в художественном сознании и тексте. Предложенная в работе модель описания идиостиля писателя дает объективные основания для изучения языковых особенностей как художественных, так и нехудожественных текстов различных стилей и жанров, написанных не только на русском, но и на других языках. Работа вносит вклад в терминосистему дисциплин, изучающих язык художественной литературы, а также лексикографии, корпусной лингвистики, стилистики и лингвоперсонологии. Разработанная модель и полученные данные могут быть востребованы не только лингвистами и литературоведами, но и культурологами, этнографами, исследователями психологии творчества.

Результаты исследования, полученные с помощью нового лингвистического инструментария, могут служить основой общих и специальных (в том числе авторских) словарей и различных текстовых корпусов. Материалы диссертации могут использоваться в преподавании вузовских курсов стилистики, филологического анализа текста, в спецкурсах и спецсеминарах по методологии лингвистических исследований.

3. Докторская диссертация *Нахимовой Елены Анатольевны (УрГПУ) «Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации»* (научный консультант — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева).

Диссертация Е. А. Нахимовой выполнена в русле когнитивно-дискурсивного направления и отличается новаторским подходом к исследованию прецедентных онимов. В диссертации решена масштабная проблема теоретического обоснования и экспериментальной проверки эффективности сочетания корпусного когнитивно-дискурсивного описания с традиционными методами и приемами исследования динамично развивающегося разряда прецедентных онимов, а также обоснована плодотворность нового направления в изучении прецедентных онимов, основанного на использовании методов и эвристик как традиционного, так и когнитивного подхода. Диссертация является первым комплексным исследованием, посвященным изучению специфики использования имен собственных, относящихся к мегасфере «Мир реальности». В результате были уточнены особенности функционирования имен собственных как репрезентантов прецедентных концептов, выявлены особенности использования прецедентных имен, связанные со сферой их бытования — дискурсом современной российской массовой коммуникации. Впервые предложена классификация наиболее востребованных постсоветским дискурсом массовой коммуникации мегасфер, сфер и субсфер, служащих источниками прецедентности. Впервые выявлены существенные закономерности в распределении прецедентных имен по текстам и в текстовом взаимодействии прецедентных онимов с иными единицами, в том числе с непрецедентными онимами, метафорами, прецедентными высказываниями и ситуациями. Обнаружено, что частотность использования того или иного имени собственного в тексте обратно пропорциональна вероятности его коннотативного использования.

В диссертации Е. А. Нахимовой разработаны теоретические основания совмещения приемов и эвристик традиционной и когнитивно-дискурсивной методологии при исследовании прецедентных онимов. Предложены алгоритмы анализа прецедентных онимов и детально описаны «ключевые» для современной эпохи прецедентные онимы-неологизмы. Выявлены основные этапы превращения непрецедентных онимов сначала в региональные прецедентные онимы, а затем в прецедентные онимы общероссийского типа. Детально охарактеризованы прецедентные концепты, восходящие к гиперсфере-источнику «История России», описаны закономерности ее текстового взаимодействия с иными гиперсферами. Обнаружено, что в последние годы значительно повышается роль рекламы, кино, телевидения как источников прецедентности. Предложенная в работе модель описания прецедентных онимов и их разрядов создает базу для детального описания прецедентности в различных дискурсах. В диссертации уточнен и расширен понятийный аппарат, необходимый для лингвокогнитивного исследования прецедентных онимов, в том числе определены ведущие термины *(прецедентный оним*, *аксиологема* и др.), уточнено с когнитивных позиций содержание терминов *мифологема, идеологема*, *сфера-источник прецедентности*. С учетом когнитивно-дискурсивной теории предложено новое определение *прецедентным неологизмам, окказионализмам, историзмам, архаизмам, регионализмам и интернационализмам*.

Результаты исследования могут послужить основой для лексикографического описания прецедентных онимов. Материалы диссертации могут использоваться в преподавании вузовских курсов стилистики и филологического анализа текста, в элективных курсах по методологии лингвокогнитивных исследований, по тео-

рии и практике прецедентности. Выводы об эффективности использования прецедентных феноменов найдут применение в практике работы специалистов по рекламе и связям с общественностью.

4. Кандидатская диссертация *Зориной Юлии Викторовны (Омск) «Англоязычная терминология безопасности жизнедеятельности в лингвокогнитивном освещении»* (научный руководитель — канд. филол. наук Л. К. Кондратюкова).

Диссертация Ю. В. Зориной выполнена в русле активно развивающегося современного направления — когнитивной лингвистики. При этом в работе когнитивный аспект используется наряду с другими аспектами лингвистического анализа, что позволяет выявить, обобщить и систематизировать вопросы, относящиеся к проблематике разграничения терминологических и нетерминологических единиц, статуса составных наименований, устройства терминологической системы в целом, структуры терминологии в отношении к фрейму как ее когнитивному аналогу и когнитивным аналогам системных связей внутри терминосистемы.

Автором применительно к терминологии безопасности жизнедеятельности разработана модель фреймового анализа. Исследование отвечает на малоизученный вопрос о том, каковы способы концептуализации знаний о фрагментах научной картины мира, которые отображаются в исследуемых терминах. Доказано наличие корреляций между идеографическими классами слов и фреймами, которые организуют терминосистему на уровне ее ментальных репрезентаций. Вводится понятие «терминофрейм», выявляются структурные типы значительного массива терминов (более 5000 единиц), характеризуются способы словообразования исследуемых терминов, создается графический образ терминофрейма SAFETY. По материалам работы издан англо-русский словарь терминов безопасности жизнедеятельности. Значимость проведенной Ю. В. Зориной работы заключается также в углублении и систематизации знаний о понятиях «термин», «терминологическое поле», «терминосистема», «фрейм», «фреймовое моделирование», в разработке модели фреймового анализа применительно к терминосистеме безопасности жизнедеятельности и в определении места когнитивной теории терминологии в системе существующих научных концепций.

Практическая значимость связана с возможностью применения результатов исследования в практике терминологической лексикографии и преподавании спецкурсов по языкознанию, терминоведению и терминографии, в спецкурсах по когнитивной лингвистике. Особую значимость в этом отношении имеет составленный автором англо-русский словарь терминов безопасности жизнедеятельности.

Работы по специальности 10.01.03 — Литература народов стран зарубежья

5. Кандидатская диссертация *Яриной Елены Сергеевны (Пермь) «Проблема самоидентификации личности и особенности поэтической системы романов Э. Елинек 1975—1980-х годов»* (научный руководитель — канд. филос. наук, доцент Р. Ф. Яшенькина).

6. Кандидатская диссертация *Аминевой Елены Сергеевны (Биробиджан) «Традиция викторианской литературы в творчестве Джона Фаулза»* (научный руководитель — д-р филол. наук, проф. П. Н. Толстогузов).

7. Кандидатская диссертация *Бент Марии Марковны «Метафора в поэзии Томаса Стернза Элиота 1910—20-х гг. в свете его эстетической теории».*

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Теория политической лингвистики. Этот раздел предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.
2. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личностной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т. е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.
3. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в предыдущий раздел.
4. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.
5. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение — статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров. С аспирантов плата за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника не взимается.

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера — не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А. П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати, и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:
   - фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
   - должность, звание, ученая степень;
   - полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно.);
   - подразделение организации;

- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ
3. АННОТАЦИЯ
4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)
   - УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей;
   - либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008…. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

МОНОГРАФИИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. … канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. … канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366 (дата обращения: 17.04.2007).

http://www.nlr.ru/index.html (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm (дата обращения: 23.08.2007).